ИСТОРІЯ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ И. Порфирьевъ.

ЧАСТЬ II.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТЪ ПЕТРА В. ДО ЕКАТЕРИНЫ II.

Одобрена въ первомъ изданіи Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособія въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Изданіе 5-е.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1907.

НАЧАЛО НОВАГО ОБРАЗОВАНІЯ И НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Характеръ и значеніе реформы Петра В. Изобразивъ въ обширной картинѣ недостатки Московскаго государства и представивъ планъ его реформы, Юрій Крыжаничъ говорилъ царю Алексѣю Михайловичу: „Въ твоихъ рукахъ, царь, чудодѣйственный жезлъ Моѵсеевъ, которымъ ты можешь творить дивныя чудеса, въ твоихъ рукахъ самодержавіе и совершенкая покорность и послушаніе подданныхъ. Уже нѣсколько вѣковъ не было на свѣтѣ такого царя или владѣтеля, который имѣлъ бы силу творить такія чудныя дѣла, какія ты легко можешь дѣлать и пріобрѣсти за нихъ у всего славянскаго народа нескончаемое благословеніе, у другихъ народовъ безсмертную славу, а у Бога, послѣ сего земнаго царства, царство небесное“ (1). Этимъ чудодѣйственнымъ жезломъ, на который указывалъ Крыжаничъ Алексѣю Михайловичу, превосходно воспользовался знаменитый сынъ его, Петръ В., который, опираясь на свою самодержавную власть и покорность подданныхъ, при помощи своего геніальнаго ума, въ непродолжительное время преобразовалъ Россію, хотя совершенно въ другомъ направленіи и совсѣмъ по другому плану, чѣмъ какой представлялся воображенію славянскаго патріота.

Исторія показываетъ, что въ извѣстныя эпохи народной жизни многія лица, замѣчая упадокъ прежнихъ началъ и формъ жизни, ощущаютъ потребность въ новыхъ началахъ, высказываютъ новыя идеи и стремленія; но только геніальныя личности дѣлаются полными выразителями этихъ идей и стремленій, не только смѣло и ясно выговариваютъ ихъ словами, но и осуществляютъ ихъ на дѣлѣ. И до Петра В. многіе сознавали необходимость въ реформахъ и дѣлали попытки познакомиться съ европейской цивилизацiей. Еще съ XV в. стали вызывать въ Россію иностранныхъ ремесленниковъ, художниковъ, ученыхъ, врачей и офицеровъ, а въ XVII в. изъ нихъ уже образовалась около Москвы цѣлая нѣ-

(1) Русское государство въ половинѣ XVII в. Изд. П. Безсонова. Москва. 1859—60. Ч. II, стр. 5.

мецкая слобода; съ XVI вѣка стало распространяться въ юго-западной Россіи чрезъ Польшу и европейское образованіе, которое изъ Кіева скоро перешло и въ Москву, такъ что въ половинѣ XVII в. въ Россіи были уже два высшихъ учебныхъ заведенія—Кіевская и Московская академіи. Но только Петру В., при его геніальномъ умѣ и исполинской силѣ воли, удалось на самомъ дѣлѣ ввести въ Россію настоящее европейское образованіе. Сознавъ необходимость преобразованія Россіи, Петръ В. вошелъ въ непосредственныя сношенія съ Европой; самъ лично познакомился съ европейской наукой и цивилизацiей и потомъ постоянно и неутомимо стремился распространить ихъ въ Россіи, не останавливаясь при этомъ ни предъ какими трудностями и не жалѣя никакихъ жертвъ. Задумавъ дѣло, онъ никогда не ограничивался однимъ приказаніемъ сдѣлать его, но самъ не только слѣдилъ за указаннымъ дѣломъ, но и дѣлалъ его вмѣстѣ съ другими, былъ не только законодателемъ, но и первымъ исполнителемъ закона, самъ, по выраженію поэта,

«То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ».

Эта непобѣдимая энергія и составляла основную силу и существенный отличительный характеръ преобразовательной дѣятельности Петра В.

Связь новаго образованія съ прежнимъ, кіевскимъ и московскимъ. Характеръ новаго образованія. Впрочемъ, и все, что до Петра В. было сдѣлано для образованія, не только не осталось напраснымъ, но и принесло большую пользу во время реформы. Прежніе труды и попытки приготовили почву для новаго образованія и дали на первый разъ нужныхъ работниковъ. Юго-западная наука если не искоренила, то значительно ослабила существовавшее прежде въ Россіи предубѣжденіе противъ образованія и воспитала много такихъ людей, которые были дѣятельными помощниками Петру въ его реформахъ. Кіевскіе и московскіе ученые явились первыми учителями въ училищахъ, переводчиками книгъ съ иностранныхъ языковъ и объяснителями и защитниками преобразованій. Изъ Кіевской и Московской академій долго брали воспитанниковъ для отправленія за границу учиться разнымъ наукамъ и ремесламъ, въ разныя учрежденія для службы, въ гимназію и университетъ при Академіи Наукъ. Этимъ опредѣляется связь новаго образованія и литературы съ прежнимъ образованіемъ и литературою. Подчинившись идеямъ преобразователя, прежнее образованіе сдѣ-

лалось необходимымъ орудіемъ реформы и помогало распространенію и утвержденію новаго европейскаго образованія.

Новое образованіе, возникшее вслѣдствіе новыхъ потребностей въ русской жизни, естественно, должно было получить новый характеръ [1]. Прежнее образованіе имѣло характеръ религіозно-церковный и служило преимущественно религіозно-церковнымъ цѣлямъ. Новое образованіе, вызванное государственными потребностями, должно было служить вообще государственнымъ цѣлямъ. Сообразно съ разными цѣлями государства, потребовались разныя знанія, разныя науки, и между прочимъ такія, которыя или совсѣмъ не входили въ систему прежняго образованія, или же занимали въ ней незначительное мѣсто, будучи признаваемы не самостоятельными, а вспомогательными и служебными предметами. Кромѣ древнихъ классическихъ языковъ, оказалось необходимымъ изучать новые европейскіе языки и новыя европейскія литературы; кругъ наукъ философскихъ, историческихъ и математическихъ нужно было расширить и придать имъ большее значеніе, чѣмъ какое онѣ имѣли прежде; нужно было ввести новыя науки медицинскія, военныя, горныя и проч. Для распространенія разныхъ наукъ и знаній требовались разныя училища. Для достиженія чисто научныхъ цѣлей нужны были высшія ученыя заведенія; для распространенія общаго образованія—заведенія общеобразовательныя; для разныхъ частныхъ практическихъ цѣлей—разныя специальныя заведенія. Таковы были задачи новаго образованія, согласно съ новыми потребностями русской жизни. Само собою разумѣется, что эти задачи могли быть выполнены не вдругъ, а постепенно, и составляли идеалъ, къ которому Россія должна была стремиться. Съ самаго же начала, въ первыя времена новаго періода, новое образованіе должно было служить ближайшимъ практическимъ цѣлямъ государства, согласно волѣ Петра В., который результаты, добытые европейскою наукою, хотѣлъ тотчасъ же перенести въ русскую жизнь и примѣнить ихъ къ ея потребностямъ, посредствомъ воспитанія нужныхъ для этого дѣятелей, ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, военныхъ и чиновниковъ. На образованіе, такимъ образомъ, естественно долженъ былъ явиться взглядъ служебный—какъ на орудіе государственныхъ цѣлей, для приготовленія дѣятелей и чиновниковъ на разныхъ мѣстахъ государственной службы. Отсюда главною заботою должно было сдѣлаться заведеніе школъ профессіональныхъ. Вопросъ объ общемъ образованіи, какое необходимо для всякаго человѣка вообще, въ

---

[1] Главнымъ пособіемъ при изложеніи исторіи образованія и литературы во время реформы служила книга П. Пекарскаго: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В.» Ч. I и II. 1862 г. Другія пособія указаны въ своемъ мѣстѣ.

какомъ бы званіи и службѣ онъ ни находился, явился уже впослѣдствіи, только въ царствованіе Екатерины II, когда стали сознавать необходимость образованія общечеловѣческаго и заботиться о воспитаніи въ готовящихся на ту или другую службу прежде всего умныхъ, добрыхъ и честныхъ людей, о ихъ умственномъ и нравственномъ развитіи.

Путешествіе Петра В. по Европѣ и отправленіе туда русскихъ людей для образованія. Задумавъ преобразовать Россію, Петръ В. прежде всего началъ посылать русскихъ людей въ Европу учиться наукамъ и ремесламъ и въ то же время самъ лично захотѣлъ на мѣстѣ познакомиться съ европейскимъ образованіемъ. Въ 1697 г. онъ отправился путешествовать по Европѣ: проѣхалъ въ Бранденбургъ и былъ въ Кенигсбергѣ, потомъ въ Голландію, гдѣ прожилъ четыре мѣсяца въ Амстердамѣ; изъ Голландіи въ январѣ 1698 г. переѣхалъ въ Англію и провелъ здѣсь три мѣсяца; изъ Англіи онъ возвратился опять въ Голландію и отсюда отправился въ Вѣну. Осмотрѣвъ все замѣчательное въ Вѣнѣ, онъ собрался въ Венецію, но извѣстіе о бунтѣ стрѣльцовъ заставило его возвратиться въ Россію ([1]). Это было первое путешествіе Петра В. по Европѣ. Другое продолжительное и важное путешествіе онъ совершилъ въ 1716—1717 г. Въ это время онъ былъ въ Данцигѣ, Штетинѣ, Гамбургѣ, Копенгагенѣ и наконецъ въ Парижѣ ([2]). Во время этихъ путешествій Петръ В. внимательно осматривалъ во всѣхъ мѣстахъ типографіи и библіотеки, музеи и кунсткамеры, анатомическіе театры и клиники, промышленныя мастерскія, фабрики и заводы, бесѣдовалъ съ разными учеными и ремесленными людьми. Живя въ 1697 г. въ Амстердамѣ, онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ученымъ бургомистромъ этого города, Витзеномъ, посѣщалъ часто музей древностей и рѣдкостей Якова Вильде и анатомическій театръ профессора анатоміи Рюйша. Изучая гравировальное искусство, онъ самъ сдѣлалъ гравюру, представляющую торжество христіанской религіи надъ мусульманской, въ видѣ ангела, который съ крестомъ и пальмою въ рукахъ попираетъ полулуніе и турецкіе бунчуки. Амстердамскому негоціанту, Яву Тессингу, онъ поручилъ завести въ Амстердамѣ типографію и далъ ему грамоту, чтобы печатать въ ней „земныя и морскія картины и чертежи, и листы, и персоны, и математическія и архитектурныя и городострсительныя, и всякія ратныя и художественныя книги на славянскомъ и латинскомъ языкахъ вмѣстѣ, тако и славян-

---

([1]) Истор. Россіи Соловьева, XIV, 232—243.—([2]) Тамъ же, XVII, 79—81.

скимъ и голландскимъ языкомъ по особну, отъ чего-бъ русскіе подданные много службы и прибытка могли получити и обучатися во всякихъ художествахъ и вѣдѣніяхъ" ([1]). Въ Амстердамѣ въ это время жилъ одинъ полякъ, знавшій славяно-русскій языкъ, Илья Ѳедоровичъ Копіевскій, или Копіевичъ; ему Петръ В. поручилъ переводы и изданіе книгъ. Сначала Тессингъ и Копіевичъ трудились вмѣстѣ, но въ 1700 г. Копіевичъ рассорился съ Тессингомъ и завелъ свою типографію ([2]). Проѣзжая въ 1716 г. чрезъ Кенигсбергъ, Петръ В. осматривалъ Кенигсбергскую библіотеку и велѣлъ переписать для себя, какъ можно точнѣе, находившійся здѣсь Радзивилловскій списокъ лѣтописи Нестора. Во время пребыванія во Франціи въ 1717 г. онъ посѣтилъ всѣ замѣчательныя учрежденія въ Парижѣ и познакомился со всѣми, бывшими тогда, знаменитостями науки; былъ въ Сорбоннѣ, гдѣ Бурсье обратился къ нему съ предложеніемъ о соединеніи церквей; осмотрѣлъ королевскую типографію, гдѣ въ присутствіи его было отпечатано множество пробныхъ оттисковъ; посѣтилъ коллегіумъ, основанный кардиналомъ Мазарини (Collège des quatres nations); познакомился съ извѣстнымъ тогда во Франціи геометромъ, Вариньономъ; былъ у изобрѣтателя движущагося глобуса по системѣ Коперника, Пижона, и купилъ у него глобусъ для себя за 2000 экю; смотрѣлъ химическіе опыты Жофруа; посѣтилъ французскую академію наукъ, которая показала ему всё, что было новаго и замѣчательнаго по части опытныхъ наукъ, и выразилъ желаніе быть ея членомъ; ѣздилъ въ С.-Сиръ, чтобы осмотрѣть знаменитую женскую школу, заведенную Ментенонъ; заходилъ въ Парижѣ въ лавки ремесленниковъ и разсматривалъ ихъ работы; долго былъ на фабрикѣ Гобелена, въ зоологическомъ саду, въ механическихъ кабинетахъ и т. д. ([3]). Бесѣдуя съ разными учеными, онъ заводилъ съ ними знакомство на будущее время, съ нѣкоторыми изъ нихъ велъ переписку, по возвращеніи изъ-за границы. Для исторіи образованія особенно важны и интересны сношенія Петра В. съ Лейбницемъ и Вольфомъ, которые стояли тогда во главѣ европейской науки.

Сношенія Петра В. съ Лейбницемъ и Вольфомъ. Лейбницъ (род. въ Лейпцигѣ 1646 г., ум. 1716 г.) былъ философъ и ученый энциклопедистъ, какъ большая часть тогдашнихъ ученыхъ

(1) Наука и литер. при Петрѣ В. Пекарскаго. 1, 10—11.

(2) Списокъ книгъ, составленныхъ и изданныхъ Копіевичемъ, у Пекарскаго, 1, приложеніе 3, подъ буквою *а*.

(3) Наука и литер. при Петрѣ В. 1, 39—45.

и философовъ. Въ философіи онъ извѣстенъ своею Монадологіей (La Monadologie 1714 г.), ученіемъ о предуставленной гармоніи (Harmonie preétablie 1696 г.) и Теодицеей (Essai de Theodicée 1710), въ математикѣ своей теоріей о величинахъ безконечно малыхъ (дифференціальными вычисленіями), въ исторіи нѣкоторыми историческими сочиненіями, въ филологіи изслѣдованіями по языкамъ и между прочимъ стремленіемъ отыскать универсальный языкъ, для всѣхъ народовъ. У Лейбница была грандіозная идея объ ученомъ обществѣ, или братствѣ во всемъ мірѣ, которое, на основаніи научныхъ стремленій, должно было привлечь къ себѣ не только науку, но и всѣ дѣла государства и даже цѣлаго человѣчества. Съ этой идеей были связаны его старанія возбуждать къ основанію академій въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ. Онъ смотрѣлъ на академію, какъ „на общую мастерскую, гдѣ нѣсколько рукъ вмѣстѣ работаютъ надъ наукой, потому что для дальнѣйшаго ея возрастанія общества служатъ лучше, чѣмъ отдѣльные люди“. Изъ этой же идеи у Лейбница развилась мысль о возможности отыскать универсальный языкъ, на которомъ всѣ народы алгебраически могли бы понимать другъ друга (1). Еще прежде свиданія съ Петромъ В. Лейбницъ желалъ имѣть образцы нарѣчій языковъ, которыми говорятъ разные народы Россіи, и интересовался лѣтописью Нестора, найденною въ Кенигсбергѣ. Петръ В. встрѣтилъ его въ Торгау и пожаловалъ ему званіе тайнаго совѣтника съ жалованьемъ по 1000 рейхсталеровъ въ годъ, „во уваженіе, какъ сказано въ данной ему по этому случаю грамотѣ, извѣстныхъ и имъ испытанныхъ качествъ ученаго, который можетъ способствовать развитію математическихъ знаній, историческихъ разысканій и другихъ наукъ“. Согласно съ этимъ, по желанію Петра, Лейбницъ составлялъ разные планы и проекты для просвѣщенія Россіи, между которыми извѣстны проекты: 1) о необходимости магнитныхъ наблюденій въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, вмѣстѣ съ изслѣдованіями о положеніи и природѣ страны; 2) проектъ о распространеніи наукъ въ Россіи, въ которомъ, въ числѣ необходимыхъ для этого предметовъ, указаны: зданія, библіотеки, обсерваторіи, снабженныя инструментами, моделями, книгами, медалями, древностями и проч.; изъ городовъ, въ которыхъ необходимо завести академіи, университеты и школы, указаны Москва, Кіевъ, Астрахань и Петербургъ; 3) о необходимости учредить въ Россіи 9-ть коллегій—государственную, военную, финансовую, полицейскую, юстицкую, торговую, вѣроисповѣданій, ревизіонную и ученую. Для ученой коллегіи, по словамъ

---

(1) Исторія всеобщ. лит. XVIII в. Г. Геттнера, т. III, 104—130.

Лейбница, нужно выбирать людей, основательно знакомыхъ съ науками, а не полуневѣждъ, отъ которыхъ государство ничего не выигрываетъ. Обязанности этихъ людей должны состоять а) въ томъ, чтобы излагать каждому свою науку по усовершенствованной методѣ и стараться слѣдить за открытіями и улучшеніями; б) въ томъ, чтобы наблюдать, чтобы молодежь въ государствѣ была воспитываема хорошо и проходила бы всѣ науки, и в) въ томъ, чтобы испытывать тѣхъ изъ молодыхъ людей, которые отправляются за границу. Для обученія юношества въ Россіи необходимо учредить Академію, которая должна помѣщаться въ удобномъ для того домѣ, имѣть хорошую библіотеку и типографію. Между предметами для преподаванія въ Академіи указаны: богословіе, логика, пиика, медицина, хирургія, исторія, естественное и государственное право, астрономія, географія, математическія науки, физика, химія и разные языки. 4) О необходимости, для распространенія христіанства, перевода на языки живущихъ въ Россіи инородцевъ 10-ти заповѣдей, молитвы Господней „Отче нашъ“ и Символа вѣры, или составить для каждаго племени небольшой лексиконъ ихъ языка. Кромѣ того, сохранился еще реестръ, въ которомъ Лейбницъ требовалъ: а) каталогъ изданныхъ въ Россіи книгъ, какъ обращающихся въ продажѣ, такъ и другихъ; б) свѣдѣнія о рукописяхъ греческихъ и русскихъ, хранящихся въ монастыряхъ и другихъ мѣстахъ; в) списокъ ученыхъ русскихъ и иностранныхъ, находящихся на службѣ царской; г) доставленіе образцовъ языковъ народовъ Русскаго царства и сопредѣльныхъ съ нимъ странъ; д) русскій лексиконъ, или вокабулы; е) славянскую грамматику; ж) всѣ русскія историческія книги; з) книгу, называемую патерикъ; и) русскую Библію; і) божественную службу по-русски; к) русскій катихизисъ (1). Планы и проекты Лейбница, какъ легко можно видѣть, были слишкомъ обширны и тогда не могли быть выполнены въ Россіи, которая только еще начинала учиться; но они не могли остаться безъ послѣдствій и имѣли вліяніе на нѣкоторыя реформы Петра. Подъ ихъ, конечно, вліяніемъ родилась у Петра мысль учредить коллегіи, основать въ Петербургѣ Академію Наукъ, послать Беринга для открытія пролива между Азіею и Америкой, снарядить посольство въ Китай съ Саввою Рагузинскимъ (2).

---

(1) Наука и литер. при Петрѣ В., 1, 26—30.

(2) В. И. Герье: Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру В. Спб. 1871. Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница, относящихся къ Россіи и Петру В. Спб. 1873.

Другою знаменитостью въ тогдашней европейской наукѣ былъ ученикъ Лейбница, Христіанъ Вольфъ (род. 1679 г., ум. 1754 г.), профессоръ университета въ Лейпцигѣ, потомъ въ Галле и Марбургѣ. Его философія хотя не имѣла характера оригинальности, но отличалась строгою логическою послѣдовательностію, а вмѣстѣ особенною ясностію и опредѣленностію, пріобрѣла ему обширную школу послѣдователей и господствовала въ Германіи до появленія критической философіи Канта. Вмѣстѣ съ философіею Вольфъ занимался также физикой и математикой и другими науками. Онъ стремился составить такую систему или классификацію наукъ, которая не только обнимала бы всѣ ихъ отрасли, но и строила бы ихъ въ томъ, вполнѣ сообразномъ съ природой вещей, порядкѣ, въ которомъ послѣдующее всегда естественно проистекаетъ изъ предыдущаго ([1]). Сношенія Петра В. съ Вольфомъ начались въ то время, какъ Вольфъ былъ въ Галле. Въ 1715 г. нѣкто Орфиреусъ распустилъ слухъ, что ему удалось открыть perpetuum mobile; Петру захотѣлось воспользоваться этимъ открытіемъ, и онъ лейбъ-медику своему, Блюментросту, поручилъ предложить Вольфу вступить въ русскую службу, на какихъ угодно условіяхъ, лишь бы только онъ усовершенствовалъ изобрѣтеніе Орфиреуса. Съ этого случая начались сношенія съ Вольфомъ. Ему нѣсколько разъ предлагали перейти въ Россію для устроенія Академіи Наукъ, предлагали даже мѣсто президента въ Академіи; но Вольфъ всегда отказывался отъ этихъ предложеній, то подъ предлогомъ опасенія за свое здоровье въ суровомъ русскомъ климатѣ, то подъ предлогомъ боязни преслѣдованія со стороны русскаго духовенства. Замѣчательно, что онъ даже не совѣтовалъ Петру открывать въ Петербургѣ Академію Наукъ, указывая на то, что съ ней можетъ случиться то же, что съ Академіей въ Берлинѣ, гдѣ это учрежденіе по имени извѣстно всему свѣту, но изъ этого еще ничего не вышло. „Обыкновенный университетъ, говорилъ онъ, гдѣ ученые будутъ преподавать то, что распространитъ науки между русскими, не только полезнѣе для страны Академіи Наукъ, которая ad plausum exterorum должна держаться, а подобныя вещи не многіе поймутъ, но также къ тому поведетъ, что въ нѣсколько лѣтъ Академія Наукъ будетъ состоять изъ русскихъ, которые потомъ настоящую славу доставятъ своему государству“ [2]). Но, хотя Вольфъ отказался отъ президентства въ Академіи Наукъ, однакожъ принималъ потомъ большое участіе въ ея устроеніи; лучшіе изъ первыхъ ея чле-

([1]) Ист. всеобщ. литер. XVIII в. Г. Геттнера, т. III, 201.
([2]) Наука и литер., 1, 33—39.

новъ Бернулли, Бильфингеръ, Мартини и нѣкоторые другіе пріѣхали въ Петербургъ по его рекомендаціи; къ нему учиться въ Марбургскій университетъ посылала потомъ Академія Наукъ русскихъ студентовъ: у него слушалъ лекціи и первый академикъ изъ русскихъ, Ломоносовъ.

Училища старыя и новыя. По планъ Академіи Наукъ окончательно сформировался у Петра В. только уже въ послѣдніе годы его жизни (въ 1723 г.), а открыта была Академія уже послѣ его смерти, при Екатеринѣ I. Сначала же, по возвращеніи изъ перваго путешествія по Европѣ, Петръ думалъ только расширить объемъ преподаванія въ Московской академіи. Въ 1698 г. онъ говорилъ объ этой академіи патріарху Адріану: „Благодатію Божіею и здѣ есть школа... и изъ школы бы во всякія потребы люди, благоразумно учася, происходили въ церковную службу и гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство. Еще же мнози желаютъ дѣтей своихъ учити свободныхъ наукъ и отдаютъ здѣ оные иноземцомъ, иніи же въ домѣхъ своихъ держатъ будто учителей иноземцовъ же, которые словенскаго нашего языка не знаютъ право говорити, къ сему же еще иныхъ вѣръ, и при ученіи томъ малымъ дѣтемъ и ереси свои знати показуютъ, отъ чего дѣтемъ вредъ и церкви нашей святой можетъ быть спона (вредъ) велія, а рѣчи своей отъ неискусства повреждение. А въ нашей бы школѣ, при знатномъ и искусномъ обученіи, всякаго добра училися. И кто бы гдѣ въ наукѣ заправился, въ царскую школу хотя бы кто побывать пришелъ, и онъ бы пользовался. И сего смотрѣти же надобно и прирадѣть тщательно зѣло“ (¹). Но это намѣреніе не исполнилось. Только въ 1701 г., когда протекторомъ Московской академіи былъ назначенъ Стефанъ Яворскій, она была преобразована по образцу Кіевской академіи. Затѣмъ открыто было нѣсколько епархіальныхъ школъ — въ Смоленскѣ (въ 1700 г.), Ростовѣ (въ 1702 г.), Тобольскѣ (1703—1704 г.) (²). Въ 1706 г. въ Новгородѣ была заведена славяно-греческая школа, сдѣлавшаяся мѣстомъ образованія дѣтей не только духовныхъ, но и свѣтскихъ людей. Въ эту школу Петръ В. посылалъ учиться неграмотныхъ дворянскихъ дѣтей, поступавшихъ потомъ въ Петербургскую морскую академію. Въ 20-хъ годахъ изъ Новгородской школы возникло до 15 школъ

(¹) Истор. царств. Петра В. Устрялова, III, 511—512; Наука и литер. Пекарскаго, I, 124.

(²) Свѣдѣнія объ этихъ школахъ у Пекарскаго: Наука и литература при Петрѣ В., т. I, и у П. В. Знаменскаго: Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. Правосл. Собес. 1878, октябрь—декабрь; 1879, январь, февраль и дал...

въ разныхъ мѣстахъ [1]. Въ Духовномъ Регламентѣ было постановлено заводить духовныя училища при всѣхъ архіерейскихъ домахъ. Здѣсь начертанъ былъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и подробный проектъ образцоваго духовнаго училища подъ названіемъ академіи и семинаріи, который и служилъ руководствомъ при устройствѣ духовныхъ семинарій и академій въ послѣдующее время. Но, рядомъ съ духовными школами стараго направленія и характера, должны были явиться новыя школы, для удовлетворенія новымъ потребностямъ. Заботы правительства въ то время направлены были преимущественно на устройство арміи и флота и приготовленіе грамотныхъ чиновниковъ для государственной службы. Поэтому прежде всего были заведены *математическія и навигаторскія школы* въ Москвѣ, а въ 1715 г. была основана въ Петербургѣ морская академія. Составителемъ устава этой академіи и первымъ въ ней преподавателемъ былъ Андрей Фарварсонъ, профессоръ Абердинскаго университета, приглашенный въ Россію Петромъ В. еще въ 1698 г. Въ числѣ другихъ учителей академіи былъ Леонтій Филипповичъ Магнитскій, одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей того времени, составившій замѣчательное руководство по ариѳметикѣ. Онъ зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, былъ человѣкъ умный, свѣдущій въ наукахъ, и по отзыву Тредьяковскаго „сущій христіанинъ, добросовѣстный человѣкъ, въ немъ же лести не было". Петръ В. былъ особенно расположенъ къ нему, жаловалъ его деревнями, приказалъ выстроить ему домъ въ Москвѣ и даже благословилъ образомъ, а за его глубокія познанія и, вѣроятно, привлекательную бесѣду, называлъ „*магнитомъ*" и приказалъ писаться „*Магнитскимъ*" [2]. Въ 1714 г. состоялось постановленіе объ учрежденіи по провинціямъ школъ, извѣстныхъ подъ именемъ *цыфирныхъ*: „во всѣхъ губерніяхъ дворянскихъ и приказнаго чина дьячихъ и подьяческихъ дѣтей, отъ 10 до 15 лѣтъ, опричь однодворцевъ, учить цыфары и нѣкоторую часть геометріи". Преподавателями въ цыфирныхъ школахъ назначались ученики навигаторскихъ школъ. Въ 1723 г. предположено было соединить цыфирныя школы съ духовными *архіерейскими* школами. Кромѣ того, въ 1703 г. въ Москвѣ была заведена школа плѣннымъ шведскимъ пасторомъ Глюкомъ. Но Глюкъ скоро умеръ, и школа перешла въ завѣдываніе магистра философіи Іенскаго университета, Іоганна Вернера Паузе. По инструкціи, данной этой школѣ, въ ней,

---

(1) Новгородскія епархіальныя школы въ Петровскую эпоху Е. М. Прилежаева, Христ. Чтен. 1877, мартъ, апрѣль.

(2) Очеркъ исторіи Морского кадетскаго корпуса. Ѳ. Веселаго. Спб. 1852, стр. 1—12.

кромѣ языковъ, слѣдовало учить стилистику, орѳографію, счетоводство, исторію, геометрію, географію, астрономію, музыку, грамматику, реторику, логику, физику, политику и наконецъ пристойному обхожденію и страху Господню. Но Паузе скоро рассорился съ своими учителями, учениками и ихъ родственниками, и школа въ 1706 г. закрылась. Не смотря, впрочемъ, на краткое существованіе, изъ нея вышло нѣсколько образованныхъ людей, какъ-то: Исаакъ и Ѳедоръ Веселовскіе, Иванъ Келлерманъ, Иванъ Грамотинъ и Лаврентій Блюментростъ (¹).

Академія Наукъ. Но центромъ новаго образованія и новой науки, по мысли Петра В., должна была служить Академія Наукъ. Въ началѣ 1724 г. онъ повелѣлъ составить проектъ Академіи лейбъ-медику Блюментросту. Блюментростъ изложилъ въ этомъ проектѣ, вѣроятно, только тѣ мысли, которыя были переданы ему самимъ Петромъ. Подъ вліяніемъ, конечно, указаннаго выше совѣта Вольфа, находившаго полезнѣе основать въ Россіи университетъ, чѣмъ Академію, Петръ В. вздумалъ соединить въ Академіи и университетъ, въ которомъ могли бы воспитываться академики изъ русскихъ, и гимназію, гдѣ бы приготовлялись слушатели для университета. Такимъ образомъ, Академія должна была состоять изъ трехъ, тѣсно связанныхъ между собою по цѣли, заведеній: 1) изъ Академіи Наукъ, члены которой должны были „трудиться о совершенствѣ художествъ и наукъ, оказывать, въ случаѣ надобности, помощь своими познаніями присутственнымъ мѣстамъ и пещись о распространеніи и заведеніи вольныхъ художествъ и мануфактуръ“; 2) изъ университета, въ которомъ академики преподавали бы публичныя лекціи „о художествахъ и наукахъ“, и 3) изъ гимназіума, гдѣ адъюнкты академиковъ обучали бы юношей первымъ основаніямъ наукъ и приготовляли ихъ къ поступленію въ университетъ, въ учители будущихъ училищъ и т. п. Но Петръ В. самъ не успѣлъ привести этотъ проектъ въ исполненіе; Академія была открыта уже чрезъ полгода послѣ его смерти его супругою Екатериною I. 29 декабря 1726 г. При этомъ была выполнена сначала только одна часть проекта, т. е. открыта была собственно Академія Наукъ. Всѣ науки въ Академіи были раздѣлены на три отдѣленія: 1) *математическое* (низшая и высшая математика, астрономія и географія, механика и прикладная математика), 2) *физическое* (общая физика, физіологія, анатомія, химія, ботаника) и 3) *историческое* (метафизика, логика, мораль, политика, элок-

(¹) Пекарскаго Истор. Акад. Наукъ, 1, XVIII—XX.

венція, исторія древняя и новая, естественное и публичное право). Президентомъ Академіи былъ назначенъ лейбъ-медикъ Блюментростъ. Преобладающимъ направленіемъ въ европейской наукѣ въ то время было направленіе математическое—реальное, развивавшееся вслѣдствіе великихъ открытій въ области математики, физики и астрономіи—Коперника, Кеплера, Ньютона и Лейбница. Поэтому и въ Петербургской Академіи оно явилось господствующимъ; математическія науки получили особенное значеніе и развитіе. Представителями ихъ были въ Академіи знаменитые ученые: Германъ, Бильфингеръ, братья Бернулли, Делиль, Лейтманъ, Леонардъ, Эйлеръ и др. Кромѣ первостепеннаго положенія въ Европѣ, успѣхи математическихъ наукъ въ русской Академіи объясняются и самымъ ихъ характеромъ. Онѣ не затрогивали прямо никакихъ, ни религіозныхъ, ни политическихъ вопросовъ, какъ науки историческія и политическія, а между тѣмъ могли приносить существенную пользу, будучи примѣняемы практически на дѣлѣ. Другія два отдѣленія Академіи—историческое и физическое—занимали болѣе второстепенное положеніе, хотя также и въ нихъ было нѣсколько знаменитыхъ ученыхъ ([1]). Что касается университета и гимназіи, то они долго не могли устроиться какъ слѣдуетъ. Гимназія сначала раздѣлена была на два отдѣленія: нѣмецкую или приготовительную школу и латинскую, состоявшую изъ двухъ классовъ. Нѣмецкая школа была необходима потому, что преподаватели были нѣмцы, не знавшіе русскаго языка, и ученики гимназіи, чтобы понимать ихъ и имѣть возможность учиться, должны были прежде всего выучиться по-нѣмецки. Учениковъ, изучившихъ нѣмецкій языкъ и наиболѣе способныхъ, переводили въ латинскую школу, или настоящую гимназію. Но такихъ учениковъ оказывалось не много. Иностранныхъ преподавателей, съ теченіемъ времени, стали замѣнять русскими; но многіе изъ нихъ оказывались также недостаточно подготовленными къ преподаванію въ гимназіи, потому что назначались большею частію изъ недоучившихся студентовъ. Вообще ученіе въ гимназіи, вслѣдствіе плохаго устройства и управленія, шло плохо. Изъ рапортовъ одного ректора гимназіи, Шванвица, видно, что въ 1736 г. учениковъ въ гимназіи было только 38, и многіе изъ нихъ не ходили въ классы; такихъ бы-

---

([1]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ въ XVIII в. Куника Спб. 1865. Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ. Сообщены К. П. Побѣдоносцевымъ. Лѣтоп. русск. литер., т. V. Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ П. Пекарскаго. Спб. Ч. I. 1870. Ч. II. 1873. Петръ В. какъ учредитель Академіи Наукъ. К. С. Веселовскаго. Зап. Акад. Наукъ. 1872, т. XXI. Матеріалы для исторіи Импер. Академіи Наукъ, т. I. 1716—1730. Съ приложеніемъ 8 портретовъ. Спб. 1885 г.

ло до 12, а иногда и до 20. Въ 1737 г. гимназія состояла всего изъ 19 учениковъ, изъ коихъ многіе также не ходили въ классы; бывали дни, что въ гимназіи находили только одного ученика, а разъ случилось, что ни одного не было. При такомъ состояніи гимназіи, не могло образоваться и настоящаго университета. Въ немъ некому было учиться; не было для него достаточно подготовленныхъ слушателей изъ русскихъ; ни гимназій, ни семинарій (настоящихъ) еще не было; только Московская академія могла по временамъ доставлять по нѣскольку воспитанниковъ. Оставалось, вмѣстѣ съ нѣмецкими профессорами, выписывать изъ-за границы и студентовъ для академическаго университета, что дѣйствительно и было на первыхъ порахъ; при открытіи Академіи было вывезено изъ Германіи восемь студентовъ, изъ коихъ четверо впослѣдствіи сдѣлались академиками. „Требовалось, говоритъ Миллеръ въ своихъ Запискахъ объ Академіи, чтобы Академія имѣла и учениковъ, которые могли и желали бы извлекать пользу изъ ея учрежденій; но ни того ни другаго не было, какъ иначе это и быть не могло. Низшія школы должны предшествовать высшему образованію. Но чтобы можно было начать лекціи въ назначенный день, то сами профессора стали ходить другъ къ другу на лекціи. Настоящими слушателями были адъюнкты, одни только для вида, другіе на самомъ дѣлѣ; настоящихъ студентовъ было очень мало“. Совершенно справедливо заявлялъ впослѣдствіи академикъ Мартини, что въ академическомъ университетѣ было болѣе учащихъ, чѣмъ учащихся. Чтобы дать возможность профессорамъ читать лекціи, чѣмъ обусловливалось и существованіе самаго университета, положено было университетскія лекціи сдѣлать публичными, т. е. приглашать на лекціи постороннихъ слушателей; но и это мало помогало дѣлу; постороннихъ слушателей на лекціи являлось очень не много (1). Такимъ образомъ гимназія, а особенно университетъ при Академіи долго существовали почти только по имени. А безъ гимназіи и университета плохо достигалась и главная цѣль самой Академіи, которая, по уставу, состояла въ томъ, чтобы приготовить по всѣмъ частямъ науки академиковъ изъ русскихъ. Иностранные академики (за исключеніемъ немногихъ), не знавшіе русскаго языка и писавшіе свои сочиненія на языкахъ иностранныхъ, приносили ими пользу только европейской наукѣ. Поэтому, совершенно понятнымъ становится то, что впослѣдствіи противъ Академіи явились сильные протесты и потребовалась ей реформа.

---

(1) Академическая гимназія въ XVIII ст. по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ. Графа Д. А. Толстаго. Спб. 1885.—Академическій университетъ по рукописнымъ документамъ архива Акад. Наукъ. Графа Д. А. Толстаго, Спб. 1885. Записки Импер. Академіи Наукъ, томъ LI, кн. 1. Спб. 1885.

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Переводы и изданія книгъ. Какъ въ древнемъ періодѣ первыми памятниками славянской письменности были переводныя сочиненія съ греческаго языка, такъ и новая русская литература началась также переводами книгъ съ иностранныхъ языковъ. Переводы книгъ были лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы познакомить русскихъ съ тѣми результатами, какихъ достигли въ Европѣ наука, искусство и промышленность. Поэтому Петръ В. обращалъ на нихъ особенное вниманіе. Изученіе европейскихъ языковъ не входило въ интересы древняго образованія; но въ посольскомъ приказѣ, для переводовъ и вообще веденія посольскихъ дѣлъ, были толмачи изъ обрусѣвшихъ иностранцевъ (преимущественно поляковъ и нѣмцевъ). Эти толмачи и были первыми переводчиками иностранныхъ книгъ. Между ними извѣстны: Говзинскій, переводчикъ басенъ Езопа и тропника папы Иннокентія, Николай Спаѳарій, переведшій Христологіонъ, голландецъ Андрей Виніусъ, который не только переводилъ книги, но и, по порученію Петра, просматривалъ переводы другихъ переводчиковъ. Послѣ толмачей посольскаго приказа, главными переводчиками были духовныя лица, воспитанники Кіевской и Московской академій. Ни въ Кіевѣ, ни въ Москвѣ не изучали европейскихъ языковъ, но тамъ изучали языкъ латинскій, который и былъ въ то время главнымъ ученымъ языкомъ въ Европѣ, такъ что на немъ писали и нѣмецкіе и французскіе ученые и часто переводили на него книги, написанныя на другихъ языкахъ; поэтому, при знаніи латинскаго языка, московскіе и особенно кіевскіе ученые могли переводить разныя книги. Гавріилъ Бужинскій, напр., не зная нѣмецкаго языка, перевелъ „Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ“ нѣмецкаго писателя Пуффендорфа, съ латинскаго Крамерова перевода. Кромѣ Бужинскаго, изъ кіевскихъ ученыхъ извѣстны какъ переводчики Симонъ Кохановскій и Ѳеофилъ Кроликъ, который, кромѣ латинскаго, зналъ еще нѣмецкій языкъ. Въ Москвѣ занимались переводомъ книгъ ученые греки братья Лихуды и ученики ихъ, Ѳедоръ Поликарповъ и Алексѣй Барсовъ. Лихуды, кромѣ греческаго и латинскаго языковъ, знали еще языкъ итальянскій, который и преподавали, по приказанію Петра. Когда они перешли въ Новгородъ и здѣсь основали училище, Петръ посылалъ къ нимъ книги для перевода. Ѳедоръ Поликарповъ, справщикъ и потомъ директоръ московской типографіи († 1730 г.), былъ самымъ усерднымъ исполнителемъ плановъ Петра по переводу и печатанію книгъ. Барсовъ также послѣ Поликарпова былъ директоромъ типогра-

фіи и занимался переводомъ и печатаніемъ книгъ. Послѣ учрежденія Синода, Петръ сталъ посылать книги для перевода въ Синодъ. „Посылаю при семъ, писалъ онъ въ 1724 г., книгу Пуффендорфа, въ которой два трактата, первый о должности человѣка и гражданина (de officio hominis et civis), другой—о вѣрѣ христіанской; но требую, чтобы первый токмо переведенъ былъ, понеже въ другомъ не чаю къ пользѣ нуждѣ быть, и прошу, дабы не по конецъ рукъ переведена была, но дабы внятно и хорошимъ штилемъ“ (¹). Предположивъ открыть Академію Наукъ, онъ назначалъ одною изъ главныхъ обязанностей академиковъ переводить книги. Кромѣ того, у него была мысль воспользоваться для перевода книгъ съ иностранныхъ языковъ западными славянами, которые, живя посреди европейцевъ, легче могли изучать европейскіе языки. Извѣстно, что, между прочимъ, въ Прагѣ онъ отыскивалъ переводчиковъ; въ Прагу же были отправляемы для переводовъ Ѳеофилъ Кроликъ и Леонтій Воейковъ и ученики латинской школы въ Москвѣ Анохинъ, Козловскій и Суворовъ.

Сознавая всю важность переводовъ книгъ съ иностранныхъ языковъ, Петръ В. самъ руководилъ этимъ дѣломъ, самъ выбиралъ книги и слѣдилъ за ихъ переводомъ, нѣкоторые переводы самъ просматривалъ и повѣрялъ и въ то же время издавалъ правила, какъ надобно переводить. Въ 1713 г. онъ отдалъ Мусину-Пушкину исторію о Кромвелѣ для отсылки въ Москву, для перевода на русскій языкъ. Узнавъ, что о древнихъ языческихъ религіяхъ есть очень хорошее сочиненіе грамматика Аполлодора, онъ поручилъ Синоду перевести его „*Библіотеку о богахъ*“. Когда назначенныя книги долго не переводили, онъ сердился и дѣлалъ побужденія чрезъ того же Пушкина, чрезъ котораго отдавалъ книги для перевода. Такъ, въ 1718 г. Пушкинъ писалъ къ переводчику Поликарпову: „Да для чего, спрашивалъ государь, по сю пору не переведена книга Виргилія Урбина о началѣ всякихъ изобрѣтеній,—книга небольшая, а такъ мѣшкаете. Отпиши о семъ Лопатинскому“ (Ѳеофилакту Лопатинскому, который тогда былъ ректоромъ Московской академіи). Въ другомъ письмѣ къ нему же онъ писалъ: „Отцу Лопатинскому скажи, чтобъ перевелъ книги, которыя къ нему посланы. А великій государь часто изволитъ напоминать, для чего долго не присылаются, и чтобы не навелъ гнѣву“. Въ третьемъ письмѣ сказано: „Писалъ я къ тебѣ многажды о переводѣ книгъ и чтобъ говорилъ ты отцу Лопатинскому, дабы скорѣе переводилъ; а нынѣ великій государь приказалъ, ежели не переведутъ книгъ, лексикона и прочихъ, до того времени жалованья не выдавать, пока не переведутъ“ (²). Когда въ 1724 г. Петру представлены были въ пере-

(¹) Наука и литер., 1, 213.—(²) Тамъ же, 1, 211.

водѣ нѣкоторыя статьи изъ назначенной имъ для перевода книги Georgica curiosa, oder das adeliche Land und Feld-Leben Вольфганга Гельмгарда Гохберга, то онъ принялся самъ за исправленіе и сокращеніе статей, и потомъ, возвращая исправленное, далъ переводчикамъ собственною рукою написанное наставленіе: „Понеже нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего, кромѣ самаго дѣла и краткаго предъ всякой вещію разговора, переводить не надлежитъ; но и вышереченный разговоръ, чтобы не праздной ради красоты и для вразумленія и наставленія о томъ чтущему было, чего ради о хлѣбопашествѣ трактатъ выправилъ (вычерня негодное) и для примѣра посылаю, дабы по сему книги переложены были безъ излишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и чтущимъ охоту отъемлютъ“ (1). Но въ тѣхъ случаяхъ, когда книга имѣла важное значеніе и была согласна съ его взглядами и цѣлями, онъ требовалъ полнаго и точнаго перевода. Извѣстно, какъ онъ разсердился на Бужинскаго, когда тотъ въ переводѣ „Введенія въ исторію европейскихъ государствъ“ Пуффендорфа выпустилъ одно мѣсто, гдѣ Пуффендорфъ слишкомъ грубо и обидно отзывается о характерѣ русскаго народа: „Глупецъ, что я тебѣ приказывалъ сдѣлать съ этою книгою? спросилъ онъ Бужинскаго.—Перевести, отвѣчалъ тотъ.—Развѣ это переведено, возразилъ Петръ, указывая на пропущенное мѣсто. Тотчасъ поди и сдѣлай, что я тебѣ приказалъ, и переведи книгу вездѣ такъ, какъ она въ подлинникѣ есть“ (2). Не довольствуясь подобными наставленіями по случаю, Петръ В. издалъ въ 1724 г. слѣдующій указъ о переводѣ книгъ: „Для переводу книгъ зѣло нужны переводчики, а особливо для художественныхъ (ремесленныхъ), понеже никакой переводчикъ, не умѣя того художества, о которомъ переводитъ, перевесть то не можетъ; того ради заранѣе сіе дѣлать надобно такимъ образомъ: которые умѣютъ языки, а художествъ не умѣютъ, тѣхъ отдать учиться художествамъ; а которые умѣютъ художества, а языку не умѣютъ, тѣхъ послать учиться языкамъ, и чтобъ (были) всѣ изъ русскихъ или иноземцевъ кои или здѣсь родились, или зѣло малы пріѣхали и нашъ языкъ, какъ природный, знаютъ, понеже на свой языкъ всегда легче переводить, нежели съ своего на чужой. Художества же слѣдующія: математическое хотя до сферическихъ тріангуловъ, механическое, хирургическое, архитектуръ цивилисъ, анатомическое, ботаническое, милитарисъ и прочія тому подобныя“ (3). Замѣтимъ еще, что при переводѣ книгъ предписывалось держаться болѣе простого слога и русска-

(1) Тамъ же стр. 214.—(2) Тамъ же стр. 326.—(3) Тамъ же, стр. 243.

го языка, чѣмъ славянскаго. Возвращая Поликарпову переведенную имъ Географію Варенія, Мусинъ-Пушкинъ писалъ ему, что она „переведена гораздо плохо“, и прибавилъ: „того ради исправь хорошенько, не высокими словами словенскими, но простымъ русскимъ языкомъ, такожъ и лексиконы. Со всѣмъ усердіемъ явися и высокихъ словъ словенскихъ класть ненадобеть, но посольскаго приказу употреби слова“ (1). Такъ какъ переводы и изданія книгъ были дѣломъ новымъ, требовавшимъ поддержки, то для того, чтобы обратить вниманіе на ту или другую книгу, или оправдать ея появленіе въ глазахъ строгихъ людей, подозрительно относившихся особенно къ свѣтскимъ книгамъ, находили нужнымъ прибавлять къ книгамъ такія предисловія, въ которыхъ объяснялись значеніе или польза книги. Къ Аполлодоровой Библіотекѣ о богахъ, по повелѣнію Петра, было приложено Ѳеофаномъ Прокоповичемъ предисловіе, въ которомъ объяснялось, что „такъ какъ любящимъ Бога, по словамъ апостола, вся споспѣшествуетъ во благое, то боголюбивый христіанинъ и языческія писанія, хотя и ложныя и суевѣрныя, можетъ употребить себѣ къ созиданію. И яко же Самсонъ въ трупѣ льва убіеннаго сладкій сотъ обрѣлъ, такъ и мы Божіею помощію можемъ и во вредномъ пользу получить“. Въ предисловіи къ исторіи Пуффендорфа была указана польза историческихъ книгъ и приведены примѣры великихъ людей, любившихъ заниматься исторіей.

Кромѣ правительства, и нѣкоторыя частныя лица заботились о переводѣ книгъ и составляли для себя библіотеки, которыя потомъ сдѣлались достояніемъ государства, перешли въ библіотеку Академіи Наукъ и въ Импер. публичную библіотеку. Князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ, будучи губернаторомъ въ Кіевѣ, поручалъ преподавателямъ и студентамъ Кіевской академіи переводить для себя разныя сочиненія. Въ богатой его библіотекѣ, которою пользовался Татищевъ и которая потомъ перешла къ графу Толстому (нынѣ въ Импер. публичной библіотекѣ), сохранилось много рукописныхъ переводныхъ сочиненій по части философіи права, политики и исторіи (2). Однимъ изъ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ Петра В. въ распространеніи наукъ въ Россіи былъ знаменитый графъ Брюсъ (род. 1670, ум. 1735 г.). „Будучи изъ младыхъ лѣтъ при Петрѣ В., говоритъ о немъ Татищевъ, многія къ знанію нужныя и пользѣ государя и государства съ англійскаго и нѣмецка-

(1) Петръ В., какъ просвѣтитель Россіи. Я. К. Грота. Записки Акад Наукъ, т. XXI.

(2) Переводы эти указаны у Пекарскаго: Наука и литер., I, 255—257.

го на россійскій языкъ книги перевелъ и собственно для употребленія его величества геометрію со изрядными украшеніями сочинилъ". Библіотеку свою, состоявшую болѣе, чѣмъ изъ 1500 книгъ, и свой кабинетъ инструментовъ и рѣдкостей Брюсъ завѣщалъ въ Академію Наукъ ([1]). Самъ Татищевъ также любилъ собирать книги и составилъ библіотеку изъ 1000 книгъ. Значительныя собранія иностранныхъ книгъ остались послѣ Андрея Виніуса и вице-канцлера Шафирова, поступившія въ Академію Наукъ. О переводѣ книгъ заботились также князь Димитрій Кантемиръ, по порученію котораго была переведена сочиненная имъ на латинскомъ языкѣ „Система магометанской религіи" переводчикомъ Академіи Наукъ, Ильинскимъ, и выходецъ изъ Турціи, Савва Рагузинскій, переведшій книгу Орбини „О славянахъ". Князь Иванъ Андр. Щербатовъ, находясь за границей, перевелъ сочиненіе извѣстнаго Ло: „Деньги и купечество". Графъ П. А. Толстой перевелъ Метаморфозы Овидія; графъ Андрей Матвѣевъ—сокращеніе Церковной исторіи Баронія.

О богатствѣ переводной литературы въ эпоху Петра В. нельзя судить по однимъ печатнымъ изданіямъ книгъ, потому что многіе переводы, по разнымъ причинамъ, не были изданы и до сихъ поръ остаются въ рукописяхъ. Первый отдѣлъ этой литературы составляютъ такія книги, которыя переводились съ тою цѣлію, чтобы познакомить русскихъ людей съ новыми воззрѣніями по части политическаго устройства государства, по части исторіи права и законодательства. Таковы были самыя новыя и либеральныя въ то время сочиненія: *Гуго Гроція*—О законахъ брани и мира (De jure belli ac pacis libri III, 1625)—сочиненіе, которое составило эпоху въ наукѣ о правѣ. Въ немъ источникомъ права представлено естественное влеченіе человѣка къ общежитію и происходящія отсюда требованія, что послужило началомъ особой науки естественнаго права, отдѣльно отъ морали, политики и положительнаго права; *Самуила Пуффендорфа* (род. 1632, ум. 1694 г., былъ профессоромъ въ Гейдельбергѣ и Берлинѣ), который, будучи ученикомъ Гроція, полнѣе и опредѣленнѣе развилъ его ученіе о правѣ и весьма много также содѣйствовалъ улучшенію историческаго метода, указавъ на необходимость изложенія въ исторіи внутренняго состоянія государствъ, воспитанія, образованія, нравовъ и обычаевъ: „О законахъ естества и народовъ" (De jure naturae et gentium libri VIII, 1672 г.); „О должностяхъ человѣка и гражданина" (De officio hominis et civis juxta legem natura-

---

([1]) Библіотека и кабинетъ графа Я. В. Брюса. И. Забѣлина. Лѣтоп. русск. литер., т. 1, 1859 г.

lem libri duo, 1672 г.), перев. Гавріиломъ Бужинскимъ; „О статѣ государства нѣмецкаго“, сочиненіе, изданное подъ псевдонимомъ Северина Монзамбана (Severinus de Monzamban, De statu reipublicae germanicae liber unus, 1667); „Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ“, въ перев. Бужинскаго въ 1718 г.; *Юста Липсія* (1547—1606): „Увѣщанія и приклады (примѣры) политическіе“, перев. іером. Симономъ Кохановскимъ; *Іоанна Павла Фельвингера*: „Дискурсы политичные“ (Dissertationes politicae); *Николая Вернуллія*: „Установленій политическихъ книги 4“ (Institutiones politicae libri IV, 1624 и 1635). Кромѣ того, по исторіи были переведены: *Іоанна Слейдана*: „О четырехъ великихъ монархіяхъ“ (De quatuor summis imperiis libri III)—сочиненіе, бывшее въ XVI—XVII в. лучшимъ руководствомъ по всеобщей исторіи въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ Германіи и породившее множество подражаній; *Баронія*: „Дѣянія церковныя и гражданскія“ (Annales ecclesiastici); *Стратемана* (Оснабрюкскаго епископа, изъ протестантовъ) — „Ѳеатронъ, или Позоръ историческій“ (Theatrum historicum) въ переводѣ Бужинскаго. Послѣднее сочиненіе отличается особенною вѣротерпимостію и вообще написано такъ либерально, что при Елисаветѣ Петровнѣ въ 1742 г. подвергалось запрещенію (1); *Іоанна Дебусьера*—„Исторія о державѣ французской“ (Lion 1661); *Мавра Орбини*—„О славянахъ“, гдѣ исторія славянъ начинается съ сына Ноева, Іафета, который представляется прародителемъ славянъ, разселившихся, по мнѣнію Орбини, почти во всѣхъ государствахъ Европы, Азіи и Африки. По географіи: *Гюйгенса* „Книга мірозрѣнія“, замѣчательная, между прочимъ, тѣмъ, что въ ней въ первый разъ была принята система Коперника; *Филиппа Клюверія* (род. въ Данцигѣ 1580 г.) „Введеніе въ географію, древнюю и новую“ (въ шести томахъ), бывшее первымъ опытомъ въ изложеніи историко-политической географіи, отличавшееся замѣчательною полнотою и точностію; *Бернгарда Варенія* „Всеобщая географія“ (Geographia generalis), въ переводѣ Ѳ. Поликарпова; *Іоанна Гибнера* „Краткіе вопросы изъ новой географіи“. Большая часть изъ перечисленныхъ сочиненій въ то время были самыми новыми, а нѣкоторыя, какъ напр. сочиненія Пуффендорфа, такими либеральными, что даже въ самой Германіи подвергались запрещенію.

Второй отдѣлъ въ переводной Петровской литературѣ составляли книги *общеобразовательныя*, которыя должны были распространять въ русскомъ обществѣ разныя полезныя и интересныя знанія по разнымъ отраслямъ науки и литературы. Къ нимъ от-

---

(1) Смотр. Распоряженіе Св. Синода объ отобраніи книги «Ѳеатронъ», сообщ. Н. С. Лѣсковымъ. Истор. Вѣстн. 1882, мартъ.

носятся: *Притчи Езопа и Ватрахоміомахія* (Бой мышей и лягушекъ), въ переводѣ Копіевича, напеч. въ Амстердамѣ у Тессинга въ 1700 г. съ 47 гравюрами; Аполлодора, грамматика Аѳинскаго (во 2 вѣкѣ до Р. Х.), *„Библіотека о богахъ“*, въ переводѣ Барсова, съ предисловіемъ Прокоповича; „Зрѣлище житія человѣческаго, въ немъ же изъяснены суть дивныя бесѣды животныхъ со истинными къ тому приличными повѣстьми“ 1674 г., въ переводѣ Андр. Виніуса; *Исторія о разореніи града Трои*. Москва. 1709; *Полидора Виргилія Урбинскаго*—„О изобрѣтателяхъ вещей“. Москва. 1720; *Метаморфозы Овидія*; *Апофѳегмата* т. е. краткихъ витіеватыхъ и нравоучительныхъ рѣчей книги. Москва. 1716; *Книги Квинта Курція* „О дѣлахъ содѣланныхъ Александра В. царя Македонскаго“ 1709 г.; *Юности честное зерцало*, или показаніе къ житейскому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ. Въ началѣ его, послѣ азбуки и цифири, помѣщены краткія нравоученія изъ Свящ. Писанія. Затѣмъ слѣдуютъ правила, какъ держать себя въ обществѣ, соблюдать разныя свѣтскія приличія. Они заимствованы изъ тѣхъ нѣмецкихъ руководствъ, которыя, подъ названіемъ Spiegel für die Bildung, Der goldene Spiegel и т. п., были распространены въ Германіи въ началѣ XVIII в. Правила Зерцала должны были замѣнить собою правила Домостроя (1). Между прочими, въ немъ предписывается слѣдующее правило: „Молодые отроки всегда должны между собою говорить иностранными языки, дабы тѣмъ навыкнуть могли, а особливо, когда имъ что тайное говорить случится, чтобъ слуги и служанки дознаться не могли, и чтобъ можно ихъ отъ другихъ не знающихъ болвановъ распознать“... *Приклады* (примѣры, образцы), *како пишутся комплементы* т. е. писанія (посланія) отъ потентатовъ къ потентатамъ, поздравительные и сожалѣтельные и иные, такожде между сродниковъ и пріятелей. Москва. 1708. Этими Прикладами, переведенными съ нѣмецкаго, Петръ В. хотѣлъ и въ частную переписку русскихъ людей ввести новые европейскіе пріемы, на мѣсто тѣхъ образцовъ посланій къ патріарху, епископамъ, настоятелямъ, игуменамъ, чернецамъ, боярамъ, воеводамъ и простымъ лицамъ, которые встрѣчаются въ старыхъ сборникахъ XVII—XVIII в. Въ этихъ старыхъ посланіяхъ мы находимъ съ одной стороны крайнее превознесеніе лица, къ которому обращается посланіе, а съ другой жалкое, непомѣрное самоуниженіе лица, пишущаго посланіе. Князь Юрій Ромодановскій писалъ князю Василію Голицыну, что онъ „Юшка ему челомъ бьетъ“; дядя князя Василія Голицына подъ письмами къ не-

(1) Сравненія Зерцала съ Домостроемъ въ статьѣ Аѳанасьева: Школа свѣтскихъ приличій. Атеней 1858 г., № 34.

му подписывался: „дядя твой Мишка Голицынъ челомъ бьетъ“; жена Голицына къ супругу своему обращалась: „женишка твоя Дунька много челомъ бьетъ до лица земнаго“. Въ Прикладахъ уже нѣтъ такого самоуниженія и въ обращеніяхъ къ лицу, согласно европейскимъ обычаямъ, употребляется *вы*, а не *ты* (1).

Нѣкоторыя изъ указанныхъ книгъ, какъ-то: Езоповы басни, Апофөегмата и др., были переведены еще въ прежнее время, но только не были напечатаны. При Петрѣ В., рядомъ съ переводомъ новыхъ книгъ, дѣлались изданія книгъ прежде переведенныхъ, а также переводились и составлялись такія книги, которыя могли быть учебными руководствами по разнымъ отдѣламъ науки. Это третій отдѣлъ книгъ въ Петровскую эпоху. Къ нему относятся книги, изданныя по порученію Петра Тессингомъ и Копіевичемъ: 1) Введеніе краткое въ исторію, напеч. въ Амстердамѣ въ 1699 г., 2) Славянская и латинская грамматики и вокабулы. Въ первой помѣщено извлеченіе изъ грамматики Смотрицкаго, а въ концѣ приложены образцы разговоровъ, къ удобнѣйшему познанію языковъ (латинскаго, нѣмецкаго и русскаго), 3) Руковеденіе въ ариөметику, состоящее въ изложеніи первыхъ четырехъ правилъ, напеч. въ Амстердамѣ въ 1699 г., 4) Географія или краткое земнаго круга описаніе, изд. въ 1710 г., 5) Дружескіе разговоры Эразма, изд. въ 1716 г., по приказанію Петра. Въ предисловіи къ разговорамъ высказана мысль, что русскіе скорѣе узнаютъ иностранные языки и будутъ охотнѣе заниматься ими, если переводы будутъ издаваться вмѣстѣ съ иностранными подлинниками. Кромѣ того, при Петрѣ В. два раза былъ изданъ „Синопсисъ“ Иннокентія Гизеля. Въ 1703 г. была напечатана *Ариөметика Магнитскаго.* Это была первая ариөметика, написанная арабскими цифрами; до нея употреблялись въ ариөметикахъ, вмѣсто чиселъ, буквы славянской азбуки. На первомъ листѣ ариөметики помѣщена виньетка, изображающая храмъ. Въ срединѣ храма, надъ которымъ написано имя Божіе по-еврейски, нарисована женщина въ коронѣ, съ ключемъ въ рукѣ, изображающая ариөметику. Къ ея трону ведутъ пять ступеней: счисленіе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе. Портикъ храма съ надписями, на одной сторонѣ, „тщаніемъ“, на другой „ученіемъ“, поддерживается семью столбами: геометріей, стереометріей, астрономіей, оптикой, меркаторской (навигаціей), географіей и архитектурой. Внизу написано: „Ариөметика что дѣетъ, на столпахъ то все имѣетъ“. Кромѣ виньетки, находится гербъ, изображающій крестъ, двуглаваго орла, Архимеда и Пиөагора. Книга раздѣле-

(1) Наука и литер., II, 180—182.

на на двѣ части: *ариѳметику политику* и *ариѳметику логистику*. Въ первой изложены свѣдѣнія, нужныя для гражданина, купца и воина; во второй собраны знанія, необходимыя для землемѣра и мореплавателя. Ариѳметика Магнитскаго долго была главнымъ руководствомъ въ школахъ и вообще пользовалась извѣстностью: она была въ числѣ тѣхъ трехъ книгъ, которыя возбудили любознательность въ Ломоносовѣ и заставили его убѣжать изъ родительскаго дома въ Москву учиться. Въ 1709 г. вышелъ гравированный на мѣди стѣнной календарь, извѣстный подъ именемъ Брюсова. На самомъ дѣлѣ, этотъ календарь былъ составленъ библіотекаремъ Василіемъ Кипріяновымъ, а Брюсъ только наблюдалъ за его изданіемъ. На томъ, вѣроятно, основаніи, что Брюсъ любилъ заниматься астрономическими наблюденіями и владѣлъ обширными свѣдѣніями по физикѣ и математикѣ, онъ прослылъ въ народѣ астрологомъ и чернокнижникомъ; на томъ же, конечно, основаніи, и первый календарь, сообщавшій астрономическія свѣдѣнія и составленный подъ его надзоромъ, получилъ названіе Брюсова. Этотъ Брюсовъ календарь пользовался постояннымъ уваженіемъ и расходился во множествѣ изданій, потому что, кромѣ разныхъ астрологическихъ предсказаній, содержалъ въ себѣ множество другихъ полезныхъ и любопытныхъ свѣдѣній; въ немъ находились неисходная пасхалія, лунникъ, время восхожденія и захожденія солнца. Всѣ вычисленія сдѣланы на многіе годы, такъ что разъ пріобрѣтавшій такой календарь могъ пользоваться имъ долгое время (1).

ХАРАКТЕРЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИ ПЕТРѢ В. И ЕГО ПРЕЕМНИКАХЪ ДО ИМПЕР. ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

При Петрѣ В. началась и новая русская литература, хотя при немъ она не могла достигнуть большаго развитія. Время и силы дѣятелей уходили на дѣла практическія, на устройство новаго порядка во всѣхъ сферахъ государственнаго управленія. Да и людей такихъ, которые могли бы заниматься отдѣльно наукой и литературой, было мало. Птенцы гнѣзда Петрова хорошо владѣли мечемъ и рулемъ, топоромъ и молотомъ и разными другими орудіями, но мечемъ духовнымъ, орудіемъ слова, могли владѣть не многіе. Между тѣмъ реформа никакъ не могла обойтись и безъ этого могущественнаго орудія. Необходимо было объяснять народу смыслъ преобразованій, защищать ихъ пользу и въ то же время опровергать старыя воззрѣнія и порядки,

(1) Наука и литер., 1, 289—290.

которые мѣшали утвердиться новымъ воззрѣніямъ и новымъ порядкамъ. Это весьма хорошо сознавалъ самъ Петръ В. Издавая новый законъ, онъ не просто предписывалъ отмѣну стараго порядка и введеніе новаго, но объяснялъ непригодность одного и пользу другаго. Онъ самъ былъ не только реформаторомъ, но и первымъ защитникомъ реформы. Поэтому законодательные труды Петра, его проекты, уложенія и указы, историческія записки и замѣтки, разныя наставленія и письма должны быть поставлены во главѣ новой русской литературы. Въ нихъ выразились основныя начала и цѣли всѣхъ его реформъ; въ нихъ и самъ онъ высказался со всею своею геніальностію и въ то же время съ неимовѣрнымъ трудолюбіемъ, энергіей и стойкостію во всякомъ предпріятіи. При безконечномъ разнообразіи излагаемыхъ предметовъ, въ нихъ повсюду поражаетъ постоянно одна неизмѣнная идея— пробудить въ русскомъ народѣ умственную дѣятельность, стремленіе ко всему хорошему и полезному, заставить его учиться и работать, вызвать въ немъ предпріимчивость. Конечною же цѣлію всѣхъ его стремленій было—приготовить въ возможно скоромъ времени ученыхъ и образованныхъ людей изъ „природныхъ россіянъ", которые бы повсюду—въ наукѣ, промышленности, дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ могли замѣнить иностранцевъ. Изложеніе всѣхъ сочиненій Петра В. отличается чрезвычайною силою, ясностію, сжатостію и простотою. „Надлежитъ, говорилъ онъ своему секретарю Макарову, законы и указы писать ясно, дабы ихъ не перетолковывали". Ясности и краткости, какъ мы видѣли, онъ требовалъ и отъ переводовъ иностранныхъ сочиненій. Языкъ Петра, представляющій смѣсь словъ славянскихъ со словами, взятыми изъ разныхъ западно-европейскихъ языковъ, въ то же время богатъ народными идіотизмами, присловьями и поговорками. Въ письмахъ, кромѣ того, онъ любилъ употреблять шутку, юморъ, игру словъ, картинность выраженій ([1]).

Но въ законодательныхъ уставахъ, указахъ и проектахъ могли быть выражены только основныя начала и цѣли реформъ; обстоятельное же ихъ объясненіе, особенно настоящая защита новаго порядка дѣлъ и опроверженіе стараго должны были сдѣлаться предметомъ разнаго рода сочиненій, должны были составить существенныя задачи литературы этого времени. Мы видѣли, что весьма полезными дѣятелями въ области переводной литературы были кіевскіе и московскіе ученые; изъ нихъ же вышли и защитники реформы. Схоластическая наука, существенный характеръ кото-

([1]) Петръ В., какъ просвѣтитель Россіи. Я. К. Грота. Записки Акад. Наукъ. 1872, томъ XXI.

рой составляло полемическое направленіе, воспитывала изъ нихъ отличныхъ полемистовъ, которые способны были объяснить и защитить всякую истину и опровергнуть всякое заблужденіе. Лучшими органами для проведенія новыхъ идей въ общество у образованныхъ народовъ служатъ газеты и журналы; но у насъ въ то время только еще начали издаваться первыя *„Русскія Вѣдомости“* и при своей зачаточной формѣ еще не могли быть такимъ органомъ. Въ древнемъ періодѣ главною формою для выраженія разнаго рода поучительныхъ мыслей и наставленій служила проповѣдь. Эта форма и теперь сдѣлалась главнымъ органомъ для проведенія въ русское общество правительственныхъ идей и цѣлей, главнымъ орудіемъ для защиты реформы и опроверженія старыхъ воззрѣній. Нѣкоторыя проповѣди Стефана Яворскаго, большая часть проповѣдей Ѳеофана Прокоповича, Гавріила Бужинскаго и Симона Кохановскаго имѣютъ политическій характеръ. Петръ В. хорошо понималъ значеніе такихъ проповѣдей и потому часто самъ указывалъ Прокоповичу и Бужинскому, что въ разныхъ преобразованіяхъ нужно было объяснить въ проповѣди. Когда прослушанная имъ въ церкви проповѣдь удовлетворяла его цѣлямъ, онъ тотчасъ же приказывалъ напечатать ее. У него была даже мысль всѣ проповѣди, сказанныя по поводу тѣхъ или другихъ событій реформы, собрать въ одинъ сборникъ и издать отдѣльной книгой. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было оправдать или объяснить тѣ или другія событія предъ Европой, писались особыя сочиненія. Съ такою цѣлію, по приказанію Петра, было издано Гюйсеномъ въ Германіи (1706), подъ заглавіемъ *„Пространное обличеніе преступнаго и клеветами наполненнаго пасквиля“*, опроверженіе брошюры Нейгебауера, въ которой были написаны разныя клеветы на Петра и искажены дѣла его. Съ такою же цѣлію—опровергнуть несправедливыя сужденія иностранцевъ, вице-канцлеромъ барономъ Шафировымъ было написано *„Разсужденіе о причинахъ войны съ Карломъ XII“* (1717). Кромѣ того, явилось много другихъ сочиненій, вызванныхъ разными событіями реформы. Реформа произвела въ русскомъ народѣ сильное броженіе, выразившееся въ томъ, что въ немъ образовались двѣ противоположныя партіи—новая партія приверженцевъ и защитниковъ всѣхъ нововведеній, и старая партія—ихъ противниковъ и порицателей. Старая партія была недовольна реформами потому, что считала ихъ противными вѣрѣ, русскимъ обычаямъ и вообще тому идеалу жизни, который сложился въ древнемъ періодѣ. Это недовольство, выражавшееся при каждомъ нововведеніи, со всею силою обнаружилось по поводу *„Духовнаго Регламента“*, измѣнившаго форму церковнаго управленія и строго осудившаго разныя заблужденія и суевѣрные обычаи, укоре-

нившіеся въ религіозной жизни русскаго народа. Понятыя такимъ образомъ, реформы, естественно, должны были въ приверженцахъ старины усилить наклонность къ расколу, который, дѣйствительно, началъ распространяться съ такою быстротою, что оказалось необходимымъ принять противъ него строгія правительственныя мѣры и писать обличительныя сочиненія. Къ такимъ сочиненіямъ относятся: „*Розыскъ*“ *св. Димитрія Ростовскаго*; „*Знаменіе пришествія антихриста*“ *Стефана Яворскаго* (*1703*); „*Пращица*“ *Питирима, архіеп. Нижегородскаго* (*1721*); „*Зеркало суемудрія раскольнича*“ *Посошкова и др.* Производя сильное броженіе, реформы вообще возбуждали множество вопросовъ и развили въ грамотныхъ людяхъ наклонность составлять планы и проекты для улучшенія русской жизни. Изъ такихъ проектовъ особенно замѣчательно сочиненіе „*О скудости и богатствѣ народномъ*“ *Посошкова*. Посошковъ жилъ въ переходное время отъ старой жизни къ новому ея строю, и его сочиненія могутъ свидѣтельствовать о томъ, какое впечатлѣніе производили на большинство русскихъ людей новое образованіе и новая жизнь. Люди новой партіи, приверженцы реформы и новаго образованія, обращавшіеся между иностранцами, преимущественно нѣмцами, нерѣдко усвоивали отъ нихъ и нѣкоторыя протестантскія воззрѣнія на вѣру и благочестіе и, оставивъ благочестивые обычаи старины, начинали слѣдовать нѣмецкимъ обычаямъ въ жизни. Въ „*Завѣщаніи отеческомъ*“ Посошковъ сильно возстаетъ противъ такого вреднаго вліянія иностранцевъ на русскую жизнь. Впрочемъ, это вліяніе еще раньше сочиненій Посошкова вызвало знаменитое полемическое сочиненіе противъ протестантства и кальвинства—„*Камень вѣры*“ Яворскаго. Камень вѣры написанъ былъ по поводу ереси Тверитинова, заразившагося кальвинскою ересью, но ему суждено было сдѣлаться камнемъ соблазна и преткновенія для многихъ. По поводу его появилось нѣсколько другихъ полемическихъ сочиненій и возгорѣлась ожесточенная продолжительная борьба не только между русскими партіями, старой и новой, но и между партіями иностранными, католической и протестантской. Въ этой борьбѣ съ одной стороны открылось все различіе взглядовъ на вѣру и благочестіе русскихъ православныхъ и католиковъ и протестантовъ, а съ другой обнаружились своекорыстныя и подчасъ враждебныя отношенія къ Россіи жившихъ въ ней тогда иностранцевъ.—Сотрудники Петра, ближайшіе участники въ его дѣлахъ, мы замѣтили, не имѣли довольно времени заниматься литературными трудами; но нѣкоторые изъ нихъ, переживъ трудовое и бурное время реформы, оставили записки о своей жизни, о своихъ посольствахъ, или путешествіяхъ за границей, или о нѣкоторыхъ событіяхъ своей эпохи. Таковы *Записки Матвѣева, Желябужскаго, Крекшина* и *Неплюева* и *Путешествія* того же

Матвѣева, Шереметева и *Толстаго.* По этимъ сочиненіямъ мы можемъ судить о томъ, въ какомъ видѣ и насколько усвоивалось европейское образованіе лучшими людьми того времени, какъ подъ вліяніемъ новыхъ идей измѣнялись прежнія воззрѣнія, нравы и обычаи и самый языкъ, какъ вообще вмѣсто стараго идеала сталъ слагаться новый идеалъ жизни, по подражанію европейцамъ. Въ этомъ отношеніи всего важнѣе и интереснѣе для насъ *сочиненія Татищева.* Какъ Посошковъ представляетъ собою типъ русскаго человѣка въ переходную эпоху отъ старой жизни къ новой, такъ Татищевъ является типическимъ лицомъ русскихъ людей новаго образованія. Въ то же время онъ былъ и первымъ русскимъ историкомъ, и первымъ русскимъ ученымъ въ новомъ періодѣ литературы.—Что касается поэзіи и литературы художественной, то во время самой реформы не могла еще явиться новая поэзія; прославленію подвиговъ Петра служила еще старая силлабическая поэзія. Но по той мѣрѣ, какъ русскіе люди знакомились съ произведеніями литературъ европейскихъ, начала формироваться и новая русская поэзія и художественная литература. Первыми опытами въ этой литературѣ были *сочиненія Кантемира и Тредьяковскаго.*—Въ такомъ видѣ представляются общій характеръ литературы и главныя литературныя явленія при Петрѣ В. и его ближайшихъ преемникахъ, до импер. Елисаветы Петровны.

ДУХОВНЫЙ РЕГЛАМЕНТЪ.

Важнѣйшій законодательный и вмѣстѣ литературный памятникъ Петровской эпохи есть, безъ сомнѣнія, Духовный Регламентъ [1]. По идеямъ Петра В. Регламентъ составленъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ для управленія русскою церковью, въ которую, вмѣсто патріаршества, было введено въ 1721 г. коллегіальное управленіе, подъ названіемъ Святѣйшаго Синода. Такимъ образомъ, Регламентъ непосредственно касается духовенства; но по тому значенію, какое въ государствѣ имѣютъ религіозное образованіе и религіозная жизнь и руководящее этимъ образованіемъ и этою жизнію духовенство, онъ долженъ былъ получить обще-народный интересъ и обще-государственное значеніе. До Петра В. не были ясно и точно установлены ни положеніе духовенства между другими званіями и состояніями, ни предѣлы церковной власти; общій строй всей русской жизни былъ религіозно-церковный, какъ это было во всей Европѣ въ теченіе среднихъ вѣковъ, когда во всѣхъ государствахъ во главѣ стояла католическая церковь, бывшая и учительницей и руководительницей жизни. Но послѣ реформаціи

[1] Духовный Регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностію Петра В. Изслѣдованіе Н. И. Кедрова. М. 1886 г.

въ Европѣ развился другой строй жизни и другое направленіе въ образованіи. Мѣсто церкви заняло государство и само стало завѣдывать воспитаніемъ и образованіемъ народа. Вводя въ Россію новое европейское образованіе, европейскій строй жизни и новыя коллегіальныя формы управленія, Петръ В. не могъ, конечно, оставить безъ вниманія и состоянія духовенства, церковной жизни и церковнаго управленія. Но ближайшимъ поводомъ, ускорившимъ церковную реформу и опредѣлившимъ самый ея характеръ, было то обстоятельство, что, во время разныхъ нововведеній, духовенство не оставалось пассивнымъ зрителемъ, но обнаруживало недовольство и многія нововведенія не одобряло; нѣкоторыя лица изъ него оказывались даже замѣшаными въ разныхъ протестахъ и бунтахъ. Въ этомъ недовольствѣ духовенства Петръ видѣлъ рѣшительное противленіе царской власти и началъ опасаться, чтобы русская церковная іерархія не получила такого же преобладающаго значенія, какое на Западѣ имѣетъ католическая іерархія, съ своимъ главою, папой, и чтобы не явилась такой же опасной противницей царской власти. Въ русскомъ патріархѣ ему представился папа, и потому, вмѣсто патріаршества, онъ вздумалъ учредить коллегіальное управленіе Синода. „Велико и сіе, сказано по этому поводу въ Регламентѣ, что отъ соборнаго правленія не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковые происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ не вѣдаетъ, како разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но, великою высочайшею пастыря честью и славою удивляемый, помышляетъ, что таковый правитель есть то вторый государь, самодержцу равносильный, или и больши его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство, и се самъ собою народъ тако умствовати обыклъ. Что же, егда еще и плевельные властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся и сухому хврастію огнь подложатъ. Тако простыя сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря, въ коемъ либо дѣлѣ смотрятъ. И когда услышится нѣкая между оными распря, вси духовному паче, неже мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ и за него поборствовати и бунтоватися дерзаютъ и льстятъ себѣ окаянные, что они по самомъ Бозѣ поборствуютъ, и руки своя не оскверняютъ, но освящаютъ, аще бы и на кровопролитіе устремилися“ (¹). Поэтому по всему Регламенту проходитъ стремленіе установить для церковной власти должные предѣлы, опредѣлить для нея настоящее мѣсто и значеніе: но въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны статьи: „о мѣрѣ

(¹) Духовный Регламентъ. Москва. 1794 г., стр. 6—8.

и чести епископской“ и „о посѣщеніи епархій епископами“ ([1]). Другимъ рѣзко выдающимся стремленіемъ въ Регламентѣ является стремленіе устроить монашество. Извѣстно, что, вслѣдствіе сильнаго развитія монашества въ древнія времена, религіозно-нравственная жизнь русскаго народа получила односторонній аскетическій характеръ, такъ что всякая другая форма жизни считалась недостаточною для спасенія, и многіе, оставивъ службу и дѣла домашнія, уходили въ монастырь, а между тѣмъ, жизнь въ монастыряхъ, вслѣдствіе непомѣрнаго умноженія монаховъ, въ числѣ которыхъ, вмѣстѣ съ хорошими, много поступало и дурныхъ, совершенно упала. Регламентъ старается ограничить распространеніе монастырей и монашества, объяснить какъ народу, такъ и самому монашеству истинное значеніе монашеской жизни и ввести въ монастыряхъ порядокъ и строгое управленіе. Всѣ мѣры и правила, относящіяся къ этому, изложены въ Прибавленіи къ Регламенту „о правилахъ причта церковнаго и монашескаго“ ([2]).

Регламентъ состоитъ изъ трехъ частей. Въ 1-й части говорится о цѣли учрежденія Синода; во 2-й—о дѣлахъ, подлежащихъ управленію Синода; въ 3-й—объ обязанности правителей. Къ нимъ приложены еще прибавленія: 1) о домахъ училищныхъ (уставы семинаріи и академіи); 2) о проповѣдникахъ слова Божія; 3) о правилахъ причта церковнаго и монашескаго и 4) о бракахъ правовѣрныхъ лицъ съ иновѣрными. Обыкновенно говорятъ, что Регламентъ для своего времени имѣлъ такое же значеніе, какое Стоглавъ во время Іоанна Грознаго и Наказъ въ эпоху Екатерины II. Дѣйствительно, воззрѣнія, высказанныя въ Регламентѣ, высказываются и въ разныхъ сочиненіяхъ духовныхъ и свѣтскихъ писателей (въ словахъ Ѳеофана Прокоповича, въ сочиненіяхъ Татищева, въ сатирахъ Кантемира), подобно тому какъ новыя идеи о воспитаніи, образованіи и управленіи, изложенныя Екатериной въ Наказѣ, составили содержаніе литературы Екатерининской эпохи. Съ другой стороны, въ Регламентѣ, какъ въ Стоглавѣ, изображаются разныя заблужденія и суевѣрія и вообще разные недостатки въ религіозно-нравственной жизни русскаго народа и указываются мѣры для ихъ искорененія, путемъ духовнаго просвѣщенія. Въ Регламентѣ предписывается: 1) „розыскать вновь сложенные и слагаемые акаѳисты и иныя службы и молебны—суть ли оная сложенія писанію священному согласная; 2) смотрѣть исторій святыхъ, не суть ли нѣкія отъ нихъ ложно вымышленныя, сказующія, чего не было, или и христіанскому православному ученію противныя, или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти (напр. въ житіи

([1]) Реглам., ст. 35—40. ([2]) Тамъ же, ст. 118—138.

Ефросина Псковскаго)... Духовному правительству не подобаетъ вымысловъ таковыхъ терпѣть и вмѣсто здравой духовной пищи отраву людемъ представлять, наипаче когда простой народъ не можетъ между деснымъ и шуимъ разсуждать, но что либо видитъ въ книгѣ написанное, того крѣпко и упрямо держится. 3) Собственно же и прилежно розыскивать подобаетъ оные вымыслы, которые человѣка въ недобрую практику или дѣло ведутъ и образъ ко спасенію лестный предлагаютъ, напр. не дѣлать въ пятокъ и праздпованіемъ проводить, и сказуютъ, что пятница гнѣвается на не празднующихъ и съ великимъ на оныхъ же угроженіемъ наступаетъ. Также поститися нѣкіихъ имянныхъ дванадесять пятницъ, а то для многихъ тѣлесныхъ и духовныхъ пріобрѣтеній, такожъ собственно аки важнѣйшія паче иныхъ временъ службы почитать обѣдню благовѣщенскую, утреню воскресенскую и вечерню пятьдесятницы... 4) Могутъ обрѣстися нѣкія и церемоніи непотребныя или и вредныя. Слышится, что въ Малой Россіи, въ полку Стародубскомъ, въ день уреченный праздничный, водятъ жонку простовласую, подъ именемъ пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ (если то по истинѣ сказуютъ) и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и со упованіемъ нѣкія пользы. Такожъ на иномъ мѣстѣ попы съ народомъ молебствуютъ предъ дубомъ, и вѣтви онаго дуба попъ народу раздаетъ на благословеніе. Розыскать, такъ ли дѣется. 5) Худый и вредный и весьма богопротивный обычай вшелъ службы церковныя и молебны двоегласно и многогласно пѣть, такъ что утреня, или вечерня на части разобрана, вдругъ отъ многихъ поется, и два или три молебны вдругъ же отъ многихъ пѣвчихъ и чтецовъ совершаются. 6) Вельми срамное и сіе обрѣталося (какъ сказуютъ) молитвы людемъ, далече отстоящимъ, чрезъ посланниковъ ихъ, въ шапку давать"... Это перечисленіе разныхъ грубыхъ суевѣрій заключается слѣдующимъ замѣчаніемъ: „словомъ рещи: что либо именемъ суевѣрія нарещися можетъ, сіе есть лишнее, ко спасенію непотребное, на интересъ только свой отъ лицемѣровъ вымышленное, а простой народъ прельщающее, *и аки снѣжные заметы (сугробы), правымъ истины путемъ итти возбраняющее*, все тое къ сему досмотру прилагается, яко зло общее, понеже во всякихъ чинахъ обрѣтатися можетъ" (¹).

Производя развитіе и распространеніе такихъ суевѣрій отъ отсутствія образованія въ народѣ, Регламентъ предписываетъ пастырямъ заботиться о его распространеніи, опровергая при этомъ то возраженіе, какое дѣлали противъ него невѣжественные люди,

---

(¹) Регламентъ, стр. 11—15.

говорившіе, что ученіе производитъ ереси: „Когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкви поведенію и нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересемъ. Дурно многіе говорятъ, что ученіе виновно есть ересей, ибо кромѣ древнихъ, отъ гордаго глупства, а не отъ ученія, бѣсновавшихся еретиковъ (перечисляются Валентины, Манихеи, Каѳары и друг.), наши же русскіе раскольщики не отъ грубости ли и невѣжества толь жестоко возбѣсновалися? А хотя и отъ ученыхъ человѣкъ бываютъ ересіархи, яковый былъ Арій, Несторій и нѣцыи иные; но ересь въ оныхъ родилась не отъ ученія, но отъ скуднаго священныхъ писаній разумѣнія, а возрасла и укрѣпилася отъ злобы и гордости, которая не попустила имъ премѣнить дурное ихъ мнѣніе уже и по познаніи истины противъ совѣсти своей.... И если посмотримъ чрезъ исторіи, аки чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшіе вѣки, увидимъ все хуждшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ, временахъ.... И аще бы ученіе церкви или государству было вредное, то не учились бы самыи лучшія христіанстія особы и запрещали бы инымъ учитися. А то видимъ, что и учились вси древніи наши учители не токмо священнаго писанія, но и внѣшней философіи, и кромѣ многихъ иныхъ славнѣйшіе столпы церковные поборствуютъ и о внѣшнемъ ученіи“... Но надобно наблюдать, чтобы ученіе было доброе и основательное. „Ибо есть ученіе, которое и имени того недостойно есть, а обаче отъ людей, хотя и умныхъ, но того не свѣдущихъ, судится быть за прямое ученіе. Обычно вопрошаютъ мнози, въ которыхъ школахъ былъ онсица; и когда услышатъ, что былъ онъ въ реторикѣ, въ философіи и въ богословіи, за единыя тыя имена высоко ставятъ человѣка, въ чемъ часто погрѣшаютъ. Ибо и отъ добрыхъ учителей не вси добрѣ учатся, ово за тупость ума, ово за лѣность свою, кольми паче, когда и учитель будетъ въ дѣлѣ своемъ мало, или ниже мало искусенъ“. Это разсужденіе, очевидно, направлено противъ ученыхъ стараго кіевскаго и московскаго образованія, которые представлялись врагами реформы и новаго образованія. „Тогда выходятъ люди мало свѣдущіе и мало образованные, знающіе только имена реторики и философіи. Таковаго же, тако рещи, привидѣннаго и мечтательнаго ученія вкусившіи человѣцы глупѣйшіи бываютъ отъ неученыхъ. Ибо весьма темни суще, мнятъ себя быти совершенныхъ, и помышляя, что все, что либо знать мощно, познали, не хотятъ, но ниже думаютъ честь книги и больше учитися, когда вопреки, прямымъ ученіемъ просвѣщенный человѣкъ никогда сытости не имѣетъ, хотя бы онъ и Маѳусалевъ вѣкъ пережилъ. Сеже вельми бѣдно, что именованные неосновательные мудрецы

не только не полезны, но и вельми вредны суть и дружеству, и отечеству, и церкви, предъ властьми надъ мѣру смиряются, но лукаво, чтобы такъ украсть милость ихъ и пролѣзть на степень честный. Равнаго чина людей ненавидятъ, и если кто во ученіи похваляемь есть, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и охулити. Къ бунтамъ склонны, воспріемля надежды высокія“. Изложивъ свойства истиннаго образованія и представивъ характеристику мнимыхъ мудрецовъ, Регламентъ, или составитель Регламента, Прокоповичъ излагаетъ *чинъ ученія*, или уставъ и планъ проектируемой имъ высшей духовной школы—академіи и семинаріи. Курсъ ученія назначается восьмилѣтній. Въ первый годъ должны преподаваться грамматика вмѣстѣ съ географіей и исторіей; во второй годъ—ариѳметика и геометрія; въ третій—логика, или діалектика; въ четвертый—реторика купно или раздѣльно съ стихотворнымъ ученіемъ; въ пятый—физика съ краткой метафизикой; въ шестой—политика Пуффендорфова; въ седьмой и восьмой—Богословіе. Относительно Богословія дается слѣдующее наставленіе: „Челъ бы учитель богословскій Священное Писаніе и учился бы правилъ, какъ прямую истую знать силу и толкъ Писаній и вся бы догматы укрѣплялъ свидѣтельствомъ Писаній. А въ помочь того дѣла челъ бы прилежно святыхъ Отецъ книги“ (¹). Для изученія географіи предписывается имѣть глобусы и карты. При школѣ надлежитъ быть библіотекѣ довольной, ибо безъ библіотеки академія какъ безъ души. Книги для библіотеки должны быть не только изъ русскихъ, но и изъ иностранныхъ. При академіи должны быть больница, аптека и врачъ. Для укрѣпленія и развитія физическихъ силъ предписывается плаваніе на судахъ, строеніе крѣпостей, прогулки на острова, въ поле, къ загороднымъ домамъ государевымъ. Для развитія эстетическихъ способностей назначаются прогулки по хорошимъ мѣстамъ, пѣніе, акціи и комедіи и музыка. Уставъ этотъ отличается не только отъ юго-западныхъ братскихъ школъ и духовной школы Посошкова, но и отъ академій, Кіевской и Московской, какъ обширностью учебной программы, большимъ количествомъ свѣтскихъ общеобразовательныхъ наукъ, такъ и самымъ характеромъ и цѣлію образованія. По уставу Кіевской академіи въ ней должны были воспитываться ученые для борьбы и защиты православной вѣры отъ католицизма и іезуитовъ; слѣд. направленіе было религіозно-полемическое; также религіозно-полемическія цѣли имѣлись въ виду и при образованіи въ Московской академіи, которая по мѣстнымъ потребностямъ должна была при-

---

(¹) Тамъ же, стр. 41—42—52.

готовлять ученыхъ для борьбы съ расколомъ и протестантствомъ; Ѳеофанъ Прокоповичъ въ новой академіи хотѣлъ воспитывать ученыхъ богослововъ по новымъ началамъ западно-европейскаго образованія, не въ одномъ какомъ-нибудь направленіи, и не съ частною цѣлію, но вообще просвѣщенныхъ пастырей и учителей церкви и вмѣстѣ образованныхъ членовъ общества, идеалъ которыхъ ему представлялся въ нѣмецкихъ протестантскихъ богословахъ. Согласно съ этими цѣлями предположено было принимать въ академію и иностранныхъ учителей, которые прежде ни въ Кіевской, ни въ Московской академіи не принимались. „Не какихъ-нибудь, но изрядныхъ и свидѣтельствованныхъ учителей надобно, которыхъ призвать бы изъ академій иноземныхъ, со свидѣтельствомъ знатныхъ школьныхъ и гражданскихъ властей". „Не надобно опасаться, замѣчаетъ Прокоповичъ въ другомъ мѣстѣ, что они дѣтей нашихъ совратятъ по своей богословіи, потому что можно ихъ артикулами опредѣлить, чему они должны учить, и надсматривать, не преподаютъ ли чего, нашему исповѣданію противнаго. Пусть преподаютъ они только ученія внѣшнія— языки, философію, юриспруденцію, исторію и проч., а не богословскіе догматы... Если не опасаются господа русскіе посылать дѣтей своихъ въ академіи иностранныя, то для чего бы опасаться у насъ" (1). Но такой широкій планъ новой духовной академіи, за недостаткомъ средствъ, не могъ быть выполненъ; въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ была открыта самимъ Прокоповичемъ только частная школа въ его имѣніи, Карповкѣ.—За проектами академіи и семинаріи, въ Регламентѣ слѣдуетъ требованіе, чтобы каждый епископъ имѣлъ при своемъ домѣ школу „для дѣтей священническихъ и прочихъ, въ надежду священства опредѣленныхъ". Такія школы и стали открываться, и изъ нихъ впослѣдствіи образовались духовныя семинаріи. Наконецъ, для наученія народа истинамъ вѣры и благочестія, Регламентъ повелѣваетъ составить „новыя краткія и вразумительныя и ясныя книжицы". Указавъ на то, что „книга православнаго исповѣданія слишкомъ велика да и написана не довольно просто и понятно, что прежній славянскій переводъ великихъ учителей Златоустаго, Ѳеофилакта и другихъ сдѣлался также теменъ и не вразумителенъ, что толковательныя бесѣды учительскія, кромѣ высокихъ богословскихъ таинъ, содержатъ въ себѣ много такого, чего нынѣ невѣжливый человѣкъ къ пользѣ своей употребить не можетъ, онъ приказываетъ сочинить „*три книжицы небольшія*: первую о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры и о заповѣдяхъ

---

(1) Смотр. у Морозова: Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель.

Божіихъ, въ десятословіи заключенныхъ; вторую—о собственныхъ всякаго чина должностяхъ; третью—таковую, въ которой собраны будутъ съ разныхъ святыхъ учителей ясныя проповѣди". Всѣ эти книжки положено было читать въ церкви въ воскресные и праздничные дни по утрени и обѣднѣ въ такомъ порядкѣ, чтобы онѣ могли быть прочитаны въ четверть года, а въ годъ четыре раза. Кромѣ того, первыя книжки назначались для первоначальнаго обученія дѣтей. Издавать всѣ три книги нужно было въ одной небольшой книжкѣ, чтобы могла быть куплена малымъ иждивеніемъ и употребляться безъ труда не только въ церквахъ, но и въ домахъ всякаго охотника. Нѣкоторыя изъ этихъ требованій были приведены въ исполненіе прежде изданія самаго Регламента. Въ 1720 г. была напечатана составленная, по приказанію Петра, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ книга „*Первое ученіе отрокомъ*", въ которой, послѣ азбуки, помѣщено было краткое толкованіе 10 заповѣдей, молитвы Господней и 9 блаженствъ евангельскихъ. Въ предисловіи книги объяснялось, что отъ воспитанія въ юности зависитъ вся жизнь человѣка, что въ Россіи воспитаніе находится въ плохомъ состояніи: „все богопочтеніе полагается во внѣшнихъ обрядахъ и тѣлесныхъ обученіяхъ, и ниже помышляюще о самомъ основательномъ благочестіи... не многіе ли обрѣтаются книгочіи, которые заповѣдей Божіихъ и Символа вѣры и силы молитвъ не знаютъ". „*Ученіе отрокомъ*" назначалось вмѣсто старинныхъ букварей, но потомъ положено было читать его въ церкви для назиданія народа, по великимъ постамъ, вмѣсто поученій Ефрема Сирина [1]. Кромѣ того, Петръ В. предписалъ Синоду составить Катихизисъ, гдѣ изъяснить: „что непремѣнный законъ Божій, и что совѣты, и что преданія отеческія, и что вещи среднія, и что только для чину и обряду сдѣлано, и что непремѣнное, и что ко времени и случаю примѣнялось, дабы знать могли, что въ каковой силѣ имѣть" [2].

Такимъ образомъ, Регламентъ, полагая причину разныхъ суевѣрій въ отсутствіи образованія, безъ котораго вѣра и благочестіе древняго русскаго человѣка получили чисто внѣшній, обрядовый характеръ, для искорененія ихъ стремился распространить истинно христіанское просвѣщеніе. Въ этомъ отношеніи онъ дѣйствовалъ совершенно противоположно Стоглаву, который причину всѣхъ недостатковъ въ религіозно-нравственной жизни видѣлъ

(1) Смотр. Великопостный указъ Петра В., сообщ. Н. С. Лѣсковымъ. Истор. Вѣстн. 1882, апрѣль.

(2) Наука и литер., 1, 181—182.

въ упадкѣ древнихъ преданій и древнихъ уставовъ благочестія и всѣ заботы свои сосредоточилъ главнымъ образомъ на исправленіи только внѣшней, обрядовой стороны богослуженія.

СОЧИНЕНІЯ СТЕФАНА ЯВОРСКАГО И ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА.

Главными литературными дѣятелями во время реформы были митр. Рязанскій и мѣстоблюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій и Новгородскій архіеп. Ѳеофанъ Прокоповичъ. Стефанъ Яворскій можетъ быть названъ представителемъ русской церковной партіи при Петрѣ В. или тѣхъ людей, которые хотя сознавали необходимость нѣкоторыхъ реформъ и новаго образованія, но въ то же время боялись ихъ, возставали противъ ихъ вредныхъ крайностей, особенно противъ тѣхъ нововведеній, которыя, по ихъ мнѣнію, угрожали православной вѣрѣ и русскому благочестію, и потому стремились защищать вѣру и благочестіе; его дѣятельность имѣетъ характеръ консервативный. Совершенно другою является дѣятельность Ѳеофана Прокоповича; она имѣетъ чисто реформаторскій характеръ. Вполнѣ сочувствуя всѣмъ реформамъ Петра, онъ горячо защищалъ ихъ и сильно преслѣдовалъ ихъ противниковъ, съ сатирическимъ негодованіемъ раскрывая въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ всѣ темныя стороны въ религіозно-нравственной жизни русскаго народа, всѣ издавна накопившіеся въ ней вредные и грубые наросты невѣжества и суевѣрія, и указывая новый разумный путь вѣры и благочестія. Разсматриваемыя отдѣльно, дѣятельность Яворскаго и дѣятельность Прокоповича представляются односторонними; но та и другая естественно и необходимо вызывались тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ и служили одна для другой необходимымъ дополненіемъ. Въ этомъ отношеніи самая борьба между этими двумя дѣятелями сопровождалась полезными результатами, потому что она ослабляла крайности противоположныхъ направленій и послужила поводомъ къ разъясненію многихъ вопросовъ въ религіозно-нравственной жизни.

Сочиненія Стефана Яворскаго ([1]). Стефанъ Яворскій (род. 1658, ум. 1722 г.) воспитывался сначала въ Кіевской академіи,

---

([1]) О жизни и сочиненіяхъ Стефана Яворскаго: въ Словарѣ Евгенія, II, 251—261; въ Обзорѣ дух. литер. Филарета, 1, 382—386. Стефанъ Яворскій. Ѳ. Терновскаго. Древн. и Нов. Россія. 1879 г. № 8. Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ V томѣ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина. Москва. 1880.

а потомъ въ польскихъ училищахъ въ Лембергѣ или Львовѣ, наконецъ въ Познани выслушалъ полный курсъ философіи и богословія. По возвращеніи въ Кіевъ и по принятіи монашества, онъ прежде всего проповѣдывалъ при разныхъ церквахъ, а затѣмъ поступилъ учителемъ въ Кіевскую академію, гдѣ скоро былъ назначенъ префектомъ оной. Петру В. онъ сдѣлался извѣстенъ въ 1700 г., когда, будучи по одному случаю въ Москвѣ, онъ говорилъ здѣсь проповѣдь, при погребеніи фельдмаршала боярина А. С. Шеина; проповѣдь его такъ понравилась Петру, что онъ оставилъ его въ Москвѣ и приказалъ посвятить въ митрополита Рязанскаго, поручилъ ему въ завѣдываніе Московскую академію, съ званіемъ ея протектора, а по кончинѣ патріарха Адріана назначилъ въ 1702 г. мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола до открытія Святѣйшаго Синода въ 1721 г., когда онъ былъ опредѣленъ его президентомъ. Воспитанникъ Кіевской академіи, Яворскій былъ совершеннѣйшимъ типомъ кіевскаго схоластическаго образованія, со всѣми его достоинствами и недостатками. Мы назвали его представителемъ церковной партіи въ Петровскую эпоху, стоявшей на стражѣ церковныхъ интересовъ, противъ крайностей реформы; онъ, дѣйствительно, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ является горячимъ защитникомъ интересовъ вѣры и церкви, хотя его преобладающая религіозно-церковная точка зрѣнія иногда мѣшала ему разсмотрѣть дѣло со всѣхъ сторонъ и нерѣдко приводила его къ сужденіямъ рѣзкимъ и одностороннимъ. Современники считали Яворскаго ученѣйшимъ мужемъ; онъ, дѣйствительно, обладалъ глубокими свѣдѣніями въ Св. Писаніи, ученіи отеческомъ и церковной исторіи, но въ области свѣтскихъ знаній являлся иногда не выше обыкновенныхъ людей и недовѣрчиво относился къ новымъ открытіямъ въ наукахъ. Онъ не принималъ системы Коперника и, находя ее богопротивною, говорилъ: „Одному тому нѣкоему Копернику приснилось, будто солнце, луна, звѣзды стоятъ, а земля оборочается противо священнымъ писаніямъ“. Въ этомъ отношеніи Прокоповичъ стоялъ выше его и находилъ возможнымъ согласить теорію Коперника съ Св. Писаніемъ. „Если, говорилъ онъ, ученики Коперника и другіе ученые, защищающіе движеніе земли, могутъ привести въ доказательство своего мнѣнія достовѣрные, физическіе и математическіе, доводы, то тексты Свящ. Писанія, въ которыхъ говорится о движеніи солнца, не могутъ служить для нихъ препятствіемъ, ибо эти тексты слѣдуетъ понимать не въ буквальномъ, а аллегорическомъ смыслѣ“. Самыя важныя сочиненія Стефана Яворскаго: 1) Знаменіе пришествія антихристова, 2) Камень вѣры, 3) Проповѣди. *Знаменіе пришествія антихристова и кончины вѣка* (напечат. въ 1703 г.) написано по тому случаю, что

въ 1700 г. книгописецъ Григорій Талицкій распространялъ въ Москвѣ въ народѣ тетради, въ которыхъ говорилось, что „пришло послѣднее время; въ книгахъ пишутъ, что будетъ осьмой царь антихристъ, а нынѣ осьмой царь Петръ Алексѣевичъ, онъ-то и антихристъ“ (¹). Яворскій опровергаетъ это мнѣніе, указывая истинные признаки пришествія антихриста и кончины міра. *Камень вѣры православно-каѳолическія восточныя церкви святыя сыномъ на утвержденіе и духовное созиданіе, претыкающимся же о камень претыканія и соблазна на востаніе и исправленіе* (напеч. въ 1728 г.). Ближайшимъ поводомъ къ этому сочиненію было появленіе въ 1713 г. въ Москвѣ кальвинской ереси полкового лекаря изъ стрѣльцовъ, Димитрія Евдокимова Тверитинова (²). Тверитиновъ заразился этой ересью отъ одного иностраннаго лекаря, у котораго учился, и началъ распространять хулы на св. иконы, кресты, мощи, осуждалъ посты, почитаніе святыхъ, поминовеніе усопшихъ.... Яворскій собралъ въ 1714 г. въ Москвѣ соборъ, на которомъ осудилъ Тверитинова съ его единомысленниками, а для предохраненія православныхъ христіанъ вообще отъ протестантскаго ученія, которое заносили въ Россію иностранцы, написалъ Камень вѣры. Камень вѣры состоитъ изъ трехъ частей. Часть I: о святыхъ иконахъ; о честномъ крестѣ; о мощахъ святыхъ. Часть II: о св. Евхаристіи; о призываніи святыхъ; о благотвореніи преставльшимся. Часть III: о преданіяхъ; о св. литургіи; о постахъ; о благихъ дѣлахъ. Всѣ эти предметы разсматриваются съ двухъ сторонъ—положительной и отрицательной. Сначала о каждомъ догматѣ излагается положительное ученіе церкви на основаніи Свящ. Писанія, вселенскихъ соборовъ, сочиненій отцовъ и учителей церкви и „доводнаго показанія“, на Свящ. Писаніи утвержденнаго. Потомъ на тѣхъ же основаніяхъ опровергаются возраженія противниковъ. Такое сочиненіе было весьма важно и необходимо въ то время, когда на разныхъ мѣстахъ государственной службы было много протестантовъ и въ русскомъ обществѣ начали распространяться протестантскія воззрѣнія, нравы и обычаи. На это указалъ Яворскій какъ самымъ эпиграфомъ книги: „Смѣсишася во языцѣхъ

(¹) Смотр. Истор. Россіи Соловьева, XV, 122—124. —(²) Дѣло о Тверитиновѣ напечатано въ Памятникахъ древней письменности. Спб. 1882. Здѣсь помѣщена Записка Леонтія Магнитскаго по дѣлу Тверитинова и затѣмъ, какъ приложеніе къ нему, оффиціальные документы, извлеченные изъ I и II томовъ Архива Св. Синода.—Исторія Соловьева, XVI, 307—315. Московскіе вольнодумцы XVIII в. и Стефанъ Яворскій. Н. С. Тихонравова.

и навыкоша дѣломъ ихъ“, такъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея предисловія, или „Предувѣщанія къ православнымъ“, напр.: „Внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волки хищніи.... Всѣяннымъ уже сущимъ зернамъ пшеничнымъ душеспасительнаго ученія на сердцахъ правовѣрныхъ, тіи приходятъ и всѣваютъ развращеннаго ученія плевелы, хотяще пшеницу, въ житницы небесныя прозябшую, подавити“. Но Петръ В., боясь раздражить иностранцевъ, не только не позволилъ напечатать Камень вѣры, но и самого Яворскаго подвергъ опалѣ (1). Надобно замѣтить, впрочемъ, что полемика Яворскаго не отличается мягкостію и терпимостію; его нападенія и опроверженія противной стороны часто рѣзки, грубы и бранчивы; но такой тонъ полемики, совершенно несогласный съ современными началами вѣротерпимости, былъ въ то время общимъ всей религіозной полемикѣ, католической и протестантской; рѣзкія опроверженія протестантскаго ученія были вызваны еще болѣе рѣзкими возраженіями и нападеніями протестантовъ, на православное ученіе. Доказательствомъ этого служитъ вся изложенная ниже, полемика по поводу „Камня вѣры“.

Проповѣди Яворскаго (2). Яворскій былъ извѣстенъ какъ знаменитый проповѣдникъ. Современники удивлялись его краснорѣчію и даже враги его отдавали ему въ этомъ отношеніи заслуженную справедливость. Врагъ его, сочинитель Молотка, написаннаго въ опроверженіе Камня вѣры, говоритъ о Яворскомъ, что „онъ имѣлъ удивительный даръ слова, и едва подобные ему въ учительствѣ обрѣстись могли. Мнѣ случалось, замѣчаетъ онъ, видѣть въ церкви, что онъ, уча слушателей, могъ заставить ихъ плакать, или смѣяться. Петръ В. щедро награждалъ Яворскаго за его проповѣди“ (3). Впрочемъ, по стилю своему, проповѣди Явор-

---

(1) Содержаніе и судьба Камня вѣры изложены въ V томѣ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина, стр. 34—58; у Чистовича, Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 366—407; въ статьѣ Извѣкова: Изъ исторіи богословской полемической литературы XVIII в. Прав. Обозр. 1871, томъ II. (2) Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники. Ю. Самарина. Москва. 1844. Русское проповѣдничество при Петрѣ I. Ф. А. Терновскаго. Руководство для сельскихъ пастырей за 1870 г. №№ 36, 37, 39, 41, 44, 48 и 51. Неизданныя проповѣди Стефана Яворскаго, Чистовича. Христ. Чтеніе за 1867 г.—(3) «Отъ самого великаго государя, говоритъ Яворскій, много разъ получалъ *за побѣдительныя проповѣди* (проповѣди, сказанныя по случаю побѣдъ) иногда тысячу золотыхъ, иногда меньше, также и отъ прочихъ членовъ царскаго дома многія много разъ щедроты бывали мнѣ за литургіи и проповѣди слова Божія». Труды Кіевск. Акад. 1865.

скаго не представляютъ ничего особеннаго и оригинальнаго и относятся къ тому же разряду южно-русской проповѣди, къ которому принадлежатъ проповѣди Голятовскаго, Барановича и Полоцкаго ([1]). Въ нихъ мы находимъ ту же наклонность къ символическому и аллегорическому способу изображенія мыслей, тѣ же часто произвольныя и натянутыя сближенія и сопоставленія разныхъ мѣстъ Свящ. Писанія, изъ коихъ образуются то яркія, а то и просто пестрыя картины мозаическаго характера. Такъ, взявши въ основу проповѣди слова: *Ты еси Петръ и на семъ камени созижду церковъ мою,* Яворскій сводитъ всѣ мѣста Свящ. Писанія, въ которыхъ говорится о камнѣ: „Камнемъ Петра Христосъ нарицаетъ; но какимъ камнемъ? Онымъ ли камнемъ, его же Іаковъ патріархъ ветхозавѣтный положи въ возглавіи себѣ? Или онымъ камнемъ, его же пророкъ Захарія видѣ седмь очесъ имущъ? Онымъ ли камнемъ, имъ же Давидъ порази Голіаѳа? Или онымъ камнемъ, его же пророкъ Даніилъ видѣ отъ горы отторжена и идола попирающа? Всѣхъ тѣхъ камней образъ являше въ себѣ камень церковный, Петръ святый. Но азъ, минувши тыя камени, хощу вамъ явити Петра святаго въ образъ камени пустыннаго, веліе угодіе людямъ израильстимъ творящаго, и покажу слушателямъ моимъ три источника, отъ сего камене происходящіе: единъ горькій: порази камень, и истекоша воды (т. е. горькія покаянія); другій—сладкій: напита ихъ отъ тука пшенична и отъ камене меда насыти ихъ (пс. 80); третій—лекарственный: ссаша медъ изъ камене и елей отъ тверда камене“ (Втор. 30) ([2]). Въ Словѣ, сказанномъ въ Петербургѣ, въ первое время послѣ его основанія, желая похвалить приморское мѣстоположеніе города, Яворскій собираетъ всѣ мѣста Писанія, которыя, по его мнѣнію, могли подтверждать его мысль о превосходствѣ низменныхъ мѣстъ и водной стихіи: „Христе Спасителю нашъ, говоритъ онъ, Петръ Тебѣ хощетъ создать сѣнь, гдѣ изволишь? на горѣ ли, или на долинѣ? на Ѳаворѣ, или на приморіи? Смиренный Іисусъ не хощетъ на высокихъ горахъ имѣти жилище. Сатана любитъ горы: на горахъ ставитъ престолъ свой, на гору восхитилъ было и самаго Іисуса: *поятъ его на гору высоку, и показа ему вся цар-*

([1]) Взглядъ Яворскаго на духовное краснорѣчіе выразился въ его небольшомъ учебникѣ, написанномъ на латинскомъ языкѣ и переведенномъ на русскій языкъ Ѳеодоромъ Поликарповымъ: «Рука риторическая, пятью частьми, или пятью персты укрѣпленная». Изд. Обществомъ любителей письменности. 1878; № XX.

([2]) Неизданныя проповѣди Стефана Яворскаго. Христ. Чт. 1867., I, стр. 275.

ствія. А Христосъ, смиренія образъ, горы не любитъ. Того ради, мню, и Петру святому не пришло до дѣла, что на горѣ хотѣлъ сѣнь создати. Долину любитъ Той, Который съ небесной горы на сегосвѣтную спустился долину.... Читайте Евангеліе, увидите тамо, какъ часто Христосъ Спаситель нашъ ходилъ при морѣ Галилейскомъ, при морѣ Тиверіадстѣмъ, при озерѣ Генисаретстѣмъ, отъ воды избралъ учениковъ, по водамъ ходитъ морскимъ, водамъ повелѣваетъ, на водѣ первое чудо сотворилъ, егда въ Канѣ Галилейстѣмъ воду въ вино претворилъ. Кратко рещи: и Духу Святому, и Христу Спасителю нашему, и всей Святой Троицѣ любимое при водахъ обиталище. Воспомяните себѣ воды іорданскія: тамо Богъ Отецъ во гласѣ: *гласъ Господень на водахъ, Богъ славы возгремѣ.* Тамо Богъ Сынъ въ водахъ Іорданскихъ водное естество освящаяй; тамо Духъ Святый въ видѣніи голубинѣ: *Духъ Божій ношашеся верху воды.* А гдѣ первое Отецъ Предвѣчный далъ свидѣтельство Свое о Сынѣ Единородномъ? при водахъ Іорданскихъ. Тамъ громогласно возгласилъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ.* Дивная во истинну вещь, что не на иномъ первѣе мѣстѣ Отецъ Предвѣчный о Сынѣ Своемъ Единородномъ даетъ свидѣтельство, точію при водахъ" ([1]). Въ Словѣ на недѣлю 23-ю мы находимъ такую аллегорію: „Обыкновеніе или, паче рещи, нужду имутъ всѣ немоществующіе въ скорби своей отъ врачевъ искати помощи: тогда врачъ, написавши рецептъ, то есть хартицу, на ней же изображаетъ врачества составы, посылаетъ въ аптеку, да по ней тамо уготовится лекарство. Пріидите нынѣ вси, огневицею грѣховною палимія.... приступите и пріимите рецептъ сіе извѣстнѣйшее и нелестное предписаніе; пріемше же принесите въ аптеку совѣсти своея, составите по реченному. Первый составъ *желчь и сердце* т. е. всегдашнее воспоминаніе страстей Христовыхъ; вторый составъ *смирна* т. е. умерщвленіе плоти; третій составъ *медъ* т. е. всегдашнее помышленіе о небѣ; четвертый составъ зеліе *рута* т. е. воспоминаніе огня геенскаго". Въ истолкованіи этого рецепта и состоитъ вся проповѣдь ([2]). Но особенно рѣзко выразился аллегорическій характеръ проповѣди Яворскаго въ четырехъ его проповѣдяхъ *объ Іезекіилевой колесницѣ.* Въ первой изъ нихъ онъ говоритъ (въ 1703 г.) о херувимахъ, подъ образомъ животныхъ, везущихъ колесницу, и примѣняетъ это къ Петру В., торжественно возвращающемуся въ Москву, послѣ взятія Шлиссельбурга; во второй проповѣди (въ 1704 г.) онъ

([1]) Русское проповѣдничество при Петрѣ I. Ф. Т—го, стр. 11—13.
([2]) Проповѣди Стефана. II, 180—194.

говоритъ о четырехъ колесахъ колесницы, подъ которыми разумѣются четыре сословія государства, согласно движущія побѣдную колесницу; въ третьей проповѣди (въ 1705 г.)—о торжественной жатвѣ, мечными серпами россійскихъ побѣдоносцевъ, на марсовыхъ ливонскихъ поляхъ, въ самое жатвенное время. въ іюлѣ и августѣ минувшаго года, собранной (когда города Нарва и Дерптъ крѣпкою рукою россійскаго войска взяты были) и на тріумфальную колесницу возложенной; въ четвертой проповѣди (въ 1706 г.)—о торжественномъ пути Іезекіилевой колесницы (1). Въ избранныхъ для проповѣди предметахъ Яворскій обращаетъ вниманіе часто не на внутреннія и существенныя черты, но на внѣшнія стороны, на какія-нибудь случайныя обстоятельства, которыя могли подавать поводъ къ интереснымъ сближеніямъ, сравненіямъ и картинамъ. Для сообщенія же большаго интереса проповѣди онъ нерѣдко отходитъ отъ главнаго предмета въ сторону; въ текстахъ Св. Писанія, кромѣ прямого смысла, ищетъ смысла особеннаго, таинственнаго; приведя одинъ текстъ, онъ припоминаетъ другой, имѣющій почему-нибудь соотношеніе съ первымъ, за этимъ другимъ третій и такъ далѣе выставляетъ цѣлый рядъ текстовъ, которые связываются между собою чисто внѣшнимъ образомъ. Вслѣдствіе такого пріема проповѣдь является искусственною и теряетъ свойственную ей важность. Подобно юго-западнымъ проповѣдникамъ, Яворскій, кромѣ Свящ. Писанія и ученія отеческаго, заимствовалъ матеріалы для своихъ проповѣдей изъ греческой и римской миѳологіи и легенды, приводилъ изреченія греческихъ и римскихъ философовъ, ораторовъ и поэтовъ, свѣдѣнія изъ естественной исторіи, иногда басни, притчи и даже анекдоты. Все это сообщало проповѣди разнообразіе и занимательность, но часто лишало ее силы и назидательности. Особенно не согласными съ достоинствомъ церковной проповѣди представляются разные шутливые вопросы, разсказы и размышленія, нерѣдко встрѣчающіеся у Яворскаго. Такъ напр., приведя слова Спасителя: *поминайте жену Лотову*, онъ спрашиваетъ: „Какъ же ю, Спасителю мой, поминати? панихиду ли за ню пѣти? или въ эктеніяхъ ее поминати? Не вѣдаемъ, какъ ей имя. Поминайте жену Лотову: а для чего не Сарру, не Ревекку, не Есѳирь, не Юдиѳь“? Разсуждая о томъ, что мы всѣ любимъ слушать о чужихъ грѣхахъ, онъ говоритъ: „Весело мужамъ, егда женскіе грѣхи обличаются, что паче прилежатъ своимъ украшеніямъ, нежели домоправительству.... Сія егда проповѣдникъ глаголетъ, весело мужемъ, обаче имъ самимъ не любо, егда ихъ раны коснет-

(1) Тамъ же, ч. III.

ся, егда начнетъ глаголати, коль веліе зло добра свои всегдашними пирушками терять, коль веліе зло проигрывать въ карты вотчины и здравіе пропивать. Не мило сіе мужемъ, а женъ, егда сія глаголетъ, будто сахаромъ услаждаетъ" (1). Извѣстна также шутливая метафора по случаю взятія Шлиссельбургской крѣпости: „Вспомяну надъ крѣпостью и фортеціею Шлюссельбургскою побѣды... О! Орѣшекъ претвердый! добрые то зубы были, которые сокрушили тотъ твердый орѣшекъ" (2). Во всѣхъ этихъ пріемахъ Яворскій подражалъ католическимъ проповѣдникамъ, сочиненіями которыхъ онъ пользовался, какъ это показываютъ черновыя проповѣди его (3).

Но въ исторіи литературы особенный интересъ имѣютъ тѣ проповѣди Яворскаго, въ которыхъ онъ касается современныхъ событій, говоритъ о Петрѣ В. и его дѣлахъ. Не смотря на то, что Яворскій былъ возвышенъ Петромъ на самую высшую степень церковной іерархіи, онъ не былъ безусловнымъ его поклонникомъ, хотя удивлялся его генію, указывалъ на его неутомимые труды для блага Россіи, прославлялъ его побѣды. Въ Словѣ на день рожденія Петра онъ говоритъ: „Великъ есть (Петръ) остроуміемъ и мудростью. Христу Спасителю нашему удивляхуся Іудеи: *како сей вѣстъ книги, не учився?* Тако и о монархѣ нашемъ глаголати можно: како сей вѣсть книги, не учився? Все житіе свое въ воинскихъ дѣлахъ изнуряетъ; еще отрокомъ будучи, строити крѣпости и тыя добывати, строити корабли и на тѣхъ же воднымъ бранемъ поучатися, полки строити, пушечными громами тѣшитися—то его бывало воинское игралище. Въ мужа совершенна пришедши, вси видимъ, яко вся его утѣха, вся мысль, вся упражненія—воинство устроити. Книги читать, кромѣ чтенія церковнаго, нѣтъ на то времени. Откуда убо сей вѣсть книги, не учився? Вопроси его въ чемъ-нибудь отъ писаній божественныхъ, дастъ отвѣтъ изрядный: правила соборовъ вселенскихъ, онъ тое наизусть умѣетъ. Дай ему какую-нибудь матерію философскую, такъ изрядно о ней станетъ глаголати, будто истинный ученикъ самого, философовъ начальника, Платона. Дай ему какую-либо матерію богословскую, такъ изрядно о ней станетъ провѣщевати, будто истинный ученикъ Григорія Богослова. Математика, ариѳметика, географія, космографія у него наизусть. Како убо сей вѣсть книги, не учився"? (4). Въ одномъ Словѣ Яворскій восхваляетъ трудолюбіе и неутомимую дѣятельность Петра, трудившагося на ряду съ простыми работниками: „Петръ нашъ рос-

(1) Проповѣди Стефана. I, 97, II, 131. (2) Тамъ же, II, 169.

(3) Неизданныя проповѣди Стефана Яворскаго, Чистовича. Христ. Чтен. 1867, I, стр. 264—270.—(4) Тамъ же, стр. 114—115.

сійскій, по подобію Христа, ставши рабомъ государству своему, толикія тяжести, толикія работы, рабомъ прикладныя, на себѣ носитъ. А титла какія? Къ титламъ пресвѣтлымъ царскимъ сердца не прилагаетъ, но простыми воинскими титлами, ово солдатомъ, ово поручикомъ, ово маіоромъ, ово капитаномъ велитъ себе нарицать. Смотрите, каково его прилежаніе въ наученіи воинскаго чина. Самъ сущи монархъ, аки единъ отъ солдатъ, вси воинскія и наименьшія степени переходилъ, даючи образъ прочимъ, да послѣдуютъ стопамъ его. Смотри, каково мудрое и промысльное попеченіе о собраніи воинства, о собраніи денегъ, безъ нихъ же воинству быти нѣсть мощно. Смотри на корабли, галеры, флоты, которые его промысломъ и рукодѣліемъ построены. Смотри прилежно на его рукодѣліе, чѣмъ упражняется. Монархъ сый, яко единъ отъ работникъ,—дѣла корабельныя, дѣла пушкарскія и прочія военныя рукодѣльства: сами по рукамъ его царскимъ мозоли свидѣтельствуютъ“ ([1]). Въ другомъ Словѣ Яворскій весьма хорошо охарактеризовалъ поведеніе и простоту обращенія Петра: „Удивляемся не только мы видящи, но и вся вселенная слышащи, толикому толикаго лица преклонству, толикому смиренію и снисходительству: съ нами ястъ, піетъ, спитъ, сидитъ, любовнѣ бесѣдуетъ съ нами; аки единъ отъ сосѣдъ и друговъ нашихъ премирно сожительствуетъ, и, забывъ себя быти царя и монарха, его же подсолнечная трепещетъ, всякому есть приступенъ, жилища наши посѣщаетъ, обѣдомъ, вечерію и охотою нашею не гнушается. Съ нами, аки отецъ съ чадами, больши реку, яко братъ съ братіею, житіе свое проводитъ; предсѣданія на сонмищахъ и предвозлеганія на вечеряхъ и целованія на торжищахъ давно то оставилъ прегордымъ фарисеемъ“. Въ Словѣ по случаю взятія Нотебурга, переименованнаго потомъ въ Шлиссельбургъ, Яворскій въ такой картинѣ изображаетъ возрастаніе силы и могущества Россіи: „Христосъ Спаситель нашъ, различныя даючи подобія царствію небесному, уподобилъ его зерну горчичному у Матѳея святаго, въ главѣ 13: *Подобно*, рече, *есть царствіе небесное зерну горчичну*, *егоже вземъ человѣкъ всѣя на селѣ своемъ*, еже малѣйшее есть всѣхъ сѣменъ, егда же возрастѣ, больши всѣхъ зелій есть и бываетъ древо, яко пріити птицамъ небеснымъ и витати на вѣтвѣхъ его... А царство Россійское не подобно ли зерну горчичну, еже есть меньше всѣхъ сѣменъ? Воспомяните себѣ сего царствія начатки, колика бяше его малость: едино зерно горчичное, всѣхъ сѣменъ малѣйше, едино княженіе, и то еще дань дающее гордости агарянской. О воистину зерно горчичное, гoрести преисполнено, умаленіемъ уничижаемо! Что же по-

---

([1]) Неиздан. проповѣди, стр. 118.

томъ? Досталося сіе зерно въ руки добрыхъ земледѣльцовъ, монарховъ россійскихъ, начнутъ добрѣ орати желѣзомъ марсовымъ, начнутъ нивы казанскія, астраханскія, сибирскія мечемъ управляти, многотруднымъ потомъ... орошати и омакивати. Се зрите зерно горчичное въ каково возрасте зеліе, зрите, како великимъ сталося древомъ, яко пріити птицамъ небеснымъ, толикому множеству святыхъ, и витати на вѣтвѣхъ его. О горькое зерно! О умаленное сѣмя! како въ сицеву возрасло еси жатву... Возведите очеса ваша и видите нивы казанскія, астраханскія, сибирскія, касимовскія и прочая: зрите нивы кизикерменскія, таманскія, азовскія, шведскія и прочая"... Переходя затѣмъ къ современной побѣдѣ надъ шведами и взятію Нотебурга, онъ говоритъ: „Твердый былъ и сей орѣхъ фортеца прекрѣпка, не только стѣнами, воинами, пушками и всякою стрѣльбою и бронями вооружена; но наипаче самымъ естествомъ, самымъ естественнымъ положеніемъ, самымъ не приступнымъ островомъ, самыми быстрыми водами отвсюду окружаема: зубовъ сей орѣшекъ и прекрѣпкихъ не боялся, зубы первѣе надобѣ было сокрушити, нежели орѣшекъ, и невредимъ бы пребывалъ доселѣ, аще бы сицевую твердость твердѣйшій не поразилъ камень. А камень не иный только, о немъ же глаголетъ.... Христосъ: Петре, ты еси камень. Нынѣ же Свейтембургъ (Нотебургъ, или Орѣшекъ) нарицается Слиссельбургъ (Шлиссельбургъ) то есть ключь городъ, а кому же ключь сей достался? Петрови Христосъ обѣщалъ ключи дати. Зрите убо нынѣ, коль преславно исполняется обѣщаніе Христово" (1). Послѣ трудной. но славной побѣды надъ королемъ шведскимъ подъ Полтавою (27 іюня 1709 г.), Яворскій говорилъ въ своемъ Словѣ: „Радуйся, Россійская держава, яко исполнилъ есть Господь во благихъ желаніе Царево, члековныя льву Шведскому сокрушилъ есть. Вѣренъ Господь во всѣхъ словесѣхъ своихъ, яко обѣщалъ намъ, тако и сотвори, рече: просите, и дастся вамъ вся, елика молящеся просите (Марк., II, 24). Сіе исполни обѣщаніе: призрѣ на моленіе церкви своей святой, стенаніе и воздыханіе убогихъ услыша... Король Шведскій зіяше устами своими, хотя поглотити Россію; но... государь нашъ заградилъ есть уста тому льву... Государь покры гнѣздо свое, царство свое, церковь Христову, льва же (короля Шведскаго) растерза. Ряшеся левъ сей, гордяшеся и хваляшеся церковь святую и государство наше поглотити; но Господь, гордымъ противящійся, сокруши челюсти его. Тіи спяти быша и падоша; мы же возстахомъ и исправихомся" (Псал. 19, 9) (2).

---

(1) Проповѣди Стефана, III, 145—170. (2) Тамъ же, III, 241—242.

Но, прославляя генiй Петра, его неутомимые труды по устройству армiи и флота, его славныя побѣды, Яворскiй не сочувствовалъ многимъ его внутреннимъ реформамъ, особенно тѣмъ, которыя касались церковной области, и при случаѣ заявлялъ иногда довольно рѣзко свое неодобренiе. Въ 1711 г. Петръ В. учредилъ должность фискаловъ, которые должны были доносить на противниковъ царской власти и при этомъ не подвергались никакой отвѣтственности, если бы доносъ ихъ и оказался несправедливымъ. Такiе же фискалы были введены и въ церковные суды. Яворскiй считалъ эту мѣру посягательствомъ на свободу и независимость церковнаго суда и въ своей проповѣди 17 марта 1712 г. сказалъ по этому случаю: „Законъ Господень непороченъ, а законы человѣческiе часто бываютъ порочны. А какой ми то законъ напримѣръ: поставити надзирателя надъ судами и дати ему волю, кого хощетъ обличити, да обличитъ, кого хощетъ обезчестити, да обезчеститъ; поклепъ сложити на ближняго судiю, вольно то ему; а хотя того не доведетъ, что на ближняго своего клевещетъ, то ему за вину не ставить, о томъ ему ни слова не говорить, вольно то ему. Не тако подобаетъ симъ быти: искалъ онъ моей головы, поклепъ на меня сложилъ, пусть самъ ввязнетъ въ узкую; ровъ мнѣ ископалъ, пусть самъ впадетъ въ онь, сынъ погибельный“. Въ той же проповѣди Яворскiй коснулся разорителей закона Божiя съ ясными намеками на поведенiе самого Петра. Извѣстно, что Петръ насильно постригъ въ монахини свою первую супругу, Евдокiю Лопухину, и женился на Екатеринѣ. Яворскiй сказалъ въ проповѣди: „Се имате мзду, закона Божiя разорители, и слышите громы, заповѣдей Божiихъ преступницы; того ради не удивляйтеся, что многомятежная Россiя наша доселѣ въ кровныхъ буряхъ волнуется; не удивляйтеся, что по толикихъ смятенiяхъ доселѣ не имамы превожделѣннаго мира. Кто законъ Божiй разоряетъ, отъ того миръ далече отстоитъ; гдѣ правда, тамъ и миръ. Море, свирѣпное море—человѣче законопреступный! Почто ломаеши, и сокрушаеши и разоряеши берега? берегъ есть законъ Божiй, берегъ есть, во еже не прелюбы сотворити, не вожделѣти жены ближняго, не оставляти жены своея; берегъ есть во еже хранити благочестiе, посты, а наипаче четыредесятницу, берегъ есть почитати иконы. Христосъ гласитъ въ Евангелiи: „аще кто церкви не послушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь“. Слушавшiе эту проповѣдь сенаторы нашли въ ней оскорбленiе царской чести и послали ее къ Петру. Петръ, прочитавъ въ ней обличенiе человѣку, бросившему свою жену, не хранящему постовъ, не слушающему церкви и потому долженствующему быть для членовъ церкви какъ язычникъ и мытарь, собственноручно замѣтилъ противъ этого обличенiя: „перво одному, потомъ съ сви-

дѣтели“... т. е. онъ находилъ, что проповѣдникъ не соблюлъ евангельскаго правила, повелѣвающаго обличать сначала наединѣ, потомъ при свидѣтеляхъ и уже послѣ всего этого въ церкви. Наконецъ, воспользовавшись тѣмъ, что 17 марта церковь празднуетъ св. Алексію, человѣку Божію, Яворскій въ заключеніе этой проповѣди обратился къ св. Алексію съ такою молитвою о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, который сочувствовалъ старой, враждебной Петру и его реформамъ, партіи и который въ это время странствовалъ за границей: „О угодниче Божій! Не забуди и тезоименника твоего, а особеннаго заповѣдей Божіихъ хранителя и твоего преисправнаго послѣдователя! Ты оставилъ еси домъ свой: онъ такожде по чужимъ домамъ скитается; ты удалился еси родителей: онъ такожде; ты лишенъ отъ рабовъ, слугъ и подданныхъ, друговъ, сродниковъ, знаемыхъ: онъ такожде... Молимъ убо, святче Божій! покрой своего тезоименника, нашу едину надежду, покрой его въ кровѣ крылъ твоихъ, яко любимаго своего птенца. Дай намъ видѣти его вскорѣ всякимъ благополучіемъ изобилующа и его же нынѣ тѣшимся воспоминаніемъ, дай возрадоватися счастливымъ и превождelѣннымъ присутствіемъ“. Видя, что русскіе, при сношеніяхъ съ иностранцами, увлекаются иностранными религіозными мнѣніями, нравами и обычаями, Яворскій считалъ такое положеніе опаснымъ для православной вѣры и заявлялъ объ этомъ въ своей проповѣди. „Мнози, говоритъ онъ въ Словѣ въ недѣлю 13-ю по пятидесятницѣ, отъ своея православныя вѣры каѳолическія подвижутся и прелагаются, и чуждыя, богомерзскія, еретическія, пространнымъ путемъ во адъ ведущія вѣры похваляютъ: свою же, юже отъ отецъ и праотецъ воспріяша, назданную на основаніи Христовомъ, воспріятую отъ апостоловъ, ругаютъ, осмѣиваютъ и уничтожаютъ. Многимъ случается, яко едва чуждыя узрятъ земли отлучившися отъ своего отечества, и отъ вѣры удаляются“. Въ Словѣ въ недѣлю 9-ю по пятидесятницѣ онъ сравниваетъ церковь съ кораблемъ посреди волнующагося моря, очевидно намекая этимъ сравненіемъ на современное положеніе церкви въ Россіи. Объясняя слова Евангелиста: *корабль же бѣ посредѣ моря, влаяся волнами: бѣ бо противенъ вѣтръ*, онъ говоритъ: „О лютаго несчастія и злополучія нашего! яко умноженія ради тяжкихъ беззаконій и непокаянныхъ грѣшниковъ, корабль церкве и всего отечествія христіанскаго въ морѣ міра сего страждетъ волны бѣдъ, и день отъ дне въ силахъ своихъ изнемогая, близъ есть сокрушенія и потопленія, развѣ самъ Господь, ходяй по морю, въ помощь

пріидетъ и запретитъ вѣтромъ и морю, и тишину сотворитъ: той бо обнадежилъ церковь свою святую, *яко врата адова не одолѣютъ ей*" ([1]). Реформы и войны Петра весьма тяжело отзывались особенно на простомъ народѣ. Постройка крѣпостей и портовъ, копаніе каналовъ, проведеніе дорогъ отрывали ежегодно отъ домовъ и семействъ многія тысячи простаго народа; тѣ же, которые оставались дома, изнемогали подъ бременемъ государственныхъ налоговъ, рекрутской повинности, военнаго постоя, дурного управленія, притѣсненія властей. Яворскій указывалъ въ своихъ проповѣдяхъ на такое тяжелое положеніе народа. Такъ, въ одномъ изъ упомянутыхъ выше словъ объ Іезекіилевой колесницѣ, въ которомъ онъ сравнивалъ разныя сословія въ государствѣ съ колесами въ колесницѣ, онъ говорилъ: „Нечего хвалити, аще бремя такое кладутъ на колесо (разумѣется простой податной классъ народа), что бѣдное не только скрипитъ, но и ломится. Не похваляютъ учители церковніи Ровоама, что такимъ бременемъ отягчилъ свои колеса... Како бо колесу бѣдному не скрипѣти, аще будетъ обременено тяжелымъ, неудобь носимымъ (бременемъ)? И сего ради отцы святіи научаютъ и совѣтуютъ тѣ скрипливыя колеса, дабы не скрипѣли, мастити, а чѣмъ же? Воспоминаютъ они нѣкую масть евангельскую, которою мастилъ самарянинъ уязвленнаго путника іерихонскаго, о немъ же пишется сице: *приступль самарянинъ, обяза струпы его и возлія масло и вино* (Лук. 10, 34). Въ маслѣ есть мягкость, а въ винѣ есть жестокость.... мѣшай обое, масло съ виномъ, жестокость съ милосердіемъ. О коль изрядная масть на скрипячія колеса!" ([2]).

Кромѣ указанныхъ сочиненій, Стефанъ Яворскій еще написалъ: Отвѣтъ Сорбонской академіи о соединеніи церквей; отвѣтъ Ѳеофану Прокоповичу на Слово объ игѣ неудобносимомъ; нѣсколько писемъ къ разнымъ лицамъ, по разнымъ случаямъ. Въ молодые годы онъ любилъ писать стихи на латинскомъ и польскомъ языкахъ.

Послѣ Стефана Яворскаго, самымъ замѣчательнымъ дѣятелемъ въ русской церковной партіи былъ архіеп. Тверскій, *Ѳеофилактъ Лопатинскій* († 1741), воспитанникъ Кіевской академіи, но докончившій свое образованіе за границей ([3]).

([1]) Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники. Сочин. Ю. Ѳ. Самарина, т. V, стр. 380—381.

([2]) Проповѣди Стефана, ч. III, стр. 215—217.

([3]) Ѳеофилактъ Лопатинскій, архіепископъ Тверскій. 1706—1741. Состав. И. Я. Морошкинъ. Русск. Старина, 1886, январь.

„Ученый кругъ, писалъ о немъ въ 1726 г. современникъ его, иностранецъ Фандербергъ, уважаетъ Ѳеофилакта Лопатинскаго, епископа Тверскаго. Этотъ человѣкъ самаго многосторонняго образованія, знатокъ греческой литературы, которою занимается очень прилежно и съ большими успѣхами. Его непоколебимая честность во всѣхъ обстоятельствахъ жизни напоминаетъ собой золотой вѣкъ (1)“. Мы видѣли, что въ то время, какъ онъ былъ ректоромъ Московской академіи, Петръ В. посылалъ къ нему разныя книги для перевода. Будучи преподавателемъ въ академіи, онъ составилъ руководства по философіи (Tres philosophiae species--Logica, Physica et Metaphysica) и догматическому богословію (Scientia sacra, disputationibus illustrata). Онъ много трудился надъ исправленіемъ Славянской Библіи, былъ проповѣдникомъ и усерднымъ обличителемъ раскола и писалъ латинскіе стихи (извѣстна его ода въ похвалу князя Димитрія Кантемира). Изданіемъ Камня вѣры Яворскаго и сочиненіемъ „Объ игѣ Господнемъ благомъ“ Ѳеофилактъ навлекъ на себя гнѣвъ и преслѣдованіе Ѳеофана Прокоповича и палъ жертвою его интригъ.

Сочиненія Ѳеофана Прокоповича. Съ особенною полнотою время реформы отразилось въ проповѣдяхъ и другихъ сочиненіяхъ архіеп. Новгородскаго, Ѳеофана Прокоповича (2). Прокоповичъ не только вполнѣ сочувствовалъ всѣмъ реформамъ Петра, но и служилъ имъ своимъ словомъ, какъ своему дорогому и задушевному дѣлу. По духу своему, онъ самъ былъ такой же реформаторъ, какъ Петръ В., и при глубокомъ, свѣтломъ умѣ, развитомъ многостороннимъ образованіемъ, обладалъ также непреклонною волею въ достиженіи своихъ цѣлей. Прокоповичъ происходилъ изъ торговаго сословія, родился въ 1681 г. и при крещеніи былъ названъ Елеазаромъ. Воспитаніемъ своимъ онъ былъ обязанъ дядѣ своему, ректору Кіевской академіи, Ѳеофану Прокоповичу, по имени котораго онъ и самъ впослѣдствіи былъ названъ Ѳеофаномъ. Дядя помѣстилъ его въ академію, гдѣ онъ учился отлично; но Кіевская академія не удовле-

---

(1) Обз. дух. лит., ч. 2, № 15.

(2) Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. И. Чистовича. Сборн. 2-го Отд. Акад. Наукъ. т. IV. Спб 1868. Письма Ѳеофана Прокоповича. Изд. Ф. Т-скій. Труд. Кіев. Дух. Акад. 1865. Томъ I-й. Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ V томѣ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина. Москва. 1880. Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. Морозова. Журн. М. Н. Пр. 1880 г.

творяла его, и, по окончаніи въ ней философскаго курса, онъ для продолженія своего образованія отправился въ польскія училища. Такъ какъ въ эти училища принимали только тѣхъ изъ православныхъ, которые соглашались сдѣлаться уніатами, то Прокоповичъ принялъ унію и постригся въ монахи въ Битевскомъ Базиліанскомъ монастырѣ, съ именемъ Елисѣя. Отсюда Прокоповичъ былъ отправленъ въ Римъ и поступилъ въ миссіонерскую коллегію св. Аѳанасія. Здѣсь онъ выслушалъ курсы Аристотелевой философіи и схоластическаго богословія. Іезуиты хотѣли воспитать въ Прокоповичѣ ревностнаго католика, но трехлѣтнее пребываніе его въ Римѣ сопровождалось другими, совершенно противоположными послѣдствіями. Изучивши духъ католичества въ самой его столицѣ, строй католической церковной жизни и церковнаго управленія (при немъ происходило въ Римѣ избраніе папы, Климента XI), Прокоповичъ глубоко понялъ всю несостоятельность католицизма и все противорѣчіе его духу православной церкви и вмѣсто приверженца сдѣлался самымъ жаркимъ его противникомъ. По возвращеніи въ Кіевъ, онъ былъ постриженъ въ монашество, съ именемъ Ѳеофана, и прошелъ въ академіи послѣдовательно одну за другою всѣ ученыя и административныя должности, былъ учителемъ піитики и реторики, философіи, съ званіемъ префекта, и богословія въ должности ректора академіи. Почти по каждой изъ этихъ наукъ онъ составилъ учебники. Будучи учителемъ поэзіи, онъ составилъ *Піитику* (издан. Георгіемъ Конисскимъ въ 1786 г.) и написалъ трагедокомедію „*Владиміръ*", представленную студентами академіи 3 іюля 1705 г. Преподавая реторику, онъ также написалъ учебникъ реторики на латинскомъ языкѣ. Въ этой реторикѣ, между прочимъ, встрѣчается слѣдующее замѣчательное мѣсто, направленное противъ католическихъ богослововъ и проповѣдниковъ: „Не приводи мнѣ свидѣтельствъ ни Ѳомы Аквината, ни Скота, ни другихъ нечестивой секты людей; ибо ими не подтвердишь своего предмета, но осквернишь и рѣчь и слухъ вѣрнаго народа и священное собраніе". Ѳеофанъ совѣтуетъ оратору выбирать предметы для церковной каѳедры изъ житій св. людей, особенно тѣхъ, которыхъ произвела Россія, „чтобы узнали, наконецъ, пустѣйшіе, благоговѣющіе только предъ своими баснями, враги наши, что небезплодны доблестію наше отечество и наша вѣра, и чтобы перестали наконецъ укорять насъ въ скудости святыни".... Чтобы представить образчикъ польской проповѣди, Прокоповичъ разбираетъ проповѣди польскаго іезуита Ѳомы Млодзяновскаго ([1]). Во время преподаванія богосло-

---

([1]) Выдержки изъ рукописной реторики Ѳеофана Прокоповича. Труд. Кіевской Дух. Академіи. 1865 г., т. I, стр. 614—637.

вія, Прокоповичъ составилъ свою богословскую систему, которою положилъ начало новому направленію въ этой наукѣ, установивъ для нея другой, историческій методъ изложенія, отличный отъ прежняго метода, схоластическаго. Въ схоластическихъ системахъ богословія истины христіанскаго ученія разсматривались и изъяснялись только какъ логическія понятія, безотносительно къ ихъ источникамъ; въ системѣ Прокоповича въ основу изъясненія и доказательства этого ученія полагается Св. Писаніе; въ схоластическихъ системахъ христіанскія истины излагались въ видѣ диспутацій, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ; въ системѣ Прокоповича онѣ излагаются въ положительной формѣ. При изложеніи догматовъ Прокоповичъ указываетъ на ихъ исторію и, изложивъ положительное ученіе, дѣлаетъ опроверженіе его противниковъ. Такой методъ изложенія онъ заимствовалъ у протестантскихъ богослововъ, Гергарда, Квенштедта, Голлазія, системами которыхъ онъ первый началъ пользоваться, вмѣсто прежнихъ системъ Ѳомы Аквината и другихъ схоластическихъ богослововъ. Впрочемъ, Прокоповичъ не успѣлъ составить полную систему богословія, а написалъ только введеніе въ богословіе и семь трактатовъ: 1) О Богѣ единомъ, 2) О Св. Троицѣ, 3) Объ исхожденіи Св. Духа, 4) О твореніи и промышленіи, 5) О первобытномъ состояніи человѣка, 6) О состояніи человѣка послѣ паденія и 7) О благодатномъ чрезъ Христа оправданіи грѣшника. Не смотря на то, въ продолженіе всего XVIII и начала XIX вѣка Богословіе Прокоповича служило руководствомъ для преподавателей богословія въ семинаріяхъ и академіяхъ, которые различнымъ образомъ его передѣлывали, то сокращая, то дополняя [1].

Петръ В. узналъ Прокоповича въ 1709 г., когда, возвращаясь съ Полтавской битвы, былъ въ Кіевѣ; Прокоповичъ привѣтствовалъ его рѣчью, которая такъ ему понравилась, что онъ тотчасъ же велѣлъ напечатать ее на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Эта рѣчь, вмѣстѣ съ другою рѣчью, сказанною имъ въ томъ же году въ похвалу Меньшикова, пріобрѣли ему благоволеніе Петра и упрочили его славу, какъ знаменитаго проповѣдника. Въ 1711 г., во время Турецкаго похода, Петръ вызвалъ Прокоповича въ Яссы; 27 іюня, въ день воспоминанія Полтавской битвы, онъ говорилъ здѣсь проповѣдь. Въ 1716 г. Петръ приказалъ Прокоповичу явиться въ Петербургъ. Здѣсь Прокоповичъ

---

(1) Введеніе въ богословіе Ѳеофана Прокоповича разсмотрѣно, а также сдѣлана характеристика всей богословской его системы въ статьѣ Червяковскаго, Христ. Чтен. 1876—77—78 г. и въ 1-мъ томѣ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина, стр. 69—163.

сначала занимался сказываніемъ проповѣдей, въ которыхъ разъяснялъ смыслъ разныхъ реформъ, писалъ, по порученію Петра, разныя сочиненія и проекты. Въ 1718 г., не смотря на нежеланіе Стефана Яворскаго и другихъ духовныхъ лицъ, онъ, по приказанію Петра, былъ посвященъ въ епископа Псковскаго. По учрежденіи Синода въ 1721 г. онъ былъ назначенъ его членомъ. Въ 1724 г. былъ сдѣланъ архіепископомъ Новгородскимъ, въ каковомъ санѣ оставался до своей смерти въ 1736 г. Прокоповичъ былъ однимъ изъ ученѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени. Не только при Петрѣ, когда онъ своими сочиненіями служилъ дѣлу реформы, но и въ слѣдующія царствованія, при Екатеринѣ и Аннѣ Іоанновнѣ, онъ находился во главѣ тѣхъ людей, которые заботились о распространеніи въ обществѣ новаго образованія. Его совѣта спрашивали во многихъ важныхъ дѣлахъ; ему посылались на просмотръ почти всѣ русскія сочиненія, предназначавшіяся для печати. Изъ русскихъ ученыхъ онъ находился въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ княземъ Д. М. Голицынымъ, Кантемиромъ и Татищевымъ. Онъ привѣтствовалъ стихами самое первое произведеніе зарождавшейся тогда новой русской литературы—первую сатиру Кантемира: „На хулящихъ ученіе"; онъ принялъ подъ свое покровительство самого отца этой литературы, Ломоносова, когда онъ пришелъ учиться въ Московскую академію. Ободренный похвалами Прокоповича, Кантемиръ продолжалъ литературную дѣятельность и въ своихъ сатирахъ проводилъ тѣ же идеи о наукѣ и просвѣщеніи и рисовалъ тѣ же картины грубости и невѣжества, какія мы встрѣчаемъ въ проповѣдяхъ и другихъ сочиненіяхъ Прокоповича. Татищевъ въ своей Духовной совѣтуетъ, на ряду съ сочиненіями отцовъ и учителей церкви, читать сочиненія Ѳеофана: „Первое ученіе отрокомъ" и „О Христовыхъ блаженствахъ проповѣди толкованіе". „Нашъ архіепископъ Ѳеофанъ, говоритъ онъ, былъ въ наукѣ философіи новой и богословіи толико ученъ, что въ Руси прежде равнаго ему не было. По природѣ острымъ сужденіемъ и удивительно твердою памятью былъ одаренъ". Разнообразныя сочиненія Прокоповича, очевидно, производили сильное впечатлѣніе на Татищева; въ его собственныхъ сочиненіяхъ замѣчается большое сходство съ Ѳеофаномъ какъ въ общемъ направленіи, такъ и отдѣльно, въ разныхъ мысляхъ. Изъ иностранныхъ ученыхъ Прокоповичъ находился въ сношеніяхъ со многими членами Петербургской Академіи Наукъ: Блюментростомъ, Гроссомъ, Байеромъ, Миллеромъ, и умѣлъ пріобрѣсти отъ нихъ глубокое уваженіе. Байеръ, посвящая ему свой трудъ, Museum Sinicum, называетъ его образованнѣйшимъ человѣкомъ, какъ въ словесныхъ наукахъ, такъ и въ высшихъ искусствахъ, онъ же написалъ его біографію. Миллеръ, на основаніи этой біографіи, соста-

вилъ краткій очеркъ жизни и дѣятельности Прокоповича. Горячо любя науку и просвѣщеніе европейское, Прокоповичъ особенное вниманіе оказывалъ европейскимъ ученымъ. Датскій путешественникъ Фонъ-Гавенъ, бывшій въ Петербургѣ въ 1736 г., говоритъ о немъ: „Этотъ человѣкъ, по знаніямъ своимъ, не имѣетъ себѣ почти никого равнаго, особенно между русскими духовными. Кромѣ исторіи, философіи и богословія, онъ имѣетъ глубокія свѣдѣнія въ математикѣ. Онъ знаетъ европейскіе языки, изъ которыхъ на двухъ говоритъ, хотя въ Россіи не хочетъ никакого употреблять кромѣ русскаго... Онъ особенно вѣжливъ и услужливъ съ иностранными литераторами и вообще съ иноземцами; со смертью его должно прекратиться множество въ высшей степени полезныхъ дѣлъ". ([1]). Новиковъ въ своемъ словарѣ называетъ Прокоповича первымъ изъ нашихъ писателей, который многоразличнымъ ученіемъ столь себя прославилъ, что въ ученой исторіи заслужилъ мѣсто между славнѣйшими писателями. Въ Петербургскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ, которыя издавалъ Новиковъ, на ряду съ надписями къ портретамъ Ломоносова, Кантемира и Поповскаго, находится слѣдующая надпись къ изображенію Ѳеофана Прокоповича:

«Великаго Петра дѣлъ славныхъ проповѣдникъ,
Витійствомъ Златоустъ, мусъ чистыхъ собесѣдникъ;
Историкъ, богословъ, мудрецъ россійскихъ странъ:
Таковъ былъ пастырь стадъ словесныхъ Ѳеофанъ».

Сочиненія Прокоповича многочисленны и разнообразны ([2]). Кромѣ указанныхъ выше: Духовнаго Регламента, Догматическаго богословія, Перваго ученія отрокомъ, еще замѣчательны: Распря Павла и Петра объ игѣ неудобоносимомъ. М. 1774 г.; Исторія раздора между греками и римлянами объ исхожденіи Св. Духа. М. 1772 г. (Написано было на латинскомъ языкѣ); Увѣщаніе отъ имени Синода къ учителямъ раскола (Собр. Зак. 6, № 3925); Христовы заповѣди — о блаженствахъ толкованіе. Спб. 1722 г.; Повѣсть о смерти Петра В. Спб. 1725 г.; Родословная роспись князей и царей. Спб. 1720 г.; Повѣсть о Кириллѣ и Меѳодіи, напеч. при Мавроурбиновой исторіи славянъ, переведенной Саввою Рагузин-

---

([1]) Смотр. у Морозова: Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель.

([2]) Сочиненія Прокоповича указаны: въ Обзорѣ духовной литературы Филарета, т. 2; въ монографіи Чистовича: Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время; въ V-мъ томѣ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина; въ сочиненіи П. Морозова: Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель.

скимъ. М. 1722 г. Изъ стихотвореній Прокоповича извѣстны: стихи къ Кантемиру по поводу его первой сатиры, нѣсколько духовныхъ пѣсней: „Кто крѣпко на Бога уповае"; „Колы дождуся весела ведра"; „О суетный человѣче" и др. ([1]). Но въ исторіи литературы самое важное значеніе послѣ Регламента имѣютъ проповѣди Прокоповича.

Проповѣди Ѳеофана Прокоповича ([2]). Прокоповичъ обыкновенно считается преобразователемъ русской проповѣди. Мы указали выше, какъ онъ еще во время преподаванія реторики въ Кіевской академіи возсталъ противъ подражанія польскимъ католическимъ проповѣдникамъ и требовалъ отъ проповѣди народнаго содержанія. Другія его требованія отъ проповѣди высказаны имъ въ „*Наставленіяхъ проповѣднику*", помѣщенныхъ во введеніи въ богословіе, въ отдѣльномъ сочиненіи: „Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдывать долженъ" ([3]) и въ статьѣ Регламента: „О проповѣдникахъ Слова Божія" ([4]). „Проповѣдывали бы проповѣдники, говоритъ онъ, твердо съ доводовъ Свящ. Писанія о покаяніи, о исправленіи житія, о почитаніи властей, паче же самой высочайшей власти царской, о должностяхъ всякаго чина. Истребляли бы суевѣрія, вкореняли бъ въ сердца людскія страхъ Божій, словомъ рещи: испытовали бъ отъ Свящ. Писанія, что есть воля Божія святая, угодная и совершенная, и то бъ говорили". Въ образецъ проповѣдниковъ, которымъ должно подражать, въ Регламентѣ указывается на Златоуста, какъ на лучшаго истолкователя Свящ. Писанія и лучшаго проповѣдника изъ отцовъ греческой церкви. „А казнодѣйшковъ легкомысленныхъ, каковые наипаче польскіе бываютъ, не челъ бы". При сказываніи проповѣдей также возбраняется подражать манерѣ польскихъ проповѣдниковъ, совѣтуется воздерживаться отъ неумѣренныхъ жестовъ, кривляній и вообще всякой аффектаціи, чѣмъ начали страдать и русскіе проповѣдники.—Нельзя сказать, чтобы въ проповѣдяхъ самого Прокоповича выполнялись всѣ предписанныя имъ правила, чтобы его проповѣди, по своему стилю, представляли во всѣхъ отношеніяхъ совершенно новое явленіе. Самое важное и существенное достоинство ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ несравненно проще и естественнѣе проповѣдей Яворскаго и юго-западныхъ проповѣдниковъ. Приведя мѣста Свящ. Писанія,

---

(1) Обз. дух. лит., ч. 2, № 2.—(2) Слова и рѣчи Ѳеофана Прокоповича. Ч. 1 и 2. Изд. 1760 и 1761 г. Ч. 3. 1765 г. Ч. 4. 1774.

(3) Сочиненія Ѳ. Прокоповича, ч. IV.—(4) Духовный Регламентъ, стр. 63—66.

Прокоповичъ не старается отыскать въ нихъ какой-нибудь сокровенный смыслъ. Излагая какой-нибудь предметъ изъ области вѣры или нравственной дѣятельности, онъ также не усиливается сказать что-нибудь новое, или неожиданное, но просто и ясно указываетъ на главное и существенное; у него рѣже встрѣчаются искусственныя сближенія, сравненія, аллегоріи; рѣже приводятся примѣры изъ древней исторіи, миѳологіи и легенды; доказательства заимствуются преимущественно изъ Свящ. Писанія. Но главную отличительную черту проповѣдей Прокоповича составляетъ ихъ современность. Проповѣди Прокоповича были новыми, живыми и интересными не столько по формѣ и по стилю, сколько по содержанію, по живому, горячему отношенію къ современнымъ событіямъ. Ни одно событіе эпохи, ни одно дѣло Петра не остались безъ того, чтобы Прокоповичъ не сказалъ о нихъ въ своихъ проповѣдяхъ, большая часть которыхъ, вслѣдствіе этого, являются не настоящими церковными словами, а ораторскими политическими рѣчами въ защиту реформы.

Отправленіе русскихъ людей для образованія за границу и путешествія самого Петра по Европѣ подвергались осужденіямъ старой партіи. Прокоповичъ въ словѣ 23 октября 1717 г. доказывалъ ихъ пользу и необходимость. „Якоже бо рѣка, далѣе и далѣе проводя теченіе свое, болѣе и болѣе растетъ, получая себѣ прибавленіе изъ припадающихъ потоковъ, и тако шествіемъ своимъ умножается и великую пріемлетъ силу; тако и странствованіе человѣку благоразумному прибавляетъ много... Антоній великій вопрошающимъ его языческимъ философамъ, гдѣ суть книги его, показалъ на весь міръ и реклъ: *сія есть книга моя.* Молю же: той ли книгу сію чтетъ лучше, которому гдѣ во очахъ горизонтъ кончится, тамъ всего міра конецъ мнится быти, или той, который странствуя видѣлъ рѣки и моря, и земель различіе, и временъ разнствіе, и дивныхъ естествъ множество... Сверхъ того перегринація или странствованіе дивно объясняетъ разумъ къ правительству и есть, смѣло реку, есть тое лучшая и живая честныя политики школа. Предлагаетъ бо не на хартіи, но въ самомъ дѣлѣ, не слуху, но самому видѣнію обычаи и поведенія народовъ, егда тоежъ слышимъ отъ повѣстей, или чтемъ въ книгахъ историческихъ, много не хощетъ мысль вѣрити; не мало бо и ложнѣ повѣствуется, много же и вѣроятныхъ и истинныхъ (не вѣдать для чего) не такъ ясно познаемъ, какъ егда самыя только мѣста, гдѣ что дѣялося, увидѣвше... Словомъ рещи: странствованіе не во многихъ лѣтахъ мудрѣйшимъ далече творитъ человѣка, нежели многолѣтняя старость“ (1). Въ словѣ 8-го сен-

(1) Слова и рѣчи Ѳеофана Прокоповича, ч. I, 205—207.

тября 1720 г. онъ доказывалъ пользу и необходимость флота для Россіи такимъ образомъ: „Понеже не къ единому морю прилежитъ предѣлами своими сія монархія, то какъ не безчестно ей не имѣти флота? не сыщемъ ни единой въ свѣтѣ деревни, которая надъ рѣкою, или езеромъ положена, и не имѣла бы лодокъ: а толь славной и сильной монархіи, полуденная и полунощная моря обдержащей, не имѣти бы кораблей, хотя бы ни единой къ тому не было нужды, однако же было бы то безчестно и укорительно. Стоимъ надъ водою и смотримъ, какъ гости къ намъ приходятъ и отходятъ, а сами того не умѣемъ. Слово въ слово такъ, какъ въ стихотворскихъ фабулахъ нѣкій Танталъ стоитъ въ водѣ, да жаждетъ. И потому и наше море не наше. Да смотримъ, какъ то и поморіе наше? развѣ было бы наше по милости заморскихъ сосѣдъ, до ихъ соизволенія. Что бо, когда благословилъ Богъ Россіи: сія своя поморскія страны возвратити себѣ, и другія вновь завладѣти, что было бы, аще бы не было готоваго флота? какъ бы мѣста сія удержати? какъ жити и отъ нападенія непріятельскаго опасатися, не токмо что оборонитися.... Какъ многіи поморскіи городы, не весьма флота не имѣвшіи, но не имѣвшіи флота довольнаго, погибли разоренни не отъ сильнаго супостата, но отъ пиратовъ т. е. морскихъ разбойниковъ, полны суть исторіи.... Кратко рещи: поморію, флотомъ не вооруженному, такъ трудное дѣло съ морскимъ непріятелемъ, какъ трудно связанному человѣку дратися съ свободнымъ, или какъ трудно земнымъ при рѣкѣ Нилѣ животнымъ обходиться съ крокодилами“ (1). Изъ войнъ, веденныхъ Петромъ В., Прокоповичъ весьма часто говорилъ о шведскихъ войнахъ, объясняя ихъ значеніе для Россіи, и особенно прославлялъ побѣду подъ Полтавой. Такъ, въ одномъ Словѣ онъ сравниваетъ Шведскую войну, по ея трудностямъ и славнымъ послѣдствіямъ, со второй Пунической войной, „юже творяху Римляне со пресловутымъ онымъ Аннибалемъ, вождемъ карѳагенскимъ“, а Петра В. съ Самсономъ: „Яко убо иногда Самсонъ въ растерзанномъ отъ себя львѣ обрѣте пчелы и медъ и усладився отъ него предложи гаданіе: *отъ ядущаго*, рече, *ядомое изыде, и отъ крѣпкаго изыде сладкое*: подобнѣ и тебѣ, пресвѣтлѣйшій монархо, Божіимъ благословеніемъ случися. Растерзалъ еси, аки вторый Самсонъ (не безъ смотрѣнія же, мню, Божія, и въ день сей Самсона случися побѣда твоя), растерзалъ еси мужественнѣ льва Свѣйскаго. Се убо обрѣтаеши въ немъ сладкій нектаръ: се и на тебѣ Самсоново гаданіе исполняется: *отъ ядущаго изыде ядомое*, отъ того, иже пожерлъ бяше

---

(1) Тамъ же, часть II, 53—54.

отеческія твоя земли и многихъ народовъ пожре имѣнія, имѣеши ядомое, толикій и толь дивный воинства его плѣнъ, и всѣ пребогатыя корысти: *отъ крѣпкаго изыде сладкое*; понеже крѣпкій и сый и страшный, непобѣдимою твоею десницею побѣжденъ есть: того ради сладчайшая есть торжественная радость" (1). Въ другомъ Словѣ, изображая полтавскую побѣду, онъ называетъ ее матерью другихъ побѣдъ: „Полтавская побѣда многихъ иныхъ побѣдъ мати есть. Не она ли виновна, что Рига со всею Ливоніею, Выборгъ и Кексгольмъ со всею Кареліею, Абовъ съ непобѣдимою (якоже словяше) Финіею, Ревель къ тому и Пернавъ.... и иныя крѣпости славныя, аки сломленныя, власти россійской покорилися... Подъ Полтавою, о россіяне, подъ Полтавою сѣяно было все сіе, что послѣ благоволи намъ Господь пожати"... Самого же героя Полтавской битвы онъ представляетъ въ такомъ образѣ: „Паче всѣхъ обращаетъ на себя наши очи Петръ, Петръ и къ скипетру онъ и къ мечу родившійся, самодержецъ нашъ и воинственникъ нашъ: гдѣ не съ стороны аки на позорищи стоитъ, но самъ въ дѣйствіи толикой трагедіи; и гдѣ страшнѣйшій огнь, гдѣ лютость большая, ту и онъ.... И засвидѣтельствова страшный случай, мужественное его смерти небреженіе, шляпа, пулею пробитая. О страшный и благополучный случай! Далече ли смерть была отъ боговѣнчанныя главы? Не явственно ли симъ показа Богъ, яко самъ Онъ съ царемъ нашимъ воюетъ... О шляпа драгоцѣнная! не дорогая веществомъ, но вредомъ симъ своимъ всѣхъ вѣнцевъ, всѣхъ утварей царскихъ дражайшая! Пишутъ историки, которыи россійское государство описуютъ, яко ни на единомъ европейскомъ государѣ не видѣти есть такъ драгоцѣнной короны, какъ на монархѣ россійстѣмъ; но отселѣ уже не корону, но шляпу сію цареву разсуждайте и со удивленіемъ описуйте (2)". При открытіи Синода 14 февраля 1721 г. Прокоповичъ говорилъ проповѣдь, въ которой необходимость Синода доказывалъ печальнымъ состояніемъ духовнаго образованія и духовной жизни въ Россіи. Опровергая возраженія тѣхъ, которые возставали противъ разныхъ реформъ и говорили о мирѣ, прибавляя: у насъ, слава Богу, все хорошо, и не требуютъ здравіи врача, но болящіи, онъ спрашиваетъ этихъ людей: „Какій убо у насъ миръ? какое здравіе наше? До того пришло, что всякъ, хотя бы пребеззаконнѣйшій, думаетъ себе быти честна и паче прочихъ святѣйша, какъ френетикъ: то наше здравіе. До того пришло, что чуть не вси, бревна въ своемъ оцѣ не ощущающіи, сучецъ усматриваемъ во очесахъ ближняго: то нашъ миръ. До того пришло,

(1) Тамъ же, ч. I, 32—46.

(2) Тамъ же, ч. 1, 158—159; 162—163

что и пріемшіи власть наставляти и учити людей сами христіанскаго перваго ученія, его же Апостолъ млекомъ нарицаетъ, не вѣдаютъ. До того пришло и въ тая времена мы родилися, когда слѣпіи слѣпыхъ водятъ, саміи грубѣйшіи невѣжди богословствуютъ и догматы, смѣха достойные, пишутъ... Таковъ миръ нашъ, такое здравіе наше!... Видя же сіе, видимъ, какъ нужное дѣло твое, духовная коллегія, видимъ море купли твоей, видимъ широкую ниву жатвы твоей, видимъ пространный вертоградъ собранія плодовъ, тебѣ указаннаго" ([1]). Въ 1718 г., когда, по случаю суда надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, послышался сильный ропотъ и открыто было сочувствіе царевичу многихъ духовныхъ лицъ (митр. Стефана Яворскаго, Іоасафа Краковскаго, епископа Досиѳея и другихъ), Прокоповичъ сказалъ (6 апрѣля) Слово „*о власти и чести царской*", въ которомъ, доказывая, что воля царская должна свято исполняться подданными, онъ рѣзко и даже грубо, въ сатирическомъ тонѣ, нападалъ на всѣхъ противниковъ реформы, объясняя ихъ противленіе тупостію и неспособностію понимать смыслъ преобразованій, одностороннимъ аскетическимъ воззрѣніемъ на міръ, по которому все представляется имъ въ самомъ мрачномъ видѣ, и сами они являются настоящими мизантропами. „Суть нынѣшніе, говорилъ онъ, были и древніе настоящему ученію противницы, которые не невѣжды себѣ мнятся быти, но богословствуютъ отъ писанія, да такъ, какъ то летаютъ прузи, животное окрылатѣлое, но что чревище великое, а крыльца малыя и не по мѣрѣ тѣла: вздоймется полетѣть, да тотчасъ и на землю падаетъ. Тако и они, суще книгочіи, аки бы крылатые, покушаются богословствовати, аки бы летати, да за грубостію мозга буесловцами являются, не разумѣюще писанія, ни силы Божія... Суть нѣцыи (и далъ бы Богъ, дабы не были многіе) или тайнымъ бѣсомъ льстиміи, или меланхоліею помрачаемы, которые таковаго нѣкоего въ мысли своей имѣютъ урода, что все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно и правильно и не богопротивно; напримѣръ: лучше любятъ день ненастливый, нежели ведро; лучше радуются вѣдомостьми скорбными, нежели добрыми; самого счастья не любятъ и не вѣмъ какъ то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочихъ такъ: аще кого видятъ здрава и въ добромъ поведеніи, то конечно не святъ; хотѣли бы всѣмъ человѣкомъ быти злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, неблагополучнымъ и развѣ въ таковомъ состояніи любили бы ихъ. Таковыхъ Еллини нарицали місантропи, сіесть человѣконенавидцы. И есть давная и дивная повѣсть о

([1]) Тамъ же, ч. II, 66—68.

нѣкоемъ таковомъ, Тимонѣ именемъ, жителѣ Аѳинейскомъ: той толико болѣзновалъ сею страстію и, ненавидя добраго поведенія въ людяхъ, толь жадно желалъ злоключенія отечеству своему, что послѣжде сшелъ съ ума и таковый обморокъ и мечтаніе возъимѣлъ, аки бы ему подлинно нѣкто донесъ, будто аѳинеи вси хотятъ вѣшаться;... мужіе, рече, аѳинейстіи, есть у меня въ вертоградѣ древо великое, и много крѣпкихъ вѣтвей на немъ, да, для потребнаго на мѣстѣ томъ зданія, срубить хощу скоро же; молю васъ, идите, вѣшайтеся, ибо долго ждать не могу. Не обрѣтаются ли и нынѣ таковіи? Аще и не въ таковой мѣрѣ, обаче суть тако злобныи и понуры" ([1]). Эти слова, очевидно, были направлены противъ тѣхъ, которые жаловались на упадокъ древнихъ правилъ благочестія и обычаевъ старины и порицали слишкомъ веселую, разгульную жизнь, постоянныя потѣхи, пиры и ассамблеи Петра и его сподвижниковъ. Такихъ людей въ другой проповѣди (въ день св. Александра Невскаго, 30 августа 1718 г.) Прокоповичъ называетъ лицемѣрами, *мнимыми святцами*, которые „видѣнія сказуютъ, аки бы шпіонами къ Богу ходили, притворныя повѣсти то есть бабія басни баютъ, заповѣди бездѣльныя, храненія суевѣрныя кладутъ и такъ безстудно лгутъ, яко стыдно бы во истинну и просто человѣкомъ не точію честнымъ нарещися тому, кто бы такъ безумнымъ разскащикамъ вѣрилъ, но обаче мнози вѣруютъ, увы окаянства"! ([2]) 5-го февраля 1722 г. былъ изданъ Петромъ актъ о престолонаслѣдіи въ Россіи, по которому онъ предоставляетъ себѣ право назначить преемникомъ себѣ того, кого найдетъ наиболѣе способнымъ. Для оправданія этого акта Прокоповичъ составилъ обширный трактатъ „*Правда воли монаршей*", въ которомъ, на основаніи церковныхъ и гражданскихъ правъ и примѣровъ церковной и гражданской исторіи, старался доказать, что государь можетъ свободно назначить наслѣдника себѣ, не стѣсняясь ни первородствомъ, ни вообще какимъ-нибудь родствомъ. По случаю перенесенія начала новаго года съ 1-го сентября на 1-е января „лучшаго ради согласія съ народами европейскими въ контрактахъ и трактатахъ", многіе невѣжественные люди, „пономари и апостати", высказывали недовольство и называли эту перемѣну „погубленіемъ лѣтъ Божіихъ". Для объясненія этой перемѣны Прокоповичъ 1-го января 1725 г. сказалъ Слово, въ которомъ изложилъ исторію лѣтосчисленія и, указавъ на начало счета съ сентября мѣсяца, спрашивалъ недовольныхъ: „Что приличнѣе и чест-

---

([1]) У Пекарскаго: Наука и литер. при Петрѣ В., ч. I, стр. 485—487. У Чистовича: Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 27—29.

([2]) Слова и рѣчи Ѳеофана Прокоповича, ч. II, 16.

нѣе есть? праздновати ли новолѣтіе на память даней или податей отъ Константина наложенныхъ, или тогда, когда празднуемъ пришествіе въ міръ Сына Божія, имъ же мы отъ долговъ вѣчныхъ и отъ узъ нерѣшимыхъ свободилися?" ([1]).

Но не въ указанныхъ только проповѣдяхъ Прокоповичъ говорилъ о дѣлахъ Петра; онъ говорилъ о нихъ постоянно, почти въ каждой проповѣди, по всякому случаю. Особенно интересна въ этомъ отношеніи еще проповѣдь, сказанная имъ 18 октября 1716 года на день рожденія царевича Петра Петровича. Въ этой проповѣди онъ сгруппировалъ почти всѣ реформы Петра въ одну цѣльную картину, въ которой представилъ новую преобразованную Россію въ сравненіи съ прежней, не преобразованной. „Здѣ предлежитъ намъ сугубый путь гражданскаго и воинскаго правительства. Въ который первѣе устремимся? Пойдемъ первѣе въ гражданскій, яко домашній; воинскій бо за предѣлы отечества ведетъ. А здѣ да предстанетъ намъ свидѣтельство памяти всенародныя, память же не престарѣлыхъ людей, но недалече, за двадесять лѣтъ вспять заходящая. Что бо была Россія прежде такъ не долгаго времени? и что есть нынѣ? посмотримъ ли на зданія? на мѣсто грубыхъ хижинъ наступили палаты свѣтлыя, на мѣсто худаго хврастія дивные вертограды. Посмотримъ ли на градскія крѣпости? имѣемъ таковыя вещію, каковыхъ и фигуръ на хартіяхъ прежде не вѣдали и не видали. Воззримъ на сѣдалища правительская: новый сенаторовъ и губернаторовъ санъ, въ совѣтахъ высокій, въ правосудіи неумытный, желательный добродѣтелемъ, страшный злодѣяніямъ. Отверземъ статіи и книги судейскія? колико лишнихъ отставлено, колико здравыхъ и нужнѣйшихъ прибыло вновь. Уже и свободная ученія полагаютъ себѣ основанія, идѣже и надежды не имѣяху, уже ариѳметическія, геометрическія и прочія философскія искуства, уже книги политическія, уже обоей архитектуры хитрости умножаются. Что же речемъ о флотѣ воинскомъ?... Многая минувше, едино главнѣйшее изречемъ: на таковый сей трудный, новый, преславный заводъ не довольно было никое же имѣніе, ни лѣсы дубравныи, ни труды дѣлателей. Потребное было оруженоснымъ симъ ковчегамъ, симъ крылатымъ и бѣгъ пространный любящимъ палатамъ, потребное, глаголю, было мѣсто и поле, теченію ихъ подобающее, инако бы все суетное было. Здѣ же кто не видитъ, что державѣ россійской подобало простретися за предѣлы земные и на широкія моря пронести область свою? Купилъ намъ тое самодержецъ нашъ не сребромъ купеческимъ, но марсовымъ желѣзомъ... Се

([1]) Тамъ же, ч. II, 116—117.

уже единою ногою (Россія) на земли, другою же стоитъ на море, дивна всѣмъ, всѣмъ страшна и славна... А ты, новый и новоцарствующій граде Петровъ, не высокая ли слава еси фундатора твоего? Идѣже ни помыслъ кому былъ жительства человѣческаго, достойное вскорѣ устроися мѣсто престолу царскому. Кто бы отъ странныхъ здѣ пришедъ, и о самой истинѣ не увѣдавъ, кто бы, глаголю, узрѣвъ таковое града величество и велелѣпіе, не помыслилъ, яко сіе отъ двухъ или трехъ сотъ лѣтъ уже зиждется.... Августъ, римскій императоръ, яко превеликую о себѣ похвалу, умирая проглагола: кирпичный, рече, Римъ обрѣтохъ, а мраморный оставляю. Нашему же пресвѣтлѣйшему монарху тщета была бы, а не похвала сіе пригласити, исповѣсти бо воистину подобаетъ, древяную онъ обрѣте Россію, а сотвори златую: тако оную и внѣшнимъ и внутреннимъ видомъ украси, зданіи, крѣпостьми, правилами и правительми и различныхъ полезныхъ ученій добротою. Но еще побѣжимъ въ слѣдъ его воинскій, и здѣ точію имена вещей нѣкіихъ воспомянути можемъ: тако невозможно есть въ краткомъ времени предлагати повѣсть. Еще отроческою рукою разори Кизикермень, разруши Азовъ и дракона Асійскаго устраши; возъяренъ же неправеднымъ терзаніемъ льва Свѣйскаго, коль ему много наложи ранъ, коль много отсѣче градовъ и крѣпостей“ (1). Совершенно понятны такія восхваленія Петра В. за его преобразованіе и возвышеніе Россіи, за внесеніе въ нее началъ европейской науки и цивилизаціи; но нельзя однакожъ при этомъ оставить безъ вниманія того, что увлеченіе этой наукой и цивилизаціей у Прокоповича доходило до такой крайности, что превращалось въ совершенное самоуничиженіе. „Въ коемъ мнѣніи, говоритъ онъ, въ коей цѣнѣ бѣхомъ мы прежде у иноземныхъ народовъ? бѣхомъ у политическихъ мніми варвары, у гордыхъ и величавыхъ презрѣнніи, у мудрящихся невѣжи, у хищныхъ желательная ловля, у всѣхъ нерадими, отъ всѣхъ поругани... нынѣ же, которіи насъ гнушалися, яко грубыхъ, ищутъ усердно братства нашего, которіи безчестили, славятъ, которіи грозили, боятся и трепещутъ, которіи презирали, служити намъ не стыдятся; многія въ Европѣ коронованныя главы не точію въ союзъ съ монархомъ нашимъ идутъ доброхотно, но и десная его величеству давати не имѣютъ за безчестіе“ (2). Прокоповичъ считаетъ особымъ почетомъ и придаетъ великое значеніе даже тому обстоятельству, что многія въ Европѣ коронованныя главы „дес-

(1) Тамъ же, ч. I, 110—114.

(2) См. у Морозова: Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, стр. 259.

ная его величеству давати не имѣютъ за безчестіе“. Здѣсь лежитъ начало того рабства и крайняго самоуничиженія, которое потомъ стали показывать и высказывать русскіе люди при всякомъ столкновеніи съ Европой, при всякомъ сопоставленіи всего русскаго съ иностраннымъ.

Сопровождая похвалами всѣ дѣла Петра В., Θеофанъ и въ вѣчную жизнь напутствовалъ его великолѣпнымъ похвальнымъ словомъ. До глубины души потрясенный невыразимою скорбію, онъ воскликнулъ предъ его гробомъ: „Что се есть? до чего мы дожили, о Россіяне? что видимъ? что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ. Виновникъ безчисленныхъ благополучій нашихъ и радостей, воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію и воздвигшій въ толикую силу и славу, или паче рождшій и воспитавшій, прямый сый отечествія своего отецъ... скончалъ жизнь... Се оный твой, Россіе, Самсонъ, каковый дабы въ тебѣ моглъ явиться, никто въ мірѣ не надѣялся, а о явльшемся весь міръ удивился... Се твой первый, о Россіе, Іафетъ, неслыханное въ тебѣ отъ вѣка дѣло совершившій, строеніе и плаваніе корабельное... Се Моѵсей твой, о Россіе! не суть ли законы его, яко крѣпкая забрала правды и яко же не рѣшимыя оковы злодѣянія... Се твой, Россіе, Соломонъ, пріемшій отъ Господа смыслъ и мудрость многу зѣло... Се твой, о церкве россійская, и Давидъ и Константинъ! Его дѣло правительство синодальное, его попеченія пишемая и глаголемая наставленія“... (1).

Но съ кончиною Петра не окончилось служеніе Прокоповича дѣлу реформы. И при преемникахъ его онъ постоянно словомъ и дѣломъ поддерживалъ всѣ его преобразованія. При этомъ ему пришлось долго выдерживать сильную борьбу съ разными врагами, которые при жизни Петра молчали, а послѣ его смерти смѣло подняли голову. Онъ не палъ въ этой борьбѣ и вышелъ изъ нея даже полнымъ побѣдителемъ; но, къ сожалѣнію, онъ въ это время запятналъ себя разными грязными интригами и такими темными дѣлами, которыя обнаруживаютъ самыя непривлекательныя стороны въ его характерѣ и помрачаютъ его славу.

Проповѣди Гавріила Бужинскаго и Симона Кохановскаго.

Вмѣстѣ съ Θеофаномъ Прокоповичемъ дѣлу реформы служили своимъ словомъ и другія духовныя лица. Изъ нихъ болѣе другихъ въ этомъ отношеніи замѣчательны: еп. Рязанскій *Гавріилъ Бужин-*

(1) Слова и рѣчи Θеофана Прокоповича, ч. II, 127—133.

скій и *іеромонахъ Симонъ Кохановскій.* Бужинскій (ум. 1731 г.) былъ воспитанникъ Кіевской академіи. Въ Москвѣ онъ былъ сначала учителемъ въ славяно-греко-латинской академіи и въ то же время занимался переводомъ книгъ и сказываніемъ проповѣдей. Узнавъ о немъ, какъ о краснорѣчивомъ проповѣдникѣ, Петръ В. опредѣлилъ его въ 1719 г. оберъ-іеромонахомъ флота. Въ 1721 г. Бужинскій былъ сдѣланъ архимандритомъ Сергіевой Лавры и совѣтникомъ Синода; въ 1726 г. онъ возведенъ былъ въ санъ епископа Рязанскаго. Мы выше указали на заслуги Бужинскаго, какъ переводчика; о значеніи же его, какъ проповѣдника, въ одномъ старомъ стихотвореніи говорится:

«На стогнахъ городскихъ, въ святилищѣ церквей,
Въ поляхъ среди полковъ и средь морскихъ зыбей,
Бужинскій, истины вѣщая гласъ народу,
Храмъ, грады и полки и съ жителями воду
Съ восторгомъ радостнымъ внимающими зрѣлъ,
Когда величіе вѣщалъ Петровыхъ дѣлъ».

Какъ на отличительную черту въ характерѣ Петра, Бужинскій указывалъ въ своихъ проповѣдяхъ на его любовь къ Россіи, доходившую до полнаго самоотверженія. „Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя. Въ сей любви Петръ, истинный подражатель Христа Господа, не щадяше дражайшія души своея за отечество свое... въ трудахъ и подвизѣхъ, въ мразѣ и зноѣ, въ путешествіи и мореплаваніи, въ бѣдственныхъ на земли странствованіяхъ и въ многомятежнѣйшихъ и бѣдственнѣйшихъ морскихъ обуреваніяхъ; не щадяше души своея въ баталіяхъ, егда въ толикомъ былъ случаѣ, яко на дражайшей главѣ его шляпа пулею непріятельскою бысть пробита; не щадяше жизни своея въ мореплаваніи, яко единою въ толикомъ былъ на Балтійскомъ морѣ обуреваніи, идѣже уже всякая надежда спасенія пресѣчена бысть; вся же сія претерпѣвалъ за отечество, полагалъ душу свою за други своя" ([1]). Изъ дѣлъ Петра Бужинскій, какъ оберъ-іеромонахъ флота, прославлялъ въ своихъ проповѣдяхъ преимущественно дѣла военныя, доказывалъ пользу и необходимость флота и объяснялъ значеніе тѣхъ войнъ, какія были при Петрѣ. Доказывая необходимость флота для Россіи, Бужинскій говоритъ, что безъ морской силы государство подобно птицѣ, которая захотѣла бы летать съ однимъ крыломъ: „обносится премудрое Гетрурскаго князя, Космы де-Медицисъ, реченіе: не достоитъ сицеваго нарещи сильнымъ, иже силѣ земной не имать соединенныя

([1]) Собраніе словъ Бужинскаго. М. 1784, стр. 252.

силы морскія.... Исполнены суть историческія повѣсти, каковую пользу государствамъ содѣлали силы корабельныя; полны суть свидѣтельства, изъявляющія, колико скоростію и величествомъ дѣлъ творимыхъ прочихъ народовъ моремъ владѣющіе превосходятъ.... Единымъ симъ пособіемъ далечайшія страны покоряются, воинству помощь къ пропитанію преподается, и куда чрезъ многія лѣта сухопутныя войска достигнути не въ состояніи, то въ короткое время корабельныя силы содѣлати могутъ. И когда купечество неизреченную приноситъ государствамъ пользу, ибо нѣтъ ни одного царства, могущаго собою безъ торговъ быть довольнымъ; то заключить надобно, что онъ лучше нигдѣ не процвѣтаетъ, какъ въ мѣстахъ приморскихъ. Какое видится тамъ всего изобиліе, гдѣ находятся пристани морскія, и какой напротиву того примѣчается во всѣхъ даже и нужныхъ вещахъ недостатокъ въ тѣхъ селеніяхъ, которыя отдалены отъ моря, или вовсе лишены пристанищъ морскихъ“ (1). Защищая войны со шведами, подвергавшіяся порицанію, по причинѣ ихъ продолжительности и тяжести и дорогой стоимости для народа и государства, Бужинскій въ одной проповѣди говоритъ: „Всѣмъ любовни суть побѣды, всѣмъ пріятны торжества... тако вси доброходствуютъ къ чадамъ и плодамъ брани; противнымъ же образомъ, едва сицеваго обрящеши, иже бы о матери побѣдъ и торжества—*брани* доброе произнеслъ слово; вси на сію порицаютъ, воздыхаютъ, и что чудно, и между самими воинствующими вездѣ ей укоризны слышатся“. И, указавъ затѣмъ на главную укоризну, что война противна любви христіанской, онъ замѣчаетъ: „Не тако, кривотолки, не тако.... брани властителей христіанскихъ правильныя не суть противныя любленію враговъ, но паче согласныя; симъ бо самымъ тщатся враговъ своихъ отъ насильствія отвратити и призвати ихъ къ миру, послѣдовательно и къ дружбѣ“ (2). Въ частности, доказывая необходимость и законность войны со шведами, онъ говоритъ въ другихъ проповѣдяхъ: „Праведная сія брань и на зѣло правильныхъ причинахъ основана и начата бысть: за поруганіе чести царственной, за восхищенную неправедно и вѣроломно землю Ижерскую, за разореніе храмовъ и обителей Божіихъ, за разграбленіе многихъ провинцій и градовъ.... Начата праведная брань, и Богъ отмщеній Господь, Богъ отмщеній, Россіи дѣло пріялъ въ свое защищеніе, пріялъ въ свое покровеніе. Явствуютъ сія не тако частыя, но да тако реку, всегдашнія побѣды, отъ руки Божія подаваемыя, всегдашнія торжества, въ Россіи дѣйствуемыя“ (3). Изъ другихъ про-

(1) Слова Бужинскаго, стр. 19—22.
(2) Тамъ же, стр. 70.—(3) Тамъ же, стр. 60, 99.

повѣдей Бужинскаго замѣчательна проповѣдь въ похвалу новой русской столицы, сказанная при поднесеніи Петру В. „перво-вырѣзаннаго на мѣди плана и фасада Петербурга“. Въ этой проповѣди, какъ на особенныя достоинства, онъ указываетъ на важное стратегическое значеніе Петербурга, на красоту его мѣстоположенія и на удобство для внѣшней торговли и сношеній съ разными государствами. Между прочимъ, говоря о мѣстоположеніи Петербурга, онъ вдается въ такія крайнія и смѣшныя преувеличенія: „Не только всю Россію расположеніемъ и красотою превосходитъ мѣсто (Петербурга), но и въ иныхъ европейскихъ странахъ не только равное, но ниже подобное обрѣстися можетъ“.

Симонъ Кохановскій былъ также воспитанникъ Южной Россіи и подобно Гавріилу Бужинскому былъ іеромонахомъ флота, но въ 1733 г. былъ уволенъ на покой въ Печерскую Лавру. Изъ его проповѣдей особенно замѣчательна проповѣдь на день Благовѣщенія, сказанная имъ въ Ревелѣ въ 1720 г. Она направлена противъ раскольниковъ и вообще противъ всѣхъ суевѣрныхъ ревнителей старины, которые порицали новое образованіе и реформы Петра, считая ихъ противными древнему благочестію. „Откуда бываетъ, говоритъ онъ въ этой проповѣди, что мнозіи отъ насъ съ цѣлыми домами, женами и дѣтьми, оставивше честное гражданское сожительство и общеніе церкви святой, бѣгутъ изъ городовъ въ пустыни и тамо скотское и звѣрское житіе проводятъ? А другіе, покинувъ честную жену и чады, а иные оставивъ праведную службу государеву, бѣгутъ въ темные лѣса и разбойникамъ сообщаются? А которые, будто лучшіи, бѣгутъ отъ службы государевой въ монастыри и монашествомъ покрываются!.... Мнятъ бо бѣдные и ненаученые человѣцы, что въ пустынѣ, ради самой точію пустыни, или въ монастырѣ, ради самого точію монастыря, большее и скорѣйшее спасеніе, нежели въ мірѣ въ честномъ супружествѣ и въ гражданскомъ сожительствѣ. А другіе... ищутъ себѣ отдышки и прохлады въ скитахъ и монастыряхъ, будто, они мнятъ, что большіе труды въ монастыряхъ, нежели въ солдатствѣ, или на иной службѣ государевой. А сама совѣсть ихъ противное говоритъ, и будто большее и скорѣйшее спасеніе въ черномъ, нежели въ бѣломъ, или зеленомъ, или въ красномъ платьѣ, мнятъ, что ближайшее къ спасенію раздранное и гнусное рубище, нежели честная, чистая или свѣтлая риза. Думаютъ окаянніи, что веревки и желѣзныя цѣпи, которыми многіе лицемѣры и ханжи обмотуютъ себя и прельщаютъ простыя и незлобивыя сердца, думаютъ, глаголю, что пріятнѣйшія суть Богу, паче свѣтлой кавалеріи, которая часто много жесточайшая и много тягчайшая бываетъ, паче власяныхъ веревокъ, а наипаче егда пріидетъ стати ко непріятелю въ глаза, кровь и душу свою за вѣру, за отечество и за

государя своего изліяти. Мнятъ простые и никогда не слышавшіе евангельскаго благовѣстія, что извѣстнѣйшее спасеніе въ черной камилавкѣ, или въ клобукѣ, нежели въ парикѣ, въ солдатской шляпѣ, или въ простой мужицкой шляпѣ. А того, бѣдные, не знаютъ, а другіе и знати не хощутъ, что Богъ не зритъ такъ на клобукъ, какъ на парикъ, или на простую шляпу, такъ на раздранное и гнусное рубище, какъ на чистую и честную ризу и на прочіе внѣшніе строи и манеры, но зритъ на дѣла и помышленія человѣческія... Воззримъ уже и на другую злобу, которая тако въ народѣ нашемъ умножилася. Имя злобѣ оной *забобоны*, сирѣчь суевѣріе, или злочестіе, отъ котораго удобь раждается безбожіе.... напр. избрали себѣ мужики въ году двѣнадцать пятницъ и крѣпко утвердили и закрѣпили симъ глаголомъ: аще кто до тѣхъ пятницъ постится, молится и молебенъ имъ наймуетъ, то, по различію пятницъ, различныя отъ нихъ дарованія пріемлетъ (далѣе слѣдуетъ указаніе, какая пятница какое благодѣяніе доставляетъ, согласно съ извѣстнымъ апокрифическимъ сказаніемъ о 12-ти пятницахъ)... Что же, егда еще пойдемъ до окаянной мужицкой или паче до бабской богословіи, сирѣчь до буесловія и смѣхотворныхъ вопросовъ: которую икону почитати, а которой не почитати? какой крестъ на церквахъ ставити—осьмиконечный, или четвероконечный? которыми персты знаменіе крестное на себѣ положити? дважды или трижды аллилуіа глаголати?.. Бабьими баснями и мужицкими забобонами весь міръ наполнился: уже бо нынѣ не точію священницы и прочіе книжные люди, но и неграмотные мужики и бездѣльныя деревенскія бабы всю тую діавольскую богословію наизусть умѣютъ, которая пятница святѣйшая и которая сильнѣйшая.... А молитву Господню Отче нашъ развѣ сотый или тысящный мужикъ умѣетъ! На сколько просфорахъ обѣдню служити, всѣ о томъ ссорятся, а что есть причастіе тѣла и крови Христовой, того и не поминай.... Сказки бездѣльныя, скверныя бабьи пѣсни. . . и малыя дѣти наизусть умѣютъ, а десять заповѣдей Божіихъ, и старые мужики того не знаютъ“ ([1]).

ПРОТЕСТЫ И ПОЛЕМИКА ПРИВЕРЖЕНЦЕВЪ СТАРИНЫ ПРОТИВЪ РЕФОРМЪ И НОВАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Прокоповичъ, Бужинскій и Кохановскій стояли во главѣ партіи людей новаго образованія и при Петрѣ В. пользовались огромнымъ значеніемъ; но послѣ его смерти ихъ положеніе совершенно

([1]) Наука и литер. Пекарскаго, I, 492—494.

измѣнилось. Съ ними, какъ и со всѣми людьми новаго образованія, случилось то же самое, что въ XVII в. случилось съ кіевскими учеными, когда они явились въ Москву и встрѣтились здѣсь съ московскими грамотниками. Какъ кіевскіе ученые, воспитанные на латинскихъ книгахъ и въ школахъ, устроенныхъ по образцу латинскихъ школъ, заподозрѣны были въ латинствѣ и объявлены латынниками, такъ и люди новаго образованія, приверженцы реформы, постоянно обращавшіеся въ кругу нѣмцевъ протестантовъ, учившіеся у нихъ и читавшіе ихъ книги, заподозрѣны были въ протестантствѣ и считались протестантствующими. Въ приверженцахъ стараго образованія и стараго порядка дѣлъ особенное недовольство и сильные протесты возбуждали, какъ замѣчено выше, реформы въ церковной области, казавшіяся противными духу православія. Уничтоженіе патріаршества представлялось посягновеніемъ на достоинство и права церкви. Строгія предписанія Регламента—свидѣтельствовать мощи, чудеса, акаѳисты и житія святыхъ, запрещеніе строить церкви и часовни безъ разрѣшенія, ходить по домамъ съ иконами, строгія мѣры противъ монаховъ считались стѣсненіемъ духовной жизни и оскорбительнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла церковныя. Стремясь исправить религіозную жизнь народа, Духовный Регламентъ въ своихъ предписаніяхъ, Прокоповичъ и другіе проповѣдники въ своихъ проповѣдяхъ совершенно справедливо нападали на разныя суевѣрія и суевѣрные обряды и вообще на чисто внѣшнее обрядовое благочестіе, которое у необразованныхъ людей замѣняло собою истинное христіанское благочестіе; но при этихъ нападеніяхъ они часто вдавались въ крайности, рисовали рѣзкія и часто грубыя картины съ разными сатирическими выходками. Это подавало поводъ думать, что они относятся враждебно и вообще ко всей русской жизни, что, подобно нѣмцамъ протестантамъ, они вообще отвергаютъ внѣшнюю обрядовую сторону религіи. А свободная жизнь людей новаго образованія, усвоившихъ новые взгляды и обычаи, повидимому, подтверждала эти подозрѣнія. Подъ вліяніемъ иностранцевъ, они начали оставлять благочестивыя правила и обычаи старины, перестали соблюдать посты, ходить въ церковь, вели разгульную жизнь, просиживая ночи въ ассамблеяхъ. Недовольство новыми порядками и новыми людьми, поддерживавшими эти порядки, громко раздавалось въ кругу монашества, которое во время реформы лишилось многихъ прежнихъ преимуществъ, и особенно усилилось вслѣдствіе указа 1724 г., которымъ монастыри отдавались подъ богадѣльни и училища, обращались въ воспитательные дома „для зазорныхъ младенцевъ“, или въ инвалидные дома для призрѣнія старыхъ и увѣчныхъ солдатъ. Но до высшей степени раздраженіе должно было дойти въ средѣ раскольниковъ, противъ которыхъ

были приняты весьма строгія мѣры и которые, вслѣдствіе этого, время реформы начали считать временемъ антихриста, а самого Петра В. главнымъ его орудіемъ.

Такъ какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ стоялъ во главѣ людей новаго образованія и былъ самымъ горячимъ приверженцемъ и защитникомъ всѣхъ реформъ, то на него прежде всего и сильнѣе всего и должны были обрушиться раздраженіе и преслѣдованія старой партіи. Еще въ то время, какъ Петръ вздумалъ сдѣлать его Псковскимъ епископомъ, Стефанъ Яворскій предъявилъ, вмѣстѣ съ другими, сомнѣніе въ его православіи, такъ что Прокоповичъ долженъ былъ написать изложеніе своей вѣры. Ѳеофилактъ Лопатинскій также считалъ богословское ученіе Прокоповича не совсѣмъ православнымъ и когда появилось сочиненіе Прокоповича „*Распря Павла и Петра объ игѣ неудобоносимомъ*“ (1), гдѣ доказывалось, что законное оправданіе требуетъ всецѣлаго безгрѣшія и что безгрѣшенъ никто быть не можетъ, Ѳеофилактъ написалъ противъ него свое сочиненіе „*Объ игѣ Господнемъ благомъ*“, въ которомъ, между прочимъ, было замѣчено: „мудрованію (лютеранскому) о законѣ Божіемъ и о оправданіи послѣдуетъ отъ насъ произшедшій противникъ, яко же свидѣтельствуетъ его писаніе, о законномъ неудобоносимомъ игѣ сочиненное. И тожде сію нашу книжицу, на возраженіе ученію его составленную, чтущій всякъ увидитъ“ (2). За это сочиненіе Ѳеофилактъ, по проискамъ Ѳеофана, былъ подвергнутъ пыткамъ и заключенію въ крѣпости. Но ни Яворскій, ни Лопатинскій не были собственно врагами Прокоповича; они дѣйствовали добросовѣстно и по ревности къ православной вѣрѣ, которая, по ихъ убѣжденію, могла пострадать отъ разныхъ нововведеній. Настоящими врагами Прокоповича были епископъ Ростовскій Георгій Дашковъ и архимандритъ Юрьевскаго монастыря Маркеллъ Родышевскій.

Георгій Дашковъ (съ 1718 г. епископъ Ростовскій, съ 1725 года членъ Синода) былъ упорнымъ защитникомъ стараго порядка, стремился возстановить патріаршество и даже самъ мечталъ сдѣлаться патріархомъ и съ этою цѣлію старался расположить къ себѣ сильныхъ людей подарками. Сдѣлавшись членомъ Синода, онъ началъ борьбу съ Прокоповичемъ, какъ виновникомъ ненавистной ему церковной реформы. По поводу отобранія имѣній у монастырей и назначенія ихъ въ аренду служилымъ людямъ, онъ подалъ императрицѣ Екатеринѣ энергическій

---

(1) Напечатано въ IV части сочиненій Ѳеофана Прокоповича. М. 1774 г.— (2) Сочиненіе это существуетъ въ рукописи Моск. Акад. Смотр. Обозр. дух. лит. Филарета, ч. 2, № 15.

протестъ [1]. Но Дашковъ былъ человѣкъ не ученый и потому не могъ дѣйствовать прямо противъ Прокоповича, а избралъ для этого своимъ орудіемъ Маркелла Родышевскаго.

Маркеллъ Родышевскій былъ архимандритомъ Юрьевскаго монастыря, а потомъ съ 1742 г Корельскимъ епископомъ. По внушенію Дашкова онъ въ 1727 г сдѣлалъ доносъ, что въ книгахъ (Прокоповича): „О блаженствахъ Христовыхъ“, „Букварь съ десятословіемъ“ и прочія „печатныя поученія“ находится „много лютеранскихъ и кальвинскихъ ученій“, и предлагалъ собрать соборъ русскихъ пастырей для разсмотрѣнія этихъ книгъ, развращающихъ церковное ученіе, и для отлученія отъ церкви того, кто, по изслѣдованію, явится виновнымъ въ сочиненіи и распространеніи этихъ книгъ [2]. Въ 1730 г. Родышевскій написалъ возраженія на Регламентъ и на указъ о монашествѣ. Въ возраженіяхъ на Регламентъ доказывается, что патріаршество есть не только древнѣйшая, но и единственно законная форма церковнаго управленія; въ возраженіяхъ на указъ о монашествѣ защищается древне-русская форма монашества противъ новыхъ постановленій о монашествѣ [3]. Кромѣ того, Родышевскій считалъ противными православному ученію церкви книги, переведенныя Гавріиломъ Бужинскимъ— „Ѳеатронъ историческій“ Стратемана и „Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ“ и „О должностяхъ человѣка и гражданина“ Пуффендорфа.—Сочиненія Родышевскаго и особенно объяснительные пункты, представленные имъ въ тайную канцелярію, наполнены обвиненіями противъ Прокоповича въ разныхъ противностяхъ церкви, вслѣдствіе чего Прокоповичъ признается еретикомъ, лютераниномъ.—Сравнивая эти обвиненія Родышевскаго съ тѣми объясненіями, какія, по поводу ихъ, давалъ Прокоповичъ, мы открываемъ настоящую сущность дѣла. Сущность дѣла заключалась въ различіи принциповъ въ вѣрѣ старой и новой партіи, различіи, которое и было главною причиною упрековъ Прокоповичу и его сторонникамъ въ лютеранствѣ. Маркеллъ Родышевскій, между прочимъ, доносилъ на Прокоповича, что онъ не признаетъ подлинности апостольскихъ правилъ: „тѣ правила, которыя называются апостольскія, не ихъ“. Прокоповичъ на это отвѣчалъ: „Правила апостольскія пріемлю за апостольскія по ученію, но не по соглашенію т. е. въ правилахъ оныхъ ученіе апостольское, но словесъ составъ или сочиненіе не отъ апостолъ сдѣлано, что вси вѣдаютъ, которые не Маркелловымъ образомъ о дѣлѣ богословскомъ обучаются“. Ро-

---

(1) См. у Чистовича: Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 189 и дал.

(2) Тамъ же, стр. 231—232.—(3) Анализъ этихъ сочиненій тамъ же, стр. 313—334.

дышевскій говорилъ о Прокоповичѣ: „Святыхъ отецъ книгу Діонисія Ареопагита называлъ неправедною и говорилъ, что и многія де книги, изданныя подъ именемъ Василія В. и Златоустаго и прочихъ, ложныя“. Прокоповичъ отвѣчалъ: „Трудно, или паче невозможно слѣпому разсуждать о краскахъ и цвѣтахъ. О Діонисіевой книгѣ издревле у церковныхъ учителей бывало преніе. Преніе же есть не о ученіи, въ оной книгѣ написанномъ, но о творцѣ книги—Ареопагитскій ли, или иной Діонисій сочинилъ книгу оную. И одни се, а другіе то говорятъ безъ раздору вѣры и любви, понеже не надлежитъ до вѣры артикуловъ. Вѣдаемъ, что святыхъ отецъ многія книги суть прямыя ихъ, которыя и церковь пріемлетъ, но вѣдаемъ, что многія суть подметныя, подъ именемъ сего, или другаго святаго изданныя, напр. есть святаго Златоустаго толкованіе на Евангеліе Матѳеево, сущее его; есть же и другое тогожде Евангелія толкованіе, изданное отъ нѣкоего аріанина.... И что се дивно, что подъ именемъ разныхъ святыхъ многія писанія притворены: напр. Евангеліе Іаковле, посланіе Варнавино, Евангеліе Петрово, Варѳоломеево, Ѳомино, Ѳадѣево, Филиппово, Никодимово и проч. Изъ которыхъ притворныхъ, подъ именами апостольскими, книгъ много и доселѣ обрѣтаются, но яко ложныя отъ церкви не пріемлются и были вымышленныя отъ разныхъ еретикъ въ разныя времена“. Родышевскій доносилъ на Прокоповича: „Говоритъ, что ученія-де никакого добраго въ церкви святой нѣтъ, а въ лютеранской-де церкви все ученіе изрядное“. Прокоповичъ отвѣчалъ: „Говоримъ часто съ воздыханіемъ не о лютеранахъ однихъ, но и о папистахъ, кальвиніанахъ, арминіанахъ, и о самыхъ злѣйшихъ и магометанскому злочестію близкихъ социніанахъ, что у нихъ школъ и академій и людей ученыхъ много, а у насъ мало. И сіе слово говоритъ Павелъ святый въ первомъ къ Коринѳяномъ посланіи, въ главѣ первой, сказуя, что отъ правовѣрныхъ не многіи премудріи. И ино есть ученіе, ино же ученый человѣкъ. Ученіе церковное въ священномъ писаніи, которое содержатъ и еретики, хотя отчасти разумъ его развращаютъ, также въ соборахъ правильныхъ и въ книгахъ отеческихъ. А ученый человѣкъ, который умѣетъ языки, знаетъ многія исторіи, искусенъ въ философскихъ и богословскихъ преніяхъ, хотя добраго хотя злаго онъ исповѣданія. Моя же рѣчь есть о ученыхъ людяхъ, а не о церковномъ ученіи, въ книгахъ заключенномъ“. Родышевскій говорилъ о Прокоповичѣ: „Чудесамъ святыхъ, напечатаннымъ въ книгахъ, не вѣритъ и говоритъ: мнѣ-де критика книгамъ вѣрить не велитъ“. Прокоповичъ отвѣчалъ: „Говорю и не я одинъ, что лицемѣры иногда притворяютъ святымъ иконамъ чудеса, о чемъ многія обличенія суть и недавно на судѣ

синодальномъ явились“ [1].—Изъ этихъ и другихъ объясненій видно, что въ мнѣніяхъ Прокоповича не было ничего еретическаго, что его неправославіе заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что онъ не смѣшивалъ ученія вѣры съ предметами знанія, непреложныхъ истинъ съ спорными вопросами науки, церковныхъ обрядовъ съ разными, часто суевѣрными, обычаями. Онъ постоянно возставалъ противъ этого смѣшенія, такъ какъ оно составляло основной недостатокъ древняго періода, когда, вслѣдствіе отсутствія образованія, къ истинамъ вѣры примѣшивалось множество заблужденій, когда многіе суевѣрные обычаи возведены были на степень церковныхъ обрядовъ, и стремленіе уничтожить эти заблужденія и обычаи послужило одною изъ причинъ раскола. Вина Прокоповича заключалась въ томъ, что онъ возставалъ противъ этихъ недостатковъ слишкомъ рѣзко и грубо.

Вмѣстѣ съ Дашковымъ и Родышевскимъ за старыя формы церковной жизни и церковнаго управленія стоялъ директоръ типографіи Михаилъ Авраамовъ (род. 1681 г.). Изъ автобіографіи его видно, что онъ былъ человѣкъ, проникнутый ревностію по вѣрѣ, но не имѣлъ достаточнаго образованія, чтобы правильно судить о дѣлахъ вѣры и церкви. Сначала онъ служилъ въ Посольскомъ приказѣ, былъ при посольскихъ дѣлахъ въ Голландіи при Матвѣевѣ, потомъ служилъ въ Оружейной палатѣ и наконецъ въ Петербургской типографіи, гдѣ занимался печатаніемъ книгъ. Авраамовъ извѣстенъ разными проектами, которые онъ подавалъ государямъ, начиная съ Петра В., Петру II, Аннѣ Іоанновнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ [2].

Въ то время, какъ старая партія упрекала людей реформы и новаго образованія въ протестантствѣ, люди новаго образованія упрекали ее въ латинствѣ. Эти упреки были также несправедливы. Они образовались подъ вліяніемъ иностранцевъ, которые, съ разными западными обычаями, принесли въ Россію и ту вражду, какая существовала между католичествомъ и протестантствомъ на Западѣ. Русскіе усвоили отъ нѣмцевъ протестантскія воззрѣнія на церковь и стали прилагать ихъ къ русской церкви, отыскивая въ ея дѣйствіяхъ и стремленіяхъ католическія замашки. Мы замѣтили выше, что въ русскомъ патріархѣ Петру В. представлялся папа; въ стремленіи духовенства защитить свои права и значеніе Прокоповичъ указывалъ папежскій духъ; Татищевъ, какъ увидимъ ниже, смотрѣлъ на русскую церковь также съ протестантской точки зрѣнія и всему духовенству рус-

---

(1) Смотр. у Чистовича: Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 211—218; 574—575.

(2) Объ этихъ проектахъ тамъ же, стр. 267—270.

скому въ до-Петровскій періодъ приписывалъ католическія тенденціи. Какъ старая партія нападеніе Прокоповича на разные суевѣрные обряды и вообще на пристрастіе ко внѣшней обрядовой сторонѣ благочестія называла протестантствомъ, такъ новая партія защиту вообще внѣшняго богопочтенія, которое стало упадать въ людяхъ новаго образованія, называла католичествомъ, а защитниковъ его—папистами. Эти взаимныя обличенія, въ которыя вмѣшались и раздували своими интригами иностранцы, выразились со всею силою и крайностію въ полемикѣ по случаю изданія „Камня вѣры" Яворскаго, которая, по характеру своему, во многихъ отношеніяхъ, напоминаетъ собою извѣстную полемику въ юго-западной литературѣ, по поводу знаменитаго „*Апокрисиса*" Христофора Филалета.

Полемика по поводу Камня вѣры. Петръ В., какъ выше сказано, не позволилъ Яворскому напечатать Камень вѣры; но послѣ смерти Петра, когда русская партія при дворѣ находилась въ болѣе благопріятномъ положеніи, Θеофилактъ Лопатинскій, съ разрѣшенія Верховнаго тайнаго совѣта, издалъ Камень вѣры въ 1728 г. Это изданіе произвело сильную бурю между протестантами, какъ въ Россіи, такъ и за границей, и было поводомъ къ появленію нѣсколькихъ полемическихъ сочиненій. Въ слѣдующемъ году въ „Лейпцигскихъ Ученыхъ Актахъ" былъ помѣщенъ строгій разборъ Камня вѣры, а потомъ вскорѣ, отъ имени Буддея, явилось сочиненіе, въ которомъ защищались всѣ пункты лютеранскаго ученія противъ возраженій Яворскаго и доказывалось, будто сочинитель Камня вѣры мало интересовался истиной, а только хотѣлъ излить свое негодованіе на протестантское ученіе. Въ томъ же году въ Тюбингенѣ напечатано было на латинскомъ языкѣ сокращеніе Камня вѣры Іоанномъ Теодоромъ Яблонскимъ. Академикъ Бильфингеръ перевелъ изъ Камня вѣры на латинскій языкъ главу о наказаніи еретиковъ и послалъ ее лютеранскому богослову Л. Мосгейму, а Мосгеймъ написалъ на нее опроверженіе: De poenis haereticorum cum Stephano Javorscio disputatio. Между тѣмъ католики были весьма рады появленію Камня вѣры. Они уже давно съ завистію и опасеніемъ смотрѣли на преобладаніе въ Россіи и особенно при дворѣ протестантской партіи и боялись отъ нея совращенія Россіи въ протестантство. Поэтому они въ своихъ интересахъ считали обязанностію защитить Камень вѣры. Въ это время, въ Петербургѣ, при испанскомъ посланникѣ, дюкѣ де-Лиріа, находился доминиканецъ Рибейра. Ему и было поручено написать сочиненіе въ защиту Камня вѣры. Сочиненіе написано было въ формѣ отвѣта Буддею и посвящено императрицѣ. Этимъ католики хотѣли расположить

императрицу къ своему давнему проекту о соединеніи церквей— православной и католической. Выше указано, что еще въ 1717 г. Петру В., когда онъ былъ въ Парижѣ и посѣщалъ Сорбонскую академію, сорбонскіе богословы сдѣлали предложеніе о соединеніи церквей, и вслѣдствіе этого происходила переписка между ними и русскими богословами (отвѣтъ сорбонскимъ богословамъ писали Яворскій и Прокоповичъ), не приведшая ни къ какимъ результатамъ. Теперь это дѣло возобновилось по слѣдующему обстоятельству. Княгиня Долгорукова, супруга князя Сергѣя Долгорукова, въ бытность съ мужемъ своимъ въ Голландіи, перешла въ католичество. Католики послали съ ней въ Россію Жака Жюбе, какъ для поддержанія ея въ новой вѣрѣ, такъ и для того, чтобы онъ старался о соединеніи церквей. Когда дюкъ де-Лиріа узналъ объ этомъ, то онъ всѣми мѣрами началъ помогать Жюбе, и одною изъ этихъ мѣръ было сочиненіе Рибейры. Между тѣмъ, и самъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, издавшій Камень вѣры, по совѣту князя Д. М. Голицына, почитателя памяти Стефана Яворскаго, написалъ также *Апокрисисъ*, или возраженіе на книгу Буддея; но тайная канцелярія не дозволила ему напечатать его, даже взяла съ него сказку не только не писать противъ Буддея, но и никому о той сказкѣ не сказывать подъ смертнымъ страхомъ (¹). Такое строгое запрещеніе Ѳеофилактъ объяснялъ происками протестантской партіи и особенно вліяніемъ покровительствовавшаго этой партіи Ѳеофана Прокоповича, которому онъ приписывалъ и самое составленіе книги отъ имени Буддея. Такова была полемика противъ Камня вѣры иностранцевъ. Въ Россіи противъ Камня вѣры какой-то неизвѣстный сочинитель (русская партія подозрѣвала въ немъ того же Прокоповича) написалъ пасквиль, или бранное сочиненіе, подъ названіемъ: „*Молотокъ на Камень вѣры*“. Само собою разумѣется, что въ то время, когда Камень вѣры былъ запрещенъ и выраженіе сочувствія къ нему и его сочинителю считалось государственнымъ преступленіемъ и доводило до тайной канцеляріи, нельзя было писать ничего противъ *Молотка*, но въ царствованіе Елисаветы Петровны, когда протестантская партія если не совсѣмъ пала, то значительно ослабѣла, явилось „*Возраженіе на Молотокъ*“, которое приписывается Арсенію Маціевичу (²).—Сравнивая оба эти сочиненія—„*Молотокъ*“ и „*Возраженіе*“ на него, мы находимъ, что сочинители ихъ

(¹) Сохранилось высочайшее повелѣніе (императрицы Анны Іоанновны) объ арестованіи книги «Камень вѣры» августа 19 дня 1732 г. Древн. и Новая Россія. 1879 г. № 1.

(²) Существенные пункты полемики Молотка и Возраженія на Молотокъ изложены у Чистовича: Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 387—407.

слишкомъ увлекались въ личные раздоры и въ своихъ взаимныхъ обличеніяхъ доходили до разныхъ крайностей. Сочинитель Молотка совершенно несправедливо обвиняетъ Яворскаго въ католичествѣ, въ стремленіи внести въ русскую церковь католическіе элементы. Единственнымъ поводомъ къ этому обвиненію могло послужить только то, что Яворскій, обличая и опровергая въ Камнѣ вѣры протестантское ученіе, пользовался католическими источниками, употреблялъ выработанные у католическихъ полемистовъ пріемы и приводилъ часто одни и тѣ же доказательства; но это нисколько не могло доказывать его согласія съ католическимъ ученіемъ вообще, потому что при этомъ разсматривались такіе предметы, въ которыхъ протестанты одинаково расходятся и съ православными и съ католиками. Авторъ „*Возраженія на Молотокъ*", защищая Яворскаго отъ несправедливыхъ клеветъ, впадаетъ также въ крайности, употребляетъ такія рѣзкія и часто неприличныя выходки, что полемика его получаетъ характеръ брани оскорбленнаго самолюбія. Вообще надобно сказать, что обѣ партіи,—противниковъ Камня вѣры и его защитниковъ, упрекавшія другъ друга то въ католичествѣ, то въ протестантствѣ, увлекались въ сильныя крайности, какъ это обыкновенно бываетъ при борьбѣ разныхъ направленій. Эта борьба, начавшаяся съ реформами Петра, продолжалась въ теченіе всей первой половины XVIII вѣка.

СОЧИНЕНІЯ И. Т. ПОСОШКОВА.

Біографическія свѣдѣнія о Посошковѣ. Иванъ Тихоновичъ Посошковъ представляетъ собою типъ русскаго человѣка въ переходную эпоху отъ старой до-Петровской жизни къ новому ея строю во время реформы. Изъ его сочиненій мы можемъ видѣть, какое впечатлѣніе производили новое образованіе и новая жизнь на простыхъ русскихъ людей (1). Посошковъ былъ кре-

(1) Сочиненія Посошкова изданы: Погодинымъ. Часть I, Москва. 1842. Часть II, Москва. 1863 г.; А. Н. Поповымъ: Завѣщаніе отеческое. Москва. 1873 г. (Полный текстъ Завѣщанія отеческаго изданъ въ составѣ 9 главъ съ обширнымъ введеніемъ Е. М. Прилежаевымъ. СПБ. 1893). Изслѣдованія о Посошковѣ: Иванъ Посошковъ, какъ экономистъ. А. Г. Брикнера, Журн. М. Н. Пр. 1875—1876 г. Ч. 183—186. Мнѣнія Посошкова о религіи и церкви. А. Г. Брикнера, Русск. Вѣстн. 1878. Іюнь. Мнѣнія Посошкова о нравственности и воспитаніи. А. Г. Брикнера, Русск. Вѣстн. 1878. Августъ. Мнѣнія Посошкова о судопроизводствѣ и законодательствѣ. А. Г. Брикнера, Русск. Вѣстн. 1879. Іюнь. Извѣстіе о неизданныхъ сочиненіяхъ Ивана Посошкова. Академика А. Куника, Зап. Акад. Наукъ, т. V. 1864. О двухъ неизданныхъ сочиненіяхъ Посошкова. Е. М. Прилежаева, Христ. Чтен. 1878, ч. I, стр. 33—73.—Посошковъ и его сочиненія. А. Царевскаго. Москва. 1882.

стьянинъ Покровскаго села подлѣ Москвы, родился, какъ можно вывести изъ его сочиненій, не раньше 1652 и не позднѣе 1653 г. Онъ называетъ себя „*простецомъ*“, не получившимъ никакого училищнаго образованія, но онъ былъ весьма начитанъ, особенно въ старыхъ книгахъ, нѣсколько времени былъ раскольникомъ, какъ самъ объявляетъ о себѣ въ своихъ сочиненіяхъ. О жизни Посошкова сохранилось мало свѣдѣній. Извѣстно, что онъ былъ человѣкъ если не богатый, то весьма состоятельный. Онъ занимался разными механическими дѣлами: работалъ на денежномъ дворѣ, устанавливалъ денежные станы, дѣлалъ огнестрѣльныя рогатки; зналъ свойства сѣры, асфальта, нефти, вохры и проч.; но особенно онъ былъ искусенъ въ винномъ производствѣ. Въ 1719 г. онъ подавалъ просьбу князю Д. М. Голицыну о позволеніи построить винокуренный заводъ и взять водку на откупъ, въ 1724 г. у него былъ заводъ съ приписанными къ нему людьми и землею. Эти разнообразныя дарованія Посошкова и стремленіе его составлять разные планы и проекты, естественно, приводили его въ столкновеніе съ разными высшими и вліятельными лицами. Онъ часто обращался къ митр. Стефану Яворскому, находился въ сношеніяхъ съ кн. Б. А. Голицынымъ и кн. Д. М. Голицынымъ, Л. К. Нарышкинымъ, бояриномъ Ѳ. Головинымъ; былъ извѣстенъ Ѳеофану Прокоповичу и самому Петру В. Отличительную черту въ характерѣ Посошкова составляли непобѣдимая любовь къ правдѣ и глубокій патріотизмъ. Его сильно возмущали разныя злоупотребленія и неправды въ русской жизни, и онъ рѣзко возставалъ противъ нихъ въ своихъ сочиненіяхъ. Какъ патріотъ, онъ горячо любилъ русскихъ людей и не любилъ иностранцевъ за то, что они вносили въ русскую жизнь свои воззрѣнія, нравы и обычаи, и безъ всякаго стѣсненія высказывалъ свое нерасположеніе къ нимъ. Эти свойства его характера, вѣроятно, и были причиною его погибели. Въ просьбѣ своей, при которой онъ представилъ Петру В. свое сочиненіе „*О скудости и богатствѣ*“, онъ говорилъ: „Въ россійскомъ народѣ присмотрѣхъ отчасти, яко во владущихъ судіяхъ, тако и въ подвластныхъ, многое множество содѣвающіяся неправды и всякихъ неисправностей. Того ради возжелахъ предъ очи твоего императорскаго величества о достовѣрныхъ и слышанныхъ и о мнимыхъ дѣлѣхъ предложити, по мнѣнію своему, изъявленіе“. При этомъ онъ просилъ, чтобы его имя оставалось неизвѣстнымъ „ненавистливымъ и завистливымъ людямъ, особенно же ябедникамъ и обидчикамъ и любителямъ неправды, понеже, говорилъ онъ, не похлѣбуя имъ, писахъ, и аще увѣдаютъ о моей мизерности, то не попустятъ меня на свѣтѣ ни мало времени жити, но прекратятъ животъ

мой". Но видно, не укрылось имя Посошкова, и онъ погибъ отъ тѣхъ, кого боялся. Онъ умеръ 1-го февраля 1726 г. въ Петропавловской крѣпости, куда былъ заключенъ чрезъ годъ по окончаніи своего сочиненія *„О скудости и богатствѣ"* и, можетъ быть, за это самое сочиненіе. Сочиненія Посошкова: 1) Книга о скудости и богатствѣ, 2) О ратномъ поведеніи донесеніе боярину Ѳ. А. Головину, 3) Отеческое завѣщательное поученіе посланному для обученія въ дальнія страны юному сыну, которое, впрочемъ, по изслѣдованію Брикнера, оказывается не подлиннымъ (1); оно заключаетъ въ себѣ много противорѣчій „Завѣщанію отеческому", которое въ 1873 г. издано А. Н. Поповымъ и которое несомнѣнно принадлежитъ Посошкову; 4) Доношеніе митр. Стефану Яворскому о разныхъ непорядкахъ въ жизни, религіозныхъ и нравственныхъ; 5) Зерцало, сирѣчь изъявленіе очевидное и извѣстное на суемудрія раскольнича, и 6) Два неизданныя сочиненія (Два доношенія къ Стефану Яворскому; между прочимъ—проектъ о школахъ) (2). Изъ нихъ особенно замѣчательны: Завѣщаніе отеческое, Книга о скудости и богатствѣ и Зеркало очевидное. Въ нихъ всего полнѣе выразились замѣчательные взгляды и сужденія Посошкова.

Завѣщаніе отеческое. По своему характеру, „Завѣщаніе отеческое" однородно съ завѣщаніемъ священника Сильвестра и его Домостроемъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ можетъ быть названо также Домостроемъ XVII в. Въ немъ рисуется идеалъ жизни, въ противоположность современному состоянію русской жизни, которое Посошкову положительно не нравилось. Современная жизнь представляла два крайніе пути, на которые тогда уклонялись русскіе люди и которые, по мнѣнію Посошкова, одинаково были далеки отъ истины. На одномъ пути стояли раскольники, которые совершенно отвергали всякія реформы и самого Петра В. называли антихристомъ. На другомъ пути стояли новые люди, ревностные, но часто неразумные приверженцы реформы, которые съ европейскимъ образованіемъ усвоивали и всѣ слабости и пороки иностранцевъ и, бросивъ всѣ благочестивые обычаи старины, пустились въ веселую жизнь, по нѣмецкому образцу. Эта распущенность страшно возмущала Посошкова. Но онъ хорошо

---

(1) О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ Посошкову. Русск. Вѣстн. 1874 г., т. CXII.

(2) Содержаніе этихъ сочиненій Посошкова изложено въ указанной выше статьѣ Прилежаева.

также зналъ и глубоко ненавидѣлъ грубое невѣжество раскольниковъ и ихъ лицемѣрное благочестіе. Поэтому, онъ совѣтуетъ своему сыну одинаково удаляться отъ того и другаго пути—„*не склоняться ни на шуйюю сторону, ниже на мнимое десно*“. Онъ хочетъ представить ему образецъ жизни, занимающій, по его представленію, средину между этими двумя крайностями. „И сего ради, говоритъ онъ, буди неподвиженъ, но стой яко мраморный столпъ, на недвижимомъ камени утвержденный, *не склоняйся ни на шуйюю сторону, ниже на мнимое десно*, понеже отъ мнимыя десности многое множество народа древле отъ истиннаго благочестія христіанскаго совратилося и въ вѣчную погибель снидоша... овыя во лжехристовщину, овыя же во лжемоисеевщину, иніи же во олазливую (пронырливую) поповщину, а иніи во всеконечную безпоповщину и во иныя многоразличныя вѣръ названія разыдошася... И ты, сыне мой, крѣпко сему внимай и храни себя отъ ихъ прелестей опасно, дабы тебѣ не поползнутися въ люторское и ихъ раскольниче проклятое мудрованіе. Нынѣ бо мнози изъ русскаго народа, научившеся отъ иноземцевъ, отъ правыя своея древнія вѣры въ люторское зловѣріе начинаютъ склонятися и отъ... Мартина Лютора установленные, слабые и роскошные и весьма развращенные, законы начинаютъ принимати, свои же древніе отъ самого Бога и отъ учениковъ его и отъ ихъ преемниковъ святыхъ отецъ установленные законы... отмещутъ... А то забыли, колико въ древней вѣрѣ Господь Богъ угодившихъ ему явными и дивными чудесы прославилъ, а Мартинъ Люторъ восталъ, тому уже слишкомъ двѣсти лѣтъ минуло, а не видѣть, ни слышать, кто бы въ ихъ въ нововымышленной вѣрѣ живой или мертвый чудотворецъ явился; только такихъ чудотворцевъ видимъ много, что могутъ до полунощи, иноежъ и до самаго свѣта, въ скаканіи и танцованіи безъ сна проводити, умѣютъ же и пити съ музыками, и карты играти, и таковая ихъ чудотворенія извѣстно мы вѣмы. Обаче всѣхъ насъ, во благочестіи сущихъ, да сохранитъ Господь отъ такова ихъ чудотворенія“ (¹).

Общее правило поведенія, предписываемаго Посошковымъ, выражено словами Евангелія: *вся, елика хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде* (Лук. 6, 31). „Такъ, сыне мой, говоритъ онъ, опасно живи, дабы ты не токмо человѣкамъ, но и скотомъ милъ бы ты былъ, и всякое дѣло первѣе къ себѣ приложи, и помысли о немъ, угодно ль оно будетъ тебѣ,

---

(¹) Завѣщаніе отеческое къ сыну своему, со нравоученіемъ, за подтвержденіемъ божественныхъ писаній. Открыто и издано А. Поповымъ. Москва. 1873 г. стр. 1—5.

и аще тебѣ оно угодно, то и инымъ твори безъ сумнѣнія; и аще же оно тебѣ самому не угодно явится, то ты таковаго дѣла людемъ отнюдъ творити не замышляй" ([1]). Во всѣхъ случаяхъ жизни онъ совѣтуетъ соблюдать смиренномудріе и удаляться отъ высокоумія: „Св. апостолъ, римляномъ уча, глаголетъ, яко кіи человѣцы возмнятъ себя быти мудрыхъ, тіи уже обезумишася (Рим. 1, 22)". Потомъ слѣдуютъ совѣты о воспитаніи дѣтей, начинающіеся указаніемъ, какія имена нужно давать дѣтямъ и какія слова прежде всего нужно заставлять ихъ произносить. Нужно давать дѣтямъ имена тѣхъ святыхъ, во дни которыхъ они родятся, и не избѣгать, какъ это дѣлаютъ, именъ тяжелыхъ, или трудно произносимыхъ, каковы напр. Созонтъ, Доримедонтъ, Ѳалалей и т. п. Учить дѣтей говорить нужно начинать не словами *„тятя и мама"*, но словомъ „Богъ" ([2]). Съ особенною силою онъ старается внушить родителямъ воспитывать дѣтей въ ученіи и не баловать ихъ: „Азъ бо много таковыхъ... видѣхъ, кіи въ потворствѣ возросли, овіи повѣшены, овіи же въ пьянство уклонилися и пожитковъ своихъ лишишася и смертми нечаянными измроша, иніи же безвѣстно погибоша" ([3]). Учить дѣтей Посошковъ совѣтуетъ славянской грамматикѣ, письму и выкладкѣ цифирной, языкамъ латинскому, греческому или польскому и потомъ какому-нибудь художеству. Особенно онъ настаиваетъ на рисованіи, чтобы всякое дѣло прежде начинанія человѣкъ могъ „нарисовати по размѣру. И аще въ размѣрѣ будетъ силу знати, то ко всякому мастерству будетъ ему способно" ([4]). Подобно Домострою, Посошковъ повелѣваетъ уважать и почитать отца духовнаго, совѣтоваться съ нимъ, а также съ другими опытными людьми и наконецъ съ женою. На жену Посошковъ смотритъ уже гораздо выше, чѣмъ Домострой. „А безъ совѣта, наипаче безъ женняго, говоритъ онъ, отнюдь ничего не твори, понеже она (жена) отъ самого Бога дана тебѣ не ради порабощенія, или токмо послуженія, но ради самыя помощи.... И посему аще кто будетъ жену ничтожить и претворять ю въ рабій образъ, и той будетъ Богу противно чинити. Богъ ее нарекъ помощницею, а не работницею, и не простою помощницею, но подобною" ([5]).

Наставленія Посошкова во многомъ сходны съ Домостроемъ и часто также излишне подробны и мелочны. Предписывая напр. правила, какъ нужно христіанину держать себя въ церкви, во время литургіи, онъ подробно опредѣляетъ каждое движеніе мо-

---

([1]) Завѣщ. отеч., стр. 18—19.—([2]) Тамъ же, стр. 49.—([3]) Тамъ же, стр. 52.
([4]) Тамъ же, стр. 55—56.—([5]) Тамъ же, стр. 70.

лящагося, что нужно въ то или другое время дѣлать, думать и чувствовать. Таковы же наставленія относительно почитанія иконъ: „А и образовъ святыхъ не почитай всѣхъ за едино равенство, но Божіему образу отмѣнную и честь отдавай и свѣщу бóльшую, нежели рабовъ его образамъ поставляй. И образу пресвятыя Богородицы постави свѣщу таковую же или мало чимъ и помнѣе. А образамъ святыхъ угодниковъ Божіихъ свѣщи подавай меньше Спасителевыхъ и Богородичныхъ свѣщь... А и въ поклонѣхъ имѣй разньство же: каковъ поклонъ сотвориши образу Спасителеву, или Богородичну, то такова поклона никоего святаго образу отнюдъ не твори... Никогда убо въ равенство съ Богомъ святыхъ... не равняй. Самъ бо Господь о семъ рекъ, яко нѣсть рабъ болій Господа своего (Іоан. 13, 16)... Есть бо въ простомъ народѣ много того, иже образу Божію поклонъ творятъ въ поясъ, Николая же чудотворца образу, такожде и иныхъ святыхъ образамъ поклоны творятъ до земли, и всякое почитаніе паче Божія образа отдаютъ и свѣщи большія и множае ихъ поставляютъ: и то бываетъ, еже предъ образомъ раба Божія свѣщь полна лампада наставлена, а предъ Спасителевымъ образомъ и единыя нѣсть. И то они творятъ отъ самаго своего несмыслія“ (1). Имѣя въ виду то, что многіе, увлекаясь примѣромъ нѣмцевъ, стали небрежно относиться къ богослуженію и къ богослужебнымъ обрядамъ, Посошковъ подвергаетъ рѣзкой и по мѣстамъ даже грубой и неприличной критикѣ нѣмецкое богослуженіе, указывая на то, что нѣмцы во время богослуженія сидятъ и не снимаютъ париковъ: „И въ кирки свои вшедъ въ шапкахъ и въ шляпахъ и въ парукахъ, сѣдши въ кресла, слушаютъ своея обѣдни; нарицаютъ тую свою кирку домомъ Божіимъ, а вшедъ въ ню сѣдятъ, яко на торжищѣ, или яко въ корчемницѣ, а не въ Божіемъ дому.... И намъ отъ таковыя ихъ превеликія гордости надлежитъ бѣжати, яко отъ лютаго какова яда. Есть бо нѣцыи и изъ нашего праваго христіанства, научившеся отъ нихъ, во время божественныя литургіи, въ церкви стоятъ въ парукахъ и въ явленіе пресвятаго тѣла Христова не снемлютъ ихъ съ главъ своихъ... И ты, сыне мой, таковаго люторскаго безумія отнюдь себѣ не пріемли, и не мни того, яко бы въ парукѣ во церкви стояти безгрѣшно было. То себѣ вѣждь, яко аще въ парукѣ стояти безгрѣшно, то и въ шапкѣ уже безгрѣшно: вся бо сія едино есть покрывало“ (2). Посошковъ порицаетъ нѣмцевъ за то, что они во время службы не кладутъ поклоновъ, не становятся на колѣна, не дѣлаютъ крестнаго зна-

---

1) Завѣщаніе отеч., стр. 110, 116—118.—(2) Тамъ же, стр. 149—150.

менія, не хотятъ двинуть ни однимъ членомъ, ни одного часа постоять на ногахъ, а между тѣмъ „на вечеринкахъ, въ богомерзскихъ танцахъ тако себя удручаютъ, что едва съ душею собираются, и тако утрудившися спятъ даже до обѣда. И то ихъ житіе, стало быть, не христіанское, но самое языческое“ (¹)... „И ты, сыне мой, не весьма съ ними водись, дабы каковому ихъ люторскому ученію не прилѣпитися; всегда бо при водѣ обмочишься, а при огнѣ обожжешься; подобно, при добромъ человѣкѣ добру научишься, а при зломъ злу и навыкнеши“ (²).

Совѣтуя соблюдать умѣренность во всемъ и бережливость, Посошковъ возстаетъ противъ роскоши и моды въ одеждѣ, вообще въ нарядахъ и особенно нападаетъ на обычай носить парики. „Намъ иноземцевъ, говоритъ онъ, деньгами не наполнить; они тому вельми рады, еже бы мы во уборствѣ великомъ и въ парукахъ ходили, только бы ихъ деньгами осыпали. Вмѣстное ли то дѣло, еже накладные волосы рублевъ по пятидесяти и больше продаютъ, а что въ нихъ есть, понося токмо да бросить. Намъ не золотомъ, ни серебромъ, ниже накладными волосами подобаетъ себя украшати, но паче подобаетъ намъ себя украшати въ воинскомъ дѣлѣ храбростію, въ судейскомъ дѣлѣ правосудіемъ, въ купечествѣ праведнымъ и неподвижнымъ словомъ и товаромъ не лестнымъ, мастеровымъ же людемъ во тщательномъ художествѣ, въ духовномъ же дѣлѣ, паче всѣхъ воспомянутыхъ украшеній, украшатися... книжнымъ ученіемъ грамматическимъ, и риторскимъ, и философскимъ разумомъ. И аще сія вся въ насъ будутъ, то на весь свѣтъ будемъ мы славны, а и на ономъ свѣтѣ не безъ похвалы будемъ“ (³).

Въ V-й главѣ Завѣщанія „*О гражданскомъ житіи*“ излагаются обязанности человѣка въ разныхъ званіяхъ и состояніяхъ, обязанности судьи, купца, офицера, приказнаго подьячаго, солдата и крестьянина. При этомъ Посошковъ даетъ очень много полезныхъ наставленій, показывающихъ въ немъ знаніе жизни, хотя часто также вдается въ крайнюю мелочность. Такъ, излагая обязанности „*нищенскаго званія*“, которое онъ признаетъ необходимымъ, и потому законнымъ, онъ входитъ въ такія подробности, что указываетъ, за какую милостыню сколько поклоновъ нужно положить нищему: За каждую милостыню, „укрушецъ хлѣба пріятый, предъ образомъ Божіимъ положи по три поклоны, а за полушку по *шти* (шести) поклоновъ, за деньгу по дванадесяти, а у кого больши примеши, то большіе и труды надлежитъ ти поло-

(¹) Завѣщ. отеч., стр. 96—97.
(²) Тамъ же, стр. 156—157.—(³) Тамъ же, стр. 57.

жити, дабы на тебѣ на ономъ свѣтѣ не взыскалось". Излагая обязанности приказнаго подьячаго, онъ означаетъ даже, сколько строкъ нужно писать на каждомъ листѣ бумаги, что приличнѣе писать при пробѣ пера и проч. (1).

Книга о скудости и богатствѣ. Полное заглавіе этого сочиненія такое: „О скудости и богатствѣ сіе есть изъявленіе, отъ чего приключается напрасная (внезапная) скудость и отъ чего гобзовитое (обильное) богатство умножается". Оно принадлежитъ къ области политической экономіи и юриспруденціи. Оно обнимаетъ всѣ части государственнаго управленія и раздѣляется на девять главъ: 1) о духовенствѣ, 2) о военныхъ дѣлахъ, 3) о правосудіи, 4) о купечествѣ, 5) о художествахъ (о ремеслахъ, о мануфактурной промышленности), 6) о разбойникахъ (объ уголовныхъ дѣлахъ), 7) о крестьянствѣ, 8) о дворянствѣ и землѣ и 9) о царскомъ интересѣ. Главная идея, которая проходитъ по всему этому сочиненію, заключается въ той мысли, что основаніе богатства и благосостоянія государства заключается во внутреннемъ богатствѣ народа—въ правдѣ и нравственности народной. „Не то царственное богатство, еже въ царской казнѣ лежащія казны много, ниже то царственное богатство, еже синклитъ царскаго величества въ златотканныхъ одеждахъ ходитъ, но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствами, а не внѣшними одеждами, или позументнымъ украшеніемъ; ибо украшеніемъ одеждъ не мы богатимся, но тѣ государства богатятся, изъ коихъ тѣ украшенія привозятъ къ намъ, насъ въ имѣніи тѣми украшеніями истончеваютъ. Паче же вещественнаго богатства надлежитъ всѣмъ намъ обще пещися о невещественномъ богатствѣ, то есть о истинной правдѣ. Правдѣ отецъ Богъ, и правда вельми богатство и славу умножаетъ и отъ смерти избавляетъ, а неправдѣ отецъ діаволъ, и неправда не токмо вновь (не) богатитъ, но и древнее богатство оттончеваетъ и въ нищету приводитъ и смерть наводитъ.... Самъ бо Господь Богъ рекъ: *ищите прежде царства Божія и правды его*, и примече, глаголя, *яко вся приложатся вамъ* (Матѳ. 6, 33) т. е. богатство и слава. И по такому словеси Господню подобаетъ намъ паче всего пещись о снисканіи правды, а егда правда въ насъ утвердится, то не можно царству нашему россійскому не богатитися и славою не возвыситися.... Понеже правда никого обидить не пускаетъ, а любовь принудитъ другъ другу въ нуждахъ помогати.... По моему мнѣнію,

(1) Завѣщ. отеч., стр. 207—215. Главы VII—IX изданы Прилежаевымъ.

сіе дѣло не великое и весьма не трудное, еже царская сокровища наполнити богатствомъ,.. но то великое и многотрудное есть дѣло, еже бы народъ весь обогатить; понеже безъ насажденія правды и безъ истребленія обидчиковъ и воровъ и разбойниковъ и всякихъ разныхъ явныхъ и потаенныхъ грабителей никоими мѣрами народу всесовершенно обогатитися невозможно" ([1]).

Полагая благосостояніе государства въ народной нравственности, Посошковъ прежде всего обращаетъ вниманіе на русское духовенство, которое должно воспитывать народъ въ истинной вѣрѣ и благочестіи, но которое само въ то время было невоспитано и необразованно. Пресвитеры, говоритъ онъ, „не токмо отъ люторскія или отъ римскія ереси, но отъ самаго дурацкаго раскола не знаютъ чѣмъ оправити себя.... Видѣлъ я въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Кирилловича Нарышкина, что и татаркѣ противъ ея заданія отвѣту здраваго дать не умѣлъ, что же можетъ рещи сельской попъ, иже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не вѣдаетъ" ([2]). Поэтому, онъ еще прежде въ одномъ изъ „Доношеній" Стефану Яворскому указывалъ на необходимость завести во всѣхъ епархіяхъ училища для приготовленія достойныхъ пресвитеровъ и составить для руководства ихъ популярное изложеніе начатковъ христіанской вѣры и благочестія, изъявленіе о томъ, „какъ Бога знать и какъ Его чтить и молить"... и „книги о различіяхъ вѣръ и о различіяхъ ересей... какъ и отъ чего лютеранская, и кальвинская, и католитская, и унеятская вѣры начались, и на чемъ тѣ еретическія вѣры утверждены, что по сіе время онѣ стоятъ въ своихъ бытностяхъ непоколебимо, такожде и наша благочестивая вѣра что при тѣхъ вѣрахъ правости содержитъ, и чѣмъ коя вѣра отъ насъ разнствуетъ" ([3]). Въ настоящемъ сочиненіи онъ предлагаетъ 1) не принимать въ духовный санъ людей неученыхъ и 2) обезпечить духовенство въ содержаніи, чтобы оно свободно могло и само учиться и учить народъ. „О семъ я неизвѣстенъ, говоритъ онъ, какъ дѣется въ прочихъ земляхъ, чѣмъ питаются сельскіе попы, а о семъ весьма извѣстенъ, что у насъ въ Россіи сельскіе попы питаются своею работою и ни чѣмъ они отъ пахатныхъ мужиковъ не отмѣнны; мужикъ за соху, и попъ за соху, мужикъ за косу, и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ... И въ праздничный день, гдѣ было идти въ церковь на славословіе Божіе, а попъ съ мужиками пойдетъ овины сушить, и гдѣ было

([1]) Сочиненія И. Посошкова, ч. I. Москва. 1842, стр. 1—3.

([2]) Тамъ же, стр. 10.

([3]) О двухъ неизданныхъ сочиненіяхъ Посошкова. Христ. Чтен. 1878 г. Ч. I, стр. 38—48.

обѣдню служить, а попъ съ причетники хлѣбъ молотитъ, и въ таковыхъ суетахъ живуще, не токмо стадо Христово пасти, но и себя не упасти“ (¹). Эти разсужденія составляютъ содержаніе первой главы книги. Начиная со 2-й главы Посошковъ излагаетъ свои мнѣнія объ улучшеніи, или, какъ онъ выражается, *„о неисправъ и поправъ“* военныхъ дѣлъ, правосудія, купечества, крестьянства.... Эти мнѣнія, проекты и планы показываютъ въ Посошковѣ замѣчательный умъ, большую опытность и знаніе жизни; нѣкоторыми проектами онъ даже далеко опередилъ свое время. Такъ, во 2-й главѣ о воинскихъ дѣлахъ онъ требуетъ, чтобы для всѣхъ сословій былъ устроенъ *одинаковый судъ близкій, прямый и правый*, чтобы „всякому и низкочинному человѣку легко было его доступать“. Въ 3-й главѣ, указавъ на страшныя злоупотребленія въ судахъ, Посошковъ требуетъ новаго судоустройства и новаго судебнаго устава или уложенія. „Въ нѣмецкихъ земляхъ, говоритъ онъ, вельми людей берегутъ, а наипаче купецкихъ людей; и того ради у нихъ купеческіе люди и богаты зѣло. А наши судьи ни мало людей не берегутъ и тѣмъ небреженіемъ все царство въ скудость приводятъ; ибо въ коемъ царствѣ люди богаты, то и царство то богато; въ коемъ царствѣ люди будутъ убоги, то царству тому не можно слыть богатому... Намъ сіе вельми зазорно: не точію у иноземцевъ, свойственныхъ христіанству, но и бусурманы судъ чинятъ правиленъ; а у насъ вѣра святая благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуда негодная, какіе указы его императорскаго величества ни состоятся, всѣ они ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаетъ“.... „И донеле же прямое правосудіе у насъ въ Россіи не устроится и всесовершенно не укоренится оно, то никакими мѣрами отъ обидъ богатымъ намъ быть, яко и въ прочихъ земляхъ, невозможно, такожде и славы намъ добрыя не нажить, понеже всѣ пакости и непостоянство въ насъ чинятся отъ неправаго суда и отъ нездраваго разсужденія и отъ неразсмотрительнаго поведенія и разбоевъ“.... „Видимъ мы вси, какъ великій нашъ монархъ... трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору аще и самъ-десятъ тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ, то какъ его дѣло споро будетъ. И аще кого онъ и жестоко накажетъ, ажно на то мѣсто сто готово. И того ради, не измѣняя древнихъ порядковъ, сколько ни бившись, покинуть будетъ. Не токмо суда весьма застарѣлаго, не разсыпавъ его и подробну не разсмотря, не исправить, но и хоромины ветхія, не разсыпавъ

(¹) Сочиненія Посошкова. Ч. I, стр. 23—28.

всея и не разсмотря всякаго бревна, всея гнилости изъ нея не очистити. А судебное дѣло не токмо одному человѣку, но и множество умныхъ головъ надобно созвать. дабы всякая древняя гнилость и малѣйшая кривость исправити, тяжка бо есть судебная статья" ([1]). Посошковъ предлагаетъ составить *Уложеніе*, въ которомъ должно собрать всѣ, прежнія и новыя, гражданскія и военныя, печатныя и письменныя, постановленія, сдѣлавъ выписки изъ приговоровъ и дѣлъ, хранящихся въ приказахъ, и при этомъ, къ русскимъ постановленіямъ приложить изъ иноземныхъ, нѣмецкихъ и даже турецкихъ судебниковъ, тѣ статьи, „кои будутъ къ нашему правленію пригодны" ([2]). Къ участію въ составленіи такого Уложенія должно призвать всѣ сословія, выборныхъ отъ духовенства, и отъ гражданства, и отъ дворянства, и отъ приказныхъ людей, и отъ купечества, и изъ крестьянства.... „Я видѣлъ, замѣчаетъ онъ, что и въ Мордвѣ разумные люди есть; то како во крестьянѣхъ не быть людямъ разумнымъ?" Потомъ „новосочиненные пункты всѣмъ народомъ освидѣтельствовать, самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ". „И сіе мое реченіе, прибавляетъ онъ, многіе вознепщуютъ, якобы азъ... самодержавную власть народосовѣтіемъ снижаю; азъ не снижаю самодержавія.... но ради самыя истинныя правды.... Безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоими дѣлы невозможно, понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ" ([3]). Въ 5-й главѣ „О художествѣ" онъ обращаетъ особенное вниманіе на иконописное мастерство и требуетъ, чтобы иконописаніе было подчинено правильному надзору и опредѣленнымъ правиламъ ([4]). Въ 7-й главѣ „О крестьянствѣ" онъ совѣтуетъ сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ крестьянъ обученіе дѣтей грамотѣ. „Не малая пакость, говоритъ онъ, крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ.... Какой къ нимъ ни пріѣдетъ съ какимъ указомъ или и безъ указа, да скажетъ, что указъ у него есть, то тому и вѣрятъ и отъ того пріемлютъ себѣ излишніе убытки, потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, не разумѣютъ".... „Не худо бы было, говоритъ онъ, такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безъ грамотнаго человѣка, и положить имъ крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ и положить имъ срокъ года на три или на четыре.... А буде въ четыре года дѣтей своихъ не научатъ, такожде кои робята и впредь подростутъ, а учить ихъ не будутъ, то какое ни есть положить на нихъ и страхованіе" ([5]). Изображая жизнь крестьянъ, находящихся во власти

([1]) Тамъ же, стр. 71, 87, 95, 96.—([2]) Тамъ же, стр. 75. ([3]) Тамъ же, стр. 76—77. ([4]) Тамъ же, стр. 146—147.—([5]) Тамъ же, стр. 176.

помѣщиковъ, Посошковъ говоритъ: „помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена не удобь носимая; ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, еже бы что на себя сработать... и тѣмъ крестьянство въ нищету пригоняютъ. Который крестьянинъ станетъ мало мало посытнѣе быть, на него и подати прибавятъ.... Многіе говорятъ: крестьянину-де не давай обрости, но стриги его яко овцу, догола. И тако творя, царство пустошатъ, понеже такъ ихъ обираютъ, что у инаго и козы не оставляютъ". Но такое бѣдственное положеніе помѣщичьихъ крестьянъ привело Посошкова совсѣмъ не къ той мысли, какъ слѣдовало бы ожидать, что крѣпостное право немедленно должно быть уничтожено, а къ мысли, совершенно противоположной, что положеніе крѣпостныхъ крестьянъ плохо отъ того, что они не составляютъ полной собственности помѣщиковъ: „крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, того ради они не весьма ихъ и берегутъ, прямый ихъ владѣтель всероссійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно". Однакожъ, чтобы хоть сколько-нибудь защитить крестьянъ отъ произвола помѣщиковъ, Посошковъ совѣтуетъ „учинить расположеніе указное, по чему имъ съ крестьянъ оброку и инаго чего имать, и по колику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать, чтобы имъ сносно было государеву подать и помѣщику заплатить, и себя прокормить безъ нужды" ([1]).—Излагая разные способы къ улучшенію народнаго богатства и благосостоянія, Посошковъ требуетъ вѣрнаго и точнаго распредѣленія повинностей и оброковъ; предлагаетъ подушную подать замѣнить поземельнымъ сборомъ со всѣхъ землевладѣльцевъ; черезполосныя владѣнія совѣтуетъ уничтожить новымъ генеральнымъ межеваніемъ. Но чаще всего онъ указываетъ на бережливость, какъ на самое лучшее и необходимое средство: „Пчела, говоритъ онъ, муха весьма не велика и собираетъ она медъ не корчагами, но самыми малыми крупицами, обаче множество ихъ собираютъ многія тысячи пудъ. Тако и собираніе богатства царственнаго: аще вси люди будутъ жить бережно, и ничего напрасно тратить не будутъ, но всякія вещи будутъ отъ погибели хранить, то тое царство можетъ весьма обогатитися" ([2]).—Въ сочиненіи Посошкова, какъ показываетъ его содержаніе, много такихъ глубокихъ мыслей, которыми онъ рѣшительно опередилъ свое время; предлагаемыя въ немъ мѣры, планы и проекты весьма замѣчательны; но въ то же время рядомъ съ этими замѣчательными проектами высказываются иногда и такія странныя требованія, которыя показываютъ, что умный по натурѣ Посошковъ былъ самоучка,

---

([1]) Тамъ же, стр. 182—183. ([2]) Тамъ же, стр. 85.

не получившій настоящаго правильнаго образованія, которое научило бы его отличать во всемъ правду отъ неправды.

Зеркало суемудрія раскольнича написано Посошковымъ въ 1708 г. Въ церковномъ отношеніи это сочиненіе, по замѣчанію Погодина, имѣло для своего времени такое же значеніе, какъ въ правительственно-гражданскомъ книга о скудости и богатствѣ. Въ Зеркалѣ Посошковъ ратуетъ противъ главной болѣзни въ русскомъ народѣ—противъ раскола. Изложивъ причины его происхожденія и развитія, онъ указываетъ на средства для борьбы съ нимъ. Такъ какъ главная причина происхожденія и распространенія раскола заключалась въ народномъ невѣжествѣ, въ отсутствіи надлежащаго религіозно-нравственнаго воспитанія въ народѣ, то и главнымъ и самымъ лучшимъ средствомъ противъ него онъ считаетъ распространеніе въ народѣ просвѣщенія (¹). Мы видѣли, что въ книгѣ о скудости и богатствѣ Посошковъ, какъ горячій патріотъ, глубоко сочувствовалъ всѣмъ реформамъ Петра въ области гражданской; но въ церковной области, въ дѣлахъ духовныхъ, онъ во многихъ отношеніяхъ стоялъ еще на старой почвѣ Стоглава и Домостроя. Въ этихъ дѣлахъ онъ не допускалъ никакихъ реформъ и полагалъ, что для исправленія религіозно-нравственной жизни народа достаточно распространенія истиннаго просвѣщенія. И въ Зеркалѣ, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, онъ порицаетъ тѣхъ, которые оставили прежніе благочестивые обычаи, и жестоко нападаетъ на нѣмцевъ, которые, по его мнѣнію, своими умствованіями, своими вольными нравами и распущенною жизнію развращали русскихъ людей. Выходки его противъ нѣмцевъ чрезвычайно рѣзки и грубы и часто выходятъ изъ границъ приличія. Если Камень вѣры, въ которомъ ученымъ образомъ разбиралось протестантское ученіе, на основаніи Свящ. Писанія, соборовъ, отцевъ и учителей церкви, навлекъ на Стефана Яворскаго опалу и множество непріятностей, то какое же сильное раздраженіе противъ Посошкова должны были произвести его сочиненія?! Очень вѣроятно, что, благодаря имъ, онъ и подвергся разнымъ преслѣдованіямъ и умеръ въ темницѣ.

(¹) Въ одномъ спискѣ «Зеркала», принадлежащемъ Казанской Дух. Академіи, послѣ обличенія раскольническаго ученія, помѣщена еще обширная статья, или особое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «О иконоборцахъ», въ которомъ опровергается протестантское ученіе о постахъ, о поклоненіи св. Кресту, о почитаніи св. иконъ и проч. Сочиненіе это до сихъ поръ еще не издано (вып. I Зеркала полной редакціи напечатанъ подъ ред. Царевскаго. Казань. 1898); содержаніе его изложено въ сочиненіи Царевскаго: Посошковъ и его сочиненія. Стр. 101—106; 143—190.

МЕМУАРЫ ИЛИ ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ О ПЕТРѢ В. И ЕГО ЦАРСТВОВАНІИ.

Весьма важное значеніе въ исторіи имѣютъ историческія записки объ эпохѣ Петра В. Въ нихъ выразились сужденія о личности Петра и его реформахъ, а равно и то, какъ реформы и новое образованіе измѣняли постепенно взгляды, нравы и обычаи и самый языкъ русскихъ людей. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ Записки Матвѣева и Желябужскаго, составлены въ царствованіе самого Петра, его современниками, другія написаны уже послѣ Петра, при его преемникахъ, но такими лицами, которыя получили образованіе и начали свою службу при Петрѣ, а окончили ее уже при Аннѣ Іоанновнѣ или Елисаветѣ Петровнѣ и даже дожили до Екатерины II, каковы записки Крекшина и Неплюева.

Записки о стрѣлецкомъ бунтѣ Матвѣева [1]. Графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ (род. 1666, ум. 1728 г.) былъ сынъ знаменитаго ближняго боярина Алексѣя Михайловича, Артамона Сергѣевича Матвѣева. Съ 1699 г. онъ былъ въ продолженіе 16 лѣтъ посланникомъ при разныхъ европейскихъ дворахъ и считался однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей. Кромѣ описанія своего путешествія въ Парижъ въ 1705 г., онъ написалъ Записки о стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 г. Во время этого событія, Матвѣеву было 16 лѣтъ; отецъ его былъ убитъ стрѣльцами во время бунта. Хотя записки написаны спустя уже много времени послѣ этого событія, но несомнѣнно подъ вліяніемъ личныхъ тяжелыхъ впечатлѣній Матвѣева, возбужденныхъ смертію его отца, и потому не могутъ быть названы вполнѣ безпристрастными. Матвѣевъ, повидимому, старался скрыть свои личныя чувства и хотѣлъ быть спокойнымъ и правдивымъ лѣтописцемъ; но такое натянутое положеніе, заставлявшее его быть сдержаннымъ, повело только къ тому, что Записки его вышли сухи и холодны. Не смотря, впрочемъ, на это, онѣ весьма интересны, какъ произведеніе одного изъ первыхъ русскихъ людей, стремившихся усвоить новое европейское образованіе. Матвѣевъ сочувствуетъ всѣмъ реформамъ Петра, хотя въ то же время и не можетъ совсѣмъ отрѣшиться отъ прежнихъ воззрѣній русскихъ до-Петровской эпохи. Отсюда въ немъ является смѣшеніе старыхъ понятій съ новыми

---

[1] Записки Матвѣева изданы Туманскимъ въ «Собраніи разныхъ записокъ и сочиненій... о жизни и дѣяніяхъ Петра В.» Спб. 1787—88, подъ заглавіемъ: «Описаніе бунта, бывшаго въ 1682 г.», и Сахаровымъ въ «Запискахъ русскихъ людей». Спб. 1841. Разборъ ихъ въ изслѣдованіи Пекарскаго: Русскіе мемуары XVIII в. Совр. 1855, томъ LI.

стремленіями. Въ языкѣ Записокъ Матвѣева также рѣзко бросается въ глаза смѣсь русскихъ словъ съ иностранными, написанными по-русски. „Видно, замѣчаетъ по этому случаю Пекарскій, что сочинитель питаетъ къ этимъ словамъ глубокое уваженіе: они попадаются тамъ, гдѣ авторъ хочетъ выразить мысль сильнѣе и обратить на нее вниманіе читателя. Иногда, рядомъ съ иностраннымъ словомъ, авторъ ставитъ, какъ объясненіе, однозначащее русское слово: онъ пишетъ, напр., „аліація“ и рядомъ съ нимъ: „то есть союзъ“. Матвѣевъ дѣлаетъ это потому, что слово „аліація“ иностранное, которое зналъ сочинитель и не знали тысячи читателей.... Употребленіе иностранныхъ словъ имѣло тогда особенный, отличный отъ нынѣшняго, характеръ: мы употребляемъ иностранныя слова потому, что не можемъ пріискать на русскомъ однозначащихъ имъ, но во времена Матвѣева слова въ родѣ „коммуникація“, „аліація“ писались и говорились не потому, чтобы они лучше выражали ту или другую мысль, а вслѣдствіе уваженія ко всему иностранному, которому старались подражать какъ идеальному образцу“ (1).

Записки Желябужскаго (2). Иванъ Аѳанасьевичъ Желябужскій (род. 1638 г.) былъ стольникомъ, а потомъ окольничимъ и воеводой черниговскимъ. Два раза (въ 1662 и 1667 г.) онъ ѣздилъ за границу, въ первый разъ при посольствѣ въ Венецію и Англію, а въ другой разъ—посланникомъ въ Вѣну. Составленныя имъ записки начинаются съ 1682 г., съ описанія стрѣлецкаго бунта и оканчиваются извѣстіемъ о Полтавской битвѣ въ 1709 г. Матвѣевъ, какъ замѣчено выше, описывая стрѣлецкій бунтъ, хотя старался быть безпристрастнымъ, но не могъ освободиться отъ личныхъ впечатлѣній, полученныхъ при смерти своего отца; Желябужскій, изображая тѣ же событія, излагаетъ ихъ вполнѣ спокойно и безстрастно, не увлекаясь никакими личными взглядами и чувствами. Также изложены въ Запискахъ и всѣ послѣдующія разнородныя событія; они разсказываются одно за другимъ такъ, какъ случилось на самомъ дѣлѣ. Языкъ Записокъ также самый простой; у Желябужскаго нѣтъ такихъ искусственныхъ, новыхъ словъ и выраженій, какъ у Матвѣева; его русская рѣчь отличается простотою, мѣткостію и выразительностію.

---

(1) Мемуары XVIII в. Совр. 1855 г.; т. LI, стр. 47.

(2) Записки Желябужскаго изданы Туманскимъ, подъ заглавіемъ: «Выписка изъ дневныхъ записокъ Желябужскаго съ 1682 по 1710 г.»; И. Языковымъ: «Записки Желябужскаго съ 1682 по 2 іюля 1709 г.» (Спб. 1840) и Сахаровымъ въ «Запискахъ русскихъ людей». Разборъ ихъ въ изслѣдованіи Пекарскаго: Мемуары XVIII в. Совр. 1855; т. LI.

Записки Крекшина ([1]). Петръ Никифоровичъ Крекшинъ (род. 1684, ум. 1763 г.) былъ военнымъ комиссаромъ въ Кронштадтѣ. Онъ извѣстенъ какъ ревностный собиратель матеріаловъ по русской исторіи и написалъ много историческихъ сочиненій, изъ коихъ болѣе извѣстны: „Повѣсть о зачатіи и рожденіи Петра В.“; „Исторія Россіи и славныхъ дѣлъ императора Петра В., отъ рожденія его по день погребенія“; „Экстрактъ изъ великославныхъ дѣлъ царей и великихъ князей и самодержцевъ всероссійскихъ, царствовавшихъ по Рождествѣ Іисусъ-Христовѣ съ 862 по 1756 г.;“ „Краткое описаніе о началѣ народа словенскаго“ ([2]). Послѣднія два сочиненія извѣстны, между прочимъ, по тому баснословному взгляду на начало и происхожденіе русскаго народа, который въ нихъ проводится и потомъ повторяется другими русскими писателями. Крекшинъ начинаетъ исторію русскаго народа не позже 350 года послѣ потопа. По его мнѣнію, Мосохъ, сынъ Іафета, у столба Вавилонскаго пріялъименованіе и языкъ словенскій и основалъ потомъ Мосохію, которая есть не что иное, какъ Москва. Сынъ его, Россъ, по имени своему назвалъ народъ россійскимъ. Такими понятіями Крекшина о началѣ русской исторіи объясняется то, что онъ явился однимъ изъ самыхъ горячихъ преслѣдователей Миллера, когда тотъ въ извѣстной рѣчи „о происхожденіи народа и имени Руссовъ“ сталъ производить первыхъ русскихъ князей и начало государственнаго устройства въ Россіи отъ норманновъ. Въ 1742 г. Крекшинъ представилъ импер. Елисаветѣ 1-й томъ Записокъ объ исторіи Петра В., надъ составленіемъ которыхъ онъ трудился 20 лѣтъ; въ этомъ томѣ содержится описаніе событій отъ рожденія Петра (1672) по 1706 г. Крекшинъ былъ проникнутъ чувствомъ благоговѣнія къ Петру В. „Азъ, говоритъ онъ въ посвященіи своихъ Записокъ импер. Елисаветѣ, рабъ того благочестиваго императора.... не достоинъ отрѣшити и ремень сапога его, и не имамъ толикаго разума, но собрахъ, яко малѣйшія крупицы, отъ великія трапезы, или яко почерпнухъ единъ водоносецъ отъ великаго моря, или отъ всемірнаго дождя капли, падшія на главу мою, тако и отъ дѣлъ сего благочестиваго государя, Петра В., елико могъ собрать, и что видѣхъ и вспомянухъ, то и написахъ“.... Въ предисловіи къ Запискамъ, указавъ на великія дѣла Петра, онъ прибавляетъ: „И аще мы толикое его, въ Россіи явленное, бла-

([1]) Записки Крекшина напечатаны также Туманскимъ и Сахаровымъ. Разборъ ихъ у Пекарскаго: Мемуары XVIII в.

([2]) О другихъ сочиненіяхъ Крекшина смотр. у Пекарскаго: Мемуары XVIII в., Совр. 1855 г. LI, стр. 30—34.

годѣяніе умолчимъ, то каменіе вѣщати принудимъ къ обличенію каменносердечія нашего, что толикое время благодѣтеля своего не возблаговѣствовали и данные намъ отъ него таланты на ѳеатронъ свѣта къ прославленію преславныхъ дѣлъ не изнесли, и коснимъ яко черепокожніи въ хожденіи къ прославленію дѣлъ отца нашего, Петра Великаго.... Съ воздыханіемъ сердецъ возглаголемъ: отче нашъ, Петръ Великій! ты насъ отъ небытія въ бытіе привелъ; мы до тебя быхомъ въ невѣдѣніи и отъ всѣхъ порицаеми невѣждами, ничто же имущи, ничто же знающи, ничто же вѣдущи, кромѣ истинныя вѣры. Ты насъ просвѣти и прослави славою, сотвори искусными въ полезныхъ знаніяхъ, регулѣ, мужествѣ, храбрости, премудрости. До тебя вси нарицаху насъ послѣдними, а нынѣ нарицаютъ первыми. Капли пота трудовъ твоихъ было наше мvро благовонное, облагоухавъ славу Россіи въ концахъ всего міра, уврачева болѣзни всея Россіи. Не въ насъ ли всѣ дѣянія его быша? Не глазами ли нашими зрѣхомъ донынѣ блаженные труды его? Не его ли трудами вся Россія обновлена и престолъ царскій короною императорскою украси? На что ни взглянемъ, куда ни обратимся, всюду труды и блаженныя дѣла отца нашего, Петра Великаго“ ([1]).

Записки Неплюева ([2]). Иванъ Ивановичъ Неплюевъ (род. 1693, ум. 1773 г.) былъ изъ числа тѣхъ 30 гардемариновъ, которые въ 1716 г. были отправлены Петромъ В. учиться морскому дѣлу въ Венецію и Францію. По возвращеніи въ Россію въ 1720 г. онъ вмѣстѣ съ другими товарищами долженъ былъ выдержать, въ присутствіи самого Петра, строгій экзаменъ. „Не знаю, замѣчаетъ онъ по этому случаю, какъ мои товарищи оное (т. е. извѣстіе объ экзаменѣ) приняли, а я всю ночь не спалъ, готовился какъ на страшный судъ“. По выдержаніи экзамена, онъ былъ сдѣланъ сначала смотрителемъ надъ постройкою судовъ, потомъ былъ назначенъ резидентомъ въ Константинополь и въ этой должности находился до 1735 г. Въ 1739 г. онъ былъ кіевскимъ губернаторомъ. При восшествіи на престолъ Елисаветы Петровны, онъ подвергся опалѣ за близкія отношенія къ Остерману, но въ 1742 году былъ помилованъ и назначенъ начальникомъ надъ оренбургской экспедиціей. Съ 1760 г. былъ сенаторомъ и конференцъ-министромъ. Послѣдніе годы жизни, съ 1764—1773 г., онъ провелъ въ деревнѣ. Здѣсь онъ и составилъ свои Записки, въ кото-

---

([1]) Записки русскихъ людей, стр. 3—4. ([2]) Записки Неплюева напечатаны въ «Дѣяніяхъ» Голикова изд. 2, т. XV (сокращенно), и въ Отеч. Зап. Свиньина въ 1823—1826 г. Жизнь И. И. Неплюева (имъ самимъ описанная) напечатана подъ редакціей Л. Н. Майкова въ Рус. Архивѣ. 1871 г.

рыхъ описалъ всю свою продолжительную жизнь и службу. Изображая свою жизнь, онъ постоянно проводитъ параллель между эпохой Петра В. и послѣдующимъ временемъ и ставитъ первую неизмѣримо выше послѣдняго. Когда, увольняя его отъ службы, импер. Екатерина просила его назначить на мѣсто себя человѣка съ такими же достоинствами, онъ сказалъ ей: „Нѣтъ, государыня, мы Петра В. ученики; проведены имъ сквозь огнь и воду; инако воспитывались, инако мыслили, инако вели себя; а нынѣ инако воспитываются, инако ведутъ себя и инако мыслятъ: я не могу ни за кого, ниже за сына моего, ручаться“. Подобно Крекшину, Неплюевъ питалъ къ Петру В. чувство благоговѣйнаго почтенія, которое выражается повсюду въ его Запискахъ. Разсказывая о кончинѣ Петра, онъ говоритъ: „Сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди; однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ“. Голиковъ, приводя въ своей книгѣ разсказы Неплюева о Петрѣ, замѣчаетъ, что онъ и въ старости не могъ говорить безъ слезъ объ этомъ государѣ.

Къ историческимъ сочиненіямъ Петровской эпохи относятся два сочиненія: „Разсужденіе о причинахъ войны съ Карломъ XII“ вице-канцлера Шафирова (1717 г.) и „Ядро россійской исторіи“ А. Манкѣева (1715 г.). Разсужденіе Шафирова было написано по поводу одного шведскаго сочиненія, въ которомъ война съ Карломъ XII была представлена въ несправедливомъ видѣ. Все „Разсужденіе“ состоитъ изъ 3-хъ частей. Въ 1-й части указываются истинныя причины, по которымъ Россія начала войну съ Швеціей; во 2-й части объясняется ея продолжительность дѣйствіями Карла XII; въ 3-ей части доказывается, что война была ведена съ умѣренностію, по обычаю просвѣщенныхъ народовъ. Сочиненіе написано по приказанію Петра, подъ его непосредственнымъ руководствомъ, а нѣкоторыя въ немъ мѣста и заключеніе написаны самимъ Петромъ. „Ядро россійской исторіи“ сначала приписывалось князю А. Я. Хилкову, который въ 1700 г. былъ посланъ резидентомъ въ Швецію и со времени начатія Шведской войны содержался въ плѣну и умеръ тамъ въ 1718 г.; съ именемъ Хилкова оно и было издано Миллеромъ въ 1770 г. Но впослѣдствіи открылось, что авторомъ этого сочиненія былъ А. И. Манкѣевъ (Манкѣвичъ), состоявшій при князѣ Хилковѣ въ должности секретаря или переводчика и прожившій въ плѣну 18 лѣтъ. „Ядро россійской исторіи“ состоитъ изъ 7 книгъ. Въ немъ кратко, но обстоятельно изложены событія русской исторіи до воцаренія Іоанна Алексѣевича. Оно лучше прежнихъ изложеній русской исто-

ріи, „Краткаго повѣствованія“ дьяка Грибоѣдова и „Синопсиса“ Гизеля, и долго служило учебникомъ въ школахъ.

ПУТЕШЕСТВІЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ ПО ЕВРОПѢ ПРИ ПЕТРѢ В.

Петръ В. отправлялъ русскихъ людей въ Европу съ разными частными практическими цѣлями; но, живя въ Европѣ иногда подолгу, они пріобрѣтали свѣдѣнія не по одному своему спеціальному дѣлу, но знакомились со всѣми разнообразными явленіями европейской жизни. Поэтому ихъ описанія своихъ путешествій и своего пребыванія въ той или другой странѣ для насъ весьма интересны. Изъ нихъ мы можемъ видѣть, что и какъ поражало русскихъ въ европейской жизни, что особенно нравилось, или не нравилось, можемъ видѣть ихъ часто наивные взгляды и сужденія о европейской цивилизаціи. Среди другихъ сохранились: 1) Журналъ путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи въ 1697—1699 г., веденный лицомъ, состоявшимъ при великомъ посольствѣ русскомъ къ владѣтелямъ разныхъ странъ Европы, 2) Путешествіе стольника П. А. Толстаго, 3) Путешествія Б. П. Шереметева, 4) графа А. А. Матвѣева и 5) неизвѣстнаго по имени путешественника.

Журналъ путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи въ 1697—1699 г. Журналъ этотъ особенно интересенъ потому, что авторъ его находился въ свитѣ русскаго посольства къ разнымъ дворамъ и въ Голландіи былъ въ то время, когда здѣсь былъ и самъ Петръ В. (1). Его поражали множество каретъ при встрѣчѣ посольства, устройство городовъ, убранство домовъ, роскошь и разнообразіе костюмовъ въ разныхъ мѣстностяхъ; но въ то же время онъ обращалъ серьезное вниманіе и на разные предметы просвѣщенія и цивилизаціи. Въ Амстердамѣ онъ „видѣлъ въ домѣ собраны золотыя и серебряныя и всякія руды; и какъ родятся алмазы, изумрудъ и коральки и всякіе каменья..... Видѣлъ у доктора анатомію: кости, жилы, мозгъ человѣческій, тѣлеса младенческія и какъ зачнется во чревѣ и родится... Трубку зрительную видѣлъ, чрезъ которую смотрятъ на мѣсяцъ и на звѣзды. Былъ у человѣка, у котораго собраны разныя деньги древнихъ кесарей,

---

(1) Въ XVIII в. Журналъ этого путешествія приписывали самому Петру В. и потому онъ былъ напечатанъ подъ именемъ «*Записной книжки Великой Особы*»; но Петръ, подъ именемъ *десятника*, упоминается въ немъ какъ лицо постороннее. Онъ снова напечатанъ въ Русской Старинѣ 1879 г., май.

и тѣ сребренницы тутъ же, на которыхъ Христосъ отъ Іуды проданъ"..... Въ Инспрукѣ „былъ у іезуитовъ въ монастырѣ; монастырь огромный; библіотека пять саженъ вдоль, всѣ столы (стѣны) сплошь наполнены книгами; шкапы безъ дверей, ярлыки висятъ (надъ всякимъ шкапомъ) . . . по середкѣ столъ, три глобуса, инструменты лежатъ (все) изрядно (зѣло убрано)"... Въ Венеціи авторъ видѣлъ обрядъ такъ называемаго обрученія дожа съ моремъ: „Князь Венецейскій ѣздилъ на море, судно великое, рѣзное, вызолочено все, покрыто бархатомъ краснымъ, вышиты гербы венецейскіе золотомъ, князь сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, чиновники по обѣ стороны. Патріархъ въ особомъ суднѣ пріѣхалъ къ его судну, святилъ воду и ту воду влилъ въ море, и музыка пѣла предивная. Потомъ князь перстень алмазной взялъ, бросилъ въ море, сошелъ изъ судна, пошелъ въ церковь, чиномъ (пошли) послы и прочіе по два... Въ Венеціи церковь соборная евангелиста Марка: надъ дверьми рѣзьба изъ мрамора бѣлаго, надъ рѣзьбою четыре лошади мѣдныя, безъ уздъ, вызолочены, а поставлены на знакъ венецейской вольности"..... Въ Римѣ былъ въ церкви св. апостоловъ и видѣлъ папу: „Папу несли пять человѣкъ, въ бархатныхъ кафтанахъ, носилки какъ возокъ зимній, съ бархатомъ; два верховыхъ; предъ нимъ несли крестъ; кругомъ солдаты въ бархатныхъ кафтанахъ съ алебардами. Каретъ было за нимъ пятьдесятъ".... Былъ въ Ватиканѣ въ папскихъ покояхъ, обиты камками красными и бархатами.... Былъ на виллѣ у князя Бургезія (Borghese), и во Фраскати у князя Панфилія (Pamfili). Здѣсь его поразили фонтаны: „Атласы на главѣ держатъ глобусъ, изъ подъ него вода течетъ, а изъ глобуса вышла великая звѣзда, и вода бьетъ выше звѣзды. И лѣстницы каменныя, по нимъ вода течетъ великая. Выше лѣстницы два столба величиной сажени $1^1/_2$ и бьетъ изъ нихъ вода; на низу по сторонѣ Атласъ и мужикъ великій лежитъ, каменный, въ горѣ, и въ рукахъ держитъ восемь флейтъ. Какъ пустятъ воду, и онъ играетъ на флейтахъ отмѣнно хорошо. А другой фонтанъ: мужикъ на лошади въ рогъ трубитъ очень громко, водою же. Еще на горѣ девять дѣвокъ лежатъ, у каждой флейта въ рукахъ, и органы великіе; какъ пустятъ воду, дѣвки и органы заиграютъ очень пріятно, никогда не вышелъ бы.... Въ той церкви былъ, которая прежде была всѣхъ болвановъ (Pantheon), а нынѣ всѣхъ святыхъ, зѣло велика, круглая. Въ монастырѣ былъ, гдѣ лежатъ мощи Алексія, Божія человѣка, и крыльцо то, подъ которымъ жилъ, видѣлъ все".—Такимъ образомъ авторъ путешествія интересовался самыми разнообразными предметами. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ уже гораздо выше тѣхъ путешественниковъ древняго періода, которые интересовались преимущественно, если не исключительно, религіозными предметами. Впрочемъ, и эти

предметы всегда обращали на себя вниманіе автора, и онъ сообщаетъ въ своемъ журналѣ о тѣхъ священныхъ вещахъ, которыя показывали ему въ разныхъ католическихъ церквахъ и монастыряхъ. „Въ Римѣ, говоритъ онъ, былъ въ церкви Пресв. Богородицы и видѣлъ колыбель Спасителя нашего, древянная, пробои желѣзные; образъ Пресв. Богородицы, что евангелистъ Лука писалъ; риза Спасителева, которая была во время распятія, красная; рубашка та, которую сама Пресв. Богородица ткала, а не шила для Спасителя нашего“ и проч.

Путешествіе стольника А. П. Толстаго. Толстой былъ въ числѣ тѣхъ людей, которые въ первый разъ были отправлены Петромъ для обученія за границу. Его путешествіе содержитъ въ себѣ описаніе поѣздки и пребыванія въ Италіи, на островѣ Мальтѣ и въ Венеціи въ 1697—99 гг. (1). Во время пути Толстой записывалъ все, что обращало на себя его вниманіе. Особенно интересны его записки становятся со времени пребыванія его въ Варшавѣ. Въ Варшавѣ въ это время происходило избраніе новаго короля. Внутренній смыслъ этого событія для Толстаго остался непонятенъ; но онъ замѣтилъ его внѣшній процессъ. „Есть (въ Варшавѣ) одна палата великая, которую поляки называютъ изба сенаторская; въ той палатѣ бываетъ у поляковъ сеймъ; у которой палаты окна великія и окончины были стекольчатыя всѣ повыломаны и окна разбиты отъ нестройнаго совѣту и отъ несогласія во всякихъ дѣлахъ пьяныхъ поляковъ, а покоевыя королевскія палаты отъ той палаты далеко.... Для алекціи (элекціи, избранія новаго короля) черезъ Вислу сдѣланъ былъ мостъ на судахъ, и по тому мосту стоялъ караулъ для того, что во время алекціи (элекціи) между поляковъ бываютъ многія ссоры, также и у Литвы между собою и поляковъ съ Литвою бываютъ многія драки и смертное убивство, а больши на мосту дерутся за ссоры и за пьянство, и всегда у нихъ между собою мало бываетъ согласія, въ чемъ они много государства своего растеряли“.... Въ польской жизни Толстой замѣтилъ еще: „По городу и въ маетности ѣздятъ сенаторы и жены ихъ и дочери дѣвицы въ каретахъ и въ зазоръ себѣ того не

(1) Петръ Андреевичъ Толстой. Біографическій очеркъ Н. А. Попова. Древн. и Новая Россія. 1875 г., т. 1.—Путешествіе Толстаго сохранилось въ рукописи Казан. унив., опис. Артемьевымъ въ Журн. М. Н. Пр. 1854 г. № 7; содержаніе его и выписки изъ него помѣщены въ статьѣ Н. А. Попова: «Путешествіе въ Италію и на островъ Мальту стольника П. А. Толстаго», въ Атенеѣ, 1859, №№ 7 и 8.

ставятъ.... въ лавкахъ за всякими товарами сидятъ мѣщане, богатые люди сами, и жены и ихъ дочери дѣвицы въ богатыхъ уборахъ и въ зазоръ себѣ того не ставятъ". Въ Ченстоховѣ онъ замѣтилъ аптеку и академію: „въ томъ кляшторѣ аптека изрядная великая, въ которой я видѣлъ много всякихъ лѣкарствъ и уборъ всюду въ той аптекѣ изрядной... Въ томъ кляшторѣ есть академія: учатся высокимъ наукамъ даже и до философіи; а гдѣ у нихъ бываютъ диспуты, и для того особая сдѣлана палата великая, длинная"... Въ Ольмюцѣ въ іезуитскомъ монастырѣ онъ также нашелъ „академію изрядныхъ высокихъ наукъ и студентовъ зѣло много, которые учатся разнымъ наукамъ; изъ тѣхъ студентовъ много честныхъ высокихъ породъ людей изъ разныхъ государствъ; въ той академіи учатся студенты до философіи и до теологіи, тамъ же учатся и математицкихъ наукъ". Въ Вѣнѣ Толстой заходилъ въ ратушу, у которой на одной стѣнѣ „поставлено подобіе дѣвицы, вырѣзано изъ бѣлой камени покровенными очами, во образъ правды (Ѳемиды), якобы судитъ, не зря на лице человѣческое, праведно; у того подобія въ правой рукѣ сдѣланъ мечъ, а въ лѣвой вѣсы". За городомъ онъ осмотрѣлъ императорскіе сады, гдѣ удивили его „многія травы и цвѣты изрядные, посаженные разными штуками, по препорціи, и не малое число подобій человѣческихъ, мужеска и женска полу изъ мѣди, подобій сиренъ и разныхъ *гадскихъ* изъ бѣлаго камня, съ бьющими вверхъ фонтанами, стѣны изъ цвѣтнаго каменья и раковинъ и одна великая палата, что называютъ театрумъ, въ которой бываютъ для увеселенія цесарскаго комедіи".—Въ Венеціи вниманіе Толстаго остановило венеціанское судопроизводство: „Въ той палатѣ, говоритъ онъ, сидятъ за столомъ три человѣка судей; передъ ними лежитъ книга и стоитъ у того стола подьячій, въ рукахъ держитъ бумагу; одинъ человѣкъ, предъ тѣми судьями стоя, говоритъ и смотритъ въ тетради, которыя держитъ у себя въ рукахъ, и говоритъ громко; а другой, суперникъ его, стоитъ молча и слушаетъ словъ его, и проговоря тотъ, сколько ему было потребно, уклонясь судьямъ, отступилъ мало, и началъ говорить суперникъ его; и на ихъ слова пристаютъ и говорятъ и судьи къ подьячему, который стоитъ съ бумагою, приказываютъ писать декретъ, то есть вершенье дѣлу и указъ; и тотъ указъ бываетъ прочтенъ обоимъ суперникомъ, и того дня тотъ судъ и вершился". На дверяхъ палаты Толстой замѣтилъ такое же изображеніе Ѳемиды, какое видѣлъ и въ Вѣнѣ. Въ монастырѣ Капуциновъ ему показали библіотеку, гдѣ „множество книгъ, больше 2,000, разныхъ языковъ, печатныхъ и письменныхъ".... Въ монастырѣ у Георгіянъ также видѣлъ библіотеку, съ 15,000 книгъ, и въ ней два глобуса „велики зѣло,

одинъ небесной, а другой землеводной; тѣ глобусы вокругъ по четыре сажени“. Въ Падуѣ Толстому удалось видѣть обрядъ признанія докторскаго званія за кончившимъ курсъ въ академіи. „Обыклость тамъ о студентахъ, говоритъ онъ, имѣютъ такую: который студентъ науку свою дохтурскую окончитъ, того студента инспекторъ его повиненъ взять за руку и водить его въ Падуѣ по всѣмъ улицамъ, а передъ ними идутъ многіе люди и кричатъ: виватъ; а отъ того студента, окончившаго дохтурскую науку, устроенъ на то одинъ человѣкъ, который передъ нимъ идетъ и мечетъ деньги народу, тѣ деньги народъ подбираетъ и кричитъ излиха: виватъ! виватъ! А все то чинится казною того студента, который окончитъ свою науку; и потомъ того студента инспекторъ его со езувитами въ костелѣ коронуетъ; въ то время въ томъ костелѣ, гдѣ студента коронуютъ, народъ быти не повиненъ, только одни езувиты, или иные законники и инспекторъ его, т. е. мастеръ: и короновавъ его, дадутъ ему изъ той академіи отъ мастера его листъ о мастерствѣ его по обыкновенію, какъ надлежитъ, и изъ той академіи его съ честью отпустятъ“. Въ Венеціи Толстой видѣлъ оперы и комедіи. Давались эти оперы и комедіи „въ палатахъ великихъ округлыхъ, что называютъ италъяне театрумъ: въ тѣхъ палатахъ подѣланы чуланы многіе въ пять рядовъ въ верхъ, и бываетъ въ одномъ театрумѣ чулановъ двѣсти, а въ иномъ триста и больше; а всѣ чуланы подѣланы изнутри того театрума предивными работами золочеными. Въ томъ театрумѣ полъ сдѣланъ мало накось къ тому мѣсту, гдѣ играютъ, ниже, и поставлены стулы и скамьи, чтобъ однимъ изъ-за другихъ было видно, которые въ тѣ стулы для смотрѣнія оперовъ садятся, и за тѣ стулы и скамьи даютъ платы; а кто хочетъ сидѣть въ особомъ чуланѣ, тотъ повиненъ дать за чуланъ большую плату, а за пропускъ въ тотъ театрумъ особая со всѣхъ равная плата.... И приходятъ въ тѣ оперы множество людей въ машкарахъ, по словенски въ харяхъ, чтобъ никто никого не позналъ; для того, что многіе ходятъ съ женами, также и пріѣзжіе иноземцы ходятъ съ дѣвицами“. Съ особеннымъ удовольствіемъ Толстой описываетъ венеціанскій карнавалъ, который ему очень понравился разными забавами и увеселеніями. Въ Барѣ Толстой прежде всего сходилъ въ ту церковь, въ которой почиваютъ мощи святителя Николая, и въ своемъ путешествіи подробно описалъ эту святыню. Въ Неаполѣ Толстаго водили въ трибуналъ, въ палату, „гдѣ сидятъ 12 человѣкъ судей за великими государственными дѣлами; между тѣми судьями одинъ сидитъ на мѣстѣ короля гишпанскаго и называется Капо, т. е. голова надо всѣми, и какъ я въ тое палату вошелъ, замѣчаетъ Толстой, и тотъ начальной судья и всѣ судьи противъ меня встали, и отдали мнѣ поклонъ, и съ великою учтивостью меня привѣтствовали

и, показавъ всѣ вещи, которыя иноземцу подлежитъ видѣть, также съ честію меня отпустили". Потомъ, онъ былъ въ Неаполитанской академіи, въ которой 120 палатъ великихъ, нижнихъ и верхнихъ, въ пять житей; въ тѣхъ палатахъ учатся до философіи и богословіи и иныхъ высокихъ наукъ и анатоміи; въ той академіи бываетъ студентовъ 4000 человѣкъ и больше, учатся всѣ безъ платы, кто ни придетъ, вся плата мастерамъ королевская. Во время пребыванія на островѣ Мальтѣ, онъ внимательно осмотрѣлъ этотъ островъ. Между прочимъ, нарочно съѣздилъ посмотрѣть ту пещеру, близъ которой апостолъ Павелъ, находясь на островѣ для обращенія къ истинному ученію его жителей, пребывавшихъ „въ болванохвальствѣ", проклялъ эхидну, укусившую его, и сбросилъ ее съ руки своей въ огонь. Около пещеры валялись небольшіе камни, которые слыли у мальтійцевъ змѣиными очами и языками. На всемъ островѣ можно было находить „камни бѣлые, подобные эхиднамъ; о томъ сказываютъ, будто тѣ эхидны, которыя были во время бытности св. Павла и его проклятіемъ всѣ окаменѣли, и нынѣ находятся тамъ по горамъ, и по полямъ, и въ землѣ" (1). Въ Римѣ Толстой посѣтилъ темницу, въ которую при Неронѣ были заключены апостолы Петръ и Павелъ, монастырь, построенный въ домѣ Флавіана, отца Алексія, человѣка Божія, потомъ то мѣсто, гдѣ при древнихъ цесаряхъ римскихъ святыхъ мучениковъ за имя Христово отдавали на растерзаніе звѣрямъ, наконецъ храмъ Петра и Павла и дворецъ папы. Все видѣнное имъ онъ описалъ весьма подробно, такъ что одна роспись вещей, хранящихся въ соборномъ храмѣ Петра и Павла, занимаетъ въ его путешествіи болѣе пяти страницъ.—Такимъ образомъ, Толстой тщательно вникалъ въ европейскую жизнь и пріобрѣлъ много свѣдѣній, которыя должны были расширить его умственный кругозоръ. Передавая свои наблюденія въ описаніи своего путешествія, онъ знакомилъ съ европейскою цивилизаціею и другихъ русскихъ людей и такимъ образомъ способствовалъ ихъ образованію.

Путешествія Шереметева и Матвѣева. Не такъ содержательны и любопытны записки другихъ путешественниковъ, Шереметева и Матвѣева. Борисъ Петровичъ Шереметевъ былъ въ тѣхъ же годахъ въ Польшѣ, Австріи, Италіи и Мальтѣ. Все описаніе его путешествія состоитъ болѣе изъ названій мѣстностей, по которымъ онъ проѣзжалъ, и торжественныхъ рѣчей, которыя онъ произносилъ предъ царственными особами. При описаніи путешествія

(1) Извѣстно, что въ древней письменности объ этомъ существовала особая апокрифическая легенда.

по Италіи разсказъ становится болѣе подробнымъ; здѣсь описываются всѣ святыни, которыя Шереметевъ видѣлъ въ тамошнихъ церквахъ и монастыряхъ. Между прочимъ, здѣсь помѣщена такая замѣтка: „Мая 23 числа въ Неаполѣ будучи, присылалъ арцыбискупъ нунціусъ папежской къ боярину объявить, чтобъ того дня бояринъ изволилъ ѣхать въ дѣвичей монастырь, въ которомъ, сказалъ, содержится кровь св. великаго угодника Господня Януарія; которая кровь у тѣхъ законницъ въ сокровищницѣ хранится съ великимъ почитаніемъ, и временемъ износятъ изъ сокровищницы съ процессіею въ церковь и ставятъ на престолъ и служатъ литургіи. Многажды же во время св. литургіи оная св. кровь пречудесно показуется кипѣніемъ, аки бы жива“.—Графъ Матвѣевъ ѣздилъ въ Парижъ для заключенія торговаго договора въ 1705 г. Объясненіемъ этого обстоятельства и начинается описаніе его путешествія. Затѣмъ Матвѣевъ разсказываетъ о замѣчательныхъ церквахъ, монастыряхъ и библіотекахъ, которыя ему удалось посѣтить въ разныхъ мѣстахъ. Описываетъ также нѣкоторые нравы и обычаи, которые обратили на себя его вниманіе. Между прочимъ онъ замѣтилъ, что женщины во Франціи имѣютъ большое значеніе; ему понравилось ихъ обхожденіе съ мужчинами, предупредительность „со всякимъ сладкимъ и человѣколюбнымъ пріемствомъ“. Понравилось ему также воспитаніе дѣтей: „отъ юности они обучаются всѣ безъ изъятія разнымъ наукамъ; имъ внушають быть обходительными, вѣжливыми. Въ обращеніи съ дѣтьми нѣтъ ни малѣйшей косности, ни ожесточенія отъ своихъ родителей, ни отъ учителей и что отъ наказанія словеснаго паче, нежели отъ побоевъ, въ прямой волѣ и смѣлости воспитываются“ (1). Дневникъ неизвѣстнаго путешественника не заключаетъ въ себѣ ничего особенно интереснаго; видно, что это былъ человѣкъ свѣтскій и любилъ посѣщать въ городахъ театры, балы и другія собранія.

СОЧИНЕНІЯ В. Н. ТАТИЩЕВА.

Біографическія свѣдѣнія о Татищевѣ (2). Василій Никитичъ Татищевъ (род. 1686, ум. 1750 г.) представляетъ собою типъ

---

(1) Пекарскаго: Наука и литер. при Петрѣ В. 1, 51. (2) Изслѣдованія о Татищевѣ: Н. А. Попова: В. Н. Татищевъ и его время. Москва. 1861 г.; С. Соловьева: Русскіе историки XVIII в. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній. Н. Калачова, т. 2; Исторія Россіи, т. XX; П. Пекарскаго: Новыя извѣстія о Татищевѣ. Зап. Акад. Н., т. IV, приложеніе; К. Н. Бестужева-Рюмина: В. Н. Татищевъ, администраторъ начала XVIII в. Древн. и Нов. Россія, 1875 г., томъ 1 и 2.

людей новаго образованія, воспитавшихся подъ непосредственнымъ руководствомъ Петра В. Онъ учился сначала въ инженерномъ и артиллерійскомъ училищѣ, находившемся подъ завѣдываніемъ Брюса, который и имѣлъ рѣшительное вліяніе какъ на его образованіе, такъ впослѣдствіи и на его ученую дѣятельность. Изъ инженернаго училища Татищевъ, вмѣстѣ съ другими, былъ отправленъ Петромъ для изученія горнаго дѣла въ Европу, гдѣ онъ обогатилъ себя самыми разнообразными свѣдѣніями. По возвращеніи изъ Европы, онъ служилъ прежде всего въ артиллеріи, участвовалъ во взятіи Нарвы, въ Полтавской битвѣ и Прутской кампаніи, потомъ служилъ на горныхъ заводахъ въ Оренбургѣ и Екатеринбургѣ. Во время службы Татищева на заводахъ Петру донесено было, что онъ беретъ взятки; Петръ вызвалъ его въ Петербургъ. Татищевъ сознался, что онъ беретъ взятки, но только тогда, когда уже рѣшитъ дѣло, и беретъ какъ благодарность за сдѣланное дѣло, и говорилъ, что вооружаться противъ этой благодарности вредно, потому что тогда въ судьяхъ уничтожится побужденіе посвящать дѣламъ больше времени сверхъ узаконеннаго и произойдетъ медленность въ рѣшеніи дѣлъ. Эта откровенность хотя и спасла Татищева отъ наказанія, однако же не понравилась Петру, и онъ удалилъ его отъ должности и отправилъ въ Швецію по горнымъ дѣламъ, откуда онъ возвратился уже послѣ смерти Петра. Во время восшествія на престолъ Анны Іоанновны Татищевъ составилъ вмѣстѣ съ Кантемиромъ извѣстную записку о формѣ правленія. Потомъ до 1746 г. онъ былъ губернаторомъ въ Астрахани. Послѣдніе годы жизни Татищевъ провелъ въ своемъ имѣніи Болдинѣ (около Москвы), находясь подъ судомъ, которому его подвергли его враги. Здѣсь онъ и скончался въ іюлѣ 1750 г., на другой день послѣ полученія указа отъ императрицы о томъ, что онъ по суду признанъ невиннымъ и награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго.

Труды Татищева по географіи и исторіи Россіи. Воспитанникъ Петра В., который постоянно заставлялъ всѣхъ учиться и трудиться, Татищевъ, не смотря на свою службу, всю жизнь занимался науками, находя въ нихъ источникъ освѣженія отъ службы и укрѣпленія и утѣшенія во всѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни. Онъ собралъ весьма значительную по тому времени библіо-

---

Ученые и литературные труды В. Н. Татищева. Н. А. Попова. Журн. М. Н. Пр. 1886, іюнь.—Двухсотлѣтнія поминки по В. Н. Татищевѣ. К. Н. Бестужева-Рюмина. Извѣстія Спб-го Слав благотв. общества. 1886, №№ 4—5. В. Н. Татищевъ. Истор. Вѣстн. 1886, апрѣль.

теку (до 1,000 книгъ), которая состояла изъ самыхъ новыхъ книгъ по части философіи, политики и исторіи. Но любимыми предметами его занятій были „географія и исторія Россіи“, которыми онъ началъ заниматься по указанію Брюса. Онъ усердно собиралъ рукописи историческаго содержанія, народныя пѣсни и повѣрія, старинныя ландкарты; во время своихъ путешествій по Россіи онъ рылся въ архивахъ разныхъ городовъ, покупалъ рукописи на площадяхъ, вообще пользовался всякимъ случаемъ для пріобрѣтенія матеріаловъ для русской географіи и исторіи. Татищевъ представилъ въ Академію Наукъ проектъ или „предложеніе о составленіи исторіи и географіи россійской“, состоявшее изъ 198 вопросовъ и заключавшее въ себѣ обширную программу для многихъ изслѣдованій Академія разослала проектъ ко всѣмъ областнымъ правителямъ и канцеляріямъ, съ приказаніемъ собирать и доставлять географическіе и историческіе матеріалы. Когда матеріалы были собраны, Татищевъ началъ составлять географію и лексиконъ географическій. Географія его имѣла такое заглавіе: „Введеніе къ историческому и географическому описанію великороссійской имперіи, часть первая: какъ древнее, такъ и нынѣшнее состояніе того великаго государства и обитающихъ въ немъ народовъ“. Въ 1-й главѣ говорилось о имени сего великаго государства и о древнемъ онаго раздѣленіи; во 2-й—о границахъ всероссійской имперіи по ея нынѣшнему состоянію; въ 3-й—о великости имперіи; въ 4-й—о водахъ; въ 5-й—о знатнѣйшихъ горахъ; въ 6-й—о внутренностяхъ земли; въ 7-й—о растеніи и плодахъ земныхъ; въ 8-й—о животныхъ; въ 9-й—о жителяхъ имперіи; въ 10-й—о силѣ воинской; въ 11-й—о доходахъ государственныхъ; въ 12-й—о заводахъ, фабрикахъ и мануфактурахъ; въ 13-й—о академіяхъ и училищахъ; въ 14-й—о правленіи духовномъ и политическомъ, о раздѣленіи епархіальномъ и губернскомъ. Всѣ эти предметы были изложены кратко; только, говоря о Сибири, Татищевъ пустился въ нѣкоторыя подробности (1). Но попытка написать русскую географію по такой обширной программѣ была преждевременна; дѣло оказалось очень труднымъ, и Татищевъ, отказавшись отъ него, вздумалъ пока составить „Лексиконъ россійскій, историческій, географическій, политическій и гражданскій“. Въ этомъ лексиконѣ, въ алфавитномъ порядкѣ, были собраны и объяснены слова, взятыя изъ государственнаго, административнаго и общественнаго быта Россіи, имена и названія историческія, географическія, этнографическія, изъ

(1) Н. А. Попова: В. Н. Татищевъ и его время, стр. 437—444; 663—696.

области археологіи и художествъ. Лексиконъ доведенъ былъ до буквы *л*. (1).

Исторія россійская Татищева. Труды Татищева по исторіи состояли, главнымъ образомъ, также въ собираніи историческихъ матеріаловъ. Выше замѣчено, что Петръ В., въ бытность въ Кенигсбергѣ въ 1716 г., приказалъ для себя списать Радзивилловскій списокъ лѣтописи, а потомъ, спустя шесть лѣтъ, велѣлъ всѣмъ епархіямъ и монастырямъ посылать въ Синодъ имѣющіеся у нихъ лѣтописи и хронографы для снятія съ нихъ списковъ. Петръ бесѣдовалъ иногда и съ Татищевымъ о русской исторіи, а отправляясь въ персидскій походъ, бралъ у него одинъ изъ лѣтописныхъ списковъ. Татищевъ, находясь въ Сибири, продолжалъ собирать лѣтописи и собралъ 11 списковъ разныхъ лѣтописей, нѣсколько хронографовъ, царственныхъ лѣтописцевъ, старинныхъ четь миней и прологовъ. Изъ лѣтописей и другихъ источниковъ Татищевъ сдѣлалъ сводъ и снабдилъ его критическими примѣчаніями. Этотъ трудъ и составляетъ „*Исторію россійскую*“ Татищева. Она состоитъ изъ 5-ти частей. Первыя три части изданы Миллеромъ въ 1768—1774 г.; четвертая въ 1784 г.; пятая помѣщена въ Чтен. общ. ист. и древн., годъ 3 (1848), № 4. Впрочемъ, полный сводъ лѣтописей въ ней доведенъ только до нашествія татаръ, а съ этого времени и оканчивая царствованіемъ Ѳеодора Алексѣевича представленъ только матеріалъ для продолженія свода.— Первымъ русскимъ лѣтописцемъ Татищевъ признавалъ не Нестора, а новгородскаго архіепископа, Іоакима Корсунянина (ум. въ 1030 г.). Къ такому мнѣнію привело его, между прочимъ, открытіе одного отрывка изъ Іоакимовской лѣтописи въ рукописи XVIII в. (2). Помѣстивъ этотъ отрывокъ въ первой книгѣ своей исторіи (глав. 4), онъ говоритъ: „сія мнится совершенно древняго писателя болѣе, нежели Несторъ, свѣдущаго, а наипаче какъ въ греческомъ языкѣ, такъ и въ исторіи искуснаго, хотя нѣчто необыкновенное по тому времени внесено“. Екатерина II взяла этотъ отрывокъ изъ Іоакимовской лѣтописи въ свои „Записки касательно россійской исторіи“ и, основываясь на немъ, написала двѣ драмы: „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика“ и „Начальное управленіе Олега“; въ наукѣ же исторической впослѣдствіи былъ возбужденъ вопросъ объ Іоаки-

---

(1) Онъ былъ напечатанъ въ 1793.

(2) Этотъ отрывокъ, найденный въ рукописи XVIII в., былъ доставленъ Татищеву архимандритомъ Бизюкова монастыря (въ Дорогобужскомъ уѣздѣ) Мелхиседекомъ Борщовымъ.

мовской лѣтописи и о значеніи найденнаго изъ нея отрывка. Обстоятельное изслѣдованіе по этому вопросу сдѣлано Лавровскимъ, который раздѣляетъ отрывокъ на двѣ части. Въ первой части, по его мнѣнію, помѣщены баснословныя извѣстія, взятыя изъ польскихъ и чешскихъ писателей; вторую часть составляютъ правдоподобныя извѣстія о началѣ христіанства въ Россіи: о крещеніи Аскольда, о занятіи Олегомъ Кіева, о борьбѣ языческой партіи съ христіанами при Олегѣ и Святославѣ, о вліяніи болгаръ на распространеніе христіанства и христіанскаго просвѣщенія въ Россіи, о крещеніи новгородцевъ ([1]).—Сводъ Татищева весьма важенъ, потому что въ немъ собраны извѣстія изъ разныхъ лѣтописей, между прочимъ, изъ такихъ, списки которыхъ въ настоящее время уже не существуютъ. Въ критическихъ примѣчаніяхъ помѣщены указанія, откуда заимствованы извѣстія, и критика этихъ извѣстій, свѣдѣнія о народахъ, населявшихъ древнюю Россію, объясненія многихъ древнихъ словъ, каковы напр. дань, рота, скора, перевѣсище, тризна и проч. Но особенно интересны для насъ въ примѣчаніяхъ философскія, историческія и политическія воззрѣнія самого Татищева. Татищевъ воспитался преимущественно подъ вліяніемъ протестантскихъ писателей. Онъ ссылается въ своихъ сочиненіяхъ на сочиненія Гоббеса (Левіаѳанъ), Бейля (критическій словарь), Томазіуса (нравоученіе), Фонтенеля (объ оракулахъ), Пуффендорфа (о должностяхъ человѣка и гражданина) и др. Отъ этихъ писателей онъ усвоилъ отрицательный взглядъ на церковь и духовенство и, прилагая его къ русской церкви и русскому духовенству въ древнемъ періодѣ, смотрѣлъ съ особеннымъ недовѣріемъ на историческія извѣстія, сообщаемыя духовными писателями, и совершенно неправильно понималъ нѣкоторыя явленія въ древне-русской жизни. Такъ, объясняя извѣстіе о посольствѣ князя Владиміра въ сосѣднія страны для испытанія разныхъ вѣръ, онъ замѣчаетъ: „Если сказать, что посылалъ токмо членовъ церковныхъ и убранство смотрѣть, то сіе весьма не прилично, ибо видѣніемъ вѣры истинной показать не можно, и вѣра не въ чинахъ и убранствахъ, какъ подлость разумѣетъ, но въ сущемъ признаніи истины недовѣдомыхъ состоитъ“ ([2]). Разсказывая объ образованіи въ древнемъ періодѣ, онъ обвиняетъ русское духовенство въ томъ, будто оно намѣренно оставляло народъ въ невѣжествѣ: „въ Руссіи, го-

([1]) Изслѣдованіе Лавровскаго объ Іоакимовской лѣтописи въ Учен. Зап. II отд. Акад. Наукъ, кн. II, вып. 1.

([2]) Татищевъ и его время, стр. 473.

ворить онъ, науки не токмо читать и писать, но языковъ греческаго отъ самаго прiятiя вѣры Христовой, а потомъ и латынскiй языкъ введены и многiя училища устроены были: по нашествiемъ татаръ какъ власть государей умалилася, а духовныхъ возрасла, тогда симъ, для прiобрѣтенiя большихъ доходовъ и власти, полезнѣе явилось народъ въ темнотѣ невѣдѣнiя и суемудрiя содержать; для того все ученiе въ училищахъ и въ церквахъ пресѣкли и оставили" (1). Митр. Макарiй, по мнѣнiю Татищева, въ Степенную книгу „отъ скудости знанiя въ древности, или отъ лицемѣрства неколико недоказательныхъ обстоятельствъ внесъ". Говоря о Никоновскомъ спискѣ лѣтописи, онъ прибавляетъ: „видится особливо Никонъ, самъ перечерня, велѣлъ переписать, понеже всѣ тѣ обстоятельства, что къ уничтоженiю власти духовной въ другихъ находятся, въ немъ выкинуты, или перемѣнены и новымъ порядкомъ вписаны" (2). Вслѣдствiе, конечно, такого отрицательнаго направленiя, Исторiя Татищева долго оставалась неизданною. Между современниками Татищевъ слылъ за вольнодумца; сохранился даже разсказъ о томъ, что Петръ В. разъ побилъ Татищева за то, что онъ говорилъ слишкомъ вольно о предметахъ церковныхъ, относя оные къ вымысламъ корыстолюбиваго духовенства, при чемъ касался онъ въ ироническомъ тонѣ и нѣкоторыхъ мѣстъ Свящ. Писанiя (3). По политическимъ убѣжденiямъ Татищевъ былъ монархистъ; по крайней мѣрѣ для Россiи монархическую форму правленiя онъ считалъ необходимою. Это прежде всего выразилось въ томъ, что онъ въ 1730 г., когда верховники хотѣли ограничить правленiе Анны Iоанновны, составилъ и подалъ вмѣстѣ съ другими просьбу къ ней о принятiи самодержавнаго правленiя. Въ 45-й главѣ первой книги своей Исторiи, указывая на различiе между монархiей, аристократiей и демократiей, онъ говоритъ: „Невозможно сказать, которое бы правительство было лучше и всякому сообществу полезнѣйшее; но нужно взирать на состоянiя и обстоятельства каждаго сообщества, яко на положенiе земель, пространство области и состоянiя народа. Въ единственныхъ градахъ и малыхъ областяхъ политiя, или демократiя удобно пользу и спокойность сохранить можетъ: въ величайшихъ, но отъ нападенiй не весьма опасныхъ, яко окру-

---

(1) Тамъ же, стр. 514—515.—(2) Тамъ же, стр. 473—475.

(3) Между прочимъ, Татищевъ нападалъ на книгу Соломона: Пѣснь пѣсней, что заставило Прокоповича написать «Разсужденiе о книгѣ Соломона, яко она есть не человѣческою волею, но Духа Св. вдохновенiемъ написана отъ Соломона» (1730).

жены моремъ и непроходными горами, особливо гдѣ народъ науками довольно просвѣщенъ, аристократія довольно способною быть можетъ, какъ намъ Англія и Швеція видимые примѣры представляютъ; великія же области, открытыя границы, а наипаче гдѣ народъ ученіемъ и разумомъ не просвѣщенъ и болѣе за страхъ, нежели отъ собственнаго благонравія въ должности содержится, тамо оба первые негодятся, но нужна быть монархія, какъ я въ 1730 г. Верховному Совѣту обстоятельно представилъ, и намъ достаточные приклады прежде бывшихъ сильныхъ греческихъ, римской и другихъ республикъ доказываютъ, что онѣ дотолѣ сильны и славны были, доколѣ своихъ границъ не распространили"... (¹). Кромѣ „Исторіи россійской", Татищевъ составилъ еще примѣчанія къ „Русской правдѣ", примѣчанія и дополненія къ „Судебнику", которыя такъ же, какъ и Исторія россійская, были изданы Миллеромъ.

Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ. Но всего полнѣе идеи и идеалы Татищева выразились въ двухъ его сочиненіяхъ: 1) въ „*Разговорѣ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ*" и 2) въ „*Духовной*", или духовномъ завѣщаніи сыну, Евграфу Васильевичу. Въ Разговорѣ (²) выраженъ новый взглядъ на науку и образованіе, развившійся въ Татищевѣ подъ вліяніемъ иностранныхъ учителей. Послѣ предварительнаго разсужденія о необходимости ученія для человѣка въ каждомъ возрастѣ, оканчивающагося русской пословицей: „Вѣкъ живи, вѣкъ учись", и послѣ краткаго обзора умственнаго развитія человѣчества въ разные періоды (до изобрѣтенія письменности, до начала христіанства, до изобрѣтенія книгопечатанія), рѣшаются два существенныхъ возраженія противъ науки и образованія. Одно возраженіе представлено отъ лица духовенства. Возражатель говоритъ, что онъ отъ многихъ духовныхъ и богобоязненныхъ людей слышалъ, что „науки человѣку вредительны и пагубны суть". Авторъ на это отвѣчаетъ: „что Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, ученики и апостолы, и по нихъ святые отцы противъ премудрости и философіи говорили, оное намъ довольно извѣстно, но надобно разумѣть, о какой премудрости и философіи они говорятъ, а не просто за слова

(¹) Татищевъ и его время, стр. 482—483.—(²) Рукопись «Разговора» находится въ Публичной библіотекѣ. Содержаніе его изложено въ изслѣдованіи К. Н. Бестужева-Рюмина. Древн. и Нов. Россія. 1875 г., томъ 1 и 2. Самый Разговоръ Татищева напечатанъ Н. А. Поповымъ въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей за 1887 г., кн. 1. Отдѣльный оттискъ. Москва. 1887 г.

хвататься... И къ познанію Бога якоже и къ пользѣ человѣка нужная философія не грѣшна; только отвращающая отъ Бога вредительна и губительна"... Философію изучали апостолы и ученики... „Запрещающіе оную учить суть или самые невѣжды, и не вѣдущіе, въ чемъ истинная философія состоитъ, или злоковарные нѣкоторые церковнослужители и для утвержденія ихъ богопротивной власти и пріобрѣтенія богатствъ вымыслили, чтобъ народъ былъ не ученый и ни о коей истинѣ разсуждать имущій, но слѣпо бы и раболѣпно ихъ разсказамъ и повелѣніямъ вѣрили, наиболѣе же всѣхъ архіепископы римскіе въ томъ себя показали и большой трудъ къ приведенію и содержанію народовъ въ темнотѣ и суевѣріи прилагали, для котораго они не постыдились, противу точныхъ Христовыхъ словъ, иже письмо святое, въ которомъ мы уповаемъ животъ вѣчный пріобрѣсти, не токмо читать, но испытывать т. е. толковать повелѣлъ, папы оное читать запретили и еще тяжчае того толковали, яко бы читающіе оное въ умѣ повреждались". Указавъ, какъ сильна была власть папы и какъ ей покорялись императоры, Татищевъ продолжаетъ: „да и у насъ патріархи такую же власть надъ государи искать не оставили, какъ то Никонъ съ великимъ вредомъ государства началъ было, за которое судомъ духовнымъ чина лишенъ и въ заточеніе сосланъ"... На возраженіе, что чтеніе Библіи можетъ подать поводъ къ ересямъ, онъ говоритъ: „такая мысль перешла отъ католиковъ", и при этомъ снова останавливается на желаніи папъ сохранить Свящ. Писаніе и богослуженіе на латинскомъ языкѣ—„вѣдая, что оному не токмо великихъ государей, но и шляхетскія дѣти за трудность обучаться не охотно будутъ, и потому письма святаго и закона Божьяго, а ихъ коварствъ познавать не возмогутъ. О семъ многіе иноязычные, яко германе, славяне и прочіе спорили, но по силѣ ихъ (папъ) къ тому не допущены". Другое возраженіе противъ науки и образованія представлено отъ лица людей свѣтскихъ. „Слышу, что свѣтскіе люди, въ гражданствѣ искусные, толкуютъ, якобы въ государствѣ, чѣмъ народъ простѣе, тѣмъ покорнѣе и къ правленію способнѣе, а отъ бунтовъ и мятежей безопаснѣе, и для того науки распространять за полезное не почитаютъ". Отвѣчая на это возраженіе, Татищевъ приписываетъ всѣ подобныя мнѣнія людямъ неразсуднымъ или „махіавелическими плевелы насѣяннаго сердца..., благоразсудный же политикъ всегда сущею истиною утвердить можетъ, что науки государству болѣе пользы, чѣмъ буйство и невѣжество, принести могутъ... И всякій человѣкъ ищетъ умныхъ помощниковъ, яко реку друзей и совѣтниковъ, понеже на умнаго друга болѣе можетъ надѣяться, что онъ ему въ недознаніи добрый совѣтъ и помощь подастъ, а служитель умный все повелѣнное и

желаемое съ лучшимъ разсужденіемъ и успѣхомъ, нежели глупый, произведетъ и совершитъ, а въ случаѣ и совѣтъ или помощь подать способенъ... На онаго махіавелиста, говоритъ Татищевъ въ заключеніе, кратче скажу: если бы ему, по его состоянію, всѣхъ служителей, лакеевъ, конюховъ, поваровъ и дровосѣковъ—всѣхъ опредѣлили дураковъ, въ дворецкіе, конюшие, стряпчіе и въ деревни прикащиковъ—безграмотныхъ, то бы онъ узналъ, какой порядокъ и польза въ его домѣ явится, я же радъ и крестьянъ имѣть умныхъ и ученыхъ".— Опровергнувъ возраженія противъ науки и образованія, Татищевъ указываетъ, какія науки нужно изучать. Всѣ науки, по его представленію, раздѣляются „на душевныя (богословіе) и тѣлесныя (философія)". Между ними по качеству различаются: 1) „науки нужныя": домоводство, врачество, законъ Божій, умѣнье владѣть оружіемъ, логика, богословіе; 2) „полезныя": письмо, грамматика, краснорѣчіе или витійство, изученіе иностранныхъ языковъ, гисторія, генеалогія, географія, ботаника, анатомія, физика, химія; 3) „щегольскія": стихотворство (поэзія), музыка (по-русски скоморошество), танцованіе (плясаніе), волтежированіе, знаменованіе(живопись); 4) „любопытныя": астрологія, физіономика, хиромантія, алхимія и 5) „вредныя": гаданія и волшебства разнаго рода. Для изученія иностранныхъ языковъ Татищевъ находитъ нужнымъ отправлять дѣтей за границу, потому что дома въ Россіи нельзя найти хорошихъ учителей. „Многіе, говоритъ онъ, за недостаткомъ искусства, принимаютъ учителей, къ наученію весьма неспособныхъ, и случается,—что поваровъ, лакеевъ, или весьма мало умѣющихъ грамотѣ, за учителей языка французскаго, или нѣмецкаго, и какихъ-либо непотребныхъ волочагъ, для наученія благонравію и политикѣ, принимаютъ и потомъ за положенныя деньги вредъ вмѣсто пользы покупаютъ". Наконецъ, Татищевъ дѣлаетъ критическій обзоръ училищъ, существовавшихъ въ то время въ Россіи, Академіи Наукъ, кадетскаго корпуса, народныхъ училищъ, академій Московской и Кіевской, показывая, насколько они могутъ удовлетворять потребностямъ образованія. Сказавъ объ ученыхъ занятіяхъ членовъ Академіи, онъ замѣчаетъ, что другой обязанности, на нихъ возложенной, „учить младость", они выполнять не могутъ: 1) „богословія, или закона Божія имъ учить не опредѣлено для того, что учители, или профессоры суть не нашего закона, 2) закона гражданскаго мы отъ нихъ такожъ научиться не можемъ, потому что они, за незнаніемъ нашего языка, всѣхъ нашихъ законовъ знать и о нихъ разсуждать не могутъ; 3) понеже имъ надобно такихъ обучать, которые бы нижнія науки"... знали..., „а понеже оныхъ нижнихъ училищъ довольно не учреждено, то въ оной (академіи) учиться еще некому; и хотя семинаріумъ и гимназіи при оной устроены, но оное недостаточно,

ибо изъ всего государства младенцевъ свозить, а наипаче шляхетскихъ малолѣтныхъ, есть невозможно и вредительно". Ученіе въ Московской академіи Татищевъ находитъ совершенно недостаточнымъ: 1) „латинскій языкъ, говоритъ онъ, идетъ у нихъ не хорошо, нѣтъ ни грамматики, ни лексикона; классическихъ авторовъ (Цицерона, Ливія и другихъ) они не читаютъ и потому въ философіи мало успѣваютъ; 2) риторика ихъ такова, что они „болѣе вралями, чѣмъ реторами именоваться могутъ", и нѣкоторые не знаютъ даже правописанія; 3) философы ихъ ни куда лучше, какъ въ лекарскіе, а по нуждѣ и въ аптекарскіе ученики" годятся, физика ихъ состоитъ изъ однихъ именъ.... объ исторіи, географіи, врачевствѣ понятія не имѣютъ. „И тако въ семъ училищѣ не токмо шляхтичу, но и подлому научиться нечего, паче же, что въ оной болѣе подлости, то шляхетству и учиться не безвредно". Кіевскую академію онъ также считалъ не многимъ лучше Московской. Такой, совершенно несправедливый, отзывъ о духовныхъ училищахъ, очевидно, есть слѣдствіе того же предубѣжденнаго взгляда Татищева на духовенство и духовное образованіе, на который мы уже указали выше. Онъ развился въ Татищевѣ подъ вліяніемъ протестантскихъ воззрѣній на католическое духовенство, по которымъ духовенство обыкновенно представляется пропитаннымъ суевѣріемъ и враждою къ просвѣщенію и которыя онъ несправедливо перенесъ на русское духовенство и русское духовное образованіе.

Духовная Татищева. Въ „Духовной" [1] Татищева изложены идеалы жизни и службы, сложившіеся въ немъ съ одной стороны путемъ воспитанія и образованія на европейской наукѣ и литературѣ, а съ другой—на основаніи опытовъ его собственной служебной дѣятельности. Въ нихъ, слѣдовательно, есть много характерныхъ чертъ, какъ лично самого Татищева, такъ и его времени. Въ Духовной прежде всего Татищевъ говоритъ о религіозномъ воспитаніи, совѣтуя сыну своему поучаться въ законѣ Божіемъ день и ночь даже до старости—читать письмо святое т. е. Свящ. Писаніе и катихизисъ, книги учителей церковныхъ, особенно Златоуста, Василія В., Григорія Назіанзина, Аѳанасія В.

---

(1) Духовная тайнаго совѣтника и астраханскаго губернатора В. Н. Татищева, сыну его Евграфу Васильевичу. Спб. 1773. Новое изданіе Духовной Татищева Андрея Н. Островскаго. Казань. 1884 (въ «Извѣстіяхъ Общества археологіи, исторіи и этнографіи», т. IV).

и Өеофилакта Болгарскаго, а также и новыя книги: „истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ, которыя за катихизисъ, а малый букварь, или юности честное зерцало за лучшее нравоученіе служить могутъ". Послѣ ознакомленія съ ученіемъ православнымъ, нужно познакомиться и съ ученіемъ католиковъ, протестантовъ и кальвинистовъ, потому что въ обществѣ часто приходится встрѣчаться съ такими людьми, и не трудно быть обманутымъ; особенно остерегаться должно папистовъ. Впрочемъ, вступать въ пренія съ иновѣрцами онъ вообще не совѣтуетъ, чтобы „у людей злаго мнѣнія о себѣ не подать, а отъ неразумныхъ можешь и претерпѣть". Изъ свѣтскихъ наукъ онъ совѣтуетъ учиться ариөметикѣ, геометріи, артиллеріи, фортификаціи и другимъ частямъ математики, нѣмецкому языку, исторіи и географіи, гражданскимъ и воинскимъ законамъ, читать уложеніе, сухопутный и морской уставы и новые указы.

Послѣ наставленій о воспитаніи и образованіи, въ Духовной излагаются правила для руководства въ жизни семейной и общественной (¹). Первый шагъ въ семейной жизни составляетъ женитьба. Противоположно Посошкову, который, „во избѣжаніе грѣха", совѣтуетъ жениться раньше, Татищевъ не одобряетъ ранней женитьбы. „Отъ ранней женитьбы, говоритъ онъ, страдаютъ науки и служба, а иногда и здоровье; для того, лучшія лѣта для брака отъ 22 до 25 и 30 лѣтъ почитаются". Такъ какъ о взаимныхъ чувствахъ никто лучше судить не можетъ, какъ вступающіе въ бракъ, то справедливо на власть родителей и воспитателей узда закономъ наложена, чтобы силою противъ воли къ браку не принуждали. Но такъ какъ любовь часто помрачаетъ нашъ умъ, то въ такомъ важномъ дѣлѣ нужно обращаться за совѣтомъ къ людямъ искуснымъ, а наипаче къ надежнымъ родственникамъ и свойственникамъ. Выбирать жену за одну красоту лица не слѣдуетъ: „извѣстно, что въ краснѣйшемъ яблокѣ наиболѣе черви, а при лѣпотѣ женщинъ продерзости находятся, и для того оное бываетъ не безопасно. Но не нужно брать и жену безобразную, а также ни слишкомъ молодую, ни слишкомъ старую. И для того, посредственная красота и равность лѣтъ, или жена немного моложе есть лучшее". Что касается до богатства и знатности, то бракъ между равными по состоянію и происхожденію всего лучше; „главнѣйшее въ женѣ — состояніе, разумъ и здравіе". Отношеніе мужа къ женѣ Татищевъ опредѣляетъ слѣдующимъ наставленіемъ: „Имѣй то въ памяти, что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница во всемъ и другомъ

(¹) Татищевъ и его время Н. А. Попова, стр. 212—214. Духовная по изд. Островскаго, 10—12.

должна быть нелицемѣрнымъ; такъ и тебѣ къ ней должно быть; въ воспитаніи дѣтей обще съ нею прилѣжать; въ твердомъ состояніи домъ въ правленіе ея поручить, а затѣмъ и самому не лѣностно смотрѣть".

Излагая правила общественной и служебной дѣятельности, Татищевъ прежде всего внушаетъ своему сыну вѣрность государю и государству, прилежаніе къ общей пользѣ, повиновеніе властямъ. „Съ хвалящими вольности другихъ государствъ, говоритъ онъ, и ищущими власть монарха уменьшить, никогда не соглашуйся: понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ, о чемъ тебѣ гисторіи нашего государства ясные приклады (примѣры) показать могутъ, какъ то нѣкоторые и предъ немногими лѣты безумно начинали" (разумѣются замыслы верховниковъ, хотѣвшихъ ограничить самодержавіе, при воцареніи Анны Іоанновны). Основное правило, которому должно было слѣдовать на службѣ, Татищевъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: „ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся, и ни на что самъ не называйся, если хочешь бытъ въ благополучіи.... И когда я оное сохранялъ совершенно, и въ тяжчайшихъ трудностяхъ благополучіе видѣлъ; а когда чего прилежно искалъ, или отрекался, всегда о томъ сожалѣлъ, равно же и надъ другими то видѣлъ". Въ частности же на службѣ Татищевъ предписываетъ соблюдать строгое правосудіе во всякомъ дѣлѣ и не увлекаться собственными интересами. Совѣтуя быть внимательнымъ ко всякому челобитчику и терпѣливо выслушивать бѣднаго, онъ прибавляетъ: „у меня никогда, хотя бы на постели лежалъ, двери не затворялись, и ни о комъ холопи не докладывали, но всякъ самъ себѣ докладчикъ былъ, и хотя многократно за бездѣлицами и въ неудобныя времена прихаживали, но я не оскорблялся; ибо часто то случалось, что многимъ въ краткости (въ скорости) нужно было помощь подать и великій вредъ отвратить.... Весьма хранись предстателей и совѣтниковъ твоихъ, чтобъ тебя лестно въ напасть неправосудія не привели, какъ мнѣ то часто случалось видѣть, что жены, сродники, холопи или ввѣрившіеся пріятели судами торговали ... Наипаче всего хранися секретарей и подьячихъ, подчиненныхъ тебѣ;.... ихъ совѣты хотя слушай, но не всегда оные тотчасъ исполняй, дабы тебѣ ихъ слова не были закономъ".

Все время жизни Татищевъ совѣтуетъ распредѣлять такимъ образомъ: молодые годы посвящать службѣ военной, зрѣлый возрастъ мужества — службѣ гражданской, а послѣднее время жизни въ старости — жить въ деревнѣ и заниматься имѣніемъ, если оно есть. Поэтому, въ послѣдней части своей Духовной онъ помѣстилъ такія наставленія, которыя могутъ служить руководствомъ при управленіи помѣстьями и крестьянами. Спустя два

года, къ этимъ наставленіямъ онъ присоединилъ еще „краткія экономическія, до деревни слѣдующія, записки“. Въ этихъ запискахъ есть много такихъ наставленій, которыя походятъ на совѣты и проекты Посошкова въ его книгѣ „о скудости и богатствѣ“. Между ними особенно замѣчательны наставленія о религіозно-нравственномъ воспитаніи и образованіи крестьянъ. „Старайся имѣть, говоритъ онъ, попа ученаго, который бы своимъ еженедѣльнымъ поученіемъ и предикою къ совершенной добродѣтели крестьянъ твоихъ довести могъ... награди его безбѣднымъ пропитаніемъ, деньгами, а не пашнею, для того, чтобъ отъ него навозомъ не пахло. Голодный, хотя бъ и патріархъ былъ, кусокъ хлѣба возьметъ; за деньги онъ лучше будетъ прилежать къ церкви, нежели къ своей землѣ, пашнѣ и сѣнокосу, что и сану ихъ совсѣмъ не прилично, и чрезъ то надлежащее почтеніе теряютъ“ ([1]). Въ экономическихъ запискахъ онъ говоритъ: „Наивящшій пунктъ учить (крестьянъ) грамотѣ и писать, чрезъ что познаетъ законъ и страхъ Божій, хотя тѣмъ можетъ назваться истиннымъ человѣкомъ, и различить себя отъ скота“. Другія наставленія о крестьянахъ направлены къ тому, чтобы села и деревни помѣщика были снабжены банями, богадѣльнями, аптекарями и лекарями. Относительно доходовъ, собираемыхъ съ имѣній, Татищевъ совѣтуетъ быть справедливымъ и умѣреннымъ. „Конецъ желаньямъ нашимъ ненасытнымъ въ свѣтѣ, говоритъ онъ въ запискахъ, главный пунктъ деньги: не тотъ богатъ, кто ихъ имѣетъ много и еще желаетъ; и не тотъ убогъ, кто ихъ имѣетъ мало, мало же скорбитъ о томъ и не желаетъ; а богатъ, славенъ и честенъ тотъ, кто можетъ по препорціи своего состоянія безъ долгу вѣкъ жить и честь свою тѣмъ хранить и быть судьбою довольнымъ, роскоши презирать, скупость въ домъ не пускать. Совѣтую всякому жителю сего свѣта оставлять отъ годоваго своего дохода по крайней мѣрѣ пятую часть денегъ для нечаянныхъ приключеніевъ“. „Впрочемъ, заключаетъ онъ свою Духовную, старайся, чтобы ты никогда, никому и ничѣмъ не былъ долженъ“ ([2]).

Таковы идеалы Татищева. Они, очевидно, во многихъ отношеніяхъ, отличны отъ идеаловъ до-Петровскаго періода, выражен-

---

([1]) Татищевъ и его время Н. А. Попова, стр. 226—227.

([2]) Тамъ же, стр. 227; 230—233. Въ одномъ изъ списковъ «Духовной» въ концѣ помѣщено еще «Предсмертное увѣщаніе» Татищева своему сыну, Евграфу Васильевичу. Оно издано А. А. Дмитріевымъ въ Журн. М. Н. Просв. 1886, апрѣль. Слогъ «Увѣщанія», по замѣчанію издателя, и мысли, выраженныя въ немъ, не оставляютъ сомнѣнія въ принадлежности его Татищеву. Эти мысли не содержатъ въ себѣ ничего новаго и особеннаго, а составляютъ повтореніе тѣхъ наставленій, какія изложены въ «Духовной» и другихъ сочиненіяхъ Татищева.

ныхъ въ Домостроѣ Сильвестра, и отъ идеаловъ Посошкова, въ Завѣщаніи отеческомъ. Они выросли на другой почвѣ, основаны на другихъ началахъ и направлены къ другимъ цѣлямъ. Наставленія Домостроя основаны частію на церковномъ ученіи, частію на преданіяхъ предковъ и издавна установившихся обычаяхъ. Наставленія Посошкова во многомъ сходны съ наставленіями Сильвестра, основаны на тѣхъ же началахъ и направлены къ нравственнымъ цѣлямъ. Правила же Татищева не только не вытекаютъ изъ преданій и древнихъ уставовъ, но идутъ противъ устава и обычая и основаны частію на личномъ разсужденіи, частію на началахъ новаго образованія, и направлены къ разумной и полезной дѣятельности.

Стихотворныя и литературныя произведенія въ Петровскую эпоху. При Петрѣ В. не могла образоваться новая поэзія; прославленію его дѣлъ и вообще изображенію событій реформы, вмѣстѣ съ проповѣдью, служила еще старая силлабическая поэзія. По случаю взятія Азова и возвращенія Петра въ Москву въ 1697 г. братья Лихуды составили „похвальное слово". Извѣстенъ также „Тріумфъ о благополучнѣйшемъ и преславномъ вѣчномъ мирѣ Петра В. съ Свейскою короною". Думный дьякъ Андрей Виніусъ, по случаю взятія Азова, написалъ поздравительные стихи Лефорту и Шеину. Полтавская битва прославляется въ сочиненіи: „Политиколѣпная апотеозисъ.... всероссійскаго Геркулеса"...., гдѣ объясняется значеніе тріумфіальныхъ вратъ, воздвигнутыхъ въ честь Петра Московской академіей. Окончаніе Шведской войны Ништадтскимъ миромъ было воспѣто Ширяевымъ въ кантатѣ. Монахъ Іоаннъ Кременецкій въ честь Меньшикова написалъ сочиненіе: „Лаврея, или вѣнецъ безсмертныя славы". Сохранилось еще стихотвореніе Валдайскаго попа Михаила, подъ названіемъ: „Предисловіе во привѣтство царскому величеству, врученное 1718 г. марта 19 дня"...

«Что гдѣ прославляется яко мудрость,
И что толико хвалимо, елико храбрость?
Ничто ино равно тѣмъ быть возмогаетъ,
Точію едина любовь та достизаетъ;
Ибо вся добродѣтели въ той содержатся,
Ей же и мудрость и храбрость присно общатся» и проч.

Подъ стихами подпись: „Вашего царскаго величества всенижайшій рабъ, всенедостойнѣйшій пастушокъ Михаилъ валдайскій землемещуся". Указывая на эту подпись, Пекарскій прибавляетъ: „Это былъ не одинъ изъ духовныхъ, который именовалъ себя па-

стушкомъ; въ письмахъ къ Петру В. Стефанъ Яворскій часто подписывался: Стефанъ, пастушокъ Рязанскій" ([1]).

Театральныя представленія до Петра В. дѣлались только въ школахъ и при дворѣ; при Петрѣ они изъ царскаго дворца (Верха) были перенесены на красную площадь въ особо устроенный „комидійный домъ". Въ 1702 г. въ Москву прибылъ изъ Данцига Іоганнъ Кунштъ съ своей труппой странствующихъ актеровъ. Представленія должны были происходить на русскомъ языкѣ; для этого переводились разныя піэсы съ иностранныхъ языковъ. Въ то же время давались и школьныя духовныя драмы, трагедіи и комедіи. Въ этихъ духовныхъ драмахъ, при изображеніи духовныхъ предметовъ, вставлялись также сцены, изображавшія современныя событія. Въ піэсѣ: „Страшное изображеніе втораго пришествія Господня" было представлено, какъ „Самолюбіе и Гордыня", олицетворяющія польскій сеймъ, возмущаютъ противъ польскаго короля Августа его подданныхъ за то, что онъ хотѣлъ соединиться съ Петромъ В. противъ Карла XII, и какъ Фортуна вручаетъ Марсу Роксоланскому т. е. Петру В. знаменія побѣды. Въ піэсѣ префекта Московской академіи Іосифа Туробойскаго изображается: „Преславное торжество свободителя Ливоніи". Въ піэсѣ: „Божіе уничижителей гордыхъ уничиженіе" представлены побѣда надъ шведами при Полтавѣ, измѣна и бѣгство Мазепы ([2]). Въ 1701 г. въ Москвѣ „благородными великороссійскими младенцами", учениками славяно-греческо латинской Академіи, была представлена комедія, подъ заглавіемъ: „Ужасная измѣна сластолюбиваго житія, съ прискорбнымъ и нищетнымъ, въ евангельскомъ пиролюбцѣ и Лазарѣ изображенная" ([3]).

Но самымъ характернымъ произведеніемъ въ области драматической литературы Петровской эпохи была, разумѣется. „Трагедокомедія Владиміръ" Ѳеофана Прокоповича. Прокоповичъ написалъ ее еще въ то время, когда былъ преподавателемъ по-

---

(1) Наука и литер., 1, 368—370.

(2) Мистеріи и старинный театръ въ Россіи. П. Пекарскаго. Совр. 1857, №№ 1 и 2; Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В. (глава XIV). Русскія интерлюдіи первой половины XVIII в. Тихонравова въ Лѣтоп. русск. литер., т III. Хроника русскаго театра Носова. Съ новыми разысканіями о первой эпохѣ русскаго театра. Е. В. Барсова. Изд. Общ. ист. и древ. Москва. 1884.

(3) Она напечатана И. А. Шляпкинымъ въ Памятн. древней письменности 1882 г.

эзіи въ Кіевской академіи, въ 1705 г. ([1]). По формѣ она принадлежитъ къ тѣмъ же школьнымъ драмамъ, которыя мы сейчасъ указали, но отличается отъ нихъ большею свободою отъ тѣхъ схоластическихъ правилъ, которымъ онѣ подчинялись. Трагедокомедіей она называется потому, что въ ней къ серьезному трагическому элементу присоединяется элементъ комическій; „трагедокомедія, говоритъ Прокоповичъ, есть смѣшанный родъ драматической поэзіи изъ трагедіи и комедіи т. е. такой, въ которомъ смѣшное и забавное смѣшивается съ серьезнымъ и трогательнымъ и лица незначительныя съ знаменитыми“. Правда, и въ школьной драмѣ употреблялись такъ называемыя интермедіи, или интерлюдіи т. е. шуточныя піэсы, но онѣ не принадлежали къ самой драмѣ, а только вставлялись между ея дѣйствіями, между тѣмъ какъ комическій элементъ въ трагедокомедіи Прокоповича распространенъ по всей піэсѣ и составляетъ ея существенную часть. Вся трагедія состоитъ изъ пяти актовъ, съ прибавленіемъ прологовъ, эпилоговъ и хора къ каждому акту. Содержаніе ея составляетъ принятіе христіанской вѣры княземъ Владиміромъ; дѣйствующія лица: князь Владиміръ, греческій философъ, проповѣдникъ, объясняющій ему христіанскій законъ, три языческихъ жреца: Жериволъ, Куроядъ и Піяръ, Духъ Ярополка, погибающій отъ зависти къ брату и служащій въ піэсѣ орудіемъ адскихъ силъ, дѣйствующихъ противъ Владиміра; военачальники Владиміра, Мечиславъ и Храбрый, помогающіе Владиміру сокрушить язычество. Историческихъ элементовъ въ трагедіи мало, и вообще вся историческая обстановка не богата; все вниманіе обращено на внутреннюю борьбу князя Владиміра, при его обращеніи въ христіанство, съ тремя врагами — міромъ, плотію и діаволомъ. Послѣ пролога, составляющаго предисловіе къ трагедокомедіи, въ 1-мъ дѣйствіи изображается, какъ адъ, узнавъ, что князь Владиміръ хочетъ водворить въ Кіевѣ христіанскую вѣру, высылаетъ на землю Духъ Ярополка, чтобы онъ возвѣстилъ представителю адскихъ силъ въ Кіевѣ, волхву Жериволу, о пред-

---

([1]) Полное заглавіе трагедокомедіи такое: «Владиміръ, славеноросссійскихъ странъ князь и повелитель, отъ невѣрія тьмы въ свѣтъ евангельскій преведенный Духомъ святымъ отъ Рождества Христова 988 г., нынѣ же отъ православной академіи могилеанской кіевской, на позоръ россійскому роду, отъ благородныхъ россійскихъ сыновъ, добрѣ здѣ воспитуемыхъ, дѣйствіемъ, еже отъ піитъ нарицается трагедокомедія, лѣта Господня 1705, іюля 3 дня показанній».— Трагедія до сихъ поръ не напечатана. Мы пользовались превосходной статьей Н. С. Тихонравова въ Журн. М. Н. Просв. 1879, май, гдѣ подробно изложено ея содержаніе и сдѣланъ самый обстоятельный разборъ.

стоящихъ бѣдствіяхъ. Жериволъ, впрочемъ, и самъ уже замѣтилъ, что Владиміръ въ послѣднее время охладѣлъ къ языческимъ жертвамъ, что богамъ его предстоитъ голодная смерть. Во 2-мъ дѣйствіи Жериволъ, въ праздникъ Перуна, отправляется въ лѣсъ, зоветъ на помощь своихъ боговъ, заклинаетъ самый адъ, и вотъ являются къ нему представители тѣхъ темныхъ силъ, съ которыми Владиміръ долженъ вести борьбу—„бѣсъ міра, бѣсъ плоти и бѣсъ хулы, или противства Божія“. Всѣ они своими рѣчами стараются отклонить Владиміра отъ мысли о христіанской вѣрѣ. Въ 3-мъ актѣ изображаются разныя препятствія намѣренію Владиміра. Владиміръ, однакожъ, чувствуетъ въ себѣ перемѣну. Пораженный проповѣдью греческаго философа, онъ испытываетъ какой-то страхъ; языческія жертвы ему кажутся мерзкими; онъ обращается за совѣтомъ къ своимъ дѣтямъ. Глѣбъ совѣтуетъ князю просить у греческаго философа подробнаго объясненія христіанскаго закона; въ то же время является Жериволъ, и вотъ, по желанію князя, между христіанскимъ проповѣдникомъ и языческимъ жрецомъ происходитъ преніе о вѣрѣ. Въ 4-мъ актѣ изображается внутренняя борьба Владиміра, въ формѣ разныхъ его недоумѣній, возбужденныхъ въ немъ разными возраженіями со стороны міра, плоти и діавола; но твердый разумъ Владиміра побѣждаетъ всѣ препятствія, и онъ рѣшается „явѣ Христа исповѣсти“. Дѣйствіе оканчивается хоромъ, въ которомъ рѣшившемуся Владиміру представляется его прежняя жизнь, со всѣми ея суетами и прелестями. Въ 5-мъ дѣйствіи изображается паденіе язычества. Владиміръ запретилъ по всѣмъ городамъ жертвы и велѣлъ сокрушать идоловъ; разбитые кумиры сдѣлались игрушками для дѣтей; жрецы умираютъ съ голоду; военачальники Владиміра, Мечиславъ и Храбрый, заставляютъ ихъ собственными руками сокрушать идоловъ. Наконецъ, на сценѣ является вѣстникъ, съ посланіемъ Владиміра, извѣщающимъ, что князь воспріялъ истинный законъ Христовъ. Трагедія оканчивается хоромъ апостола Андрея Первозваннаго съ ангелами, въ которомъ говорится, что какъ царь Соломонъ устроилъ храмъ въ Іерусалимѣ, по предписанію царя и пророка Давида, такъ и князь Владиміръ устроилъ зданіе православной церкви въ странѣ русской, по пророчеству апостола Андрея, сказавшаго: „здѣ возсіяти имать слава Божія“. Во второй половинѣ хора, по обычаю того времени, помѣщенъ панегирикъ знаменитымъ современникамъ, духовнымъ и свѣтскимъ, и особенно гетману Мазепѣ, который былъ патрономъ Кіевской академіи.—Трагедокомедія Прокоповича выше другихъ современныхъ драматическихъ піэсъ въ этомъ родѣ; она представляетъ попытку къ настоящей драмѣ, въ которой изображается борьба Владиміра, какъ героя, какъ про-

свѣтителя русскаго народа, своимъ крещеніемъ положившаго начало его религіозному, умственному и нравственному образованію, и изображается не въ разговорахъ только, какъ изображаются герои въ другихъ піэсахъ этого времени, но и въ самыхъ дѣйствіяхъ. Къ отличительнымъ свойствамъ трагедіи принадлежатъ та свобода мысли, яркость красокъ, смѣлость и рѣзкость слова, которыя выражались и во всей послѣдующей литературной дѣятельности Прокоповича. Эти свойства и ясные намеки на современные пороки и недостатки, при изображеніи древняго времени, и дѣлали ее особенно интересною для современниковъ. Къ такимъ мѣстамъ въ трагедіи, между прочимъ, надобно отнести изображенія въ комическомъ видѣ языческихъ жрецовъ, Жеривола, Куроядa и Піяра; въ нихъ несомнѣнно, съ осмѣяніемъ языческихъ жрецовъ, Прокоповичъ хотѣлъ указать на пороки и недостатки современнаго духовенства. Жериволъ совершенно преданъ служенію плоти; онъ всецѣло сокрушаетъ безмѣрныхъ воловъ; ему хотѣлось бы, чтобы безпрестанно были праздники; другіе жрецы, Куроядъ и Піяръ, не привыкли покупать себѣ пищу; все у нихъ было даровое; Куроядъ съ ужасомъ разсказываетъ Піяру, что онъ ходилъ на село „курей куповати, а когда сіе бяше?“.

Указанныя піэсы — комедіи и трагедокомедіи — составлялись людьми учеными; въ нихъ выразились взгляды и сужденія передовыхъ людей новаго образованія. Рядомъ съ ними существовали еще „*Интерлюдіи, или междувброшенныя забавныя игралища*“, которыя были написаны также книжными людьми, но стоявшими близко къ народу и знавшими народныя воззрѣнія на современныя событія. По формѣ своей, интерлюдіи представляютъ рядъ забавныхъ, часто грубыхъ, сценъ, не связанныхъ ничѣмъ въ одно цѣлое, написанныхъ иногда силлабическими виршами, а иногда прозой. Онѣ интересны потому, что изображаютъ тогдашнее настроеніе народа, или той части народа, которая была недовольна многими реформами, казавшимися ей нарушеніемъ правилъ вѣры и древнихъ обычаевъ. Въ одной интерлюдіи изображается раскольникъ, который жалуется на то, что народъ нынѣ совсѣмъ испортился, что вмѣсто долгополаго платья христіане стали носить кафтанъ и круглый картузъ, стали брить бороды, а на голову надѣвать парики, подобно нѣмцамъ, что пришли, очевидно, послѣднія времена, когда долженъ явиться антихристъ.

«Какъ то нынѣ люди увязли глубоко!
Какъ то жить въ мірѣ несносно и жестоко!
Послѣдняя бо времена, видимъ, что приспѣли;
Бо и нѣкоторые отъ нашихъ старцовъ антихриста зрѣли.

Подобаше ему пріити на землю, когда нашу старую вѣру попрали
Никонщики проклятые, свою же нѣкую нову, не знаему откуда, взяли.
И не токмо вѣру нашу стару, святу и Богомъ устроенну,
Стоглавьемъ Макарьевскимъ крѣпко утвержденну,
Попрали, но и платье долгое ужъ премѣнили,
Еже апостоли святые и пророки носили.
Русскіе нынѣ ходятъ въ короткомъ платьѣ, якъ кургузы,
На главахъ же своихъ носятъ круглые картузы.
И тое они откуду взяли, ей недоумѣваемъ,
И сказать о томъ истинно не знаемъ.
Что законъ и правила святыхъ отецъ возбраняютъ:
Свои брады наголо желѣзомъ обриваютъ,
Человѣцы ходятъ, якъ облезяны:
Вмѣсто главныхъ волосъ носятъ паруки, будто нѣмцы поганы».

Эти жалобы были слѣдствіемъ указовъ Петра, изданныхъ въ 1705 г. о ношеніи иностранной одежды и бритьѣ бородъ и усовъ. Въ другой интерлюдіи изображается дьячокъ, жалующійся на то, что начальство приказываетъ отдавать дѣтей на ученье въ семинаріи.

«Лучше мнѣ теперь умереть,
Нежели на это смотрѣть,
Какъ моихъ дѣтей отнимаютъ
И въ семинарію («серимарію») на муку обираютъ.
Пожалуй, батюшко, умилосердись надъ нами!
Напиши, пожалуй, что они еще не годны лѣтами.
. . . .
Всѣ мои знакомцы и вся моя родня! сберитесь сюда,
Посмотрите, какая на меня пришла бѣда:
Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ
И въ проклятую семинарію на муку обираютъ.
О мои дѣтушки сердечныя!
Не на ученье васъ берутъ, но на мученье безконечное.
Лучше вамъ не родиться на сей свѣтъ, а хотя и родиться,
Того жъ часа киселіомъ задавиться и въ водѣ утопиться.
О мои милыя дѣтушки
И бѣлыя лебедушки!
Лучше бъ васъ своими руками и въ землю закопалъ,
Нежели въ семинарію на муку отдалъ» (1).

И эти жалобы также вызваны были указами Петра 1708 и 1710 г., когда дѣтей духовныхъ предписано было отдавать на ученье въ греческія и латинскія школы, и тѣхъ, которые не хо-

---

(1) Лѣтописи русск. литер., т. II, стр. 37; 48—49.

тѣли учиться, не позволено было ставить ни въ попы, ни въ дьяконы, а отдавать въ солдаты. Кромѣ того, въ интерлюдіяхъ изображаются разныя смѣшныя сцены, которыя направлены противъ взяточничества, воровства, мошенничества и въ которыхъ дѣйствующими представляются подьячіе, цыгане, литвинъ, грекъ, лекарь, маркитантъ, барышникъ и т. п. Сцены эти не отличаются изяществомъ и разсчитаны на простой необразованный вкусъ; комизмъ ихъ заключается главнымъ образомъ въ разныхъ извращеніяхъ русскаго языка, какимъ онъ можетъ подвергаться въ устахъ невѣжественныхъ инородцевъ.

Къ повѣствовательнымъ произведеніямъ Петровской эпохи относятся: „Гисторія о россійскомъ матросѣ, Василіи Коріотскомъ, и прекрасной королевнѣ, Иракліи, Флоренской земли“ и „Исторія о славномъ храбромъ Александрѣ, кавалерѣ россійскомъ“. Въ первой повѣсти изображается судьба одного россійскаго матроса. Василій Коріотскій былъ сынъ бѣднаго дворянина. Выпросивъ благословеніе у отца, онъ отправился поискать счастія въ Петербургъ и записался въ морской флотъ въ матросы. Во время плаванія на одномъ кораблѣ въ Голландію, онъ былъ выброшенъ бурею на берегъ и попалъ на островъ разбойниковъ. Здѣсь, въ плѣну у разбойниковъ, онъ встрѣтилъ прекрасную королевну Флоренской земли, Ираклію, влюбился и вздумалъ освободить ее. Повѣсть разсказываетъ, какъ матросъ Василій, сдѣлавшійся противъ воли атаманомъ разбойниковъ, послѣ разныхъ приключеній, женился на Иракліи и наконецъ самъ сдѣлался королемъ Флоренскимъ. На основаніи нѣкоторыхъ признаковъ, повѣсть можно считать оригинальнымъ произведеніемъ Петровской эпохи, начала XVIII в. Въ ней говорится объ отправкѣ русскихъ матросовъ за море въ Голландію, для наукъ арихметическихъ и разныхъ языковъ, какъ о современномъ фактѣ. Духъ и колоритъ повѣсти также принадлежатъ новому времени. Въ повѣстяхъ старой литературы говорилось больше о лукавствѣ, коварствѣ и другихъ порокахъ женщины, чѣмъ о добрыхъ ея качествахъ; въ повѣсти о Василіи Коріотскомъ его возлюбленная королевна Ираклія представляется образцомъ добродѣтельной женщины, и вообще взаимныя отношенія героя и героини изображаются въ идеальномъ романтическомъ свѣтѣ: они клянутся другъ другу въ вѣчной вѣрности; если судьба разлучитъ ихъ, ни тотъ ни другая не должны ни съ кѣмъ вступать въ супружество (¹). Къ тому же,

---

(¹) Неизвѣстная повѣсть Петровскаго времени. Л. Н. Майкова. Спб. 1880 г. А. Н. Пыпинъ вѣроятнымъ источникомъ этой повѣсти считаетъ рукописную «Гисторію о гишпанскомъ шляхтичѣ Долгорнѣ». Смотр. Засѣданія Общества любителей древней письменности. Историч. Вѣстн. 1886 г., августъ.

вѣроятно, времени относится и „Исторія о славномъ храбромъ Александрѣ, кавалерѣ россійскомъ". Подобно матросу Василію Коріотскому, кавалеръ Александръ посланъ былъ также въ чужіе края, для пріобрѣтенія полезныхъ свѣдѣній; но въ городѣ Лиллѣ, во Франціи, его плѣнила красота одной дѣвицы. Приключенія кавалера Александра съ этой дѣвицей и другія любовныя приключенія, а также похожденія друга его, Владиміра, составляютъ содержаніе повѣсти (1). — Къ переводнымъ произведеніямъ Петровской эпохи относятся разсказы о Совѣсдралѣ и разные переводные любовные рыцарскіе романы, которые, по свидѣтельству современниковъ, весьма нравились тогдашнимъ читателямъ (2).

НАЧАЛО НОВОЙ ПОЭЗІИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Происхожденіе и характеръ ложно-классическаго направленія въ европейскихъ литературахъ. По той мѣрѣ, какъ русскіе люди знакомились съ европейскимъ образованіемъ, по той мѣрѣ появлялись переводы произведеній европейскихъ литературъ; за переводами слѣдовали ихъ передѣлки, а потомъ и подражанія, и такимъ образомъ, по образцу европейскихъ литературъ, стала формироваться новая русская литература. Къ сожалѣнію, во всѣхъ европейскихъ литературахъ въ это время господствовало ложное направленіе. Познакомившись съ произведеніями греческой и римской литературъ, западные европейскіе народы начали рабски подражать имъ и при этомъ подражаніи до того увлеклись, что стали отказываться отъ своей національности, презирать свои народныя преданія, народную поэзію и даже свой родной языкъ. Конечно, произведенія классическихъ литературъ были изящны по формамъ и чрезвычайно богаты по содержанію; но, чтобы правильно воспользоваться ими, нужно было надлежащимъ образомъ понять ихъ, уяснить ихъ отличительныя свойства, логически и послѣдовательно развившіяся изъ началъ и формъ древней греческой и римской жизни. Существенная причина, почему поэтическія произведенія въ Греціи имѣли такое сильное образователь-

(1) Повѣсть эта вполнѣ еще не издана. Содержаніе ея, съ приведеніемъ небольшихъ выписокъ, изложено М. И. Сухомлиновымъ въ Библ. для чтенія, 1858, № 12; сравн. также въ статьѣ Н. И. Петрова, о вліяніи западно-европейской литературы на древне-русскую, въ Труд. Кіев. академіи 1872 г. № 8.

(2) Обзоръ переводной повѣствовательной литературы, разныхъ романовъ, повѣстей и сказокъ въ XVII—XVIII в. сдѣланъ А. Н. Пыпинымъ въ статьѣ: «Допетровское преданіе въ XVIII в.» Вѣстникъ Европы, 1886, іюль.

ное вліяніе на народъ, заключается въ томъ, что они были глубоко національны. Содержаніе греческаго эпоса составляли народныя преданія о Троянской войнѣ; въ одахъ Пиндара изображались народныя олимпійскія, немейскія и истмійскія игры грековъ и воспѣвались герои, одержавшіе тѣ или другія побѣды на этихъ играхъ; въ трагедіяхъ Эсхила, Софокла и Еврипида выводились боги и богини греческой миѳологіи, герои и героини народной героической легенды. Отсюда естественно слѣдовалъ такой выводъ, что и европейскимъ поэтамъ, для того, чтобы ихъ произведенія имѣли такое же значеніе и вліяніе на народъ, нужно заимствовать содержаніе для нихъ также изъ народной исторіи и народной жизни. Между тѣмъ, оставивъ въ пренебреженіи средневѣковыя народныя преданія, они начали копировать произведенія греческой и римской литературы. Совершенно справедливо, что въ этихъ литературахъ было много общечеловѣческихъ образовательныхъ элементовъ; но эти элементы нужно было выдѣлить изъ элементовъ временныхъ и національныхъ, и опредѣлить, что можетъ быть предметомъ подражанія и что не можетъ. Европейскіе поэты это также опустили изъ вниманія и начали подражать всему безъ разбора. У грековъ поэзія весьма тѣсно была соединена съ музыкой, и очень естественно, что Гомеръ началъ свою Иліаду словами: „Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына“; очень естественно, что оды Пиндара и другихъ лириковъ назывались „воспѣваніемъ“ героевъ и знаменитыхъ событій, а многія и начинались также словомъ: „пою“; это были дѣйствительныя *ᾠδαί* т. е. пѣсни. Европейскіе поэты писали свои стихотворенія вовсе не для пѣнія, а для чтенія; не смотря на то, подражая греческимъ поэтамъ, также свои поэмы и оды называли воспѣваніемъ героевъ и героическихъ событій. Собираясь восхвалить или воспѣть какое - нибудь событіе, или какого - нибудь героя, греческіе пѣвцы - поэты обращались къ Аполлону и музамъ, которыхъ считали виновниками поэтическаго одушевленія; европейскіе поэты, какъ христіане, конечно, не вѣрили ни въ Аполлона, ни въ музъ, но, не смотря на то, постоянно дѣлали воззванія къ нимъ въ своихъ произведеніяхъ. По ученію греческой миѳологіи, разные боги и богини населяли всю природу и управляли всѣмъ міромъ, и потому въ произведеніяхъ греческихъ поэтовъ они являются часто главными дѣйствующими лицами. По ученію христіанскому, все въ мірѣ находится подъ управленіемъ Божественнаго Промысла; не смотря на то, европейскіе поэты, подобно греческимъ поэтамъ, въ своихъ произведеніяхъ также представляютъ греческихъ боговъ и богинь въ числѣ дѣйствующихъ лицъ. Чудесное миѳическое, составляющее существенный элементъ греческаго эпоса, было слѣдствіемъ греческихъ религіозныхъ вѣ-

рованій, и очень естественно было, что въ Иліадѣ и Одиссеѣ дѣйствующими лицами постоянно являются разные боги и богини; но уже совершенно не естественно было, что тѣ же самые боги и богини являлись въ поэмахъ христіанскихъ — въ „Луизіадѣ“ Камоэнса, „Освобожденномъ Іерусалимѣ“ Торквато Тассо, „Потерянномъ раѣ“ Мильтона и „Генріадѣ“ Вольтера. Подобнымъ образомъ, и другія свойства греческой поэзіи развились въ тѣсной связи съ греческой жизнью. Лирическій безпорядокъ, встрѣчающійся въ одахъ Пиндара, совершенно объясняется разнообразіемъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ приводилось говорить Пиндару при прославленіи героевъ, одержавшихъ тѣ или другія побѣды на играхъ; но уже совершенно необъяснимымъ становится то, что этотъ безпорядокъ, составляющій скорѣе недостатокъ, чѣмъ достоинство Пиндаровой оды, былъ признанъ европейскими поэтами однимъ изъ существенныхъ элементовъ оды. Правила о такъ называемыхъ „трехъ единствахъ“ — времени, мѣста и дѣйствія, бывшія основными законами классической драмы, образовались изъ характера театральныхъ греческихъ представленій, которыя происходили на одномъ мѣстѣ, съ одной обстановкой, и не допускали частой перемѣны декорацій, изображая соприкосновенныя съ главнымъ дѣйствіемъ событія, совершающіяся въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, не посредствомъ сценъ, или дѣйствій, а посредствомъ разсказовъ вѣстниковъ. Эти правила сдѣлались непреложными законами и для новой европейской драмы. Въ подражаніе разсказамъ классическихъ вѣстниковъ въ ней явились разсказы „наперсниковъ и наперсницъ“ и длинные разговоры съ ними героевъ и героинь. Такимъ образомъ, многія свойства греческой поэзіи, имѣвшія мѣстный и національный характеръ, были признаны основными и существенными чертами всякой поэзіи вообще; національныя формы греческаго эпоса, лирики и драмы—единственно возможными формами, такъ что если у какого-нибудь народа являются эпосъ, лирика и драмы, то они должны быть именно такими, какими были у грековъ. По формамъ греческой и отчасти римской поэзіи составилась и теорія классической поэзіи: по поэмамъ Гомера и Виргилія — теорія эпической поэмы; основнымъ свойствомъ ея былъ признанъ чудесный элементъ, который заимствовался изъ греческой миѳологіи и героической легенды; по одамъ Пиндара и Горація — теорія оды, неизмѣнными частями которой считались приступъ, предложеніе, изложеніе, пареніе, или лирическій безпорядокъ и заключеніе; по трагедіямъ Эсхила, Софокла и Еврипида—теорія драмы и трагедіи, существеннымъ пунктомъ которой были правила о трехъ единствахъ.

Но тѣ пріемы и формы, которые совершенно умѣстны были въ греческой поэзіи, какъ выродившіеся изъ греческихъ вѣрованій, греческой народной жизни, совершенно неумѣстны были въ европейской христіанской поэзіи, развившейся изъ новыхъ христіанскихъ началъ, и должны были сообщить ей ложный характеръ. Между тѣмъ, подражаніе не ограничивалось однѣми формами. Вмѣстѣ съ формами, изъ греческой и римской поэзіи часто заимствовалось и содержаніе. Сюжеты для драмъ и трагедій европейскіе поэты весьма часто брали изъ греческой и римской миѳологіи и героической легенды, изъ греческой и римской исторіи, а иногда и просто передѣлывали классическія драмы. При этомъ неизбѣжно, къ античнымъ воззрѣніямъ примѣшивались черты новаго христіанскаго міросозерцанія и новыхъ европейскихъ нравовъ и обычаевъ. Древніе, греческіе и римскіе, герои въ новой классической драмѣ не только являлись въ костюмахъ европейскихъ, но и говорили новымъ европейскимъ слогомъ и выражали новыя мысли и чувствованія. Въ другихъ родахъ, эпическомъ и лирическомъ, заимствованія изъ классической поэзіи дѣлались рѣже; но и въ поэмѣ и одѣ сюжеты, взятые изъ національной исторіи, и въ комедіи и сатирѣ явленія изъ современной жизни обработывались также по формамъ классическимъ; національнымъ героямъ въ Освобожденномъ Іерусалимѣ Тасса, въ Потерянномъ раѣ Мильтона, въ Генріадѣ Вольтера придавали характеры Агамемнона, Энея, Ахиллеса, Гектора и другихъ героевъ Иліады или Одиссеи; герои въ одахъ изображались по идеаламъ Горація; въ сатирахъ и комедіяхъ также часто встрѣчаются греко-римскія воззрѣнія. При такомъ направленіи, въ томъ и другомъ случаѣ, и классическіе сюжеты и національные получали одинаково ложное освѣщеніе. Все это сообщало новой поэзіи ложный характеръ. Классическая по формамъ и часто по сюжетамъ, она является несогласною съ классическою жизнію древнихъ народовъ и потому совершенно справедливо названа „ложно-классическою".

Такое ложно-классическое направленіе въ европейскихъ литературахъ начало развиваться еще съ эпохи Возрожденія наукъ. Подражаніе древнимъ литературамъ, естественно, должно было явиться прежде всего въ Италіи, гдѣ связь съ древнимъ образованіемъ никогда совсѣмъ и не прерывалась. Изъ Италіи оно перешло во Францію и въ ней особенно утвердилось. Здѣсь, на основаніи ложно понятыхъ греческихъ и римскихъ образцовъ и піитики Аристотеля, составилась та теорія „ложнаго классицизма", которая такъ долго господствовала во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Первыми писателями въ этомъ направленіи, давшими

первые образцы новой классической поэзіи, были въ области эпической поэзіи Ронсаръ (1524—1585), написавшій поэму Франсіаду, въ драматической поэзіи—Жодель (1532—1573), положившій начало классической драмѣ своей трагедіей Клеопатра, въ лирической — Франсуа Малербъ (1556—1628), давшій образцы подражательной французской лирики. Но высшаго развитія это направленіе достигло въ XVII в., при Людовикѣ XIV, когда Корнель (1606 — 1684), Расинъ (1639—1699) и Мольеръ (1622 — 1673) во всемъ свѣтѣ особенно прославили французскую драму, а Буало (1636—1711) изложилъ правила классической теоріи въ своей „L'Art poétique", сдѣлавшейся законодательнымъ кодексомъ для всѣхъ европейскихъ литературъ. Такое быстрое развитіе классической поэзіи во Франціи зависѣло, между прочимъ, и отъ политическаго состоянія этого государства. Желая окончательно подавить феодализмъ и утвердить господство монархическаго начала, французскіе короли вздумали воспользоваться пробудившимся тогда стремленіемъ къ изученію классическихъ литературъ, чтобы оторвать французское общество отъ средневѣковыхъ феодальныхъ преданій и направить къ совершенно другимъ интересамъ античнаго міра. Они приняли подъ свое покровительство изученіе древнихъ литературъ, поощряли ученыхъ и поэтовъ, подражавшихъ древнимъ поэтамъ. Но, поступивши подъ покровительство двора, поэзія неизбѣжно сама должна была сдѣлаться придворною и, измѣнивъ свой характеръ, получила придворный колоритъ. Чтобы поэтическія произведенія могли быть достойны вниманія двора, поэты должны были выводить въ нихъ только высокія лица, боговъ, героевъ, царей. полководцевъ. Выведенныя лица должны были вести себя, разсуждать и говорить сообразно съ установившимися при дворѣ приличіями, сообразно съ придворнымъ этикетомъ, придворными правилами и обычаями. Отсюда развился тотъ педантическій пуризмъ, по которому древнихъ классическихъ героевъ нужно было облагороживать, древнія классическія произведенія вычищать и передѣлывать, исключая изъ нихъ все, что представлялось грубымъ и неприличнымъ съ точки зрѣнія придворной. Наконецъ, чтобы заслужить вниманіе двора, поэты стали прибѣгать къ придворнымъ средствамъ—къ раболѣпству и лести. Отсюда развился въ поэзіи тотъ хвалебный и раболѣпный тонъ, который составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ особенно классической поэмы и оды.

Внесеніе ложно - классическаго направленія въ русскую литературу. Россія съ классическимъ образованіемъ и литературой начала знакомиться еще до реформы Петра. Въ Кіевской и Московской академіяхъ уже преподавались реторика и піитика,

оставленныя по классическимъ руководствамъ Аристотеля, Цицерона и Квинтиліана, изучались греческіе и латинскіе поэты, ораторы и историки, сочинялись разнаго рода рѣчи и писались стихотворенія (Симеономъ Полоцкимъ, Сильвестромъ Медвѣдевымъ и др.). Но такъ какъ образованіе въ этихъ академіяхъ было направлено къ религіознымъ цѣлямъ и потому имѣло характеръ религіозно-церковный, то изъ формъ классической литературы были приняты и усвоены преимущественно тѣ, которыя всего болѣе подходили къ общему складу образованія и могли содѣйствовать религіозно-церковнымъ цѣлямъ. Поэтому, въ эпической поэзіи вошли въ употребленіе поэмы разнаго рода, въ лирической—духовныя оды, псалмы и канты, въ драматической—духовныя драмы или мистеріи. Изъ другихъ родовъ литературы особенно развилось духовное краснорѣчіе, въ формѣ проповѣди. Съ половины XVII в., какъ указано выше, начали появляться произведенія литературъ европейскихъ, какъ-то: Римскія дѣянія, рыцарскія повѣсти о Мелюзинѣ, о Петрѣ—Златыхъ ключахъ и Бовѣ Королевичѣ, жарты и фацеціи; но они переходили къ намъ не прямо, а черезъ Польшу и въ польскихъ переводахъ и передѣлкахъ. Настоящее знакомство съ европейскими литературами началось послѣ реформы Петра, когда образованіе получило новое направленіе и новый характеръ. Первыми писателями, которые начали знакомить русскую литературу съ господствовавшимъ въ европейскихъ литературахъ классическимъ направленіемъ, были Кантемиръ и Тредьяковскій; но окончательное утвержденіе его въ русской литературѣ принадлежитъ Ломоносову и Сумарокову, которые представили лучшіе по тому времени образцы въ разныхъ литературныхъ формахъ этого направленія.

Такъ начала развиваться новая русская поэзія и литература. Настоящее самостоятельное значеніе она получила, впрочемъ, не скоро. Она долго не отдѣлялась отъ ученой или умственной дѣятельности вообще и составляла къ ней придатокъ и украшеніе. Правительство смотрѣло на поэзію, какъ на декорумъ, необходимый при придворныхъ и другихъ торжественныхъ праздникахъ, по случаю побѣдъ, дней рожденій, тезоименитствъ, бракосочетаній. Придворные сановники, богатые и знатные люди, смотрѣли на нее, какъ на предметъ пріятныхъ развлеченій въ свободное отъ дѣлъ государственныхъ время. Сами поэты и литераторы долго не придавали ей надлежащаго значенія. Кантемиръ въ „Письмѣ къ пріятелю“, которое онъ приложилъ, въ видѣ предисловія, къ своимъ стихотвореніямъ, замѣчаетъ, что, вступая въ новую должность (посланника), онъ не имѣлъ времени „къ такому дѣлу (т. е. поэзіи), къ которому только въ лишніе часы прилежать дозволено“. Самъ Ломоносовъ допускалъ значеніе поэзіи только въ формѣ

оды и эпопеи, для прославленія великихъ людей и знаменитыхъ событій, и почти никакого значенія не придавалъ драматическому роду, Сумарокова за сочиненіе драмъ и комедій называлъ комедіантомъ и вообще смѣялся надъ его литературными занятіями, называя его стихотворныя произведенія „бѣднымъ риѳмичествомъ". Державинъ, восхваляя импер. Екатерину за покровительство поэзіи и поэтамъ, говорилъ ей:

«Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ».

Даже Фонъ-Визинъ, въ своей „Челобитной къ Россійской Минервѣ отъ русскихъ писателей", выражаетъ тотъ же взглядъ на литературу, по которому она считалась не трудомъ важнымъ и полезнымъ, а „пріятнымъ развлеченіемъ въ часы досуга", свободные отъ службы, какъ главнаго дѣла въ жизни, и потому проситъ „Россійскую Минерву" допустить русскихъ писателей на государственную службу, какъ людей, желающихъ приносить пользу своему отечеству. Сообразно съ такими воззрѣніями на поэзію и литературу, и самимъ поэтамъ и литераторамъ не отдавали должнаго значенія. Имъ приказывали, давали на срокъ, какъ какимъ-нибудь ремесленникамъ, написать стихи на какой-нибудь торжественный случай, на иллюминацію по поводу какого-нибудь праздника. Импер. Елисавета назначала Ломоносову и Тредьяковскому сочинять даже трагедіи для придворнаго театра. Личность самихъ поэтовъ такъ невысоко стояла въ обществѣ, что ихъ могли оскорблять не только бранными словами, но и дѣйствіемъ. Извѣстно, что вельможа Волынскій нѣсколько разъ билъ палкой Тредьяковскаго за то, что онъ не вдругъ явился на его требованіе сочинить шуточные стихи, по случаю шутовской свадьбы въ Ледяномъ домѣ. При такомъ положеніи литературы и писателей, очень понятно стремленіе поэтовъ искать себѣ защитниковъ и покровителей—меценатовъ. Безъ защиты и покровительства Разумовскаго, Шувалова, Воронцова, Панина, Орловыхъ, Потемкина и самой импер. Екатерины II не могли бы такъ свободно писать ни Ломоносовъ, ни Державинъ, ни Фонъ-Визинъ. Такой взглядъ на поэзію и поэтовъ перешелъ къ намъ также изъ европейскихъ литературъ и особенно изъ французской литературы. Во французскую же литературу онъ перешелъ изъ римской литературы. Подражая классическимъ литературамъ, французы брали во многомъ за образецъ не греческую, а римскую литературу, и усвоили римскіе литературные нравы, какіе господствовали въ Римѣ въ эпоху Августа. Въ Римѣ же, какъ извѣстно, по-

эзія совсѣмъ не имѣла того высокаго первенствующаго значенія, какимъ она, вмѣстѣ съ философіей и наукой, пользовалась въ Греціи. Философія въ Греціи преподавалась публично, на городскихъ площадяхъ или въ портикахъ; въ Римѣ же она, какъ и всякая наука, находила пріютъ въ загородныхъ виллахъ богатыхъ и знатныхъ людей, подобныхъ Меценату, Азинію Полліону и др. Драмы и комедіи въ Греціи сначала представлялись на открытыхъ мѣстахъ, а потомъ въ огромныхъ театрахъ; у римлянъ, напротивъ, строились огромные цирки для конскихъ ристаній, травли звѣрей и боя гладіаторовъ; драмы же и комедіи представлялись на театрахъ гораздо рѣже, а большею частію читались также въ домахъ знатныхъ людей, любителей поэзіи, на домашнихъ собраніяхъ. Поэтовъ, ораторовъ и ученыхъ людей въ Греціи награждалъ народъ, раздавая лавровые вѣнки послѣ театральныхъ представленій, или на общественныхъ играхъ, олимпійскихъ, немейскихъ, истмійскихъ; въ Римѣ же ученые, поэты и писатели находили одобреніе и награду у меценатовъ—любителей и покровителей науки и литературы. На занятія наукой и литературой въ Римѣ смотрѣли какъ на пріятное и благородное развлеченіе въ часы досуга отъ дѣлъ частныхъ и общественныхъ. Это занятіе и называлось „otium“ и противополагалось „negotium“. Къ цѣли отдыха и развлеченія, при занятіяхъ литературныхъ, прибавлялась только одна серьезная цѣль—примѣшивать, по возможности, къ пріятному полезное. „Omne tulit punctum“, говорилъ Горацій въ посланіи De arte poëtica, „qui miscuit utile dulci“. А это „utile“ въ поэзіи было наставленіе, посредствомъ осмѣянія разныхъ пороковъ и недостатковъ въ жизни и посредствомъ изложенія при этомъ нравственныхъ правилъ, употреблявшееся въ дидактическихъ посланіяхъ и особенно въ сатирѣ, о которой, поэтому, и говорилось, что она „ridendo castigat mores“. На основаніи этого воззрѣнія развилось въ римской литературѣ дидактическое направленіе, перешедшее изъ нея въ европейскую классическую литературу, а потомъ и въ нашу литературу. Дидактизмъ составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ и въ нашей новой литературѣ, во время господства въ ней ложно-классическаго направленія, отъ начала ея до Карамзина.

Что касается, наконецъ, значенія ложно-классическаго направленія, то внесеніе его въ русскую литературу, какъ извѣстно, считается большимъ несчастіемъ, потому что оно съ самаго начала поставило ее на ложный путь и, утвердивъ въ ней рабскую подражательность иностраннымъ литературамъ, на долго задержало ея національное развитіе. Вслѣдствіе этого, въ эпоху художественной эстетической критики, весь періодъ этой подражательной литературы находили недостойнымъ серьезнаго внима-

нія и изученія. Но ложно-классическое направленіе, по самому историческому ходу развитія европейскихъ государствъ, какъ мы видѣли, сдѣлалось необходимою ступенью въ ихъ развитіи, которую миновать было совершенно невозможно и для Россіи, стремившейся усвоить просвѣщеніе: этимъ направленіемъ проникнуты были всѣ литературы, съ которыми она должна была познакомиться. Правда, въ произведеніяхъ европейскихъ литературъ, которыя подражали древнимъ литературамъ, было, какъ указано выше, весьма много недостатковъ; но, при этихъ недостаткахъ, въ нихъ въ то же время было много и общечеловѣческихъ образовательныхъ элементовъ, добытыхъ какъ древне-классическимъ образованіемъ, такъ и новою европейскою наукою. Россія непремѣнно должна была усвоить эти образовательные элементы, хотя они заключались въ несовершенныхъ подражательныхъ формахъ. Съ другой стороны, какъ въ произведеніяхъ ложно-классическихъ европейскихъ литературъ, въ разсказахъ, взятыхъ изъ греческой миѳологіи, или греческой легенды, ясно просвѣчивали современные европейскіе нравы, и классическіе герои и героини высказывали современныя европейскія идеи и стремленія, такъ и въ подражательныхъ произведеніяхъ русской литературы перваго періода, при заимствованныхъ формахъ, а часто и содержаніи, нельзя не видѣть русскаго духа и характера. Начиная съ сатиръ Кантемира, въ чужія формы вставляются картины русскихъ нравовъ, и чѣмъ далѣе идетъ развитіе литературы, тѣмъ болѣе и болѣе является въ ней народныхъ элементовъ. Наконецъ, въ этой же подражательной русской литературѣ развивается и протестъ противъ подражательности всему иностранному и особенно французскому и возбужденіе къ самостоятельному и національному развитію. Все это сообщаетъ нашей новой литературѣ перваго періода чрезвычайно важное историческое значеніе. При изученіи ея мы можемъ прослѣдить весь путь развитія русскаго образованія со времени реформы, на новыхъ европейскихъ началахъ, отъ первыхъ его шаговъ до того времени, когда оно пріобрѣтаетъ болѣе твердую и болѣе самостоятельную почву.

СОЧИНЕНІЯ А. Д. КАНТЕМИРА.

Воспитаніе и образованіе Кантемира. Первые опыты въ новой русской поэзіи и художественной литературѣ принадлежатъ человѣку не русскому по происхожденію, хотя и получившему свое образованіе въ Россіи (1). Антіохъ Димитріевичъ Кантемиръ

(1) Полное изданіе сочиненій Кантемира сдѣлано П. А. Ефремовымъ: Сочиненія, письма и избранные переводы князя Антіоха Кантемира, т. 1 и 2. Спб.

(род. въ Константинополѣ 1708, ум. въ Парижѣ 1744 г.) былъ сынъ молдавскаго господаря, Димитрія Кантемира, переселившагося въ Россію послѣ Прутскаго похода въ 1711 г.; мать его была гречанка, княгиня Смарагда Кантакузена, изъ рода греческихъ императоровъ. Первымъ домашнимъ учителемъ Кантемира былъ греческій священникъ, Анастасій Кондоиди (впослѣдствіи Аѳанасій, епископъ Вологодскій), учившій его языкамъ, греческому, латинскому и итальянскому. Преобладаніемъ греческаго элемента въ семьѣ Кантемира объясняется то, что Кантемиръ, будучи только 10 лѣтъ, въ Московской академіи, въ присутствіи Петра В. произнесъ на греческомъ языкѣ похвальное слово ангелу своего отца, св. Димитрію Солунскому. Русскому языку училъ Кантемира воспитанникъ Московской академіи, Иванъ Ильинскій, бывшій потомъ переводчикомъ при Академіи Наукъ. Отъ него Кантемиръ усвоилъ силлабическій размѣръ, которымъ и началъ писать свои стихотворенія. Подъ его же, вѣроятно, вліяніемъ и руководствомъ, Кантемиръ составилъ симфонію на Псалтырь, изданную въ 1727 г.; Ильинскій самъ занимался составленіемъ симфоніи на четыре Евангелія и Дѣянія апостольскія, напечатанной въ 1733 г. Послѣ домашняго образованія, Кантемиръ учился нѣсколько времени въ Московской академіи, а по открытіи Академіи Наукъ въ академической гимназіи, гдѣ слушалъ математику у академика Бернулли, физику у Бильфингера, философію у Гросса. Главнымъ источникомъ образованія для Кантемира служили произведенія греческихъ и римскихъ писателей, и особенно сочиненія любимаго его поэта Горація; изъ наукъ же всего болѣе ему нравилась бывшая тогда въ модѣ нравственная философія. Вмѣстѣ съ дидактической лирикой Горація, она преимущественно развила и укоренила въ немъ то дидактическое направленіе, которое составляетъ отличительную черту его сочиненій.

Служебная дѣятельность Кантемира. Начало служебной и литературной дѣятельности Кантемира относится къ царствованію Петра II, когда при дворѣ возвысилась русская партія,

---

1867—68 г. Въ предисловіи къ этому изданію указаны прежнія изданія въ 1762, въ 1836, изданіе Смирдина въ 1848 г. При изданіи Ефремова приложена статья В. Я. Стоюнина, въ которой представленъ обстоятельный обзоръ жизни и сочиненій Кантемира. Избранныя сочиненія Кантемира, съ біографіей и указаніемъ всѣхъ статей о немъ, издан. Перевлѣсскимъ въ 1849 г. Изслѣдованія о сатирахъ: В. А. Жуковскаго: О сатирѣ и сатирахъ Кантемира, сочин. т. VI; Галахова въ XI № Отеч. Зап. 1848 г. и Дудышкина въ XI № Современника того же года.

во главѣ которой стояли Долгорукіе и Голицыны; но не русскій по происхожденію и воспитанный хотя въ Россіи, но по началамъ европейскаго образованія, Кантемиръ не могъ сочувствовать этой партіи, тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ ея торжества, онъ, какъ и другіе, опасался гоненій на реформы и возвращенія старыхъ порядковъ; онъ сталъ на сторону новой, или иностранной партіи, во главѣ которой находились Остерманъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Татищевъ и др. Сочувствіе Кантемира къ этой партіи вполнѣ выразилось въ его первой сатирѣ „На хулящихъ ученіе", которая была написана противъ враговъ реформы и новаго образованія и въ которой самыя рѣзкія насмѣшки были направлены противъ монашества, считавшагося главнымъ противникомъ реформы, съ яснымъ указаніемъ на главнаго его представителя и личнаго врага Прокоповича, Ростовскаго архіеп. Георгія Дашкова. Прокоповичъ и вся новая партія приняла сатиру Кантемира съ восторгомъ; Прокоповичъ написалъ ему привѣтственные стихи, въ которыхъ назвалъ его рогатымъ пророкомъ:

«Не знаю, кто ты, пророче рогатый;
Знаю, коликой достоинъ ты славы:
Да почто жъ было имя укрывати?
Знать, тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы.
Плюнь на ихъ грозы, ты блаженъ трикраты.
Благо, что далъ Богъ умъ тебѣ толь здравый;
Пусть весь міръ будетъ на тебя гнѣвливый,
Ты и безъ счастья довольно счастливый».

Подобное же привѣтствіе въ латинскихъ стихахъ написалъ Кантемиру другой сторонникъ реформы, новоспасскій архимандритъ, Ѳеофилъ Кроликъ (1). Ободренный ихъ похвалами, Кантемиръ сталъ продолжать писать сатиры, которыя сдѣлали имя его популярнымъ въ обществѣ, какъ защитника наукъ. Между тѣмъ, случилось обстоятельство, которое должно было выдвинуть его впередъ и на служебномъ поприщѣ. При восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, Верховный Совѣтъ вздумалъ ограничить права ея самодержавія; но дворянство подало адресъ императрицѣ съ просьбою царствовать самодержавно; адресъ этотъ составляли Татищевъ и Кантемиръ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется то, что Кантемиръ такъ скоро возвысился на служебномъ поприщѣ; 22 лѣтъ онъ былъ назначенъ резидентомъ при посольствѣ въ Англіи. Исполняя обязанности резидента въ Лондонѣ, Кантемиръ прилежно занимался чтеніемъ книгъ, переводилъ пѣсни

(1) Сочин. Кантемира, изд. Ефремова, т. I, 22—24

Анакреона, оды и посланія Горація, исторію Іустина и др. Въ 1738 г. Кантемиръ былъ переведенъ посланникомъ въ Парижъ ([1]). Здѣсь онъ познакомился съ Монтескье и перевелъ его „Персидскія письма", съ Мопертюи, подъ руководствомъ котораго написалъ книгу объ алгебрѣ, и Фонтенелемъ, книга котораго „О множествѣ міровъ" была также имъ переведена. При такой любви къ ученымъ и литературнымъ занятіямъ, Кантемиръ могъ написать очень много сочиненій и сдѣлаться знаменитымъ русскимъ писателемъ; но, къ сожалѣнію, частыя непріятности по службѣ скоро разстроили его слабое отъ природы здоровье, и онъ умеръ въ 1744 г., на 36 г. отъ роду.

Значеніе Кантемира въ исторіи новой русской литературы. Въ исторіи литературы Кантемиръ занялъ мѣсто, какъ сатирикъ, положившій своими сатирами начало новой русской поэзіи и въ частности литературѣ сатирической. Объясняя появленіе новой русской поэзіи въ такой формѣ, какой у другихъ народовъ заканчивается развитіе поэзіи, обыкновенно говорятъ, что такой именно формы требовало тогдашнее состояніе русскаго общества, состояніе борьбы невѣжества съ возникавшимъ просвѣщеніемъ, старой жизни съ новою, когда прежнія начала жизни совершенно поколебались, а новыя еще не выработались, и когда, вслѣдствіе этого, явилось безобразное смѣшеніе старины и новизны, старыхъ понятій, нравовъ и обычаевъ съ новыми понятіями, приводившее русское общество къ такой безпорядочной жизни, что она, естественно, должна была вызвать противъ себя самое рѣзкое порицаніе и осужденіе со стороны умныхъ и благонамѣренныхъ людей. При такомъ воззрѣніи, литературная дѣятельность Кантемира представляется въ тѣсной связи съ дѣятельностію писателей Петровской эпохи и является съ одной стороны ея продолженіемъ, а съ другой — дальнѣйшимъ шагомъ впередъ. Задачею литературы Петровской эпохи было — опровергать старыя понятія и доказывать необходимость разныхъ реформъ и европейскаго образованія; эту задачу должны были преслѣдовать и писатели послѣ Петра, потому что и послѣ Петра еще долго существовала оппозиція противъ реформы и много было противниковъ новаго образованія и новыхъ порядковъ; но эта задача должна была расшириться, или, лучше, къ ней должны были присоеди-

---

([1]) Смотр. статьи В. Я. Стоюнина: «Князь Антіохъ Кантемиръ въ Лондонѣ». Вѣстн. Европы. 1867, т. I и II. «Князь Антіохъ Кантемиръ въ Парижѣ». Вѣстн. Европы. 1880, т. IV.

ниться еще новыя задачи. Явилась потребность не просто доказывать и защищать необходимость реформъ и европейскаго образованія, но еще руководить русское общество при ихъ усвоеніи, объяснять, въ чемъ должно заключаться новое образованіе. Большинство русскихъ людей поняли европейское образованіе чисто внѣшнимъ образомъ, какъ умѣнье одѣваться и жить по-европейски, пользоваться всѣми удобствами и пріятностями жизни, добытыми европейскою наукою и цивилизаціей, нисколько не заботясь объ усвоеніи самой науки и цивилизаціи. При этомъ, стараясь сдѣлаться европейцами, стали съ презрѣніемъ относиться ко всему отечественному, перенимая европейскіе обычаи, бросили всѣ благочестивые русскіе обычаи, вмѣсто хорошихъ качествъ часто усвоивали одни европейскіе пороки и, наконецъ, изучая иностранные языки, особенно французскій, начали отвыкать отъ своего роднаго языка. Такое положеніе дѣла не представляло ничего отраднаго: вмѣсто прежняго невѣжества развилось лжепросвѣщеніе, вмѣсто одного зла усиливалось другое, еще большее зло. Старая партія, естественно, находила въ этомъ сильнѣйшее побужденіе возставать противъ реформы вообще. Литература обязана была остановить такое извращеніе европейскаго образованія; она должна была объяснить русскому обществу, что европейское образованіе состоитъ не во внѣшности, что его нельзя надѣть на себя снаружи, какъ надѣвали европейскій костюмъ; что если смѣшнымъ кажется человѣкъ, надѣвшій чужое платье, сшитое не по его росту и сложенію, то еще смѣшнѣе становится русскій человѣкъ, когда старается влѣзть въ кожу иностранца; что въ европейской цивилизаціи у каждаго народа весьма многое образовалось чисто изъ національныхъ потребностей, обусловливаемыхъ религіозными вѣрованіями, политическими учрежденіями, климатомъ и другими особенностями страны и ея географическимъ положеніемъ, и слѣд. не можетъ быть свойственно русскому народу, воспитавшемуся при другихъ національныхъ условіяхъ; что въ европейскихъ нравахъ и обычаяхъ есть много и нехорошихъ сторонъ, отъ которыхъ желали бы освободиться и сами европейцы и которыя, слѣдовательно, усвоивать совсѣмъ не слѣдуетъ. Литература должна была объяснить, въ чемъ именно заключается настоящее просвѣщеніе, что и какъ изъ европейскаго просвѣщенія можетъ быть перенесено на русскую почву и усвоено русскому народу, безъ уничтоженія его національности, безъ неестественнаго и слѣд. совершенно невозможнаго превращенія русскаго человѣка въ иностранца. Ясное представленіе объ этихъ задачахъ возникло въ литературѣ, разумѣется, не вдругъ, но развивалось постепенно, въ продолженіе всего послѣдующаго періода. Не могъ вполнѣ сознавать ихъ и Кантемиръ, которому, какъ

не русскому по происхожденію, не приходило, вѣроятно, и на мысль заботиться о сохраненіи національныхъ элементовъ русскихъ при образованіи; но ему принадлежитъ честь, что онъ первый поднялъ вопросъ объ истинномъ просвѣщеніи, хотя въ общихъ чертахъ, на общечеловѣческихъ началахъ. Въ его сатирахъ, вмѣстѣ съ осмѣяніемъ невѣжества и лжепросвѣщенія, мы находимъ стремленіе объяснить, въ чемъ заключается истинное просвѣщеніе и какова должна быть жизнь людей образованныхъ.

Содержаніе и характеръ сатиръ Кантемира. Кантемиръ написалъ 9-ть сатиръ; 6-ть изъ нихъ написаны еще до отъѣзда за границу, остальныя три уже за границей. Образцомъ сатиры въ классической поэзіи служила римская и французская сатира; этимъ образцомъ руководствовался и Кантемиръ. Онъ называетъ свои сатиры „топтаніемъ слѣдовъ“ Горація, Ювенала и Буало и въ своихъ примѣчаніяхъ и предисловіяхъ къ сатирамъ отдѣльно указываетъ, что у какого сатирика заимствовано. „Я въ сочиненіи своихъ сатиръ, говоритъ онъ, наипаче Горацію и Буалу французу послѣдовалъ, отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ“. Это значитъ, что Кантемиръ бралъ у названныхъ сатириковъ сатирическіе пріемы и формы сатиръ и въ заимствованныя формы вставлялъ картины русской жизни; впрочемъ, вмѣстѣ съ формами, онъ заимствовалъ нерѣдко и понятія и правила жизни, предписываемыя въ сатирахъ.

Первая сатира „Къ уму своему“ или „На хулящихъ ученіе“ написана Кантемиромъ въ 1729 г. по подражанію сатирѣ Буало: A son esprit. Въ этой сатирѣ Буало, подъ видомъ нападеній на свой умъ, нападаетъ на разныхъ невѣждъ своего времени. Подобно этому и Кантемиръ въ своей сатирѣ обращается къ своему уму и проситъ его успокоиться и не понуждать къ перу его руки, потому что авторство есть самый трудный путь къ славѣ а потомъ изображаетъ разныхъ противниковъ науки.

«Уме недозрѣлый плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки!
Не писавъ, летящи дни вѣка проводити
Можно, и славу достать, хоть творцомъ не слыти.
Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги.
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали
Девять сестеръ. Многи на немъ силу потеряли,
Не дошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится,
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна марморами саду;
Овцу не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду».

Послѣ этого обращенія къ уму, которое составляетъ предисловіе къ сатирѣ, выводятся разные противники науки, возстающіе противъ нея подъ разными предлогами. Первымъ противникомъ представленъ ханжа Критонъ, вооружающійся противъ науки подъ тѣмъ предлогомъ, будто наука вредитъ религіи.

«Расколы и ереси науки суть дѣти;
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти.
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ.
Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь, къ церкви соблазну, Библію честь стали;
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину».

Но изъ тѣхъ фактовъ, на которые далѣе указываетъ Критонъ, видно, что онъ религію, или вѣру и благочестіе, поставлялъ, главнымъ образомъ, въ соблюденіи внѣшнихъ обрядовъ. Въ лицѣ другаго противника науки, Сильвана, представленъ скупой дворянинъ, который не имѣетъ никакихъ другихъ интересовъ въ жизни, кромѣ приращенія доходовъ, и, не понимая истиннаго значенія науки, возстаетъ противъ нея потому, что не видитъ отъ нея никакой практической пользы.

«Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ.
Живали мы прежъ сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ мы живемъ нынѣ.
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
. . . .
Съ ума сошелъ, кто души силу и предѣлы
Испытаетъ; кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну,
Иль причину; глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни, иль въ ящикъ
Хотя грошъ? Могу ль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ? Какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? Какъ бочекъ число съ виннаго заводу?
. . . .
Травъ, болѣзней знаніе, голы все то враки;
Глава ль болитъ? тому врачь ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Дать хочешь. Слабѣемъ ли, кровь тихо чрезъ мѣру

Течетъ; если спѣшно—жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло.
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ».

Третій противникъ науки. веселый гуляка и кутила Лука, жалуется на науку, что она удаляетъ человѣка отъ общества и не позволяетъ ему наслаждаться жизнью.

«Наука содружество людей разрушаетъ.
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запруся
Въ чуланъ; для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она не долга, на что коротати»....

Въ лицѣ четвертаго противника, Медора, представленъ типъ тѣхъ людей, которые поняли европейское образованіе чисто внѣшнимъ образомъ и полагали его въ модномъ платьѣ, прическѣ, въ манерахъ обращенія и пр.

«Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ,
Что не въ чемъ ужъ завертѣть завитыя кудри.
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Виргилій не стоитъ,
Рексу, не Цицерону похвала достоитъ».

Представивъ главныхъ противниковъ науки, Кантемиръ наконецъ дѣлаетъ общій взглядъ на положеніе науки въ русскомъ обществѣ и находитъ, что она еще далеко не получила въ немъ настоящаго мѣста и значенія, что на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ слѣдуетъ быть наукѣ, вмѣсто науки господствуетъ еще невѣжество.

«Златой вѣкъ до нашего не дотянулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство, мудрость одолѣло,
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ страдавши на морѣ корабельной службы.

Всѣ кричатъ: ни какой плодъ не видимъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты,
Тому ужъ и въ самыя молодыя лѣты,
Всякая высша степень мзда ужъ невелика;
Семи мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика».

Вторая сатира „На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ“ написана, по словамъ Кантемира, съ тою цѣлію, чтобы „обличить тѣхъ дворянъ, которые, лишены будучи всякаго благонравія, однимъ благородіемъ хвастаютъ и сверхъ того завидуютъ всякому благополучію другихъ, кои чрезъ свои труды изъ низшаго въ знатное достоинство происходятъ“. Эту зависть возбудила въ дворянахъ петровская табель о рангахъ, по которой личныя достоинства и заслуги были поставлены выше наслѣдственныхъ дворянскихъ титуловъ и заслугъ предковъ, вслѣдствіе чего и люди не дворянскаго происхожденія достигали высшихъ чиновъ и должностей въ государствѣ. Разговорная форма сатиры между Филаретомъ (любителемъ добродѣтели) и Евгеніемъ (благороднымъ, или дворяниномъ) заимствована изъ 9-й сатиры Ювенала или 3-й сатиры Буало. Евгеній жалуется Филарету, что люди низкаго происхожденія возвышаются и предпочитаются ему, тогда какъ предки его были знатны „уже въ царство Ольги“.

...«Кто не всѣ еще стеръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, «сальныя», крича, «ясно свѣчи
Горятъ»; кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ на высоку степень вспрыгнувши блистаетъ (¹);
А благородство мое во мнѣ унываетъ,
И не сильно принести мнѣ никакой польги.
Знатны ужъ предки мои были въ царство Ольги,
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не сидѣли,
Государства лучшими чинами владѣли.
Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу родословную, записки приказны».

Отвѣчая на эту жалобу, Филаретъ говоритъ, что право на возвышеніе и награду имѣютъ только трудъ, заслуга и добродѣтель, что слѣд. тотъ, кто не отличается никакими добродѣтелями,

(¹) Намекъ на князя Меньшикова, который будто бы въ молодости продавалъ подовые пироги.

не можетъ и требовать себѣ никакого почета и награжденія, хотя бы онъ происходилъ отъ знаменитыхъ предковъ.

.... «Грамота, плѣснью и червями
Изгрызена, знатныхъ насъ дѣтьми есть свидѣтель,
Благородными явитъ одна добродѣтель.
Презрѣвъ покой, снесъ ли ты самъ труды военны?
Разогналъ ли предъ собою враги устрашенны?
Къ безопаству общества расширилъ ли власти
Нашей рубежъ? Судъ судя, забылъ ли ты страсти?
Облегчилъ ли тяжкія подати народу?
Приложилъ ли къ царскому что ни есть доходу?
Примѣромъ, словомъ твоимъ ободрены ль люди
Хоть мало очистить злыхъ нравовъ темны груди?
. . . .
Мало жъ пользуетъ тебя звать хоть сыномъ царскимъ,
Буде въ нравахъ съ гнуснымъ ты не разнишься псарскимъ.
Спросись хоть у Нейбуша, таковы ли дрожжи
Любы, какъ пиво, ему; отречется трожжи.
Знаетъ онъ, что съ пива тѣ славные остатки,
Да плюетъ на то, когда не какъ пиво сладки.
Разнится потомкомъ быть предковъ благородныхъ,
Иль благороднымъ быть»... (1).

Желая какъ можно нагляднѣе представить эту разность, Кантемиръ рисуетъ слѣдующую параллель между трудовою жизнью знаменитыхъ предковъ и лѣнивою и распущенною жизнью потомковъ:

«Иной въ войнахъ претерпѣлъ нужду, страхъ и раны;
Инымъ въ морѣ недруги и валы попраны;
Иной правду вѣсилъ тихъ, бѣгая обиды;
Всѣхъ были различные достоинства виды.
. . . .
Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею
Грозно соплешь, пока дня пробѣгутъ двѣ доли,
Зѣвнулъ, растворилъ глаза, выспался до воли,
Тянешься ужъ часъ другой, нѣжишься, ждидая
Пойло, что шлетъ Индія, иль везутъ съ Китая,
Изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешь скокомъ
Тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,

(1) Сочин., 1, 36—40.

Женскихъ достойную плечъ завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину.
. . . .

Въ обѣдъ и на ужинѣ частенько двоится
Свѣча въ глазахъ, часто полъ подъ тобою вертится,
И обжорство тебѣ въ ротъ куски управляетъ.
Гнусныхъ тогда полкъ друзей тебя окружаетъ,
И глодая до костей самыхъ, нравъ веселый,
Тщиву душу и въ тебѣ хвалитъ разумъ спѣлый» (¹).

Переходя отъ такихъ недостойныхъ потомковъ знаменитыхъ людей къ возвысившимся изъ низкаго рода современникамъ, которые возбудили въ Евгеніи зависть, Филаретъ говоритъ:

«Чтожъ въ Дамонѣ, въ Трифонѣ и Туллiѣ гнусно,
Что, какъ награждаютъ ихъ, тебѣ на смерть грустно?
Благонравны тѣ, умны, вѣрность ихъ не мала;
Слава наша съ трудовъ ихъ нѣчто воспріяла.
Правда, въ царство Ольгино предковъ ихъ не знали,
Думнымъ и намѣстникомъ дѣды не бывали,
И дворянства старостью считаться съ тобою
Имъ нельзя; да что съ того? Они вѣдь собою
Начинаютъ знатный родъ, какъ твой родъ начали
Твои предки, когда Русь Греки крестить стали.
И твой родъ не все таковъ былъ, какъ потомъ стался,
Но первый съ предковъ твоихъ, что дворянинъ звался,
Имѣлъ отца славою гораздо поуже,
Каковъ Трифонъ Туллій былъ, или и похуже.
Адамъ дворянъ не родилъ, но одно съ двухъ чадо
Его садъ копалъ, другой пасъ блеюще стадо.
Ное въ ковчегѣ съ собою спасъ все себѣ равныхъ,
Простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ;
Отъ нихъ мы всѣ сплошь пошли, одинъ поранѣе,
Оставя дудку, соху; другой попозднѣе» (²).

Третья сатира „О различіи страстей человѣческихъ“ написана въ формѣ посланія къ Ѳеофану Прокоповичу. Въ ней изображены типы разныхъ страстей и пороковъ, подъ вымышленными именами скупца Хризиппа, мота Клеарха, любопытнаго Менандра, лицемѣрнаго богомола Варлама, льстеца и угодника вельможъ Фоки, самолюбиваго и тщеславнаго Гликона, пьяницы Клитеса, гордеца Иркана, льстеца Трофима, подозрительнаго и трусливаго Невія, завистливаго Зоила. При изображеніи этихъ

(¹) Сочин., 1, 32—42.—(²) Сочин., 1, 50.

типовъ Кантемиръ подражалъ греческому писателю, Өеофрасту, и французскому, Лабрюйеру, которые, по его словамъ, „оба показали себя въ ясномъ изображеніи различныхъ человѣческихъ нравовъ“. Кромѣ того, въ этой сатирѣ есть подражаніе Горацію (при изображеніи скупаго) и Ювеналу.

Четвертая сатира составлена по подражанію VII-й сатирѣ Буало. Подобно Буало, Кантемиръ въ ней обращается „къ музѣ своей“ и даетъ ей обѣщаніе не писать больше сатиръ на злонравныхъ, но, послѣ нѣкотораго размышленія, находитъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, что, кромѣ сатиры, онъ не способенъ ни къ какому другому роду сочиненій, а къ ней чувствуетъ призваніе, и, разсуждая такимъ образомъ, изображаетъ при этомъ разные пороки людей.

Пятая сатира „На человѣческія злонравія вообще“ имѣетъ форму разговора между Періергомъ (любопытнымъ) и сатиромъ. Панъ, лѣсной богъ и начальникъ сатировъ, чрезъ каждыя три лѣта, разсылаетъ по нѣскольку изъ нихъ во всѣ краи свѣта, для наблюденія надъ нравами и дѣлами людей; по возвращеніи сатиры разсказываютъ Пану обо всемъ, что они видѣли. Въ сатирѣ представленъ одинъ изъ такихъ сатировъ, который долго жилъ у разныхъ людей и разсказываетъ Періергу о разныхъ страстяхъ, порокахъ и глупостяхъ человѣческихъ, какія привелось ему видѣть. Между прочимъ, изображается слѣдующая картина пьянаго города.

«Прибылъ я въ городъ вашъ въ день нѣкой знаменитой.
Пришедъ къ воротамъ, нашелъ, что спитъ, какъ убитой,
Мужикъ съ ружьемъ, который, какъ потомъ провѣдалъ,
Поставленъ былъ входъ стеречь; еще не обѣдалъ,
Было, народъ, и солнце полкруга небесна
Не пробѣгло, а почти ужъ улица тѣсна
Была отъ лежащихъ тѣлъ. При взглядѣ я первомъ,
Чаялъ, что моръ у васъ былъ, да не пахнетъ стервомъ...
И вижу, что прочіе тѣхъ не отбѣгаютъ
Тѣлъ люди, и съ нихъ самыхъ ины подымаютъ
Руки, ины головы тяжки и румяны;
И слабость ногъ лишь не даетъ встать; словомъ, всѣ пьяны».

Пораженный такимъ безобразнымъ явленіемъ, сатиръ спросилъ одного старца о его причинѣ. Старецъ ему отвѣчалъ: благочестивые предки наши установили, чтобы въ нѣкоторые дни въ году люди прекращали свои работы и проводили ихъ въ служеніи Богу и въ дѣлахъ благочестія; но этотъ уставъ люди совершенно извратили.

«Точно исполняется одна часть закона:
Всяку работу кинетъ отъ вечерня звона
И тотъ самый, чья жена и малыя дѣти,
Наги уже, вмѣстѣ съ нимъ должны гладъ терпѣти.
Впрочемъ, церковь иль пуста, иль полна однѣми,
Кои казаться пришли, иль видѣться съ тѣми,
Которыхъ индѣ нельзя видѣть столь свободно.
. . . .
День весь въ безчестныхъ потомъ злочинствахъ летаетъ.
Праздность бо взноситъ въ умъ то, что вѣкъ бы не вспало
Намъ въ трудахъ, и нудитъ къ злу, какъ коня въ бѣгъ жало.
Сегодня одинъ изъ тѣхъ дней святъ Николаю,
Для чего весь городъ пьянъ отъ края до краю» ([1]).

Седьмая сатира „О воспитаніи“ написана въ формѣ посланія къ князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому. Она составляетъ подражаніе XIV-й сатирѣ Ювенала. Въ ней Кантемиръ доказываетъ, что отсутствіе воспитанія, или дурное воспитаніе служитъ причиною развитія въ дѣтяхъ дурныхъ наклонностей, страстей и пороковъ, и потому совѣтуетъ обращать на воспитаніе особенное вниманіе и излагаетъ для того нѣкоторыя правила.

. . . . . «То одно я знаю,
Что если я добрую, лѣнивъ, запускаю
Землю свою — обростетъ худою травою;
Если прилежно вспашу, довольно покрою
Навозомъ песчаную, жирнѣе ужъ станетъ,
И довольный плодъ съ нея трудокъ мой достанетъ.
Каково бъ съ природы рукъ сердце намъ ни пало
Есть, есть время нѣкое, въ коемъ злу не мало
Склонность уймемъ, буде всю истребить не можемъ,
И утвердиться въ добрѣ доброму поможемъ.
Время то суть первыя младенчества лѣта.
. . . .
Большу часть всего того, что въ насъ, приписуемъ
Природѣ, если хотимъ изслѣдовать зрѣло,
Найдемъ воспитанія одного быть дѣло» ([2]).

Особенно сильное вліяніе на дѣтей имѣютъ примѣры другихъ, или среда, въ которой они воспитываются.

. . . . . «Часто дѣти были бы честнѣе,
Еслибъ и мать и отецъ предъ младенцемъ знали
Собой владѣть, и языкъ свой въ уздѣ держали.
. . . .

([1]) Сочин., 1, 104, 110—111. — ([2]) Соч., 1, 150—151.

. . . Полвѣка во снѣ, въ пирахъ провождаю;
Въ сластяхъ всякихъ поуши себя погружаю;
Однихъ счастливыми я зову лишь обильныхъ.
. . . .
А однакожъ требую, чтобъ сынъ мой доволенъ
Былъ малымъ, чтобъ смиренъ былъ и собою воленъ,
Зналъ обуздать похоти, и съ одними знался
Благонравными, и тѣмъ подражать лишь тщался.
По водѣ тогда мои вотще пишутъ вилы.
Домашній, показанный часто примѣръ силы
Будетъ важной и итти станетъ сынъ тропою,
Котору протоптану видитъ предъ собою» (1).

Характеръ идеала, изображаемаго въ сатирахъ Кантемира. Подвергая осмѣянію и осужденію разныя дурныя стороны жизни, разные недостатки, глупости и пороки, Кантемиръ въ то же время училъ въ своихъ сатирахъ и правильной жизни, указывая идеалъ счастливой жизни и образецъ нравственной дѣятельности, приводящей къ такой жизни. Идеалъ счастливой жизни нарисованъ въ VI-й сатирѣ „О истинномъ блаженствѣ“.

«Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну.
Малый свой домъ, на своемъ построенный полѣ,
Кое даетъ нужное умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ, и среднюю забаву,
Гдѣ бъ съ другомъ съ другимъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишны часы прогнать скуки бремя,
Гдѣ бъ, отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провожать межъ мертвыми греки и латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
Учася знать образцомъ другихъ, что полезно
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно иль любезно;
Желанія всѣ мои крайни составляетъ» (2).

Съ этимъ идеаломъ счастливой жизни тѣсно связывается и образецъ нравственной дѣятельности, изображенный въ VIII-й сатирѣ: „На безстыдную нахальчивость“. Для того, чтобы находить счастіе въ довольствѣ малымъ, надобно во всѣхъ своихъ чувствахъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ соблюдать умѣренность, ни въ чемъ не

---

(1) Тамъ же, 155—156. — (2) Сочин., I, 138.

увлекаться въ крайности, а строго держаться во всемъ золотой середины:

«Съ древле добродѣтели средину держали
Между двумя крайми, гдѣ злы нравы засѣдали».
«Глупо изъ младенчества звыкли мы бояться
Нищеты, презрѣнія, и тѣ всего мнятся
Зла горчае; потому бѣжимъ мы въ другую
Крайность, не зная въ вещахъ мѣру никакую;
Всяко однакожъ предѣлъ свой дѣло имѣетъ;
Кто пройдетъ, кто не дойдетъ, подобно шалѣетъ.
Грѣшитъ пѣстунъ Нероновъ, что тьмы накопляетъ
Сокровищь съ бѣдствомъ житья, да и тотъ, что чаетъ
Въ бочкѣ имя мудреца достать, часто голодъ
И мразъ терпя, не уменъ».
. . . .
«Можно скудость не терпѣть, богатствъ не имѣя
Лишнихъ, и въ тихомъ углу покоенъ сѣдя,
Можно славу получить, хоть бы за собою
Полкъ людей ты не водилъ, хоть бы предъ тобою
Народъ шапки не сымалъ» [1].

Этотъ идеалъ заимствованъ Кантемиромъ у Горація. Въ римской жизни во время Горація существовали два противоположныя направленія—суровое, безотрадное ученіе стоиковъ и чувственная, нравственная распущенность эпикурейцевъ. Недовольный такими крайностями, Горацій вздумалъ выбрать средину между ними и въ своихъ сочиненіяхъ проповѣдывалъ воздерживаться отъ всякихъ крайностей и увлеченій, соблюдать во всемъ умѣренность, спокойствіе въ настоящемъ и беззаботность о будущемъ. Такъ же поступать совѣтуетъ и Кантемиръ. Съ такимъ несложнымъ и невысокимъ идеаломъ, конечно, можно легко и счастливо прожить жизнь; но зато съ нимъ нельзя совершить и ничего высокаго и великаго; онъ не дастъ силы для подвиговъ самоотверженія и самопожертвованія, для борьбы со зломъ и неправдою, а поведетъ къ совершенному равнодушію во всѣхъ дѣлахъ, не касающихся лично человѣка, особенно въ дѣлахъ общественныхъ. Дѣйствительно, Кантемиръ, для того, чтобы избѣжать борьбы, гоненій, или непріятностей, и сохранить покой, совѣтуетъ и въ выборѣ между правдой и неправдой держаться также середины, и даже позволяетъ быть злымъ, если безъ вреда себѣ нельзя быть добрымъ.

. . . . . «Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не стался,

[1] Сочин., 1, 141—142.

Буде ложью утаить правду не посмѣетъ:
Счастливъ, кто средины той держаться умѣетъ» (1).
«Нельзя ль добрымъ быть? будь золъ, своимъ не къ изъяну.
Изряднѣе всякаго убѣгать порока.
Нельзя ль? укрой лишняго отъ младенча ока» (2).

Въ девятой сатирѣ „Къ солнцу“, или „На состояніе свѣта сего“, Кантемиръ изображаетъ невѣжество и суевѣріе, приведшія русскій народъ къ расколу. Онъ представляетъ типъ раскольника въ образѣ мужика, который „соху оставилъ недавно, аза въ глаза не знаетъ, а... вретъ богословски рѣчи, какія предъ иконы должно ставить свѣчи, что въ церквахъ вошло старинѣ противно“ и т. д... изображаются тѣ же суевѣрія, которыя описаны уже въ первой сатирѣ и на которыя нападали еще Ѳеофанъ Прокоповичъ и другіе проповѣдники. Причиною ихъ Кантемиръ считаетъ невѣжество, существующее не въ одномъ простомъ народѣ, но во всѣхъ сословіяхъ. По этому поводу онъ глубоко сѣтуетъ о томъ, что просвѣщеніе, посѣянное Петромъ В., распространяется очень слабо, и наука даже въ высшихъ учрежденіяхъ существуетъ только на словахъ, а не на дѣлѣ. Вотъ какъ онъ изображаетъ одно изъ такихъ учрежденій (вѣроятно, Академію Наукъ):

«Вонъ дивись, какъ ученія заводятъ заводы.
Строятъ безмѣрнымъ коштомъ тутъ палаты славны;
Славятъ, что ученія будутъ тамо главны.
Тщатся хоть именемъ умножить къ нимъ чести
(Коли не дѣломъ); пишутъ печатныя вѣсти:
«Вотъ завтра ученія высоки зачнутся,
Вотъ ужъ и учители заморски сберутся.
Пусть какъ можно всякъ скоро о себѣ радѣетъ,
Кто оныхъ обучаться охоту имѣетъ».
Иной бѣдный, кто сердцемъ учиться желаетъ,
Всѣми силами къ тому скоро поспѣшаетъ.
А пришедъ, комплиментовъ увидитъ не мало,
Высокихъ же наукъ тамъ стѣни не бывало» (3).

Эта ревность о наукѣ и просвѣщеніи, выражающаяся повсюду въ сатирахъ Кантемира, и сообщила имъ ту высокую цѣну, какую онѣ имѣли въ глазахъ современниковъ. Въ художественномъ же отношеніи онѣ не имѣютъ особеннаго значенія. Кантемиръ самъ сознавалъ и высказывалъ это. Назвавъ ихъ „топтаніемъ слѣдовъ“ Горація, Ювенала и Буало, онъ прибавляетъ, обращаясь къ своей музѣ:

«Истая Зевсова дочь (Аѳина) перо ихъ водила;
Тебя чуть ли не съ другимъ кѣмъ Память родила.

(1) Сочин., 1, 47.—(2) Тамъ же, 156.—(3) Тамъ же, 1, 184.

Въ нихъ шутки вмѣстѣ съ умомъ цвѣтутъ превосходнымъ,
И слова гладко текутъ, какъ рѣка, природнымъ
Токомъ, и что въ рѣчахъ кто зритъ себѣ досадно,
Не въ досаду себѣ мнитъ, что сказано складно,
А въ тебѣ что таково?» (1).

Дѣйствительно: картины въ его сатирахъ иногда очень характерны, но нисколько не изящны; выраженія весьма мѣтки и сильны, но часто очень грубы и даже неприличны; силлабическій стихъ весьма тяжелъ и неуклюжъ. Всѣ эти недостатки, конечно, вполнѣ объясняются какъ новостію литературнаго дѣла вообще, такъ и въ частности совершенною необработанностію литературнаго языка и стиха. Въ это время Тредьяковскій только-что поднялъ вопросъ о русскомъ стихосложеніи, указывая на то, что русскому языку свойственъ стихъ не силлабическій, а тоническій, основанный на удареніяхъ; но онъ не могъ подкрѣпить своего мнѣнія собственными стихотвореніями. Кантемиръ, впрочемъ, обратилъ на него вниманіе и понялъ, что опредѣленное удареніе должно сообщить стиху болѣе гармоніи, и вздумалъ соединить его съ силлабическимъ размѣромъ. Опытъ такого соединенія онъ сдѣлалъ въ VI-й сатирѣ, въ которой стихи вышли нѣсколько легче. По этому случаю онъ написалъ „Письмо къ пріятелю о сложеніи стиховъ русскихъ“ (подъ псевдонимомъ Харитона Макентина), въ которомъ онъ изложилъ правила стихосложенія, основаннаго на соединеніи силлабическаго размѣра съ удареніями (2).

Кромѣ сатиръ, Кантемиръ писалъ и оды (ода на восшествіе на престолъ Анны Іоанновны, 4 философскія оды: противъ безбожныхъ, о надеждѣ на Бога, на злобнаго человѣка и въ похвалу наукъ) и переложенія псалмовъ (36 и 72 псал.) и пѣсни и басни (6-ть басенъ), эпиграммы и посланія, и даже началъ писать поэму „Петриду“ (3) (написана одна первая книга). Но всѣ эти произведенія гораздо ниже сатиръ и не имѣютъ никакого значенія. Кантемиръ самъ чувствовалъ и откровенно сознавался, что ему „сродно писать лишь сатиры, а въ другомъ родѣ онъ неудачливъ, что слово у него вязнетъ въ зубахъ, не забавно, не красно и не сильно“, когда онъ принимается писать похвалы, или что-нибудь другое, но умъ его оживляется, когда усмотритъ въ нравахъ что-нибудь вредное:

«Чувствую самъ, что тогда въ своей водѣ плавлю,
И что чтецовъ я своихъ зѣвать не заставлю;
Проворенъ, веселъ спѣшу, какъ вождь на побѣду» (4).

---

(1) Сатира IV. Сочин., 1, 89. (2) Сочин., т. II, стр. 1—20.

(3) Петрида, или стихотворное описаніе смерти Петра В., напечатана въ Лѣтоп. русск. лит. и древн., кн. 1. (4) Сат. IV, стр. 92—93.

Оригинальныя прозаическія сочиненія и переводы Кантемира. Гораздо интереснѣе и важнѣе нѣкоторыя прозаическія сочиненія Кантемира, каковы „Письма о природѣ и человѣкѣ“, и переводныя: „Разговоры о множествѣ міровъ“ Фонтенеля. Въ первомъ сочиненіи изложены философскія и нравственныя размышленія, къ какимъ приводитъ человѣка созерцаніе и изученіе природы. „Счастіе человѣка, говоритъ Кантемиръ, состоитъ въ спокойной, уединенной отъ міра жизни въ природѣ, которая повсюду во всѣхъ своихъ твореніяхъ возвѣщаетъ Бога, и чѣмъ выше и совершеннѣе твореніе, тѣмъ болѣе въ его устройствѣ можно усматривать доказательствъ премудрости и благости Божіей“. Онъ разсматриваетъ землю, воду, воздухъ, облака, небо со звѣздами и планетами, разные роды и виды животныхъ и наконецъ природу человѣка, его тѣлесныя и душевныя силы, и во всемъ видитъ ясные слѣды Божества. Отъ чего же, спрашиваетъ онъ послѣ этого, у нѣкоторыхъ философовъ являлось сомнѣніе и невѣріе въ Бога?... Отвѣчая на этотъ вопросъ, онъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „Инымъ препятствуютъ познавать силу и власть Божества жизни ихъ безпорядки: упиваясь страстьми своими, живутъ помраченные и не могутъ въ твореніи премудраго творца познати, къ чему надобно употребить прилежность, и страсти такъ людей ослѣпляютъ, что не могутъ видѣть свѣта, который ясно ихъ освѣщаетъ; они ни о чемъ иномъ не помышляютъ, какъ только о томъ, что льститъ и питаетъ вредныя и пагубныя ихъ страсти; умы ихъ отягощенные не могутъ къ невещественному простираться; все, что они не видятъ, не чувствуютъ, не осязаютъ, кажется имъ не право...... Я сомнѣваюсь, чтобы прямой былъ въ сердцѣ богоотступникъ, но только, какъ по глаголу пророка Давида: рече безумецъ въ сердцѣ своемъ нѣсть Бога, статься можетъ, что чрезъ непрестанныя мнѣнія пустыя и порочныя человѣкъ въ сердцѣ своемъ вѣру искоренить можетъ, но въ наказаніе довольно ему останется въ совѣсти угрызенія“ (¹). Письма Кантемира показываютъ, что онъ былъ человѣкъ религіозный и вмѣстѣ съ сочиненіями древнихъ философовъ и поэтовъ изучалъ и сочиненія отцовъ и учителей церкви, Григорія Богослова, Августина и др. „Разговоры о множествѣ міровъ“ Фонтенеля при первомъ своемъ появленіи во Франціи и во всей Европѣ обратили на себя всеобщее вниманіе. Излагая новую астрономическую систему, что „земля есть планета, которая вокругъ себя самой и около солнца ворочается“, они сообщали много новыхъ свѣдѣній о мірѣ, еще больше возбуждали новыхъ любопытныхъ вопросовъ и предположеній. Поэтому Канте-

(¹) Сочин., т. II, стр. 90.

миръ и вздумалъ перевести ихъ. „Книжка сія, говоритъ онъ, какъ скоро отъ господина Фонтенелла издана, почти на всѣ языки переведена и отъ разныхъ народовъ съ подобнымъ наслажденіемъ и жадностію читана, къ немалой славѣ сочинителя. Въ ней онъ неподражаемымъ искуствомъ полезное забавному присовокупилъ, изъясняя шутками все, что нужнѣе къ вѣдѣнію въ фисикѣ и астрономіи, такъ что всякому, кто съ прилежаніемъ читать любитъ, изъ нея легко научиться довольной части тѣхъ наукъ“ (1). Переводъ книги Кантемиръ посвятилъ Петербургской Академіи Наукъ „за полученное отъ ея мудрыхъ членовъ воспитаніе и наставленіе“. Къ сожалѣнію, книга не могла быть напечатана. Не только въ Россіи, но и во Франціи въ этомъ сочиненіи находили мнѣнія, противорѣчащія Свящ. Писанію и церковному ученію. Такимъ, между прочимъ, представлялось мнѣніе, что луна и другія планеты могутъ быть также населены какими-нибудь существами, какъ земля людьми, и что не все въ мірѣ создано исключительно для одного человѣка. „Нужно только разобрать, говорилъ Фонтенель въ Предисловіи къ своей книгѣ, маленькое ума заблужденіе. Когда кто тебѣ скажетъ, что мѣсяцъ населенъ, ты тотчасъ представляешь себѣ жителей тѣхъ людьми, намъ подобными, и если ты богословъ, тотчасъ наполнишься затрудненій. Потомство Адамово не могло простереться до луны, ни слободы тамъ населить. Слѣд. люди, которые въ лунѣ, не Адамовы дѣти, а въ Богословіи не малое помѣшательство, чтобъ обрѣтались такіе люди, которые бы не отъ него произошли. Не нужно больше говорить: всѣ возможныя затрудненія на сіе одно сходятъ, и рѣчи, которыя бы нужно употреблять въ должайшемъ изъясненіи, будучи крайняго почтенія достойны, неприлично ихъ писать въ книгѣ такъ маловажной, какова сія“ (2)... „Мы всѣ съ природы, замѣчено въ первомъ разговорѣ, сдѣланы подобны нѣкоему аѳинейскому дураку, который вложилъ было себѣ въ голову, что всѣ тѣ корабли, которые приставали къ пирейской пристани, были его. Насъ подобно дурачество наше понуждаетъ думать, что вся тварь безъ изъятія создана для нашего употребленія, и когда спросишъ у нашихъ философовъ, на что такъ великое множество звѣздъ неподвижныхъ, изъ которыхъ часть нѣкая могла бы тожъ дѣлать, что теперь всѣ дѣлаютъ, спѣшно отвѣтствуютъ, что онѣ служатъ къ увеселенію очей нашихъ. На такомъ мнѣніи основавъ себя, вздумали себѣ, что надобно землѣ быть неподвижной въ средней точкѣ всего міра, а другимъ небеснымъ тѣлесамъ, которыя для нея сдѣланы, принимать трудъ

(1) Сочин., т. II, стр. 391. (2) Сочин., II, стр. 397.

ворочаться около ея, чтобъ свѣтить ей" ([1]).—Кромѣ того, Кантемиръ перевелъ 10-ть посланій Горація, нѣкоторыя пѣсни Анакреона, Персидскія письма Монтескье, Эпиктетово нравоученіе, Юстинову древнюю исторію, жизнеописанія знаменитыхъ полководцевъ Корнелія Непота.

СОЧИНЕНІЯ В. К. ТРЕДЬЯКОВСКАГО.

Біографическія свѣдѣнія о Тредьяковскомъ. Кантемиръ занимался литературой только въ часы досуга отъ службы и могъ дать ей только одну форму сатиры. Преемникъ его, Тредьяковскій посвятилъ литературѣ всю жизнь, старался обогатить ее всѣми формами и вообще служилъ ей съ такимъ горячимъ усердіемъ, что если бы терпѣніе и трудолюбіе могли замѣнить талантъ, то Тредьяковскому принадлежало бы самое почетное мѣсто въ новой русской литературѣ ([2]). Василій Кирилловичъ Тредьяковскій былъ сынъ священника, родился въ Астрахани (въ 1703 г.) и первоначальное образованіе получилъ у жившихъ здѣсь римскихъ монаховъ (Капуцинскаго ордена) миссіонеровъ, которые первые познакомили его съ словесными науками. Въ 1723 г., „желая большаго ученія", онъ ушелъ въ Москву и поступилъ здѣсь въ славяно-греко-латинскую академію, гдѣ также занимался преимущественно словесными науками и началъ писать силлабическіе стихи. Въ академіи однакожъ онъ не окончилъ курса. Спасаясь отъ наказанія за одинъ проступокъ ([3]), онъ убѣжалъ за границу, въ Голландію. Бывшій въ это время въ Гагѣ русскій посланникъ, Головкинъ,

---

([1]) Отрывокъ перевода Разговоровъ напечатанъ во II-й части сочиненій Кантемира, стр. 392—421, откуда и заимствованы приведенныя мѣста.

([2]) Изданія сочиненій Тредьяковскаго: 1-е изданіе въ 1752 г., въ 2-хъ томахъ; 2-е изданіе Смирдина въ 1849 г., въ 3-хъ частяхъ; 3-е изданіе: Избранныя сочиненія, съ предисловіемъ Перевлѣсскаго и съ приложеніемъ критическихъ статей о Тредьяковскомъ. М. 1849 г.—Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ Тредьяковскаго помѣщены: въ Словарѣ митр. Евгенія, II, 210—225; въ предисловіи Перевлѣсскаго къ изданію сочиненій Тредьяковскаго; въ статьѣ В. Варенцова: Тредьяковскій и характеръ нашей общественной жизни въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Моск. Вѣд. 1860, №№ 36—37; въ сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ въ XVIII в. А. Куника. Но самая полная біографія Тредьяковскаго напечатана во II томѣ Исторіи Академіи Наукъ П. Пекарскаго, стр. 1—258. Библіографическія замѣтки о нѣкоторыхъ трудахъ В. К. Тредіаковскаго. Казань. 1890

([3]) Говорятъ, впрочемъ безъ достаточныхъ основаній, будто онъ написалъ фальшивый видъ одному іеродіакону.

принялъ въ немъ участіе и отправилъ его въ Парижъ, снабдивъ рекомендательнымъ письмомъ къ парижскому посланнику, князю Куракину. Подъ покровительствомъ Куракина, Тредьяковскій поступилъ въ Парижскій университетъ, въ которомъ тогда особенною славою пользовался историкъ Ролленъ. У Роллена онъ слушалъ исторію и словесность, у другихъ профессоровъ богословіе, философію и математику. Вообще находясь въ Парижскомъ университетѣ, онъ пріобрѣлъ основательное образованіе, разнообразныя и обширныя свѣдѣнія, особенно въ латинской и французской словесности. По окончаніи курса, онъ выдержалъ публичный диспутъ и, получивъ аттестатъ, возвратился въ 1730 г. въ Россію съ самымъ горячимъ усердіемъ служить русской наукѣ и литературѣ [1]. Прежде всего Тредьяковскій занялъ должность переводчика при Академіи Наукъ и, проходя эту должность, перевелъ весьма много полезныхъ книгъ. Въ 1733 г. былъ опредѣленъ академическимъ секретаремъ. Въ 1735 г. при Академіи Наукъ было учреждено „Россійское собраніе“ любителей русскаго слова, и Тредьяковскій открылъ его рѣчью „О чистотѣ россійскаго слова“. Въ этой рѣчи онъ первый указалъ Академіи на необходимость „доброй и исправной грамматики, полнаго и довольнаго лексикона, реторики и стихотворной науки“. Въ 1745 г. Тредьяковскій былъ сдѣланъ профессоромъ латинскаго и россійскаго краснорѣчія въ Академіи Наукъ и профессоромъ россійскаго краснорѣчія при академическомъ университетѣ. Это званіе онъ получилъ, впрочемъ, противъ желанія конференціи Академіи Наукъ, которая, по его словамъ, не хотѣла впустить русскаго „въ свою компанію“. Когда конференція отказала ему въ званіи профессора, онъ подалъ доношеніе въ Сенатъ, съ объясненіемъ своихъ правъ на это званіе, и уже по представленію Сената и просьбѣ покровителя его, графа Воронцова, импер. Елисавета даровала ему званіе профессора. Должность профессора Тредьяковскій проходилъ въ теченіе 18 лѣтъ съ неутомимымъ усердіемъ и въ числѣ многихъ другихъ воспиталъ Поповскаго и Барсова, которые были первыми профессорами русской словесности въ Московскомъ университетѣ. Въ Академіи Тредьяковскій, вмѣстѣ съ Ломоносовымъ, ратовалъ за интересы русской науки и русскаго образованія. Когда академическій совѣтникъ, Таубертъ, представилъ въ комиссію для сочиненія новаго уложенія свои предположенія объ улучшеніи Академіи, то Тредьяковскій сильно

---

[1] Смотр. Автобіографическую записку, составленную самимъ Тредьяковскимъ въ 1754 г. Сборн. матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ въ XVIII в. Куника, ч. I, стр. XIII—XIV.

возсталъ противъ одного ихъ параграфа (§ 7), которымъ утверждалось предпочтеніе въ Академіи иноземцевъ противъ русскихъ: „Противенъ онъ (т. е. 7 параграфъ), говорилъ Тредьяковскій, правотѣ натуральной, по коей каждый самого себя любитъ прежде, а потомъ уже другаго. Слѣдовательно, природный, гдѣ бъ онъ ни служилъ въ сей имперіи, и буде заслужилъ, не долженствуетъ никогда быть понижаемъ предъ чужестраннымъ, ежели сей еще только что вступилъ въ службу... Обиденъ онъ нынѣшнимъ дѣйствительнымъ россійскимъ членамъ и впредь быть имѣющимъ, ибо россійскіе члены, сколько бъ ни служили, всегда имѣютъ быть молодшими, для того, что нѣтъ надежды, чтобы выписывать перестали чужестранныхъ. Истребляетъ онъ охоту въ россіянахъ, чтобъ быть превосходными членами: ибо никогда имъ не можно будетъ старшинство себѣ получить, а честь питаетъ науки... Вводитъ худое и несправедливое употребленіе: ибо не выпишется членъ, который бы въ Германіи не былъ по какой-нибудь тетрадкѣ печатной славенъ; а сія тетрадка и будетъ прежектомъ къ произведенію его въ старшинство, такъ что хотя бы русскій и десять написалъ тетрадокъ, однако того выписаннаго члена и одна тетрадка всеконечно перевѣситъ. Совсѣмъ неосновательный резонъ, чтобъ для того такому члену отдавать старшинство, понеже онъ славенъ у себя въ своемъ искусствѣ, ибо хотя онъ и преизрядно плясалъ въ Родоссѣ, какъ то басенка говоритъ ([1]), однако здѣсь долженствуетъ быть для него Родоссъ: можетъ онъ и здѣсь также изрядно въ свое время поплясать и тѣмъ показаться“ ([2]). Въ 1759 г. Тредьяковскій, по прошенію, былъ уволенъ отъ службы при Академіи.

Ученая и литературная дѣятельность Тредьяковскаго. Какъ во время службы на всѣхъ указанныхъ мѣстахъ, такъ и по окончаніи ея, въ отставкѣ. Тредьяковскій постоянно и неутомимо занимался литературой, переводилъ разныя, ученыя и литературныя, книги и писалъ собственныя ученыя сочиненія и стихотворенія разнаго рода. Вотъ его главныя переводныя сочиненія: поэма Буало „L'Art poétique“, переведенная стихами; посланіе Горація „De arte poëtica“, перев. прозой; 15-ть Езоповыхъ басней, перев. силлабическими стихами; Телемахида, или странствованіе Телемака, сына Улиссова, переводъ поэмы Фенелона (1651—1715) „Les aventures de Télémaque“; Ѣзда въ островъ любви—переводъ

([1]) Тредьяковскій указываетъ здѣсь на свою басню «Самохвалъ», въ которой онъ хотѣлъ осмѣять Ломоносова.

([2]) Истор. Акад. Наукъ, II, 180—181.

французской повѣсти „Voyage à l'ile d' Amour, ou la Clef de coeurs“ par Paul Tallemant; Слово Фонтенеля (1657—1757) о терпѣніи и нетерпѣливости; Аргенида Барклая—переводъ съ латинскаго сатирико аллегорическаго романа англійскаго писателя XVII в. (¹). Оригинальныя сочиненія Тредьяковскаго по теоріи и исторіи словесности: мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ вообще; письмо къ пріятелю о нынѣшней пользѣ гражданству отъ поэзіи; способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ; рѣчь о чистотѣ россійскаго языка; разсужденіе о комедіи вообще; предъизъясненіе объ ироической поэмѣ, приложенное къ переводу Телемахиды; разсужденіе объ одѣ вообще, приложенное къ одѣ на сдачу города Гданска (Данцига); о древнемъ, среднемъ и новомъ стихосложеніи россійскомъ; слово о богатомъ, различномъ, искусномъ и несходственномъ витійствѣ, разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ объ орѳографіи. Сочиненія смѣшаннаго содержанія, по разнымъ предметамъ: слово о премудрости, благоразуміи и добродѣтели; о безпорочности и пріятности деревенской жизни; разсужденіе объ истинѣ сраженія Горацiевъ съ Куріаціями; три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ: о первенствѣ словенскаго языка предъ тевтонич
о первоначаліи россовъ, о варягахъ—руссахъ славянскаго званія, рода и языка. Стихотворныя сочиненія: ода торжестве
сдачѣ города Гданска; ода на коронованіе импер. Елисаветы въ 1742 г.; 6 одъ похвальныхъ; 10 одъ священныхъ изъ псалмовъ; 12 парафразовъ стихотворныхъ изъ библейскихъ пѣсней; стихотворный плачъ о кончинѣ Петра В.; ода о пріятностяхъ весны; трагедія Деидамія; Идиллія Нисса и нѣсколько мелкихъ стихотвореній (²).

(¹) Кромѣ этихъ сочиненій Тредьяковскій перевелъ: Сенъ-Реміевы артиллерійскія записки (1732); Военное состояніе Оттоманской имперіи графа Марсильи (1737); Древнюю исторію (10 частей, 1744—1762) и Римскую исторію (16 томовъ, 1761—1767) Роллена; Житіе канцлера Франциска Бэкона, съ присовокупленіемъ сокращенія Бэконовой философіи; Истинная политика знатныхъ и благородныхъ особъ; 4 тома Кревіеровой исторіи о римскихъ императорахъ; 2 тома родословной татарской исторіи Абулгази Багадуръ хана; опытъ исторіи о разгласіи церквей въ Польшѣ, Вольтера (съ франц., 1769 г.).

(²) Неизданныя сочиненія Тредьяковскаго: Язонъ и Титъ Веспасіанъ; книга подъ названіемъ Россійскій парнассъ, къ которой приложены правила о просодіи; математическія записки съ историческими наблюденіями о сыскиваніи пасхи по старому и новому стилю; разсужденіе объ окончаніяхъ собственныхъ и прилагательныхъ именъ; пять разсужденій о силѣ нравоучительной философіи и о натуральномъ правѣ; Ѳеопія, или Богозрѣніе въ шести эпистолахъ. Нѣкото-

При оцѣнкѣ литературной дѣятельности Тредьяковскаго въ прежнее время обращали вниманіе главнымъ образомъ на его стихотворенія, которыя служили предметомъ насмѣшки. На основаніи его стихотвореній и составилось то одностороннее понятіе о немъ, какъ о смѣшномъ и бездарномъ писателѣ, которое перешло и въ исторію словесности и существовало въ ней до времени Пушкина. Правда, встрѣчаются о Тредьяковскомъ хорошіе отзывы и у прежнихъ писателей, напр. у Татищева, Радищева и особенно у Новикова, который въ своемъ словарѣ замѣтилъ о немъ: „Сей мужъ былъ великаго разума, многаго ученія, обширнаго знанія и безпримѣрнаго трудолюбія, весьма знающъ въ латинскомъ, греческомъ, французскомъ, италіянскомъ и въ своемъ природномъ языкѣ; также въ философіи, богословіи, краснорѣчіи и въ другихъ наукахъ. Полезными своими трудами пріобрѣлъ онъ себѣ безсмертную славу; и первый въ Россіи сочинилъ правилы новаго россійскаго стихосложенія, много сочинилъ книгъ, а перевелъ и того больше, да и столь много, что кажется невозможнымъ, чтобы одного человѣка достало къ тому столько силъ“ (1). Но только отзывъ Пушкина измѣнилъ прежній взглядъ на Тредьяковскаго и заставилъ критику обратить вниманіе не на одно его стихотворство, но на всю его ученую и литературную дѣятельность. „Тредьяковскій, сказалъ Пушкинъ, былъ почтенный и порядочный человѣкъ. Его филологическія и грамматическія изъясненія очень замѣчательны. Онъ имѣлъ о русскомъ стихосложеніи обширнѣйшія понятія, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ. Любовь его къ Фенелонову эпосу дѣлаетъ ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выборъ стиха доказываетъ необыкновенное чувство изящнаго. Въ Телемахидѣ находится много хорошихъ стиховъ и счастливыхъ оборотовъ..... Вообще изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей. Сумароковъ и Херасковъ вѣрно не стоятъ

рыя сочиненія были написаны Тредьяковскимъ по два раза. Такъ, огромную исторію Роллена онъ перевелъ въ другой разъ послѣ того, какъ переводъ ея сгорѣлъ въ пожарѣ, два же раза онъ перевелъ Аргениду Барклаеву, потому что первымъ переводомъ остался недоволенъ. Не довольствуясь изложеніемъ въ стихахъ многихъ псалмовъ отдѣльно, онъ перевелъ всю псалтирь стихами и многія мѣста изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Кромѣ того, онъ переводилъ всѣ оперы, комедіи и интермедіи, представлявшіяся при дворѣ, сочинялъ стихи на иллюминаціи по случаю разныхъ торжествъ (Словарь митр. Евгенія, II, 210—225).

(1) Матеріалы для ист. русск. лит. П. А. Ефремова. Спб. 1867; стр. 106—107.

Тредьяковскаго" ([1]). Дѣйствительно, сколько смѣшны и незначительны оригинальныя стихотворенія Тредьяковскаго, столько же важны и интересны его переводы по исторіи и словесности и собственныя ученыя изслѣдованія по языку и словесности. Изъ переводныхъ сочиненій по словесности особенное значеніе въ то время имѣли Посланіе Горація „De arte poëtica" и поэма Буало „L'Art poétique", которыя считались тогда главными руководительными сочиненіями въ европейской классической поэзіи. Собственныя изслѣдованія Тредьяковскаго по языку и словесности находятся въ тѣсной связи съ стихотворною его дѣятельностію; большая часть изъ нихъ были написаны по поводу переводныхъ или оригинальныхъ сочиненій и были приложены къ этимъ сочиненіямъ.

Сочиненія Тредьяковскаго по языку и словесности. Какъ Петръ В., вводя въ русскую жизнь новыя европейскія формы, долженъ былъ объяснять ихъ важность и значеніе, такъ и русскіе писатели, вводя въ русскую литературу новыя формы, должны были знакомить русскихъ читателей съ происхожденіемъ и характеромъ этихъ формъ, и съ образцовыми литературными произведеніями, написанными въ этихъ формахъ. Составляя свои сатиры, Кантемиръ, мы видѣли, объяснялъ ихъ характеръ и значеніе; точно также и при сочиненіяхъ Тредьяковскаго мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе обширныя предисловія или статьи, въ которыхъ объясняется ихъ форма и значеніе. Такъ, къ переводу Фенелоновой поэмы „Les aventures de Télémaque" онъ присоединилъ, въ качествѣ предисловія, „Предъизъясненіе объ ироической піимѣ", взятое изъ сочиненія Рамсэ „Discours sur le poëme épique" и заключающее въ себѣ полную теорію искусственнаго ложноклассическаго эпоса. Опредѣливъ, что такое эпическая или героическая поэма, Тредьяковскій указываетъ здѣсь на Иліаду и Одиссею Гомера, какъ на первые образцы этой поэмы, и, характеризуя ихъ, говоритъ: „Ни единъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ народовъ ничего потомъ не вымыслилъ подобнаго: всѣ почерпаютъ въ немъ (въ Гомерѣ) примѣръ, заемлютъ у него правила и пріемлютъ его себѣ въ учителя.... Колико ни было самыхъ великихъ и разумныхъ людей, отъ премногихъ вѣковъ, въ Елладѣ и въ Римѣ, коихъ писаніямъ по нынѣ дивимся, и которые научаютъ насъ мыслить, разсуждать, собесѣдовать, сочинять, всѣ сіи признаваютъ Омира за превеликаго піита, а піимы его за конечный верхъ добраго вкуса" ([2]). Указавъ затѣмъ на Энеиду Виргилія, онъ

([1]) Сочин. Пушкина. Изд. Исакова. 1859. V, 411—412.

([2]) Сочин., II, стр. XIV—XV.

переходитъ къ поэмѣ Фенелона и говоритъ: „Не было съ тысячу съ седмь сотъ лѣтъ послѣ Марона кромѣ трехъ ироіческихъ піимъ.... но Фенелонъ, мужъ какъ просвѣщенный, такъ и преосвященный... снабдилъ общество ученое четвертою эпопіею... по самой сущей правдѣ превосходнѣйшею несравненно и первыхъ двухъ и третіея послѣднія, а сіе истиною и твердостію нравоучительнаго христіанскаго наставленія, хотя и всемѣрно подражалъ всему прочему, по естеству великому, благородному и велелѣпному, находящемуся въ Омировой особливѣе Одиссіи, да въ Мароновой Енеидѣ, такъ что и раздѣлилъ всю свою піиму на двадцать на четыре книги, по числу книгъ въ Одиссіи" ([1]). Далѣе подробно излагаются правила, какимъ должны подчиняться эпическія поэмы: 1) „исторія, служащая основаніемъ эпической піимѣ, долженствуетъ быть или истинная, или уже за истинную издревле преданная; 2) дѣйство эпическое долженствуетъ быть великое, единое, цѣлое, чудесное и продолжающееся нѣсколько времени; 3) добродѣтель препоручается примѣрами и наставленіями т. е. образомъ благонравія и преднаписаніемъ правилъ"; 4) что касается языка героической поэмы, то хотя ей стихъ есть и не существенъ, однакожъ стихотворное изложеніе болѣе ей свойственно. Развивая подробно эти положенія и прилагая ихъ къ Фенелоновой поэмѣ, Тредьяковскій сравниваетъ Телемахиду съ другими эпическими поэмами, какъ древними, такъ и новыми, и, опредѣляя ея достоинство сравнительно съ ними, говоритъ о Фенелонѣ: „Соединилъ онъ вкупѣ въ характерѣ своего ироя мужество Ахиллеево, благоразуміе Одиссеево и Эніеву благочтивость. Тилемахъ есть гнѣвливъ, какъ первый, но безъ свирѣпства; политикъ какъ вторый, но безъ плутовства; чувствителенъ какъ третій, но безъ любострастія. Другій способъ нравоученія бываетъ преднаписаніемъ правилъ. Авторъ Тилемаха сочетаваетъ великія наставленія съ ироическими примѣрами; то есть нравоучительность Омирову съ добронравіемъ Мароновымъ. Однако нравоученіе его имѣетъ три качества, каковыхъ нѣтъ у древнихъ и піитовъ и философовъ. Оно есть у него высокое въ своихъ основаніяхъ, благородное въ поощреніяхъ, а повсемственное въ употребленіяхъ" ([2]). Въ другомъ мѣстѣ о Телемахидѣ къ этому прибавлено: „Іліада имѣетъ себѣ въ цѣль, да покажетъ смертоносныя воспослѣдованія изъ несогласія между военачальниками. Одиссія предъявляетъ, колико есть сильно въ царѣ благоразуміе, сопряженное съ мужествомъ. Въ Еніидѣ изображаются дѣйствія ироя

([1]) Сочин., II т., стр. XVI—XVII.

([2]) Тамъ же, стр. XXXVI—XXXVII.

благочтивнаго, набожнаго и храбраго. Но всѣ сіи частныя добродѣтели не содѣлываютъ благополучія всему роду человѣческому. Тилемахъ идетъ далѣе сихъ предначертаній великостію, множествомъ и пространствомъ нравственныхъ своихъ намѣреній, такъ что можно сказать преутвердительно нѣкоего смысленнаго мужа словами, что даръ самый полезный, каковымъ мусы возмогли обогатить человѣковъ, есть Тилемахъ; ибо, еслибъ блаженство рода человѣческаго могло произрасти отъ піимы, тобъ произрасло оно отъ сея Тилемахиды. Не чуждель по сему или паче дико, что нѣкоторыи у насъ, и не безъ нѣсколькихъ талантовъ люди, запрещали, порицая съ каѳедры, какъ говорятъ, чтеніе Тилемаха и Аргениды, обѣихъ же піимъ несравненныхъ? (1). Видно, не уразумѣли они, или уже не потщались уразумѣть, что первая книга есть иѳическая философія самая совершенная, а другая философія-жъ политическая самая превосходная, какихъ не было по нынѣ въ ученомъ обществѣ" (2). Въ послѣдней части изслѣдованія Тредьяковскій разсуждаетъ о метрѣ, свойственномъ эпическимъ поэмамъ, и доказываетъ, что имъ всего болѣе приличенъ гекзаметръ, который превосходитъ всѣ другіе метры высокимъ и благороднымъ тономъ, что поэтому онъ и „Приключенія Телемака", написанныя въ подлинникѣ прозою, перевелъ гекзаметромъ, который также свойственъ русскому языку, какъ греческому и латинскому. Русскій языкъ совмѣщаетъ въ себѣ и богатство и сладость языка греческаго и важность и сановитость латинскаго. „Не почитая ничего болѣе и первенственнѣе, говоритъ онъ, въ должностяхъ моихъ согражданскихъ, ревности къ служенію отечеству, и желая всесердечно оставить по себѣ живое засвидѣтельствованіе сея, пламенѣвшія во мнѣ всегда ревности, а въ памяти соотечественниковъ моихъ не умереть нѣкакъ и по смерти, отнюдь же не Иространа онаго Ефесскаго подобіемъ, принялся и я за сіе преложеніе Тилемаха" (3).—Къ торжественной одѣ о сдачѣ города Гданска (Данцига) Тредьяковскій приложилъ „Разсужденіе объ одѣ вообще", взятое изъ сочиненія Буало: „Discours sur l'ode". Это сочиненіе также было приложено Буало къ одѣ на взятіе Намура, которой Тредьяковскій подражалъ въ своей одѣ на сдачу Гданска. Въ разсужденіи онъ говоритъ о происхожденіи оды и, указывая на Пиндара и Горація, какъ на образцовыхъ лирическихъ поэтовъ, замѣчаетъ, что торжественную оду всего лучше охарактеризовалъ Буало въ слѣ-

(1) Разумѣется современный проповѣдникъ, Гедеонъ Криновскій, который въ одной своей проповѣди коснулся Телемахиды и Аргениды.

(2) Сочин.; т. II, стр. XLII—XLIII.—(3) Сочин., т. II, стр. LX.

дующемъ стихѣ своей поэмы:

> Son stile impétueux souvent marche au hazard,
> Chez elle un beau desordre est un effet de l'art,

который онъ перевелъ такимъ образомъ:

> «Быстра въ одѣ слога часто есть отваженъ ходъ,
> Красный безпорядокъ точно въ ней искусства плодъ» (1).

Въ двухъ предыдущихъ разсужденіяхъ изложены свѣдѣнія объ эпосѣ и лирической одѣ; свѣдѣнія же о драмѣ изложены въ „Разсужденіи о комедіи вообще", которое выбрано Тредьяковскимъ изъ сочиненій Брюмуа, Рапэна и Роллена и было приложено къ переводу „Евнуха" Теренція. О происхожденіи комедіи здѣсь сказано: „Первоначаліе комедіи есть столько же темно и неизвѣстно, сколько и трагедіи. Вѣроятно, впрочемъ, что онѣ обѣ зачались въ одной утробѣ т. е. въ забавахъ, бывшихъ у грековъ во время собиранія винограда". Далѣе Тредьяковскій говоритъ „о діонисіяхъ", объясняя, какъ изъ нихъ образовались трагедія и комедія, объ основателѣ трагедіи, Теспісѣ, и главныхъ трагикахъ, Эсхилѣ, Софоклѣ и Эврипидѣ. Говоря о комедіи, онъ замѣчаетъ: „Комедія есть моложе трагедіи и есть меньшая сестра той драмѣ". Затѣмъ онъ указываетъ на три періода греческой комедіи — древній, средній и новый, говоритъ объ Аристофанѣ, какъ представителѣ древней комедіи, и Менандрѣ, какъ представителѣ новой комедіи. Греческая комедія была перенесена къ Римлянамъ Ливіемъ Андроникомъ. Разсказывая объ этомъ, Тредьяковскій излагаетъ разные виды римской комедіи: comoedia palliata, praetextata, togata, atellana. Въ заключеніи онъ приводитъ мнѣніе о характерѣ и цѣли комедіи французскаго іезуита Рапеня: „Комедія есть изображеніе общаго жительства. Намѣреніе, съ какимъ она дѣлается, состоитъ въ томъ, чтобъ представить на театрѣ пороки простыхъ людей, дабы тѣмъ исцѣлить всенародные недостатки и исправить бы весь народъ боязнію осмѣянія. Итакъ смѣшное есть самое существо комедіи. Впрочемъ, есть смѣшное въ словахъ и есть смѣшное въ вещахъ. Смѣшное есть честное, и смѣшное есть скоморошеское" (2).

Ученіе о поэзіи и стихотворствѣ вообще изложено Тредьяковскимъ въ слѣдующихъ статьяхъ: „Мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ вообще"; „Письмо къ пріятелю о нынѣшней пользѣ гра-

---

(1) Сочин., т. I, стр. 279—280.
(2) Тамъ же, стр. 411—430.

жданству отъ поэзіи“; „Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ“; „О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи (стихосложеніи) россійскомъ“. Въ первой статьѣ: „Мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ вообще“ Тредьяковскій говоритъ: „Иное быть піитомъ, а иное стихи слагать. Прямое понятіе о поэзіи есть не то, чтобъ стихи составлять, но чтобъ творить, вымышлять и подражать. Твореніе есть расположеніе вещей, послѣ оныхъ избранія; вымышленіе есть изобрѣтеніе возможностей, то есть не такое представленіе дѣяній, каковы они сами въ себѣ, но какъ они быть могутъ, или долженствуютъ; а подражаніе есть слѣдованіе во всемъ естеству описаніемъ вещей и дѣлъ по вѣроятности и подобію правдѣ. Всякъ видитъ, что стихъ есть все не то: твореніе, вымышленіе и подражаніе есть душа и жизнь поэмы; но стихъ есть языкъ оныя. Поэзія есть внутреннее въ тѣхъ трехъ, а стихъ токмо наружное. Можно творить, вымышлять и подражать прозою; и можно представлять истинныя дѣйствія стихами“. Но изъ того, что поэтъ творитъ, вымышляетъ и подражаетъ, не слѣдуетъ однакожъ того, „чтобъ онъ былъ лживецъ. Ложь есть слово противъ разума и совѣсти;... піитическое вымышленіе бываетъ по разуму, то есть какъ вещь могла быть, или долженствовала. Піитъ также есть и не мастеровый человѣкъ; всякій художникъ дѣлаетъ разнымъ способомъ отъ піита. Творить по піитически есть подражать подобіемъ вещей возможныхъ, истинныхъ образу. Но другія художества рукомесленныя такъ дѣла свои представляютъ, какъ они прямо и дѣйствительно въ естествѣ находятся, или въ какомъ состояніи находились. Возможность піитическая есть возможность философская, разумомъ доказываемая; но возможность художническая есть возможность равно какъ историческая, коя повѣствуется, а отъ художниковъ, будто какъ истиннымъ повѣствованіемъ, механически производится и истинно представляется“... „Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что иное есть поэзія, а иное совсѣмъ стихосложеніе“ (¹). Затѣмъ представляются разныя сказанія и мнѣнія о происхожденіи поэзіи, начиная съ греческихъ миѳовъ объ Аполлонѣ и Бахусѣ; при изложеніи этихъ мнѣній Тредьяковскій говоритъ о поэзіи: „Праведно утверждается, что она влита въ человѣческіи разумы отъ Бога. Но кто первый изъ человѣковъ ощутилъ въ себѣ такую способность и началъ творить, вымышлять и подражать естеству? Для сего надобно взойти до первыхъ человѣковъ. Священное писаніе (въ книгѣ Бытія 4, 21) предъизъявляетъ, что Іувалъ, меньшій братъ Іовила, начавшаго жить въ кибиткахъ и упражняться въ пастушеской должности, прежде потопа, и не-

---

(¹) Сочин., т. I, стр. 181—183.

много послѣ созданія свѣта, есть показатель пѣвницы и гуслей. Чего же больше? Сей есть точно первый изъ человѣковъ, который ощутилъ въ себѣ оное божеское движеніе въ разумѣ. Сей есть самый первый піитъ и первый музыкантъ... Того ради праведно говоритъ господинъ де Фонтенель въ красной своей рѣчи о натурѣ эклоги: „Пастушеская поэзія есть древнѣйшая изъ всѣхъ поэзій, для того, что пастушеское состояніе есть старѣе всѣхъ состояній. Весьма вѣроятно, продолжаетъ онъ, что первыи пастухи вздумали, въ спокойствіи своемъ и праздности, пѣть увеселенія свои и любовь; да и вводили они по пристойности часто въ тѣ пѣсни стада свои, лѣса, источники и всѣ вещи, кои знакомѣе имъ были. Итакъ, распространеніе поэзіи сдѣлалось отъ пастуховъ разныхъ племенъ, а самое начало произошло отъ Іувала, Ламехова сына пастуха жъ".—Объяснивъ начало поэзіи, Тредьяковскій высказываетъ предположеніе о началѣ стиховъ и приписываетъ выраженіе мыслей размѣреннымъ языкомъ жрецамъ. „Сіе равнымъ образомъ, дѣлаетъ онъ къ этому примѣчаніе, я разумѣю и о нашихъ самыхъ первоначальныхъ стихахъ. Вѣроятно по всему, что и наши поганскіи жрецы были первыми у насъ стихотворцами. И хотя нѣтъ ни одного, оставшагося у насъ образчика языческія нашея поэзіи, однако видно и нынѣ по мужицкимъ пѣснямъ, что древнѣйшіе стихи наши, бывшіи въ употребленіи у жрецовъ нашихъ, состояли стопами, были безъ риѳмъ, и имѣли тоническое количество слоговъ, да и односложныя слова почитались по вольности общими". Статья оканчивается разсужденіемъ о цѣли поэзіи. При этомъ Тредьяковскій приводитъ слѣдующее мѣсто изъ древней исторіи Роллена: „Сія наука родилась посрединѣ празднованій, учрежденныхъ въ честь Высочайшему Существу... Моисей, вѣдомый намъ какъ первый законодавецъ въ свѣтѣ, есть совокупно и высочайшій изъ піитовъ. Въ писаніяхъ его начинающаяся поэзія является вдругъ совершенною для того, что самъ Богъ онную въ него вдыхаетъ... Пророки и псалмы представляютъ предъ насъ еще подобныи жъ образцы... Когда же человѣки перенесли на твари почтеніе, должное токмо Творцу, тогда и поэзія слѣдовала за участію закона, однако всегда храня слѣды перваго своего начала. Употребили ее въ начатіи на возблагодареніе ложнымъ богамъ, за ихъ мнимыя благодѣянія, и на испрошеніе отъ нихъ новыхъ... Гезіодъ составилъ стихами родословіе боговъ; нѣкто изъ весьма древнихъ піитовъ сочинилъ гимны, кои обыкновенно приписываются Гомеру; Каллимахъ потомъ изложилъ подобные жъ.... Едино изъ главныхъ намѣреній поэзіи... состояло также въ томъ, чтобъ исправлять нравы... Эпическая поэма намѣрилась съ самаго начала подавать намъ наставленія, прикрытыя аллегоріею

важнаго и героическаго дѣйствія. Ода прославлять дѣянія великихъ людей, и чрезъ то привлещи всѣхъ другихъ къ подражанію онымъ. Трагедія вдохнуть въ насъ ужасъ отъ злодѣянія смертоносными послѣдованіями, кои происходятъ отъ онаго, а почтеніе къ добродѣтели праведными ей похвалами и воздаяніями, которыя за нею слѣдуютъ. Комедія и сатира, исправить насъ забавляя, и воевать непримирительно на пороки и на все, что смѣха достойно. Элегія проливать слезы на гробѣ особъ, заслужившихъ сожалѣніе. Эклога воспѣвать беззлобіе и увеселенія поселянскаго и пастушескаго житія" (1). „Письмо о нынѣшней пользѣ гражданству отъ поэзіи" можетъ быть разсматриваемо какъ дополненіе къ этой статьѣ, такъ какъ въ немъ также излагаются мысли о значеніи, какое поэзія имѣла прежде и какое имѣетъ нынѣ. „Прежде стихи, говорится здѣсь, были нужное и полезное дѣло, а нынѣ утѣшная и веселая забава, да къ тому жъ плодъ богатаго мечтанія къ заслуженію не того вещественнаго награжденія, которое есть нужно къ препровожденію жизни, но такова воздаянія, кое часто есть пустая и скоро забываемая похвала и слава... Потолику между ученіями словесными надобны стихи, поколику фрукты и конфекты на богатый столъ по твердыхъ кушаніяхъ" (2). Въ „Способѣ къ сложенію россійскихъ стиховъ" изложена теорія тоническаго стихосложенія. Доказывая непригодность для русскаго языка метрическаго и силлабическаго стихосложенія, Тредьяковскій говоритъ, что русскому языку свойственно стихосложеніе тоническое, основанное на тонѣ, или удареніи, и въ подкрѣпленіе своей мысли ссылается на народныя пѣсни, которыя изложены тоническимъ размѣромъ. Съ этой статьей имѣетъ связь статья *„О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ"*. Подъ *древнимъ* стихотвореніемъ здѣсь разумѣется первоначальное стихотвореніе временъ еще языческихъ, когда главными слагателями стиховъ были, думаетъ Тредьяковскій, жрецы. „Количество его слоговъ было тоническое, или что тожъ въ одномъ удареніи силами слоговъ состоящее... Простонародныя наши, и тѣ самыя древнія пѣсни, сіе точно свойство въ стихосложеніи своемъ имѣютъ... Народный составъ стиховъ есть подлинный списокъ съ богослужительскаго... Простонародное стихосложеніе, *за подлость* стихотворцевъ и матерій, отъ честныхъ и саномъ знаменитыхъ людей презираемо было всеконечно, такъ что и понынѣ, но уже незнающіе и суетно строптивые люди.... зазираютъ неосновательно, ежели кто народную старинную пѣсню приведетъ токмо въ свидѣтельство на письмѣ"... Подъ среднимъ стихосложеніемъ Тредьяковскій разумѣетъ стихо-

---

(1) Сочин., т. I, стр. 187—190; 194; 196—201.
(2) Тамъ же, стр. 206—208.

сложеніе силлабическое, перешедшее къ намъ изъ Польши въ XVII в. При этомъ онъ упоминаетъ о Мелетіи Смотрицкомъ, который хотѣлъ ввести метрическое стихосложеніе. „Приступая къ описанію *новаго* нашего стихосложенія, нынѣ отъ всѣхъ стихотворцевъ у насъ воспріятаго... принужденъ объявить, говоритъ Тредьяковскій, съ нѣкоторымъ по истинѣ устыдѣніемъ и внутреннимъ отвращеніемъ, хотя и сущую правду, что я въ немъ самое первое и главнѣйшее участіе имѣю". Это новое стихосложеніе есть тоническое, основанное на возвышеніи и пониженіи голоса въ складахъ просодіею (1). На возраженіе нѣкоторыхъ, что онъ новое стихосложеніе взялъ съ французскаго стихосложенія, Тредьяковскій отвѣчалъ: „Поэзія нашего простаго народа къ сему меня довела. Даромъ, что слогъ ея весьма некрасный, отъ неискусства слагающихъ; но слатчайшее, пріятнѣйшее и правильнѣйшее разнообразныхъ ея стопъ, нежели тогда греческихъ и латінскихъ, паденіе подало мнѣ непогрѣшительное руководство къ введенію въ новый мой эксаметръ и пентаметръ... Подлинно, почти всѣ званія, при стіхѣ употребляемыя, занялъ я у французской версіфікаціи; но самое дѣло у самой нашей природной наидревнѣйшей оныхъ простыхъ людей поэзіи".

О другой области литературы—о прозаическихъ сочиненіяхъ Тредьяковскій разсуждаетъ въ „*Словѣ о богатомъ, различномъ, искусномъ и несходственномъ витійствѣ*". Подъ витійствомъ разумѣется элоквенція, или краснорѣчіе, какъ тогда называлась вся область прозаической литературы. Тредьяковскій указываетъ здѣсь прежде всего на обширный объемъ краснорѣчія и значеніе его для всѣхъ наукъ, утверждая, что ни одна изъ нихъ не можетъ обойтись безъ него: „Въ толикомъ множествѣ наукъ и знаній... сколько безчисленныхъ числомъ вещей ни содержится, однако онѣ всѣ токмо что чрезъ элоквенцію говорятъ. Но, хотяжъ всѣ оныя вещи не могутъ безъ элоквенціи имѣть голоса, однако, понеже всѣ сіи знанія и науки особливыми состоятъ классами, то какъ со стороны нѣкоторымъ образомъ занимаютъ помощь у элоквенціи, но впрочемъ такъ опи ту у нея занимаютъ, что не могутъ не занимать. Чего ради посмотримъ теперь на оныя ученія, которыя элоквенція раждаетъ, питаетъ, украшаетъ, производитъ, и которымъ она и предводительница, и сама съ ними совокупно идетъ, и за ними слѣдуетъ, то есть которыя всѣ не что иное, какъ сама царица элоквенція, на разныхъ и разнымъ образомъ престолахъ сидящая и лучами величества своего повсюду сіяющая" (2).

(1) Сочин., т. I, стр. 783—784.
(2) Сочин., т. III, стр. 560—561.

Далѣе перечисляются разныя науки: исторія, археологія, миѳологія, филологія и др. Краснорѣчіе весьма *разнообразно* (различно), такъ какъ существуетъ у разныхъ народовъ, на разнообразныхъ языкахъ. Всего болѣе, конечно, надобно стараться объ изученіи краснорѣчія отечественнаго. Никогда нельзя привыкнуть владѣть чужимъ языкомъ такъ свободно, какъ своимъ роднымъ: „въ природномъ языкѣ все само собою течетъ и какъ бы на концѣ языка или пера слова раждаются“. А главнымъ образомъ, только на своемъ родномъ языкѣ можно принести всего больше пользы своему отечеству и своему народу. „Наиблагоразсуднѣйше жившіе прежде народы дѣлали, которые всѣ, ничего святяе сограждань своихъ пользы не почитая, сочиненія свои, или наставленію, или повѣствованію, или увеселенію служащія, природнымъ языкомъ и написали, и предали, и потомкамъ своимъ оставили. Кто изъ древнихъ грековъ... издалъ что-нибудь не по гречески? кто изъ прежнихъ римлянъ?. .. Никто, по истинѣ никто изъ нихъ. Ибо всѣ римляны что ни писали, то все по латинѣ писали. Но для чего? Чтобъ отечества и сограждань своихъ пользѣ дѣйствительнѣе услужить. А чего жъ ради не лучше по гречески, толь наипаче, что они всѣ въ греческомъ языкѣ весьма искусны были? Чтобъ, сверхъ пользы отечеству, собственныя имъ важности честь сохранить, для того, что по мнѣнію римскаго сатирика Ювенала, стыдняе латинамъ не знать полатинѣ. Всѣмъ ученымъ людямъ совершенно вѣдомо, что Тиберій цесарь римской и извиненія прежде просилъ у сенаторовъ, что одно токмо чужестранное слово ему, предъ ними говоря, употребить надлежало“. Но, чтобы имѣть время заниматься своимъ языкомъ, прежде нужно перевести все лучшее съ чужихъ языковъ на свой языкъ. „Итакъ да переводятъ, которые цвѣтутъ изъ нашихъ искусствомъ языковъ, все что преизряднѣйшее, все что полезнѣйшее, все что достойнѣйшее въ чужихъ языкахъ на нашъ россійской языкъ, да обогащаютъ Россію выборнѣйшими книгами.... Но однако да не возверадятъ ученые наши также и собственнымъ своимъ трудомъ что-нибудь между тѣмъ сочиненное обществу подавать. Всегда удивляться чужому искусству, а собственныхъ силъ не отвѣдывать, и о собственномъ искусствѣ не стараться, знакъ есть незнанія и лѣности, или, по крайней мѣрѣ, ненадѣянія къ сдѣланію равнаго, хотя бы ужъ и такова, которое бы весьма мало не равнялось“ (1). Подъ *искуснымъ* (искусственнымъ, художественнымъ) краснорѣчіемъ Тредьяковскій разумѣетъ украшенный слогъ и потому разсуждаетъ о разныхъ тропахъ. Подъ *несходственнымъ* краснорѣчіемъ

(1) Сочин., т. III, стр. 575; 578—579; 584—585.

онъ разумѣетъ то, что хотя по предмету краснорѣчіе одно, но въ писателяхъ обнаруживается неодинаково, напр. въ Демосѳенѣ, Исократѣ, Цицеронѣ, слѣд. разумѣетъ то, что мы называемъ *различіемъ слога* у разныхъ писателей. Наконецъ, нужно упомянуть еще объ обширномъ *„Разговорѣ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ объ ортографіи старинной и новой“*. Этотъ разговоръ составленъ Тредьяковскимъ по образцу разговора Эразма Роттердамскаго о произношеніи въ греческомъ и латинскомъ языкѣ и состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой части говорится о произношеніи вообще и въ частности буквы і; во второй части разбирается прежнее правописаніе и доказывается, что оно неправильно, заимствовано изъ греческаго языка и для нашего языка не пригодно; въ третьей части рекомендуется новое правописаніе, основаніемъ для котораго должно служить устное произношеніе словъ т. е. должно писать слова такъ, какъ они произносятся въ устномъ разговорѣ. Въ этомъ положеніи Тредьяковскій опирается на Квинтиліана, который говорилъ: „Sic scribendum quidque judico quomodo sonat; hic enim usus est litterarum, ut custodiant voces et velut depositum reddant legentibus“ (¹). Но произношеніе словъ разнообразно и чрезвычайно измѣняется; одни и тѣ же слова въ разныхъ областяхъ и въ разныхъ нарѣчіяхъ произносятся различно. Поэтому, на основаніи устнаго произношенія, никакъ нельзя установить однообразнаго правописанія. Оно должно быть основано на грамматическихъ правилахъ языка...

Такимъ образомъ, Тредьяковскій въ своихъ разсужденіяхъ касался почти всѣхъ существенныхъ пунктовъ въ области языка и словесности. Пользуясь при этомъ разными сочиненіями, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, преимущественно же латинскихъ и французскихъ, писателей, онъ познакомилъ русскихъ съ существовавшею въ то время въ европейскихъ литературахъ ложно-классическою теоріею поэзіи и перенесъ ее въ русскую литературу. Поэтому онъ можетъ быть названъ первымъ по времени теоретикомъ въ новой нашей словесности вообще; въ частности же въ области стихотворства онъ первый началъ доказывать непригодность для русскаго языка метрическаго и силлабическаго стиха и стремился ввести стихосложеніе тоническое.

Стихотворенія Тредьяковскаго. Но, къ несчастію, Тредьяковскій былъ исключительно теоретикомъ; какъ только начиналъ прилагать свои свѣдѣнія къ дѣлу, на практикѣ, такъ и оказывался вполнѣ несостоятельнымъ: все у него выходило уродливо, без-

---

(¹) Сочин., т. III, стр. 126.

образно. Правильно понимая характеръ и требованія поэтическаго искусства и стихосложенія, онъ не въ состояніи былъ написать ни одного хорошаго стихотворенія. Кто изъ не посвященныхъ въ дѣло можетъ подумать, что слѣдующіе напр. стихи, заимствованные изъ лучшей оды *„На сдачу города Гданска“* (т. е. Данцига, взятаго Минихомъ, во время Польской войны въ 1734 г.), написаны тѣмъ же самымъ Тредьяковскимъ, который въ своихъ разсужденіяхъ высказалъ столько здравыхъ мыслей о поэзіи и стихосложеніи?....

«Кое странное піанство
Къ пѣнію мой гласъ бодритъ!
Вы, парнасское убранство,
Музы! умъ не васъ ли зритъ?
Струны ваши сладкогласны,
Мѣру, лики слышу красны;
Пламень въ мысляхъ возстаетъ.
О, народы всѣ внемлите;
Бурны вѣтры не шумите
Анну стіхъ мой воспоетъ.

Се брящаю въ ліру сладку
Велелѣпно торжество,
Къ вящшему враговъ упадку,
Величая ликовство.
О, коль доблественна сила
Нашу радость украсила!
Силѣ равнаго борца,
Свѣтлой радости нѣтъ мѣры,
Превосшедшей всѣ примѣры,
Усладившей въ насъ сердца.

Самъ Нептунъ что ль строилъ стѣны?
Сіи при морѣ стоятъ.
Нѣтъ ли Тройскимъ къ нимъ примѣны,
Что пустить внутрь не хотятъ
Русско воинство обильно,
И тому противясь сильно?
Віслою тамъ всѣ рѣкой
Не Скамандрулъ называютъ?
Не за Ідулъ принимаютъ
Стольценбергъ, кой есть горой.

То не матерь басней Троя,
Не одинъ тутъ Ахіллесъ;

Каждый рядовой изъ строя
Мужествомъ есть Геркулесъ.
Чтожъ за Властъ перуны мещетъ?
Не Мінервалъ шлёмомъ блещетъ?
Явно, что отъ горьнихъ лицъ,
Со всего богиня вида;
Безъ щита страшна эгида,
Анна, верхъ Імператрицъ» (1).

Эта ода составляетъ подражаніе одѣ Буало: „На взятіе Намура". Она была написана Тредьяковскимъ сначала силлабическими стихами, а потомъ переложена на тоническій размѣръ. Характеризуя языкъ и складъ стиха Тредьяковскаго, она въ то же время показываетъ, до какой степени онъ подражалъ классической одѣ. Въ стихотвореніе, изображающее побѣду русскихъ, онъ внесъ миѳическую обстановку. Здѣсь есть и музы, и сладкогласныя струны лиры, и Нептунъ, и Геркулесъ, и Минерва. Стѣны Данцига напоминаютъ ему Троянскія стѣны, Висла— рѣку Скамандръ, гора Стольценбергъ—гору Иду; каждый воинъ напоминаетъ Ахиллеса или Геркулеса, а императрица Анна сравнивается съ Минервой, блещущей шлемомъ.

Пушкинъ, какъ замѣчено выше, похвалилъ Тредьяковскаго, между прочимъ, и за то, что онъ для перевода поэмы Фенелона выбралъ гексаметръ; но гексаметръ Тредьяковскаго былъ до того уродливъ, что послѣ него, въ продолженіе 50 лѣтъ, боясь осмѣянія, никто не осмѣливался писать имъ; только уже Гнѣдичъ, переводя Иліаду, рѣшился, какъ онъ выразился, „отвязать отъ позорнаго столба стихъ Гомера и Виргилія, прикованный къ нему Тредьяковскимъ". Вотъ для образца два отрывка изъ Телемахиды.

Начало поэмы, съ воззваніемъ къ музѣ самого Тредьяковскаго:

«Древня размѣра стіхомъ пою отцелюбнаго сына,
Кой, отъ природныхъ бреговъ поплывъ, и странствуя долго,
Былъ провождаемъ вездѣ Палладою Ментора въ видѣ.
Много жъ коль ни страдалъ отъ гнѣвныя онъ Афродіты
За любострастныхъ сея утѣхъ презоръ съ омерзѣньми;
Но прикровенна Премудрость съ нимъ отъ всѣхъ бѣдъ избавляла,
И возвратившуся въ домъ даровала рождшаго видѣть.
Странно ль, быть добродѣтели такъ увѣнчанной успѣхомъ?
Муса! повѣждь и вину и конецъ путешествій сыновскихъ,
Купно въ премѣнѣ царствъ и людей приключенія разны»....
. . . .

---

(1) Сочин., т. I, стр. 271—272.

«Въ крайней тоскѣ завсегда уже пребывала Калуѱса,
И не могла ничѣмъ своего внутрь сердца утѣшить,
Послѣ какъ прочь отъ нея отторгся Одуссъ невозвратно.
Въ горести той себя пренесчастливу симъ почитала,
Что естества была нетлѣніемъ въ вѣки безсмертна.
Нѣдра пещеры ея ни пѣсньми къ тому не гласили:
Нумфы, служебницы ей, ни словажъ не смѣли промолвить.
Часто сама одна по лугамъ ходила цвѣтущимъ,
Коими островъ тотъ опушала весна вѣковѣчна.
Но такія прекрасны мѣста не токмо болѣзни
Въ ней утолять не могли, еще на печальную память
Болѣй Одусса, тольми созерцаніяго, ей приводили.
Многажды то на брегѣ морскомъ стояла недвижно,
Кой орошала, какъ дождь проливая, своими слезами,
И непрестанно смотря туда, гдѣ корабль Одуссеевъ,
Бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся» (1).

Такая неуклюжесть стиховъ, конечно, много зависѣла и отъ совершенной необработанности русскаго языка; на французскомъ языкѣ Тредьяковскій писалъ стихи гораздо лучше. Но главная причина ея заключалась въ отсутствіи у Тредьяковскаго поэтическаго таланта и художественнаго вкуса. Между тѣмъ, Тредьяковскій, не сознавая этого, считалъ себя первымъ русскимъ поэтомъ и потому еще болѣе смѣшнымъ казался своимъ современникамъ. Большинству современниковъ, разумѣется, и извѣстны были только его стихотворенія, но не были извѣстны, или по крайней мѣрѣ не были доступны для пониманія его ученыя сочиненія. Къ сожалѣнію, и нравственный характеръ Тредьяковскаго не могъ возбуждать къ нему симпатіи: онъ былъ мелоченъ, кстати и некстати похвалялся своими заслугами русской поэзіи, гордо держалъ себя съ низшими и въ то же время унижался предъ высшими и льстилъ имъ. Этимъ объясняютъ то, почему большинство смотрѣло на него почти какъ на шута. надъ которымъ можно смѣяться всячески и даже оскорблять безнаказанно; но этимъ нельзя объяснить того возмутительнаго поступка, какой позволилъ себѣ сдѣлать съ нимъ вельможа Волынскій. Въ 1740 г. для увеселенія скучавшей импер. Анны Іоанновны на Невѣ построили „Ледяной домъ“, для того, чтобы въ немъ сдѣлать свадьбу одного придворнаго шута. Распоряжавшійся устроеніемъ этого праздника, Волынскій вздумалъ поручить Тредьяковскому сочинить стихи на праздникъ, и одному кадету, Криницыну, приказалъ привести его на слоновый дворъ, гдѣ дѣлались приготовленія для маскарада. Кадетъ обошелся съ Тредьяковскимъ такъ насмѣшливо и грубо, что Тредьяковскій пожаловался на него Волынскому. Волынскій, не разобравъ дѣла, вмѣсто того, чтобы

(1) Соч., том. II, стр. 1—3.

сдѣлать выговоръ кадету, началъ бранить и бить самого Тредьяковскаго „предъ всѣми толь немилостиво по обѣимъ щекамъ, что правое ухо оглушилъ, а лѣвый глазъ подбилъ, что онъ изволилъ чинить въ три или четыре пріема", а потомъ велѣлъ бить его еще и кадету. Послѣ такихъ побоевъ Тредьяковскому дали тему для сочиненія стиховъ и отправили домой. Глубоко оскорбленный, Тредьяковскій хотя и сочинилъ стихи, но рѣшился принести жалобу на Волынскаго врагу его, герцогу Бирону, и для того утромъ на другой день явился во дворецъ. Но здѣсь, прежде выхода Бирона, его увидѣлъ Волынскій и опять началъ бранить и бить: „велѣлъ, говоритъ Тредьяковскій, снять съ меня шпагу съ великой яростію и всего оборвать и положить и бить палкою по голой спинѣ такъ жестоко и немилостиво, что, какъ мнѣ сказывали уже послѣ, дали мнѣ съ семьдесятъ ударовъ". Потомъ, Тредьяковскій, по приказанію Волынскаго, былъ отправленъ „подъ караулъ", гдѣ и оставался цѣлыя сутки до праздника. Въ праздникъ въ маскарадномъ платьѣ и въ маскѣ „подъ карауломъ" привели его „въ потѣшную залу" и заставили прочитать наизусть сочиненные имъ стихи. Затѣмъ Волынскій опять велѣлъ его отправить „подъ караулъ", откуда выпустилъ его уже на другой день, предварительно еще побивъ его палкою. Все это Тредьяковскій самъ описалъ въ своемъ рапортѣ въ Академію Наукъ ([1]). Характеризуя дикую самоуправную натуру Волынскаго, этотъ возмутительный фактъ ясно свидѣтельствуетъ также и вообще о страшной грубости нравовъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, допускавшемъ такое беззаконное самоуправство съ поэтомъ и писателемъ. Особенно тяжелымъ положеніе Тредьяковскаго сдѣлалось въ то время, когда на литературномъ поприщѣ явились Ломоносовъ и Сумароковъ и своими произведеніями совершенно его заслонили. Тогда онъ совсѣмъ потерялъ равновѣсіе и ниже и ниже сталъ падать. Завидуя славѣ Ломоносова и Сумарокова, онъ постоянно ссорился съ ними и даже позволялъ себѣ дѣлать доносы на нихъ, стараясь заподозрить ихъ въ невѣріи. Враждебныя отношенія къ Ломоносову начались у него съ самаго перваго времени послѣ возвращенія Ломоносова изъ-за границы въ 1740 г. и съ небольшими перерывами продолжались болѣе 20 лѣтъ. Вступленіе Ломоносова въ академическую конференцію въ качествѣ адъюнкта въ 1742 г. возбудило въ немъ зависть и въ это время онъ составилъ на него эпиграмму „*Самохвалъ*", которая была напечатана уже только въ 1752 г. ([2]). Умеръ Тредьяковскій въ 1769 г.; но и по смерти онъ долго былъ предметомъ насмѣшки. Извѣстно, что въ эрмитажѣ имнер. Екатерины II

([1]) Сочин., т. I, стр. 796—801.

([2]) Сборн. матер. Куника, стр. XL.

установлено было шуточное наказаніе—за легкую вину выпить стаканъ холодной воды и прочесть страницу изъ Телемахиды, а за важнѣйшую вину—выучить изъ нея шесть строкъ наизусть. Думалъ ли Тредьяковскій, что его переводъ Телемахиды, которымъ онъ хотѣлъ оказать услугу отечеству, получитъ такое оскорбительное назначеніе? Но въ настоящее время исторія, оставляя въ сторонѣ стихотворство Тредьяковскаго, смотритъ на него уже какъ на замѣчательнаго ученаго, который своими переводными и оригинальными сочиненіями принесъ несомнѣнную пользу русской литературѣ.

СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ И ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Идеи Петра В. о русскомъ образованіи, о воспитаніи „изъ природныхъ россіянъ“ такихъ людей, которые бы повсюду—въ наукѣ, промышленности, въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ, могли современемъ замѣнить иностранцевъ, задержанныя въ своемъ развитіи борьбою придворныхъ партій при Екатеринѣ I и Петрѣ II, а потомъ продолжительнымъ господствомъ Бирона и вообще нѣмецкой партіи въ правленіе Анны Іоанновны, должны были возникнуть снова при Елисаветѣ Петровнѣ, которая, какъ дочь Петра, явилась продолжательницей его плановъ и во всемъ хотѣла слѣдовать его правиламъ. „Съ первыхъ же дней царствованія Елисаветы, говоритъ Соловьевъ, видно было, что національное движеніе будетъ состоять въ возвращеніи къ правиламъ Петра В., а правило Петра было всѣмъ извѣстно: должно пользоваться искусными иностранцами, принимать ихъ въ службу, но не давать имъ предпочтенія предъ русскими и важнѣйшія мѣста въ управленіи занимать исключительно послѣдними“ (1). При Елисаветѣ, дѣйствительно, вмѣсто иностранцевъ, занимавшихъ самыя важныя должности въ государствѣ, явились русскіе люди—Бестужевъ-Рюминъ, Воронцовы, Разумовскіе, Шуваловы и др. Президентомъ Академіи Наукъ былъ сдѣланъ въ 1746 г. братъ любимца Елисаветы, графъ К. Г. Разумовскій. Подъ его вліяніемъ, въ слѣдующемъ 1747 г. былъ составленъ новый Регламентъ Академіи Наукъ. Въ этомъ Регламентѣ, между прочимъ, въ члены Академіи предлагалось избирать не однихъ иностранцевъ, но и русскихъ, въ адъюнкты же Академіи преимущественно русскихъ; оффиціальными языками для Академіи были признаны только латинскій и русскій; на этихъ же только двухъ языкахъ должны были читаться и лекціи по всѣмъ наукамъ въ академическомъ университетѣ. Наконецъ, при Разумовскомъ, между чле-

(1) Ист. Россіи, XXI, 177.

нами Академіи, кромѣ Ломоносова и Тредьяковскаго, явилось еще нѣсколько русскихъ ученыхъ, каковы были Крашенинниковъ, Поповъ, Котельниковъ, Румовскій, Козицкій и др. Къ сожалѣнію, Регламентъ Академіи былъ составленъ путемъ чисто административнымъ, только двумя членами академической конференціи, Шумахеромъ и Тепловымъ, безъ всякаго участія со стороны академиковъ. На первомъ мѣстѣ, выше всего была поставлена академическая канцелярія, которой были подчинены всѣ дѣла Академіи, не только экономическія, но и ученыя и учебныя. Это стѣсняло дѣятельность академиковъ и было вредно для науки. Дѣла въ Академіи пошли дурно, явились разные безпорядки, и нѣкоторые изъ иностранныхъ академиковъ, недовольные положеніемъ Академіи, уѣхали изъ Россіи (1). Послѣ Разумовскаго, самымъ вліятельнымъ лицомъ во вторую половину царствованія Елисаветы былъ И. И. Шуваловъ (2). Шуваловъ воспитывался за границей, во Франціи; не смотря на то, онъ былъ чисто русскимъ человѣкомъ и глубокимъ патріотомъ. Познакомившись съ европейскимъ образованіемъ, наукой и искусствомъ, онъ стремился распространить ихъ въ Россіи. Это стремленіе сблизило его съ другимъ русскимъ патріотомъ, геніальнымъ Ломоносовымъ; оно побуждало его покровительствовать Сумарокову и другимъ поэтамъ, ученымъ и художникамъ и пріобрѣло ему у современниковъ названіе „Россійскаго Мецената". Самымъ важнымъ фактомъ просвѣщенной дѣятельности Шувалова было основаніе перваго въ Россіи Московскаго университета и двухъ первыхъ гимназій въ Москвѣ. Академія Наукъ, по мысли Петра В., должна была приготовлять ученыхъ и образованныхъ людей изъ русскихъ; для этой цѣли, при Академіи открыты были университетъ и гимназія. Но академическое начальство плохо заботилось объ этихъ заведеніяхъ, и русскихъ образованныхъ людей выходило изъ нихъ мало. Шувалову пришла мысль открыть отдѣльный и самостоятельный университетъ и отдѣльныя гимназіи (3). Въ 1754 г. онъ

---

(1) Ист. Академіи Наукъ Пекарскаго, II, XXVII—XXXIII.

(2) Жизнь Шувалова, описанная кн. Ѳ. Н. Голицынымъ. Москва. 1853 г. № 5: Благодарное воспоминаніе о Шуваловѣ С. М. Соловьева 12 янв. 1855 г. И. И. Шуваловъ г. Бартенева. Русск. Бесѣда 1857 г. № 1. Письма Шувалова. Библ. Зап. 1861 г. № 12.

(3) Соловьевъ думаетъ, что такая мысль могла быть прямо внушена Шувалову Ломоносовымъ, или поддержана имъ; по крайней мѣрѣ Ломоносовъ говоритъ, что онъ «первый причину подалъ къ основанію университета». Какъ видно, во время пребыванія двора въ Москвѣ въ 1754 г. было рѣшено дѣло объ основаніи университета въ этой столицѣ; Шуваловъ, по возвращеніи въ Петербургъ, объявилъ объ этомъ Ломоносову, а вслѣдъ затѣмъ прислалъ ему чер-

представилъ Сенату проектъ объ учрежденіи въ Москвѣ университета и двухъ гимназій; импер. Елисавета утвердила его 12 января 1755 г., а 25 апрѣля университетъ былъ открытъ. При открытіи университета, первый изъ русскихъ профессоровъ его, Барсовъ, въ своей рѣчи сказалъ объ университетѣ: „въ немъ императрица самое ученіе все своему народу даровала; ибо съ именемъ университета должно представлять все собраніе потребныхъ въ жизни человѣческой наукъ, весь кругъ просвѣщающаго разумъ знанія"; а на первомъ актѣ университетскомъ, чрезъ годъ послѣ открытія, другой русскій профессоръ, Поповскій, изобразилъ его значеніе для Россіи въ такихъ словахъ: „Безчисленныя тысячи нашего потомства, прежде еще своего рожденія, симъ благодѣяніемъ уже обязаны.... Дождемся блаженнаго онаго времени, когда изъ сего, премудрою государынею учрежденнаго, мѣста произойдутъ судіи, правду отъ клеветы отдѣляющіе, полководцы, на морѣ и на землѣ спокойство своего отечества утверждающіе; когда процвѣтутъ здѣсь мужи, закрытыя натуры таинства открывающіе" (1). Московскій университетъ сдѣлался центромъ того высшаго образованія, къ которому начали стремиться русскіе люди со времени реформы (2). Богатыя и знатныя фамиліи приглашали къ себѣ для воспитанія дѣтей иностранцевъ, но, не въ состояніи будучи судить о достоинствѣ учителей, часто брали такихъ, которые на своей родинѣ были лакеями, парикмахерами, или какими-нибудь ремесленниками. Московскій университетъ долженъ былъ приготовлять русскихъ учителей и воспитателей, которые изъ Москвы распространяли бы свое вліяніе на всю Россію и дали бы возможность основать русскія училища. Фонъ-Визинъ въ своей автобіографіи говоритъ, что отецъ его „не мѣшкалъ, можно сказать, ни сутокъ отдачею его и брата его въ университетъ, какъ скоро онъ учрежденъ сталъ". Такъ поступали и другіе. Между первыми воспитанниками университета, въ первые 10 лѣтъ, мы встрѣчаемъ, кромѣ Фонъ-Визина, имена Димитрія Аничкова, бывшаго потомъ профессоромъ философіи и математики въ университетѣ,

---

новое доношеніе въ Сенатъ объ основаніи университета. Ломоносовъ послалъ ему свое мнѣніе объ устройствѣ будущаго университета, наскоро набросанное, приписавъ слѣдующее: «Не въ указъ вашему превосходительству совѣтую не торопиться, чтобы послѣ не передѣлывать. Ежели дней полдесятка обождать можно, то я цѣлый полный планъ предложить могу непремѣнно». Истор. Россіи, XXIII, 337.

(1) Ист. Москов. университета, стр. 18, 21.

(2) Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія. И. Иконникова. Вѣст. Европы. 1876, сентябрь.

Якова Булгакова, бывшаго посланникомъ въ Константинополѣ, Григорія Потемкина, будущаго князя Таврическаго, князя Лопухина, предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Домашнева, вице-президента Академіи Наукъ, и др. Весьма сильнымъ побужденіемъ къ поступленію въ университетъ долженъ былъ служить и указъ императрицы, изданный 17 мая 1756 г., по которому ученіе въ университетѣ, составляя прямой путь къ высшимъ мѣстамъ государственной службы, само по себѣ ставилось наравнѣ съ первоначальною службою По этому указу позволено было недорослямъ изъ шляхетства, бывшимъ въ указанное время на смотрахъ, учиться въ университетѣ до 16 лѣтъ, а по склонности къ наукамъ и до 20 лѣтъ; успѣвшихъ въ наукахъ повелѣно опредѣлять въ штатскіе чины, по достоинствамъ ихъ, и давать имъ ранги оберъ-офицеровъ арміи; записаннымъ въ военную и гражданскую службу дозволялось въ одно и то же время учиться и числиться по службѣ съ производствомъ чиновъ; тѣхъ же, которые сверхъ 20 лѣтъ желали изучать высшія науки, повелѣно представлять Правительствующему Сенату ([1]). 3 іюля 1756 г. была открыта въ университетѣ „для любителей наукъ и охотниковъ до чтенія библіотека, состоящая изъ знатнаго числа книгъ на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ“ и съ тѣхъ поръ всегда была отворена по средамъ и субботамъ, отъ 2 до 5 часовъ пополудни. Съ 25 апрѣля того же 1756 года началось при университетѣ изданіе „Московскихъ Вѣдомостей“, которыя стали издавать первые профессора словесности, Поповскій и Барсовъ, и которыя, сдѣлавшись прямымъ органомъ Московскаго университета, сообщали въ то же время русской публикѣ о всѣхъ замѣчательныхъ событіяхъ въ Россіи и Западной Европѣ. - Такое значеніе получилъ Московскій университетъ съ самаго начала основанія; впослѣдствіи онъ послужилъ образцомъ при учрежденіи другихъ университетовъ. Московскія же гимназіи послужили образцомъ, при заведеніи другихъ гимназій. Первою изъ нихъ была Казанская гимназія, открытая въ 1760 г. Впрочемъ, Казанская гимназія была только первымъ опытомъ исполненія обширнаго учебнаго плана Шувалова. Въ 1760 г. онъ представилъ въ Сенатъ доношеніе, что „во всѣхъ знатныхъ городахъ необходимо учредить гимназіи, по маленькимъ же городамъ учредить школы, въ которыхъ обучать русской грамотѣ, ариѳметикѣ и прочимъ первымъ основаніямъ“. Изъ этихъ первоначальныхъ школъ ученики должны были выходить въ гимназіи, изъ гимназій въ кадетскій корпусъ, въ академіи, университетъ, а изъ этихъ мѣстъ въ дѣйствитель-

---

([1]) Тамъ же, стр. 22.

ную службу. Проектъ этотъ былъ одобренъ, но исполненіе его послѣдовало только въ царствованіе Александра I.

Вмѣстѣ съ науками Шуваловъ старался утвердить въ Россіи и искусство. Въ 1757 г. послѣдовалъ указъ императрицы объ учрежденіи Академіи Художествъ. Какъ основаніемъ университета Шуваловъ хотѣлъ приготовить русскихъ ученыхъ и образованныхъ людей, такъ открытіемъ Академіи Художествъ онъ хотѣлъ создать русское искусство. Академія поэтому и связана была съ университетомъ; въ нее и поступали воспитанники университета. Въ указѣ объ учрежденіи Академіи было объявлено, почему молодые русскіе люди, не смотря на великую склонность и природное дарованіе, не успѣваютъ въ искусствахъ; причина тому незнаніе иностранныхъ языковъ, необходимыхъ для уразумѣнія толкованій мастера, и наукъ, для художества необходимыхъ. А потому „можно нѣкоторое число взять способныхъ изъ университета учениковъ, которые уже и опредѣлены учиться языкамъ и наукамъ, принадлежащимъ къ художеству; ими можно скоро доброе начало и успѣхъ видѣть".

Основавъ университетъ, Шуваловъ постоянно слѣдилъ за его успѣхами и постоянно ему покровительствовалъ. До 1762 г. онъ состоялъ главнымъ его кураторомъ; другимъ его кураторомъ былъ лейбъ-медикъ и президентъ Академіи, Блюментростъ; ближайшее управленіе поручено было директору, которымъ сначала былъ А. М. Аргамаковъ, а потомъ И. И. Мелиссино. Мелиссино и Шаденъ, послѣ Шувалова, были самыми полезными дѣятелями въ исторіи образованія этого времени. Мелиссино (род. 1718 г.) былъ сынъ греческаго медика, пріѣхавшаго въ Россію изъ Венеціи при Петрѣ В. Получивъ образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, онъ полюбилъ науки и литературу и въ продолженіе всей своей жизни заботился о нихъ и покровительствовалъ всѣмъ ученымъ и поэтамъ. Шаденъ (Іоганнъ Матіасъ) былъ первымъ директоромъ московскихъ гимназій въ теченіе 20-лѣтъ. Родомъ венгерецъ, онъ получилъ образованіе въ Тюбингенскомъ университетѣ. Обладая обширными свѣдѣніями въ наукахъ, онъ особенно отличался любовію къ философіи и знаніемъ классическихъ языковъ, которые онъ преподавалъ въ высшихъ классахъ гимназій. Кромѣ преподаванія и управленія въ гимназіяхъ, Шаденъ содержалъ еще частный пансіонъ, для воспитанія юношества. Пансіонъ этотъ пріобрѣлъ большую популярность и получилъ важное значеніе для образованія, на ряду съ правительственными заведеніями; въ немъ воспиталось множество замѣчательныхъ дѣятелей въ наукѣ и литературѣ; въ немъ, между прочимъ, получилъ образованіе и Карамзинъ. Изъ другихъ учебныхъ заведеній весьма важное образовательное значеніе въ это время имѣли сухопутный и морской корпуса. Изъ

сухопутнаго кадетскаго корпуса вышло много замѣчательныхъ дѣятелей. Наконецъ, въ царствованіе Елисаветы открытъ былъ первый русскій театръ и трудами Сумарокова положено было начало русской драматической литературѣ. Но самымъ важнымъ дѣятелемъ въ царствованіе Елисаветы, имя котораго связано также съ основаніемъ Московскаго университета, былъ Ломоносовъ, котораго самого Пушкинъ назвалъ „первымъ русскимъ университетомъ". Если идеи Петра В. о русской наукѣ и русскомъ образованіи стали приводиться въ исполненіе при Елисаветѣ Петровнѣ, то на Ломоносовѣ въ первый разъ исполнилось желаніе Петра, чтобы ученые въ Россіи выходили „изъ сыновъ россійскихъ". Ломоносовъ былъ первымъ такимъ ученымъ, какихъ желалъ видѣть въ Россіи Петръ В. Онъ первый началъ приводить въ исполненіе тѣ планы и задачи относительно образованія, какіе указаны были Петромъ. Какъ геній практическій, Петръ В. цѣнилъ преимущественно такія знанія, которыя тотчасъ же могли быть приложены къ дѣлу, къ потребностямъ и пользѣ Россіи. Такое же направленіе имѣла и дѣятельность Ломоносова. Онъ также всѣ науки изучалъ для блага Россіи и всѣ добытыя знанія старался употребить въ ея пользу. При этомъ и вообще въ характерѣ Ломоносова замѣчается много сходства съ характеромъ Петра; и въ Ломоносовѣ мы видимъ ту же необычайную энергію въ дѣятельности и ту же непоколебимую настойчивость въ достиженіи своихъ цѣлей, какія составляютъ отличительныя черты въ характерѣ Петра В.

М. В. ЛОМОНОСОВЪ.

Біографическія свѣдѣнія о Ломоносовѣ. Воспитаніе и образованіе въ Россіи и за границей. Вся жизнь Михаила Васильевича Ломоносова, отъ начала до послѣднихъ дней, представляетъ въ высшей степени оригинальную и поучительную для русскаго человѣка исторію ([1]). Достигшій высшихъ степеней въ уче-

---

([1]) Литература о Ломоносовѣ весьма богата. Изъ сочиненій прежняго времени болѣе важныя для біографіи Ломоносова слѣдующія: Черты и анекдоты для біографіи Ломоносова, взятые изъ его собственныхъ словъ Штелинымъ, въ 1 № Москвит. 1850 г.; Записки Штелина. Москвит. 1851 г. № 2; Біографія Ломоносова въ Словарѣ митр. Евгенія, II, 12—32; Избранныя сочиненія Ломоносова. Перевлѣсскаго. М. 1846; Портфель служебной дѣятельности Ломоносова въ Очеркахъ Россіи В. Пассека (кн. 2 и 5; О Смирдинскомъ изданіи сочиненій

номъ и литературномъ мірѣ, онъ вышелъ изъ самой низшей и простой среды народа: онъ былъ сынъ крестьянина-рыбака Василія Дороѳеева, жившаго въ Двинскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, въ деревнѣ Денисовкѣ (Болото), лежащей на островѣ, недалеко отъ Холмогоръ; мать же его была дочь дьякона изъ села Матигоръ, въ сосѣдней области. Первымъ учителемъ Ломоносова былъ его односелецъ крестьянинъ Иванъ Шубной, или Шубинъ. Выучившись грамотѣ, Ломоносовъ началъ читать въ церкви и здѣсь познакомился съ церковно-славянскимъ языкомъ и церковными книгами, которыя развили въ немъ глубокое религіозное чувство, послужившее для него источникомъ утѣшенія въ тяже-

---

Ломоносова Тихонравова, въ Москов. Вѣдом. 1852 г. №№ 46, 47 и 74. Для біографіи Ломоносова. Его же. Москв. 1853 г. № 3; Учен. Зап. Акад. Н., т. 3, вып. 1 и 2; Воспоминаніе о Ломоносовѣ; рѣчь Погодина. Москв. 1855, № 2; Briefe von Christ. Wolf. 1860 г. Ломоносовъ, студентъ Марбургскаго университета, М. И. Сухомлинова, Русск. Вѣстн. 1861 г. № 1, т. XXXI; Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову. Я. К. Грота. Зап. Акад. Н. 1862 г., т. I.—Но самые полные сборники матеріаловъ для біографіи и ученой и литературной дѣятельности Ломоносова сдѣланы къ его юбилею въ 1865 г.: I) Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ. Матеріалы къ столѣтней памяти его. В. Ламанскаго. Чтен. общ. ист. и древн. 1865, кн. 1. Эти матеріалы собраны изъ рукописныхъ источниковъ, хранящихся въ академическомъ и государственномъ архивахъ.—II) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ. Спб. 1865 г. Здѣсь собрано все, что сохранилось о Ломоносовѣ въ оффиціальныхъ документахъ архивовъ конференціи Академіи Наукъ и что прежде было уже напечатано въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Матеріалы расположены въ хронологическомъ порядкѣ, такъ что Ломоносовъ представляется при этомъ со всею обстановкою современной жизни, въ ежедневномъ ходѣ дѣлъ, среди разнообразныхъ его отношеній и обстоятельствъ. Здѣсь же помѣщены и разныя письма Ломоносова, въ которыхъ высказалось то, что не могло быть высказано вполнѣ въ оффиціальныхъ бумагахъ и въ чемъ выражаются задушевныя его мысли и стремленія.—III) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Академіи Наукъ въ XVIII в., изд. А. Куникомъ Спб. 1865 г., ч. I и II. Здѣсь помѣщены статьи: «Объ отношеніяхъ Ломоносова къ Тредьяковскому по поводу Оды на взятіе Хотина; Матеріалы для біографіи М. В. Ломоносова съ 1736 по 1741 г. Ода А. П. Шувалова на смерть Ломоносова въ 1765 г.; Ода Фенелона 1681 г.—IV) Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ С. И. Пономарева. Сборн. II Отдѣл. Акад. Н., т. VIII. Спб. 1872. Здѣсь помѣщены: 1) хронологическій списокъ всѣхъ отдѣльныхъ сочиненій и переводовъ Ломоносова и собраній его сочиненій; 2) списокъ напечатанныхъ сочиненій его, разбросанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и не вошедшихъ въ изданіе Смирдина въ 1847 и 1850 г.; 4) списокъ сочиненій его, переведенныхъ на иностранные языки; 5) указаніе портретовъ его и снимковъ съ почерка; 6) указа-

лыхъ обстоятельствахъ жизни. До 16-лѣтняго возраста Ломоносовъ съ отцомъ своимъ занимался рыбнымъ промысломъ, ѣздилъ въ Бѣлое и Сѣверное море, на морскія соловарни, въ Соловецкій монастырь, въ Колу и далѣе, бывалъ въ Архангельскѣ и Пустозерскѣ. Суровая природа Сѣвера, трудныя занятія рыбака и опасныя плаванія по морю должны были развить въ немъ ту необыкновенную смѣлость и силу воли, которыя составляли отличительную черту его характера; а постоянныя сношенія съ жителями Поморья познакомили его съ ихъ бытомъ, нравами и языкомъ и доставили ему много такихъ свѣдѣній о природѣ и народной жизни, которыя впослѣдствіи послужили матеріаломъ для его разныхъ плановъ и проектовъ. Но Ломоносова сильно тяготило убожество домашняго его быта и невѣжество непосредственно окружавшей его среды. Вотъ какъ онъ самъ охарактеризовалъ этотъ первый періодъ своей жизни въ одномъ письмѣ къ Шувалову: „Я имѣючи (имѣлъ) отца, хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую и завистливую маче-

---

тель статей о жизни его и матеріаловъ для его біографіи; 7) указаніе статей о его сочиненіяхъ; 8) псевдонимы его и псевдонимы, подъ которыми выводили его другіе писатели; 9) поэтическія произведенія, говорящія о немъ, и эпиграммы на него; 10) ученые труды, посвященные его памяти; 11) столѣтній юбилей его (1765—1865).—V) Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова. Я К. Грота. Зап. Ак. Н. 1865 г., т. VII.—VI) О Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ. Н. Лавровскаго. Харьковъ. 1865 г.—VII) Къ столѣтней памяти Ломоносова. Н. Н. Булича. 1865 г.—VIII) Ломоносовъ и реформа Петра В. О. Ѳ Миллера. Вѣстн. Евр. 1866. № 1 (По поводу сочиненій Билярскаго, Куника, Лавровскаго и Ламанскаго).—IX) Ломоносовъ, какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. А. Будиловича. Сборн. II Отд. Акад Н., т. VIII. Здѣсь помѣщены: 1) указатель хронологической послѣдовательности учено-литературныхъ работъ Ломоносова; 2) особенности его языка и стиля; 3) размѣръ и характеръ его научныхъ средствъ; 4) отрывки неизданныхъ сочиненій Ломоносова.—X) Самое полное жизнеописаніе Ломоносова, составленное на основаніи всѣхъ указанныхъ матеріаловъ и изслѣдованій, напечатано Пекарскимъ въ Истор. Акад. Наукъ, ч. II, стр. 259—892. Приложенія къ нему, стр. 893—963.—Изданія сочиненій Ломоносова: 1-е изданіе въ Спб. 1751 г. въ одной книгѣ; 2-е изданіе (по распоряженію Шувалова) въ двухъ книгахъ. Москва. 1757—59 г. и Спб. 1768 г; Изданіе Дамаскина Руднева въ 3-хъ частяхъ. М. 1778; Изданіе Н. Новикова въ пользу юношества. М. 1787. Три академическихъ изданія въ 6 ч. въ Спб. 1784—87; 1795—97; 1803--1804. Изданіе Смирдина въ Полн. Собр. сочиненій русскихъ авторовъ, 3 ч. Спб. 1847. Изданіе Перевлѣсскаго: Избранныя сочиненія Ломоносова. Москва. 1846 г. Академическое изданіе подъ ред. М. И. Сухомлинова начато въ 1891 г. (т. I—IV).

ху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу попустому за книгами. Для того я многократно принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, пока я ушолъ въ Спасскія школы" ([1]). Но сила воли помогла ему преодолѣть всѣ препятствія. Стремленіе къ ученію увлекло, было, его въ расколъ безпоповщинской секты; но, пробывъ въ немъ два года, онъ увидѣлъ заблужденія раскольниковъ и отсталъ отъ нихъ. У крестьянина своей деревни, Христофора Дудина, онъ нашелъ славянскую грамматику Мелетія Смотрицкаго, ариѳметику Магнитскаго и стихотворную псалтирь Симеона Полоцкаго и не только прочиталъ, но и выучилъ ихъ наизусть. Эти книги, которыя онъ впослѣдствіи называлъ „вратами своей учености", пробудили въ немъ такую жажду учиться, что онъ, на 19—20 году жизни, тайно отъ отца и родныхъ, которые въ это время уже собирались женить его, рѣшился безъ всякихъ средствъ пробраться для ученья въ Москву. Тотъ же крестьянинъ Шубинъ, который первый научилъ его грамотѣ и который, можетъ быть, и посовѣтовалъ ему бѣжать въ Москву, далъ ему на дорогу китайчатое полукафтанье и три рубля денегъ. По дорогѣ въ Москву, Ломоносовъ прожилъ нѣсколько времени въ Сійскомъ монастырѣ, гдѣ читалъ и пѣлъ на клиросѣ. Изъ Сійскаго монастыря пѣшкомъ, съ обозомъ рыбы, онъ добрался до Москвы въ январѣ 1731 г. и первую ночь здѣсь провелъ въ рыбномъ ряду въ саняхъ, и первыми предметами, поразившими его, были звонъ колоколовъ и главы и кресты соборовъ, на которые онъ усердно молился, прося Бога призрѣть его въ неизвѣстномъ городѣ. По разсказамъ Штелина, одинъ московскій приказчикъ, Пятухинъ, покупая въ обозѣ рыбу и узнавъ въ Ломоносовѣ земляка, который желаетъ учиться, но не имѣетъ къ этому средствъ, взялъ его къ себѣ и вскорѣ представилъ одному своему знакомому іеромонаху Заиконоспасскаго монастыря. Монахъ сумѣлъ оцѣнить необыкновеннаго мальчика и помѣстилъ его сначала въ первую навигаціонную школу на Сухаревой башнѣ, а потомъ въ Московскую академію. Сохранилось преданіе, впрочемъ оспариваемое нѣкоторыми писателями ([2]), что Ломоносовъ для того, чтобы попасть въ эту академію, въ которую принимали только дѣтей дворянъ и духовныхъ, назвалъ себя сыномъ священника; но потомъ, испугавшись, призналс въ своемъ обманѣ архіеп. Новгородскому, Ѳеофану Прокоповичу. Прокоповичъ успокоилъ

([1]) Сочиненія Ломоносова. Издан. Смирдина. Т. 1, стр. 666—667.
([2]) Истор. Акад. Наукъ Пекарскаго, II, 282.

его, сказавши: „Не бойся ничего; хотя бы со звономъ въ большой соборный колоколъ стали тебя публиковать самозванцемъ, я твой защитникъ". Подобно домашнему ученію, и образованіе въ Московской академіи сопровождалось для Ломоносова также величайшими трудностями. „Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ къ Шувалову, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны, отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны, несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ за денежку хлѣба и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою бытность предлагали; съ другой стороны, школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришолъ латинѣ учиться" (1). Но, не смотря на всѣ трудности, Ломоносовъ, при своихъ геніальныхъ способностяхъ, скоро превзошелъ въ успѣхахъ всѣхъ своихъ товарищей. Московская академія дала образованію Ломоносова классическую основу. Кромѣ разныхъ наукъ, онъ здѣсь основательно изучилъ латинскій языкъ, который тогда былъ общимъ языкомъ всей европейской науки, и латинскую литературу, которая также считалась въ это время образцовой. Въ 1734 г. для изученія философіи и естественныхъ наукъ онъ отправился въ Кіевскую академію, но оставался тамъ недолго и возвратился въ Москву. Въ это время хотѣли посвятить его въ священники и послать въ Карелу; но вдругъ изъ Петербургской Академіи Наукъ пришло въ Московскую академію требованіе прислать 12 лучшихъ учениковъ для помѣщенія въ академическую гимназію; въ это число попалъ и Ломоносовъ, который учился тогда въ философскомъ классѣ. Такимъ образомъ, судьба Ломоносова неожиданно измѣнилась; онъ вышелъ на новый путь, который долженъ былъ дать ему обширнѣйшее образованіе и привести къ обширнѣйшей дѣятельности. Въ академической гимназіи ему привелось учиться недолго. Бывшій тогда президентъ Академіи Наукъ, баронъ Корфъ, вздумалъ послать нѣсколько молодыхъ русскихъ людей за

---

(1) Сочин., 1, 663—664.

границу, для изученія горнаго дѣла. Выборъ палъ на Ломоносова, Виноградова, сына рязанскаго священника, и нѣмца Райзера, которые сначала должны были отправиться въ Марбургъ къ профессору Вольфу, съ тѣмъ, чтобы, по выслушаніи здѣсь университетскаго курса, перейти во Фрейбергъ и изучить металлургію у профессора Генкеля, и наконецъ сдѣлать путешествіе по Франціи, Англіи и Голландіи. Къ Вольфу Академія Наукъ обратилась потому, что онъ съ начала ея основанія состоялъ ея членомъ, получалъ отъ русскаго правительства ежегодный пенсіонъ въ 300 талеровъ и находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Академіей. Въ Марбургъ Ломоносовъ съ товарищами отправился 8-го сентября 1736 г. и пробылъ здѣсь до 28 іюля 1739 г. Въ Марбургѣ Ломоносовъ получилъ обширное и основательное образованіе. У Вольфа онъ слушалъ философію, физику и логику; отъ него онъ усвоилъ и тотъ взглядъ на науку вообще и въ частности на науку о природѣ, какой выражается въ его сочиненіяхъ. Ломоносовъ уважалъ Вольфа, какъ человѣка и какъ знаменитаго ученаго, называлъ его своимъ учителемъ и благодѣтелемъ, перевелъ его экспериментальную физику и долго переписывался съ нимъ изъ Россіи. Въ свою очередь Вольфъ въ своихъ письмахъ къ Академіи дѣлалъ самые похвальные отзывы о Ломоносовѣ, о его талантахъ и занятіяхъ, постоянно отличалъ его отъ товарищей, выражая надежду, что онъ будетъ знаменитымъ ученымъ. Но если Ломоносовъ былъ обязанъ Марбургу своимъ умственнымъ развитіемъ и своими обширными свѣдѣніями въ наукахъ, то здѣсь же преимущественно развились и слабыя стороны его характера и особенно наклонность къ вину, которая была причиною многихъ несчастныхъ исторій въ его жизни и преждевременно свела его въ могилу. Студенческая молодежь въ Марбургскомъ университетѣ въ эту эпоху еще не умѣла находить отдыха отъ ученыхъ занятій въ какихъ-либо благородныхъ развлеченіяхъ, а тратила свободное время и избытокъ молодыхъ силъ на чувственныя удовольствія и грубые подвиги физическихъ силъ; картежная игра, пьянство и буйство были въ ея кругу самыми обыкновенными явленіями. Попавъ въ этотъ кружокъ, русскіе студенты совершенно увлеклись свободною и веселою студенческою жизнію, неудержимо предались разгулу и, не имѣя достаточно денежныхъ средствъ, впали въ большіе долги. Испуганный такимъ поведеніемъ студентовъ, а еще болѣе ихъ долгами, Вольфъ началъ совѣтовать Петербургской Академіи отозвать ихъ въ Россію, „такъ какъ они, писалъ онъ, не умѣютъ пользоваться академическою свободою, и кромѣ того выполнили все, зачѣмъ были присланы въ Марбургъ". Вслѣдствіе этого, Академія поскорѣе отправила Ломоносова съ его товарищами во Фрейбергъ (въ Саксо-

нiи), къ профессору Генкелю, для изученiя металлургiи. При этомъ она нашла нужнымъ предупредить Генкеля о поведенiи студентовъ и просила держать ихъ строже и объявить въ городѣ, чтобы никто не вѣрилъ имъ въ долгъ. Исполняя эту просьбу, Генкель началъ во всемъ усчитывать студентовъ, и такъ какъ Академiя неаккуратно высылала ему сумму, назначенную за ученiе студентовъ, то онъ сталъ удерживать за собою тѣ деньги, которыя присылались на ихъ содержанiе. Результатомъ этого были частыя ссоры между Ломоносовымъ и Генкелемъ, которые обвиняли другъ друга и жаловались Петербургской Академiи. Генкель жаловался на поведенiе Ломоносова; Ломоносовъ жаловался, что Генкель учитъ ихъ небрежно, что многаго имъ не показываетъ и „самые обыкновенные процессы, находящiеся во всѣхъ химическихъ соединенiяхъ, держитъ въ секретѣ и сообщаетъ съ большой неохотой, какъ что-то таинственное". „Я не промѣняю, писалъ онъ, на его ученость свои, хотя небольшiя, но основательныя, знанiя, и не вижу никакого побужденiя считать его своею путеводною звѣздою". При такихъ отношенiяхъ къ Генкелю, Ломоносову, разумѣется, нельзя было оставаться во Фрейбергѣ, и онъ выѣхалъ отсюда въ Марбургъ въ половинѣ мая 1740 года. По свидѣтельству Штелина, Ломоносовъ посѣщалъ еще рудники въ Гарцѣ и познакомился съ знаменитымъ тогда ученымъ по химiи и металлургiи, Крамеромъ. Ко времени жизни Ломоносова въ Марбургѣ и Фрейбергѣ (1738—1740) относится начало его занятiй поэзiей и первыя его поэтическiя произведенiя. По инструкцiи, данной студентамъ, при отправленiи ихъ за границу, они обязаны были, кромѣ наукъ, изучать языки—латинскiй, французскiй и нѣмецкiй, и дѣлать упражненiя въ русскомъ языкѣ. Согласно съ этой инструкцiей, Ломоносовъ, какъ опытъ своего знакомства съ французскимъ языкомъ и упражненiя въ русскомъ, въ 1738 г. представилъ въ Академiю Наукъ переводъ оды Фенелона „На уединенiе", сдѣланный четырехстопными хореями. За этимъ первымъ переводнымъ стихотворнымъ опытомъ послѣдовалъ подражательный стихотворный опытъ. Въ 1739 г. Ломоносовъ написалъ оду „На взятiе Хотина", по подражанiю одѣ нѣмецкаго поэта Гюнтера (1695—1723), который тогда былъ любимымъ поэтомъ студенческой молодежи въ Германiи. Посылая эту оду въ Петербургъ, Ломоносовъ писалъ, что она „не что иное, какъ только превеликiя радости оныя плодъ, которую непобѣдимѣйшiя нашея монархини (импер. Анны Iоанновны) преславная надъ непрiятелями побѣда въ вѣрномъ его сердцѣ возбудила". Въ одѣ изображалась побѣда Миниха при Ставучанахъ (18 августа 1739 г.) и послѣдовавшее за нею взятiе Хотина. Форма этой оды снята съ оды упомянутаго Гюнтера, напи-

санной въ прославленіе принца Евгенія, послѣ мира, заключеннаго между Австріей и Турціей въ Пассаровицѣ въ 1718 г. Къ одѣ Ломоносовъ приложилъ „Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства“. Академія передала оду на разсмотрѣніе Ададурову и Штелину, а письмо въ „Россійское собраніе“. Ода была одобрена, письмо же вызвало возраженія и отвѣтное письмо со стороны Тредьяковскаго. Но письму Тредьяковскаго, какъ „исполненному учеными ссорами“, не было дано никакого движенія (1). Имя Ломоносова сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ, какъ имя новаго русскаго поэта. Между тѣмъ, самъ новый поэтъ въ это время находился въ самомъ бѣдственномъ положеніи. По возвращеніи изъ Фрейберга въ Марбургъ, Ломоносовъ женился (6 іюля 1740 г.) на Елисаветѣ Христинѣ Цильхъ, дочери портнаго, хозяина квартиры, на которой онъ жилъ въ Марбургѣ, бывшаго члена городской думы и церковнаго старосты. Новыя потребности семейной жизни, скудное содержаніе и несвоевременная высылка денегъ Академіей заставили Ломоносова войти въ долги, за которые хотѣли посадить его въ тюрьму. Въ этомъ положеніи онъ вздумалъ бѣжать изъ Марбурга. Сначала онъ обращался за помощью къ русскому посланнику при Саксонскомъ дворѣ, графу Кайзерлингу, а потомъ въ Голландію, къ графу Головкину, но совершенно безуспѣшно. Во время этого странствованія, близъ Дюссельдорфа, онъ встрѣтился съ прусскими вербовщиками, которые, напоивъ его, записали въ рекруты и отвели въ крѣпость Везель, откуда онъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Возвратившись въ Марбургъ, онъ обратился уже въ Петербургъ съ просьбою о позволеніи возвратиться въ Россію и, получивъ это позволеніе и 100 рублей на дорогу и на уплату долговъ, отправился въ Россію и прибылъ въ Петербургъ 8 іюля 1741 г. Жену и дочь онъ оставилъ въ Марбургѣ и вызвалъ ихъ къ себѣ только уже чрезъ два года.

Профессорская и административная дѣятельность Ломоносова въ Академіи Наукъ. Испытавъ столько лишеній и трудностей при образованіи и принеся столько тяжелыхъ жертвъ для науки, Ломоносовъ, по возвращеніи изъ-за границы, поставилъ для себя священною обязанностію приложить добытыя свѣдѣнія къ потребностямъ Россіи, усвоить ей пріобрѣтенную имъ европейскую науку; но на пути къ достиженію этой цѣли онъ встрѣтилъ сильныя препятствія со стороны администраціи въ Академіи На-

(1) Сборникъ матеріаловъ Куника, XVII—XLI.

укъ, или академической канцеляріи, въ которой тогда сосредоточивалось управленіе Академіей. Затрудненіями сопровождалось уже самое вступленіе его въ Академію. При отправленіи за границу, Академія обѣщала Ломоносову, какъ и его товарищамъ, въ случаѣ его успѣховъ, сдѣлать его, по возвращеніи, профессоромъ. Но академической администраціи не захотѣлось такъ скоро выполнить это обѣщаніе. Ломоносову сначала поручили привести въ порядокъ минералогическій кабинетъ при Академіи. Исполнивъ это порученіе, Ломоносовъ нѣсколько разъ просилъ Академію о должности профессора, указывая на представленныя ей сочиненія; но она не обращала вниманія на его просьбы, такъ что Ломоносовъ самъ долженъ былъ подать на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ по пунктамъ объяснилъ слѣдующее: „Въ оныхъ городахъ (Марбургѣ и Фрейбергѣ) будучи, я чрезполпята года не токмо указанныя мнѣ науки принялъ, но въ физикѣ, химіи и натуральной гисторіи горныхъ дѣлъ такъ произошелъ, что онымъ другихъ учить и къ тому принадлежащія полезныя книги съ новыми инвенціями писать могу, въ чемъ Академіи Наукъ специмины своего сочиненія и притомъ отъ тамошнихъ профессоровъ свидѣтельства въ іюлѣ мѣсяцѣ прошедшаго 1741 г. съ докладомъ подалъ“ [1]. Вслѣдствіе этого прошенія, Ломоносовъ 8 янв. 1742 г. сдѣланъ былъ адъюнктомъ по физикѣ. Состоя въ этой должности, онъ „преподавалъ въ академической гимназіи физическую географію, по нѣмецкому учебнику Крафта, давалъ наставленія въ химіи и исторіи натуральной и обучалъ воспитанниковъ стихотворству и стилю россійскаго языка“. Въ то же время въ академической конференціи онъ читалъ ученыя диссертаціи по химіи и физикѣ, разсматривалъ, по порученію Академіи, разныя соли, руды и минералы и проч. Въ 1745 г., по отъѣздѣ профессора Гмелина за границу, Ломоносовъ утвержденъ былъ профессоромъ химіи и въ этой должности оставался до конца жизни. Съ этого времени его дѣятельность приняла еще болѣе широкіе размѣры. Въ письмѣ къ Шувалову въ 1753 г. онъ самъ охарактеризовалъ ее слѣдующимъ образомъ: „Ежели кто, по своей профессіи и должности, читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публичныя рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ, и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего болѣе требовать не имѣю и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное роди-

---

[1] Матеріалы для біографіи Ломоносова Билярскаго, стр. 7.

лось" ([1]). Въ 1757 г. онъ сдѣлался членомъ академической канцеляріи и получилъ участіе въ управленіи академическими дѣлами. Въ 1759 г. ему было поручено управленіе академической гимназіей и университетомъ и географическимъ департаментомъ. Но какъ достиженіе этого положенія, такъ и дѣятельность во всѣхъ указанныхъ должностяхъ сопровождались для Ломоносова непрерывной борьбою съ академическою канцеляріей и вообще съ преобладаніемъ нѣмецкой партіи въ Академіи, или, какъ онъ выражался, „съ непріятелями наукъ россійскихъ, которые не давали возрастать свободно насажденію Петра В." Въ этой борьбѣ, во время которой Ломоносовъ, при своей горячей натурѣ, нерѣдко вдавался въ крайности и доходилъ до несправедливости, высказался со всею полнотою и весь характеръ Ломоносова съ его непомѣрнымъ трудолюбіемъ, глубокою любовью къ наукѣ, пламеннымъ патріотизмомъ и непреклонною твердостію воли, при достиженіи своихъ цѣлей.

Средоточіемъ дѣятельности Академіи Наукъ была академическая канцелярія. Она завѣдывала не только экономическими, но и учеными и учебными дѣлами. Ни отдѣльный членъ Академіи, ни вся конференція не могли печатать сочиненій безъ вѣдома и разрѣшенія канцеляріи. Конференція доносила ей о своихъ занятіяхъ и выписками изъ протоколовъ засѣданій и особыми рапортами каждаго члена по третямъ года (предъ выдачей жалованья). Каждое ученое предпріятіе, кромѣ конференціи, обсуживалось и въ канцеляріи и здѣсь рѣшалось. Поэтому въ сенатскихъ бумагахъ ее называли „Академической командой". Во главѣ канцеляріи, при Ломоносовѣ, стояли сначала одинъ, а потомъ два нѣмца, Шумахеръ и Тауберть, тесть и зять, люди, не ознаменовавшіе себя никакими трудами и въ наукахъ, по выраженію Ломоносова, скудные, но практическою смѣтливостію и изворотливостію умѣвшіе привлечь на свою сторону людей вліятельныхъ и случайныхъ. Они мало обращали вниманія на интересы русскаго образованія и русской науки, а заботились главнымъ образомъ о соблюденіи порядка и внѣшней формы, чтобы, выставивъ на видъ приличный декорумъ, удобнѣе было соблюдать свои личныя выгоды. „Съ самаго начала Академіи, говоритъ Ломоносовъ, науки претерпѣвали нужду, будучи главное дѣло, а деньги исходили на перестройки, починки, ненужныя покупки" и проч. ([2]). Таубертъ распоряжался казеннымъ добромъ и денежными суммами самовластно и не хотѣлъ давать отчета по своему управленію. „Захвативши деньги отъ книжной лавки, говоритъ Ломоносовъ, онъ кому хочетъ, тому и дастъ жалованье.... Занявъ въ акаде-

([1]) Тамъ же, стр. 213.—([2]) Тамъ же, стр. 504.

мическомъ домѣ самъ лучшіе покои, на коштъ академической великолѣпно украшенные, раздалъ другія по своему усмотрѣнію квартиры. И переплетчикъ Розенбергъ имѣетъ столько простору, что можно бы умѣстить хорошаго профессора, который терпитъ нужду, переѣзжая по наемнымъ дорогимъ квартирамъ". Въ особенности Ломоносовъ упрекалъ Тауберта въ недобросовѣстности при подрядахъ по перестройкамъ академическихъ зданій, часто излишнимъ, жаловался на то, что Таубертъ, вмѣсто обогащенія библіотеки необходимыми книгами, заботился объ устройствѣ обсерваторіи и шкафовъ въ библіотекѣ и кунсткамерѣ, употребляя на это деньги изъ суммъ книжной лавки, которыя не на то назначены, но на покупку книгъ. „Библіотека, замѣчалъ по этому случаю Ломоносовъ, не состоитъ въ золотыхъ шкафахъ, но въ книгахъ, коими наша библіотека весьма недостаточна" (1). Вслѣдствіе дурнаго управленія академической канцеляріи и особенно деспотизма и самоуправства Шумахера, нѣкоторые даже иностранные члены Академіи оставили ее (2). Очень понятно, что Ломоносовъ, глубоко преданный наукѣ и ревностно заботившійся о ея успѣхахъ въ Россіи, возсталъ противъ такого, вреднаго для науки, преобладанія академической канцеляріи. Сохранилась его „Краткая исторія о поведеніи академической канцеляріи въ разсужденіи ученыхъ людей и дѣлъ" (3). Она написана Ломоносовымъ въ концѣ жизни, въ 1764 г.; но содержаніе ея еще раньше было изложено въ обширной Запискѣ о необходимости преобразованія Академіи вообще, написанной въ 1755 г. Въ этой Исторіи Ломоносовъ выставляетъ всѣ препятствія наукамъ отъ академической канцеляріи и представителей ея, Шумахера и Тауберта, и требуетъ преобразованія управленія Академіи, настаивая на томъ, чтобы ученая и учебная часть въ Академіи была совершенно отдѣлена отъ канцеляріи. Насколько важнымъ и необходимымъ для успѣха наукъ Ломоносовъ считалъ это преобразованіе, видно изъ слѣдующихъ словъ, которыми онъ оканчиваетъ свою исторію академической канцеляріи: „Едино упованіе состоитъ нынѣ, по Бозѣ, во всемилостивѣйшей государынѣ нашей, которая отъ истиннаго люблевія къ наукамъ и отъ усердія къ пользѣ отечества, можетъ быть, разсмотритъ и отвратитъ сіе несчастіе. Ежели же онаго не воспослѣдуетъ, то вѣрить должно, что нѣтъ божескаго благоволенія, чтобы науки возрасли и распространились въ Россіи" (4).

---

(1) Тамъ же, стр. 497.—(2) Тамъ же, стр. 60.

(3) Тамъ же, стр. 49—101—(4) Тамъ же, стр. 101.

По проекту Петра В., гимназія и университетъ при Академіи Наукъ должны были служить разсадниками для воспитанія будущихъ ученыхъ академиковъ и профессоровъ изъ русскихъ; между тѣмъ академическая канцелярія весьма мало заботилась объ этихъ учрежденіяхъ. „Съ начала Академіи Наукъ отъ 1725 г. по 1733 г., говоритъ Ломоносовъ въ Запискѣ о необходимости преобразованія Академіи Наукъ, ни единаго россійскаго студента при ней не было, который бы лекціи у профессоровъ слушалъ.... Въ гимназіи каково расположеніе было, изъ того видно, что ни единъ школьникъ въ студенты изъ ней не выпущенъ, кромѣ одного, или двухъ, которые прежде въ другихъ школахъ доброе положили основаніе“ ([1]). „Шумахеру, замѣчаетъ Ломоносовъ въ той же Запискѣ, опасно было происхожденіе въ наукахъ и произвожденіе въ профессоры природныхъ россіянъ, отъ которыхъ онъ уменьшенія своей силы больше опасался. Того ради ученіе и содержаніе россійскихъ студентовъ было въ такомъ небреженіи, по которому ясно оказывалось, что не было у него намѣренія ихъ допустить къ совершенству ученія.... Шумахеръ неоднократно такъ отзывался: Я-де великую прошибку въ политикѣ своей сдѣлалъ, что допустилъ Ломоносова въ профессоры. И недавно зять его (Таубертъ) отозвался въ разговорѣ о произведеніи россійскихъ студентовъ: развѣ-де намъ десять Ломоносовыхъ надобно. И одинъ-де намъ въ тягость“ ([2]). Между тѣмъ, самъ Ломоносовъ въ томъ фактѣ, что изъ академической гимназіи и университета мало выходило студентовъ, видѣлъ поношеніе для всего русскаго народа. „Иностранные, говоритъ онъ, видя сіе и не зная выше объявленнаго, приписывать должны его тупому и непонятному разуму, или великой лѣности и нерадѣнію. Каково читать и слышать истиннымъ сынамъ отечества, когда иностранные въ вѣдомостяхъ и сочиненіяхъ пишутъ о россіянахъ, что-де Петръ В. для своихъ людей о наукахъ напрасно старался, и нынѣ-де дочь его Елисавета безъ пользы употребляетъ на тожъ великое иждивеніе“ ([3]) Поэтому Ломоносовъ, желая дать гимназіи и университету надлежащее значеніе, сочинилъ для нихъ новые „штаты и регламенты“; но это мало помогало дѣлу, потому что управленіе ими зависѣло отъ академической канцеляріи, которая давала деньги на ихъ содержаніе „съ великимъ затрудненіемъ“. Таубертъ, по поводу новыхъ штатовъ, говорилъ Ломоносову: „что куда де столько студентовъ и гимназистовъ? куда ихъ дѣвать и употреблять будетъ, и хотя отвѣтствовано, замѣчаетъ Ломоносовъ, что у

([1]) Тамъ же, стр. 438.—([2]) Тамъ же, стр. 443.

([3]) Тамъ же, стр. 99.

насъ нѣтъ природныхъ россіянъ ни аптекарей, да и лекарей мало, также механиковъ искусныхъ, горныхъ людей, адвокатовъ и другихъ ученыхъ и ниже самихъ профессоровъ въ самой академіи и другихъ мѣстахъ. Но, не внимая сего, всегда твердилъ и другимъ внушалъ Таубертъ: куда со студентами" (1). Все это заставило Ломоносова просить президента Академіи, графа Разумовскаго, чтобы университетъ и гимназія „отданы были ему въ единственное смотрѣніе и чтобы сумму по новому стату на оба сіи учрежденія отдѣлять особливо"... (2).

Но вредное для русскаго образованія и русской науки преобладаніе нѣмецкой партіи Ломоносовъ видѣлъ не въ одной только академической канцеляріи, но и во всей Академіи, которая почти вся состояла изъ иностранцевъ. „Ученые, приглашенные въ Петербургскую Академію Наукъ Вольфомъ, говоритъ Пекарскій, какъ напр. Германъ, Николай и Даніилъ Бернулли, Бильфингеръ, съ самыхъ же первыхъ годовъ ея существованія, успѣли упрочить за нею положеніе, поставившее наше ученое общество на ряду съ подобными учрежденіями въ Европѣ. Первые академики, прибывшіе въ Петербургъ, были проникнуты тѣмъ же сознаніемъ важности назначенія Академіи, какимъ руководился Вольфъ, при избраніи ихъ въ члены ея.... Къ сожалѣнію, нѣсколько лѣтъ спустя, при выборѣ въ члены Академіи, стали руководствоваться не тѣмъ взглядомъ.... но другими, посторонними для науки, соображеніями" (3). Вслѣдствіе этого, вмѣстѣ съ хорошими людьми стали являться и люди посредственные и недостойные, которые однакожъ какъ иноземцы „пользовались разными льготами и преимуществами, въ ущербъ природнымъ русскимъ, выказывали при всякомъ удобномъ случаѣ презрѣніе къ русскимъ и давали вездѣ и всюду чувствовать свое превосходство, иногда основанное лишь на томъ, что они не туземнаго происхожденія". Такое положеніе дѣлъ, конечно, не могло не оскорблять патріотическаго чувства Ломоносова, и онъ, какъ только сдѣлался членомъ академической конференціи, началъ стремиться къ преобразованію всей Академіи. Въ 1755 г., по поводу пересмотра академическаго регламента, онъ приготовилъ „Всенижайшее мнѣніе о исправленіи Санктпетербургской Академіи Наукъ". Это „Мнѣніе" онъ внесъ потомъ въ упомянутую выше обширную Записку о необходимости преобразованія Академіи, представленную имъ въ томъ же году Шувалову (4). Записка состоитъ изъ трехъ частей. Въ 1-й части Ло-

(1) Тамъ же, стр. 80.—(2) Тамъ же, стр. 78—79.

(3) Истор. Академіи Наукъ. Ч. I. LXI—LXII; ч. II, 570.

(4) Сборн. матеріаловъ Билярскаго, стр. 438—455.

моносовъ говоритъ о печальномъ состояніи Академіи; здѣсь, между прочимъ, изложены тѣ мысли, которыя вошли въ упомянутую выше краткую исторію академической канцеляріи; во 2-й излагаетъ причины паденія Академіи; въ 3-й предлагаетъ способы къ исправленію и приведенію ея въ цвѣтущее состояніе. Существенный недостатокъ Академіи, по мнѣнію Ломоносова, заключается въ томъ, что прежній ея регламентъ препятствуетъ произведенію и размноженію ученыхъ людей въ Россіи; главныя причины ея жалкаго положенія—управленіе Академіей людьми неучеными и „недоброхотство къ учащимся россіянамъ въ наставленіи, содержаніи и произведеніи". Разбирая академическій Регламентъ 1747 г., онъ вредными и поносительными для русскаго народа называетъ узаконенія „быть многимъ иностраннымъ въ профессорахъ и другихъ должностяхъ". „Что иное подумать можно, говоритъ онъ, читая о выписаніи высшаго математика, и другихъ профессоровъ, и о дачѣ имъ большаго жалованья, о бытіи адъюнктовъ переводчиками у иностранныхъ профессоровъ, о переводѣ книгъ профессорскихъ, о контрактахъ съ иностранными профессорами, о иностранныхъ канцеляристахъ и провизорѣ типографскомъ, какъ сіе, что Сантпетербургская Академія Наукъ нынѣ и впредь должна состоять по большой части изъ иностранныхъ т. е. что природные россіяне къ тому не способны" ([1]). „Другія европейскія государства, прибавляетъ онъ въ той же запискѣ, наполнены людьми учеными всякаго званія, однако ни единому человѣку не запрещено въ университетахъ учиться, кто бы онъ ни былъ, и въ университетѣ тотъ студентъ почтеннѣе, кто больше научился; а чей онъ сынъ, въ томъ нѣтъ нужды. Здѣсь въ россійскомъ государствѣ ученыхъ людей мало; дворянамъ, для безпорядку ранговъ, нѣтъ ободренія; въ подушный окладъ положеннымъ запрещено въ Академіи учиться. Можетъ быть, сочинитель думалъ, что государству великая тягость, ежели оно 40 алтынъ въ годъ потеряетъ для полученія ученаго россіянина. Да пускай хотя бы и 40 алтынъ жаль было, а не жалѣть бы 1800 рублевъ, чтобы иноземца выписать; однако чѣмъ тѣ виноваты, которые, состоя въ подушномъ окладѣ, имѣютъ такой достатокъ, что на своемъ коштѣ дѣтей своихъ въ науку отдать могутъ" ([2]). Любя и почитая науку вообще, Ломоносовъ всегда ставилъ ученую дѣятельность, направленную къ интересамъ національнымъ, выше общей учености; уважая ученыхъ вообще, онъ требовалъ, чтобы ученые, сдѣлавшіеся извѣстными своими трудами въ своихъ государствахъ, но ничего не сдѣлавшіе для Россіи, не пред-

---

([1]) Тамъ же, стр. 447.—([2]) Тамъ же, стр. 448.

почитались русским ученым, которые приносят пользу своему отечеству. Поэтому, въ проектѣ новаго регламента Академіи Наукъ, представленномъ графу Разумовскому въ 1764 г. (1), онъ положилъ, что президентъ Академіи долженъ быть „природный россіянинъ“, вице-президентъ „изъ ординарныхъ академиковъ, служившихъ въ Академіи не малое время, и показавшихъ свое въ наукахъ отмѣнное знаніе изданными въ свѣтъ сочиненіями“, что и вообще академики постепенно должны набираться изъ русскихъ. Приготовлять же академиковъ изъ русскихъ онъ предлагалъ чрезъ посылку за границу студентовъ академическаго университета. 2-го іюня 1764 г. онъ сдѣлалъ представленіе въ академическую канцелярію „объ отправленіи студентовъ въ чужіе краи“, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „чрезъ многіе опыты извѣдано, сколько трудовъ и хлопотъ стоитъ Академіи выписываніе иностранныхъ членовъ, также и отпускъ оныхъ не всегда безъ досадъ и нареканія бываетъ. Сверхъ же того, много времени миновать еще должно, пока Академія своими природными профессорами наполнится, какъ то примѣръ минувшаго времени показываетъ“. Указавъ затѣмъ на семь человѣкъ изъ студентовъ, окончившихъ курсъ въ академическомъ университетѣ, онъ говоритъ: „Представляю, чтобы помянутыхъ студентовъ послать для наученія разныхъ наукъ и чтобы видѣть въ разныхъ земляхъ академіи и знатныхъ ученыхъ людей... А гдѣ и чему учиться и какъ должно въ чужихъ краяхъ, о томъ дать имъ указъ съ инструкціею. А въ сочиняющемся новомъ статѣ и регламентѣ положить, чтобы на академической суммѣ всегда содержать природныхъ россійскихъ студентовъ за моремъ не меньше десяти человѣкъ. И такъ сіе мое представленіе обще туда представляется, чтобы о выписываніи вновь и о пріемѣ иностранныхъ профессоровъ безпрочное почти стараніе вовсе оставить, но крайнее положить попеченіе о наученіи и произведеніи собственныхъ природныхъ и домашнихъ, которые бы служили, назадъ не оглядываясь и не угрожая контрактомъ и взятіемъ абшита. А паче всего служили бы къ чести отечеству, которой отъ иностранныхъ нашему народу приписывать невозможно“ (2).

Въ основѣ всей этой реформаторской дѣятельности Ломоносова, всѣхъ этихъ стремленій, требованій, плановъ и проектовъ лежала пламенная любовь къ наукѣ и глубокое патріотическое чувство, побуждавшее его ратовать за утвержденіе наукъ въ Россіи. Извѣстно, какое горячее письмо онъ написалъ къ Шу-

---

(1) Тамъ же, стр. 652—669.

(2) Тамъ же, стр. 641—642.

валову по случаю смерти профессора физики Рихмана, котораго убило громомъ во время производства опытовъ надъ электричествомъ. Страшно пораженный внезапною смертію Рихмана, онъ всего больше боится того, чтобы его смерть въ непросвѣщенномъ русскомъ обществѣ не была перетолкована ко вреду науки въ Россіи. Поэтому сказавъ, что Рихманъ умеръ прекрасною смертію, исполняя по своей профессіи должность, онъ проситъ Шувалова обезпечить вдову его въ содержаніи, чтобы она сына своего, маленькаго Рихмана, могла воспитать, „чтобы и онъ такой же былъ любитель наукъ, какъ его отецъ“ (1). Когда Шувалову пришла мысль основать въ Москвѣ университетъ, онъ привѣтствовалъ ее съ восторгомъ, предложилъ свои услуги при составленіи плана, просилъ назначить въ планѣ, сколько возможно, больше профессоровъ и студентовъ, совѣтовалъ немедленно основать при университетѣ гимназію, представляя, что „университетъ безъ гимназіи, какъ пашня безъ сѣмянъ“. Послѣ основанія Московскаго университета, онъ началъ хлопотать объ основаніи такого же университета въ Петербургѣ, составилъ проектъ его устава и планъ его открытія. Представляя этотъ планъ Шувалову для поднесенія его импер. Елисаветѣ на утвержденіе, вмѣстѣ съ новымъ уставомъ для Академіи Наукъ и съ просьбою о назначеніи его самого вице-президентомъ Академіи, онъ писалъ Шувалову: „Едва принимаю смѣлость послать Вамъ сіи строки. И ньньче бы не послалъ, если бы меня общая польза отечества къ тому не побуждала. Мое единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вожделѣнное теченіе университетъ, откуду могутъ произойти безчисленные Ломоносовы.... По окончаніи сего хочу только искать способа и мѣста, гдѣ бы, чѣмъ рѣже, тѣмъ лучше, видѣть было персонъ высокородныхъ, которые мнѣ низкою моею природою попрекаютъ, видя меня какъ бѣльмо на глазѣ“ (2). Къ сожалѣнію, по причинѣ болѣзни и смерти императрицы, проектъ и планъ Ломоносова остались неутвержденными.—Опираясь на чистоту своихъ намѣреній и искренность своихъ убѣжденій, Ломоносовъ стремился къ достиженію своихъ цѣлей съ необыкновенною смѣлостію и твердостію, не отступая ни предъ какими препятствіями и не стѣсняясь никакими отношеніями къ лицамъ. „Ежели жъ, Ваше Высокографское сіятельство,—писалъ онъ къ графу Разумовскому, жалуясь на Тауберта и разные непорядки въ Академіи,—не соблаговолите сей важной моей долговременной жалобы уважить и привести въ дѣйствіе въ скоромъ времени, то принужденъ буду принять законную смѣ-

(1) Тамъ же, стр. 213—215.—(2) Тамъ же, стр. 432.

лость непремѣнно поступить по высокоупомянутому монаршему указу, для избавленія восходящихъ наукъ въ нашемъ отечествѣ отъ наглаго утѣсненія“ т. е. обратиться съ жалобой къ самой императрицѣ (¹). Съ особенною ясностію твердость характера Ломоносова выразилась въ письмѣ его къ Теплову, гдѣ онъ упрекаетъ Теплова за его покровительство Миллеру и Тауберту, представляя послѣднихъ „недоброхотами россійскимъ ученымъ“. „Повѣрьте, Ваше Высокородіе, я пишу не изъ запальчивости; но принуждаетъ меня изъ многихъ лѣтъ извѣданное слезными опытами академическое несчастіе. Я спрашивалъ и испыталъ свою совѣсть, она мнѣ ни въ чемъ не зазритъ сказать вамъ нынѣ всю истинную правду. Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ; да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилежанія въ ученіи и нынѣ дозволилъ случай, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего въ жизни моей дороже.... Еще уповаю, что вы не будете больше одобрять недоброхотовъ россійскимъ ученымъ. Богъ совѣсти моей свидѣтель, что я самъ ничего иного не ищу, какъ только, чтобы закоренѣлое несчастіе Академіи пресѣклось. Буде жъ еще такъ все останется и мои праведныя представленія уничтожены отъ васъ будутъ; то я забуду вовсе, что вы мнѣ нѣкоторыя одолженія дѣлали. За нихъ готовъ я вамъ благодарить приватно по моей возможности. За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ и противъ отца своего роднаго возстать за грѣхъ не ставлю.... Не употребляйте божьяго дѣла для своихъ пристрастій, дайте возрастать свободно насажденію Петра В. Тѣмъ заслужите не только въ прежнемъ прощеніе, но и не малую похвалу, что вы могли себя принудить къ полезному наукамъ постоянству. Чтожъ до меня надлежитъ, то я къ сему себя посвятилъ, чтобы до гроба моего съ непріятелями наукъ россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ съ молоду, на старость не покину“ (²). Съ такой прямотою и твердостію Ломоносовъ относился ко всѣмъ лицамъ, не исключая и тѣхъ знатныхъ особъ, которыя были его покровителями, напр. къ Воронцовымъ, Разумовскимъ и Шуваловымъ. Безъ покровительства Шувалова Ломоносовъ никакъ не могъ бы дѣйствовать такъ свободно и на половину не достигъ бы своихъ цѣлей; Шуваловъ постоянно защищалъ его отъ всѣхъ его враговъ, поддерживалъ всѣ его планы, по-

(¹) Тамъ же, стр. 552.

(²) Тамъ же, стр. 499—503.

ощрялъ его труды. Сознавая это, Ломоносовъ любилъ и уважалъ Шувалова, но въ то же время держалъ себя по отношенію къ нему съ такимъ достоинствомъ и независимостью, что въ угоду ему не хотѣлъ не только поступиться какими-нибудь убѣжденіями, но и просто смягчить напр. свои враждебныя отношенія къ Сумарокову. Извѣстно его рѣзкое письмо къ Шувалову, по поводу попытки Шувалова помирить его съ Сумароковымъ. „Никто въ жизни меня больше не изобидилъ, какъ Ваше Высокопревосходительство. Призвали Вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть, какое-нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ.... Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ! т. е. сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ человѣкомъ, отъ коего всѣ бѣгаютъ, и Вы сами не рады. Ваше Высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лучшія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ.... Не только у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей, дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ“ (1). Въ этомъ отношеніи Ломоносовъ представляетъ собою типъ, совершенно противоположный тѣмъ поэтамъ, которые, унижаясь предъ знатными особами, унижали и искусство, которому служили. Ломоносовъ, напротивъ, значеніе науки и литературы хотѣлъ основать на значеніи въ обществѣ самихъ ученыхъ и писателей, и потому старался упрочить свое положеніе въ обществѣ. А такъ какъ въ то время особенное значеніе и вѣсъ въ обществѣ придавали чины, то онъ требовалъ награжденія своихъ заслугъ чинами, наравнѣ съ другими, и горячо протестовалъ, когда замѣчалъ, что его хотятъ обойти, заботился объ увеличеніи средствъ къ жизни, высоко цѣнилъ избраніе въ члены какого-нибудь ученаго заграничнаго общества и даже хлопоталъ объ этомъ, справедливо думая, что если правительство хочетъ возвысить въ Россіи науку и образованіе, то должно обезпечить матеріальныя средства людей, занимающихся наукой, и возвысить ихъ положеніе въ обществѣ.

Но, при своемъ раздражительномъ и страстномъ характерѣ, Ломоносовъ во время борьбы съ нѣмецкой партіей увлекался въ крайности и доходилъ иногда до явныхъ несправедливостей и грубыхъ поступковъ. Въ оффиціальныхъ документахъ Академіи сохранилось нѣсколько дѣлъ о такъ называемыхъ „продерзостяхъ“ Ломоносова. Изъ нихъ особенно рѣзко выдаются поступки Ломоносова

---

(1) Тамъ же, стр. 486—487.

въ академической конференціи и географическомъ департаментѣ, относящіеся къ первымъ годамъ его службы въ Академіи Наукъ, а изъ позднѣйшаго времени обращаютъ на себя вниманіе его враждебныя столкновенія съ двумя знаменитыми современными историками, Миллеромъ и Шлецеромъ. Въ 1742 г. 17 ноября и 31 декабря изъ конференціи Академіи Наукъ были поданы въ слѣдственную комиссію двѣ жалобы на Ломоносова, что Ломоносовъ, съ нѣкоторыми другими чиновниками, „съ непозволительнымъ безстыдствомъ входилъ неоднократно въ палату профессорскаго собранія и мѣшалъ профессорамъ въ отправленіи ихъ дѣла и такія учинилъ своевольства, которыя чести всея императорскія Академіи противны“. Комиссія начала разслѣдованіе жалобъ, а между тѣмъ академическая конференція за указанныя „продерзости“ исключила (21 февраля 1743 г.) Ломоносова изъ своихъ засѣданій. Раздраженный этимъ, Ломоносовъ произвелъ новую „продерзость“, которая въ свою очередь еще болѣе раздражила нѣмецкихъ членовъ Академіи и заставила ихъ подать новую жалобу на него. Жалоба эта состояла въ томъ, что Ломоносовъ 26 апрѣля 1743 г. „въ противность всѣмъ честнымъ и разумнымъ поступкамъ, съ крайнею наглостію и безстыдствомъ“ приходилъ въ конференціонную залу и географическій департаментъ, и, встрѣтивъ здѣсь профессора Винсгейма, занимавшагося въ архивѣ, началъ „поносить Винсгейма и всѣхъ профессоровъ многими бранными и ругательными словами, называя ихъ плутами и другими скверными словами безчестя, чего и писать стыдно“. Донося объ этомъ, академики требовали за обиду „знатной сатисфакціи“, безъ чего отказывались продолжать свои занятія, указывая въ то же время на опасность, что „безъ такой сатисфакціи никто изъ иностранныхъ государствъ впредь на убылыя мѣста пріѣхать не захочетъ“. Разсмотрѣвъ указанныя продерзости Ломоносова, комиссія приговорила его „къ лишенію живота или по крайней мѣрѣ къ наказанію на тѣлѣ и лишенію состоянія“. Этотъ приговоръ комиссіи, разумѣется, обрадовалъ всю нѣмецкую партію, которая такимъ образомъ надѣялась освободиться навсегда отъ безпокоившаго ее русскаго человѣка; но ея надеждамъ не было суждено сбыться. Съ одной стороны, великія дарованія и ученая и литературная слава Ломоносова, а съ другой то, что нападенія его на Академію имѣли основаніе въ дѣйствительномъ неустройствѣ Академіи, въ разныхъ академическихъ безпорядкахъ, что учиненныя имъ продерзости, какъ ни грубыми онѣ представлялись, не были при тогдашнихъ нравахъ какимъ-нибудь небывалымъ и исключительнымъ явленіемъ въ ученой средѣ,—все это спасло Ломоносова отъ строгаго и уничтожающаго приговора комиссіи. По указу императрицы онъ былъ освобожденъ отъ тѣлеснаго на-

казанія „ради довольнаго его обученія“; положено было только просить ему у профессоровъ прощенія, а за учиненныя непристойности въ конференціи, яко судебномъ мѣстѣ, приказано давать ему жалованья въ годъ противъ положеннаго оклада только половину. На половинномъ окладѣ Ломоносовъ пробылъ полгода.—Однимъ изъ главныхъ дѣятелей и участниковъ въ этихъ жалобахъ на Ломоносова былъ профессоръ Миллеръ, который въ то время только-что возвратился изъ сибирской экспедиціи ([1]). Очень понятно, что съ этого времени Ломоносовъ сталъ смотрѣть на Миллера, какъ на личнаго своего врага и врага всѣхъ русскихъ ученыхъ. Съ этого времени начались у Ломоносова и съ нѣкоторыми промежутками продолжались до его смерти враждебныя отношенія къ Миллеру. Такія отношенія, впрочемъ, были поддерживаемы и поведеніемъ самого Миллера, который, по отзывамъ современниковъ, не отличался мягкостью характера и гуманностью въ обращеніи съ русскими людьми ([2]). Но такъ какъ самыя важныя столкновенія Ломоносова съ Миллеромъ и Шлецеромъ происходили изъ-за русской исторіи, то всего умѣстнѣе будетъ сказать о нихъ при разсмотрѣніи трудовъ Ломоносова по русской исторіи.

Напряженная, ученая и литературная, дѣятельность, продолжительная борьба съ враждебной партіей и въ то же время частыя увлеченія въ крайности забвенія горя и непріятностей въ разгулѣ преждевременно разстроили здоровье Ломоносова. Узнавъ о его болѣзни, 7 іюня 1764 г. импер. Екатерина, съ княгиней Дашковой и нѣкоторыми придворными, посѣтила его на дому и старалась ободрить и вызвать его къ прежней дѣятельности; но это ободреніе, ожививъ Ломоносова на время, не могло возстановить уже совершенно упавшихъ его физическихъ и нравственныхъ силъ. 4 апр. 1765 г. онъ скончался.

Значеніе Ломоносова въ русской наукѣ и литературѣ. Еще при жизни Ломоносова, къ портрету при его сочиненіяхъ, изданныхъ по распоряженію Шувалова въ 1757 г., были приложены слѣдующіе стихи Поповскаго ([3]):

«Московскій здѣсь Парнассъ изобразилъ витію,
Что чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ.

([1]) Ист. Акад. Наукъ, ч. 1, стр. 336.

([2]) Тамъ же, ч. 1, стр. 364.

([3]) Другіе, впрочемъ, эти стихи приписывали И. И. Шувалову. Опытъ Истор. Словаря Новикова. Изданіе Ефремова, стр. 121.

Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ,
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ».

А Сумароковъ, въ эпистолѣ о стихотворствѣ, сказалъ о немъ.

«Онъ нашихъ странъ Мальгербъ,
Онъ Пиндару подобенъ».

Въ этихъ громкихъ стихахъ высказался взглядъ современниковъ на Ломоносова: онъ представляется великимъ русскимъ поэтомъ и ораторомъ, подобнымъ древнимъ греческимъ и римскимъ поэтамъ и ораторамъ, но почти ничего не говорится объ ученыхъ его заслугахъ. Точно также односторонне долго смотрѣли на Ломоносова и писатели и критики послѣдующаго времени до Пушкина, продолжая видѣть въ немъ идеалъ поэта и оратора, и называя его то „россійскимъ Пиндаромъ", то „россійскимъ орломъ, ширяющимся въ облакахъ". Но со времени Пушкина взглядъ на Ломоносова совершенно измѣнился. „Ломоносовъ, сказалъ Пушкинъ, былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ. Но въ семъ университетѣ профессоръ элоквенціи и поэзіи не что иное, какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ, вдохновенный свыше, и не ораторъ, мощно увлекающій. Однообразныя и стѣснительныя формы, въ которыя онъ отливалъ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Оды его, написанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. Его вліяніе на словесность было вредное и до сихъ поръ въ ней отзывается.... Ломоносовъ самъ не дорожилъ своею поэзіею и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нежели о должностныхъ одахъ. Съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о Сумароковѣ, страстномъ къ своему искусству... Зато съ какимъ жаромъ говоритъ онъ о наукахъ, о просвѣщеніи" (слѣдуютъ указанія на ученые труды Ломоносова) (1). „Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Жажда науки была сильнѣйшею страстію сей души, исполненной страстей. Историкъ, риторъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ и стихотворецъ, онъ все испыталъ и все проникъ" (2). Послѣ этого

(1) Сочин., изд. Исакова, т. 5, 403—404.—(2) Тамъ же, стр. 141.

отзыва начали столько же унижать значенiе Ломоносова въ исторiи русской литературы, сколько прежде его преувеличивали, обращая при этомъ вниманiе на его оды и похвальныя слова, которыя такъ строго осудилъ Пушкинъ, но попрежнему совершенно забывая то высокое значенiе Ломоносова въ русской наукѣ, на которое указалъ Пушкинъ. Только уже въ наше время, послѣ столѣтняго юбилея въ 1865 г., сталъ выясняться настоящiй образъ Ломоносова, какъ знаменитаго ревнителя и поборника русскаго просвѣщенiя, и признано было, что на Ломоносова нельзя смотрѣть отдѣльно только какъ на поэта, или какъ на ученаго, что въ исторiи русскаго просвѣщенiя одинаково важное значенiе имѣетъ и ученая и литературная его дѣятельность.

Ученая дѣятельность Ломоносова. Главнымъ предметомъ Ломоносова были естественныя науки, особенно химiя и физика, металлургiя и физическая географiя. Этими науками онъ преимущественно занимался въ теченiе первыхъ десяти лѣтъ своей службы: съ 1749 г., со времени знакомства съ Шуваловымъ, въ немъ усиливается наклонность къ занятiямъ словесными науками—исторiей и словесностью. Но и въ это время, до конца жизни, онъ не оставлялъ своихъ занятiй по химiи и физикѣ. „Что же до другихъ моихъ въ физикѣ и химiи упражненiй касается, писалъ онъ къ Шувалову въ 1755 г., чтобы ихъ вовсе покинуть; то нѣтъ въ томъ ни нужды, ни возможности. Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ успокоенiя; для того, оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ препровожденiя времени картами, шашками, и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ.... Итакъ уповаю, что мнѣ на успокоенiе отъ трудовъ, которые я на собиранiе и на сочиненiе россiйской исторiи и на украшенiе россiйскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобы ихъ вмѣсто бильярду употребить на физическiе опыты“.

Воспитанникъ Вольфа, Ломоносовъ вполнѣ усвоилъ его взглядъ на значенiе науки вообще и въ частности науки о природѣ. Всѣ изслѣдованiя научныя въ то время обыкновенно и въ Европѣ начинались вопросами съ одной стороны объ отношенiи науки къ религiи, съ другой—о практическомъ примѣненiи науки къ жизни. Тѣмъ болѣе значенiя имѣли эти вопросы у насъ въ Россiи, гдѣ наука только-что начинала появляться и гдѣ всякое изслѣдованiе могло считаться ненужною новостью или даже опасною ересью. Поэтому необходимость и польза наукъ и согласiе знанiя съ вѣрою были, какъ указано выше, почти постоянными темами Өеофана Прокоповича, Кантемира и Татищева. Эти же предметы прежде всего объяснялъ въ своихъ сочиненiяхъ и Ло-

моносовъ. Такъ, въ похвальномъ словѣ импер. Елисаветѣ онъ указываетъ на пользу астрономіи, физики, географіи, исторіи, философіи, медицины, химіи и механики [1]. Въ программѣ публичныхъ лекцій по физикѣ онъ говоритъ: „Кто, разобравъ часы, усмотрѣлъ изрядныя и пріятныя фигуры частей, пристойное ихъ расположеніе, взаимный союзъ и причину движенія: не больше ли веселится ихъ красотою, не надежнѣе ли чаетъ въ нихъ постояннаго движенія, не безопаснѣе ли полагается на ихъ показаніе времени, не вящше ли удивляется хитрому художеству и хвалитъ самаго мастера, нежели тотъ, кто смотритъ только на внѣшній видъ сея машины, внутренняго строенія не зная? Равнымъ образомъ, кто знаетъ свойства и смѣшеніе малѣйшихъ частей, составляющихъ чувствительныя тѣла, изслѣдовалъ расположеніе органовъ и движенія законы, натуру видитъ какъ нѣкоторую художницу, упражняющуюся предъ нимъ безъ закрытія въ своемъ искусствѣ“.... [2]. Начиная лекціи по химіи, онъ сказалъ „Слово о пользѣ химіи“, въ которомъ провелъ параллель между человѣкомъ ученымъ и человѣкомъ, ничего не знающимъ. „Представьте, говорилъ онъ, что одинъ человѣкъ немногія нужнѣйшія въ жизни вещи, всегда предъ нимъ обращающіяся, только назвать умѣетъ; другой не токмо всего, что земля, воздухъ и воды раждаютъ, не токмо всего, что искусство произвело чрезъ многіе вѣки, имена, свойства и достоинства языкомъ изъясняетъ, но и чувствамъ нашимъ отнюдь не подверженныя понятія ясно и живо словомъ изображаетъ.... Одинъ, думая, что за лѣсомъ, въ которомъ онъ родился, небо съ землею его соединилось, страшнаго звѣря, или большое дерево за божество толь малаго своего міра почитаетъ; другой, представляя себѣ великое пространство, хитрое строеніе и красоту всея твари, съ нѣкоторымъ священнымъ ужасомъ и благоговѣйною любовію почитаетъ Создателеву безконечную премудрость и силу“ [3]. Разъясняя при всякомъ случаѣ пользу всякой науки и всякаго знанія, Ломоносовъ особенно настаивалъ на необходимости изученія природы. Основную идею объ этомъ изученіи онъ выразилъ въ „Словѣ о происхожденіи свѣта“ въ слѣдующемъ положеніи: „Испытаніе природы трудно, однако пріятно, полезно и свято. Чѣмъ больше таинства ея разумъ постигаетъ, тѣмъ вящшее увеселеніе чувствуетъ сердце. Чѣмъ далѣе раченіе наше въ оной простирается, тѣмъ обильнѣе собираетъ плоды для потребностей житейскихъ. Чѣмъ глубже до самыхъ причинъ толь чудныхъ дѣлъ проницаетъ разсужденіе, тѣмъ яснѣе показывается непостижимый всего бытія

---

(1) Сочин., 1, стр. 572—574.—(2) Сочин., 1, 803—804.
(3) Сочин., 2, 2—3.

Строитель. Его всемогущества, величества и премудрости видимый сей міръ есть первый общій, неложный и неумолчный проповѣдникъ" ([1]). Такъ какъ многіе находили изслѣдованія природы опасными для вѣры, то Ломоносовъ долженъ былъ доказать, что „естествознаніе согласно съ религіею", и вообще объяснить, въ какомъ отношеніи находятся вѣра и знаніе, наука и религія. Въ Прибавленіи къ разсужденію: „Явленіе Венеры, на солнцѣ наблюденное", онъ говоритъ: „Правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя, никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду всклеплетъ. А благоразумные и добрые люди должны разсматривать, нѣтъ ли какова способа къ объясненію мнимаго между ними междоусобія". Указавъ затѣмъ на Шестодневъ Василія В. и Богословіе Іоанна Дамаскина, въ которыхъ находится много разсужденій о разныхъ явленіяхъ природы, онъ продолжаетъ: „Такъ сіи великіе свѣтильники познаніе натуры съ вѣрою содружить старались, соединяя его списканіе съ богодухновенными размышленіями въ однѣхъ книгахъ, по мѣрѣ тогдашняго знанія въ астрономіи. О, если бы тогда были изобрѣтены нынѣшнія астрономическія орудія, и были бы учинены многочисленныя наблюденія отъ мужей, древнихъ астрономовъ, знаніемъ небесныхъ тѣлъ несравненно превосходящихъ; если бы тогда открыты были тысящи новыхъ звѣздъ съ новыми явленіями; какимъ бы духовнымъ пареніемъ, соединеннымъ съ превосходнымъ ихъ краснорѣчіемъ, проповѣдали оные святые риторы величество, премудрость и могущество Божіе.... Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой—свою волю. Первая видимый сей міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга Священное Писаніе. Въ ней показано Создателево благоволеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ богодухновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснителя суть великіе церковные учители. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ, въ натуру вліянныхъ дѣйствій, суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учители. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ божескую волю вымѣрять циркуломъ. Таковъ же и богословіи учитель, если онъ думаетъ, что па Псалтыри научиться можно астрономіи и химіи. Толко-

([1]) Сочин., 2, 109.

ватели и проповѣдники Свящ. Писанія показываютъ путь къ добродѣтели... и благополучіе житія, съ волею Божіею согласнаго. Астрономы открываютъ храмъ Божеской силы и великолѣпія, изыскиваютъ способы и ко временному нашему блаженству, соединенному съ благоговѣніемъ и благодареніемъ ко Всевышнему. Обои еще удостовѣряютъ насъ не токмо о Бытіи Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ. Грѣхъ всѣвать между ними плевелы и раздоры" (1). Главныя сочиненія Ломоносова по естествознанію слѣдующія: 1) Слово о пользѣ химіи; 2) Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ; 3) Слово о происхожденіи свѣта; 4) Слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли; 5) Разсужденіе о большей точности морскаго пути; 6) Явленіе Венеры, на солнцѣ наблюденное 26 мая 1761 г.; 7) Первыя основанія металлургіи и 8) Два прибавленія къ нимъ: а) о вольномъ движеніи воздуха, въ рудникахъ примѣчаемомъ, и б) о слояхъ земли. Сочиненія, написанныя на латинскомъ языкѣ: 1) Размышленія о причинахъ теплоты и стужи; 2) Опытъ теоріи о упругости воздуха; 3) Разсужденіе о дѣйствіи химическихъ растворяющихъ средствъ вообще; 4) О анемометрѣ, орудіи, показующемъ величайшую скорость какого-либо вѣтра и купно перемѣны его направленій. Кромѣ цѣльныхъ изслѣдованій сохранилось множество плановъ, проектовъ, небольшихъ записокъ и замѣтокъ, свидѣтельствующихъ о неутомимыхъ разнообразныхъ занятіяхъ Ломоносова. Въ дѣлахъ Академіи Наукъ постоянно упоминается объ изобрѣтенныхъ Ломоносовымъ машинахъ и снарядахъ, о заказахъ, дѣлаемыхъ по его требованію то механику, то столяру, то оптику. Онъ касался всѣхъ вопросовъ, которые тогда возникали въ области естествознанія, и рѣшалъ ихъ самостоятельно и оригинально. Конечно, не всѣ его гипотезы были приняты наукой; его теоріи волнообразнаго теченія свѣта и образованія цвѣтовъ посредствомъ совмѣщенія частицъ не оправдались; зато сколько глубокихъ идей и свѣтлыхъ мыслей заключаютъ его изслѣдованія о происхожденіи электричества въ воздухѣ, о молніи и зарницѣ, о развитіи тепла посредствомъ вращательнаго движенія частицъ, о происхожденіи горъ отъ подъема земли силою огня, объ образованіи мѣсторожденій металловъ отъ землетрясеній, о возможности опредѣлять законы измѣненія погоды, о происхожденіи сѣвернаго сіянія отъ электричества. Когда, послѣ опредѣленія Ломоносова въ профессоры, Академія Наукъ послала его диссертаціи въ Берлинъ къ знаменитому математику Эйлеру, Эйлеръ написалъ Академіи: „Всѣ записки Ломоносова

---

(1) Сочин., 2, 270, 273.

по части химіи и физики не только хороши, но превосходны, ибо онъ съ такою основательностію излагаетъ любопытнѣйшіе, совершенно неизслѣдованные и необъяснимые для величайшихъ геніевъ предметы, что я вполнѣ убѣжденъ въ вѣрности его объясненій. При этомъ случаѣ я готовъ отдать г. Ломоносову справедливость, что онъ обладаетъ счастливѣйшимъ геніемъ для открытій физическихъ и химическихъ феноменовъ; и желательно было бы, чтобы всѣ прочіе академики были въ состояніи производить открытія, подобныя тѣмъ, которыя совершилъ Ломоносовъ". Особенно замѣчательны были изслѣдованія Ломоносова объ электричествѣ, въ которыхъ онъ самостоятельно пришелъ къ тѣмъ же выводамъ, до которыхъ въ это время дошелъ знаменитый Франклинъ. Въ 1753 г. было напечатано „Слово Ломоносова о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ". По этому поводу Эйлеръ писалъ къ Шумахеру: „Сочиненіе г. Ломоносова объ этомъ предметѣ я прочелъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Объясненія, данныя имъ относительно столь внезапнаго возникновенія стужи и происхожденія послѣдней отъ верхнихъ слоевъ воздуха въ атмосферѣ, я считаю совершенно основательными. Недавно я сдѣлалъ подобные же выводы изъ ученія о равновѣсіи атмосферы. Прочія догадки столько же остроумны, сколько и вѣроподобны и выказываютъ въ г. авторѣ счастливое дарованіе къ распространенію истиннаго познанія естествовѣдѣнія, чему образцы, впрочемъ, и прежде онъ представилъ въ своихъ сочиненіяхъ".... Въ 1754 г. тотъ же Эйлеръ писалъ президенту Академіи, Разумовскому: „Позвольте мнѣ приложить на ваше же имя отвѣтъ г. Ломоносову по одному весьма трудному предмету физики. Я никого не знаю, кто бы въ состояніи былъ такъ хорошо разъяснить такъ запутанный вопросъ, какъ этотъ даровитый человѣкъ, который своими познаніями приноситъ столько же чести Академіи, сколько и всей націи" (¹). Но не одинъ Эйлеръ такъ смотрѣлъ на Ломоносова; есть подобные о немъ отзывы и другихъ извѣстныхъ ученыхъ того времени: Вольфа, Кандамина, Гейнзіуса, Крафта и др. Всесторонняя оцѣнка ученыхъ заслугъ Ломоносова въ области естествознанія русскими учеными сдѣлана въ нынѣшнемъ столѣтіи и особенно по случаю столѣтняго юбилея Ломоносова въ 1865 г. Указывая на разные недостатки въ сочиненіяхъ Ломоносова, объясняющіеся современнымъ ему состояніемъ естествознанія, они признали въ нихъ много глубокихъ и свѣтлыхъ идей, много такихъ воззрѣній, которыя въ то время были совер-

---

(¹) Матеріалы Билярскаго, стр. 77. Очеркъ ученой дѣятельности Ломоносова. Я. К. Грота. Зап. Акад. Наукъ, т. VIII.

шенно новыми открытіями и которыя не потеряли значенія и въ настоящее время. Профессоръ физики, Любимовъ, въ своей статьѣ: „Ломоносовъ, какъ физикъ", говоритъ: „Ломоносовъ жадно слѣдилъ за движеніемъ науки, и вскорѣ послѣ того, какъ узналъ объ открытіи Франклина, рѣшился самъ повторить его опыты и составилъ цѣлую теорію воздушныхъ электрическихъ явленій, которая во многихъ пунктахъ сходится съ теоріею Франклина, а во многихъ превышаетъ ее. Замѣчательно, что Ломоносовъ составилъ свои теоретическіе взгляды на атмосферныя электрическія явленія, еще не читая классическихъ „Писемъ Франклина", которыя попались ему подъ руку, когда уже большая часть „Слова объ электричествѣ" была готова. Со свойственною ему воспріимчивостію, Ломоносовъ угадалъ, въ чемъ состоятъ главные вопросы въ области этого предмета, и составилъ теорію, которая, можетъ быть, превышаетъ всѣ современныя ему понятія о воздушномъ электричествѣ.... Ломоносовъ относитъ сѣверное сіяніе къ числу электрическихъ явленій атмосферы. Онъ объясняетъ это явленіе электричествомъ, возбуждаемымъ въ воздухѣ полярныхъ странъ отъ погруженія верхняго холоднаго воздуха въ нижній и скопляющимся въ самыхъ высшихъ слояхъ атмосферы, гдѣ оно свѣтится какъ въ пространствѣ, въ которомъ разрѣженъ воздухъ. Ломоносовъ хотѣлъ найти связь между явленіемъ грозы и сѣвернымъ сіяніемъ, и пришелъ къ заключенію, что въ началѣ осени и въ концѣ лѣта, обильнаго грозами, чаще бываютъ сѣверныя сіянія, нежели въ другое время. Упомянемъ еще, что, по мнѣнію Ломоносова, зарница принадлежитъ къ одному роду явленій съ сѣвернымъ сіяніемъ. Теорія сѣвернаго сіянія составлена Ломоносовымъ независимо отъ подобной же теоріи Франклина, которая имъ кратко выражена въ „Письмахъ" ([1]). Щуровскій въ своей рѣчи: „Ломоносовъ, какъ минералогъ и геологъ", разсматривая Слово Ломоносова „о рожденіи металловъ отъ трясенія земли" и прибавленіе къ металлургіи „О слояхъ земныхъ", говоритъ: „Счастливая мысль о происхожденіи каменнаго угля изъ торфяниковъ обыкновенно приписывалась нашему времени, но собственно она принадлежитъ Ломоносову. Онъ первый высказался, что каменный уголь образовался изъ торфа. Мысль эта казалась ему столь естественною, что, повидимому, даже не имѣла въ его глазахъ особенной важности. Уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Ломоносова, та же мысль была защищаема Вернеромъ, и еще позднѣе

([1]) Сборникъ разсужденій: «Въ воспоминаніе 12 января 1855 г.» Ученолитературныя статьи профессоровъ и преподавателей Москов. университета. Москва. 1855 г.; стр. 20—25.

извѣстными французскими геологами Броньяромъ и Эли де-Бомономъ, пока, наконецъ, сдѣлалась общимъ убѣжденіемъ. Но Ломоносовъ предупредилъ нынѣшнюю теорію образованія угля еще въ другомъ отношеніи: превращеніе торфяниковъ въ каменный уголь, по мнѣнію Ломоносова, должно было происходить при участіи подземнаго огня, слѣд. того же могучаго дѣятеля, который и по нынѣшней теоріи почитается самымъ главнымъ въ образованіи каменнаго угля. Мнѣніе Ломоносова относительно янтаря такъ общеизвѣстно и такъ естественно, что никому не приходитъ на мысль, чтобы можно было думать объ этомъ иначе, нежели какъ думалъ Ломоносовъ. Но въ то время, когда жилъ Ломоносовъ, на многія вещи смотрѣли совсѣмъ другими глазами. Большая часть тогдашнихъ ученыхъ принимали янтарь за минералъ, либо приписывали ему другое какое-либо происхожденіе, а не растительное. Ломоносовъ, напротивъ, призналъ янтарь за смолу, истекавшую нѣкогда изъ растеній..... Поднятіе и обрушеніе земныхъ пластовъ Ломоносовъ объяснялъ расширительнымъ дѣйствіемъ воздуха и сѣрныхъ паровъ, скоплявшихся въ глубокихъ подземныхъ хлябяхъ и отъ времени до времени вырывавшихся оттуда наружу.... Теоріи Ломоносова, по сравненіи съ нынѣшнею, недоставало только одного предположенія, именно предположенія объ огневомъ происхожденіи нашей планеты, о томъ, что земля наша сначала была огнежидкою массою и только въ теченіе времени остыла на своей поверхности и покрылась твердою корой; этой теоріи недоставало только предположенія о томъ, что внутри земли, вмѣсто воспламеняющейся сѣры, до сихъ поръ находятся огненножидкія и упругія вещества, которыя непрестанно стремятся наружу и составляютъ причину поднятія и разрушенія земной коры" ([1]). Академикъ Д. М. Перевощиковъ, говоря о наблюденіяхъ Ломоносова и Румовскаго надъ „прохожденіемъ Венеры чрезъ солнце 26 мая 1761 г.", замѣчаетъ: „Оба наблюдателя видѣли одни и тѣ же физическія явленія; но Румовскій ни слова не сказалъ о ихъ причинѣ, а Ломоносовъ весьма основательно объяснилъ существованіемъ атмосферы около Венеры. Спустя тридцать лѣтъ, послѣ небольшой полемики между Шретеромъ и В. Гершелемъ, эти знаменитые астрономы согласились въ существованіи атмосферы около Венеры, что еще позже подтвердилъ Араго. Итакъ Ломоносову принадлежитъ честь перваго открытія атмосферы около Венеры. По существованію атмосферы около всякой планеты, можно заключить, что она способна для жилища

([1]) Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова Москов. университетомъ. М. 1865 г.

органическихъ существъ, и потому Ломоносовъ объявляетъ себя послѣдователемъ Фонтенеля, и текстами изъ отцовъ церкви, Василія В. и Іоанна Дамаскина, доказываетъ, что ученіе о множествѣ міровъ ни мало не противорѣчитъ Св. Писанію"(1). „О первыхъ основаніяхъ металлургіи Ломоносова" г. Борисякъ сдѣлалъ такой отзывъ: „Въ воззрѣніяхъ на минералы Ломоносовъ отличается стремленіемъ къ самостоятельности, и, не смотря на нѣкоторые невѣрные взгляды—плодъ тогдашняго состоянія науки—онъ старается отрѣшиться отъ господствовавшихъ въ ней схоластическихъ предположительныхъ началъ.... Взглядъ Ломоносова на кристаллы соотвѣтствуетъ тому, какой установился въ нашемъ столѣтіи. Подмѣтивъ сходство кристалловъ съ кристаллами солей, Ломоносовъ задолго до знаменитаго врача первой французской революціи Леблана высказалъ вѣрную идею о способѣ ихъ происхожденія и какъ бы указываетъ на методъ наблюденія надъ ихъ образованіемъ. Сочиненіе Ломоносова о металлургіи вполнѣ доступно, популярно; номенклатура въ немъ русская. Появленіе подобнаго сочиненія въ то время, когда у насъ существовали горныя училища, а не было руководствъ...... нельзя считать иначе, какъ важною общественною заслугою Ломоносова" (2). О сочиненіяхъ Ломоносова по предмету геологіи г. Леваковскій въ рѣчи своей говоритъ: „Въ геологіи Ломоносовъ не былъ самостоятельнымъ изслѣдователемъ, передовымъ двигателемъ науки... къ чести Ломоносова нужно сказать, что онъ по взглядамъ и убѣжденіямъ стоялъ нисколько не ниже, а во многихъ случаяхъ и выше своихъ современниковъ.... Ломоносовъ первый въ Россіи изложилъ въ систематическомъ видѣ ученіе геологіи; онъ перенесъ лучшія по тогдашнему времени свѣдѣнія на русскую почву и далъ возможность своимъ соотечественникамъ сразу стать въ этомъ отношеніи въ уровень съ Западной Европой" (3). Наконецъ г. Лясковскій, оцѣнивая Ломоносова, какъ химика, и указывая на тогдашнее слабое состояніе химіи, говоритъ: „Химическій читатель трактатовъ Ломоносова съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ узнаетъ въ немъ не только изобрѣтательнаго экспериментатора и обладавшаго обширною ученостью руководителя въ области химіи, но и необыкновенно проницательнаго толкователя химическихъ явленій. Чтобы прійти къ такому заключенію, уже достаточно прочитать напр. его Meditationes de caloris et frigoris causa (размышленія

(1) Ист. Акад. Наукъ Пекарскаго. Ч. II, стр. 749—750.

(2) Тамъ же, стр. 816.

(3) Памяти Ломоносова 6 апрѣля 1865. Харьковъ. 1865. Истор. Акад. Наукъ Ч. II, стр. 817—818.

о причинѣ теплоты и холода) и Dissertatio de actione menstruorum chymicorum in genere (разсужденіе о химически растворяющихъ жидкостяхъ вообще). Эти трактаты, между прочимъ, доказываютъ, что Ломоносовъ былъ естествоиспытатель, пользовавшійся для рѣшенія химическихъ вопросовъ всѣми пособіями точныхъ изслѣдованій, и геометрическою демонстраціею, и опредѣленіемъ объема и вѣса, и микроскопомъ, и воздушнымъ насосомъ. Тутъ же можно убѣдиться въ большой начитанности Ломоносова и въ томъ, что, не смотря на распространенныя тогда понятія о флогистонѣ, объ элементарномъ огнѣ, его свѣтлый умъ вѣрно оцѣнивалъ тѣ химическіе факты, которые противорѣчили этимъ понятіямъ" ([1]).

Въ послѣдніе годы своей жизни Ломоносовъ съ увлеченіемъ занимался мозаикой, на которую онъ смотрѣлъ, какъ на практическое примѣненіе химіи. Онъ хотѣлъ мозаикой замѣнить живопись и видѣлъ въ ней орудіе для украшенія монументальныхъ созданій зодчества вѣковѣчными изображеніями великихъ людей Россіи. Съ другой стороны, введеніемъ этого искусства Ломоносовъ хотѣлъ вызвать въ Россіи новую отрасль промышленности и торговли, новый важный источникъ государственныхъ доходовъ. Сохранились еще проекты Ломоносова „о россійской иконографіи"... для собранія россійской иконологіи бывшихъ въ Россіи государей обоего пола и всякаго возраста; „объ экономическомъ лексиконѣ", въ которомъ должны быть указаны экономическія богатства Россіи; проектъ „академическихъ вѣдомостей" на русскомъ языкѣ, которыя бы знакомили общество и съ трудами русскихъ академиковъ и съ тѣмъ, что дѣлалось по наукѣ въ Европѣ; „проектъ внутреннихъ россійскихъ вѣдомостей", въ которыхъ сообщались бы свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи государства, на основаніи извѣстій изъ городовъ и губерній.

Литературная дѣятельность Ломоносова. Какъ ученый по призванію, считавшій главнымъ своимъ дѣломъ науку, Ломоносовъ сначала занимался литературой только въ свободное время, писалъ стихотворенія и ораторскія сочиненія только по какимъ-нибудь особеннымъ случаямъ; серьезно же сталъ заниматься вообще „словесными науками" уже во вторую половину своей жизни; но, какъ человѣкъ геніальный и при страстной своей натурѣ любившій влагать въ каждое занятіе всю свою душу, онъ и на сочиненія въ области литературы положилъ такую печать си-

---

([1]) Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова 1865 г. въ Москов. университетѣ. Истор. Акад. Наукъ, ч. II, стр. 451—452.

лы и оригинальности, что они производили болѣе сильное вліяніе на современниковъ, принесли больше плодовъ и вообще получили гораздо большее значеніе впослѣдствіи, чѣмъ его спеціальныя ученыя сочиненія, и поставили имя его во главѣ новой русской литературы, какъ ея творца, или преобразователя. Наука признала существенною заслугою Ломоносова въ области русской литературы то, что онъ усовершенствовалъ русскій литературный, прозаическій и стихотворный языкъ, написалъ грамматику русскаго языка и первую реторику на русскомъ языкѣ и далъ образцы краснорѣчія и поэзіи въ разныхъ родахъ и формахъ.

Сочиненія Ломоносова по языку и словесности. До Петра В. книжнымъ языкомъ былъ языкъ славянскій, или вѣрнѣе славяно-русскій, потому что съ самаго же начала славянской письменности въ славянскій языкъ, образцами котораго были священныя и богослужебныя книги, входили постоянно русскія слова и формы рѣчи, какъ это показываютъ не только лѣтописныя и историческія сочиненія свѣтской литературы, но и такія духовныя сочиненія XVI—XVII в., какъ Стоглавъ, Домострой и Четь-Минеи св. Димитрія Ростовскаго, а сочиненія литературы свѣтской, какъ напр. повѣсти, писались разговорнымъ русскимъ языкомъ. Съ Петра В. литературнымъ языкомъ сдѣлался уже русскій языкъ, но вмѣстѣ съ славянскимъ языкомъ, такъ что книжная рѣчь представляла въ себѣ чрезвычайно странную пеструю смѣсь словъ и оборотовъ славянскихъ, русскихъ и иностранныхъ, вошедшихъ съ реформою изъ разныхъ европейскихъ языковъ. Ломоносовъ въ сочиненіи „О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ“ (Сочин. I, 527—535) опредѣлилъ надлежащее мѣсто славянскаго языка и значеніе его для русскаго, указалъ, въ какихъ сочиненіяхъ должно употреблять славянскій и въ какихъ русскій языкъ, и на различномъ ихъ употребленіи основалъ, слѣдуя теоріи Аристотеля и Квинтиліана, различіе трехъ стилей въ литературѣ—„высокаго, средняго и низкаго“. „Церковно-славянскій языкъ, говоритъ онъ въ указанномъ сочиненіи, весьма много обогатился чрезъ переводъ книгъ священныхъ, богослужебныхъ и отеческихъ съ богатаго греческаго языка, на которомъ явилось столько превосходныхъ сочиненій духовнаго и свѣтскаго краснорѣчія. Поэтому изъ церковно-славянскаго языка мы можемъ умножать довольство россійскаго языка. Обогатившись отъ церковныхъ книгъ, русскій языкъ имѣетъ „разныя степени“—высокой, посредственной (средній), и низкой, происходящія отъ трехъ родовъ реченій“. Къ первому роду относятся тѣ слова, которыя у древнихъ славянъ и нынѣ у русскихъ употребляются, каковы напр. „Богъ, слава, рука, почитаю“; ко второму роду принадлежатъ тѣ церковно-

славянскія слова, которыя хотя мало употребляются въ разговорахъ, однако всѣмъ понятны, напр. „отверзаю, Господень, насажденный“; къ третьему роду относятся русскія слова, которыхъ нѣтъ въ церковныхъ книгахъ, напр. „ручей, говорю, который, пока, лишь“. Отъ этихъ трехъ родовъ словъ происходятъ въ русскомъ языкѣ „три стиля—высокій, посредственный (средній) и низкій“. Первый стиль образуется изъ реченій славяно-россійскихъ, употребляемыхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ—славянскомъ и русскомъ. Этимъ стилемъ должно писать поэмы, оды, прозаическія рѣчи о важныхъ матеріяхъ; этимъ стилемъ русскій языкъ преимуществуетъ предъ многими нынѣшними европейскими языками. „Средній стиль“ долженъ состоять изъ реченій русскаго языка, хотя въ немъ можно съ осторожностію употреблять и славянскія слова, только чтобы слогъ не казался надутымъ. Этимъ стилемъ должно писать всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыкновенное человѣческое слово (впрочемъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужно изобразить геройство и высокія мысли, можетъ быть употребляемъ и первый стиль), стихотворныя дружескія письма, сатиры, эклоги, элегіи; въ прозѣ этимъ стилемъ составляютъ „описанія достопамятныхъ дѣлъ и ученій благородныхъ“. „Низкій стиль“ образуется изъ реченій третьяго рода; этотъ стиль употребляется въ комедіяхъ, увеселительныхъ эпиграммахъ и пѣсняхъ, въ прозѣ—въ дружескихъ письмахъ и описаніяхъ обыкновенныхъ дѣлъ; въ этомъ стилѣ могутъ быть употребляемы и простонародныя слова. Но, кромѣ того, что изъ церковно-славянскаго языка мы заимствуемъ множество словъ для изображенія высокихъ и важныхъ идей, чрезъ этотъ языкъ мы соединяемся со всѣми славянскими народами, которые, хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками, но употребляютъ однѣ и тѣ же церковныя книги. Благодаря также церковнымъ книгамъ, мы до сихъ поръ можемъ разумѣть языкъ старыхъ книгъ, дошедшихъ до насъ отъ временъ Владиміра.—Указавъ на такую пользу церковно-славянскаго языка, Ломоносовъ совѣтуетъ прилежно читать церковныя книги. Старательнымъ и искуснымъ употребленіемъ церковно-славянскаго языка, вмѣстѣ съ русскимъ, можно „отвратить тѣ дикія и странныя слова, которыя входятъ къ намъ изъ чужихъ языковъ и искажаютъ красоту нашего языка“. Но послѣдователи Ломоносова, какъ справедливо замѣчаетъ при этомъ академикъ Гротъ, усвоивъ себѣ его уваженіе къ церковно-славянскимъ книгамъ, но не обладая его сдержанностію въ обращеніи съ языкомъ, обезобразили письменную рѣчь злоупотребленіемъ славянизмовъ ([1]).

([1]) Филологическія разысканія. Я. Грота. Спб. 1876. Т. 1, 3.

Опредѣливъ отношеніе русскаго языка къ славянскому, Ломоносовъ позаботился установить основныя формы русскаго языка въ своей „Россійской грамматикѣ". Послѣ грамматики Ададурова, „весьма не совершенной", это была первая настоящая грамматика русскаго языка. Изданная въ 1755 г., она въ теченіе полувѣка была единственною русскою грамматикою, до изданія грамматики Академіей Наукъ въ 1802 г. Въ посвященіи своей грамматики Павлу Петровичу, Ломоносовъ, изображая достоинства русскаго языка, замѣчаетъ: „Карлъ пятый, римскій императоръ, говорилъ, что ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятелями, итальянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но, если бы онъ россійскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе ишпанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность итальянскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка". (Сочин. 3, 250). Далѣе, объясняя необходимость изученія грамматики, онъ прибавляетъ: „Тупаораторія, косноязычна поэзія, не основательна философія, непріятна исторія, сомнительна юриспруденція безъ грамматики. И хотя она отъ общаго употребленія языка происходитъ, однако правилами показываетъ путь самому употребленію". (Тамъ же. стр. 250—251). Вся грамматика Ломоносова состоитъ изъ 6-ти наставленій. Первое наставленіе имѣетъ значеніе общаго введенія въ грамматику. Грамматика по ученію Ломоносова раздѣляется „на общую и особливую". „Общая" грамматика есть философское понятіе всего человѣческаго слова, а „особливая", какова россійская, есть „знаніе, какъ говорить и писать чисто россійскимъ языкомъ, по лучшему разсудительному его употребленію". Въ первомъ наставленіи кратко изложены нѣкоторыя понятія изъ общей грамматики о значеніи и происхожденіи частей рѣчи, которыя раздѣляются на главныя и служебныя. Въ слѣдующихъ затѣмъ пяти наставленіяхъ изложены законы и формы измѣненія частей рѣчи [1]. „Надобно согласиться, говоритъ Гротъ, что этотъ планъ чрезвычайно простъ и

---

[1] Первое изданіе грамматики Ломоносова было сдѣлано въ 1755 году; послѣднее изданіе (всѣхъ изданій было 12, кромѣ вошедшаго въ новое академическое собраніе сочиненій) «въ воспоминаніе столѣтія русской грамматики» въ 1855 г. было напечатано въ Учен. Зап. 2-го Отд. Акад. Наукъ; въ предисловіи къ этому изданію помѣщенъ списокъ славянскихъ и русскихъ грамматикъ, издан. съ 1591 г. по 1755 и съ 1755 г. по 1855 г. Лучшая оцѣнка грамматики Ломоносова сдѣлана академикомъ Я. К. Гротомъ. Филологическія разысканія. Т. 2, стр. 48—69. Спб. 1876.

разуменъ.... Главнымъ источникомъ понятій о живой рѣчи и вообще языкѣ послужили Ломоносову древніе писатели, Аристотель, Квинтиліанъ, Донатъ, Присціанъ, а можетъ быть еще и другіе... Нѣтъ сомнѣнія, что Ломоносовъ былъ знакомъ съ піитикою Аристотеля, слѣд. многія понятія о языкѣ могъ почерпнуть непосредственно изъ этого источника; другія могъ заимствовать изъ латинскихъ грамматиковъ, или и изъ писателей новаго времени, которые, разумѣется, сами также болѣе или менѣе пользовались древними... Не смотря, однакожъ, на нѣкоторыя черты сходства, указывающія на заимствованія въ грамматикѣ Ломоносова... трудъ его есть вполнѣ самостоятельный и зрѣло обдуманный плодъ внимательнаго изученія. Грамматика Ломоносова оригинальна и по своему расположенію и по самой разработкѣ законовъ языка... Русскіе въ правѣ гордиться появленіемъ у себя въ срединѣ XVIII столѣтія такой грамматики, которая не только выдерживаетъ сравненіе съ однородными трудами за то же время у другихъ народовъ, давно опередившихъ Россію на поприщѣ науки, но и обнаруживаетъ въ авторѣ удивительное пониманіе началъ языковѣдѣнія" ([1]). Но еще прежде русской грамматики, изданіе которой было остановлено другими занятіями, Ломоносовъ издалъ „Риторику", подъ заглавіемъ: „Краткое руководство къ краснорѣчію, книга первая, въ которой содержится Риторика, показующая общія правила обоего краснорѣчія т. е. ораторіи и поэзіи". Руководство это должно было состоять изъ трехъ частей: „Общей риторики", излагающей общія правила краснорѣчія, или словесности т. е. прозы и поэзіи; „Ораторіи", въ которой излагаются правила составленія ораторскихъ рѣчей и другихъ формъ прозаическихъ сочиненій, и „Піитики", въ которой содержатся правила стихотворства и составленія разныхъ формъ піитическихъ сочиненій. Ломоносовъ успѣлъ издать только первую часть т. е. „Общую риторику", въ которой говорится: 1) объ источникахъ риторическаго изобрѣтенія, 2) объ украшеніи риторическаго содержанія, или изобрѣтенныхъ идей посредствомъ троповъ и фигуръ, и 3) о расположеніи риторическаго содержанія по формамъ хрій, силлогизмовъ въ разговорахъ, описаніяхъ, повѣствованіяхъ и рѣчахъ. Риторика Ломоносова составлена по образцу классическихъ риторикъ Кауссина, Помея и Годшеда, употреблявшихся въ то время во всѣхъ европейскихъ школахъ, и сама по себѣ не заключала ничего оригинальнаго; важное ея значеніе состояло въ томъ, что она написана была на русскомъ языкѣ (прежнія риторики писались на латинскомъ языкѣ, иногда съ славянскимъ переводомъ)

([1]) Филологическія разысканія, том. 2, стр. 48, 59, 60, 62, 66, 69.

и что каждое ея правило и каждая форма рѣчи, прозаической и стихотворной, были объяснены примѣрами на русскомъ языкѣ изъ разныхъ образцовыхъ сочиненій древнихъ и новыхъ писателей, духовныхъ и свѣтскихъ, Гомера, Виргилія, Демосѳена, Цицерона, Плинія младшаго, Сенеки, Марціала, Василія В., Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Камоэнса (изъ Лузіады), Мосгейма, Эразма Роттердамскаго и др. „Замѣчательно, говоритъ Пекарскій, въ этой риторикѣ и то, что и переводчиковъ и авторовъ всѣхъ возможныхъ примѣровъ и образцовъ совмѣщало въ себѣ одно лицо—Ломоносовъ" ([1]).

Ломоносовъ не ограничивался одной теоріей. Утверждая формы русскаго языка и русскаго краснорѣчія правилами грамматики и риторики, онъ въ то же время давалъ образцы литературнаго языка и краснорѣчія. Къ нимъ, кромѣ указанныхъ примѣровъ въ риторикѣ, относятся разныя разсужденія и особенно похвальныя слова и рѣчи Ломоносова. Во всѣхъ риторикахъ лучшими образцами краснорѣчія всегда представлялись два похвальныхъ слова импер. Елисаветѣ Петровнѣ и Петру В. Похвальное слово Елисаветѣ Петровнѣ было сказано Ломоносовымъ сначала въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ въ день тезоименитства императрицы 6 сентября 1749 г. За это Слово императрица подарила Ломоносову дачу Коровалдай на финскомъ берегу. Ломоносовъ принялъ этотъ подарокъ, какъ знакъ покровительства императрицы въ лицѣ его наукамъ; онъ повторилъ похвальное слово въ день восшествія императрицы на престолъ 26 ноября 1749 г., присоединивъ къ нему похвалу наукамъ, которымъ покровительствуетъ императрица. Подобно всѣмъ ораторскимъ рѣчамъ, Слово состоитъ изъ приступа, раздѣленія, изложенія и заключенія. Въ приступѣ изображается радость всей Россіи, празднующей восшествіе императрицы на престолъ. „Если бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели, въ который подъ благословенною державою всемилостивѣйшія государыни нашея покоющіеся многочисленные народы торжествуютъ и веселятся о преславномъ ея на всероссійскій престолъ восшествіи, возможно было намъ, радостію восхищеннымъ, вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли обозрѣть обширность пространнаго ея владычества, и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца безпрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ Елисаветы; коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось" ([2]). Въ раздѣленіи перечи-

---

([1]) Ист. Акад. Наукъ, ч. II, стр. 389.

([2]) Сочин., 1, 551.

слены тѣ добродѣтели императрицы, которыя авторъ намѣренъ изобразить въ Словѣ; въ изложеніи, составляющемъ главную часть и содержаніе Слова, разсматривается отдѣльно каждая добродѣтель: благочестіе, мужество, великодушіе, мудрость, человѣколюбіе, милосердіе и щедрость. Прославляя покровительство императрицы наукамъ, Ломоносовъ изображаетъ пользу наукъ, и затѣмъ представляетъ саму императрицу говорящею учащемуся юношеству: „Обучайтесь прилежно: Я видѣть Россійскую академію, изъ сыновъ россійскихъ состоящую, желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ. Сего польза и слава отечества, сего намѣреніе моихъ родителей, сего мое произволеніе требуетъ. Не описаны еще дѣла моихъ предковъ, и не воспѣта по достоинству Петра великая слава. Простирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи россійскаго слова. Въ пространной моей державѣ неоцѣненныя сокровища, которыя натура обильно производитъ, лежатъ потаенны и только искусныхъ рукъ ожидаютъ: прилагайте крайнее стараніе къ естественныхъ вещей познанію, и ревностно старайтесь заслужить мою милость“ (¹). Въ заключеніе Слова Ломоносовъ дѣлаетъ обращеніе къ императрицѣ съ желаніемъ, чтобы она всегда украшалась своими добродѣтелями.—Похвальное слово Петру В. сказано Ломоносовымъ 26 апрѣля 1755 г. Въ этомъ Словѣ Ломоносовъ прославляетъ дѣла Петра В. и съ похвалою ему соединяетъ похвалу и его дочери, импер. Елисаветѣ Петровнѣ, которая явилась подражательницею его дѣламъ. Кромѣ приступа и заключенія, Слово состоитъ изъ 3-хъ частей. Въ 1-й части изображаются дѣла Петра В.: распространеніе наукъ въ Россіи, устройство войска и флота, воинскіе подвиги и гражданскія учрежденія; во 2-й части—трудности, какія испыталъ Петръ при совершеніи этихъ дѣлъ: опасности во время путешествій по Европѣ, стрѣлецкія возмущенія, предательство ближнихъ, коварство внѣшнихъ враговъ; въ 3-й части—добродѣтели Петра: благочестіе, мудрость, великодушіе, мужество, правосудіе, снисходительность, трудолюбіе. При этомъ, изображая разнообразную дѣятельность Петра, Ломоносовъ говоритъ: „Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь: вездѣ Петра В. вижу въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ

(¹) Тамъ же, стр. 575—576.

вездѣ Петръ, но не многіе, и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню великаго государя? Кому уподоблю нашего героя?... Часто размышлялъ я: каковъ Тотъ, который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море; дхнетъ духъ Его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ, и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. Итакъ, ежели человѣка, Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра В. не обрѣтаю" [1]. Образцомъ при составленіи этого Слова служилъ для Ломоносова Панегирикъ Траяну Плинія младшаго, который въ немъ возвелъ Траяна въ божество; изъ этого панегирика Ломоносовъ заимствовалъ нѣкоторыя мѣста и между прочимъ приведенное сейчасъ языческое, совсѣмъ не свойственное христіанскому поэту, сравненіе Петра съ божествомъ.

Въ этихъ похвальныхъ словахъ, какъ и въ другихъ ораторскихъ произведеніяхъ, Ломоносовъ слѣдовалъ теоріи классическаго краснорѣчія, по которой ораторскія рѣчи должны были составляться высокимъ слогомъ, и въ строеніи рѣчи подражалъ латинскимъ и нѣмецкимъ образцамъ; отсюда въ нихъ длинные періоды съ глаголами на концѣ и со множествомъ вводныхъ, придаточныхъ и дополнительныхъ предложеній; отсюда въ нихъ вообще тотъ утомительный и тяжелый ходъ рѣчи, на который указалъ Пушкинъ. Но совершенно другой характеръ имѣютъ строй рѣчи и языкъ Ломоносова въ разныхъ его ученыхъ сочиненіяхъ, въ его письмахъ, запискахъ, въ разныхъ проектахъ и планахъ, въ которыхъ онъ не считалъ нужнымъ слѣдовать теоріи и утвердившимся образцамъ, а писалъ по требованіямъ своего генія. Въ этихъ сочиненіяхъ, которыя собственно и нужно считать образцами языка и слога Ломоносова, русская рѣчь отличается краткостію, простотою, естественностію и близостію къ рѣчи разговорной. Языкъ въ нихъ богатъ сильными, мѣткими и оригинальными словами и оборотами. Видно, что Ломоносовъ обладалъ глубокимъ знаніемъ и русскаго народнаго, и церковно-славянскаго, и книжнаго литературнаго языка. Языкъ въ этихъ сочиненіяхъ и составляетъ одну изъ существенныхъ заслугъ Ломоносова въ русской литературѣ.

Въ области поэзіи главная заслуга Ломоносова состоитъ также въ усовершенствованіи поэтическаго, или стихотворнаго языка. Въ „Письмѣ о правилахъ россійскаго стихотворства", приложенномъ къ Одѣ на взятіе Хотина, онъ указалъ, что „россійскіе

---

[1] Тамъ же, 614—615.

стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству; а того, что ему весьма не свойственно, изъ другихъ языковъ не вносить; что силлабическое стихосложеніе, наблюдающее только то, чтобы стихъ состоялъ изъ одинакого количества слоговъ, не обращая вниманія на то, какіе будутъ эти слоги, долгіе или короткіе, противно русскому языку, что природа русскаго языка требуетъ размѣра тоническаго, основывающагося на различіи и равномѣрномъ употребленіи слоговъ долгихъ и короткихъ; что долгими въ русскомъ языкѣ слѣдуетъ назвать только тѣ слоги, надъ которыми стоитъ „сила“ т. е. удареніе; что въ русскомъ языкѣ мы имѣемъ неисчерпаемое богатство долгихъ и краткихъ реченій, и потому можемъ употреблять въ своемъ стихосложеніи всѣ двухсложныя и трехсложныя стопы и всѣ роды стиховъ, употребляемыхъ у грековъ, римлянъ и нѣмцевъ: ямбическій, анапестическій, смѣшанный изъ анапестовъ и ямбовъ, хореическій, дактилическій, смѣшанный изъ хореевъ и дактилей; что русскому стихосложенію свойственны не однѣ женскія риѳмы, которыя до сихъ поръ употреблялись въ немъ, по образцу силлабическаго польскаго стихосложенія, но и мужскія и тригласныя; что для большей красоты и разнообразія мужскія, женскія и тригласныя риѳмы могутъ быть перемѣшиваемы между собою.

Поэтическія сочиненія Ломоносова. Но указать правила стихосложенія еще не много значило; почти тѣ же самыя правила указывалъ и Тредьяковскій. Важно было то, что Ломоносовъ подтвердилъ и объяснилъ эти правила своими собственными стихотвореніями, въ которыхъ онъ представилъ образцы разныхъ формъ поэзіи. Онъ написалъ 11-ть одъ духовныхъ; 8-мь изъ нихъ составляютъ переложенія псалмовъ; содержаніе 9-й взято изъ книги Іова; 10-я утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ; 11-я вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, по случаю сѣвернаго сіянія; 19-ть одъ похвальныхъ; Ода на счастіе, переводъ оды Руссо; 50-тъ похвальныхъ надписей, написанныхъ по разнымъ торжественнымъ случаямъ; 13-ть мелкихъ стихотвореній, заключающихъ въ себѣ экспромпты, посланія къ импер. Елисаветѣ и Екатеринѣ и вельможамъ; двѣ пѣсни эпической поэмы „Петръ В.“; двѣ трагедіи „Тамира и Селимъ“ и „Демофонтъ“ и посланіе къ Шувалову о пользѣ стекла.

Такимъ образомъ Ломоносовъ писалъ во всѣхъ родахъ поэзіи; но всего болѣе удалась ему ода, которая была болѣе сродна его лирическому таланту и болѣе сообразна съ обстоятельствами того времени. Онъ считался представителемъ русской классической оды, какъ Херасковъ—представителемъ эпической поэмы, а Сумароковъ—классической трагедіи. На одахъ Ломоносова вполнѣ отразились

какъ вообще указанныя выше свойства ложно-классическаго направленія, такъ и въ частности черты ложно-классической оды. Образцомъ оды для Ломоносова были оды Пиндара и Горація и французскихъ и нѣмецкихъ писателей, подражавшихъ этимъ поэтамъ. Первымъ его стихотворнымъ опытомъ, какъ выше указано, былъ переводъ оды Фенелона „На уединеніе"; первая подражательная ода „На взятіе Хотина" написана по подражанію современному нѣмецкому поэту, Гюнтеру. Чувство религіозное и патріотическое, любовь къ природѣ и наукѣ были источниками поэтическаго одушевленія Ломоносова. Въ тяжелыхъ обстоятельствахъ своей жизни, исполненной борьбы и всякаго рода лишеній и страданій, физическихъ и нравственныхъ, Ломоносовъ любилъ обращаться за утѣшеніемъ къ вѣрѣ и искалъ облегченія въ пѣснопѣніяхъ Давида, въ страдальческой жизни Іова; онъ переложилъ нѣсколько псалмовъ въ стихи и написалъ оду изъ книги Іова. Нѣкоторые его псалмы, какъ-то: Псал. XIV: Господи, кто обитаетъ въ свѣтломъ домѣ, выше звѣздъ... и Псал. CXLV: Хвалу Всевышнему Владыкѣ потщися, духъ мой, возсылать... пріобрѣли особенную популярность, были переложены на ноты и долго распѣвались даже въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Вотъ нѣсколько стиховъ изъ послѣдняго псалма:

«Хвалу Всевышнему Владыкѣ
Потщися, духъ мой, возсылать:
Я буду пѣть въ гремящемъ ликѣ
О Немъ, пока могу вздыхать.

Никто не уповай во вѣки
На тщетну власть князей земныхъ:
Ихъ тѣжъ родили человѣки,
И нѣтъ спасенія отъ нихъ.
. . . .
. . . .

Блаженъ тотъ, кто себя вручаетъ
Всевышнему во всѣхъ дѣлахъ,
И токмо въ помощь призываетъ
Живущаго на небесахъ».

Въ Одѣ изъ книги Іова (глав. XXXVIII—XLI) содержится свободное, съ нѣкоторыми пропусками, переложеніе рѣчи Божіей къ Іову, въ которой изображается съ одной стороны Божественное всемогущество, а съ другой—безсиліе и ничтожество человѣка. Въ началѣ оды прибавлено Ломоносовымъ обращеніе къ человѣку, ропщущему въ несчастіи на Бога:

«О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ,
И такъ его на распрю звалъ:
«Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ.
Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!
Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчисленны тмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою,
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ
Мое величество вѣщали;
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?
Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвинулъ океанъ?
Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть,
И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить,
Пловцу способный вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить».
. . . .

А въ концѣ оды присоединено наставленіе переносить несчастія съ терпѣніемъ и надеждою на Бога:

«Сіе, о смертный, разсуждая,
Представь Зиждителеву власть,
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣньи часть!
Онъ все на пользу нашу строитъ,

Казнитъ кого, или покоитъ;
Въ надеждѣ тяготу сноси,
И безъ роптанія проси!»

Какъ въ молодыхъ годахъ наблюденіе надъ явленіями природы, такъ и впослѣдствіи ученое ихъ изслѣдованіе возбуждали въ Ломоносовѣ глубокое чувство благоговѣнія и удивленія къ величію и премудрости Божіей. Это чувство онъ выразилъ въ двухъ одахъ: „Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ“ и „Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, по случаю сѣвернаго сіянія“, которыя справедливо считаются лучшими его поэтическими произведеніями. Онѣ проникнуты неподдѣльнымъ религіознымъ чувствомъ, исполнены прекрасными картинами природы и написаны легкими, гармоническими ямбами. Вотъ въ какой картинѣ изображены восходъ солнца и озареніе имъ всей природы въ „Утреннемъ размышленіи о Божіемъ величествѣ“:

»Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли,
И Божія дѣла открыло;
Мой духъ, съ веселіемъ внемли!
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!
Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло приближившись воззрѣть;
Тогда бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.
Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ.
Горящи тамъ дожди шумятъ.
Сія ужасная громада
Какъ искра предъ тобой одна.
О коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжена,
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что ты творить намъ повелѣлъ»!

Особенно замѣчательно „Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ“ по великолѣпному изображенію сѣвернаго сіянія, которое Ломоносовъ еще въ дѣтствѣ наблюдалъ на Сѣверномъ океанѣ, и которое потомъ, какъ ученый, объяснялъ въ „Словѣ о воздушныхъ явленіяхъ, отъ электрической силы происходящихъ“.

«Лицо свое скрываетъ день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь,
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.
Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Теряюсь, мысльми утомленъ!

. . . .

Но гдѣ жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!
О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ!
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ;
Скажите, что насъ такъ мятетъ?
Что зыблетъ ясный нощью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы раждалъ пожаръ?

. . . .

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Не свѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите жъ, коль великъ Творецъ!» (1).

Другимъ источникомъ поэтическаго одушевленія Ломоносова было чувство патріотическое. Это чувство его въ первый разъ выразилось въ „Одѣ на взятіе Хотина въ 1739 г.“, потомъ въ „Одѣ на восшествіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны“, и выражалось въ продолженіе всего ея царствованія въ

(1) Сочин., 1, 28—32.

похвальныхъ словахъ и одахъ, которыя и дали Ломоносову имя пѣвца Елисаветы. Вотъ начало оды на взятіе Хотина:

«Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ горахъ шумѣть забылъ,
Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто ключъ молчитъ,
Которой завсегда журчитъ
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.

Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ Музыку;
Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику.
Врачебной дали мнѣ воды:
Испей и всѣ забудь труды;
Умой росой Кастальской очи,
Чрезъ степь и горы взоръ простри,
И духъ свой къ тѣмъ странамъ впери,
Гдѣ всходитъ день по темной ночи».

Послѣ непомѣрно тяжкаго положенія во время гнета Бирона и господства нѣмецкой партіи вообще при Аннѣ Іоанновнѣ, кроткое царствованіе Елисаветы, возстановившей въ Россіи просвѣщеніе, начатое Петромъ В., и покровительствовавшей всѣмъ русскимъ людямъ, трудившимся на пользу Россіи, казалось современникамъ чуть не золотымъ вѣкомъ. Мы видѣли, что въ похвальномъ словѣ Елисаветѣ Ломоносовъ представляетъ ее наслѣдницею и продолжательницею славныхъ дѣлъ Петра, покровительницею русской науки и русскаго просвѣщенія. Это же выражается и въ похвальныхъ его одахъ. Лучшею изъ этихъ одъ въ художественномъ отношеніи считается ода на восшествіе на престолъ императрицы, написанная въ 1747 г. Ода начинается прославленіемъ тишины, или мира, который Елисавета своимъ мудрымъ и кроткимъ правленіемъ доставила Россіи. Этотъ миръ служитъ источникомъ благоденствія народнаго вообще и въ частности причиною процвѣтанія наукъ.

«Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,

Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.
Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ,
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы тебя».

Изображая пользу наукъ, Ломоносовъ и здѣсь, также какъ въ Похвальномъ Словѣ Елисаветѣ, обращается къ учащемуся русскому юношеству:

«О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать».

Оканчивается ода извѣстными стихами въ похвалу наукъ, составляющими переводъ одного мѣста изъ рѣчи Цицерона pro Archia poëta:

«Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ щастливой жизни украшаютъ,
Въ нещастной случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ»...

Но и въ этой лучшей похвальной одѣ Ломоносова отразилось, какъ въ построеніи ея по образцу одъ Пиндара и Горація,

такъ особенно въ употребленіи миѳологическихъ образовъ, греческихъ музъ, боговъ и богинь, то ложно-классическое направленіе, которому онъ слѣдовалъ въ своихъ стихотвореніяхъ.

«Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на россійскій флагъ.
. . . .
Верьхи парнасски возстенали,
И музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь просвѣтлый духъ...
. . . .
И се Минерва ударяетъ
Въ верьхи рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ».

Любовь къ наукѣ, замѣтилъ Пушкинъ, была главною страстію страстной души Ломоносова. Чувство любви къ ней, выражавшееся во всей его жизни и во всѣхъ его сочиненіяхъ, съ особенною силою обнаруживалось тогда, когда онъ видѣлъ неуваженіе къ наукѣ, или нападеніе на нее. Съ такимъ чувствомъ написано его посланіе о пользѣ стекла. По характеру своему, оно принадлежитъ къ такъ называемымъ дидактическимъ произведеніямъ, въ которыхъ поэты XVIII в. любили излагать стихами иногда совсѣмъ не поэтическіе предметы. Но Ломоносовъ, съ увлеченіемъ занимавшійся въ это время мозаикой, на которую другіе нападали, какъ на безполезное искусство, написалъ свое посланіе о стеклѣ съ истинно поэтическимъ одушевленіемъ. Ближайшимъ поводомъ къ нему былъ слѣдующій случай. На обѣдѣ у Шувалова, на которомъ Ломоносовъ былъ въ кафтанѣ съ стеклянными пуговицами, кто-то замѣтилъ ему, что стеклянныя пуговицы нынѣ уже не въ модѣ. Ломоносовъ отвѣчалъ, что носитъ такія пуговицы не по модѣ, а изъ уваженія къ стеклу, и съ одушевленіемъ началъ ему объяснять пользу стекла въ домашнемъ быту, въ ремеслахъ, художествахъ и наукахъ. Эти объясненія такъ понравились Шувалову, что онъ посовѣтовалъ Ломоносову изложить ихъ въ стихахъ. На этотъ случай и указываетъ начало „Посланія", заключающее обращеніе къ Шувалову:

«Не право о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ,

Приманчивымъ лучемъ блистающихъ въ глаза:
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.
Не рѣдко я для той съ Парнасскихъ горъ спускаюсь;
И нынѣ отъ нея на верхъ ихъ возвращаюсь,
Пою передъ тобой въ восторгѣ похвалу
Не камнямъ дорогимъ, не злату, но стеклу.
И какъ я оное хваля воспоминаю,
Не ломкость лживаго я щастья представляю.
Не должно тлѣнности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить.
Другихъ вещей конечный раздѣлитель;
Стекло имъ рождено, огонь его родитель».

Затѣмъ Ломоносовъ указываетъ на тѣ предметы, которые приготовляются изъ стекла—на разные сосуды, употребляемые въ разныхъ случаяхъ, на стекла, зеркала, бисеръ, очки, зрительныя трубы, микроскопъ, барометръ, электрическія машины и проч.

«Когда неистовый свирѣпствуя Борей
Стѣсняетъ мразомъ насъ въ упругости своей;
Великой не терпя и строгой перемѣны,
Скрываетъ человѣкъ себя въ толстыя стѣны.
Онъ былъ бы принужденъ безъ свѣту въ нихъ сидѣть,
Или съ дрожаніемъ несносный хладъ терпѣть.
Но солнечны лучи онъ сквозь стекло впускаетъ
И лютость холода чрезъ тоже отвращаетъ.

По долговременномъ теченьи нашихъ дней,
Тупѣетъ зрѣніе ослабленныхъ очей.
Померкшее того не представляетъ чувство,
Что кажетъ въ тонкостяхъ натура и искусство.
Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книгъ:
Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ!
Тогда противенъ день, веселіе досада!
Одно лишь намъ стекло въ сей бѣдности отрада.
Оно способствіемъ искусныя руки
Подать намъ зрѣніе умѣетъ чрезъ очки.

Хоть острымъ взоромъ насъ природа одарила,
Но близокъ онаго конецъ имѣетъ сила.
Кромѣ, что вдалекѣ не кажетъ намъ вещей
И собранныхъ трубой онъ требуетъ лучей,
Коль многихъ тварей онъ еще не досягаетъ,
Которыхъ малый ростъ предъ нами сокрываетъ!
Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ микроскопъ открылъ,

Богъ невидимыхъ животныхъ сотворилъ.
Коль тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы,
И нервы, что хранятъ въ себѣ животны силы.
Не меньше, нежели въ пучинѣ тяжкій китъ,
Насъ малый червь частей сложеніемъ дивитъ.
Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
Великъ въ строеніи червей, скудели тѣсной!
Стекломъ познали мы толики чудеса,
Чѣмъ Онъ наполнилъ понтъ и воздухъ и лѣса.
Прибавивъ ростъ вещей, оно коль намъ потребно
Являетъ травъ разборъ и знаніе врачебно.
Коль много микроскопъ намъ тайностей открылъ,
Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жилъ!

Но что еще? Уже въ стеклѣ намъ барометры
Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро будутъ вѣтры;
Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,
Иль, облаки прогнавъ, ихъ солнце осушитъ.
Надежда наша въ томъ обманами не льстится:
Стекло поможетъ намъ, и дѣло совершится.
Открылись точно имъ движенія свѣтилъ:
Чрезъ тожъ откроется въ погодахъ разность силъ.
Коль могутъ щастливы селяне быть оттолѣ,
Когда не будетъ зной, ни дождь опасенъ въ полѣ!
Какой способности ждать должно кораблямъ,
Узнавъ, когда шумѣть или молчать волнамъ,
И плавать по морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ семъ и горъ златыхъ достойно» (¹).

Такимъ образомъ Ломоносовъ проникался высокимъ поэтическимъ одушевленіемъ, когда приводилось ему писать о предметахъ, близкихъ его сердцу, хотя бы эти предметы для другихъ и не казались важными и поэтическими; но тамъ, гдѣ не было такихъ предметовъ, его совершенно покидало вдохновеніе. Пушкинъ, мы видѣли, назвалъ оды Ломоносова „утомительными и надутыми“; дѣйствительно, во многихъ его торжественныхъ одахъ поэтическое одушевленіе нерѣдко смѣшивается съ риторствомъ и отзывается напряженіемъ; рядомъ съ истиннымъ чувствомъ мы встрѣчаемъ въ нихъ растянутыя мысли, преувеличенные образы, неестественныя сравненія. Но особенно такими недостатками наполнены его 50 похвальныхъ надписей, которыя были написаны большею частію по заказу, на разные торжественные случаи.

(¹) Сочин., т. 1, 507.

То же должно сказать и объ эпическихъ и драматическихъ его опытахъ. По подражанію древнимъ эпическимъ поэмамъ, Ломоносовъ хотѣлъ написать героическую поэму „Петръ В.", но написалъ только двѣ пѣсни. Въ первой пѣсни изображается плаваніе Петра В. по Бѣлому морю, во время Шведской войны, буря и спасеніе отъ нея въ Унской губѣ, посѣщеніе Соловецкаго монастыря и разговоръ Петра съ настоятелемъ этого монастыря о расколѣ и стрѣлецкихъ бунтахъ. Во второй пѣсни описывается осада и взятіе Шлиссельбурга. По желанію импер. Елисаветы, Ломоносовъ написалъ двѣ трагедіи: „Тамира и Селимъ" и „Демофонтъ". Дѣйствіе первой трагедіи происходитъ въ Крыму. Тамира—крымская царевна, дочь Мумета, царя крымскаго; Селимъ—багдадскій царевичъ. Дѣйствіе другой трагедіи „Демофонтъ" происходитъ во Ѳракіи. Демофонтъ—сынъ Тезея, царя Аѳинскаго. Но эти опыты вышли неудачны; въ нихъ нѣтъ ни характеровъ, ни вѣрнаго изображенія страстей. Сохранилось еще нѣсколько сатирическихъ сочиненій, указывающихъ на сатирическій талантъ Ломоносова. Таковы: гимнъ бородѣ и сатиры на Тредьяковскаго и Сумарокова ([1]).

Но, при всѣхъ указанныхъ недостаткахъ, стихотворенія Ломоносова въ то же время заключаютъ въ себѣ столько достоинствъ, что они сдѣлались образцами подражанія для современныхъ и послѣдующихъ поэтовъ, дали начало новой школѣ и установили направленіе литературы на цѣлый періодъ, продолжавшійся до Карамзина. Конечно, это направленіе было ложно-классическое, долго вредившее самостоятельному развитію русской литературы; но мы не имѣемъ права обвинять за него Ломоносова, который не самъ создалъ это направленіе, а вмѣстѣ съ образцовыми произведеніями заимствовалъ изъ европейскихъ литературъ, въ которыхъ оно въ это время было господствующимъ направленіемъ. Современниковъ Ломоносова всего болѣе увлекалъ его сильный, звучный и гармоническій стихъ; созданіе такого стиха и составляетъ существенную его заслугу въ области русской поэзіи.

Труды Ломоносова по русской исторіи. Столкновеніе его съ Миллеромъ и Шлецеромъ. Рядомъ съ литературой у Ломоносова шли занятія по русской исторіи. Русской исторіей Ломоносовъ началъ заниматься по убѣжденію Шувалова и самой импер. Елисаветы, которая выразила желаніе „видѣть россійскую

([1]) Образцы литературной полемики прошлаго столѣтія, А. Аѳанасьева. Библіогр. Записки 1859, №№ 15, 17. Любопытные документы изъ портфелей Миллера. Москвит. 1854 г., №№ 1 и 2.

исторію, его штилемъ написанную“. Но, начавъ заниматься по возбужденію другихъ, онъ такъ увлекся исторіей, что сталъ смотрѣть на нее, какъ на любимое свое дѣло, и занимался съ такою ревностію, что стремился устранить отъ нея даже настоящихъ историковъ, Миллера и Шлецера. Въ 1758 г. онъ написалъ первую часть „Древней россійской исторіи“ (отъ начала россійскаго народа до кончины Ярослава), которая въ печати явилась уже послѣ его смерти, въ 1766 г.; при жизни же своей онъ успѣлъ издать въ 1760 г. только небольшое руководство, подъ названіемъ „Краткій россійскій лѣтописецъ“, заключающее въ себѣ перечень великихъ князей и царей русскихъ, отъ Рюрика до Петра В. включительно, и „Родословіе россійскихъ государей“, доведенное до послѣдняго времени.—Въ исторической наукѣ того времени, какъ и въ классической поэзіи, господствовало подражательное направленіе. Какъ въ эпосѣ образцами для поэтовъ служили Гомеръ и Виргилій, такъ въ исторіи образцами для историковъ были Геродотъ и Титъ Ливій. Какъ въ классической поэзіи главнымъ элементомъ считался элементъ дидактическій, такъ и на исторію смотрѣли, какъ на собраніе поучительныхъ примѣровъ. „Она даетъ, говоритъ Ломоносовъ, государямъ примѣры правленія, подданнымъ повиновенія, воинамъ мужества, судіямъ правосудія, младымъ старыхъ разумъ, престарѣлымъ сугубую твердость въ совѣтахъ... Когда вымышленныя (поэтическія) повѣствованія производятъ движенія въ сердцахъ человѣческихъ, то правдивая ли исторія побуждать къ похвальнымъ дѣламъ не имѣетъ силы, особливо жъ та, которая изображаетъ дѣла праотцевъ“. Не только въ стилѣ и пріемахъ и вообще въ формѣ изложенія исторіи историки старались подражать греческимъ и римскимъ историкамъ, но и въ ходѣ и характерѣ самихъ событій историческихъ отыскивали сходство съ греческой и римской исторіей, и особенно любили начало своего государства и образованности производить отъ греческихъ и римскихъ героевъ или вообще отъ знаменитыхъ лицъ древности. Начало французскаго народа и государства приписывалось Франку, потомку Гектора Троянскаго; начало англійскаго государства приписывали также троянцу Бруту и исторію Англіи вели отъ временъ Трои чрезъ многія столѣтія. Исторія славянъ въ книгѣ Мавра Урбини начинается съ сына Ноева, Іафета. Въ Синопсисѣ Гизеля помѣщены разныя сказанія о древности русскаго народа и извѣстія о князѣ Россскомъ, Мосохѣ, который былъ внукъ Ноя. Крекшинъ, какъ выше замѣчено, въ своей исторіи предками славянъ также считаетъ князей Росса и Мосоха. Подобно тому, и Ломоносовъ въ своей исторіи старался открыть „древность и величество славянскаго народа“ и говорилъ, что первый русскій князь, Рюрикъ, происхо-

дитъ отъ римскаго императора, Августа. Самую исторію русскую онъ сравнивалъ съ римской исторіей и находилъ между ними большое сходство. „Владѣніе первыхъ римскихъ царей, говоритъ онъ, соотвѣтствуетъ числомъ лѣтъ и государей самодержавству русскихъ князей; гражданское (т. е. республиканское) правленіе въ Римѣ подобно раздѣленію Россіи на удѣльныя княжества; единодержавіе римскихъ цезарей соотвѣтствуетъ самодержавству московскихъ государей. Одно примѣчаю несходство, прибавляетъ онъ при этомъ, что римское государство гражданскимъ владѣніемъ возвысилось, а самодержавствомъ пришло въ упадокъ. Напротивъ, разномысленною вольностью Россія едва не дошла до крайняго разрушенія, а самодержавствомъ какъ сначала усилилась, такъ и послѣ несчастливыхъ временъ умножилась, укрѣпилась и прославилась" ([1]). Весьма понятно, что при такомъ взглядѣ на исторію, какъ на собраніе примѣровъ для прославленія предковъ и назиданія потомковъ, Ломоносовъ враждебно отнесся къ рѣчи Миллера: „Происхожденіе народа и имени россійскаго", въ которой первые русскіе князья, а вмѣстѣ съ ними и начало русскаго государственнаго устройства производились отъ скандинавовъ. Мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи русскихъ князей въ первый разъ было высказано академикомъ Байеромъ; но высказанное на латинскомъ языкѣ, въ академическихъ Комментаріяхъ, оно не распространилось и не обратило на себя особеннаго вниманія. Совсѣмъ другая судьба постигла рѣчь Миллера. Рѣчь эта была приготовлена Миллеромъ ко дню торжественнаго собранія Академіи Наукъ въ день тезоименитства импер. Елисаветы 5 сентября 1749 г.; но собраніе было отложено до дня восшествія на престолъ 25 ноября, а между тѣмъ, Крекшинъ, недовольный Миллеромъ за то, что онъ не одобрилъ его историческихъ сочиненій, распустилъ слухъ, что въ рѣчи Миллера находится много такого, что служитъ къ уменьшенію чести русскаго народа. Вслѣдствіе этого, для разсмотрѣнія рѣчи, была составлена комиссія изъ Ломоносова, Тредьяковскаго, Попова и Крашенинникова. Тредьяковскій подалъ о рѣчи такой отзывъ, что „сочинитель ея по своей системѣ съ нарочитою вѣроятностію доказываетъ свое мнѣніе.... Я не вижу, говорилъ онъ, чтобы во всемъ авторовомъ доказательствѣ было какое предосужденіе Россіи; развѣ токмо сіе одно можетъ быть предосудительно, что въ Россіи о Россіи по россійски предъ Россіянами говорить будетъ чужестранецъ и научитъ ихъ такъ, какъ будто они ничего того по нынѣ не знали; но о семъ разсуждать не мое дѣло". Но Ломоносову, съ его

([1]) Сочиненія Ломоносова, т. 3, 75—76.

патріотической точки зрѣнія, рѣчь Миллера представилась въ другомъ совершенно видѣ; онъ нашелъ, что она „весьма недостойна и россійскимъ слушателямъ и смѣшна и досадительна“. Ломоносовъ обвинялъ Миллера прежде всего за то, что онъ опровергаетъ мнѣніе о происхожденіи россіянъ отъ Росса, Москвы отъ Мосоха, и весьма мало упоминаетъ о скиѳахъ, которыхъ почитать должно за первоначальныхъ жителей въ нашихъ нынѣшнихъ селеніяхъ, и тѣмъ опускаетъ самый лучшій случай къ похвалѣ славянскаго народа; „ибо намъ извѣстно, говорилъ онъ, что скиѳы Дарія, персидскаго царя, Филиппа и Александра, царей македонскихъ, и самихъ римлянъ не устрашались, но великіе имъ отпоры чинили и побѣды надъ ними одерживали, посему легко заключить можно, что народъ словенскій былъ весьма храбрый, который преодолѣлъ мужественныхъ скиѳовъ... Правда, что г. Миллеръ говоритъ: прадѣды ваши отъ славныхъ дѣлъ назывались славянами, но сему во всей своей диссертаціи противное показывать старается, ибо на всякой почти страницѣ русскихъ бьютъ, грабятъ, благополучно скандинавы побѣждаютъ; гунны Кія берутъ съ собою на войну въ неволю. Сіе такъ чудно, что если бы г. Миллеръ умѣлъ изобразить живымъ штилемъ, то бы онъ Россію сдѣлалъ столь бѣднымъ народомъ, какимъ еще ни одинъ и самый подлый народъ ни отъ какого писателя представленъ не былъ“. Далѣе Ломоносовъ опровергалъ мнѣніе Миллера, что Аскольдъ, Диръ и Ольга—имена скандинавскія. „О св. Несторѣ лѣтописцѣ, замѣчалъ онъ, Миллеръ говоритъ весьма продерзостно и хулительно, такъ: „ошибся Несторъ“ и сіе неоднократно“. Однимъ словомъ, Ломоносовъ представлялъ, что Миллеръ своею рѣчью сознательно и намѣренно оскорбилъ русскій народъ. Послѣ такого отзыва Ломоносова рѣчь Миллера была еще разсмотрѣна въ общемъ собраніи Академической конференціи и также признана „предосудительною Россіи“. Съ этого времени Ломоносовъ постоянно смотрѣлъ подозрительно на сочиненія Миллера. Въ Сибирской исторіи Миллера онъ находилъ много вещей, печати недостойныхъ, и между прочимъ не одобрялъ того, что Миллеръ Ермака, покорителя Сибири, называлъ разбойникомъ: Ломоносову не нравилось также, что Миллеръ занимался изслѣдованіями о смутныхъ временахъ Годунова и самозванцевъ — самой мрачной части россійской исторіи, изъ чего иностранные народы худыя будутъ выводить слѣдствія о нашей славѣ. „Или нѣтъ, говорилъ онъ, другихъ извѣстій и дѣлъ россійскихъ, гдѣ бы по послѣдней мѣрѣ и добро съ худомъ въ равновѣсіи видѣть можно было“? „Миллеръ больше всего высматриваетъ пятна на одеждѣ россійскаго тѣла, проходя многія истинныя ея украшенія“ (¹). Такъ же

(¹) Истор. Акад. Наукъ, ч. 1, 38; ч. 2, 427—435.

враждебно относился Ломоносовъ и къ другому знаменитому историку, Шлецеру, и такъ же подозрительно смотрѣлъ на его занятія по русской исторіи. Прослуживъ въ Академіи Наукъ четыре года адъюнктомъ, Шлецеръ началъ требовать себѣ должности профессора, указывая на то, что ему предлагаютъ каѳедру въ Геттингенскомъ университетѣ; при этомъ въ доказательство своихъ занятій представилъ въ Академію два плана: одинъ—„Мысли о способѣ разработки древней русской исторіи", предлагая написать исторію по собраніямъ и сочиненіямъ Ломоносова, Миллера и Татищева; другой планъ—составить популярныя руководства по исторіи, географіи и статистикѣ. Но эти планы не понравились ни Миллеру, которому не хотѣлось, чтобы Шлецеръ остался въ Академіи и занимался русской исторіей, особенно по русскимъ источникамъ, имъ самимъ издаваемымъ, ни Ломоносову. Ломоносовъ доносилъ Академіи, что Шлецеръ не имѣетъ надлежащихъ свѣдѣній въ русской исторіи,—„свидѣтельства иностранныхъ профессоровъ о знаніи г. Шлецера въ россійскихъ древностяхъ почитать должно не дѣйствительными затѣмъ, что они сами оныхъ не знаютъ",—что для Шлецера въ Академіи нѣтъ мѣста профессора по этой каѳедрѣ, что онъ самъ пишетъ русскую исторію (1). Узнавъ, что Шлецеръ собирается ѣхать изъ Россіи, онъ сдѣлалъ донесеніе въ Сенатъ, что у Шлецера есть русскія рукописи, изданіе которыхъ за границею предосудительно для Россіи. Началось дѣло и продолжалось до восшествія на престолъ Екатерины II, которая, по ходатайству защитниковъ Шлецера, Теплова и Тауберта, указомъ своимъ опредѣлила Шлецера профессоромъ русской исторіи и въ то же время разрѣшила ему доступъ ко всѣмъ рукописямъ во всѣхъ библіотекахъ.

Къ занятіямъ Ломоносова по исторіи примыкаютъ его планы, проекты и записки по политической экономіи. Вышедши изъ народа и хорошо понимая его нужды и страданія, онъ стремился по возможности къ улучшенію его быта. Этому стремленію обязана своимъ происхожденіемъ его записка Шувалову, въ которой назначены для разсмотрѣнія слѣдующіе предметы: 1) о сохраненіи и размноженіи народа; 2) объ истребленіи праздности; 3) о исправленіи нравовъ и просвѣщенія; 4) о умноженіи внутренняго изобилія; 5) о купечествѣ, особливо со внѣшними народами; 6) о ремесленныхъ дѣлахъ и художествахъ; 7) о сохраненіи военнаго искусства и храбрости во время долговременнаго мира и проч. Эти предметы напоминаютъ проекты Посошкова въ его сочиненіи „О скудости и богатствѣ народномъ". Къ сожалѣ-

(1) Матеріалы Билярскаго, стр. 702—704.

нію, въ сохранившейся до насъ Запискѣ говорится только о первомъ предметѣ: „О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа". Здѣсь, какъ на главныя причины умаленія народонаселенія въ Россіи, Ломоносовъ указываетъ: на браки крестьянъ въ слишкомъ молодые годы и безъ взаимнаго согласія, на постриженіе слишкомъ молодыхъ вдовыхъ священниковъ въ монахи, на разные обычаи, происходящіе отъ суевѣрія, на слишкомъ крутые переходы отъ постной пищи къ скоромной и наоборотъ, на недостатокъ медиковъ въ народѣ и войскѣ, на общую безпечность русскаго народа, на побѣги людей помѣщичьихъ и раскольниковъ въ Польшу и другія мѣста. Средствомъ къ умноженію народонаселенія Ломоносовъ считаетъ: учрежденіе богадѣленныхъ домовъ для подкидываемыхъ младенцевъ, изданіе и продажу при всѣхъ церквахъ книжекъ съ наставленіями о народномъ здравіи и проч. Въ письмѣ къ Шувалову, при которомъ посланы были эти соображенія, Ломоносовъ говоритъ, что онъ предлагаетъ ихъ въ надеждѣ, что „найдется въ нихъ что-нибудь къ дѣйствительному поправленію россійскаго свѣта". Дѣйствительно, нѣкоторыя изъ указанныхъ мѣръ вскорѣ были употреблены правительствомъ при Екатеринѣ II ([1]). Сохранилась еще Записка объ обязанностяхъ духовенства ([2]); но гдѣ находятся записки о другихъ, указанныхъ выше предметахъ, неизвѣстно.

А. П. СУМАРОКОВЪ.

Біографическія свѣдѣнія о Сумароковѣ ([3]). Александръ Петровичъ Сумароковъ (род. 1718, ум. 1777 г.) происходилъ изъ старой боярской фамиліи. Образованіе онъ получилъ въ кадет-

---

([1]) Записка о размноженіи народонаселенія напечатана не вполнѣ въ 1-мъ № Москв. 1842 г, въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Ломоносова, т. 1, 631—654 и въ XI № Библіогр. Извѣстій за 1859 г.

([2]) Напечатана въ Лѣтоп. русск. лит., т. 1, стр. 197.

([3]) Очерки жизни и избранныя сочиненія Александра Петровича Сумарокова, изданныя Сергѣемъ Глинкою. Спб. 1841. Сумароковъ. В. Стоюнина. 1856. Новые матеріалы для біографіи Сумарокова. Лебедева. Библ. Записки 1858, №№ 14 и 15. Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. Шувалову. Я. К. Грота. Зап. Акад. Наукъ 1862, т. 1, Приложеніе 1. По лучшимъ сочиненіемъ о Сумароковѣ до сихъ поръ остается книга Н. Н. Булича. Она и служила главнымъ пособіемъ для нашего изложенія.—Полное собраніе всѣхъ сочиненій Сумарокова, въ стихахъ и прозѣ, издано Н. И. Новиковымъ въ 10 частяхъ. Москва. 1781—82; 2-е зданіе 1787.

скомъ корпусѣ, куда поступилъ 14 лѣтъ въ 1732 г. У воспитанниковъ корпуса было обыкновенiе въ свободное отъ учебныхъ занятiй время дѣлать литературныя собранiя и читать въ нихъ свои сочиненiя. Въ этихъ собранiяхъ первоначально и развился въ Сумароковѣ вкусъ къ литературѣ. Воспитанники писали также поздравительные стихи импер. Аннѣ Iоанновнѣ на день восшествiя ея на престолъ или въ новый годъ. Съ этихъ стиховъ и началась литературная дѣятельность Сумарокова; первыми его стихами были двѣ поздравительныя оды на день новаго 1740 года. Въ кадетскомъ же корпусѣ Сумароковъ началъ писать пѣсни, изъ коихъ многiя прiобрѣли такую популярность, что, по его словамъ, были переложены на ноты и распѣвались „знатными дамами и господами“. Но самымъ важнымъ обстоятельствомъ, которое всего болѣе возбудило его къ литературной дѣятельности и опредѣлило самый родъ и направленiе этой дѣятельности, были театральныя представленiя при дворѣ Анны Iоанновны. Представленiя эти давались труппою итальянскихъ актеровъ; но къ участiю въ интерлюдiяхъ, представлявшихся разъ въ недѣлю, приглашались и кадеты. Представленiя такъ сильно подѣйствовали на Сумарокова, что онъ самъ написалъ трагедiю „Хоревъ“, которая была представлена кадетами въ присутствiи императрицы. Одобренiе, какое встрѣтила эта трагедiя, опредѣлило судьбу Сумарокова; онъ рѣшился сдѣлаться драматическимъ писателемъ. Въ 1740 г. онъ кончилъ курсъ въ кадетскомъ корпусѣ и поступилъ въ военную службу, въ которой дослужился до бригадирскаго чина. Но значенiе у современниковъ Сумароковъ прiобрѣлъ не службою, а своею неутомимою литературною дѣятельностiю, какъ первый драматическiй писатель и первый директоръ перваго русскаго театра, какъ первый литераторъ, писавшiй для публики и издававшiй первый литературный журналъ.

Начало русскаго театра. Сумароковъ, какъ первый драматическiй писатель и первый директоръ русскаго театра. Русская драма, какъ и новоевропейская драма вообще, началась мистерiями, или духовными представленiями, еще до временъ Петра В. Мистерiи эти, появившiяся сначала въ Кiевѣ и перенесенныя отсюда въ Москву, представлялись и при Петрѣ В., а въ духовныхъ школахъ существовали въ теченiе всего XVIII в., хотя, подвергшись влiянiю реформы и новаго образованiя, онѣ утратили свой первоначальный, исключительно религiозный, характеръ. Царевна Наталья Алексѣевна писала драматическiя произведенiя. Θеофанъ Прокоповичъ написалъ трагедо-комедiю „Владимiръ“, изображающую введенiе въ Россiю

христіанства. При Петрѣ В. представлялись и чисто свѣтскія переводныя піэсы. Таковы были: „Докторъ принужденный“ (Le médecin malgré lui) Мольера, „Сципіонъ Африканскій“ (съ нѣмецкаго), „Принцъ Пикель Гярингъ, или Жоделетъ“, „Дафнисъ“, „Дорогія смѣянныя“ (Les précieuses ridicules) Мольера, „Донъ Жуанъ“. Изъ оригинальныхъ піэсъ къ этому времени относятся, какъ выше указано, „интерлюдіи“.—При вступленіи на престолъ Анны Іоанновны при дворѣ давала представленія труппа итальянскихъ актеровъ, присланная въ Петербургъ, на время коронаціи, изъ Дрездена польскимъ королемъ Августомъ. Эти представленія такъ понравились императрицѣ, что въ 1735 г. была выписана цѣлая труппа актеровъ и актрисъ, между которыми были пѣвцы и пѣвицы, дававшіе современныя оперы на придворномъ театрѣ. Во время коронаціи Елисаветы Петровны, французская труппа, приглашенная изъ Касселя, давала оперу Метастазіо: „Милосердіе Тита“; она и послѣ этого давала трагедіи и комедіи. Въ 1757 г. прибыла въ Петербургъ итальянская труппа Локателли для балета и оперы. Елисавета любила театръ. Она требовала, чтобы всѣ придворные и служащіе посѣщали его. Должностныя лица обязывались подпискою быть на всѣхъ представленіяхъ, и однажды, когда на французскую комедію явилось мало зрителей, въ тотъ же вечеръ были разосланы ѣздовые къ болѣе значительнымъ людямъ съ запросомъ, почему они не были, и съ увѣдомленіемъ, что впредь за непріѣздъ полиція будетъ каждый разъ взыскивать по 50 рублей штрафу (¹). Но до 1756 г. въ столицѣ не было отдѣльнаго театра для русскихъ представленій; представленія давались при кадетскомъ корпусѣ, на придворномъ театрѣ, въ комнатахъ самаго дворца, и первый отдѣльный театръ явился не въ столицѣ, а въ провинціи—въ Ярославлѣ. Сынъ костромскаго купца, Волковъ, разыгрывавшій сначала духовныя драмы въ Московской академіи, видѣвшій потомъ въ Петербургѣ итальянскую оперу и представленія трагедій Сумарокова кадетами, составилъ въ Ярославлѣ труппу изъ своихъ братьевъ и дѣтей купцовъ и подьячихъ и въ кожевенномъ сараѣ своего вотчима представилъ драму „Эсѳирь“. Представленіе такъ понравилось тогдашнему ярославскому воеводѣ, Мусину-Пушкину, и помѣщику Майкову, что

(¹) Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову. Я. К. Грота, Зап. Акад. Наукъ. 1862, т. 1, Приложеніе 1.—Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749—1774) М. Н. Лонгинова. Зап. Акад. Наукъ, т. XXIII, и Сборн. 2-го Отд. Акад. Наукъ, т. XI.—О театральныхъ піэсахъ, представлявшихся въ XVIII в., смотр. въ Хроникѣ русскаго театра И. Носова.

они убѣдили ярославскихъ купцовъ и дворянъ построить въ Ярославлѣ театръ. Театръ былъ построенъ въ широкихъ размѣрахъ, такъ что могъ вмѣщать въ себѣ до 1000 зрителей. Когда узнали объ этомъ въ Петербургѣ, то вытребовали сюда Волкова съ его труппой и заставили съиграть при дворѣ „Хорева“ Сумарокова, въ присутствіи императрицы. Игра ярославскихъ актеровъ понравилась; но такъ какъ они не имѣли надлежащаго образованія, то лучшихъ изъ нихъ, Волкова, Дмитревскаго, Шумскаго и Попова, помѣстили въ кадетскій корпусъ, для обученія иностраннымъ языкамъ и словесности. Между тѣмъ, въ 1756 г. открытъ былъ въ Петербургѣ постоянный русскій театръ. Первымъ директоромъ его былъ назначенъ Сумароковъ, а первыми актерами два брата Волковы—Ѳедоръ и Григорій, трагикъ Дмитревскій и комикъ Шумскій.—Сумароковъ, еще до открытія театра, съ 1750 г. управлялъ театральными представленіями въ кадетскомъ корпусѣ и при дворѣ; въ это время, послѣ „Хорева“, онъ написалъ четыре трагедіи: „Гамлетъ“, „Синавъ и Труворъ“, „Аристона“ и „Семира“. Послѣ назначенія директоромъ, онъ долженъ былъ усилить драматическую дѣятельность; должность директора театра въ первое время состояла не въ томъ только, чтобы управлять театромъ, но и въ томъ, чтобы поставлять на сценѣ піэсы своего сочиненія. Сумароковъ написалъ еще четыре трагедіи: „Ярополкъ и Димиза“, „Вышеславъ“, „Димитрій Самозванецъ“ и „Мстиславъ“. Всѣхъ комедій онъ написалъ 12: „Опекунъ“, „Лихоимецъ“, „Три брата совмѣстника“, „Ядовитый“, „Нарциссъ“, „Приданое обманомъ“, „Чудовищи“, „Трессотиніусъ“, „Пустая ссора“, „Рогоносецъ по воображенію“, „Мать, совмѣстница дочери“, „Вдорщица“. Директоромъ театра Сумароковъ состоялъ по 1761 г., когда онъ былъ уволенъ вслѣдствіе непріятныхъ столкновеній съ графомъ Сиверсомъ, который исправлялъ должность прокурора при русскомъ театрѣ. Спустя нѣсколько времени послѣ увольненія отъ должности директора, Сумароковъ пересилился въ Москву и здѣсь до конца жизни продолжалъ заниматься литературой. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ самымъ несчастнымъ образомъ. Рассорившись со всѣми своими друзьями и знакомыми и даже съ своими домашними, онъ умеръ всѣми оставленный, въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

Трагедіи Сумарокова. Лучшими трагедіями Сумарокова у современниковъ считались: „Хоревъ“, „Синавъ и Труворъ“, „Семира“, „Димитрій Самозванецъ“ и „Мстиславъ“. Сюжетъ „Хорева“ взятъ изъ баснословныхъ временъ Кіева. Русскій князь Кій разбилъ кіевскаго князя, Завлоха, овладѣлъ Кіевомъ и взялъ въ плѣнъ дочь Завлоха, Оснельду. Но спустя 16 лѣтъ, побѣжденный

Завлохъ, собравъ войско, подступилъ къ Кіеву и требуетъ выдачи Оснельды. Кій согласенъ выдать ему Оснельду; но Оснельда полюбила брата Кія, Хорева, который также любитъ ее взаимно. Мамка Астрада говоритъ Оснельдѣ:

«Княжна! сей день тебѣ свободу обѣщаетъ,
Въ послѣднія тебя здѣсь солнце освѣщаетъ.
Завлохъ, родитель твой, пришелъ ко граду днесь,
И вооружаются ко оборонѣ здѣсь.
Ужъ носится молва по здѣшнему народу,
Что Кій, страшася бѣдствъ, даетъ тебѣ свободу».

На это Оснельда отвѣчаетъ Астрадѣ:

«О день, когда то такъ, день радости и слезъ!
Щедрота поздная разгнѣванныхъ небесъ,
Смѣшенна съ казнію и лютою напастью!
Чрезъ пущую бѣду отверзся путь ко щастью.
Астрада, мнѣ уже свободы не видать,
Я здѣсь осуждена подъ стражею страдать».

Оснельда объявляетъ ей, что она любитъ Хорева:

«Въ печальной сей странѣ,
О томъ ли помышлять Оснельдѣ надлежало?
Но ахъ, вошло во грудь сіе змѣино жало!
Ты сказывала мнѣ отцово житіе,
И многажды при томъ плачевно бытіе,
Какъ смерть голодная народы пожирала,
И слава многихъ лѣтъ въ одну минуту пала.
Благополучный Кій побѣду одержалъ,
Родитель мой тогда въ пустыни убѣжалъ.
. . . .
А я, въ плѣненіе сіе низвергшись году,
Не помню ни отца, ни матери, ни роду;
Однако кровь во мнѣ во всѣ шестьнадцать лѣтъ,
Какъ помнить я могу, отмщенье вопіетъ.
Я сказанное мнѣ плачевно время вижу,
И рода моего убійцу ненавижу.
Но ахъ! Хоревъ въ тѣ дни хотя младенецъ былъ,
Онъ Кію братъ, увы... а мнѣ, Астрада, милъ».

О любви Хорева доноситъ Кію бояринъ Стальверхъ, возбуждая въ Кіѣ подозрѣніе насчетъ вѣрности Хорева. Кій призываетъ Хорева и говоритъ ему:

«Примай оружіе, се долгъ тебя зоветъ,
И слава на поляхъ тебя съ побѣдой ждетъ,

Котора много разъ вѣнцы тебѣ сплетала,
Когда твоя рука въ народы смерть метала.
Вели въ трубы гласить, и на враговъ возстань,
Кинь въ вѣтры знамена и исходи на брань.
Ступай и побѣди и возвратися славно,
Какъ съ Скиѳскія войны подъ лаврами недавно».

Но Хоревъ старается отклонить Кія отъ сраженія, указывая на тѣ страшныя бѣдствія, какія производитъ война:

«Наукѣ бранной ты Хорева самъ училъ,
Я имя славное тобою получилъ.
И ты пять лѣтъ мнѣ самъ свидѣтель былъ вседневно,
Страшился ль я когда враговъ во время гнѣвно.
Какъ сталъ ты немощенъ, я твой намѣстникъ сталъ,
И воинствомъ уже я самъ повелѣвалъ.
Въ трудахъ и подвигахъ возросъ и укрѣпился,
И безпокойствовать безскучно научился.
Но сколько воиновъ смерть алчна пожрала?
Возбудитъ ли вдовамъ супруговъ ихъ хвала,
Что въ мужествѣ своемъ съ мечьми въ рукахъ заснули,
И трупы ихъ въ крови противничей тонули?
Колико въ снѣдь звѣрямъ отцовъ, супруговъ, чадъ
Повержено мечемъ? колико душъ взялъ адъ?
Когда на жертву насъ злой смерти долгъ приноситъ,
Помремъ; но жертвы сей теперь она не проситъ.
Когда народъ спасти не можно безъ нея,
Мы въ пропасть снидемъ всѣ, и первый сниду я;
Но нынѣ страха нѣтъ народу и коронѣ,
А мечъ дается намъ лишь только къ оборонѣ».

Но Кій не вѣритъ Хореву и говоритъ ему:

«Нѣтъ, князь, нейти на брань не ту вину имѣешъ,
Что ты о воинствѣ печешься и жалѣешъ.
Твою я вижу мысль и чту въ умѣ твоемъ,
О чемъ ты сѣтуешъ въ смятеніи своемъ:
Ты хочешъ, чтобъ княжна свободу воспріяла».

Кій заставляетъ Хорева сражаться съ Завлохомъ, а Оснельду заключаетъ въ оковы. Но когда Хоревъ и наперсникъ его, Велькаръ, взяли въ плѣнъ Завлоха, то Кій, убѣдившись въ невинности Хорева, приказалъ освободить Оснельду; но посланные нашли ее уже умершею; Хоревъ, узнавъ о ея смерти, закалывается; Стальверхъ также оканчиваетъ свою жизнь самоубій-

ствомъ [1]. — Въ „Синавѣ и Труворѣ“ изображено соперничество въ любви двухъ братьевъ. Новгородскій бояринъ Гостомыслъ обѣщалъ выдать замужъ дочь свою, Ильмену, за князя Синава; но Ильмена уже любитъ брата его, Трувора, и сама имъ любима. Труворъ объявляетъ Синаву о своей любви къ Ильменѣ; Синавъ и самъ сознаетъ нерасположеніе къ себѣ Ильмены, но не можетъ побѣдить своей страсти. Во время объясненія братья съ мечами бросаются другъ на друга; но Ильмена разнимаетъ ихъ. Гостомыслъ убѣждаетъ Ильмену преодолѣть свою страсть и выйти за Синава; она согласилась, но Труворъ не могъ пережить своего горя и закололъ себя мечемъ. Когда Ильмена узнала объ этомъ, то и сама закололась. Синавъ, считая себя виновникомъ ихъ смерти, хочетъ также умертвить себя. Онъ говоритъ:

«Уже ты все теперь, судьбина, совершила,
Ты всѣ свирѣпости явилъ, о рокъ, на мнѣ:
Представилъ ты меня тираномъ сей странѣ
И злѣйшей фуріей, изверженной изъ ада:
Я брату недругъ сталъ, изгналъ его изъ града,
Смутилъ его весь умъ, низвергъ его во гробъ:
И къ умноженію творимыхъ мною злобъ,
Какихъ и дикіе въ лѣсахъ не знаютъ звѣри,
Лишилъ при старости отца любезной дщери,
Героя, коимъ градъ сей бѣдства окончалъ,
И кто Синава здѣсь короною вѣнчалъ;
Безъ пользы мучилъ духъ красавицы дражайшей,
Горчайшу здѣлалъ жизнь изъ жизни ей сладчайшей,
И отъ пріятнѣйшихъ Ильмениныхъ очей
На вѣки отлучилъ свѣтъ солнечныхъ лучей...
Покоясь, учинивъ конецъ своей судьбинѣ,
О коль пресчастливы любовники вы нынѣ!
Васъ весь жалѣетъ градъ, оплакивая васъ,
А я сталъ мерзостью народною въ сей часъ;
Злодѣйски жалобы съ раскаяньемъ безплоднымъ
Безъ жалости уже текутъ къ сердцамъ народнымъ.
О жесточайша часть! о солнце! небеса!
Какова дождался, о боги, я часа»!

Синавъ вынимаетъ шпагу и хочетъ заколоть себя; но Гостомыслъ и воины вырываютъ шпагу изъ рукъ его. Падая въ кресла, Синавъ говоритъ:

---

(1) Полное собраніе сочиненій Сумарокова. Москва. 1781. Ч. III, 1—57.

«О продолжители злой горести моей!
Вы отняли мой мечъ: въ немъ вся моя отрада.
Жить больше не хочу, отставъ любезна взгляда.
Туманъ отъ глазъ моихъ скрываетъ солнца свѣтъ,
Ужъ нѣтъ ни Трувора, ни, ахъ, Ильмены нѣтъ!
Моя кипяща кровь на сердцѣ замерзаетъ,
Или въ сей страшный часъ вселенна исчезаетъ!
. . . .
О солнце, для чево еще ты мною зримо!
Разлей свои валы, о Волховъ, на брега,
Гдѣ Труворъ пораженъ отъ брата и врага,
И шумнымъ стономъ водъ вѣщай вину Синава,
Которой навсегда его затмилась слава!
Чертоги, гдѣ лила свою Ильмена кровь,
Падите на меня, отмстите злу любовь!
Карай мя небо, я погибель въ даръ пріемлю,
Рази, губи, греми, бросай огонь на землю» (¹).

Содержаніе „Семиры“ заимствовано изъ временъ Олега. Уже нѣсколько лѣтъ прошло, какъ Олегъ взялъ Кіевъ; но прежній кіевскій князь, Оскольдъ, никакъ не хочетъ ему покориться и, пользуясь тѣмъ, что Олегъ ему и всѣмъ плѣннымъ воинамъ далъ свободу, вздумалъ возстать противъ Олега и возвратить себѣ кіевскій престолъ. Онъ говоритъ своимъ воинамъ:

«Насталъ намъ день искать иль смерти, иль свободы:
Умремъ, иль побѣдимъ, о храбрые народы!
Надежда есть, когда остался въ насъ животъ,
Безсильнымъ мужество даетъ побѣды плодъ.
Не страшно все тому, кто смерти не боится,
Пускай хотя на насъ природа ополчится;
Что можетъ больше намъ нещастье приключить,
Какъ только въ храбрости насъ съ жизнью разлучить?
О градъ родительскій, отечество драгое,
Гдѣ взросъ я въ пышности, въ веселіи, въ покоѣ!
Могу ли я забыть, что я въ тебѣ рожденъ,
И что отъ твоего престола отчужденъ!
О вѣрныя раби, отвержемъ плѣна бремя!
Настало то судьбой назначенное время,
Въ которо должны мы вселенной показать,
Что намъ не сродственно подъ игомъ пребывать (²).

Планамъ Оскольда вполнѣ сочувствуетъ его сестра, Семира, не смотря на то, что она страстно любитъ сына Олега, Рости-

(¹) Тамъ же, стр. 121—181.—(²) Тамъ же, стр. 260—261.

слава, который хочетъ жениться на ней. Свою любовь она съ полною готовностію приноситъ въ жертву отечеству:

«Отъ знатной крови я на свѣтъ изведена;
Должна ль я тако быть страстьми побѣждена,
Чтобъ дѣлали онѣ премѣны тѣ Семирѣ,
Какія свойственны другимъ дѣвицамъ въ мірѣ.
Гдѣ жизни хвальные примѣры находить,
Коль въ княжескихъ сердцахъ пороки будутъ жить?
Иль преимущество имѣемъ предъ другими
Одними титлами лишь только мы своими?
Хоть кровь моя горитъ; но бодрствуетъ мой умъ
И противляется отравѣ нѣжныхъ думъ.
Безсильствуетъ любовь: ей сердце покоренно:
Но силъ лишилося своихъ не совершенно:
И столько я еще во ономъ силъ брегу,
Что я противиться любви легко могу» (1).

Но заговоръ былъ открытъ Олегу родственникомъ Оскольда, Возведомъ, которому Оскольдъ поручилъ устроить задуманное возстаніе. Олегъ заключилъ Оскольда въ темницу и приговорилъ его къ смерти, если онъ не покорится. Семира проситъ Ростислава, изъ любви къ ней, спасти Оскольда, давъ ему возможность бѣжать изъ темницы; но Ростиславъ не можетъ измѣнить своему отечеству. Тогда Семира, выхвативъ у него мечъ, хочетъ заколоться; Ростиславъ соглашается исполнить ея просьбу и освобождаетъ Оскольда. Когда Олегъ узналъ о бѣгствѣ Оскольда, то потребовалъ отъ Семиры, чтобы она открыла ему, кто освободилъ Оскольда, угрожая ей смертію; но Семира не боится смерти и говоритъ:

«Не мнишъ ли, что нашъ полъ къ геройству не способенъ,
И духу мужеску духъ женскій не подобенъ,
Что устремляешся мя къ трепету привлечь?
Нѣтъ робости во мнѣ; твоя безсильна рѣчь» (2).

Желая спасти Семиру, Ростиславъ самъ сознается, что освободилъ Оскольда. Пораженный этимъ открытіемъ, Олегъ впадаетъ въ сильнѣйшую скорбь и, не смотря на всю свою лобовь къ сыну, осуждаетъ его на смерть, какъ измѣнника. Семира обращается къ Олегу съ просьбою пощадить сына, указывая на то, что она виновата въ его измѣнѣ:

---

(1) Тамъ же, стр. 263—264.—(2) Тамъ же, стр. 307.

«Будь правый судія, но будь и человѣкъ!
Представь себѣ ты, чей отъемлешъ нынѣ вѣкъ.
Кого даешъ на смерть! Сей смерти я достойна:
И мною толь твоя днесь участь безпокойна.
Когда бы Ростиславъ очей моихъ не зналъ,
По сей бы день невиненъ пребывалъ:
Отъ нихъ отъемли свѣтъ! прости любезна сына!
Прости, о государь! вины сей я причина» ([1]).

Трагедія оканчивается разсказомъ о сраженіи между Олегомъ и Оскольдомъ, во время котораго Оскольдъ былъ раненъ смертельно. Умирая, онъ проситъ Олега простить Семиру и Ростислава и соединить ихъ брачными узами.—Содержаніе „Мстислава“ взято также изъ русской исторіи: Тмутараканскій князь Мстиславъ ищетъ руки псковской княжны Ольги; между тѣмъ Ольга тоскуетъ по кіевскомъ князѣ Ярославѣ, который считается погибшимъ на войнѣ. Въ то же время первый бояринъ Мстислава, Бурновѣй, стремится занять кіевскій престолъ и убѣждаетъ Ольгу выйти за него замужъ. Но вдругъ является считавшійся погибшимъ кіевскій князь Ярославъ. Между Мстиславомъ и Ярославомъ происходитъ споръ и борьба за Ольгу. Мстиславъ угрожаетъ Ярославу плѣномъ, если онъ не откажется отъ Ольги. Ольга, желая спасти Ярослава, соглашается выйти за Мстислава, но послѣ брака намѣрена лишить себя жизни. Въ это время является наперсникъ Мстислава, Осадъ, со скипетромъ въ одной рукѣ и съ цѣпями въ другой и предлагаетъ ихъ Ярославу на выборъ; Ярославъ выбираетъ цѣпи. Между тѣмъ разнесся слухъ, что противъ Мстислава возстали всѣ его подданные; думая, что возстаніе произведено Ярославомъ, Мстиславъ велѣлъ казнить его. Но когда открылось, что возстаніе произведено Бурновѣемъ, который ищетъ также руки Ольги и стремится занять кіевскій престолъ, то Мстиславъ отказывается отъ Ольги и возвращаетъ Ярославу свободу и кіевскій престолъ.

Въ драматическомъ словарѣ 1787 г. о Сумароковѣ сказано: „Сумароковъ много успѣлъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ въ разсужденіи умягченія нравовъ и вкусъ къ театру, конечно, отъ его пера исправленъ. До него представленія почитались только одними театральными игрищами; а онъ показалъ нѣжность въ трагедіи, далъ почувствовать посмѣяніе страстей въ комедіи г. Моліера и протчихъ, подражая онымъ“. Современники называли Сумарокова „Россійскимъ Расиномъ“. Да и самъ Сумароковъ говорилъ, что онъ „явилъ Россамъ Расиновъ театръ, что

([1]) Тамъ же, стр. 314.

славу Расина и Вольтера, пиша на малоизвѣстномъ, хотя и прекрасномъ языкѣ, онъ оставляетъ своему праху". Дѣйствительно, всѣ трагедіи Сумарокова составлены по образцу ложно-классическихъ трагедій Корнеля, Расина и Вольтера. Трагедіи этихъ трагиковъ, согласно съ господствовавшей въ то время ложно классической теоріей драмы, отличаются однимъ общимъ характеромъ. Въ нихъ мы находимъ постоянно пять дѣйствій, подраздѣленныхъ на множество явленій; строгое соблюденіе правилъ единства времени, мѣста и дѣйствія, которыя были выведены французской теоріей изъ неправильно понятаго характера древне-греческой трагедіи и соблюденіемъ которыхъ хотѣли придать театральнымъ представленіямъ болѣе вѣроятности и близости къ дѣйствительности; преобладаніе эпическаго и лирическаго элементовъ надъ элементомъ собственно драматическимъ т. е. длинные разсказы вѣстниковъ о событіяхъ, происходящихъ внѣ сцены, и разговоры наперсниковъ и наперсницъ, замѣнившіе собою хоры древней трагедіи; заимствованіе драматическихъ лицъ и событій изъ древнихъ эпохъ и навязываніе древнимъ лицамъ современныхъ воззрѣній и вообще несоблюденіе исторической вѣрности въ изображеніи историческихъ лицъ и событій; вмѣсто изображенія въ драматическихъ лицахъ полнаго характера или настоящаго человѣка—олицетвореніе одного какого-нибудь чувства или страсти (главное мѣсто между ними занимаетъ любовь), какой-нибудь добродѣтели, или порока; резонерство героевъ и героинь, обнаруживающееся въ томъ, что они свои чувства и страсти высказываютъ въ длинныхъ рѣчахъ и разсужденіяхъ и высокимъ слогомъ. Эти же самыя черты мы находимъ и во всѣхъ трагедіяхъ Сумарокова; только недостатки образцовъ въ нихъ отразились рѣзче и преувеличеннѣе. Дѣйствующія лица въ трагедіяхъ Сумарокова, какъ во французскихъ трагедіяхъ, заимствованы большею частію изъ древнихъ временъ: Хоревъ, Кій, Оскольдъ изъ баснословныхъ временъ Кіева; Синавъ и Труворъ, Ярославъ и Мстиславъ, Ярополкъ и Димитрій Самозванецъ изъ русской исторіи; но въ этихъ лицахъ нѣтъ никакихъ отличительныхъ качествъ, свойственныхъ временамъ; они говорятъ и дѣйствуютъ, какъ современники Сумарокова. Примѣромъ того, до какой степени произвольно обращался Сумароковъ съ заимствованными откуда-нибудь драматическими сюжетами, можетъ служить, между прочимъ, его трагедія „Гамлетъ", о которой онъ самъ же замѣчаетъ: „Гамлетъ мой, говоритъ критикъ, переведенъ съ французской прозы аглинской Шекспировой трагедіи, въ чемъ онъ очень ошибся. Гамлетъ мой, кромѣ монолога въ окончаніи третьяго дѣйствія и Клавдіева на колѣни паденія, на Шекспирову трагедію едва, едва походитъ" (1).

(1) Сочин. Москва. 1787 г. Ч. X, 103.

Драматическія лица въ трагедіяхъ Сумарокова—не характеры и не живыя лица, а олицетворенія какого-нибудь чувства, или страсти, любви, ненависти, дружбы и т. п. Эти чувства или страсти до того овладѣваютъ дѣйствующими лицами, что въ нихъ уже не остается мѣста никакимъ другимъ стремленіямъ человѣческой природы: Димитрій Самозванецъ напр. представленъ такимъ неестественнымъ злодѣемъ, что наяву и во снѣ говоритъ и думаетъ только о злодѣяніяхъ. Въ 5-мъ явленіи 4-го дѣйствія онъ говоритъ:

«Блаженная душа идетъ въ объятья Бога;
А мнѣ показана съ престола въ адъ дорога.
Сія послѣдня ночь, ночь вѣчна будетъ мнѣ:
Увижу на яву, что страшно и во снѣ»

То же самое онъ говоритъ въ 1-мъ явленіи 5-го дѣйствія:

«Во преисподнюю ступай, душа моя!
Правитель естества! и тамъ рука Твоя!
Исторгнешъ мя на судъ изъ адскія утробы:
Суди и осуждай за всѣ творимы злобы;
И человѣчества я врагъ и Божества;
Противъ я шелъ тебя, противъ и естества.
Весь воздухъ возшумѣлъ: враги вооруженны
У стѣнъ моихъ палатъ ярятся приближенны.
А я безсильствую, ихъ наглости внемля.
Все, все противъ меня: и небо и земля.
О градъ, которымъ я ужъ больше не владѣю,
Достанься ты по мнѣ такому же злодѣю».

А въ концѣ трагедіи, ударяя себя въ грудь кинжаломъ, восклицаетъ:

«Ступай, душа, во адъ и буди вѣчно плѣнна!
Ахъ, естьли бы со мной погибла вся вселенна!» (¹).

Русская публика не могла сознавать всѣхъ этихъ недостатковъ въ трагедіяхъ Сумарокова. Она видѣла въ нихъ тѣ же пріемы и формы, какъ и во французскихъ трагедіяхъ: Хоревъ, Синавъ и Труворъ, Оснельда и Ксенія (въ Димитріи Самозванцѣ) напоминали Британника, Эдипа, Заиру и Роксану; Ильмена походила на Альзиру Вольтера; разсказъ вѣстника о смерти Трувора составленъ по примѣру разсказа Терамена о смерти Ипполита въ Федрѣ. Неудивительно, что русская публика подумала, будто Сумароковъ далъ ей такую же трагедію, какая была у французовъ, а въ немъ самомъ увидѣла русскаго Расина и Воль-

(¹) Сочин. Москва. 1781; ч. IV, 112; 120—121; 126.

тера.—Съ другой стороны, при указанныхъ недостаткахъ, въ трагедіяхъ Сумарокова были и хорошія качества. Въ нихъ много живыхъ и горячихъ сценъ; монологи и разсказы дѣйствующихъ лицъ часто проникнуты возвышенными чувствами; въ ихъ уста Сумароковъ влагалъ нерѣдко тѣ же гуманныя идеи о свободѣ, вѣротерпимости, воспитаніи и образованіи, о власти и управленіи государствомъ, какія тогда проводились въ лучшихъ сочиненіяхъ европейскихъ литературъ. Наперсникъ Димитрія Самозванца, Парменъ, о папской власти разсуждаетъ:

«Мнѣ мнится, человѣкъ себѣ подобнымъ братъ
И лжеучители разсѣяли развратъ,
Дабы лжесвятости ихъ черни возвѣщались
И ко прибытку имъ ихъ басни освящались.
. . . .
Сложила Англія, Голландія то бремя
И полгерманіи; наступитъ скоро время,
Что и Европа вся откинетъ прежній страхъ,
И съ трона свержется прегордый сей монахъ,
Который толь себя отъ смертныхъ отличаетъ,
И чернь котораго какъ Бога величаетъ» (¹).

Князь Галицкій, Георгій, о фанатизмѣ папистовъ въ Америкѣ говоритъ:

«Постраждетъ такъ Москва, какъ страждетъ новый свѣтъ,
Тамъ кровью землю всю паписты обагрили,
Побили жителей, оставшихъ разорили;
Средь ихъ отечества стремясь невинныхъ жечь,
Въ рукѣ имѣя крестъ, въ другой кровавый мечъ.
Что съ ними дѣлалось въ незапной ихъ судьбинѣ,
Отъ папы будетъ то тебѣ, Россія, нынѣ» (²).

Мстиславъ въ разговорѣ съ Осаломъ развиваетъ мысль Монтескьё, что честь должна служить основой славы и всѣхъ геройскихъ подвиговъ:

«Мнѣ честь моя велитъ покорствовать судьбѣ;
Но сердце одному покорствуетъ себѣ.
О, честь единственный источникъ нашей славы,
На коей истины основаны уставы,
Геройска дѣйствія и общей пользы мать!
Сильна едина ты санъ царскій воздымать.
Коль нѣтъ тебя съ царемъ, онъ Божій гнѣвъ народу,
И скиптръ его есть мечъ, возъятый на свободу» (³).

(¹) Тамъ же, стр. 70.—(²) Тамъ же, стр. 84.—(³) Тамъ же, стр. 164.

Въ Хоревѣ князь Кій представляетъ такой идеалъ князя правителя:

«Хочу равно и ложь и истину внимать,
И слѣпо никого не буду осуждать.
Мятусь, и лютаго злодѣя видя въ горѣ.
Князь кормщикъ корабля, власть княжеская море,
Гдѣ вѣтры, камни, мѣль препятствуютъ судамъ,
Желающимъ пристать къ покойнымъ берегамъ.
Но часто кажутся и облаки горами,
Летая вдалекѣ по небу надъ водами,
Которыхъ кормщику не должно обѣгать;
Но горы ль то иль нѣтъ, искуствомъ разбирать.
Хоть всѣ бъ вѣщали мнѣ, тамъ горы, мѣли тамо,
Когда не вижу самъ, плыву безъ страха прямо» (1).

Самъ Хоревъ говоритъ:

«Тѣ люди, коими законы сотворенны,
Закону своему и сами покоренны» (2).

Ксенія въ Димитріи Самозванцѣ считаетъ „блаженнымъ на свѣтѣ того порфироноснаго мужа,

Который не тѣснитъ свободы нашихъ душъ,
Кто пользой общества себя превозвышаетъ,
И списхожденіемъ санъ царскій украшаетъ,
Даруя подданнымъ благополучны дни,
Страшатся коего злодѣи лишь одни» (3).

Князь Мстиславъ, выражая намѣреніе сдѣлаться добрымъ княземъ и благодѣтельнымъ правителемъ своего народа, говоритъ:

«А я перестаю быть горестей содѣтель.
Цвѣти подъ скипетромъ Мстислава добродѣтель!
Я должности одной хочу себя предать,
И безъ утѣхъ любви народомъ обладать,
Предписывать ему полезные уставы.
Ликуйте подданны во дни моей державы!
Я буду вамъ отецъ, вы будьте чада мнѣ,
Свободны, веселы живуще въ сей странѣ.
Никто не трепещи подъ областью моею!
Я милости къ однимъ злодѣямъ не имѣю» (4),

---

(1) Тамъ же, ч. III, 16.—(2) Тамъ же, 30.

(3) Тамъ же, ч. IV, стр. 83.—(4) Тамъ же, ч. IV, 177.

Въ трагедіи „Синавъ и Труворъ“ Гостомыслъ поучаетъ:

«Гдѣ должность говоритъ, или любовь къ народу,
Тамъ нѣтъ любовника, тамъ нѣтъ отца, ни роду.
. . . .
Кто должности своей храненіе являетъ,
Храня ее въ бѣдахъ, свой духъ успокояетъ;
Страдая за нее, когда онъ помнитъ то,
За что онъ мучится, вся мука та ничто.
Коль чистая душа не хочетъ быть превратна,
За добродѣтели и мука ей пріятна» (¹).

Комедіи Сумарокова. О комедіяхъ Сумарокова въ драматическомъ словарѣ сказано, что „онъ далъ почувствовать посмѣяніе страстей въ комедіяхъ г. Моліера и протчихъ“. Дѣйствительно, и въ комедіяхъ Сумароковъ также подражалъ французскимъ комикамъ и въ особенности Мольеру. Лучшими комедіями Сумарокова считаются „Опекунъ“ и „Лихоимецъ“; но главное лицо въ Опекунѣ—Чужехватъ списано съ Тартюфа, а Кащей въ Лихоимцѣ—съ Гарпагона Мольера. И другія комедіи составляютъ большею частію передѣлку комедій Мольера. Комедія „Приданое обманомъ“ передѣлана изъ комедіи Мольера „Le malade imaginaire“; комедія „Рогоносецъ по воображенію“ есть подражаніе комедіи „Le cocu imaginaire“; въ комедіяхъ „Пустая ссора“ и „Вздорщица“ есть черты Мольеровыхъ комедій Les précieuses ridicules, Les fâcheux и др.—Но въ заимствованные сюжеты и формы Сумароковъ, подобно Кантемиру, вставлялъ картины изъ русской жизни, осмѣивалъ пороки и недостатки, глупости и предразсудки русскаго общества, съ цѣлью исправить или очистить русскіе нравы. Въ комедіи „Чудовищи“ напр. изображается петиметръ того времени, подъ именемъ „Дюлижа“ Дюлижъ презираетъ все не французское. Когда Бармасъ, не имѣющій понятія объ иностранныхъ языкахъ, думаетъ, что фразы, которыя Дюлижъ вплетаетъ въ свою рѣчь, нѣмецкія, то Дюлижъ страшно оскорбляется: „Что? вы думаете, что я говорю по нѣмецки? Quelle pensée! quelle impertinence! чтобъ я этимъ языкомъ говорить сталъ“! Услышавъ объ Уложеніи, онъ спрашиваетъ: „Уложенье! Что это за звѣрь?... я не только не хочу знать русскія права, я бы русскаго и языка знать не хотѣлъ. Скаредный языкъ!... Для чего я родился русскимъ? о натура! не стыдно ль тебѣ, что ты, произведя меня прямымъ человѣкомъ, произвела меня отъ русскаго отца“! О своихъ достоинствахъ Дюлижъ говоритъ такъ: „Научиться этому, какъ

(¹) Тамъ же, ч. III, 149—150.

одѣться, какъ надѣть шляпу, какъ табакерку открыть, какъ табакъ нюхать, стоитъ цѣлаго вѣку, а я этому формально учился, чтобъ могъ я тѣмъ отечеству своему дѣлать услуги; однако неблагодарное мое отечество все то презираетъ, что выше здѣшнява превосходитъ разсужденія". О своемъ соперникѣ, Валерѣ, который выставленъ въ комедіи въ противоположность ему, Дюлижъ отзывается: „Это будто человѣкъ! Кошелекъ носитъ такой большой какъ заслонъ; на головѣ пуклей съ двадцать, тростку носитъ коротенькую, платье дѣлаетъ ему нѣмчинъ, муфты у него и отъ роду не бывало, манжеты носитъ короткія, да онъ же еще и по нѣмецки умѣетъ". Арликинъ произноситъ такой приговоръ Дюлижу: „Этакое безобразіе, стыдъ роду человѣческому! Конечно это обезьяна, да не здѣшняя" ([1]). Правда, какъ эта, такъ и многія другія картины въ комедіяхъ Сумарокова нарисованы аляповато, а иногда довольно грубо, и комизмъ въ нихъ очень не высокой пробы; но онѣ приходились по вкусу современникамъ и согласны были съ господствовавшей тогда теоріей комедіи, по которой цѣлію комедіи полагалось: „издѣвкой править нравъ, смѣшить прямой ея уставъ". Къ сожалѣнію, Сумароковъ часто вдавался въ такія преувеличенія, которыя едва ли могли способствовать исправленію нравовъ; онъ часто изображалъ разные пороки и глупости въ такихъ неестественныхъ и совершенно невозможныхъ чертахъ, что комедія превращается въ фарсъ. а комическія лица становятся пародіями и каррикатурами. Такими пародіями-каррикатурами надобно назвать комедіи: „Нарциссъ", „Рогоносецъ по воображенію" и „Трессотиніусъ". Въ „Нарциссѣ" представленъ человѣкъ, влюбленный въ самого себя, который только и говоритъ о своей красотѣ и своей любви къ самому себѣ: „Я самъ страждy собою и часто цѣлыя насквозь ночи безъ сна препровождаю, воздыхая, что я сею моею красотою толико плѣненъ"... ([2]). Комедія „Трессотиніусъ" есть настоящій фарсъ, въ которомъ осмѣивается Тредьяковскій, выведенный подъ именемъ Трессотиніуса. Въ началѣ комедіи Клариса, за которую сватается Трессотиніусъ, говоритъ своему отцу: „Нѣтъ, батюшка, воля ваша, лучше мнѣ вѣкъ быть въ дѣвкахъ, нежели за Трессотиніусомъ. Съ чего вы вздумали, что онъ ученъ? Никто этого объ немъ не говоритъ, кромѣ его самого, и хотя онъ и клянется, что онъ человѣкъ ученый, однако въ этомъ никто ему не вѣритъ". Трессотиніусъ является къ Кларисѣ съ такимъ привѣтствіемъ: „Прекрасная красота, пріятная пріятность, по премногу

---

(1) Тамъ же, ч. V, 286—287; 301—303.

(2) Тамъ же, ч. V, 204.

кланяюсь вамъ!“ Клариса: „И я вамъ по премногу откланиваюсь, преученое учепіе!“ Трессотиніусъ: „Эта бумажка ясняе вамъ скажетъ, какую язву въ сердцѣ моемъ пріятство ваше т. е. красота ваша мнѣ учинило т. е. сдѣлало“. На бумажкѣ была написана пѣсня, сочиненная Трессотиніусомъ:

«Красоту на вашу смотря, распалился я ей ей!
Изволь меня избавить ты отъ страсти тѣмъ моей!
Бровь твоя меня пронзила, голосъ кровь зажогъ,
Мучишь ты меня, Климена, и стрѣлою сшибла съ ногъ».

Затѣмъ является другой педантъ, Бобембіусъ, и начинаетъ съ Трессотиніусомъ споръ о литерѣ „твердо“, „которое твердо правильняе, о трехъ ли ногахъ (т), или ободной ногѣ (т)“. Трессотиніусъ говоритъ: „Я содержу, что твердо ободной ногѣ правильняе, ибо у грековъ, отъ которыхъ мы литеры получили, оно ободной ногѣ, а треножное твердо есть нѣкакой уродъ“. Бобембіусъ утверждаетъ: „Мое твердо о трехъ ногахъ и для того стоитъ твердо, ерго оно твердо; а твое твердо не твердое, ерго оно не твердо. Твое твердо слабое, ненадежное, а потому презрительное, гнусное, позорное, скаредное“. Въ споръ вмѣшивается слуга Кимаръ, который самый предметъ спора представляетъ въ карриктурномъ видѣ: „Твердо треножное твердy одноножному предпочитаю; у этого, ежели нога подломится, такъ ево и брось, а у тово, хотя и двѣ ноги переломятся, такъ еще третья остается“. „А я, говоритъ Трессотиніусъ, до послѣдней капли чернилъ свое твердо защищать буду“ (¹). Такія уродливыя сцены хотя и могутъ смѣшить необразованныхъ людей, но едва ли могутъ достигать указанной цѣли комедіи: „издѣвкой править нравъ“, потому что изъ ложныхъ и неестественныхъ изображеній нельзя вывести никакихъ полезныхъ наставленій. Главное достоинство комедій Сумарокова заключается въ ихъ бойкомъ, живомъ и разнообразномъ языкѣ.

Кромѣ трагедій и комедій, Сумароковъ написалъ еще лирическую драму „Цефалъ и Прокрисъ“, балетъ „Прибѣжище добродѣтели“ и драму „Пустынникъ“. Считая главнымъ своимъ призваніемъ драматическое поприще, онъ стремился въ то же время проявить свою дѣятельность и въ другихъ родахъ литературы. Идеаломъ писателя въ европейскихъ литературахъ того времени былъ Вольтеръ, который писалъ во всѣхъ родахъ и видахъ поэзіи и прозы и былъ писателемъ универсальнымъ. Такимъ же универсальнымъ писателемъ хотѣлъ быть и Сумароковъ. Къ этому побуждало его также и соперничество съ Ломоносовымъ, который

(¹) Тамъ же, ч. V, 335; 337—338; 341—343.

въ то время одинъ только могъ оспаривать у него первенство въ русской литературѣ. Чтобы затмить литературную дѣятельность Ломоносова, Сумароковъ старался отличиться во всѣхъ тѣхъ родахъ литературы, за которые брался Ломоносовъ, и каждому роду его сочиненій старался противопоставить собственныя сочиненія. Торжественнымъ и похвальнымъ одамъ Ломоносова онъ противопоставилъ свои оды, которыхъ онъ написалъ около 80; его переложеніямъ псалмовъ свои переложенія псалмовъ; его похвальнымъ словамъ Петру В. и Елисаветѣ Петровнѣ свои похвальныя слова—одно Петру В. и три Екатеринѣ II; краткому россійскому лѣтописцу Ломоносова свою краткую московскую лѣтопись и исторію перваго и втораго стрѣлецкаго бунта; его изслѣдованіямъ и разсужденіямъ по русскому языку свои статьи по языку: „о правописаніи", „о коренныхъ словахъ русскаго языка", „о искорененіи чужихъ словъ изъ русскаго языка", „истолкованіе личныхъ мѣстоименій", замѣчательное, по словамъ Вяземскаго, тѣмъ, что въ немъ можно видѣть идею „Придворной грамматики" Фонъ-Визина. Кромѣ того, Сумароковъ написалъ множество идиллій и эклогъ, по подражанію европейской, пастушеской поэзіи, множество стансовъ, сонетовъ, мадригаловъ, эпиграммъ, эпитафій и разныхъ мелкихъ стихотвореній; но всѣ эти сочиненія не имѣютъ никакого художественнаго значенія и нисколько не интересны. Настоящій талантъ у Сумарокова былъ сатирическій, и потому лучше многихъ другихъ сочиненій являются его сатиры и нѣкоторыя басни и притчи. Эти сочиненія, какъ прямо и непосредственно отражающія и личный характеръ самого Сумарокова и характеръ нравовъ современнаго русскаго общества, вышли и сами характернѣе и содержательнѣе многихъ другихъ сочиненій Сумарокова.

Сатиры Сумарокова. По формѣ сатиры Сумарокова, какъ и сатиры Кантемира, составляютъ подражаніе французской сатирѣ Буало, но онѣ самостоятельнѣе сатиръ Кантемира. Хотя въ нихъ изображаются большею частію тѣ же пороки и недостатки русскаго общества, какъ и въ сатирахъ Кантемира, но изображеніе этихъ недостатковъ вышло у Сумарокова гораздо полнѣе, живѣе и разнообразнѣе, чѣмъ у Кантемира. Вообще сатиры Сумарокова содержатъ въ себѣ множество яркихъ красокъ современной жизни. Лучшими сатирами надобно признать слѣдующія: „Хоръ къ превратному свѣту", „Кривой толкъ". „О благородствѣ", „Наставленіе сыну", сатиры на подьячихъ и на подражаніе иностранцамъ.—„Хоръ къ превратному свѣту" представляетъ сатиру на современное русское общество чрезъ противоположеніе его такому обществу, какимъ оно должно быть по идеѣ.

«Прилетала на берегъ синица,
Изъ за полночнова моря,
Изъ за холодна океана.
Спрашивали гостейку прiѣзжу,
За моремъ какiе обряды.
Гостья прiѣзжа отвѣчала:
Все тамъ превратно на свѣтѣ.
За моремъ Сократы добронравны,
Каковыхъ и здѣсь мы видаемъ:
Никогда не суевѣрятъ,
Не ханжатъ, не лицемѣрятъ.
Воеводы за моремъ правдивы;
Дьякъ тамъ цугами не ѣздитъ,
Дьячихи алмазовъ не носятъ,
Дьячата гостинцовъ не просятъ,
За носъ тамъ судей писцы не водятъ.
. . . .
Со крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ,
Деревень на карты тамъ не ставятъ;
За моремъ людьми не торгуютъ.
. . . .
Сильные безсильныхъ тамъ не давятъ,
Предъ большихъ бояръ лампадъ не ставятъ.
Всѣ дворянски дѣти тамъ во школахъ:
Ихъ отцы и сами учились:
Учатся за моремъ и дѣвки;
За моремъ тово не болтаютъ:
Дѣвушкѣ-де разума не надо,
Надобно ей личико да юбка,
Надобны румяны да бѣлилы.
Тамъ языкъ отцовскiй не въ презрѣньи;
Только въ презрѣньи тѣ невѣжи,
Кои свой языкъ уничтожаютъ;
Кои долго странствуя по свѣту,
Чужестраннымъ воздухомъ не кстати
Головы пустыя набивая,
Пузыри надутые вывозятъ.
Вздору тамъ ораторы не мелютъ;
Стихотворцы вирши не кропаютъ;
Мысли у писателей тамъ ясны,
Рѣчи у слагателей согласны:
За моремъ невѣжа не пишетъ,
Критика злобой не дышетъ» (¹).

„Наставленiе сыну“ —сатира на порочную жизнь свѣтскаго

(¹) Тамъ же, ч. VIII, стр. 359—361.

общества. Въ ней отецъ даетъ сыну слѣдующія правила, которыя нужно выполнять для того, чтобы имѣть успѣхъ въ свѣтѣ:

«Богатыхъ почитай, чтобъ съ нихъ имѣти дань,
Случайныхъ похвалять, ихъ выся, не устань!
Великимъ господамъ ты, ползая, покорствуй!
Со всѣми ты людьми будь скроменъ и притворствуй!
Коль сильный господинъ бранитъ ково,
И ты, съ бояриномъ, брани ево!
Хвали ты тѣхъ, кого бояря похваляютъ,
И умалай, они которыхъ умаляютъ.
. . . .
И помни, свѣтъ каковъ:
Въ немъ мало мудрости и много дураковъ.
Довольствуй ихъ всегда пустыми ты мѣстами;
Чти сердцемъ ты себя, другихъ ты чти устами!
. . . .
Давай и взятки самъ, и самъ опять бери.
Коль нѣтъ свидѣтелей, воруй, плутуй, сколь можно,
А при свидѣтеляхъ бездѣльствуй осторожно.
Добро другихъ людей во худо претвори
И ни о комъ добра другомъ не говори» (1).

Въ сатирѣ „Кривой толкъ", заимствованной изъ одной сатиры Буало, представлены типы льстеца, глупца и невѣжды. О льстецѣ сказано:

«Коль нужда въ комарѣ, зоветъ его слономъ,
Когда къ боярину придетъ съ поклономъ въ домъ,
Сертитъ предъ мухою боярской безъ препоны,
И отъ жены своей ей дѣлаетъ поклоны.
. . . .
Невѣжда говоритъ: я помню, чей я внукъ;
По дѣдовски живу, не надобно наукъ;
Пускай убытчатся, уча рабятокъ, моты,
Мой мальчикъ не ученъ, а въ тѣжъ пойдетъ вороты.
На прикладъ: о звѣздахъ потребны ль вѣсти мнѣ,
Иль знать, Ерусалимъ въ которой сторонѣ,
Иль съ кѣмъ Темираксакъ имѣлъ войны кровавы?
На что мнѣ, чтобы знать чужихъ народовъ правы,
Или вперятися въ чужія языки?
Какъ будто безъ тово ужъ мы и дураки.
. . . .
.... Какъ можетъ быть извѣстно,

(1) Тамъ же, ч. VII, 369—373.

Живущимъ на земли, строеніе небесно?
Кто можетъ то сказать, что на небѣ бывалъ?
До солнца и соколъ еще не долеталъ» (1).

Сатира „О благородствѣ“ по содержанію своему сходна со 2-й сатирой Кантемира. Она направлена противъ тѣхъ дворянъ, которые своими дѣлами не оправдываютъ своего дворянскаго происхожденія, что и выражено въ самомъ началѣ сатиры:

«Сію сатиру вамъ, дворяня, приношу!
Ко членамъ первымъ я отечества пишу.
Дворяня безъ меня свой долгъ довольно знаютъ;
Но многія одно дворянство вспоминаютъ,
Не помня, что отъ бабъ рожденнымъ и отъ дамъ,
Безъ исключенія всѣмъ праотецъ Адамъ.
На то-ль дворяня мы, чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды по знатности глотали?
Какое барина различье съ мужикомъ,
И тотъ, и тотъ земли одушевленный комъ.
И есть-ли не яснѣй умъ барскій мужикова,
Такъ я различія не вижу никакова.
Мужикъ и пьетъ и ѣстъ, родился и умретъ,
Господскій также сынъ, хотя и слаще жретъ,
И благородіе свое не рѣдко славитъ,
Что цѣлый полкъ людей на карту онъ поставитъ.
Ахъ! Должно ли людьми скотинѣ обладать»?

Затѣмъ указывается, какъ древніе и новые знаменитые люди заботились объ образованіи.

«Периклъ, Алкивіадъ наукой не гнушались,
Начальники ихъ войскъ наукой украшались.
Великій Александръ и ею былъ великъ,
Науку храбрый чтитъ вѣнчанный Фридерикъ.
Петромъ она у насъ Петрополь услаждаетъ,
Екатерина вновь науку насаждаетъ» (2).

Особенно сильно и часто, или лучше сказать постоянно, Сумароковъ нападалъ на взяточничество и подьячихъ. Лучшія сатиры на нихъ: „Жалоба утѣсненной Истины Юпитеру“, „Письмо о нѣкоторой заразительной болѣзни“, гдѣ говорится о происхожденіи акциденціи, или взятокъ, „О копистахъ“, „О почтеніи къ приказному роду“ и „О худыхъ судьяхъ“. Въ первой сатирѣ „Жалоба утѣсненной Истины Юпитеру“ разсказывается, что „Утѣс-

(1) Тамъ же, стр. 352—355.—(2) Тамъ же, стр. 356—358.

ненная Истина пришла однажды къ Юпитеру и, жалуясь на подьячихъ, которые берутъ взятки, просила истребить ихъ. Юпитеръ сначала не соглашался, указывая на то, сколько, послѣ истребленія подьячихъ, останется вдовъ и сиротъ, сколько прибудетъ нищихъ, ходящихъ по міру; но, уступая неотступнымъ просьбамъ Истины, наконецъ согласился только однажды ударить громомъ на подьячихъ и сказалъ ей, что, избѣгая нареканія, онъ въ другой разъ этого не сдѣлаетъ: „беззаконники за строгость тебя и меня поносятъ, и ежели по большинству голосовъ насъ обвинять станутъ, такъ мы отъ поношенія не убѣжимъ. Почтенна ты на свѣтѣ; но политика тебя еще почтеннѣе; безъ тебя на свѣтѣ обойтися удобно, а безъ нея никакъ не возможно“. Ударилъ громомъ Юпитеръ—„повалилися подьячіе и запѣли жены ихъ обыкновенную пригробную пѣсню. Народное рукоплесканіе громче Юпитерова удара было. Обрадовалася Истина; но въ какое смятеніе пришла она, когда увидѣла, что самые главные злодѣи изъ приказныхъ служителей остались цѣлы. Что ты сдѣлалъ, о Юпитеръ! главныхъ ты пощадилъ грабителей, вскричала она. И когда она на нихъ указывала. Юпитеръ извинялся невѣдѣніемъ и говорилъ ей: кто могъ подумать, что это подьячіе: я сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей почелъ изъ знатнѣйшихъ людьми родовъ. Ахъ, говорила она, отцы сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей ходили въ чирикахъ (въ котахъ), дѣды въ лаптяхъ, а прадѣды босикомъ“ ([1]). Въ сатирѣ „О худыхъ судьяхъ“ Сумароковъ представляетъ взяточниковъ безчестнѣе и виновнѣе всѣхъ воровъ и бездѣльниковъ.

«О взяткахъ такъ иной стремится бредни плесть:
Присягу рушу ль я, когда даютъ за честь?
За честь! и подлинно ты далъ ее въ продажу,
Я взяткамъ предпочту бездѣльникову кражу:
Ему не ввѣрило отечество суда,
И честныхъ онъ людей не судитъ никогда.

. . . .

Воръ краденыхъ коней въ телѣгу не впряжетъ;
Поймаютъ и его и лошадь, коль заржетъ.
А ты и въ тѣ мѣста на кражѣ пріѣзжаешь,
Гдѣ множество судя людей распоряжаешь.
Легко ли видѣти мнѣ хищныхъ сихъ звѣрей,
Съ приданымъ краденымъ, богатыхъ дочерей,
А тѣ, которыя бездѣльство ихъ поносятъ,
У нихъ же ластятся и милостины просятъ» ([2]).

([1]) Сочин., ч. VI, 373—374.—([2]) Тамъ же, ч. VII, 362.

Средствами для искорененія взяточничества, ябеды и всякаго рода обидъ и несправедливостей въ судахъ Сумароковъ считалъ образованіе приказныхъ и изданіе полнаго по возможности собранія законовъ. „Невѣжество, говоритъ онъ въ Словѣ Екатеринѣ II, есть источникъ неправды; бездѣльство полагаетъ основаніе храма его; безумство созидаетъ оный; непросвѣщенная сила, а иногда и смѣсившаяся со пристрастіемъ, укрѣпляетъ оный. Разруши, государыня, разруши стѣны храма сего, повергни столпы его и разори основаніе! Созижди великолѣпный храмъ ненарушаемаго правосудія; но прежде того, повели собирати потребныя ко зданію вещи и основати училища готовящимся исправити и наблюдати преприятые премудростію твоею законы! Повели предъ писцами разогнути книгу естественныя грамматики, начало нашего предъ прочими животными преимущества, которыя многіе наши писцы и по имени не знаютъ! Повели имъ научиться изображати дѣла ясно, мыслить обстоятельно и порядочно, дабы знало общество, что написано; ибо безъ того и тѣ могутъ противузаконствовать, которые монаршу волю всею силою исполняти устремляются, не понимая того, чего сами писцы, путаяся, хромая и на всякой строкѣ спотыкаяся, по многословесномъ колобродствѣ своемъ не понимали, читавъ сочиненія свои предъ судіями тѣмъ образомъ, которымъ дьячки предъ Богомъ псалтырь читаютъ, во скороспѣшномъ бѣгѣ цѣлыя рѣчи проглатывая.... Вотъ отъ чего иногда грѣшатъ и честные въ судіяхъ люди, подьячіе надежно грабятъ, невинные страждутъ, а бездѣльники торжествуютъ.... Я какъ сынъ и членъ отечества не того по разсудку моему желаю, чтобы древніе законы испровержены, а новые установлены были, но чтобы они при случаяхъ исправляемы были. На что нѣтъ закона, или не обстоятеленъ законъ, или не ясенъ, на то бы законъ сочинился, исправился и изъяснился. Подался случай къ рѣшенію дѣла, и ежели нѣтъ обиженному по закону совершеннаго удовольствія, да удовольствуется обиженный и да исправится законъ“ (¹).

Будучи поклонникомъ французской литературы, Сумароковъ въ то же время былъ патріотомъ, заботился о русскомъ образованіи и сильно возставалъ противъ неразумнаго подражанія всему иностранному. Въ запискахъ Порошина о немъ замѣчено: „Еще примолвилъ А. П. есть-де нѣкто г. Таубертъ; онъ смѣется Бецкому, что робятъ воспитываетъ на французскомъ языкѣ. Бецкій смѣется Тауберту, что онъ робятъ въ училищѣ, которое заведено недавно въ Академіи, воспитываетъ на языкѣ нѣмецкомъ. А мнѣ кажется, продолжалъ А. П., и Бецкій и Таубертъ оба дураки;

(¹) Сочин., ч. II, стр. 235—237.

дѣтей въ Россіи должио воспитывать на россійскомъ языкѣ". На то же неразумное пристрастіе къ французскому языку и ко всему иностранному Сумароковъ нападаетъ въ сатирѣ „О французскомъ языкѣ".

Взрощенъ дитя твое и сталъ уже дѣтина:
Учился, наученъ, учился, сталъ скотина.
Къ чему, что твой сынокъ чужой языкъ постигъ,
Когда себѣ плода не собралъ онъ со книгъ?
Болтать и попугай, сорока, дроздъ умѣютъ,
Но больше ничево они не разумѣютъ.
. . . .
И есть родители, желающи тово,
По русски бъ дѣти ихъ не знали ничево.
Французски авторы почтенье заслужили,
Честь вѣку принеся, они въ которомъ жили.
Языкъ ихъ вычищенъ; но всякъ ли Моліеръ
Между французами, и всякъ ли въ нихъ Вольтеръ?
Во всѣхъ земляхъ умы великіе родятся,
А глупости всегда жъ и болѣе плодятся,
И мода странъ чужихъ Россіи не законъ:
Мнѣ мнится, все равно, присядка и поклонъ.
Объ этомъ инако Екатерина мыслитъ:
Обрядъ хорошій намъ она хорошимъ числитъ;
Стремится насъ она наукой озарить,
А не въ французовъ насъ не кстати претворить.
. . . .
Не въ формѣ истина на свѣтѣ состоитъ;
Насъ краситъ вещество, а не по модѣ видъ:
По модѣ ткутъ тафты, парчи, обои, штофы;
Однако люди тѣ—ткачи, не философы:
А истина нигдѣ еще не знала модъ:
Имъ слѣпо слѣдуетъ безумный лишь народъ...
. . . .
Языки чужды намъ потребны для тово,
Чтобъ мы читали въ нихъ, на русскомъ нѣтъ чево» (¹).

Къ тому же роду сочиненій относятся статьи Сумарокова, подъ заглавіемъ: „Сонъ". Въ нихъ выражается жалоба на притѣсненія, дѣлаемыя иностранцами русскимъ писателямъ и русской литературѣ. „Вторично, говорится въ одной изъ этихъ статей, пригрезилася мнѣ Мельпомена, и объявила мнѣ, что она челобитную на иноплеменниковъ, утѣсняющихъ россійскихъ музъ, подала". Въ этой челобитной было изображено слѣдующее: „Вели-

(¹) Сочин., ч. VII, стр. 364—365.

кая и премудрая богиня! Бьетъ тебѣ челомъ россійская Мельпомена и всѣ съ нею россійскія музы, о чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты: 1) Призваны мы на россійской Парнассъ отцемъ твоимъ, великимъ Юпитеромъ, ради просвѣщенія сыновъ россійскихъ и отъ того времени просвѣщаемъ мы россіянъ по крайней нашей возможности. 2) Прекрасный и всѣхъ европейскихъ языковъ ко исполненію нашей должности способнѣйшій языкъ россійскій, отъ иноплеменническихъ нарѣчій и отъ иноплеменническаго склада, часъ отъ часу въ худшее приходитъ состояніе, а они о томъ только пекутся, чтобъ мы, россійскія музы, въ нашемъ искуствѣ никакого не имѣли успѣха, чтобъ они учеными, а сыны россійскіе невѣжами почитались... 3) Властвуя они здѣшнимъ Парнассомъ, помоществуемы иноплеменниками, хамова колѣна, храмъ мой оскверняютъ, и весь Парнассъ россійскій въ крайнее приводятъ замѣшательство и, оставивъ парнасскія дѣла, пишутъ только справки и выписки, въ которыхъ на Парнассѣ ни малѣйшія нѣтъ нужды, и что парнасскому уставу совсѣмъ противно... 4) Россійскимъ авторамъ дѣлаютъ иноплеменники всякое препятствіе: да и работы своей авторамъ издавати едва возможно; ибо печатаніе книгъ по предложенію и по основанію (?) недоброжелательныхъ иноплеменниковъ несносно дорого. А учинено оное ради того, чтобы въ Россіи авторовъ было меньше, и чтобы россіяня въ чужіе вперялись языки, а свой бы позабывали, и не зная красоты онаго, имъ бы гнушалися, какъ имъ отъ ненависти они гнушаются, что отчасти нѣкоторыя безмозглыя головы уже и дѣлаютъ. 5) О заведеніи ученаго во словесныхъ наукахъ собранія, въ которомъ бы старалися искусные писатели о чистотѣ россійскаго языка и о возрощеніи россійскаго краснорѣчія, иноплеменники, наблюдая собственное прибыточество и вражду къ россійскому Парнассу, никогда и не думывали, хотя такія собранія необходимо нужны; ибо безъ того науки ни въ которомъ государствѣ совершеннаго процвѣтанія не имѣли и имѣть не могутъ. Да и подъ игомъ иноплеменниковъ науки успѣховъ имѣти не могутъ. И нигдѣ посреди своего отечества писатели отъ иноплеменниковъ не зависятъ, не только отъ иноплеменниковъ невѣжъ; также и храмы музъ состоятъ подъ надзираніемъ сыновъ отечества. 6) Властвованіе иноплеменниковъ и храмомъ моимъ и всѣмъ россійскимъ Парнассомъ, къ неудобоносному нашему утѣсненію и къ непомѣрному нашему стыду, приводитъ насъ во крайнее отчаяніе. И дабы повелѣно было сіе мое прошеніе принять и насъ отъ ига иноплеменниковъ освободить.... Ноября 14 дня, 1760 года. Къ поданію надлежитъ россійской Палладѣ" [1]. Чтобы объяснить происхожденіе и самый

---

[1] Сочин., ч. IX, стр. 316—319.

характеръ этой „Челобитной“ Сумарокова, надобно имѣть въ виду его постоянныя непріязненныя столкновенія съ графомъ Сиверсомъ и его канцеляріей по управленію театромъ, и съ Академіей Наукъ, или вѣрнѣе съ академической типографіей, гдѣ печатались сочиненія Сумарокова. Въ сохранившихся до насъ письмахъ Сумарокова къ Шувалову также часто встрѣчаются его жалобы и на чиновниковъ графа Сиверса и на академическую типографію, что она задерживаетъ печатаніе его сочиненій, да и беретъ за печатаніе очень дорого.

Кромѣ такихъ произведеній, которыя имѣютъ форму сатиры, есть у Сумарокова много разныхъ статей, въ которыхъ также выражается его сатирическій взглядъ на жизнь, или такъ называемая критика нравовъ. Такъ въ статьѣ „О домостроительствѣ“ онъ изображаетъ дурныхъ помѣщиковъ, которые, заботясь только о своихъ выгодахъ, разоряютъ своихъ крестьянъ и жестоко обходятся съ ними. „Домостроительство, говоритъ онъ, состоитъ въ пріумноженіи изобилія.... дабы тѣмъ обогащалося государство.... Почему жъ называютъ тѣхъ жадныхъ помѣщиковъ экономами, которые или на свое великолѣпіе, или на заточеніе злата и сребра въ сундуки, здираютъ со крестьянъ своихъ кожи, и коихъ манифактуры и протчіе вымыслы крестьянъ отягощаютъ и все время у нихъ на себя отъемлютъ, учиняя ихъ невинными каторжниками, кормя и поя какъ водовозныхъ лошадей, противу права и моральнаго и политическаго, единственно ради своего излишняго изобилія, раздражая и Божество и человѣчество.... Помѣщикъ, обогащающійся непомѣрными трудами своихъ подданныхъ, суетно возносится почтеннымъ именемъ домостроителя и долженъ онъ названъ быть доморазорителемъ. Такой извергъ природы— невѣжа и во естественной исторіи и во всѣхъ наукахъ, тварь безграмотная, заставляющій поститься крестьянъ своихъ ради наполненія сундуковъ своихъ, разрушающій блаженство ввѣренныхъ ему людей, стократно вреднѣе разбойника отечеству. Увеселяюся ли я тогда, имѣя доброе сердце и чистую совѣсть, когда мнѣ такой извергъ показываетъ сады свои, оранжереи, лошадей, скотину, птицъ, рыбныя ловли, рукодѣлія и проч.? но я съ такими домостроителями не схожуся и пищи, орошенныя слезами, не вкущаю. Много оставитъ онъ дѣтямъ своимъ; но и у крестьянъ ево есть дѣти.... Блаженство деревни не во единомъ изобиліи помѣщика состоитъ, но въ общемъ. Ежели помѣщикъ почитаетъ себя головою своихъ подданныхъ, такъ сохраняя голову, сохранитъ и мизинецъ; ибо голова тѣла и мизинцу сostраждетъ. Но таковые гнусные домостроители не почитаютъ себя головою своей деревни и не отличаютъ крестьянъ отъ лошадей: на лошади такой человѣкъ ѣздя, питаетъ ее ради того только, чтобы она

ево возила; людей онъ содержитъ на кормѣ, единственно только ради работы, не памятуя того, что и крестьянинъ не ради единаго помѣщика отъ Бога созданъ" (1).—Въ тѣсной связи съ этой статьей, по главной мысли, находится статья „О безбожіи и безчеловѣчіи". „Человѣкъ, не познавающій Бога, говоритъ Сумароковъ, не познаваетъ истины и не можетъ ни малѣйшія въ сердцѣ своемъ имѣти добродѣтели и презрѣнія достоинъ. Человѣкъ, познавающій Бога и противу совѣсти изгоняющій добродѣтель изъ сердца своего, достоинъ еще большаго презрѣнія. Безбожіе гадко, а безчеловѣчіе еще гаже. То происходитъ отъ ослѣпленнаго разума, а сіе отъ ожесточеннаго сердца. Тотъ нѣкотораго достоинъ сожалѣнія, а сей ни малѣйшаго. Безбожные вредоносны роду человѣческому, а безчеловѣчные пагубоносны ему" (2). Но всего ближе къ сатирическимъ и нравоописательнымъ сочиненіямъ подходятъ 6 книгъ басенъ и притчей Сумарокова. Многія басни не имѣютъ ничего общаго съ настоящими баснями ни по формѣ, ни по содержанію, а скорѣе представляютъ легкія насмѣшки, или маленькія сатиры на тѣ же пороки и недостатки, какъ и въ указанныхъ выше настоящихъ сатирахъ. Разсказъ въ этихъ басняхъ и притчахъ не отличается замысловатостью, но зато проводимыя въ нихъ идеи и нравственныя правила выражены съ такою силою и мѣткостію, что многія изъ нихъ перешли въ жизнь и стали употребляться какъ пословицы. Къ сожалѣнію, Сумарокову недоставало самообладанія и спокойнаго тона, какимъ долженъ отличаться истинный сатирикъ; его сатира часто походитъ на памфлетъ.

Сумароковъ, какъ издатель литературнаго журнала и какъ первый критикъ. До 1759 г. Сумароковъ помѣщалъ свои сочиненія большею частію въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ Миллера; въ этомъ же году онъ началъ издавать свой ежемѣсячный литературный журналъ „Трудолюбивую Пчелу". Образцомъ при изданіи этого журнала служили для Сумарокова англійскіе нравоучительные журналы Стиля и Адиссона. Изъ этихъ журналовъ иногда и переводились или передѣлывались и статьи для „Трудолюбивой Пчелы". Но сотрудниковъ при изданіи у Сумарокова было не много—Козицкій, Мотонисъ, Полетика, Тредьяковскій; да и они помогали плохо, такъ что Сумароковъ часто одинъ былъ и издателемъ и писателемъ. Въ майской книжкѣ „Трудолюбивой Пчелы" было приложено такое примѣчаніе: „Весь сей мѣсяцъ сочиненія Александра Сумарокова". Съ другой стороны, у Сума-

(1) Сочин., ч. X, стр. 158—162.—(2) Тамъ же, стр. 134—135.

рокова не было достаточно и денежныхъ средствъ на изданіе журнала. Поэтому „Трудолюбивая Пчела" издавалась только одинъ годъ.

Съ журнальною дѣятельностію Сумарокова соединяется его критическая дѣятельность. Сумарокова обыкновенно считаютъ первымъ по времени критикомъ въ новой русской литературѣ. Согласно съ этимъ и самая критика его представляетъ самую первоначальную ступень въ этой области; она имѣетъ еще чисто внѣшній, стилистическій характеръ т. е. направлена противъ недостатковъ правописанія, языка и слога сочиненій. Руководствомъ при критикѣ для Сумарокова, какъ и для другихъ писателей того времени, служили поэмы Горація и Буало. Подражая имъ, Сумароковъ и самъ написалъ „Эпистолу о русскомъ языкѣ" и „Эпистолу о стихотворствѣ", въ которыхъ изложилъ правила литературнаго языка и слога. Вотъ правила, изложенныя въ Эпистолѣ о русскомъ языкѣ:

«Для общихъ благъ мы то передъ скотомъ имѣемъ,
Что лучше, какъ они, другъ друга разумѣемъ,
И помощію словъ пространна языка,
Все можемъ изъяснить, какъ мысль ни глубока....
. . . .
Довольно нашъ языкъ въ себѣ имѣетъ словъ,
Но нѣтъ довольнаго числа на немъ писцовъ.
Одинъ [1], послѣдуя несвойственному складу,
Влечетъ въ Германію россійскую Палладу,
И мня, что тѣмъ онъ ей пріятства придаетъ,
Природну красоту съ лица ея беретъ.
Другой [2], не выучась такъ грамотѣ, какъ должно,
По русски, думаетъ, всего сказать не можно,
И взявъ пригоршни словъ чужихъ, сплетаетъ рѣчь,
Языкомъ собственнымъ, достойну только сжечь;
Иль слово въ слово онъ въ слогъ русскій переводитъ,
Которо на себя въ обновѣ не походитъ.
. . . .
Кто пишетъ, долженъ мысль прочистить напередъ
И прежде самому себѣ подать въ томъ свѣтъ.
. . . .
Нѣтъ тайны никакой безумственно писать,
Искуство, чтобъ свой слогъ исправно предлагать,
Чтобъ мнѣніе творца воображалось ясно,
И рѣчи бы текли свободно и согласно.
Письмо, что грамоткой простой народъ зоветъ,

---

(1) Разумѣется Ломоносовъ.—(2) Разумѣется Тредьяковскій.

Съ отсутствующими обычну рѣчь ведетъ,
Быть должно безъ затѣй и кратко сочиненно,
Какъ просто говоримъ, такъ просто изъясненно.
Но кто не наученъ исправно говорить,
Тому не безъ труда и грамотку сложить.
Слова, которыя предъ обществомъ бываютъ,
Хоть ихъ перомъ, хотя языкомъ предлагаютъ,
Гораздо должны быть пышняе сложены,
И риторски бъ красы въ нихъ были включены,
Которыя въ простыхъ словахъ хоть не обычны,
Но къ важности рѣчей потребны и приличны,
Для изъясненія разсудка и страстей,
Чтобъ тѣмъ входить въ сердца и привлекать людей.
Посемъ скажу, какой похваленъ переводъ.
Имѣетъ въ слогѣ всякъ различіе народъ:
Что очень хорошо на языкѣ французскомъ,
То можетъ въ точности быть скаредно на русскомъ.
Не мни, переводя, что складъ въ творцѣ готовъ:
Творецъ даруетъ мысль, но не даруетъ словъ.
Въ спряженіе рѣчей его ты не вдавайся
И свойственно себѣ словами украшайся» (1).

Въ Эпистолѣ о стихотворствѣ Сумароковъ говоритъ:

«Нельзя, чтобъ тотъ себя письмомъ своимъ прославилъ,
Кто грамматическихъ не знаетъ свойствъ и правилъ,
И правильно письма не смысля сочинить,
Захочетъ вдругъ творцемъ и стихотворцемъ быть.
Онъ только лишь слова на риѳму прибираетъ,
Но соплетенный вздоръ стихами называетъ...
Стихи слагать не такъ легко, какъ многимъ мнится,
Незнающій одной и риѳмой утомится.
Не должно, чтобъ она въ плѣнъ нашу мысль брала,
Но чтобы нашею невольницей была.
Не надобно за ней безъ памяти гоняться;
Она должна сама намъ въ разумѣ встрѣчаться,
И кстати приходивъ, ложиться, гдѣ велятъ;
Невольные стихи чтеца не веселятъ,
А оное не плодъ единыя охоты,
Но прилежанія и тяжкія работы.
Однако тщетно все, когда искуства нѣтъ,
Хотя творецъ, трудясь, струями потъ прольетъ.
. . . .
Когда искуства нѣтъ, иль ты не тѣмъ рожденъ,
Не строенъ будетъ гласъ, и слогъ твой принужденъ.

(1) Сочин., изд. 1787 г.; ч. 1, стр. 331—335.

А если естество тебя тѣмъ одарило,
Старайся, чтобъ сей даръ искуство украсило;
Знай въ стихотворствѣ ты различіе родовъ,
И что начнешь, ищи къ тому приличиыхъ словъ,
Не раздражая Музъ худымъ своимъ успѣхомъ:
Слезами Талію, а Мельпомену смѣхомъ».

Далѣе указываются свойства, какими должны отличаться разныя поэтическія произведенія. Въ частности интересны замѣчанія о комедіи и сатирѣ.

«Свойство комедіи—издѣвкой править нравъ:
Смѣшить и пользовать—прямой ея уставъ.
Представь бездушнова подьячева въ приказѣ,
Судью, что не пойметъ, что писано въ указѣ,
Представь мнѣ щеголя, что тѣмъ вздымаетъ носъ,
Что цѣлый мыслитъ вѣкъ о красотѣ волосъ....
. . . .
Представь латынщика на диспутѣ ево,
Который не совретъ безъ Ergo ничево.
Представь мнѣ гордова, раздута какъ лягушку,
Скупова, что готовъ въ удавку за полушку....
. . . .
Въ сатирахъ должны мы пороки охуждать,
Безумство пышное въ смѣшное превращать,
Страстямъ и дуростямъ играючи ругаться,
Чтобъ та игра могла на мысли оставаться,
И чтобы въ страстныя сердца она втекла:
Сіе намъ зеркало сто разъ нужнѣй стекла» (¹).

Эти правила литературнаго языка и слога Сумароковъ приложилъ преимущественно къ критикѣ сочиненій Тредьяковскаго и Ломоносова въ своихъ статьяхъ: „О правописаніи“ и „О стопосложеніи“. Виновниками всѣхъ неправильностей въ русскомъ правописаніи Сумароковъ считалъ преимущественно Тредьяковскаго и Ломоносова. „Г. Тредьяковскій и Ломоносовъ и многія и другія, говоритъ онъ, отходя отъ древняго употребленія, довольно и складъ нашъ и правописаніе портили: и нынѣ ежедневно портятъ, не меньше, какъ безграмотныя приказныя писцы: сіи отъ незнанія, тѣ отъ умствованія, не имѣя о складахъ языковъ разумнаго понятія“. Грамматика Ломоносова, по мнѣнію Сумарокова, только портитъ нашъ языкъ. „Грамматика г. Ломоносова никакимъ ученымъ собраніемъ не утверждена, и по причинѣ, что онъ московское нарѣчіе въ колмогорское превратилъ, вошло въ нее множе-

(¹) Тамъ же, стр. 336—348.

ство порчи языка". „Ежели я не опорочу грамматики Ломоносова, такъ я о нечистотѣ нашего стопосложенія и ничего истолковать не могу; ибо главныя пороки онаго отъ того и произошли, чево г. Ломоносовъ самъ не зналъ, не будучи ни грамматистомъ, ни знающимъ чистоту московскаго произношенія, и отъ того наше стопосложеніе стало толь безобразно". „Вся слава стихотворенія г. Ломоносова въ однихъ ево одахъ состоитъ, а протчія ево стихотворныя сочиненія и посредственнаго въ немъ піита не показываютъ. Подражайте авторы красотѣ сего почтеннаго мужа въ красотѣ его лиричества и, презирая протчія піитическія ево сочиненія, не повинуйтеся ево грамматикѣ, ища оныя во естествѣ языка, и помните, что стихи безъ чистаго стопосложенія есть трудъ легкій и самая скаредная проза" ([1]). Таковъ общій критическій отзывъ Сумарокова о Ломоносовѣ, какъ писателѣ. Разбирая же его сочиненія въ частности и указывая въ нихъ недостатки, онъ упрекаетъ Ломоносова за то, что онъ „возненавидѣвъ литеру *і* часто ее перемѣнялъ въ литеру *е*, напр. вмѣсто „достоинъ—достоенъ", вмѣсто „бывшій—бывшей" и проч., чему, прибавляетъ онъ, нынѣ многія безъ размышленія и безъ разбора слѣдуютъ". „Равномѣрно ввелъ г. Ломоносовъ и въ другихъ нѣкоторыхъ словахъ провинціальное произношеніе, какъ напр. вмѣсто „лѣта—лѣтà", вмѣсто „грáдовъ—градóвъ"... что г. Ломоносову, ярко провинціальному уроженцу, простительно, какъ рожденному еще и не въ городѣ, и отъ поселянъ; но протчимъ, которыя рождены не въ провинціяхъ и не отъ поселянъ сіе извинено быть не можетъ"... Сумароковъ осуждаетъ русскихъ писателей за то, что они ввели слова и выраженія: „обнародовать, преслѣдовать, предметъ, поборникъ, слышу запахъ, тѣсная дружба". „Слово „поборникъ", говоритъ онъ, не то знаменуетъ, каково оно, но совсѣмъ противное: поборникъ мой по естеству своему тотъ, который меня побораетъ, а по употребленію тотъ, который за меня другова побораетъ. Симъ образомъ вошло сіе: „слышу запахъ", хотя запахъ обонянію, а не слуху свойственъ... „Обнародовать" значитъ населить; „преслѣдовать"—изслѣдованное дѣло вновь изслѣдовать, или огнать кого, а не гнать; а „предметомъ" могла бы назваться цель, а не видъ моихъ стремленій, если бы такое слово и существовало. Вошло, было, въ моду слово „тѣсная дружба" вмѣсто „великая дружба"; но въ нашемъ языкѣ тѣсная дружба знаменуетъ припужденную дружбу, да и то неупотребительно". „Щотъ и мѣра степеней не имѣютъ, но многія пишутъ: первѣйшій, послѣднѣйшій, главнѣйшій, краснѣйшій и проч.: такъ по сему можно писать и говорить „камень трехпуднѣйшій", „сукно шириною трехаршиннѣйшее" и проч.. Т вмѣсто Д и Д вмѣсто Т

([1]) Сочин., ч. X., стр. 38; 56—57; 77.

часто безъ разбора ставятся: „вотка, лотка“, вмѣсто „водка, лодка“... Какое правило приказало намъ писати прилагательныя во множественномъ Е и Я? Е въ мужескомъ выдумали также подьячія.... хотя многія и мучатся надъ различіемъ родовъ, мѣшаются и гадятъ языкъ еще болѣе.... Ломоносовъ и Тредьяковскій теряли корень нарѣчія, пиша: „ребята“ вмѣсто „рабята“ отъ словъ „рабъ и работа“; „раззорять“, писали, а не „разорять“, „блиско“ вмѣсто „близко“ и множество такихъ словъ“.—Въ статьѣ „О стопосложеніи“ Сумароковъ разбираетъ недостатки стихотворнаго языка Ломоносова и старается доказать, что Ломоносовъ, вмѣсто исправленія русскаго стопосложенія, „ево болѣе и болѣе портилъ; и ставъ порчи сея образцемъ, не хуля того и въ другихъ, чѣмъ онъ самъ былъ наполненъ, открылъ легкій путь къ стихотворенію, но путь сей на парнасскую гору не возводитъ. У г. Ломоносова во строфахъ ево много еще достойнаго осталось, хотя что, или лутче сказать, хотя и все недостаточно: а у преемниковъ ево иногда и запаха стихотворнаго не видно. Что г. Ломоносовъ былъ неисправный и непроворный стопослагатель, это я не пустыми словами, но неопровергаемыми доводами покажу“... Раздѣливъ строфы въ одахъ Ломоносова на прекраснѣйшія, прекрасныя, весьма хорошія, строфы изрядныя, строфы, требующія большаго исправленія, и строфы, „о которыхъ, прибавляетъ онъ, я ни чево не говорю“, Сумароковъ указываетъ недостатки въ его стихотвореніяхъ — въ размѣрѣ, риѳмахъ и отдѣльныхъ словахъ. Напр. онъ говоритъ: „Шуми и веди“ не знаю почему риѳма; „чудится и вмѣститься“ не знаю жъ почему? „Зевса“ претворилъ г. Ломоносовъ въ „Зевеса“... „Изъ чистаго стекла мы пьемъ вино и пиво“... не одно чисто стекло, ибо серебро чисто, а стекло прозрачно. „И чиста совѣсть рветъ притворствъ гнилыхъ завѣсу“... здѣсь нѣтъ, хотя стопы и исправны, ни складу, ни ладу; „въ печальнѣйшей нощи“... что это за печальнѣйшая ночь; иное бы дѣло было; „въ темнѣйшей“.... Такіе недостатки указаны въ посланіи Ломоносова къ Шувалову о пользѣ стекла. Подобнымъ же образомъ Сумароковъ разбираетъ оду Ломоносова на восшествіе на престолъ Елисаветы. „Возлюбленная тишина, блаженство селъ, градовъ ограда“.... „Градовъ ограда“ сказать не можно. Можно молвить: „селенія ограда, а не ограда града“; градъ отъ того и имя свое имѣетъ, что онъ огражденъ. Я не знаю сверхъ того, что за ограда града тишина? Я думаю, что ограда града войско и оружіе, а не тишина... „На бисеръ, злато и порфиру“: съ бисеромъ и златомъ порфира весьма малое согласіе имѣетъ... „Лѣтитъ корма межъ водныхъ нѣдръ“.... лѣтитъ межъ водныхъ нѣдръ не одна корма, но весь корабль... „Молчите пламенные звуки“... Пламенныхъ

звуковъ нѣтъ, а есть звуки, которыя съ пламенемъ бываютъ... „И грому трубъ ея мѣшаетъ плачевный побѣжденныхъ стонъ“: трубный гласъ не гремитъ, гремятъ барабаны; а ежели позволено сказать вмѣсто трубнаго гласа трубный громъ, такъ можно сказать и громъ скрипицы, и громъ флейты. „Сравнившись морю широтой“: надобно по грамматическимъ правиламъ сказать: „сравнившись съ моремъ широтой“ (1). Въ этой критикѣ, хотя мелочной и чисто внѣшней, конечно, есть и справедливыя замѣчанія, но въ ней непріятно поражаетъ читателя ея нетерпимость и рѣзкость, доходящая до неприличія. Еще рѣзче отзывался Сумароковъ о другихъ современныхъ стихотворцахъ. „Мы довольныя опыты имѣемъ на то, говоритъ онъ въ статьѣ о правописаніи, что можно сочиняти стихи во всѣхъ родахъ, и ни малѣйшаго не имѣя о грамматикѣ понятія, хотя и кажется, что стихотворство и риторство болѣе другихъ наукъ нужды во грамотѣ имѣютъ, и что они самый сильнѣйшій духъ оныя: однако нѣтъ ни портнова, ни сапожника, кто бы тому не учился: а стихотворцевъ довольно, которыя не только правилъ онаго, но и грамматики не знаютъ; ибо колико авторъ ни несмысленъ и колико сочиненіе ево ни глупо, но сыщутся и читатели и похвалители онаго изъ людей, которыя еще ево несмысляннѣе; безумцы отъ начала міра не переводилися, и никогда не переведутся“ (2). Отъ „Собранія россійской словесности“, учрежденнаго для усовершенствованія русскаго языка, онъ кромѣ вреда ничего не ожидалъ: „Сіе намѣреніе, замѣчаетъ онъ, произошло отъ усердія; но сіе усердіе языку въ пагубу превратится, ибо сіе общество состоитъ частію изъ ученыхъ, но не изъ ученыхъ во словесности, а частію изъ неученыхъ; такъ ни медикъ, ни господичъ пользы языку принести не можетъ; хотя бы медикъ тысячи людей освободилъ отъ чахотки; юристъ отъ разоренія невиннаго отвѣтчика; физикъ постигъ бы первоначальныя частицы вещества, математикъ описалъ бы отстояніе дальнѣйшихъ неподвижныхъ нашему зрѣнію звѣздъ; но ко словесности потребенъ Овидій, Виргилій, Горацій, а не Локкъ, Невтонъ и Бургавенъ. Частію же сіе общество изъ дворянъ состоитъ, мало свѣдущихъ о словесныхъ наукахъ; а въ экипажахъ ихъ Парнассу нѣтъ нужды, ибо на сію гору въ каретѣ никто не возъѣзжалъ, а Пегасъ и въ одноколку никогда еще впрягаемъ не бывалъ. Опасно сіе Собраніе словесности россійской нашего вѣка, а особливо ради того, что худо видящія писцы, опираяся на цѣлое общество, и совсѣмъ ослѣпятся и въ неисходную упадутъ бездну. И можно ли, почти не имѣя еще авторовъ,

(1) Тамъ же, ч. X, стр. 77, 79, 82, 88, 90.
(2) Тамъ же, стр. 20—21.

и не авторамъ сочипяти уже къ ужасной погибели языка лексиконъ" ([1]). Сумароковъ касался въ своихъ сочиненіяхъ и произведеній французской литературы; но его отзывы объ этихъ произведеніяхъ имѣютъ также чисто внѣшній характеръ. Какъ строфы въ одахъ Ломоносова онъ раздѣляетъ на прекраснѣйшія, прекрасныя, изрядныя, такъ и трагедіямъ Расина и Вольтера онъ изрекаетъ такія же общія и голословныя похвалы. Въ статьѣ: „Мнѣніе во сновидѣніи о французскихъ трагедіяхъ" онъ говоритъ о Меропѣ Вольтера: „Первое явленіе изобразило уже совершенно Софокла Франціи; второе прекрасно; третіе несравненно. Послѣднее явленіе есть нѣкоторымъ образомъ прологъ трагедіи и весьма искусно вмѣщено въ концѣ дѣйствія. Первое явленіе втораго дѣйствія прекрасно; второе явленіе всякую похвалу превосходитъ". Такіе же голословные отзывы онъ дѣлаетъ здѣсь объ Ифигеніи Расина: „Начало трагедіи прекрасно. Стихи великаго вкуса. Прологъ весь есть дѣло, достойное Расина. Второе явленіе прекрасно. Третіе прекрасно. Пятое явленіе достойно своего автора. Втораго дѣйствія первое явленіе меня не трогало... Второе явленіе хорошо, но все сіе дѣйствіе почти не трогало сердца моево... Четвертаго дѣйствія первое явленіе не стоитъ моево примѣчанія" и т. д. О Федрѣ Расина Сумароковъ говоритъ: „Въ первомъ явленіи уже явился великій и преславный стихотворецъ. Второе явленіе очистило искуснѣйшимъ образомъ Федрѣ театръ. Въ третьемъ явленіи, подражая Еврипиду, превзошелъ онъ Еврипида" и проч. ([2]).

Въ слогѣ выражается характеръ писателя; въ сочиненіяхъ Сумарокова выразился его характеръ. Поэтому, чтобы правильно судить о сочиненіяхъ Сумарокова, надобно имѣть въ виду его характеръ. Основными чертами въ характерѣ Сумарокова были непомѣрное самолюбіе и тщеславіе. Они были причиною какъ его славы въ литературѣ и возвышенія въ обществѣ, такъ и тѣхъ несчастій и страданій, которыя ему привелось испытать въ жизни. Самолюбіе побуждало его искать славы первокласснаго писателя и заботиться объ успѣхахъ въ литературѣ; но самолюбіе же и тщеславіе постоянно вводили его въ самыя тяжелыя столкновенія съ разными людьми, пріобрѣтали ему множество враговъ и довели его до озлобленія. Избалованный общимъ вниманіемъ на первыхъ порахъ литературной дѣятельности, онъ такъ высоко началъ цѣнить свой талантъ и свои заслуги въ литературѣ, что не хотѣлъ признавать никого выше себя и, встрѣтивъ соперника себѣ въ Ломоносовѣ, старался унизить его своими критиче-

---

([1]) Тамъ же, стр. 59—60.
([2]) Сочин., ч. IV, стр. 327—356.

скими разборами его сочиненій. Оправдываясь отъ обвиненія, будто онъ въ своихъ сочиненіяхъ пишетъ пасквили, онъ говоритъ: „Шествуя по стопамъ Горація, Ювенала, Депрео (Буало) и Вольтера, имѣлъ ли я нужду въ пасквиляхъ? Сатира и комедія лучше бы мнѣ праведное учинили отмщеніе къ пользѣ публики, нежели пасквиль. Можетъ ли человѣкъ, снабденный оружіемъ, ухватиться, во время защиты, за заржавленное шило, а знатный стихотворецъ, вмѣсто сатиры и комедіи, за пасквиль“? О своемъ значеніи въ русской литературѣ онъ замѣчаетъ: „Если бы Ломоносовъ не разстроивался со мною, не въ такомъ бы состояніи видѣли мы россійское краснорѣчіе, увядающее день отъ дня и грозящее увянути на долго. Я ему еще подпора“. Выше указано, какъ придирчиво Сумароковъ разбиралъ сочиненія Ломоносова; чтобы доказать наконецъ вполнѣ свое превосходство надъ нимъ въ одахъ, онъ издалъ нѣкоторыя мѣста изъ своихъ одъ и одъ Ломоносова, подъ заглавіемъ: „Нѣкоторыя строфы двухъ авторовъ“, съ предисловіемъ, въ которомъ жалуется, что ему наскучило слышать всегдашнія о себѣ и о Ломоносовѣ разсужденія, и, рекомендуя свои строфы, замѣчаетъ, что онъ „распоряжалъ ихъ, какъ распоряжали Мальгербъ, Руссо и всѣ нынѣшніе лирики, а Ломоносовъ этого не дѣлалъ“ (1). Въ 1755 г. во французскомъ журналѣ Mercure de France (за мѣсяцъ апрѣль) былъ напечатанъ подробный разборъ трагедіи „Синавъ и Труворъ“ и сдѣланъ весьма лестный отзывъ о Сумароковѣ, оканчивавшійся слѣдующими словами: „Авторъ не упоминаетъ ничего, откуда онъ взялъ сію матерію, для того и намъ не можно знать, есть ли въ исторіи какіе слѣды приключеній, изображенныхъ имъ въ его трагедіи, или содержаніе ея совсѣмъ вымышленное. Обнадеживаютъ насъ, что сія господина Сумарокова драма въ отечествѣ его великій успѣхъ имѣла, а мы не сомнѣваемся, что и на другихъ театрахъ не сдѣлаетъ она ни малѣйшаго ущерба чести авторовой, по крайней мѣрѣ отечеству стихотворца славу принесетъ, какъ произведшему на свѣтъ такого стихотворца, который живымъ примѣромъ показываетъ о успѣхахъ наукъ, введенныхъ Петромъ В. и процвѣтающихъ подъ покровительствомъ августѣйшей его дщери“. Сумароковъ перевелъ этотъ разборъ на русскій языкъ и напечаталъ. Признавая Вольтера идеаломъ драматическаго писателя, онъ посылалъ къ нему нѣкоторыя трагедіи и получилъ отъ него одобреніе съ просьбою продолжать столь полезную литературную дѣятельность. Эти отзывы такъ подѣйствовали на Сумарокова, что онъ, считая себя первоклассным писателемъ,

---

(1) Сочин., ч. IX, стр. 247—254.

началъ ставить себя наравнѣ съ Расиномъ и Вольтеромъ и стремился къ совершенной монополіи въ русской драмѣ, желая, чтобы только по его одобренію піэсы и давались въ театрѣ. Вотъ какимъ негодованіемъ онъ разразился, когда одинъ, какъ онъ выражается, подьячій Николай Пушниковъ перевелъ слезную комедію Бомарше „Евгенію" и эта комедія была представлена на московскомъ театрѣ: „Ввелся новый и пакостный родъ слезныхъ комедій, ввелся тамъ (во Франціи); но тамъ не исторгнутся сѣмена вкуса Расинова и Моліерова, а у насъ по театру почти еще и начала нѣтъ; такъ такой скаредной вкусъ, а особливо вѣку великія Екатерины не принадлежитъ. А дабы не впустить онаго, писалъ я о таковыхъ драмахъ къ г. Вольтеру; но онѣ въ сіе краткое время вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ, нашли всенародную похвалу и рукоплесканія, какъ скаредно ни переведена „Евгенія", и какъ нагло актриса, подъ именемъ Евгеніи, бакханту ни изображала; а сіе рукоплесканіе переводчикъ оныя драмы какой-то подьячій до небесъ возноситъ, соплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подьячій сталъ судіею Парнасса и утвердителемъ вкуса московской публики!... конечно, скоро преставленіе свѣта будетъ! Но неужели Москва болѣе повѣритъ подьячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ" (1). Особенно рѣзко самолюбіе Сумарокова высказалось въ томъ, что онъ говоритъ о своихъ заслугахъ театру. „Мои упражненія, писалъ онъ въ одномъ письмѣ къ Шувалову, ни съ придворными, ни со штатскими ни малѣйшаго сходства не имѣютъ; и ради того я ни у кого не стою на дорогѣ, и труды мои ничьихъ не меньше, и нѣкоторую пользу приносятъ, ежели словесныя науки на свѣтѣ пользою называются". Сравнивая свое жалованье съ тѣмъ, какое получали въ то же время бывшіе въ Петербургѣ иностранные артисты, онъ замѣчаетъ: „Я Россіи по театру больше сдѣлалъ услуги, нежели французскіе актеры и итальянскіе танцовщики, и меньше ихъ получаю" (2).—„Что только видѣли Аѳины и видитъ Парижъ, говоритъ онъ въ статьѣ „О копистахъ", то нынѣ Россія стараніями моими увидѣла: въ то самое время, въ которое возникъ, приведенъ и въ совершенство въ Россіи театръ твой, Мельпомена; всѣ я преодолѣлъ трудности, всѣ преодолѣлъ препятствія. Наконецъ видите вы, любезные сограждане, что ни сочиненія мои,

---

(1) Сочин., ч. IV, стр. 61—64. Здѣсь же напечатано письмо Вольтера къ Сумарокову, въ которомъ выражено мнѣніе Вольтера о новой мѣщанской драмѣ.

(2) Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову. Я. К. Грота Записки Академіи Наукъ 1862, томъ 1, Приложеніе 1.

ни актеры вамъ стыда не приносятъ, и до чего въ Германіи многими стихотворцами не достигли, до того я одинъ, и въ такое еще время, въ которое у насъ науки словесныя только начинаются и нашъ языкъ едва чиститься началъ, однимъ своимъ перомъ достигнуть могъ. Лейпцигъ и Парижъ, вы тому свидѣтели, сколько единой моей трагедіи скорый переводъ чести мнѣ сдѣлалъ. Лейпцигское ученое Собраніе удостоило меня своимъ членомъ, а въ Парижѣ вознесли мое имя въ чужестранномъ журналѣ, колико возможно, а я далѣ еще драматическими моими сочиненіями хотѣлъ вознестися, но скажу словами апостола Павла: дадеся ми пакостникъ ангелъ сатанинъ, который мнѣ пакости дѣлаетъ, да не превозношуся. Озлобленный мною родъ подьяческій, которымъ вся Россія озлоблена, извергъ на меня самаго безграмотнаго изъ себя подьячего и самаго скареднаго крючкотворца" [1]. Въ 1764 г. Сумароковъ представилъ проектъ своего путешествія для осмотра заграничныхъ театровъ въ продолженіе двухъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ, съ жалованьемъ по семи тысячъ рублей, сверхъ получаемой имъ пенсіи. „Я опишу, говорилъ онъ въ этомъ проектѣ, одну Италію и, проѣхавъ оттолѣ въ Парижъ, опишу Парижъ, мѣста на пути до Италіи, и оттолѣ до Парижа, а изъ Парижа черезъ Голландію до Петербурга... Каково мое перо, о томъ и по худымъ переводамъ всѣ ученѣйшіе въ Европѣ знаютъ и ту мнѣ похвалу сплетаютъ, которая превосходитъ желаніе авторовъ и тѣхъ народовъ, въ которыхъ науки созрѣли и утвердилися... Если бы таковымъ перомъ, каково мое, описана была вся Европа, не дорого бы стояло Россіи, ежели бы она и триста тысячъ рублевъ на это безвозвратно употребила". По увольненіи отъ должности директора театра, Сумароковъ переселился въ Москву и отсюда писалъ имиер. Екатеринѣ: „Быть адвокатомъ Мельпомены и Таліи не только въ одной Россіи, но и во всей Европѣ пристойнѣе всѣхъ Вольтеру и мнѣ... Москва отъ Петербурга далѣе, нежели Версалія отъ Парижа. Тамъ Расины, Вольтеры и Моліеры, а у насъ писатели очень безграмотны, переводы скаредны, подлинники еще хуже, актеровъ надобно созидать, ибо одинъ Сумароковъ и одинъ Дмитревскій къ совершенству театра еще недостаточны". Въ другомъ письмѣ о Москвѣ Сумароковъ говоритъ, что въ ней всѣ улицы невѣжествомъ вымощены аршина на три; ста Мольеровъ требуетъ Москва. Въ Москвѣ также, какъ въ Петербургѣ, Сумароковъ вошелъ въ непріятныя столкновенія съ разными лицами и между прочимъ съ московскимъ генералъ-губернаторомъ, графомъ П. С. Салтыковымъ, на котораго онъ подавалъ жалобу

---

[1] Сочин. Ч. IV, стр. 391—392.

импер. Екатеринѣ за то, что Салтыковъ безъ его вѣдома приказалъ представить на московскомъ театрѣ „Синава и Трувора". „Отъ Салтыкова, писалъ онъ въ этой жалобѣ, по его въ наукахъ крайнему незнанію, за что мнѣ безвинно терпѣть? Ибо онъ о томъ, что науки, и понятія не имѣетъ, а побѣды его, одержанныя по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, во словесныя науки не входятъ". На этой жалобѣ Екатерина написала: „Сумароковъ безъ ума есть и будетъ". Но Сумароковъ не унимался и постоянно обращался къ Екатеринѣ съ разными жалобами на своихъ враговъ и просьбами о чинѣ, денежномъ пособіи, о малой подмосковной деревнишкѣ, о невзиманіи рекрутовъ съ его имѣнья, такъ что Екатерина наконецъ приказала передать ему, что она больше не будетъ читать его писемъ, что она желаетъ видѣть дѣйствіе страстей болѣе въ его комедіяхъ, чѣмъ въ его письмахъ.

Не надобно, впрочемъ, забывать, что много причинъ къ раздраженію Сумарокова, его ссорамъ и жалобамъ заключалось и въ положеніи его, какъ директора театра, и въ состояніи тогдашняго русскаго общества. Мало образованное русское общество еще не умѣло тогда цѣнить должнымъ образомъ ни литературы, ни писателей, особенно драматическихъ. Зрители въ театрѣ, во время представленія, шумѣли и грызли орѣхи; ихъ интересовали болѣе костюмы актеровъ и актрисъ, чѣмъ самыя трагедіи и комедіи, представляемыя на сценѣ. Положеніе Сумарокова, какъ директора театра, было весьма трудное и тяжелое. Онъ долженъ былъ и сочинять піэсы для представленія, и приготовлять ихъ представленіе т. е. учить актеровъ и актрисъ, дѣлать репетиціи, нанимать музыкантовъ, караулъ и проч. Между тѣмъ вознагражденіе за такіе труды было ничтожное. Жалованье онъ получалъ изъ той же суммы въ 5,000 рублей, которая ассигновалась на содержаніе театра вообще. Сборъ съ театральныхъ представленій былъ незначительный и не только не приносилъ прибыли, но часто не окупалъ денегъ, затраченныхъ на представленіе. „Три представленія, писалъ Сумароковъ въ маѣ 1758 г., не только не окупились, но еще принесли убытокъ". Часто не было средствъ завести нужные для актеровъ костюмы. Въ маѣ же и того же года Сумароковъ извѣщалъ графа Шувалова, что „въ четвергъ представленія не будетъ, потому что у Трувора платья нѣтъ никакова". Кромѣ того, для русскихъ представленій долго не было особаго театра; представленія давались то на французскомъ, то на итальянскомъ театрѣ въ тѣ дни, когда эти театры не были заняты; для каждаго представленія нужно было просить особое разрѣшеніе отъ гофмаршала. Имѣя въ виду такое положеніе Сумарокова, мы должны снисходительно относиться къ его ссорамъ и жалобамъ. Нужно еще удивлять-

ся, что, не смотря на всѣ препятствія и непріятности, онъ такъ долго и неутомимо служилъ драматическому искусству. Да и вообще вся литературная дѣятельность Сумарокова вполнѣ заслуживаетъ самой благодарной памяти. Оцѣнивая произведенія Сумарокова главнымъ образомъ съ художественной точки зрѣнія, Пушкинъ осудилъ его слишкомъ строго (1); произведенія Сумарокова нужно оцѣнивать не съ одной художественной, но и съ исторической стороны, имѣя въ виду ихъ значеніе для того времени. Трагедіи и комедіи Сумарокова, какъ выше замѣчено, были первыми опытами русской драмы и, удовлетворяя потребностямъ своего времени, которое не имѣло въ этомъ родѣ ничего лучшаго, проложили путь для новыхъ произведеній. Въ комедіяхъ и сатирахъ, кромѣ того, было много живыхъ картинъ современныхъ нравовъ. Сумароковъ зорко слѣдилъ за всѣми пороками и недостатками и подвергалъ ихъ осмѣянію, и потому его совершенно справедливо называютъ общественнымъ писателемъ, или общественнымъ критикомъ. Эта критика нравовъ была основана на строго нравственныхъ началахъ: преслѣдуя все грубое и злое, онъ стремился водворить въ жизни все доброе и высокое. Вообще надобно сказать, что сочиненія Сумарокова, при неприглядной формѣ, часто не додѣланной, аляповатой, а иногда и грубой, содержатъ въ себѣ весьма много образовательныхъ элементовъ, которые должны были имѣть большое вліяніе на нравственное воспитаніе тогдашняго общества. Особенно сильно заботился Сумароковъ о распространеніи просвѣщенія и потому страшно преслѣдовалъ невѣжество во всѣхъ его видахъ. Другимъ, равносильнымъ этому, стремленіемъ его было стремленіе къ правдѣ, которую онъ хотѣлъ поставить на мѣсто усилившейся въ русской жизни неправды. Отсюда его постоянныя и самыя рѣзкія нападенія на подьячихъ, на неправосудіе и взяточничество. На этомъ основаніи Елагинъ и называлъ Сумарокова въ своей сатирѣ на петиметровъ „защитникомъ истины, гонителемъ и бичемъ пороковъ“.

Ѳэдоръ Григорьевичъ Волковъ. Вмѣстѣ съ Сумароковымъ въ области драматическаго и театральнаго искусства трудились Волковъ и Дмитревскій. Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ (род. 1729, ум. 1763 г.) былъ сынъ костромскаго купца, Григорія Волкова; по смерти отца, вмѣстѣ съ матерью, которая вышла замужъ за ярославскаго купца, Ѳедора Полушкина, онъ переселился въ

(1) Разумѣемъ извѣстные стихи Пушкина въ посланіи къ Жуковскому, написанные въ 1817 г.

Ярославль. Съ малыхъ лѣтъ въ немъ обнаруживалась наклонность и способность въ разнымъ художествамъ, и самоучкой онъ выучился рисованію, живописи и рѣзному искусству; но настоящимъ его призваніемъ было театральное искусство. Первыя свѣдѣнія въ этомъ искусствѣ онъ получилъ въ Москвѣ, гдѣ разыгрывалъ духовныя драмы съ воспитанниками Московской академіи, а потомъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ познакомился съ итальянской оперой. Выше сказано, что стараніями Волкова въ Ярославлѣ былъ построенъ огромный театръ, вмѣщавшій въ себѣ до 1000 зрителей. При этомъ онъ самъ былъ архитекторомъ, живописцемъ и машинистомъ, а потомъ главнымъ директоромъ и первымъ актеромъ. Въ 1752 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и сначала помѣщенъ въ кадетскій корпусъ для обученія языкамъ и наукамъ, а въ 1756 г., по открытіи театра, назначенъ былъ первымъ актеромъ. Страстно любя театръ, онъ развилъ свой драматическій талантъ такъ, что явился великимъ художникомъ, достоинства котораго были признаны даже иностранцами. Главными его ролями были трагическія роли въ драмахъ Сумарокова, который, поэтому, очень много былъ обязанъ ему и Дмитревскому успѣхомъ своихъ трагедій на сценѣ. Въ 1759 г. Волковъ былъ отправленъ въ Москву для устройства перваго театра. Фонъ-Визинъ въ своей автобіографіи говоритъ о Волковѣ, что „онъ былъ мужъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, имѣлъ большія знанія и могъ быть человѣкомъ государственнымъ“. Но при всемъ томъ его занимали больше искусства, нежели литература. Изъ оригинальныхъ его театральныхъ произведеній извѣстенъ только публичный маскарадъ „Торжествующая Минерва“, напечатанный въ 1763 г. Этотъ маскарадъ сдѣлался для него роковымъ; приготовляя его къ представленію, Волковъ получилъ горячку и умеръ въ 1763 г. Новиковъ говоритъ, что Волковъ писалъ стихотворенія (народныя пѣсни) и между прочимъ началъ было сочинять оду Петру В., расположивъ ее на 40 строфъ, однакожъ успѣлъ сочинить только 15 строфъ; но какъ эта ода, такъ и другія его стихотворенія до насъ не сохранились. Сумароковъ написалъ на смерть Волкова элегію къ Дмитревскому, въ которой, между прочимъ, сказалъ:

«Пролей со мной потокъ, о Мельпомена, слезный!
Восплачь и возрыдай и растрепли власы!
Преставился мой другъ. Прости, мой другъ любезный!
На вѣки Волкова пресѣклися часы!
Мой весь мятется духъ, тоска меня терзаетъ,
Пегасовъ предо мной источникъ замираетъ.
Расиновъ я театръ явилъ, о Россы, вамъ!
Богиня! а тебѣ поставилъ пышный храмъ.

Въ небытіе теперь сей храмъ перенесется,
И основаніе его уже трясется» [1].

Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій (род. 1736) воспитывался въ Рязанской семинаріи и по страсти къ театру поступилъ въ труппу Волкова, въ которой игралъ обыкновенно женскія роли. Такія же роли онъ игралъ сначала и въ Петербургѣ, при дворѣ, когда былъ вызванъ сюда съ Волковымъ. Вмѣстѣ съ Волковымъ онъ былъ помѣщенъ въ кадетскій корпусъ для обученія иностраннымъ языкамъ. Послѣ этого онъ былъ включенъ въ составъ актеровъ, а по смерти Волкова, назначенъ главнымъ актеромъ. Для усовершенствованія въ театральномъ искусствѣ, онъ въ 1765 г. былъ отправленъ за границу и пробылъ около двухъ лѣтъ въ главныхъ городахъ Голландіи, Франціи и Германіи, и кромѣ того въ 1767 г. еще отдѣльно ѣздилъ во Францію для составленія французской труппы. Послѣ Волкова Дмитревскій всего больше способствовалъ усовершенствованію театральнаго искусства въ Россіи и такъ возвысилъ званіе актера, что сдѣлалъ его вполнѣ почетнымъ. Онъ славился и вообще какъ ученый и образованный человѣкъ, былъ членомъ Россійской академіи, Вольнаго экономическаго общества и Бесѣды любителей россійскаго слова. Онъ не только представлялъ чужія піэсы, но и самъ былъ писателемъ, сочинялъ стихотворенія, написалъ похвальное слово Сумарокову, переводилъ и передѣлывалъ иностранныя драматическія піэсы. Изъ передѣлокъ его извѣстны комедіи: „Раздумчивый", „Демокритъ" и „Лунатикъ". Наконецъ онъ составилъ исторію русскаго театра, которая въ подлинникѣ до насъ не сохранилась, но которою воспользовался актеръ И. Носовъ и внесъ ее въ свою Лѣтопись русскаго театра [2].

Хроника русскаго театра И. Носова. Хроника или лѣтопись русскаго театра доведена Носовымъ до 1763 г., а потомъ неизвѣстно кѣмъ продолжена до 1781 г. „Историческая важность ея, говоритъ издатель ея Е. В. Барсовъ, состоитъ въ томъ, что Носовъ при составленіи ея пользовался оригиналомъ исторіи русскаго театра И. А. Дмитревскаго. Къ сожалѣнію, Носовъ не указываетъ, гдѣ именно онъ видѣлъ и какъ онъ пользовался оригиналомъ, который считался утраченнымъ. Самъ Носовъ недо-

(1) Опытъ истор. словаря Новикова. Матеріалы для ист. русск. литер. изд. П. А. Ефремова; стр. 25.

(2) Хроника русскаго театра Носова съ предисловіемъ и новыми разысканіями о первой эпохѣ русскаго театра Е. В. Барсова. Изданіе Общества ист. и древн. рос. Москва. 1883.

статочно владѣлъ даже грамматическимъ строемъ рѣчи, и потому трудно предположить, чтобы онъ могъ что-либо выдумать отъ себя... Отсюда само собою выясняется значеніе „Хроники“: она воспроизводитъ для насъ сказанія „Нестора“ русскаго театра. Сообщаемые имъ факты имѣютъ первостепенную важность въ исторіи первоначальной его эпохи. Многое не выдерживаетъ критики, многое кажется сомнительнымъ и недостовѣрнымъ, но и далеко не все можетъ быть безусловно отрицаемо“. Въ Хроникѣ прежде всего замѣчательно то, что въ ней указывается на первоначальную эпоху театральныхъ представленій въ Москвѣ, еще до появленія нѣмецкаго театра Іоганна Готфрида Грегори. Въ числѣ театральныхъ піэсъ, представлявшихся въ эту эпоху, по ея указанію, были и піэсы, взятыя изъ народныхъ сказаній. Въ 1671 г. января 25 дня, по случаю бракосочетанія царя Алексѣя Михайловича съ Наталіею Кирилловною Нарышкиной, въ кремлевскомъ дворцѣ, боярами и боярынями была представлена „Яга Баба“, комедія-сказка, съ пѣснями и плясками. Баба-Яга изображается страшною, сухощавою и огромною, съ костяными ногами, съ желѣзною въ рукѣ палицею, которой она дѣйствуетъ, понуждая катиться свою махину, въ которой она разъѣзжаетъ, предъ появленіемъ коей па сцену подземные невидимые духи поютъ:

«Баба Яга,
Костяная нога,
Въ ступѣ къ намъ подъѣзжаетъ,
Пестомъ ее погоняетъ,
Слѣдъ помеломъ заметаетъ».

8-го іюня того же года, въ царскомъ селѣ Преображенскомъ на потѣшномъ дворѣ, въ день рожденія царевича Ѳеодора Алексѣевича, боярами и боярынями былъ представленъ „Туръ“, комедія-сказка съ пѣснями, съ славянскими, уральскими, польскими танцами (Туръ древнее славянское божество, которому праздновали во время семика). 26-го августа, въ день тезоименитства царицы Натальи Кирилловны, представленъ „Праздникъ Услада“, баснословная кіевская комедія, съ пѣснями и плясками. Въ 1672 г. 1-го сентября въ домашнемъ театрѣ боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева была представлена „Коляда“, баснословная комедія съ пѣснями, славянскими и уральскими плясками и разными играми. Далѣе, въ Хроникѣ, въ хронологическомъ порядкѣ, указываются разныя театральныя піэсы, переводныя и оригинальныя, которыя представлялись при Петрѣ В., Аннѣ Іоанновнѣ, Елисаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II нѣмецкими труппами Готфрида Грегори, Іоганна Кунштa и Франца Фирштa, и русскими актерами.

Мемуары, или записки современниковъ. Къ замѣчательнымъ мемуарамъ времени Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны относятся Записки княгини Долгорукой, князя Шаховскаго, Нащокина и Данилова.

Записки княгини Н. Б. Долгорукой. [1]. Наталья Борисовна Долгорукая извѣстна въ исторіи своей удивительной судьбой, исполненной разныхъ превратностей, и своимъ высокимъ, самоотверженнымъ, героическимъ характеромъ. Почти изъ царской обстановки жизни ей суждено было перейти въ Березовскій острогъ, а потомъ, послѣ продолжительныхъ страданій, окончить жизнь въ монастырской кельѣ. Долгорукая была дочь знаменитаго фельдмаршала Петра В., Бориса Петровича Шереметева, воспитана и выросла въ полномъ довольствѣ и роскоши. Всѣ родные и знакомые пророчили ей веселую и счастливую жизнь, особенно, когда она сдѣлалась невѣстою любимца Петра II, кн. Ивана Алексѣевича Дологорукаго. „Думала я, замѣчаетъ и сама она въ своихъ Запискахъ, что я первая счастливица въ свѣтѣ, потому что первая персона въ нашемъ государствѣ былъ мой женихъ. При всѣхъ природныхъ достоинствахъ, имѣлъ знатные чины при дворѣ и гвардіи... Вся императорская фамилія была на нашемъ сговорѣ, всѣ чужестранные министры, наши всѣ знатные господа, весь генералитетъ... Обрученіе наше было (совершено) въ залѣ, духовными персонами, одинъ архіерей и два архимандрита. Послѣ обрученія всѣ его сродники меня дарили очень богатыми дарами: бриллiантовыми серьгами, часами, табакерками и готовальнями и всякою галантереею; мои бъ руки не могли всего забрать, когда бъ мнѣ не помогли принимать. Наши перстни были, которыми обручались, его въ двѣнадцать тысячъ, а мой въ шесть тысячъ“ [2]. И вдругъ всё это смѣнилось нищенскою и страдальческою жизнію въ Березовскомъ острогѣ. Послѣ смерти Петра II Долгорукіе пали, и послѣ восшествія на престолъ Анны Іоанновны вся ихъ фамилія была сослана въ

---

(1) Записки эти были напечатаны первоначально въ «Другѣ юношества» 1810 г. (январь, стр. 8—69), потомъ въ книгѣ «Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ» (Спб. 1840), но не въ полномъ видѣ, и съ выпусками и поправками въ слогѣ. Въ полномъ видѣ и съ подлинной рукописи княгини Долгорукой онѣ напечатаны въ Русскомъ Архивѣ въ 1867 г. Къ запискамъ княгини Долгорукой здѣсь еще присоединены письма ея къ брату С. Б. Шереметеву и къ сыну М. И. Долгорукому и извлеченіе изъ путевыхъ записокъ внука ея И. М. Долгорукаго въ 1810 г.—Русскіе мемуары XVIII в. П. Пекарскаго. Соврем. 1855 года, том. L. Княгиня Н. Б. Долгорукая Д. А. Корсакова. Истор. Вѣстн 1886, февраль.—(2) Русск. Архивъ. 1867 г. № 1, стр. 11—12.

самый отдаленный городъ Тобольской губерніи, Березовъ. „Это мое благополучіе и веселіе, говоритъ Долгорукая, продолжалось не болѣе какъ отъ декабря 24 дня по 18 января день... За двадцать шесть дней благополучныхъ, или сказать, радостныхъ, сорокъ лѣтъ по сей день стражду; за каждый день по два года придетъ безъ малаго, еще шесть дней надобно вычесть. Да кто можетъ знать предбудущее! Можетъ быть, и дополнится, когда продолжится сострадательная жизнь моя... Умъ колеблется, когда приведу на память, что послѣ всѣхъ этихъ веселій меня постигло, которыя мнѣ казались на вѣки нерушимы будутъ. Знать, что не было тогда друга, кто бъ меня научилъ, чтобъ по этой скользкой дорогѣ опаснѣе ходила. Боже мой! какая буря грозная возстала, со всего свѣту бѣды совокупились! Господи, дай силъ изъяснить мои бѣды, чтобъ я могла ихъ описать для знанія желающихъ и для утѣшенія печальнымъ, чтобъ, помня меня, утѣшались. И я была человѣкъ, вся дни живота своего проводила въ бѣдахъ, и все опробовала: гоненія, странствія, нищету, разлученіе съ милымъ, все, что кто можетъ вздумать. Я не хвалюсь своимъ терпѣніемъ, но о милости Божіей похвалюсь, что Онъ мнѣ далъ столько силы, что я перенесла, и по сіе время несу; не возможно бы человѣку смертному такіе удары понести, когда (бы) не свыше сила Господня подкрѣпляла" ([1]). Предвидя ссылку Долгорукихъ, родные Натальи Борисовны совѣтовали ей отказать своему жениху, представляя то, что могутъ найтись другіе женихи, которые не хуже его достоинствами, да и былъ уже одинъ женихъ, который предлагалъ ей свою руку; но Наталья Борисовна согласилась лучше испытать съ избраннымъ ею Долгорукимъ всѣ бѣдствія и страданія, чѣмъ измѣнить ему. „Войдите въ разсужденіе, говоритъ она, какое это мнѣ утѣшеніе и честна ли эта совѣсть, когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостію за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласиться не могла; а такъ положила свое намѣреніе, когда сердце одному отдавъ жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другаго; въ новѣйшій вѣкъ такая мода, а я доказала свѣту, что въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ; и теперь скажу самую правду, что будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда ни разскаявалась, для чего я за него вышла, и не давала въ томъ безумія Богу. Онъ тому свидѣтель: все, любя его, сносила, сколько мнѣ можно было, еще и его подкрѣпляла" ([2]). Вышедши замужъ за Долго-

---

([1]) Тамъ же, стр. 13—14.
([2]) Тамъ же, стр. 15—16.

рукаго, она вмѣстѣ съ нимъ отправилась въ ссылку и твердо переносила всѣ бѣдствія и лишенія. Чрезъ 8 лѣтъ (въ 1739 г.) Долгорукій, вмѣстѣ съ другими его родственниками, былъ увезенъ въ Новгородъ и здѣсь казненъ; объ этомъ узнала Наталья Борисовна только уже спустя три года. Въ 1742 г. импер. Елисавета возвратила ее изъ ссылки въ Петербургъ, гдѣ она и жила въ домѣ брата своего до 1753 г. Въ этомъ году она переѣхала въ Кіевъ и во Фроловскомъ монастырѣ постриглась въ монахини, принявъ имя Нектаріи, а потомъ облеклась въ схиму. Наканунѣ постриженія, въ знакъ отверженія того, что ей на свѣтѣ было еще одно драгоцѣнное, она бросила въ Днѣпръ обручальное кольцо свое. Записки свои она писала уже въ монашеской кельѣ въ 1767 г., по желанію сына своего Михаила. Въ нихъ она сначала говоритъ, впрочемъ довольно кратко, о своемъ воспитаніи и жизни въ домѣ родителей, и потомъ описываетъ свое обрученіе съ княземъ И. А. Долгорукимъ, смерть и похороны Петра II, пріѣздъ въ Москву импер. Анны Іоанновны, паденіе и ссылку Долгорукихъ и наконецъ свое путешествіе съ мужемъ и его родными въ Березовъ. На извѣстіи о пріѣздѣ въ Березовъ записки останавливаются. Воспоминанія о жизни въ самой ссылкѣ и дальнѣйшихъ событіяхъ, вѣроятно, были такъ тяжелы для нея, что она не въ состояніи была ихъ описывать. Описаніе упомянутыхъ событій отличается вообще мирнымъ и спокойнымъ тономъ и хотя по мѣстамъ проникнуто чувствомъ глубокой скорби, но нигдѣ не заключаетъ въ себѣ никакихъ горькихъ упрековъ, обвиненій, обличеній, или порицаній другихъ людей. Въ самомъ началѣ записокъ она замѣчаетъ, что „намѣрена только свою бѣду писать, а не чужіе пороки обличать". Описывая испытанныя ею бѣдствія и страданія уже въ концѣ своей жизни, въ монашеской кельѣ, совершенно отрекшись отъ міра, она все покрываетъ чувствомъ христіанскаго смиренія и покорности волѣ Божіей. Но тѣмъ выше еще является ея самоотверженный героическій характеръ, какъ женщины-супруги, всѣ радости жизни принесшей въ жертву своему любимому, несчастному мужу. Имя княгини Долгорукой сдѣлалось извѣстнымъ во всѣхъ литературахъ; ея судьба послужила предметомъ для многихъ литературныхъ произведеній; въ нашей литературѣ ее изобразилъ поэтъ Козловъ въ своей поэмѣ: „Н. Б. Долгорукая".

Записки В. А. Нащокина ([1]). Василій Александровичъ Нащокинъ (род. 1707, ум. 1761 г.) былъ человѣкъ военный (умеръ

([1]) Записки Нащокина изданы Языковымъ.

въ чинѣ генералъ-лейтенанта) и потому въ своихъ Запискахъ онъ обращаетъ вниманіе преимущественно на то, что относится къ военной службѣ, на военные походы, маневры и проч. Такъ какъ Измайловскій полкъ, въ которомъ онъ служилъ, участвовалъ въ походѣ противъ турокъ, подъ начальствомъ графа Миниха, то онъ описываетъ этотъ походъ. Затѣмъ всего чаще описываются торжественные обѣды, балы и т. п. Есть также въ Запискахъ нѣсколько свѣдѣній о смерти извѣстныхъ въ то время лицъ, съ краткими ихъ характеристиками, напр. Левенвольда, Кейта, графа Румянцева и другихъ. Но для насъ всего важнѣе въ Запискахъ Нащокина два извѣстія—о смерти профессора Рихмана и объ основаніи Московскаго университета. Мы видѣли выше, что Ломоносовъ опасался, чтобы смерть Рихмана не была перетолкована ко вреду наукъ; опасенія его имѣли основаніе, смерть Рихмана, дѣйствительно, возбудила много толковъ въ Петербургѣ. Нащокинъ описалъ ее въ своихъ Запискахъ и своимъ описаніемъ представилъ образчикъ тогдашнихъ сужденій объ ученыхъ жертвовавшихъ жизнію для науки. „Іюля 26 (1753 г.), говоритъ онъ, убило громомъ въ С.-Петербургѣ профессора Рихмана, который машиною старался объ удержаніи грома и молвіи, дабы отъ идущаго грома людей спасти; но съ нимъ прежде всѣхъ случилось при той самой сдѣланной машинѣ. И что о семъ Рихманѣ чрезъ газеты тогда издано, при семъ прилагается: любопытный да чтетъ. Съ нимъ Рихманомъ о мудрованіи сходно произошло, какъ въ древности пишется о аѳинейскомъ стихотворцѣ, Евсхиліи“.... И потомъ приводитъ извѣстный анекдотъ объ Эсхилѣ, будто онъ погибъ отъ того, что орелъ, пролетая надъ нимъ, во время его астрономическихъ наблюденій, и принявъ его лысую голову за каменную скалу, бросилъ на нее несенную имъ черепаху и убилъ его. „Итакъ, заключаетъ онъ, нечаянный конецъ вымыслъ и онаго Рихмана, какъ и Евсхилій получи“. На основанный недавно Московскій университетъ и гимназію Нащокинъ смотритъ съ точки зрѣнія чисто служебной, какъ на самое выгодное средство для службы, и потому сына своего онъ тотчасъ же записалъ въ университетъ. Онъ обращаетъ особенное вниманіе на упомянутый выше указъ 1756 г., по которому время ученія въ университетѣ зачиталось въ службу, и замѣчаетъ, что по этому указу обученіе въ наукахъ не можетъ помѣшать произвожденію въ чины тѣхъ изъ учащихся, которые записаны на службу (¹).

(¹) Русскіе мемуары XVIII в. Соврем., том. LII; стр. 65—66.

Записки князя Я. П. Шаховскаго ([1]). Князь Яковъ Петровичъ Шаховской (род. 1705, ум. 1772 г.) находился на службѣ 40 лѣтъ, служилъ при трехъ императрицахъ, Аннѣ, Елисаветѣ и Екатеринѣ II, занималъ разныя должности — сенатора, оберъ-прокурора Синода, генералъ-кригсъ-комиссара, былъ въ сношеніяхъ со многими важными людьми, Бирономъ, Волынскимъ, Головкинымъ, Минихомъ, Шуваловымъ, видѣлъ возвышеніе и паденіе этихъ лицъ, и вмѣстѣ съ ними самъ падалъ. Однажды всемогущій Биронъ принялъ его особенно милостиво. Милость и ласковыя слова правителя сдѣлали Шаховскаго счастливымъ: всю ночь онъ плохо спалъ отъ волненія и заснулъ уже на разсвѣтѣ. Но ночью успѣли взять Бирона подъ арестъ, и Шаховской лишился своего счастія и значенія. Скоро, однако, Шаховской сумѣлъ попасть въ милость одного изъ вновь назначенныхъ кабинетъ-министровъ, графа Головкина, и, благодаря ему, получилъ мѣсто сенатора. Въ одинъ изъ вечеровъ, по возвращеніи съ праздника отъ новаго покровителя, Шаховской говорилъ про себя „въ великомъ удовольствіи и пріятномъ размышленіи о своихъ поведеніяхъ: я уже господинъ сенаторъ, между стариками, въ первѣйшихъ чинахъ находящимися, обращаюсь, и будучи такого многомочнаго министра любимецъ“.... легъ спать. Но ночью сенатскій экзекуторъ разбудилъ его и объявилъ о восшествіи на престолъ импер. Елисаветы Петровны; графъ Головкинъ и его товарищи были взяты подъ арестъ, а князь Шаховской лишился сенаторства. Нѣсколько дней онъ оставался безъ мѣста; наконецъ его потребовали въ Сенатъ, гдѣ объявили ему о назначеніи его оберъ-прокуроромъ Синода. Но прежде, чѣмъ узналъ объ этомъ назначеніи, Шаховской размышлялъ о себѣ такимъ образомъ: „прежде на крыльцѣ встрѣчая по лѣстницамъ сквозь всѣ покои до присутственной палаты съ почтеніемъ меня провожали.... а нынѣ экзекуторъ, который не долго предъ тѣмъ своимъ патрономъ называлъ и въ знакъ своего покорнаго учтивства не сидя, во стоя со мною разговаривалъ, какъ челобитчиковъ и прочихъ въ сенатъ приходящихъ меня принялъ“.... Но на слѣдующій день встрѣча въ Синодѣ успокоила должностное самолюбіе Шаховскаго: „того мѣста, также какъ и при сенатѣ находящійся такого же ранга экзекуторъ, уже ожидая моего прибытія, встрѣтилъ меня на лѣстницѣ, съ нѣсколькими секретарями и прочихъ нижнихъ чиновъ канцелярскими служителями, кои всѣ должны быть, такъ какъ

([1]) Записки князя Я. П. Шаховскаго были изданы въ 2-хъ частяхъ въ 1810 г.; другое изданіе ихъ сдѣлано въ 1821 г. Смотр. Русск. мемуары XVIII в. Соврем. 1855 г., том. LII.

и въ сенатѣ у генералъ-прокурора, въ моей дирекціи, съ почтеніемъ рекомендовался, и, очищая дорогу, проводилъ меня до той палаты, гдѣ присутствуетъ собраніе святѣйшаго синода".—Приведенныя правительственныя и чиновническія превращенія и чинолюбіе и чинопочитаніе Шаховскаго, составляя самыя характерныя мѣста въ его Запискахъ, составляютъ также и характеристическія черты того стараго времени, когда всѣмъ управляло колесо фортуны, быстро возвышавшее людей на высшія мѣста въ государствѣ и также быстро низвергавшее ихъ съ этихъ мѣстъ, когда высшимъ идеаломъ, къ которому были направлены всѣ помышленія людей, были чинъ и рангъ, которымъ поклонялись независимо отъ того или другаго характера людей, въ нихъ облеченныхъ, когда человѣкъ безъ извѣстнаго чина, при всѣхъ своихъ нравственныхъ качествахъ, не значилъ ничего, и когда, поэтому, всѣ искали чиновъ и ранговъ, не только чиновники, но и ученые и поэты (челобитная Фонъ-Визина къ Россійской Минервѣ). Такое направленіе, впрочемъ, не мѣшало являться на службѣ и людямъ истинно хорошимъ и честнымъ, доказательствомъ чего служитъ самъ авторъ Записокъ. При всѣхъ правительственныхъ превращеніяхъ и личныхъ служебныхъ перемѣнахъ, Шаховской никогда не измѣнялъ своему долгу и совѣсти, служилъ всегда честно, былъ строгимъ исполнителемъ закона и ревностнымъ поборникомъ справедливости. Въ одномъ мѣстѣ Записокъ онъ разсказываетъ, какъ ему предлагали подарокъ въ 25,000 рублей, чтобы онъ отказался отъ своего проекта спабжать армію сукнами не изъ Англіи, какъ это было заведено, а съ русскихъ фабрикъ, не смотря на то, что за поставщика суконъ изъ Англіи, Вульфа, было много сильныхъ ходатаевъ, которые могли вредить Шаховскому. Образованію въ немъ такого честнаго и правдиваго характера способствовало, по его словамъ, то твердое нравственное воспитаніе, какое онъ получилъ въ домѣ дяди своего, А. И. Шаховскаго: „Главнѣйшія жъ и частыя, говоритъ онъ, мнѣ были отъ сего втораго отца поученія, чтобъ всякое дурно (дурное дѣло) дѣлать стыдиться, а справедливость и добродѣтель во всякихъ случаяхъ всему предпочитать. Для преодолѣнія слабостей моихъ и пороковъ совѣтовалъ онъ мнѣ самому о себѣ часто помышлять и оныя обличать и обвинять собственнымъ разсудкомъ безъ послабленія, при томъ тщиться всегда читать пристойныя моимъ лѣтамъ и обстоятельствамъ честныя и полезныя прежде бывшія дѣла похвальную память о себѣ оставившихъ и научать себя твердымъ духомъ по такимъ путямъ слѣдовать. Сіи-то, благосклонный читатель, въ молодости моей вкорененныя въ сердце и въ мысли мои поученія были при всѣхъ случаяхъ въ поведеніяхъ

моихъ первѣйшими правилами“ ([1]). Слогъ Записокъ Шаховскаго, какъ человѣка, всю жизнь проведшаго въ службѣ и въ чтеніи и составленіи дѣловыхъ бумагъ, отличается дѣловымъ характеромъ; нѣкоторыя слова употребляются имъ въ особенномъ смыслѣ: „воображеніе“ у него значитъ мысль, сужденіе; „заключеніе“—слѣдствіе; „аппробовать“—утвердить, согласиться; „персональное изъясненіе“—личное объясненіе и т. п.

Записки М. В. Данилова ([2]). Даниловъ (род. 1722, ум. 1790 г.) не занималъ, какъ Шаховской, никакой важной должности и не былъ участникомъ и свидѣтелемъ важныхъ событій. Сынъ бѣднаго дворянина, онъ дѣтство свое провелъ у разныхъ родственниковъ на воспитаніи, учился въ артиллерійскомъ училищѣ въ Москвѣ. Вышедши изъ этого училища на службу фурьеромъ, онъ занимался приготовленіемъ фейерверковъ и иллюминацій. Дослужившись до капитана, онъ вышелъ въ отставку и умеръ въ 1790 г. Описывая въ Запискахъ свою жизнь, онъ разсказываетъ изъ нея множество интересныхъ подробностей, которыя весьма хорошо характеризуютъ бытъ тогдашнихъ небогатыхъ дворянъ и простыхъ помѣщиковъ. Въ нихъ мы встрѣчаемъ нерѣдко такія же сцены домашняго воспитанія и семейныхъ нравовъ, какія рисовала въ своихъ произведеніяхъ литература XVIII в. Въ этомъ отношеніи Записки Данилова могутъ служить съ одной стороны повѣркой, а съ другой—дополненіемъ нѣкоторыхъ литературныхъ картинъ и характеровъ того времени. Такъ, разсказывая о первоначальномъ своемъ ученіи грамотѣ, онъ изображаетъ своего учителя, пономаря, Филиппа Брудастаго, который всю суть ученія поставлялъ, повидимому, въ наказаніи учениковъ. „Памятно мнѣ, говоритъ онъ, мое ученіе у Брудастаго и поднесь, по той, можетъ быть, причинѣ, что часто сѣкли меня лозою. Я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ такого всегдаш-

---

([1]) Русск. мемуары XVIII в., стр. 70—77.

([2]) Записки артиллеріи маіора Михаила Васильевича Данилова изданы П. Строевымъ. Москва 1842 г.—Русск. мемуары XVIII в., стр. 77—85. Новое изданіе записокъ Данилова въ Русскомъ Архивѣ 1883 г., кн. 3.

няго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна, и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока къ вечеру и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція: меня, какъ не понятнаго, сѣчь. Я помнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе. Брудастаго жена во время нашего ученія понуждала насъ, въ небытность своего мужа, всечасно, чтобъ мы громче кричали, хотя бъ и не то, что учимъ. Отраднѣе намъ было отъ скучнаго сидѣнья, когда учитель нашъ находился въ полѣ на работѣ. По возвращеніи Брудастаго, отвѣчалъ я во всемъ урокъ такъ, какъ утромъ при неутомленныхъ мысляхъ, весьма исправно и памятно; изъ сего нынѣ замѣчаю, что принужденное дѣтямъ ученіе грамотѣ не полезно, потому что отъ тѣлеснаго труда изнемогаютъ душевныя силы и приходятъ въ облѣнѣніе и унылость“. Изъ школы Брудастаго Даниловъ перешелъ въ школу тетки своей, вдовы Матрены Петровны, у которой жилъ и учился еще другой племянникъ ея, Епишковъ. „А какъ вдова, говоритъ онъ, своего племянника много любила и нѣжила, потому не было намъ никогда принужденія учиться; однако я, въ таковой будучи волѣ и непринужденномъ ученіи, безъ малѣйшаго наказанія, скоро окончилъ словесное ученіе, которое состояло только изъ двухъ книгъ: часослова и псалтыри“. Племянникъ Епишковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ недорослей, которыхъ изобразилъ Фонъ-Визинъ въ Митрофанушкѣ, а тетка Матрена своею жизнію и характеромъ весьма сильно напоминаетъ частію Простакову, частію Ханжахину Екатерины въ комедіи „О время“. „Вдова, говоритъ Даниловъ, была великая богомольщица: рѣдкій день проходилъ, чтобъ у ней въ домѣ не отправлялась служба, когда съ попомъ, а иногда слуга отправлялъ одинъ оную должность. Я употребленъ былъ въ такой службѣ къ чтенію, а какъ у вдовы любимый ея племянникъ еще читать не разумѣлъ, то отъ великой на меня зависти и досады, приходя къ столу, при которомъ я читалъ псалмы, своими сапогами толкалъ по моимъ ногамъ до такой боли, что я до слезъ доходилъ. Вдова хотя и увидитъ такія шалости своего племянника, однако болѣе ничего не скажетъ ему, и то протяжно, какъ не хотя: „полно тебѣ шутить, Ванюша“, и будто не видитъ она, что отъ Иванушкиной шутки у меня изъ глазъ слезы текутъ. Она грамотѣ не знала; только всякій день, разогнувъ большую книгу на столѣ, акаѳистъ Богородицѣ всѣмъ вслухъ громко читала. Вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниной; только признаюсь, сколько времени у ней я ни жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хотя одинъ день безъ драки. Какъ скоро она примется свои щи любимыя за столомъ кушать, то кухарку, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и

станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать, это такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно, для хорошаго аппетиту". Племянника своего баловала она также, какъ Простакова Митрофанушку. Когда нужно было наказать его, она наказывала, вмѣсто него, товарищей его, а потомъ давала ему только наставленія въ такомъ напр. видѣ: „что дурно-де, непригоже, сударь, такъ дѣлать и яблоки обивать безъ спросу моего", а послѣ, поцѣловавъ его, говорила: „чаятельно ты, Иванушка, давича испугался, какъ сѣкли твоихъ товарищей: не бойся, голубчикъ, я тебя сѣчь не стану" ([1]).

УЧЕНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Ученая литература въ началѣ новаго періода была не богата ([2]). Новое образованіе распространялось медленно и съ большими затрудненіями; не говоря о высшихъ,—среднихъ и низшихъ образовательныхъ заведеній было весьма мало. Чтобы ускорить распространеніе образованія, Петръ В. положилъ, кромѣ перевода книгъ съ иностранныхъ языковъ, еще составить на русскомъ языкѣ учебники и руководства по всѣмъ предметамъ знанія; но эта воля Петра плохо исполнялась при его преемникахъ. „Недостатокъ на россійскомъ языкѣ до наукъ касающихъ книгъ, говорилъ въ 1760 г. академикъ Румовскій, должно почитать за великое препятствіе распространенію ихъ въ Россіи. Вмѣсто того, чтобы съ молодыхъ лѣтъ упражняться въ наукахъ и острить разумъ, напередъ принуждены бываемъ самое лучшее время употреблять на изученіе какого-нибудь языка, къ чему ничего, кромѣ памяти, не требуется, а силы разума коснѣютъ и въ полномъ возрастѣ къ наукамъ и разнымъ употребленіямъ, гдѣ долговременное требуется разсужденіе, бываютъ неспособными". ([3]). При занятіяхъ науками нужно было „добывать изъ чужихъ краевъ

([1]) Кромѣ Записокъ, изъ сочиненій Данилова напечатаны: «Начальное знаніе теоріи и практики въ артиллеріи» (1762); «Довольное и ясное показаніе. по которому всякій самъ собою можетъ приготовлять и дѣлать всякіе фейерверки и разныя иллюминаціи» (1779); «Письмо къ пріятелю о полезныхъ и любопытства достойныхъ матеріяхъ» (1783); «Письмо о совѣсти изъ сочиненій рязанскаго дворянина М. В.» (1804).—([2]) См. Русская наука въ XVIII в. А. Н. Пыпина въ Вѣстн. Европы 1884 г.

([3]) Исторія Россійской Академіи М. И. Сухомлинова. Вып. II, стр. 47—48.

всѣ выходящія новыя книги и періодическія изданія, чтобы слѣдить за открытіями, изобрѣтеніями и новостями, а все это доходило до Петербурга весьма поздно, по причинѣ прежней медленности въ сообщеніяхъ съ центрами европейской образованности, а иногда вовсе оставалось неизвѣстнымъ въ Россіи по недостатку сношеній" ([1]). Возможныя или доступныя въ то время средства къ просвѣщенію заключались въ Академіи Наукъ и Московскомъ университетѣ; въ нихъ главнымъ образомъ сосредоточивалась и ученая дѣятельность. Въ Академіи Наукъ были ученые иностранцы по всѣмъ наукамъ, которые своими трудами были извѣстны во всей Европѣ, но, согласно съ направленіемъ того времени, всего болѣе въ ней процвѣтало, какъ уже замѣчено выше, отдѣленіе естественныхъ и физико-математическихъ наукъ. Къ этому отдѣленію принадлежали: братья Бернулли, Германъ, Эйлеръ, Николай Делиль, Бильфингеръ, Іоганнъ Гмелинъ ([2]). Подъ ихъ руководствомъ воспиталось и нѣсколько русскихъ ученыхъ, каковы были, кромѣ Ломоносова, бывшаго профессоромъ химіи: Красильниковъ, который сдѣлалъ первый астрономическія наблюденія въ Камчаткѣ, Петропавловскомъ портѣ, на островѣ Даго, па мысѣ Дагерротъ; Крашенинниковъ, первый изъ русскихъ ботаникъ и зоологъ, составившій замѣчательное описаніе Камчатки; Ададуровъ, бывшій адъюнктомъ Академіи по математикѣ, и Котельниковъ, ординарный профессоръ-академикъ, написавшій нѣсколько сочиненій по математикѣ и переведшій съ латинскаго Первыя основанія математики Вольфа ([3]). Труды академиковъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ, печатались, какъ увидимъ, въ „Комментаріяхъ Академіи" на латинскомъ языкѣ; для ознакомленія же съ ними русской публики предположено было дѣлать извлеченіе изъ нихъ или сокращеніе нѣкоторыхъ статей въ русскомъ переводѣ, подъ названіемъ: „Краткое описаніе комментаріевъ Академіи Наукъ". Къ сожалѣнію, это послѣднее изданіе вышло только въ одной части въ 1728 г.; встрѣтивши, какъ и слѣдовало ожидать на первыхъ порахъ, мало читателей между русскими, еще не подготовленными къ чтенію ученыхъ сочиненій, оно тотчасъ же прекратилось и было возобновлено уже только въ 1748 г. Труды академиковъ, такимъ образомъ, оставались неизвѣстными или недоступными для большинства русскаго общества; а это, есте-

---

([1]) Истор. Акад. Наукъ Пекарскаго. II, XLIX.

([2]) Свѣдѣнія о ихъ ученой дѣятельности тамъ же, томъ I.

([3]) Очеркъ дѣятельности Академіи Наукъ по отношенію къ Россіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія П. Пекарскаго. Записки Академіи Наукъ, т. V. 1864 г.

ственно, вскорѣ должно было повести къ тѣмъ жалобамъ на Академію Наукъ, которыя мы часто встрѣчаемъ. Имѣя въ виду, между прочимъ, эти жалобы, Ломоносовъ въ 1761 году предлагалъ Академіи „всѣ диссертаціи переводить на россійскій языкъ и на ономъ печатать. Чрезъ сіе избѣжимъ, говорилъ онъ, роптаній, и общество россійское не останется безъ пользы. И сверхъ того, студенты, коихъ я на то назначу, будутъ привыкать къ переводамъ и сочиненіямъ диссертацій съ профессорскихъ примѣровъ“ ([1]). „Нельзя не пожалѣть искренно, замѣчаетъ по этому случаю Пекарскій въ своей исторіи Академіи Наукъ, что эта полезная мѣра Ломоносова осталась только на бумагѣ; съ осуществленіемъ ея русская научная литература обогатилась бы множествомъ замѣчательныхъ произведеній по разнымъ наукамъ, и они, сдѣлавшись доступными для большаго круга читателей, несомнѣнно распространяли бы мало-по-малу знанія и любовь къ нимъ въ Россіи. Сама Академія Наукъ, какъ справедливо ожидалъ этого Ломоносовъ, выиграла бы отъ того въ мнѣніи русскаго общества, которое считаетъ дѣятельность ея чуждою Россіи именно потому, что большая часть и притомъ важнѣйшихъ изъ произведеній ея членовъ является въ свѣтъ не на родномъ языкѣ“ ([2]).

Сочиненія по русской географіи и исторіи. Въ обзорѣ русской ученой литературы прежде всего должны быть указаны тѣ ученые труды, которые касаются непосредственно Россіи—труды по русской географіи и исторіи. Во время реформы Петра В. Европа захотѣла ближе познакомиться съ Россіей; между тѣмъ сама Россія въ это время еще не имѣла ни географіи своей, ни исторіи. Поэтому ученые, чтобы удовлетворить желанію Европы и насущнымъ потребностямъ Россіи, должны были обратиться къ изученію Россіи въ географическомъ, этнографическомъ и историческомъ отношеніи. Выше указано, что первый географъ и историкъ русскій, Татищевъ, составилъ обширный проектъ географическаго и историческаго описанія Россіи; но самъ онъ успѣлъ выполнить только начало этого проекта. Такъ какъ до сихъ поръ не было еще ни одной удовлетворительной карты Россіи, то прежде всего нужно было озаботиться составленіемъ подобной карты. По указу Петра, съ 1719 г. были разосланы по всей Россіи геодезисты, для снятія со всѣхъ провинцій ландкартъ

(1) Матеріалы Билярскаго, стр. 505.

(2) Исторія Акад. Наукъ. Ч. II, 745.

съ описаніями, и приказано было немедленно присылать ихъ въ Сенатъ. Этими ландкартами и описаніями вздумалъ воспользоваться и составить изъ нихъ потребный русскій атласъ тогдашній оберъ секретарь Сената И. К. Кириловъ, по словамъ Миллера, великій патріотъ и любитель географическихъ и статистическихъ свѣдѣній Запявшись этимъ дѣломъ, онъ до 1734 г. успѣлъ издать 14 картъ спеціальныхъ и одну генеральную карту Россіи. Въ то же время и на основаніи тѣхъ же работъ геодезистовъ, по убѣжденію Кирилова, занимался составленіемъ картъ академикъ Николай Делиль; въ 1746 г. отъ Академіи былъ изданъ первый ученый атласъ Россіи, состоящій изъ 19 спеціальныхъ картъ и одной карты генеральной. Въ 1733 г. была снаряжена ученая экспедиція въ Сибирь и Камчатку, подъ начальствомъ академиковъ Миллера, Гмелина и Людовика де-ла-Кройера, съ двумя русскими, данными въ пособіе имъ, студентами, Красильниковымъ и Крашенинниковымъ. Въ теченіе 10 лѣтъ Миллеръ и Гмелинъ, путешествуя по Россіи, отъ Новгорода до Якутска, собирали матеріалы для географіи и исторіи, описывая разные города и мѣстности, срисовывая древніе памятники, изучая племена разныхъ инородцевъ, ихъ языкъ, религію, нравы и обычаи, описывая животныхъ, растенія и минералогическія богатства Россіи. Плодами этой сибирской экспедиціи были „Сибирская флора“ и „Описаніе путешествія“ Гмелина и „Сибирская исторія“ и „Сборникъ россійской исторіи“ Миллера. Въ одно время съ сибирской экспедиціей въ 1734 г., подъ начальствомъ упомянутаго Кирилова, была учреждена Оренбургская комиссія. Въ числѣ членовъ этой комиссіи былъ П. И. Рычковъ, такой же любитель географіи и статистики, какъ Кириловъ; онъ съ особеннымъ стараніемъ занимался географическимъ и этнографическимъ описаніемъ Оренбургскаго и Астраханскаго края и составилъ: 1) Оренбургскую топографію, напечат. въ 1762 г. Спб. и 2) Астраханскую топографію, напеч. въ 1774 г. Москва (¹).

Начало въ русской исторической наукѣ двухъ противоположныхъ теорій происхожденія Руси. Что касается исторіи, то Татищевъ, какъ указано выше, успѣлъ сдѣлать только сводъ русскихъ лѣтописей. Вслѣдъ затѣмъ начали заниматься собираніемъ разнаго рода историческихъ матеріаловъ, построеніемъ исторіи вообще и въ частности изслѣдованіями по разнымъ историческимъ вопросамъ. Первымъ изъ такихъ вопросовъ былъ са-

---

(¹) Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, П. Пекарскаго. Спб. 1867.

мый естественный вопросъ о началѣ Русскаго государства и о происхожденіи первыхъ русскихъ князей. Вопросъ этотъ рѣшался съ одной стороны подъ вліяніемъ существовавшаго тогда и уже указаннаго выше взгляда на исторію, какъ на собраніе примѣровъ для прославленія предковъ и назиданія потомковъ, а съ другой—подъ вліяніемъ происходившей тогда борьбы между русской и нѣмецкой партіями. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было появленіе съ самаго же начала въ русской исторической наукѣ двухъ противоположныхъ историческихъ теорій. Нѣмецкіе ученые начало Русскаго государства и первыхъ князей производили отъ скандинавскихъ норманновъ, русскіе ученые отъ древняго славянскаго рода. Творцомъ скандинавской теоріи происхожденія Руси былъ академикъ Байеръ (Теофилъ Зигфридъ, род. 1694, ум. 1738 г.), профессоръ исторіи и древностей, греческихъ и римскихъ (1), написавшій на латинскомъ языкѣ нѣсколько сочиненій, объясняющихъ древнюю русскую исторію, каковы: 1) о происхожденіи и первоначальномъ мѣстопребываніи скиѳовъ; 2) о мѣстоположеніи скиѳовъ во времена Геродота; 3) о кавказской стѣнѣ; 4) о варягахъ; 5) географія россійская изъ Константина Порфирогенета; 6) географія россійская и сосѣднихъ съ нею областей около 947 года изъ книгъ сѣверныхъ писателей выбранная; 7) о первомъ походѣ россіянъ подъ Константинополь; 8) Origines russicae. Байеръ первый высказалъ мнѣніе, что варяги были норманскаго происхожденія. Это мнѣніе подробно было развито Миллеромъ въ указанной выше рѣчи „О происхожденіи имени и народа русскаго". Опровергая прежнія мнѣнія о происхожденіи русскихъ отъ Мосоха, сына Іафетова, или отъ Росса, упоминаемаго у пророка Іезекіиля, или отъ роксоланъ, скиѳовъ и сарматовъ, Миллеръ старался доказать, что варяги и скандинавы были одинъ и тотъ же народъ, что они сначала владѣли Русскою землею, потомъ изгнаны были изъ нея и наконецъ снова призваны туда самими новгородцами, что слѣд. отъ варяговъ или скандинавовъ русскіе получили свое названіе и первыхъ князей. Противъ такого мнѣнія возстали Ломоносовъ и Тредьяковскій и старались доказать, что варяго-руссы были не норманскаго, а славянскаго рода. Выше приведенъ разборъ рѣчи Миллера, сдѣланный Ломоносовымъ; въ дополненіе къ нему приведемъ здѣсь мнѣніе Ломоносова о древности славянскаго народа, высказанное имъ въ „Древней россійской исторіи". „Имя славян-

---

(1) Свѣдѣнія о Байерѣ въ Истор. Академіи Наукъ Пекарскаго, том. 1, стр. 180—196.

ское, говоритъ Ломоносовъ, поздно достигло слуха внѣшнихъ писателей: однакоже самъ народъ простирается въ глубокую древность. Народы отъ именъ не начинаются; но имена народамъ даются. Иные отъ самихъ себя и отъ сосѣдовъ единымъ называются. Иные разумѣются у другихъ подъ названіемъ, самому народу необыкновеннымъ, или еще и неизвѣстнымъ. Не рѣдко новымъ проименованіемъ старинное помрачается, или старинное, перешедъ домашніе предѣлы, за новое почитается у чужестранныхъ. Посему имя славенское, по вѣроятности, много давнѣе у самихъ народовъ употреблялось, нежели въ Грецію, или Римъ достигло и вошло въ обычай. О древности довольное и почти очевидное увѣреніе имѣемъ въ величествѣ и могуществѣ славенскаго имени, которое больше полуторыхъ тысячъ лѣтъ стоитъ почти на одной мѣрѣ; и для того помыслить невозможно, чтобы оное въ первомъ послѣ Христа столѣтіи вдругъ расплодилось до толь великаго многолюдства, что естественному бытія человѣческаго теченію и примѣрамъ возращенія великихъ народовъ противно.... Правда, что славяне, отъ полунощной страны перешедъ за Дунай, въ Далмаціи и въ Иллирикѣ поселились въ началѣ шестаго вѣка; но слѣдуетъ ли изъ того, чтобъ они, или ихъ единоплеменные тамъ прежде никогда не обитали?... Не могло ли быть, чтобы римскою силою утѣсненные иллирическіе славяне, во время войны, уклонились за Дунай къ полунощнымъ странамъ; потомъ, примѣтивъ римлянъ ослабѣніе, старались возвратиться на прежнія свои жилища... Несторъ утверждаетъ, что въ Иллирикѣ, когда училъ апостолъ Павелъ, жительствовали славяне, и что обитавшіе около Дуная, убѣгая насильнаго владѣнія нашедшихъ и поселившихся между ними римлянъ, перешли къ сѣверу.... Городы многіе издревле показываютъ славенскій голосъ, съ дѣломъ согласный, и возводятъ вѣроятность на высочайшій степень“ ([1]).

Тредьяковскій, мы видѣли, не нашелъ въ рѣчи Миллера „никакого предосужденія Россіи“; однакожъ онъ не принималъ теоріи Байера о норманскомъ отечествѣ варяговъ, доказывалъ ея невѣрность и старался утвердить вмѣсто нея свою теорію о славянскомъ происхожденіи Руси. Эту теорію онъ развилъ въ „трехъ разсужденіяхъ о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ: 1) о первенствѣ славянскаго языка предъ тевтоническимъ; 2) о первоначаліи россовъ и 3) о Варягахъ-Руссахъ славенскаго званія, рода и языка“. Въ первомъ разсужденіи, указавъ на то, что славянскій языкъ называется двояко: „словенскимъ“ отъ слова или словесности, и „славенскимъ“ отъ славы, по славному военными

([1]) Сочин. Ломоносова, изд. Смирдина; т. 3, стр. 87—93.

дѣйствіями народу, употреблявшему оный, онъ говоритъ, что „словенскій языкъ есть первенствующій между всѣми языками, происшедшими отъ племени Іафетова, а славенскій есть перворродный словенскаго языка“. Одного корня съ словенскимъ и языкъ тевтоническій, но онъ моложе словенскаго. Въ древнія времена первоначально языкъ словенскій извѣстенъ былъ подъ именемъ скиѳскаго. Байеръ отвергаетъ древность скиѳскаго народа, замѣчая, что онъ является извѣстнымъ за 1514 лѣтъ до Р. Х., но всѣ писатели называютъ его древнѣйшимъ народомъ. А что скиѳы и цельты были народъ словенскій, это доказываютъ самыя первыя имена скиѳовъ и цельтовъ. „Знаю, замѣчаетъ онъ, что произведеніе именъ такой доводъ, который опасно и благоразумно приводить должно; ибо оно сходственнымъ звономъ, въ самомъ чуждомъ языкѣ изобрѣтаемымъ, способно и прельстить и обольстить можетъ. Но ежели такое произведеніе законамъ своимъ правильно слѣдуетъ; то едваль сего доказательства, въ семъ случаѣ, возможетъ быть другое вѣроятнѣе“. Но, давъ обѣщаніе слѣдовать въ словопроизводствѣ правильнымъ законамъ, Тредьяковскій не исполняетъ его и вдается въ самыя произвольныя и смѣшныя толкованія именъ. „Чтожъ знаменуетъ Скитѳъ? Скитѳъ есть „Скитъ“; и слѣд. Скитѳы суть „Скиты“ отъ скитанія т. е. отъ свободнаго прехожденія съ мѣста на мѣсто; а слова „скитаніе“ и „скитаться“ суть точныя словенскія... Цельтъ есть по словенски „Желтъ“, Цельты (кельты) слѣдственно желты т. е. народъ свѣтлорусый“. Скиѳы назывались разными именами и всѣ скиѳскія имена объясняются изъ словенскаго языка. „Гелонъ есть Челонъ т. е. Челистый. Агатирсъ—Окодыржъ т. е. Окодержъ, отъ надсмотра или надзора. Геты суть Четы т. е. станицы или общества; Мессагеты—Мѣсточеты т. е. общества, преходящія по мѣстамъ; Іссседоны—Ищедомы; Сарматы—Зараматы (отъ Ра, Волга, народъ, живущій за Волгой) были также Скиѳы и по словенски говорили. Имена Цельтическихъ народовъ также словенскія. Гамериты отъ Гамера, сына Іафетова; Гіспанія есть Выспанія (Выспа-островъ); Лусітанія, нынѣ Португаллія—Лишеданія, или Лешеденія, по лишенію дня, какъ страна самая послѣдняя на Западѣ; Галлія—Цельтія—Желтая; Гельвеція, или правѣе Гелветіа, нынѣ Швейцарія, есть Голветія, или Головѣтія, отъ малаго земли сея плодоносія; Британія есть Братанія, отъ того, что Британскіе Цельты одного рода съ Галлическими, отъ ихъ братства, или Пристанія, такъ названная первыми, приставшими къ ней, пріѣхавшими съ моря поселенцами. Германію германцы производятъ отъ земли, населенной военными людьми: „Гкерре и Манъ“; но намъ мнится, что ей должно происходить отъ словенскаго языка: она есть или отъ

холмовъ „Холманія“ или „Ярманія“ отъ ярма, означающаго трудолюбивыхъ земледѣльцевъ, или „Корманія“, по обилію корма и паствы. Излишне и упоминать о Поруссіи и о Помераніи, ибо издревле словенское имѣютъ имя: Порусь и Поморіе. Данія или Денія отъ дня; Швеція—Свѣтія, отъ свѣта, свѣтлая; Норвегія—Наверхія т. е. страна, лежащая наверхъ къ сѣверу; Скандинавія—Шкодынавѣя т. е. отъ вреда вѣющаго въ ней съ близкаго сѣвера вѣтра; Италія, всеконечно, отъ словенскаго Удалія т. е. страна, удаленная отъ сѣвера; Сицилія—Сѣчелія, отсѣченная отъ Италіи“. Читая всѣ эти объясненія въ настоящее время, можно подумать, что они составлены не для серьезной цѣли, а для шутки; до такой степени они смѣшны и наивны. Между тѣмъ самъ Тредьяковскій придавалъ имъ чрезвычайно важное значеніе, и, оканчивая ихъ, онъ говоритъ: „Всѣ сіи произведенія именъ не токмо не восхищеніе за предѣлы умѣренности, но и не сомнительное и единственное показаніе или самое історическое доказательство, что древнѣйшій всего Запада и Сѣвера европейскаго языкъ былъ одинъ словенскій, отецъ по прямой чертѣ славенскому, славенороссійскому, польскому, чешскому, далматскому, сербскому, болгарскому, хорватскому, расціанскому и многимъ прочимъ, а вотчимъ, или лучше отецъ же, но только съ косвенныя стороны, всѣмъ тевтоническимъ и цімбрическимъ“ (1). Впрочемъ, въ то время подобныя объясненія, дѣйствительно, не считались „восхищеніемъ за предѣлы умѣренности“; они встрѣчаются и у другихъ, не только русскихъ, но и нѣмецкихъ ученыхъ историковъ. Академикъ Байеръ производилъ Москву отъ Моского т. е. мужскаго монастыря; Псковъ отъ псовъ, городъ псовый; въ имени Святослава видѣлъ скандинавскій корень „свен“; во Владимірѣ—Вольдемара, въ Всеволодѣ—Визавалидура (2). Миллеръ, по замѣчанію Ломоносова, имя города Холмогоръ производилъ отъ Голмгардіи, которымъ его скандинавцы называютъ. „Ежели бы я хотѣлъ, прибавляетъ при этомъ Ломоносовъ, по примѣру Байеро-Миллеровскому перебрасывать литеры, какъ зернь, то бы я право сказалъ Шведамъ, что они столицу неправедно Стокгольмомъ называютъ, но должно имъ звать оную „Стіокольной“, для того, что она такъ слыветъ у русскихъ“ (3). Во второмъ разсужденіи „О первоначаліи Россовъ“ Тредьяковскій доказываетъ, что народъ „Руссъ, или Россъ былъ издревле

---

(1) Сочин., т. 3., стр. 319—367. — (2) Писатели русской исторіи XVIII в С. Соловьева. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи. Кн. 2, стр. 49.

(3) Пекарск. Истор. Акад. Наукъ, ч. 2, стр. 434.

сей самый, который нынѣ собственно именуется россійскимъ, и говорилъ онъ сперва словенскимъ языкомъ, а потомъ славенскимъ и славенороссійскимъ понынѣ". „Праотцемъ Россовъ и Мосховъ, говоритъ онъ, былъ Россъ-Мосохъ, седмой сынъ Іафета, упоминаемый у пророка Іезекіиля (1). Россы и Мосхи одинъ народъ, но разныя поколѣнія. Онъ принимаетъ мнѣніе Синопсиса, что отъ Мосоха, славено-россійскаго праотца, произошла не только Москва, но и вся Русь или Россія, Россіане. Россіане имѣютъ разныя наименованія: по первородству они Скиѳы и Сарматы; по праотцу Россы; отъ сего и Россаны, и Россоланы, и Ругіи и Рушіи, и Рассы, и Руссіаны, и Русаны, и Рутены, и Рутсени, и Руцціи, и напослѣдокъ Россіане" (2). Въ третьемъ разсужденіи „О Варягахъ Руссахъ славенскаго званія, рода и языка" Тредьяковскій опровергаетъ мнѣніе Байера, что варяго-русскіе князья прибыли въ Россію изъ Скандинавіи, изъ Швеціи, Даніи или Норвегіи, что варяги были шведы или датчане или норвежцы, доказывая, что Варяги были славянскаго рода и племени. „Варягъ, говоритъ онъ, есть имя глагольное, происходящее отъ славянскаго глагола „варяю", значащаго „предваряю", „Варяги т. е. предварители". „Но такіе предварители въ востокъ, сѣверъ, западъ и югъ, были не изъ однихъ Датчанъ, Шведовъ, Норвежцевъ и Скандинавцевъ, но изъ всѣхъ поколѣній какъ цельтическихъ, такъ и славянскихъ"... у Нестора Варягами называются всѣ безъ изъятія европейскіе поселенцы, первенствующіе обитатели всей Европы т. е. предварители. „И такъ Варяги-Руссы, отъ которыхъ призваны великіе князья въ Новгородскіи предѣлы державствовать суть не что иное какъ токмо предварители на тѣ мѣста, на коихъ они обитали. Хотя въ такомъ смыслѣ Варягами предварителями разумѣются всѣ первѣйшіе пришельцы въ Азіи, предварившіе другихъ въ европейскомъ востокѣ, сѣверѣ, западѣ и полудни, но у насъ въ позднѣйшія времена Варягами предварителями назывались тѣ, которые обитали по берегамъ Балтическаго моря и по рѣкамъ, въ него впадающимъ".... Указавъ далѣе на то что въ шестомъ вѣкѣ, въ царство кесаря Маврикія, славяне вошли въ Далматію, Иллирію и въ ближнія области, назвавши ихъ Славоніею, а пребывали они тогда въ Помераніи, въ Россіи, въ Польшѣ, въ Силезіи, въ Моравіи и въ Богеміи, словомъ во всей нынѣшней поперегъ нѣмецкой землѣ, отъ Балтическаго моря до Средиземнаго, Тредьяковскій говоритъ: но въ Помераніи „обитали вмѣстѣ

(1) Іезек. 38, 2; 39, 1; здѣсь Россъ и Мосохъ упоминаются отдѣльно, но Тредьяковскій доказываетъ, что они составляютъ одно лицо.

(2) Сочин., томъ 3, 370—476.

съ прочими словенскими народами такъ называемые Ругіи, по нѣмецкому латинскихъ буквъ произношенію, а по римскому истинному Руджіи и Ружіи, слѣд. и Рушіи и Руссіи, и потому Руссы. Сіи точно суть Варяги, отъ которыхъ призваны великіе князья государствовать въ Новгородскую державу, прибывшіе въ полунощную Россію 862 г. т. е. во второй половинѣ девятаго вѣка, по Христовомъ Рождествѣ"…. „Рурікъ есть Ругрікъ т. е. мужъ Ругскія (Русскія) рѣчи…. Триворъ и Триборъ есть стиратель воровъ, и трехъ побораюіцій. Сінавъ есть сынъ Навъ т. е. сынъ новый: а буде онъ Сенеусъ, или Сенаусъ, то значитъ сановный усъ…. пишется сіе имя индѣ и Синеусъ, слово само по себѣ ясное, отъ синеты и уса, по примѣру бѣлоуса и черноуса"…. Подобнымъ же образомъ далѣе изъ славянскаго языка объясняются имена Игоря, Святослава, Владиміра, Оскольда и Дира, Рогвольда и Рогнѣды, названія днѣпровскихъ пороговъ и опровергаются тѣ объясненія ихъ, какія сдѣланы Байеромъ [1]. Такимъ образомъ, опровергая теорію Байера и Миллера о скандинавскомъ происхожденіи Руси, Тредьяковскій устанавливаетъ новую теорію славянскую, которая съ тѣхъ поръ начала развиваться другими писателями и во многихъ пунктахъ держится еще до сихъ поръ. Особенное значеніе въ ней имѣетъ мнѣніе о происхожденіи Руси отъ померанскихъ Ружанъ и что Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ были Ругенскіе князья. Это мнѣніе и въ настоящее время поддерживается поборниками славянскаго происхожденія Варяговъ-Руси.

Такого же воззрѣнія на происхожденіе Руси держался и Сумароковъ. Въ статьѣ „О происхожденіи россійскаго народа" онъ говоритъ: „Сердце Россіи называлося древнимъ обиталищемъ Иперборейцовъ; имена Словенска и на томъ же мѣстѣ Новаграда извѣстны стали послѣ, а прежде были тутъ жилища дикихъ сарматовъ. Мы и почти всѣ, по нынѣшнему времени, знатнѣйшіе европейцы суть цельты, а языкъ цельтской есть языкъ славенской, который отъ древняго почти единою долготою времени отмѣненъ…. Цельты, сей древнѣйшій народъ, современный Коптамъ и Скиѳамъ, вышедъ изъ Азіи въ малолюдную тогда Европу, жителей ея частію выгнавъ на сѣверъ, частію покоривъ, присвоили себѣ почти всю Европу. Ѳракія, Македонія, Иллирикъ и прочія извѣстныя намъ нынѣ подъ именемъ славенскихъ провинцій земли населилися Цельтами. Цельты проникли въ Германію, Галлію и чрезъ Пиринейскія горы въ Гесперію, чрезъ проливъ морской въ Британію…. Гальскіе Цельты и словенскіе болѣе всѣхъ протчихъ

(1) Сочин., т. 3, стр. 477—540.

прославилися, усилившся изгнаніемъ прежнихъ жителей, и нарѣклися первые „Галлами“ отъ цельтскаго слова „гуляю“, т. е. „гуляками“, или странниками, а славенскіе цельты нарѣклися славянами знаменуяся „славными“, какъ „Вандалы“ отъ того, что вышли „вонъ далѣ“, нарѣклися „Вондалями“, а изъ этого Вандалами отъ другихъ нарѣчены народовъ.... А отъ имени Вандала произошли нѣмецкія слова „вандереръ“ странникъ, „вандернъ“ странствовать; а отъ глагола вандернъ нѣмцы дали имя Венды т. е. странники.... Британы назвались отъ „бритыхъ“ головъ.... Португальцы отъ пристани гальской“. Языки всѣхъ этихъ цельтическихъ народовъ измѣнялись отъ смѣшенія съ разными народами; только одни славяне остались при своемъ прежнемъ т. е. при цельтскомъ языкѣ, который нынѣ подъ именемъ словенскаго въ разныхъ нарѣчіяхъ пребываетъ. Для доказательства цельтическаго происхожденія славянскаго и европейскихъ языковъ, Сумароковъ сравниваетъ нѣсколько словъ русскихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ; молитву Господню приводитъ „по карійски, по лузатически, по чешски, по польски, по словенски, по кроатски, по далматски, по болгарски, по сербски, по вандальски“ ([1]). Приведенныя выше мѣста показываютъ, что Сумароковъ объяснялъ слова или названія странъ, языковъ и народовъ также смѣшно и произвольно, какъ и Тредьяковскій. Въ другой статьѣ: „Приступленіе къ исторіи Петра В.“ онъ говоритъ: „Рѣка Волховъ называется симъ именемъ отъ того, что будто нѣкогда былъ въ Новѣгородѣ волхвъ, который превращался въ звѣря, бѣгалъ по водамъ симъ“... „Москва имѣетъ имя отъ худыхъ мостковъ, которые на семъ мѣстѣ по болотамъ положены были, и называлося тогда отъ проѣзжихъ: ѣхать къ сему мѣсту ѣхать къ мосткамъ, отъ чего по созданіи города не называли ѣхать въ Москву, какъ напр. въ Новгородъ, въ Казань и проч., но къ Москвѣ, какъ то и нынѣ прямою московскою рѣчью говорится“. Сумароковъ понималъ значеніе филологіи для исторіи: „языкъ, говоритъ онъ, есть ко сисканію исторической истины вѣрнѣйшій руководецъ“; но онъ ошибался, думая, что подобныя объясненія, основанныя на произвольномъ сопоставленіи и созвучіи словъ, могутъ быть признаны наукою филологическими и могутъ имѣть значеніе въ настоящей исторіи. Но ни Тредьяковскій, ни Ломоносовъ, ни Сумароковъ не были собственно историками, а писали указанныя историческія сочиненія по случаю; настоящими историками этого времени были Миллеръ и Шлецеръ.

([1]) Сочин., т. X, стр. 106—119.

Историческіе труды Миллера (1). Миллеръ (Герардъ-Фридрихъ, русскіе звали его Ѳедоръ Ивановичъ, род. въ 1705, ум. въ 1783 г.) родомъ изъ Вестфаліи, воспитанникъ Лейпцигскаго университета, былъ вызванъ въ Россію въ 1725 г. при самомъ почти основаніи Академіи Наукъ и служилъ въ ней въ продолженіе 58 лѣтъ. Сначала онъ былъ опредѣленъ адъюнктомъ по историческому и географическому департаменту; потомъ въ 1728 году сдѣланъ былъ вице-секретаремъ Академіи и, состоя въ этой должности, велъ переписку съ иностранными учеными, издавалъ „Академическіе комментаріи“ на латинскомъ языкѣ и „Сокращеніе Академическихъ комментаріевъ“ на русскомъ языкѣ; съ 1728 по 1730 г. издавалъ Петербургскія Вѣдомости и Примѣчанія къ нимъ. Въ 1730 г. Миллеръ сдѣланъ былъ профессоромъ исторіи и началъ издавать „Сборникъ статей, относящихся къ русской исторіи“ (Sammlung Russischer Geschichte). Этотъ сборникъ, въ которомъ помѣщались выдержки изъ русскихъ лѣтописей, предназначался для ознакомленія съ исторіей русской европейскихъ ученыхъ. Въ 1733 г. Миллеръ былъ назначенъ въ сибирскую экспедицію и находился въ ней 10 лѣтъ. По возвращеніи изъ этой экспедиціи онъ началъ издавать на основаніи собранныхъ матеріаловъ „Сибирскую исторію“. Въ 1747 г. былъ сдѣланъ ректоромъ академическаго университета и россійскимъ исторіографомъ. Съ 1755 г. началъ издавать учено-литературный журналъ „Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія“. Въ то же время онъ продолжалъ издавать до 1765 г. Сборникъ россійской исторіи и издалъ 10 частей. При Екатеринѣ II, въ 1765 г., Миллеръ былъ назначенъ главнымъ надзирателемъ Воспитательнаго дома въ Москвѣ, но такъ какъ эта должность мѣшала его ученымъ занятіямъ, то онъ былъ переведенъ оттуда въ инспекторы Московскаго архива иностранной коллегіи. Состоя въ этой должности, онъ въ то же время составлялъ планы для учрежденія училищъ въ Россіи; въ качествѣ депутата отъ Академіи Наукъ, участвовалъ въ Комиссіи для сочиненія новаго Уложенія; приготовлялъ къ изданію собраніе договоровъ Россіи съ иностранными державами.—Эта разнообразная и изумительно трудолюбивая дѣятельность Миллера показываетъ, что онъ дале-

---

(1) Свѣдѣнія о Миллерѣ: въ Словарѣ митр. Евгенія; въ статьѣ Соловьева: Герардъ-Фридрихъ Миллеръ. Современ. 1854 г., XLVII; въ Истор. Акад. Наукъ Пекарскаго. Т. I, стр. 308—430. — О трудахъ по русской исторіи Миллера и Шлецера смотр. въ статьѣ А. С. Архангельскаго: Первые труды по изученію начальной русской лѣтописи. Казань. 1886. Отдѣльный оттискъ изъ Учен. Зап. Каз. Универс. за 1886 г.

ко возвышался надъ всѣми современными нѣмецкими учеными, служившими въ Россіи. Тогда какъ другіе занимались науками большею частію отвлеченно отъ Россіи и, живя въ Россіи, не считали обязанностію выучиться русскому языку, Миллеръ прежде всего позаботился познакомиться съ славянскимъ и русскимъ языкомъ и потомъ старался изучить Россію не для Европы только, но и для самой Россіи. Существенная заслуга Миллера состоитъ именно въ томъ, что онъ познакомилъ Россію съ ея исторіей и Европу съ Россіей. Почти всѣ историческія сочиненія Миллера помѣщены въ Сборникѣ россійской исторіи, въ Академическихъ комментаріяхъ и въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ. Изъ нихъ отмѣтимъ: 1) Описаніе Сибирскаго царства (на нѣмецкомъ языкѣ въ Сборникѣ россійской исторіи, въ русскомъ переводѣ въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ); 2) Происхожденіе народа и имени россійскаго (1749 г., на латинскомъ и русскомъ языкахъ); 3) О происхожденіи козаковъ (въ Ежем. сочиненіяхъ); 4) Описаніе трехъ языческихъ народовъ въ Казанской губерніи (черемисъ, чувашъ и вотяковъ, напеч. въ Сборникѣ россійской исторіи, въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ и отдѣльно); 5) О первомъ лѣтописателѣ россійскомъ преп. Несторѣ (Ежем. соч. 1755 г.); 6) О первыхъ россійскихъ путешествіяхъ въ Китай; 7) О началѣ Новгорода и о происхожденіи россійскаго народа (Ежем. соч. 1761); 8) Два разсужденія о древнихъ могилахъ въ Сибири и Новороссійскомъ краѣ (Ежем. соч. 1764); 9) Повѣствованіе объ обстоятельствахъ возведенія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича (1767 г., напечатано въ Магазинѣ Бюшинга); 10) О коронованіи в. к. Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича; 11) О бракосочетаніяхъ царя Іоанна Васильевича; 12) О народахъ, издревле въ Россіи обитавшихъ. Кромѣ своихъ, Миллеръ издалъ много сочиненій другихъ писателей. Къ нимъ относятся: 1) Описаніе земли Камчатки Крашенинникова въ 1755 г.; 2) Собраніе нѣкоторыхъ проповѣдей Гавріила Бужинскаго въ 1768 г.; 3) Судебникъ царя и в. кн. Іоанна Васильевича и нѣкоторые его указы, собранные Татищевымъ, напеч. въ 1768 г.; 4) Ядро россійской исторіи А. Манкѣева въ 1770 г.; 5) Исторія Россійская Татищева; 3 части ея напечат. въ 1768—1774 г.; 7) Географическій лексиконъ россійскаго государства, составленный Полунинымъ, напечат. 1773 г.; 8) Письма Петра В. къ графу Б. П. Шереметеву, напечат. въ 1774 г.; 9) Книга степенная царскаго родословія въ 1775 г. Въ теченіе своей продолжительной ученой службы Миллеръ собралъ множество матеріаловъ, которыми пользовались другіе писатели. Такъ, нѣкоторые изъ его матеріаловъ вошли въ Труды Вольнаго россійскаго собранія, издававшіеся при Московскомъ университетѣ въ 1774 г., въ Древнюю Россійскую Вивліоѳику Новикова, въ

Дѣянія Петра В. Голикова. Щербатовъ въ Предисловіи къ своей исторіи замѣчаетъ, что при составленіи ея онъ пользовался совѣтами и наставленіями Миллера (¹).

Историческіе труды Шлецера (²). Шлецеръ (Августъ-Людовикъ, род. 1735, ум. 1809 г.), воспитанникъ Виттенбергскаго и Геттингенскаго университетовъ, былъ вызванъ въ Россію Миллеромъ въ 1762 г. Сначала онъ былъ опредѣленъ адъюнктомъ Академіи, а потомъ въ 1765 былъ сдѣланъ профессоромъ русской исторіи и началъ собирать списки русскихъ лѣтописей и сличать ихъ самымъ тщательнымъ образомъ и съ величайшимъ терпѣніемъ. Результатомъ этихъ трудовъ былъ его знаменитый „Сводъ русскихъ лѣтописей“, сдѣланный по 10 древнимъ спискамъ. Составленіемъ этого Свода онъ занимался, посреди разныхъ другихъ занятій, до конца своей жизни въ теченіе 40 лѣтъ. Въ первый разъ образецъ этого Свода онъ напечаталъ на латинскомъ и славянскомъ языкахъ уже по выѣздѣ изъ Россіи въ 1769 г. въ Геттингенѣ, подъ названіемъ: Annales russici slavonice et latine cum varietate lectionis ex codicibus X usque ad annum 879. Полное изданіе Свода началось только съ 1802 г., когда были напечатаны 1 и 2 части его; въ 1805 г. напечатаны и 3 и 4 части, а 5 часть, содержавшая исторію княгини Ольги, князей Святослава и Ярополка, въ 1809 г. Шлецеръ предполагалъ довести свой Сводъ до 1054 г. и слѣд. объяснить княженіе Владиміра, Святополка и Ярослава; но не успѣлъ этого сдѣлать. Кромѣ этого главнаго труда, извѣстны и другіе труды Шлецера по русской исторіи. Еще въ 1764 г., вслѣдствіе запроса Академіи, какимъ образомъ можно составить древнюю русскую исторію, онъ представилъ планъ для ея составленія, а потомъ еще подробнѣе развилъ его въ Предисловіи къ Несторову лѣтописцу, изданному въ 1767 г. по Кенигсбергскому списку Таубертомъ и Барковымъ. Въ 1768 онъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ „Опытъ русскихъ лѣтописей“; кромѣ того, онъ издалъ „Русскую Правду“, вмѣстѣ съ Башиловымъ Никоновскій списокъ лѣтописи и Судебникъ царя Іоанна Васильевича. Въ 1769 г. онъ издалъ на француз-

---

(¹) О другихъ сочиненіяхъ и изданіяхъ Миллера въ Словарѣ митр. Евгенія и въ Исторіи Академіи Наукъ Пекарскаго, том. 1.

(²) Свѣдѣнія о Шлецерѣ: въ Словарѣ митр. Евгенія; въ Сборникѣ 2-го Отд. Акад. Наукъ 1875 г., том. XIII: Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи отъ 1761 до 1765 г. Переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями и приложеніями В. Кеневича.

скомъ языкѣ руководство для женскихъ учебныхъ заведеній, подъ названіемъ: „Картина россійской исторіи“ (переведенное дважды на русскій языкъ) и потомъ въ томъ же году одну часть русской исторіи до 1147 года. Въ 1769 г. Шлецеръ перешелъ въ Геттингенскій университетъ. Здѣсь онъ издавалъ „Всеобщую сѣверную исторію“, а въ 1773 напечаталъ статью „Объ Аскольдѣ и Дирѣ“. Но и по оставленіи Россіи онъ не прерывалъ сношеній съ нею. Въ Геттингенскихъ ученыхъ извѣстіяхъ онъ нѣсколько времени помѣщалъ рецензіи на русскія книги; въ Геттингенскій университетъ Академія Наукъ посылала къ нему русскихъ студентовъ изучать историческую науку; по предложенію Шлецера, въ 1804 г. было открыто при Московскомъ университетѣ знаменитое „Общество исторіи и древностей россійскихъ“.

Въ тѣсной связи съ дѣятельностію Шлецера находятся нѣкоторые труды по исторіи *Штриттера* (Іоаннъ Готлибъ, род. 1740, ум. 1801 г.). По порученію Шлецера, Штриттеръ составилъ на латинскомъ языкѣ извлеченіе изъ византійскихъ писателей, подъ заглавіемъ: „Записки о народахъ, древле при Дунаѣ, Черномъ и Азовскомъ морѣ, Кавказскихъ горахъ, Каспійскомъ морѣ и далѣе къ сѣверу обитавшихъ, выбранныя и въ порядокъ приведенныя изъ византійскихъ писателей“. (Memoriae populorum etc.). Изъ этого обширнаго сочиненія онъ сдѣлалъ сокращеніе на нѣмецкомъ языкѣ, относящееся преимущественно къ русской исторіи, переводъ котораго былъ сдѣланъ Свѣтовымъ и напечатанъ въ 1774 г. подъ заглавіемъ: „Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія исторію россійскую древнихъ временъ и переселенія народовъ“. Кромѣ того, Штриттеръ, по порученію Комиссіи училищъ, составилъ, также на нѣмецкомъ языкѣ, „Исторію россійскую“, доведенную до 1594 г. и состоящую изъ 8 частей; на русскій языкъ были переведены и напечатаны только 3 части (1).— Адъюнктъ Академіи *Фишеръ* (Іоаннъ Эбергардъ, род. 1697 г., ум. 1771), участвовавшій въ сибирской экспедиціи, написалъ по матеріаламъ Миллера Сибирскую исторію на нѣмецкомъ языкѣ (1768) (2).— Выше указано, что членъ Оренбургской комиссіи *Рычковъ* занимался изученіемъ Оренбургскаго и Астраханскаго края; кромѣ упомянутыхъ сочиненій по географіи, онъ составилъ нѣсколько историческихъ сочиненій, каковы: „Исторія Оренбургская“, „Опытъ

(1) Свѣдѣнія о Штриттерѣ въ Словарѣ Евгенія, том. II, 182—184.

(2) Свѣдѣнія о Фишерѣ въ Истор. Акад. Наукъ Пекарскаго, т. I, стр. 617—636.

Казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ" (напеч. въ 1767 г.), „Краткое извѣстіе о татарахъ и о нынѣшнемъ состояніи тѣхъ народовъ, которые въ Европѣ подъ именемъ татаръ разумѣются".

Сочиненія по философіи и другимъ наукамъ. Не такъ успѣшно шла разработка другихъ наукъ. Науки въ это время еще не были спеціализованы, какъ нынѣ; да и людей ученыхъ было такъ мало, что одно лицо не могло посвящать всѣ свои силы одной какой-либо наукѣ, а должно было заниматься нѣсколькими науками. Представители европейской науки въ первой половинѣ XVIII в. нѣмецкіе философы, Лейбницъ и Вольфъ, какъ выше указано, были учеными-энциклопедистами, были философами, математиками, историками и лингвистами; еще болѣе, разумѣется, представлялось необходимости быть энциклопедистами для русскихъ ученыхъ. Ученая и литературная дѣятельность ученика Вольфа, Ломоносова, была чрезвычайно разнообразна. Магистръ философіи, Поповскій, преподававшій философію въ Московскомъ университетѣ, переводилъ въ то же время стихотворенія Анакреона, Горація и Попа. А. Барсовъ, занимавшійся съ любовью математикой и оказавшій въ ней „непостыдные успѣхи", былъ сначала профессоромъ математики, а потомъ переведенъ былъ на каѳедру словесности. Профессоръ астрономіи Никита Поповъ переводилъ древнюю исторію Іустина; математикъ Аладуровъ писалъ русскую грамматику, правила русской орѳографіи и вообще занимался грамматическими вопросами. Не смотря, однакожъ, на существовавшее тогда смѣшеніе разныхъ областей знанія, можно указать на нѣкоторыя болѣе выдающіяся въ нихъ явленія. Первыми профессорами философіи въ Академіи Наукъ были Мартини (Христіанъ, род. 1699 г.) и Бильфингеръ (Георгъ Бернгардъ, род. 1693, ум. 1750 г.), ученики Вольфа, который и рекомендовалъ ихъ Академіи; но въ Россіи они оставались не долго. Первыми преподавателями философіи въ Московскомъ университетѣ изъ русскихъ были Поповскій, Аничковъ и Брянцевъ.

Николай Никитичъ Поповскій (род. 1730, ум. 1760 г.) сначала воспитывался въ духовныхъ училищахъ, а потомъ слушалъ лекціи Тредьяковскаго и Ломоносова въ академическомъ университетѣ. Первыми опытами его литературной дѣятельности были: эклога въ стихахъ „Зима" и переводъ съ французскаго „Опыта о человѣкѣ" Попе, сдѣланный имъ въ 1754 г. Въ 1755 г. Поповскій былъ опредѣленъ профессоромъ философіи въ Московскомъ университетѣ и началъ свои лекціи вступительной рѣчью „О пользѣ и важности теоретической философіи". Въ этой рѣчи

онъ представляетъ философію, какъ науку наукъ, въ видѣ великолѣпнаго храма вселенной. „Отъ нея зависятъ, говоритъ онъ, всѣ познанія; она мать всѣхъ наукъ и художествъ... Хотя она въ частныя и подробныя всѣхъ вещей разсужденія не вступаетъ, однако главнѣйшія и самыя общія правила, правильное и необманчивое познаніе натуры, строгое доказательство каждой истины, раздѣленіе правды отъ неправды отъ нея одной зависитъ. Подобно какъ архитекторъ, не вмѣшиваясь въ подробное сложеніе каждой части зданія, однако каждому художнику предписываетъ правила, порядокъ, мѣру, сходство частей и положеніе всего строенія, такъ что безъ одного его самые искуснѣйшіе художники успѣть не могутъ“. Опредѣливъ отношеніе философіи къ другимъ наукамъ, онъ указываетъ потомъ на нравственное ея значеніе для человѣка, поставляя ея главною обязанностію дѣйствовать на людей, отступившихъ отъ Бога, и приводить ихъ къ Богопознанію путемъ изслѣдованія самихъ законовъ и явленій природы. Вслѣдствіе классическаго направленія во всей наукѣ того времени, философія преподавалась тогда на латинскомъ языкѣ. Поповскій сильно возстаетъ противъ этого обычая и доказываетъ, что она должна и удобно можетъ быть преподаваема у каждаго народа на народномъ языкѣ, а въ Россіи на русскомъ языкѣ. „Кто хочетъ научиться философіи, говоритъ онъ, тотъ долженъ искать стараго Рима или, яснѣе сказать, долженъ пять, или больше лѣтъ употребить на изученіе латинскаго языка. Какой тяжелой доступъ. Но напрасно мы думаемъ, будто ей столь много латинской языкъ понравился. Я чаю, что ей умершихъ и въ прахъ обратившихся уже римлянъ разговоръ довольно наскучилъ.... Дѣти ея, ариѳметика, геометрія, механика, астрономія и прочія съ народами разныхъ языковъ разговариваютъ, а мать, странствовавши чрезъ толикое множество лѣтъ по толь многимъ странамъ, ни одного языка не научилась! Наука, которая разсуждаетъ о всемъ, что ни есть въ свѣтѣ, можетъ ли довольствоваться однимъ римскимъ языкомъ, который, можетъ быть, и десятой части ея разумѣнія не вмѣщаетъ? Коль далеко простирается ея понятіе, въ коль многихъ странахъ обрѣтаются тѣ вещи, которыя ея подвержены разсужденіямъ, толь многіе языки ей приличны.... Вѣкъ философіи не кончился съ Римомъ; она со всѣми народами послѣдующихъ вѣковъ на ихъ языкѣ разговаривать не отречется; мы причиняемъ ей великой стыдъ и обиду, когда думаемъ, будто она своихъ мыслей ни на какомъ языкѣ истолковать, кромѣ латинскаго, не можетъ. Прежде она говорила съ греками, изъ Греціи переманили ее римляне; она римской языкъ переняла весьма въ короткое время и (съ) несмѣтною красотой разсуждала по римски, какъ не задолго прежде по гречески. Не можемъ ли и мы ожидать

подобнаго успѣха въ философіи, какой получили римляне?.... Чтожъ касается до изобилія россійскаго языка, въ томъ передъ нами римляне похвалиться не могутъ. Нѣтъ такой мысли, кою бы по россійски изъяснить было невозможно. Что жъ до особливыхъ, надлежащихъ къ философіи, словъ, называемыхъ терминами, въ тѣхъ намъ нечего сомнѣваться. Римляне по своей силѣ слова греческія, у коихъ взяли философію, переводили по римски, а коихъ не могли, тѣ просто оставляли. По примѣру ихъ тожъ и мы учинить можемъ.... Итакъ съ Божіимъ споспѣшествованіемъ начнемъ философію не такъ, чтобы разумѣлъ только одинъ изо всей Россіи, или нѣсколько человѣкъ, но такъ, чтобы каждый, россійскій языкъ разумѣющій, могъ удобно ею пользоваться" ([1]). Въ этомъ взглядѣ Поповскаго на значеніе философіи и въ стремленіи преподавать ее на русскомъ языкѣ, ясно сказывается ученикъ Ломоносова, вполнѣ усвоившій и научныя и патріотическія его убѣжденія. Въ 1756 г., на торжественномъ актѣ университета, онъ говорилъ рѣчь о значеніи Московскаго университета, на которую мы уже указали выше, и написалъ благодарственную оду импер. Елисаветѣ. Въ томъ же году, подражая посланію Ломоносова „О пользѣ стекла", написалъ стихами посланіе къ Шувалову „О пользѣ наукъ и о воспитаніи во оныхъ юношества", въ которомъ, доказывая необходимость для современнаго человѣка научнаго образованія, говоритъ:

«Прошли тѣ времена, прошли златые вѣки,
Какъ разумомъ простымъ водимы человѣки,
Не вѣдая наукъ, незлобіе блюли,
И отъ неправдъ себя, какъ яда, берегли».

Ученыя занятія тогда смѣшивались съ литературными. Преподавая философію, Поповскій въ то же время и преимущественно занимался переводами и перевелъ нѣсколько одъ Горація и его эпистолу De arte poëtica, нѣсколько одъ Анакреона, книгу Локка „О воспитаніи" и большую часть „Исторіи Тита Ливія" ([2]). Наконецъ въ послѣдніе годы жизни онъ преподавалъ

---

(1) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета. Москва. 1855. Ч. II, стр. 308—310.

(2) Переводъ исторіи Тита Ливія не былъ изданъ; говорятъ, что Поповскій, за нѣсколько дней до своей смерти, сжегъ его вмѣстѣ со многими своими стихотвореніями, считая эти произведенія недовольно исправными въ слогѣ и опасаясь, чтобы по смерти его не напечатали ихъ. Біограф. словарь, ч. II, стр. 318.

словесность.—*Д. С. Аничковъ* (ум. 1788 г.) былъ профессоромъ логики, метафизики и чистой математики. Для пріобрѣтенія степени профессора онъ написалъ на латинскомъ языкѣ „Разсужденіе о происхожденіи религіи у разныхъ народовъ". На латинскомъ же языкѣ онъ напечаталъ „Дополненія къ логикѣ и метафизикѣ Баумейстера". На русскомъ языкѣ въ разныя времена произнесъ нѣсколько рѣчей въ торжественныхъ собраніяхъ университета, о разныхъ предметахъ философскаго характера, каковы: „О мудромъ изреченіи греческаго философа: разсматривай всякое дѣло съ разсужденіемъ"; „о томъ, что міръ сей есть явнымъ доказательствомъ премудрости Божіей и что въ немъ ничего не бываетъ по случаю"; „о свойствахъ познанія человѣческаго и средствахъ, предохраняющихъ умъ смертнаго отъ различныхъ заблужденій"; „о разныхъ причинахъ, не малое препятствіе причиняющихъ въ продолженіи человѣческаго познанія"; „о невещественности души и изъ оной происходящемъ ея безсмертіи"; „о превратныхъ понятіяхъ человѣческихъ, происходящихъ отъ излишняго упованія, возлагаемаго на чувства"; „о разныхъ способахъ, тѣснѣйшій союзъ души съ тѣломъ объясняющихъ."—*А. М. Брянцевъ* былъ профессоромъ логики и метафизики. Для полученія степени магистра онъ написалъ на латинскомъ языкѣ сочиненіе „О критеріи истины." Потомъ онъ перевелъ „Начальныя основанія нравственной философіи Адама Фергюссона" и произнесъ въ торжественныхъ собраніяхъ университета двѣ рѣчи: „о связи вещей во вселенной" и „о законахъ природы" ([1]).—Мы считаемъ необходимымъ указать на всѣ эти рѣчи Поповскаго, Аничкова и Брянцева потому, что онѣ представляютъ самыя первыя попытки въ области русской философской науки въ первой и началѣ второй половины XVIII вѣка. По нимъ мы можемъ судить, какое направленіе имѣли тогда философскія изслѣдованія, какіе вопросы интересовали ученыхъ, занимавшихся философіей. До XVIII в. главнымъ руководствомъ при преподаваніи философіи въ Кіевской и Московской академіяхъ была схоластическая философія, построенная на ложно понятыхъ началахъ философіи Аристотеля; но съ начала XVIII в. стали руководствоваться уже системами новой философіи Бэкона, Декарта, Лейбница и Вольфа. Тредьяковскій перевелъ съ французскаго языка жизнь Бэкона и присоединилъ къ ней сокращеніе Бэконовой философіи. Ломоносовъ, переведя съ латинскаго сокращеніе экспериментальной физики Вольфа, въ предисловіи къ этому переводу хвалитъ Декарта особенно за то, что онъ открылъ новую дорогу для сво-

---

[1]) Біограф. словарь, ч. I, стр. 5—9; 109—112.

боднаго изслѣдованія природы и указалъ твердое основаніе для физики въ опытѣ. „Славный и первый изъ новыхъ философовъ Картезій, говоритъ онъ, осмѣлился Аристотелеву философію отвергнуть и учить по своему мнѣнію и вымыслу. Мы, кромѣ другихъ его заслугъ, особливо за то благодарны, что онъ тѣмъ ученыхъ людей ободрилъ противъ Аристотеля, противъ себя самого и противъ прочихъ философовъ въ правдѣ спорить, и тѣмъ самымъ открылъ дорогу къ вольному философствованію и къ вящшему наукъ приращенію... Въ новѣйшія времена науки столько возрасли, что не только за тысячу, но и за сто лѣтъ жившіе едва могли того надѣяться. Сіе больше отъ того происходитъ, что нынѣ ученые люди, а особливо испытатели натуральныхъ вещей, мало взираютъ на родившіеся въ одной головѣ вымыслы и пустыя рѣчи, но больше утверждаются на достовѣрномъ искусствѣ. Главнѣйшая часть натуральной науки, физика, нынѣ уже только на одномъ ономъ свое основаніе имѣетъ. Мысленныя разсужденія произведены бываютъ изъ надежныхъ и много разъ повторенныхъ опытовъ“. При переводѣ физики, замѣчаетъ Пекарскій, Ломоносовъ оказалъ большую услугу научной терминологіи. Здѣсь въ иныхъ случаяхъ онъ былъ творцомъ и почти всегда преобразователемъ (1). Философія Вольфа употреблялась какъ въ Московскомъ университетѣ, такъ особенно въ духовныхъ академіяхъ въ передѣлкѣ или въ системѣ ученика Вольфова, Баумейстера. Мы выше замѣтили, что профессоръ Аничковъ сдѣлалъ дополненія къ логикѣ и метафизикѣ Баумейстера. Вся философія Баумейстера была издана въ Москвѣ въ 1777 г. Бантышъ Каменскимъ (Baumeisteri Elementa philosophiae recentioris). Въ философскихъ системахъ префектовъ Московской академіи, Іоанна Козловича и Владиміра Каллиграфа, преподававшихъ въ академіи въ половинѣ XVIII вѣка, говоритъ авторъ исторіи Московской академіи, видно вліяніе новой философіи Бэкона Декарта, Лейбница и Вольфа. Козловичъ хорошо зналъ философію Лейбница и часто ссылался на нее. Его система представляетъ уже признаки перехода отъ схоластики къ ясному ученію Вольфіанской философіи, вскорѣ послѣ того принятой въ школы, въ лицѣ Баумейстера (2) Были попытки и популяризовать философскія знанія внѣ учебныхъ заведеній для образованнаго общества. Адъюнктъ Академіи Наукъ Г. Н. Тепловъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: „Знанія, до философіи вообще касающіяся“, о которой Ломоносовъ далъ такой отзывъ: „философскія ученія въ ней предлагаются понятнымъ образомъ для всякаго и весьма полезны будутъ россійскимъ читате-

---

(1) Истор. Акад. Наукъ, ч. II, стр. 365.

(2) Ист. Моск. акад., стр. 169—170.

лямъ, которые, не зная другихъ языковъ, хотятъ имѣть понятіе или и знаніе о философіи вообще на всѣхъ ея частяхъ (sic). и для того за благо разсуждаю, чтобъ она была напечатана" ([1]). Надобно замѣтить, впрочемъ, что слова философія и философъ понимались тогда въ смыслѣ болѣе обширномъ, чѣмъ нынѣ. Все филологическое отдѣленіе, заключавшее въ себѣ, кромѣ философіи, словесность, исторію, языкознаніе, называлось тогда философскимъ, и званіе магистра и доктора философіи давалось долго и впослѣдствіи не только философамъ, но и словесникамъ, историкамъ и даже математикамъ. Да и къ философіи въ частности въ XVIII вѣкѣ относились не одни изслѣдованія о сущности бытія и знанія, но и разсужденія о разныхъ нравственныхъ предметахъ, составлявшихъ содержаніе такъ называемой нравственной философіи, которая тогда была въ большой модѣ. Поэтому философами назывались какъ всѣ моралисты, разсуждавшіе о разныхъ добродѣтеляхъ и порокахъ, такъ и литераторы, писавшіе въ нравоучительномъ направленіи, сатирики и юмористы. Философскихъ сочиненій въ этомъ смыслѣ, какъ оригинальныхъ, такъ особенно переводныхъ, весьма много помѣщалось, какъ указано будетъ ниже, во всѣхъ ученыхъ и литературныхъ журналахъ XVIII в., начиная съ „Ежемѣсячныхъ сочиненій" Миллера и „Трудолюбивой Пчелы" Сумарокова.

Сочиненія по словесности и языкознанію. Выше указано, что съ господствующей въ то время теоріей словесности и вообще съ состояніемъ словесныхъ наукъ въ Европѣ первые познакомили Россію Тредьяковскій и Ломоносовъ. Переводныя и оригинальныя сочиненія Тредьяковскаго и реторика Ломоносова долго были главными руководствами при изученіи и преподаваніи словесности въ школахъ. Тредьяковскій же и Ломоносовъ воспитали и первыхъ преподавателей словесности въ Московскомъ университетѣ, Поповскаго и Барсова. Впрочемъ Поповскій преподавалъ словесность не долго и, занимаясь преимущественно переводами литературныхъ сочиненій, не оставилъ ни одного своего сочиненія по наукѣ словесности. Дѣятельность же Барсова была весьма замѣчательна и оставила важный слѣдъ въ тогдашней русской наукѣ ([2]).

([1]) Ист. Акад. Наукъ Пекарскаго, II, стр. 464.

([2]) Изслѣдованіе о Барсовѣ въ Ист. Росс. Академіи М. И. Сухомлинова. Вып. IV, 186—298, и въ Біограф. словарѣ профессоровъ Москов. университета, ч. I, стр. 50—62.

Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ. Сынъ бывшаго при Петрѣ В. директора московской синодальной типографіи, Барсовъ (1730—1791) воспитывался при Академіи Наукъ. Какъ ревностно занимавшійся математикой, онъ при открытіи Московскаго университета былъ назначенъ профессоромъ математики и преподавалъ ее до 1761 г., а потомъ, послѣ смерти Поповскаго, былъ переведенъ на каѳедру словесности. Свои чтенія по словесности онъ открылъ рѣчью 31 января 1761 г. „о употребленіи краснорѣчія въ россійской имперіи". Словесность тогда состояла изъ реторики и піитики. Реторику Барсовъ читалъ по руководству лейпцигскаго профессора Эрнести (1707—1781), написавшаго Initia rhetorica, которыя на русскій языкъ были переведены Ивашковскимъ; при преподаваніи піитики онъ слѣдовалъ піитикѣ французскаго гуманиста, іезуита Жуванси (1643—1719), извѣстнаго нѣсколькими сочиненіями по словесности (Ratio discendi et docendi; Appendix de diis et heroibus poëticis, Institutiones rhetoricae и Institutiones poëticae). Но Барсовъ не ограничивался одною теоріей словесности, а присоединялъ къ ней разборъ и объясненіе писателей. Всего чаще онъ останавливался на произведеніяхъ древнихъ, преимущественно римскихъ писателей, Цицерона, Виргилія, Горація. Перлами русской литературы онъ считалъ произведенія Ломоносова и подробно разбиралъ его похвальныя слова и нѣкоторыя оды. Разборы эти онъ считалъ весьма важными и полезными. Самую теорію словесности онъ цѣнилъ только потому, что она представляетъ или должна представлять выводъ изъ разбора разнообразныхъ произведеній литературы. „Риторика, говоритъ онъ, есть собраніе правилъ, примѣровъ и долговременныхъ отъ начала вѣка наблюденій о разныхъ способахъ, пріемахъ и оборотахъ рѣчи, посредствомъ которыхъ ораторъ всего успѣшнѣе дѣйствуетъ на умъ и волю слушателей; опыты и наблюденія сводятся къ общимъ началамъ, оправдываются путемъ умозрѣнія и становятся правилами, значеніе которыхъ опредѣляется уже тѣмъ, что они основаны на данныхъ опыта и на естественномъ ходѣ и связи вещей" ([1]). Изъ собственныхъ литературныхъ произведеній Барсова интересны ученыя ораторскія рѣчи, которыя онъ говорилъ въ торжественныхъ собраніяхъ Московскаго университета по разнымъ случаямъ. Въ одной изъ такихъ рѣчей, говоренной 6 сентября 1760 г., онъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, „съ какимъ мы намѣреніемъ наукамъ обучаться долженствуемъ" ([2]). Прямой и короткій отвѣтъ на этотъ

([1]) Ист. Росс. Акад. Вып. IV, 205.

([2]) Рѣчь эта напечатана въ Ист. Росс. Академіи М. И. Сухомлинова. Вып. IV 497—509.

вопросъ, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что „мы учимся наукамъ для наукъ, то есть, чтобъ разумъ нашъ наполнить потребными въ жизни знаніями“, но нельзя осуждать и тѣхъ, которые ищутъ въ наукахъ практической пользы, „если кто по бѣдности желаетъ, чтобъ чрезъ ученіе дѣти его наконецъ пропитаніе себѣ получить могли, осуждать не могу, ибо бѣдные, какъ во многихъ другихъ, такъ и въ семъ случаѣ, такое право имѣютъ, какъ покойные, что объ нихъ или въ добрую сторону разсуждать надлежитъ, или ничего говорить не должно“.... Указывая затѣмъ на значеніе наукъ, онъ говоритъ: „ученіе раждаетъ въ насъ справедливыя мысли и разсужденія; ученіе показываетъ преимущество тѣхъ дѣйствій, которыя съ порядкомъ и размѣромъ дѣлаются; ученіе подаетъ намъ въ предводители премудрѣйшихъ изъ древности людей, въ писаніяхъ которыхъ мы почерпаемъ премногія высокія истины, питающія нашъ умъ и духъ укрѣпляющія, съ которыми мы, когда благороднымъ ревнованіемъ побуждаясь, сравняться стараемся, то хотя не получаемъ равнаго имъ совершенства, однакожъ тѣмъ самымъ нѣкоторымъ образомъ выше себя возносимся, распространяемъ свой разумъ, и больше знаній и понятій получаемъ; а чрезъ все то напослѣдокъ способнѣйшими становимся къ исправленію порученныхъ намъ по званію нашему дѣлъ и положеній“!... Это разсужденіе о благодѣтельныхъ результатахъ науки оканчивается слѣдующими словами: „Всѣ жъ оныя пользы могутъ въ одинъ родъ включены быть и однимъ именемъ назваться, а именно знаніемъ. Итакъ то справедливо, что знаніе принадлежитъ къ концу и къ намѣренію ученія, и что мы для снисканія его должны обучаться.... То только примѣчать надлежитъ, что знаніе подобно оружію, по изволенію употребляющаго, и праведно защищающему и неправедно убивающему, или огню согрѣвающему и сожигающему, т. е. что оно можетъ и вредить и пользовать, поелику къ добру или ко злу обращено и употреблено будетъ. Итакъ потребно къ оному еще нѣкое управленіе, котораго намъ въ сердцѣ нашемъ искать должно... добродѣтель, безъ которой самое пространнѣйшее и глубочайшее знаніе не токмо должно быть безплодно и безполезно, но еще и вредно... Но сколько добродѣтель сія ни почтенна и ни изящна, однако на ней не можно намъ остановиться въ семъ шествіи къ концу ученія, ибо находится еще высшее нѣчто и божественнѣйшее, а именно законъ и благочестіе христіанское, безъ котораго ни кое знаніе истинно полезно, ни кая добродѣтель совершенна быть не можетъ. Чего ради все ученіе имъ начинать, имъ оканчивать и съ нимъ всегда соединять надлежитъ“. Мы привели эти мѣста изъ рѣчи Барсова какъ для характеристики тогдашнихъ ученыхъ рѣчей, такъ и потому, что выраженная здѣсь мысль о необходи-

мости и даже преимуществѣ при ученіи нравственнаго воспитанія и христіанскаго закона и благочестія была одною изъ главныхъ идей педагогическихъ системъ, особенно во второй половинѣ XVIII в.—Барсовъ занимался изслѣдованіемъ о русскомъ языкѣ и составилъ азбуку, церковную и гражданскую, издан. въ 1768 г. съ краткими примѣчаніями о правописаніи. Въ этихъ примѣчаніяхъ онъ, между прочимъ, считаетъ излишними букву ѳ, какъ ничѣмъ не отличающуюся въ выговорѣ отъ ф, и букву ъ, при согласныхъ. „Во всѣхъ извѣстныхъ языкахъ, говоритъ онъ, безчисленное множество словъ, оканчивающихся на согласныя, а знака ъ нѣтъ“. Впрочемъ, противъ буквы ъ еще ранѣе возставалъ академикъ Ададуровъ, написавшій „Краткую русскую грамматику“ (1731) и „Правила россійской орѳографіи“ (1). Въ 1771 г. Барсовъ составилъ „Правила русской грамматики“, а потомъ, по порученію Комиссіи училищъ, „Грамматику россійскую“. Сначала Комиссія поручила составить грамматику переводчику В. П. Свѣтову (1744—1783), который уже былъ извѣстенъ своими грамматическими изслѣдованіями, каковы были „Опытъ о правописаніи“ (1773) и „Краткія правила къ изученію россійскаго языка“; но Свѣтовъ, по порученію Комиссіи, успѣлъ составить только „Таблицы о познаніи буквъ, о складахъ, о чтеніи и о правописаніи“ (1783) и вскорѣ умеръ. Продолженіемъ его труда и была грамматика Барсова Какъ Свѣтовъ, такъ и Барсовъ были послѣдователями Ломоносова и руководствовались его грамматикой; при всѣхъ недостаткахъ, ихъ грамматическіе опыты для насъ важны уже потому, что представляютъ весьма много данныхъ для исторіи русскаго языка въ XVIII в. (2).—Кромѣ того, Барсовъ былъ издателемъ Московскихъ Вѣдомостей и цензоромъ книгъ, печатавшихся въ университетской типографіи. Наконецъ, онъ первый сдѣлалъ „Собраніе пословицъ“, въ количествѣ 4291.

Въ 1735 г. при Академіи Наукъ было учреждено „Россійское собраніе для особыхъ занятій языкомъ и словесностью“. При открытіи этого собранія, Тредьяковскій, какъ выше замѣчено, предложилъ заняться составленіемъ грамматики и лексикона россійскаго языка. „Знаю, говорилъ онъ относительно лексикона, что трудно будетъ начало; но своя честь есть и начатію. Вѣдаю, что скучно будетъ продолженіе; но и съ тѣмъ громкая сопряжена слава. А изъ полезнаго окончанія коликая похвала, коликія благодаре-

(1) Свѣдѣнія объ Ададуровѣ въ Ист. Акад. Наукъ Пекарскаго, том. 1, 503—516.

(2) Грамматическіе труды Свѣтова и Барсова весьма подробно разсмотрѣны въ Истор. Росс. Академіи Сухомлинова. Вып. IV, 186—298—327.

нія и коликія прославленія произойти могутъ?... Не противлюсь вамъ, великое и трудное дѣло есть лексиконъ, и лексиконъ такой, какому быть ему надлежитъ, а именно полному и совершенному. Однако, не сіе есть свойство лексикона, какъ повѣствуется объ истинномъ, или ложномъ лучше фениксѣ, чтобъ единожды въ пять сотъ лѣтъ былъ созерцаемъ; тысящи есть издавна разныхъ лексиконовъ, и на многихъ языкахъ. Сіе самое доказываетъ непреоборимо, что и лексиконъ не выше силъ человѣческихъ, а сего здѣсь и довольно... Трудъ, господа, трудъ прилежный все препобѣждаетъ" (¹). Но людей, способныхъ заняться этимъ дѣломъ, было мало, и словарь или лексиконъ россійскаго языка началъ составляться не ранѣе, какъ уже при Екатеринѣ II, когда открыта была Россійская Академія, для которой это дѣло назначено было главнымъ дѣломъ.—Необходимость изучать европейскіе языки вызвала нѣсколько руководствъ по языкамъ. Миллеръ въ 1731 г. издалъ нѣмецко-латинскій лексиконъ Вейсмана съ русскимъ переводомъ и присовокупленіемъ начальныхъ правилъ русскаго языка на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Это былъ первый лексиконъ, изданный въ Россіи съ переводомъ, и служилъ первымъ руководствомъ для русскихъ въ нѣмецкомъ, а для иностранцевъ въ русскомъ языкѣ. Переводчикъ и секретарь Академіи Наукъ С. Волчковъ издалъ въ 1755 г. подробный французскій лексиконъ съ нѣмецкимъ, латинскимъ и русскимъ переводомъ. Барсовъ въ 1762 г. перевелъ съ нѣмецкаго латинскую грамматику Целларія. Михаилъ Пермскій, состоя причетникомъ при русской посольской церкви въ Лондонѣ, изучилъ англійскій языкъ, и по возвращеніи въ Россію, для воспитанниковъ кадетскаго корпуса, гдѣ онъ былъ учителемъ англійскаго языка, написалъ первую на русскомъ языкѣ грамматику англійскаго языка. Академическій библіотекарь Андрей Богдановъ (род. 1707 г.), родившійся въ Сибири отъ отца японской націи, составилъ японскую грамматику на русскомъ языкѣ.

Первые опыты по исторіи русской литературы. Укажемъ на тѣ сочиненія, которыя были первыми началами въ разработкѣ исторіи русской литературы. Академикъ Коль (Іоганнъ-Петръ Kohl ум. 1778 г.), академикъ по каѳедрѣ краснорѣчія и церковной исторіи, первый обратилъ вниманіе на рукописи московской патріаршей библіотеки и подавалъ въ Академію записки о началѣ русскаго языка, о составленіи славянскаго лексикона. По удаленіи изъ Россіи, онъ издалъ въ 1729 г. на латинскомъ языкѣ „Введеніе

(¹) Сочин., т. I, 264—267.

въ исторію и литературу славянскую, преимущественнно церковную (Introductio in historiam et rem litterariam slavorum, imprimis sacram) [1]. Въ немъ описаны первыя изданія Библіи въ Острогѣ (1581 г.) и Москвѣ (1663), доказывается, что переводили Свящ. Писаніе на славянскій языкъ не Іеронимъ, а Кириллъ и Меѳодій и помѣщено ихъ жизнеописаніе. Другой академикъ Штелинъ (Яковъ Штелинъ род. 1709 г.), профессоръ поэзіи и краснорѣчія, составилъ на нѣмецкомъ языкѣ „Записку" (краткую) о современныхъ ему русскихъ писателяхъ [2] и двѣ статьи о русскомъ театрѣ и музыкѣ, которыя въ русскомъ переводѣ были напечатаны въ С. Петерб. Вѣстникѣ 1779 г. подъ заглавіемъ: „Краткое извѣстіе о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ, отъ начала ихъ до 1768 г." и „Сокращенныя извѣстія о русскихъ танцахъ и театральныхъ въ Россіи балетахъ" [3]. Спеціальнымъ занятіемъ Штелина было составлять аллегорическія картины и надписи для иллюминацій и фейерверковъ и писать стихи на торжественные случаи. Русскимъ читателямъ, впрочемъ, онъ всего болѣе былъ извѣстенъ своими „Анекдотами о Петрѣ В.", которые сначала были напечатаны на нѣмецкомъ языкѣ въ Лейпцигѣ въ 1785 г., а потомъ переведены на русскій языкъ. Извѣстны также „Анекдоты" и „Извѣстія" Штелина о Ломоносовѣ, которые потомъ вошли въ біографію Ломоносова [4]. Датчанинъ Адамъ Селлій, перешедшій въ православіе и въ монашествѣ принявшій имя Никодима (ум. 1746 г.), составилъ на латинскомъ языкѣ „Каталогъ писателей, сочиненіями своими объяснившихъ гражданскую и церковную исторію" (Schediasma litterarium de scriptoribus, qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt. 1736). Въ этомъ сочиненіи перечислены по алфавиту 164 писателя, писавшихъ что нибудь о Россіи.—Знаменитый актеръ Ив. Аѳ. Дмитревскій составилъ „Извѣстіе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ." Оно было напечатано сначала на нѣмецкомъ языкѣ въ лейпцигской „Новой Библіотекѣ" Христ. Ф. Вейсе въ 1768 г. Въ 1771 г. было

---

(1) Свѣдѣнія о Колѣ въ Истор. Академіи Наукъ, том. 1, стр. 77—81.

(2) Переводъ съ нѣмецкаго напечатанъ въ Москвитянинѣ за 1851 годъ, № 2; потомъ она помѣщена въ Матеріалахъ для исторіи русской литературы П. А. Ефремова. Спб. 1867; стр. 161—167.

(3) Ист. Ак. Наукъ, том. 1, стр. 557.

(4) Напечатаны въ Москвитянинѣ 1850 г., № 1, и 1853 г., № 3. Матеріалы для исторіи русской литературы: конспектъ не оконченнаго похвальнаго слова Ломоносову, написанный Штелинымъ. Смотр. Сборн. матеріаловъ для Истор. Ак. Наукъ А. Куника, II, 383 - 405.

переведено на французскій въ Ливорно, подъ заглавіемъ „Опытъ о русской литературѣ“, заключающій перечень замѣчательныхъ русскихъ писателей, съ царствованія Петра В. ([1]). „Извѣстіе“ Дмитревскаго можно назвать первымъ опытомъ по исторіи русской литературы; оно послужило основой для историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ Новикова, который взялъ изъ него значительную долю свѣдѣній о писателяхъ. — Директоръ Академіи Наукъ, С. Г. Домашневъ въ 1762 г. напечаталъ въ „Полезномъ увеселеніи“ статью „О стихотворствѣ“. Это былъ первый опытъ по исторіи поэзіи на русскомъ языкѣ, хотя самъ авторъ не придавалъ ему такого значенія. Изложивъ происхожденіе и значеніе поэзіи, Домашневъ дѣлаетъ здѣсь „описаніе сего искуства у всѣхъ народовъ“, и прежде всего описываетъ „греческое стихотворство“, гдѣ говоритъ о Гомерѣ и его поэмахъ, о Гезіодѣ и его Ѳеогоніи, о Ѳесписѣ, какъ основателѣ греческой трагедіи. и главныхъ греческихъ трагикахъ, Эсхилѣ, Софоклѣ и Еврипидѣ, о Пиндарѣ, объ Аристофанѣ и другихъ комикахъ, потомъ „описываетъ латинское стихотворство“, гдѣ указываетъ на римскія комедіи и трагедіи, поэмы и сатиры и перечисляетъ главныхъ поэтовъ во всѣхъ этихъ формахъ, Виргилія, Горація, Овидія, Федра, Сенеку, Персія, Ювенала и др. За греческимъ и римскимъ „описывается“ стихотворство итальянское, французское, гишпанское, португальское, аглинское, нѣмецкое, россійское. При этомъ также помѣщается перечень главныхъ поэтовъ и образцовыхъ произведеній. Начало русской поэзіи производится отъ Симеона Полоцкаго; потомъ кратко говорится о заслугахъ русской поэзіи Кантемира, Тредьяковскаго, Ломоносова, Сумарокова и Хераскова. Наконецъ, въ нѣсколькихъ строкахъ, упоминается о стихотворствѣ армянскомъ, индійскомъ, арабскомъ, китайскомъ. Въ заключеніе своего обзора Домашневъ говоритъ: „Я старался дать нѣкоторое понятіе о стихотворствѣ почти всѣхъ народовъ; а если что ни есть пропустилъ, то оправдаться могу тѣмъ, что не писалъ исторіи о семъ искуствѣ, да и намѣреніе мое къ тому не клонилось. Я изъяснилъ то, что могъ почерпнуть изъ чтенія, присовокупя къ тому свои разсужденія“ ([2]). Наконецъ, Сумароковъ написалъ небольшую статью

([1]) Русскій переводъ и нѣмецкій подлинникъ съ французскимъ переводомъ напечатаны въ «Матеріалахъ для исторіи русской литературы» П. А. Ефремова. Спб. 1867, стр. 129—144; 145—160. О принадлежности «Извѣстій» Дмитревскому смотр. у М. И. Сухомлинова. Зап. Акад. Наукъ. VI, стр. 252—257.

([2]) Эта статья Домашнева напечатана въ «Матеріалахъ для исторіи русской литературы» Ефремова, стр. 168—195.

„О россійскомъ духовномъ краснорѣчіи“, въ которой характеризуетъ современныхъ проповѣдниковъ. „Во проповѣдникахъ, говоритъ онъ, вижу собратій моихъ по единому ихъ риторству, а не по священству. Итакъ имѣю право говорити о нихъ толико же, колико и они о мнѣ, сколько разсмотрѣніе до нихъ, яко до почитателей словесности, принадлежитъ“. Указавъ, на какомъ основаніи и съ какой стороны онъ можетъ разсматривать проповѣдниковъ, Сумароковъ прежде всего перечисляетъ образцовыхъ французскихъ проповѣдниковъ, Боссюета, Бурдалу, Флешье и Массильона, и потомъ говоритъ, что и Россія имѣетъ у себя подобныхъ проповѣдниковъ, каковы Ѳеофанъ Прокоповичъ, Гедеонъ Криновскій, Гавріилъ Петровъ, митр. Петербургскій, Платонъ, архіеп. Тверскій (впослѣдствіи митр. Московскій) и Амвросій, префектъ Московской академіи (впослѣдствіи архіеп. Московскій). Сдѣлавъ нѣсколько краткихъ замѣчаній о проповѣдникахъ вообще, онъ наконецъ характеризуетъ каждаго изъ указанныхъ русскихъ проповѣдниковъ. Ѳеофана Прокоповича онъ называетъ россійскимъ Цицерономъ, Гедеона россійскимъ Флешье, Платона россійскимъ Бурдалу. „Вспомня, прибавляетъ онъ въ заключеніе своей характеристики, нѣкоторыя уподобленія Софокла, Еврипида и Есхила съ водными потоками, я скажу то, уподобляя сихъ великихъ мужей. Ѳеофанъ подобенъ гордо и быстро текущей рѣкѣ, разливающейся по лугамъ и орошающей горы и дубровы, отрывающей камни съ крутыхъ береговъ, шумящей во своихъ предѣлахъ и журчащей иногда, подъ тѣнію сплетенныхъ древесъ, наводняя гладкія во время разліянія долины. Гедеонъ подобенъ потокамъ, всегда журчащимъ и извивающимся по прекраснымъ паствамъ, протекающей по приличнымъ лугамъ (рѣкѣ) и питающейся благовонными цвѣтами, но иногда по неплоднымъ проходящей мѣстамъ, уменьшающей изобиліе водъ и едва дно покрывающей. Гавріилъ подобенъ рѣкѣ, безъ шума наполняющей брега свои и порядочнымъ теченіемъ не выходящей никогда изъ границъ своихъ. Платонъ подобенъ рѣкѣ быстро текущей и все, что ей ни встрѣтится, влекущей съ собою въ морскую пучину, преходящей прекрасныя долины, орошающей тучныя рощи и бѣгущей по чистому песчаному дну, окропляя мягкія муравы“ (¹).

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Выше замѣчено, что въ 1735 г. было открыто при Академіи Наукъ „Россійское Собраніе“, цѣлью котораго, между прочимъ,

---

(¹) Сочиненія Сумарокова, ч. VI, 295—302.

было также изданіе переводовъ иностранныхъ писателей древнихъ и новыхъ временъ. Общество это существовало не долго и мѣсто его заступилъ „Переводческій Департаментъ“ при Академіи, скоро, впрочемъ, также разстроившійся и потомъ возобновленный уже по указу Екатерины II, въ 1790 г. Впрочемъ, независимо отъ этого, при Академіи Наукъ всегда были переводчики. Они были необходимы здѣсь для того, чтобы переводить на русскій языкъ, когда окажется нужнымъ, сочиненія иностранныхъ академиковъ, не знавшихъ русскаго языка. Эту обязанность сначала исполняли даже русскіе профессора и адъюнкты Академіи: Ададуровъ, Тредьяковскій и Ломоносовъ. Другою обязанностію академическихъ переводчиковъ было переводить всѣ оперы, комедіи и интермедіи, которыя представлялись при дворѣ, всѣ латинскіе и нѣмецкіе стихи, какіе иностранные академики писали по случаю придворныхъ торжествъ. Кромѣ упомянутыхъ Ададурова и Тредьяковскаго, между академическими переводчиками всего болѣе извѣстны Ильинскій, Поповскій, Волчковъ, Кондратовичъ, Барковъ, Козицкій, Мотонисъ, Полетика, Свѣтовъ, Нартовъ и др. Рѣзче всѣхъ изъ нихъ выдавалась дѣятельность Тредьяковскаго, который былъ и секретаремъ перваго „Россійскаго Собранія“ и не только много книгъ переводилъ, но и старался объяснить, какъ должно переводить. Въ предисловіи къ переводу повѣсти Тальмана: „Voyage à l'île d'amour“ онъ объясняетъ, что свѣтскія книги надобно переводить не славянскимъ, а русскимъ языкомъ, выставляя причины, почему онъ поступилъ такъ при переводѣ упомянутой книги. „Сіе я учинилъ, говоритъ онъ, слѣдующихъ ради причинъ: первая: языкъ славянскій у насъ есть языкъ церковный, а сія книга мірская. Другая: языкъ славянскій въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очень теменъ и многіе его наши, читая, не разумѣютъ; а сія книга есть сладкія любви, того ради всѣмъ должна быть вразумительна. Третія: которая вамъ покажется можетъ быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, т. е. что языкъ славенскій нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми; но за то у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ славенскимъ особымъ рѣчеточцемъ хотѣлъ себя показывать“ (¹). Въ предисловіи къ переводу посланія Горація „De arte poëtica“ и поэмы Буало „L'art poétique“, доказывая возможность стихотворныхъ и прозаическихъ переводовъ съ одного языка на другой,

---

(¹) Сочин., III. 649—650.

Тредьяковскій указываетъ правила, какимъ должны слѣдовать переводчики, и перечисляетъ качества хорошихъ переводовъ: „Я запотребно разсуждаю приложить здѣсь, говоритъ онъ, главнѣйшіе критеріи, т. е. не ложныи знаки добраго перевода стихами со стиховъ. И во первыхъ надобно, чтобы переводчикъ изобразилъ весь разумъ, содержащійся въ каждомъ стихѣ, чтобы не опустилъ силы, находящіяся въ каждомъ же, чтобы тоже самое далъ движеніе переводному своему, какое и въ подлинномъ, чтобы сочинилъ оное въ полной ясности и способности; чтобы слова были свойственны мыслямъ; чтобы они не были барбаризмомъ опорочены; чтобы грамматическое сочиненіе было исправнѣе безъ соллецизмомъ, и какъ между идеями, такъ и между словами безъ прекословій, чтобы, наконецъ, составъ стиха во всемъ былъ правиленъ, такъ называемыхъ затычекъ, или пустыхъ бы добавокъ не было“ (¹). Между прочимъ, здѣсь приведено странное мнѣніе о переводахъ, бывшее тогда въ ходу у европейскихъ ученыхъ и писателей, будто переводъ можетъ быть лучше и совершеннѣе самаго подлинника. „А перевелъ онъ Вожласъ (Vaugelas, членъ французской Академіи Наукъ, одинъ изъ главныхъ издателей французскаго академическаго словаря) на свой языкъ Квінта Курція о дѣлахъ, содѣланныхъ Александромъ Великимъ. Но какъ? такъ что и до днесь въ сомнѣніи находится дѣло между искусными людьми, лучшель Курцій латинскій французскаго Вожласова, или Вожласовъ французскій лучше Курція латинскаго, т. е. не могутъ прямо опредѣлить, подлинникъ ли совершеннѣе перевода, или переводъ подлинника“ (²). Такое странное мнѣніе объясняется съ одной стороны тѣмъ, что главнымъ достоинствомъ въ литературныхъ произведеніяхъ въ это время считалось качество языка и слога, а съ другой тѣмъ, что признавалось нужнымъ вычищать классическія произведенія, сообразно съ требованіями современнаго вкуса. Самъ Тредьяковскій, впрочемъ, считалъ необходимымъ строго держаться подлинника. Главное достоинство его переводовъ именно въ томъ и состоитъ, что онъ старался вѣрно и точно передать въ нихъ смыслъ подлинника. На этомъ основаніи его переводы считались лучшими въ то время. „По отбытіи профессора Тредьяковскаго, писали въ 1745 г. въ Сенатъ академики, если какія книги о наукахъ съ иностранныхъ европейскихъ языковъ переводить надобно будетъ, то трудно сыскать, чтобы кто имѣлъ довольную способность оныя безъ погрѣшности перевести и такъ, чтобы ихъ безъ дальняго свидѣтельства

(¹) Сочин., I, XIII.—(²) Сочин., I, XII.

въ печать выдать" ([1]). Послѣ Тредьяковскаго, какъ переводчикъ славился Поповскій, который, какъ указано выше, переводилъ Горація. Попе и Локка. Его переводы обращали на себя вниманіе современниковъ ясностію, чистотою и правильностію языка. Новиковъ въ своемъ словарѣ сдѣлалъ о немъ, какъ переводчикѣ, такой отзывъ: „Опытъ о человѣкѣ славнаго въ ученомъ свѣтѣ Попія перевелъ онъ съ французскаго языка на россійскій съ такимъ искусствомъ, что по мнѣнію знающихъ людей гораздо ближе подошелъ къ подлиннику, и не знавъ аглинскаго языка, что доказываетъ какъ его ученость, такъ и проницаніе въ мысли авторскія. Содержаніе сей книги столь важно, что и прозою исправно перевести ее трудно; но онъ перевелъ съ французскаго, перевелъ въ стихи и перевелъ съ совершеннымъ искусствомъ, какъ философъ и стихотворецъ... Также перевелъ прозою книгу о воспитаніи дѣтей, состоящую въ двухъ частяхъ, славнаго Локка: сей переводъ, по мнѣнію знающихъ людей, едва не превосходитъ ли и подлинникъ" ([2]).

При Петрѣ В., который стремился познакомить Россію съ результатами тогдашней науки и промышленности въ видахъ практическихъ, и самъ заправлялъ переводомъ книгъ, переводились книги преимущественно научнаго характера, по разнымъ отдѣламъ знанія и промышленности; при Елисаветѣ практически-дѣловое направленіе смѣнилось литературнымъ и художественнымъ, и потому при ней стали переводиться книги преимущественно литературныя. Въ 1748 г. графъ Разумовскій объявилъ Академіи имянной указъ императрицы: „стараться при Академіи переводить и печатать на русскомъ языкѣ книги гражданскія различнаго содержанія, въ которыхъ бы польза и забава соединены были съ пристойнымъ къ свѣтскому житію правоученіемъ". Вслѣдствіе этого указа академическая канцелярія объявила, чтобы „ежели кто пожелаетъ какую книгу перевесть съ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, англійскаго, или съ другихъ какихъ языковъ, тѣ бъ явились въ канцелярію Академіи наукъ" ([3]). Переводились главнымъ образомъ книги, назначавшіяся для легкаго чтенія, какъ-то романы, повѣсти и сказки; а не ученаго содержанія. Число подобныхъ книгъ такъ умножилось впослѣдствіи, что при Академіи Наукъ заведена была отдѣльная типографія, называвшаяся „новой", въ отличіе отъ первоначальной, изъ

([1]) Истор. Акад. Наукъ Пекарскаго, II, 22.
([2]) Матеріалы для исторіи русск. литературы. П. А. Ефремова, стр. 84.
([3]) Ист. Акад. Наукъ. II, LII.

которой выходили преимущественно книги ученаго содержанія. Любовь Елисаветы къ театральнымъ представленіямъ, учрежденіе особаго русскаго театра были причиною того, что всего болѣе переводилось драматическихъ произведеній. Переводами произведеній такого рода занимались преимущественно Дмитревскій, Ельчаниновъ, Елагинъ и Олсуфьевъ. При Петрѣ В и Аннѣ Іоанновнѣ господствовало нѣмецкое направленіе; при Елисаветѣ нѣмецкое вліяніе смѣнилось французскимъ: французскіе нравы, французскій языкъ и французская литература пользовались особеннымъ уваженіемъ, и потому переводились преимущественно французскія сочиненія. Даже произведенія другихъ литературъ, греческой, латинской, нѣмецкой и англійской, часто переводились не съ подлинниковъ, а съ французскихъ переводовъ: больше было людей, знающихъ французскій языкъ, чѣмъ другіе языки. — Переводовъ изъ греческой литературы было немного; только Кантемиръ и Поповскій переводили оды Анакреона, Кондратовичъ поэмы Гомера, Иліаду и Одиссею, Нартовъ исторію Геродота. Изъ римской литературы были переведены: записки Юлія Цезаря (Волковымъ съ франц.); исторія Тита Ливія и нѣсколько одъ Горація (Поповскимъ); избранныя рѣчи Цицерона (Кондратовичемъ); біографіи знаменитыхъ полководцевъ Корнелія Непота (Кантемиромъ); превращенія Овидія (Козицкимъ); сатиры Горація и басни Федра (Барковымъ); Посланіе Горація de arte poëtica (Тредьяковскимъ и Поповскимъ). Съ произведеніями французскихъ драматическихъ писателей, Корнеля, Расина, Мольера и Вольтера, старался познакомить русскую публику Сумароковъ, который передѣлывалъ ихъ произведенія. Кромѣ того, были переведены комедіи Мольера: „Скупой“, „Школа мужей“ и „Школа женъ“ (Кропотовымъ) и „Мизантропъ“ (Елагинымъ); комедіи Дидро: „Чадолюбивый отецъ“ и „Побочный сынъ“ (Ельчаниновымъ); „Евгенія“ Бомарше (Пушниковымъ); „Опыты“ Монтеня (Волчковымъ); „Персидскія письма“ и „О духѣ законовъ“ Монтескье (А. Мятлевымъ); „Разговоры о множествѣ міровъ“ Фонтенеля; „Микромегасъ“, „Задигъ“, „Вавилонская принцесса“ Вольтера (Полунинымъ); „Исторія Манонъ Леско“ аббата Прево (Елагинымъ); „Нравоучительныя повѣсти“ Мармонтеля (Домашневымъ); оперы: „Евдоксія вѣнчанная“, „Селевкъ“, „Митридатъ“ и „Беллерофонтъ“ (Олсуфьевымъ). Изъ итальянской литературы: „Титово милосердіе“ Метастазіо (Волковымъ); „Влюбленный Орландъ“ Аріосто (Булгаковымъ). Изъ англійской литературы: „Книга о воспитаніи“ Локка и „Опытъ о человѣкѣ“ Попа (съ французскаго Поповскимъ); „Георгъ Барнвелль“ Лилло (Нартовымъ); „Потерянный рай“ Мильтона (архіеп. Амвросіемъ Серебренниковымъ). Изъ нѣмецкой литературы: комедія Лессинга: „Молодой ученый“ (Нартовымъ). Съ нѣмецкаго же переведены были Гольберговы комедіи: „Генрихъ и Пернилла“ и „Превращенный мужикъ“.

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Въ древнемъ періодѣ, при преобладаніи религіозно-церковныхъ интересовъ, развивалась духовная литература, а литературы свѣтской, какъ отдѣльной и самостоятельной отрасли, и не существовало; въ новомъ періодѣ, напротивъ, при преобладаніи во всемъ строѣ русской жизни гражданскихъ и государственныхъ интересовъ, развитіе свѣтской, ученой и художественной литературы должно было отодвинуть духовную литературу на задній планъ. Въ Петровскую эпоху, мы видѣли, лучшія образованныя силы изъ духовенства были вызваны служить дѣлу реформы. Когда же реформа утвердилась, новое образованіе и новый центръ государственной жизни, естественно, должны были привлекать къ себѣ людей изъ всѣхъ сословій и въ томъ числѣ изъ духовнаго сословія. Какъ при Петрѣ В., такъ и долго послѣ него, въ теченіе всего XVIII в., лучшіе воспитанники изъ духовныхъ учебныхъ заведеній постоянно вызывались правительствомъ для разныхъ потребностей новаго образованія, для отправленія за границу, въ Петербургскую Академію Наукъ, въ Московскій университетъ и т. п. А съ другой стороны, выгодное положеніе служащихъ на всѣхъ мѣстахъ государственной службы располагало духовныхъ воспитанниковъ и добровольно уходить въ свѣтскія учебныя заведенія и потомъ оставлять духовное званіе и службу въ духовномъ сословіи. Такимъ образомъ, духовная наука и литература должны были постоянно лишаться многихъ дѣятелей. Но, при этихъ лишеніяхъ, они получали отъ новаго образованія новыя средства, какихъ не имѣли прежде. Новое европейское образованіе оживило старое схоластическое образованіе и сообщило ему новыя силы. Въ систему духовнаго образованія въ семинаріяхъ вошли такія науки, какія тамъ прежде не преподавались; между начальниками и наставниками этихъ семинарій стали появляться такія лица, которыя получали образованіе или въ Московскомъ университетѣ, или за границей, обладали многостороннею ученостью и отличались разнообразными свѣдѣніями не только по духовнымъ, но и свѣтскимъ наукамъ. Архіеп. псковскій, Симонъ Тодорскій (ум. 1754 г.) для своего образованія десять лѣтъ провелъ въ университетахъ за границей, былъ замѣчательнымъ филологомъ — оріенталистомъ; епископъ смоленскій Гедеонъ Вишневскій (ум. 1761 г.), бывшій воспитанникъ Кіевской академіи, докончилъ свое образованіе также за границей и получилъ здѣсь дипломъ доктора философіи; нижегородскій епископъ Дамаскинъ Семеновъ—Рудневъ (1737—1795), бывшій членомъ Россійской Академіи, учился въ Геттингенскомъ университетѣ и написалъ сочиненіе по исторіи литературы: „библіотека россійская, по годамъ расположенная, отъ на-

чала типографіи въ Россіи по нынѣшнія времена“; архіеп. екатеринославскій, Амвросій Серебренниковъ (ум. 1792 г.) составилъ руководство по ораторіи или реторикѣ, и перевелъ поэму Мильтона „Потерянный рай“; архіеп. архангельскій Аполлосъ Байбаковъ (1745—1801) составилъ „Піитику“ и написалъ нѣсколько назидательныхъ повѣстей въ аллегорической формѣ. Кромѣ того, славились образованіемъ и ученостью: архіеп. московскій Платонъ Малиновскій (ум. 1754), еп. крутицкій Иларіонъ Григоровичъ (ум. 1760 г.); архіеп. петерб. Сильвестръ Кулябка (ум. 1761 г.); архіеп. новгор. Амвросій Юшкевичъ (ум. 1745 г.); архіеп. новг. Дмитрій Сѣченовъ (1767 г.); архіеп. московскій, Амвросій Зертисъ-Каменскій, занимавшійся переводомъ разныхъ духовныхъ сочиненій; ректоръ Московской академіи Варлаамъ Лящевскій (ум. 1774), замѣчательный филологъ, написавшій „греческую грамматику“, которая долго была руководствомъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ лицъ сдѣлались извѣстными уже при Екатеринѣ II, но начало ихъ дѣятельности и особенно образованіе принадлежитъ царствованію Елисаветы. Въ царствованіе Елисаветы вообще въ духовенствѣ образовалось много такихъ людей, которые явились замѣчательными дѣятелями при Екатеринѣ II. Когда открыта была Екатериною Россійская Академія, то четвертая часть ея членовъ съ самаго же начала составилась изъ духовныхъ - 11 монашествующихъ и 8 лицъ бѣлаго духовенства, а первенствующимъ членомъ и вмѣстѣ вице-президентомъ академіи былъ назначенъ митр. новгородскій, Гавріилъ Петровъ (1730—1801). Гавріилъ славился такимъ глубокимъ умомъ и многостороннимъ образованіемъ, что Екатерина въ знакъ уваженія къ нему посвятила ему переводъ Велисарія Мармонтеля. Онъ былъ назначенъ послѣ Дмитрія Сѣченова депутатомъ отъ Синода и духовенства въ Комиссію для сочиненія новаго Уложенія.

Проповѣдь въ Елисаветинскую эпоху. Главною формою въ духовной литературѣ была проповѣдь. Царствованіе Елисаветы, которая отличалась набожностью, часто посѣщала церкви и любила слушать поученія, было самымъ благопріятнымъ временемъ для ея развитія. При дворѣ были особенные и лучшіе проповѣдники, которые постоянно говорили проповѣди (¹). „Прошло уже, слышателіе, говорилъ митр. новгородскій Дмитрій Сѣченовъ, въ словѣ 8 іюля 1742 г., тое желѣзное время, въ немъ же неправда царствовала, а правда за карауломъ сидѣла, и слово Бо-

(¹) Придворныя проповѣди въ царствованіе Елисаветы Петровны Н. А. Попова. Лѣтоп. русск. литер. и древн. Тихонравова. Томъ II.

жіе вязалося .. пастыріе молчали, проповѣдницы боялися. А нынѣ златыя времена, времена Константина В., времена Өеодосія благочестиваго, времена Пульхеріи и Ирины царицъ, защищающихъ благочестивую вѣру. Царствуетъ надъ нами благочестивѣйшая, самодержавнѣйшая, великая государыня Елисавета Петровна... Только пріиде къ намъ, и съ нею пріидоша вся благая; пріиде къ намъ, абіе устраши развратниковъ вѣры православныя, утверди благочестіе, отверзе слово Божіе—уже теперь не вяжется, отверзе дверь проповѣди — всюду истинна глаголется, всюду правда не молчится. Кто нынѣ возгордится и облѣнится слышати слово Божіе и правду его, аще сама всепресвѣтлѣйшая монархиня, хотя правленіемъ всецѣлаго государства утруждена, всегда слово Божіе слышати желаетъ и слушая не скучаетъ". Другой современный проповѣдникъ, Гедеонъ Криновскій, въ своемъ словѣ въ недѣлю женъ мироносицъ, обращается къ современнымъ пастырямъ и проповѣдникамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ: „Почто о вѣрѣ святой и непорочной умолчимъ, когда корона у насъ императорская не такъ камней драгихъ блескомъ украшается, какъ лучами православія во свѣтѣ блистаетъ?... А особливо вы, Божія слова слуги, вѣдаете, что такую у васъ имѣете монархиню, которая не единожды иногда въ одинъ день бесѣдамъ вашимъ присутствуетъ; и въ такіе ль благополучные дни унылете? Вѣдаете, что имѣете монархиню, которая о расширеніи слова Божія и въ самихъ язычникахъ, наипаче подъ державою ея сущихъ, матерьски печется: и тутъ ли чего опасаться вамъ? Вѣдаете наконецъ, что имѣете монархиню, которая сама въ примѣръ всякой, проповѣдуемой вами, добродѣтели быть можетъ: и здѣсь ли страхъ добродѣтели насаждать, а пороки истреблять?" (¹)—Проповѣдь при Петрѣ В., мы видѣли, служила дѣлу реформы, прославляла дѣла Петра и имѣла политическій характеръ; политическій же характеръ должно было сообщить и проповѣди Елисаветинской эпохи то счастливое время, какое съ воцареніемъ Елисаветы настало для русскихъ послѣ предыдущихъ царствованій. Господство нѣмецкой партіи при дворѣ во время Бирона, тяжелое вообще для всей Россіи, особенно тяжело было для церкви и духовенства. Съ воцареніемъ Елисаветы бѣдствія кончились и настали благопріятныя времена. При Елисаветѣ было издано множество указовъ, показывающихъ особенную заботливость правительства о церкви и духовенствѣ, о распространеніи православ-

(¹) Собраніе разныхъ поучительныхъ словъ, при дворѣ ея величества сказанныхъ придворнымъ проповѣдникомъ, архимандритомъ Гедеономъ. Москва. 1760 г. Ч. 1, листъ 227.

ной вѣры среди иновѣрцевъ, на востокѣ Россіи и въ Сибири; таковы указы: объ обращеніи въ православіе калмыковъ, татаръ, мордвы, чувашъ и черемисъ, находившихся въ полкахъ; объ освобожденіи отъ постоя дворовъ тѣхъ священнослужителей, которые находились на службѣ при церквахъ; о томъ, чтобы судебныя мѣста не брали подъ арестъ духовныхъ лицъ ни по какимъ дѣламъ, кромѣ государственныхъ преступленій, безъ сношенія съ епархіальными властями; объ учрежденіи школъ въ Казанской губерніи для новокрещенныхъ иновѣрческихъ дѣтей; объ облегченіи участи духовныхъ лицъ, неправильно сказавшихъ за собою слово и дѣло государево. Поэтому церковныя проповѣди въ первые годы царствованія Елисаветы наполнены похвалами Елисаветѣ и порицаніями нѣмецкаго владычества въ предыдущія царствованія. Онѣ весьма интересны и имѣютъ историческое значеніе. Но не лишены интереса и значенія и проповѣди послѣдующаго времени. Онѣ вообще отличаются характеромъ современности. Проповѣдники внимательно слѣдили за религіознымъ и нравственнымъ состояніемъ тогдашняго русскаго общества и въ своихъ проповѣдяхъ изображали невѣріе, вольнодумство и распущенность нравовъ, которыя начали тогда въ немъ распространяться. Поэтому во всѣхъ проповѣдяхъ Елисаветинской эпохи мы находимъ весьма много такихъ чертъ, которыя хорошо характеризуютъ тогдашнюю жизнь. Что касается художественнаго значенія и въ частности проповѣдническаго стиля, то въ этомъ отношеніи проповѣдь Елисаветинской эпохи не представляетъ ничего новаго и особеннаго. Въ ней продолжалъ еще господствовать прежній юго-западный стиль, яркимъ представителемъ котораго въ Петровскую эпоху былъ Стефанъ Яворскій. Проповѣди Яворскаго и Прокоповича и были главными образцами для проповѣдниковъ Елисаветинской эпохи. Нѣкоторые проповѣдники подражали еще поученіямъ знаменитаго тогда греческаго богослова и проповѣдника Иліи Миніата, или Минятія (1669—1714). Его поученія во святую и великую четыредесятницу были переведены переводчикомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Стефаномъ Писаревымъ. Самыми замѣчательными проповѣдниками въ Елисаветинскую эпоху были: Амвросій Юшкевичъ, Кириллъ Флоринскій, Димитрій Сѣченовъ и Гедеонъ Криновскій.

Проповѣди Амвросія Юшкевича и Кирилла Флоринскаго. Амвроссій Юшкевичъ, воспитанникъ и учитель Кіевской академіи, съ 1736 г. епископъ Вологодскій, въ 1740 г. занялъ новгородскую епископскую каѳедру, которая послѣ смерти Ѳеофана Прокоповича оставалась свободною. Подобно Прокоповичу, прославлявшему дѣла Петра В., Юшкевичъ сдѣлался первымъ хвалите-

лемъ его дочери, Елисаветы. Въ день воспоминанія ея рожденія, 18 декабря 1741 г., спустя три недѣли по восшествіи ея на престолъ, онъ говорилъ проповѣдь, въ которой, разсказавъ исторію воцаренія Елисаветы, яркими красками изобразилъ положеніе Россіи подъ нѣмецкимъ владычествомъ въ предыдущія царствованія. „Преславная побѣдительница, говорилъ онъ, избавила Россію отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ. Сіе и самый послѣдній вѣдать можетъ, что какъ болѣзнь внутренняя есть тягчайшая и опаснѣйшая, такъ и врагъ внутренній и сокровенный есть страшнѣйшій. Но такіе-то всѣ были враги наши, которые, подъ видомъ будто вѣрности, отечество наше разоряли, и смотри, какую дьяволъ далъ имъ придумать хитрость. Во первыхъ, на благочестіе и вѣру нашу православную наступили; но такимъ образомъ и претекстомъ, будто они не вѣру, но непотребное и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняютъ. О коль многое множество подъ такимъ притворомъ людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ истребили, монаховъ поразстригали и перемучили! спроси жъ за что? больше отвѣта не услышишь, кромѣ сего: суевѣръ, ханжа, лицемѣръ, ни къ чему не годный. Сіе же все дѣлали такою хитростію и умысломъ, чтобъ вовсе въ Россіи истребить священство православное, и завесть свою новомышленную безпоповщину.... Былъ ли кто изъ русскихъ искусный, напр. художникъ, инженеръ, архитектъ, или солдатъ старый, а наипаче, ежели онъ былъ ученикъ Петра В., тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому нибудь привязать, подъ интересъ подвесть, и такимъ образомъ, или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно необходимо и самому умереть отъ глада, за то одно, что онъ инженеръ, что онъ архитектъ, что онъ ученикъ Петра В. Подъ образомъ будто храненія чести, здравія и интереса государства, о, коль безчисленное множество, коль многія тысячи людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невинныхъ, Бога и государство весьма любящихъ, въ тайную похищали, въ смрадныхъ узилищахъ и темницахъ заключали, гладомъ морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали!... Кратко сказать: всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами губили, разоряли и вовсе искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственной похитителей, весьма любили, ублажали, почитали, въ ранги великіе произволили, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали. Было то во истину, что и говорить стыдно, однако то сущая правда: пріѣдетъ какой нибудь человѣкъ иностранный незнаемой (не говорю о честныхъ и знатныхъ персонахъ, которыя по заслугамъ своимъ въ

Россіи всякія чести достойны, но о тѣхъ, которые еще въ Россіи никогда не бывали и никакихъ заслугъ ей не показали), такова, говорю я, новаго гостя, ежели они усмотрятъ, что онъ къ ихъ совѣсти угоденъ будетъ, то хотя бы и не зналъ ничего, хотя бъ не умѣлъ трехъ перечесть, но за то одно, что онъ иноземецъ, а наипаче, что онъ ихъ совѣсти нравенъ, минувъ достойныхъ и заслуженныхъ людей россійскихъ, надобно произвесть въ президенты, въ совѣтники, въ штабы, и жалованья опредѣлить многія тысячи... Многократно заслуги свои представляли, похваляя свою къ Россіи вѣрность и доброжелательство, но лгали безсовѣстно на свою душу: ибо ежели бы они были прямые отечеству доброхоты, такъ ли бы нарочно людей нашихъ на явную смерть посылали, такъ ли бы только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душею внѣ Россіи, пребывали? Такими они сами оказали себя, когда всѣ свои сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали и тамо иные въ банки, иные на проценты многіе милліоны полагали" ([1]). Изъ другихъ проповѣдей Амвроссія ([2]) замѣчательна еще проповѣдь въ день коронаціи Елисаветы 28 февраля 1742 г. Въ этой проповѣди, сказанной въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, между другими заслугами Елисаветы, Амвросій указываетъ на то, что она „книгу, Камень вѣры, во тьмѣ невѣдѣнія заключенную, повелѣла на свѣтъ произвесть и освободить", которая также необходима была для духовнаго чина, „какъ напримѣръ всякому искусному мастеру инструменты, воину оружіе, плавающему корабельнику на морѣ кормило"; а до тѣхъ поръ „не токмо учителей, но и ученія и книги ихъ вязали, ковали и въ темницы затворяли... готовыя во тьмѣ заключили, а другія сочинять подъ смертною казнію запретили" ([3]).

Еще рѣзче были проповѣди другаго проповѣдника, Кирилла Флоринскаго, который былъ съ 1741 г. ректоромъ Московской академіи, а съ 1768 по 1778 Сѣвскимъ епископомъ и умеръ въ 1795 г. Амвросій въ своихъ проповѣдяхъ представилъ общую картину тяжелаго положенія Россіи и русскаго духовенства, во время владычества нѣмецкой партіи при дворѣ; Кириллъ Флоринскій указываетъ прямо на лица, притѣснявшія и угнетавшія русскихъ людей, преимущественно на Миниха и Остермана, назы-

---

([1]) Придворныя проповѣди въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны Н. А. Попова. Лѣт. русск. литер., том. II, отд. III, стр. 5—6.

([2]) Эти проповѣди были сказаны: 8 ноября 1742 г., 25 апрѣля и 25 ноября 1743 г., 15 іюля 1744 г. Смотр. тамъ же, стр. 6.

([3]) Тамъ же, стр. 12.

вая ихъ „человѣкоядными птицами, эмиссаріями діавольскими“ и т. п. Такова его проповѣдь въ день рожденія Елисаветы 18 декабря 1741 г. Положивъ въ основу этой проповѣди слова: сильно на земли будетъ сѣмя его, и, примѣнивъ ихъ къ Петру В., онъ представляетъ въ ней Петра сѣятелемъ, а Россію почвою, принявшею брошенныя имъ сѣмена: „Егда вопросите мя, говоритъ онъ, да скажу вамъ не притчу, но свѣжую исторію о насѣянныхъ плевелахъ въ Россіи, тако отвѣщаю: сѣявый въ насъ доброе сѣмя есть самъ Петръ В., село есть Россія, доброе сѣмя сынове россійскаго отечества, вѣрніи, паче же всѣхъ по превосходству и по преимуществу дщерь царска и императорска, Елисаветъ, наслѣдница престола Петрова; а плевелы—подъ видомъ токмо сыновъ отечества, вещію же порожденія ехиднина, изгрызающія утробу матери своея Россіи, да чужестранцы пришельцы, Петромъ насѣянныхъ въ Россіи расхитители, правовѣрія ругатели, благочестія, вкорененнаго въ Россіи отъ многихъ лѣтъ, растлители и истлители, подъ ухищренною политикою всего счастія россійскаго губители... а жатели, плевелы и плевелосѣятелей враговъ собирающіе, сыновъ же вѣрныхъ безъ поврежденія, яко пшеницу въ житницахъ въ отечествѣ хранящіе—лейбъ-гвардія и вся воя“. Сѣмя Петрово возрасло, наконецъ, въ великое древо, которое начали терзать иностранцы. „Древо сіе не всяко плотоядные, но человѣкояды птицы, Остерманъ и Минихъ съ своимъ стадищемъ начали, было, чрезъ двонадесятолѣтіе обезпокоивавшіе, сѣщи и терзати; обаче мы дремлюще не видѣхомъ, ниже чувствовахомъ, донелѣ же само сіе сильное сѣмя насъ не пригласи спящихъ: доколѣ дремлете? доколѣ страждати имате?... Доселѣ дремахомъ, а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи діавольскіе, имъ же попустившу Богу, богатства, слава и честь желанная приключишася, сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерства и вѣрнаго услуженія государству россійскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи правовѣріе и благочестіе не точію превратятъ, но и искореня истребятъ“ (1).

Проповѣди Стефана Калиновскаго и Димитрія Сѣченова. Такой же взглядъ на Елисавету и на предшествовавшее ея воцаренію нѣмецкое владычество выражается въ проповѣдяхъ Стефана Калиновскаго, Димитрія Сѣченова и Сильвестра Кулябки. Стефанъ Калиновскій, изъ воспитанниковъ Кіевской академіи,

---

(1) Тамъ же, стр. 7—9. Кромѣ этого, еще извѣстны слова Флоринскаго 11 апрѣля и 15 іюля 1742 г.

былъ ректоромъ Московской академіи, а потомъ епископомъ Псковскимъ и Новгородскимъ (ум. 1753 г.). Въ проповѣди 1 января 1742 г. онъ называетъ импер. Елисавету русской Іудиѳью, Есѳирью и Пульхеріей и съ особенною силою изображаетъ тѣ притѣсненія, какимъ она подвергалась при Аннѣ Іоанновнѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ. „Еще тогда, говоритъ онъ, какъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти родители ея отъ временнаго сего на вѣчное царство пересилилися, многовидныя, несказанныя, нестерпимыя отъ недобросовѣстныхъ подданныхъ своихъ пакости мужественно претерпѣла; еще тогда отъ всезлобныхъ людей въ монастырь побуждаема была; что ѣстъ, что піетъ, что дѣлаетъ, куда ѣздитъ, съ кѣмъ бесѣдуетъ, приставленными неусыпными шпіонами назираема, не унывала, не изнемогала, не малодушествовала“ ([1]).—Димитрій Сѣченовъ, сначала архимандритъ Свіяжскаго монастыря и первый членъ комиссіи объ обращеніи въ христіанство магометанскихъ и языческихъ народовъ въ Нижегородской и Казанской губерніяхъ, былъ потомъ архіепископомъ Новгородскимъ (ум. 1767 г.). Онъ отличался необыкновенною смѣлостію въ обличеніи современныхъ пороковъ. 25 марта 1742 г. онъ говорилъ проповѣдь въ присутствіи императрицы на текстъ: Благовѣствуй, земле, радость велію! Назвавъ время предыдущихъ царствованій лютой зимой нечестія, послѣ котораго возсіяло ведро благочестія, онъ такъ характеризуетъ прежнее бѣдственное время: со смертію Петра и Екатерины I наступили частыя и вредительныя перемѣны, „и видя то противницы наши добрую дорогу, добрый ко утѣсненію насъ сыскали способъ, показывали себе, аки бы опи вѣрные государству слуги, аки бы сберегатели здравія государей своихъ, аки бы они все къ пользѣ и исправленію Россіи промышляютъ; а какъ прибрали все отечество наше въ руки, коликій ядъ злобы на вѣрныхъ чадъ россійскихъ отрыгнули; коликое гоненіе на церковь Христову и на благочестивую вѣру возставили, ихъ была година и область темная: что хотѣли, то и дѣлали.... И что бѣдственнѣе: догматы христіанскіе, на которыхъ вѣчное спасеніе зависитъ, въ басни и ни во что поставляли; ходатаицу спасенія нашего, неусыпную христіанскую помощницу, покровъ и прибѣжище, на помощь не призывали и заступленія ея не требовали; святыхъ угодниковъ Божіихъ не почитали; иконамъ святымъ не кланялись; знаменіемъ креста Христова, его же бѣси трепещутъ, гнушалися... А которые такихъ прелестниковъ не слушали, коликія имъ ругаиія, поношенія врази благочестія чинили, мужиками, грубіянами нарицали. Кто посты хранитъ, называли ханжа. Кто молитвою

([1]) Тамъ же, стр. 11.

съ Богомъ бесѣдуетъ—пустосвятъ. Кто языкъ отъ суесловія воздерживаетъ—глупъ, говорить не умѣетъ. Кто милостыню неоскудно подаетъ—простъ, не умѣетъ, куды имѣнія своего употребить, не въ рукамъ досталося. Кто въ церковь часто ходитъ, въ томъ-де пути не будетъ. А наипаче коликое гоненіе на самыхъ благочестія защитителей, на самыхъ священныхъ таинъ служителей, чинъ духовный: архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали; непрестанныя почты и водою и сухимъ путемъ—куды, зачѣмъ? монаховъ, священниковъ, людей благочестивыхъ въ дальные сибирскіе городы, въ Охотскъ, въ Камчатку, Оренбургъ отвозятъ; и тѣмъ такъ устрашили, что уже и самые пастыри, самые проповѣдники слова Божія молчали и устъ не смѣли о благочестіи отверзти. „Насилія развратили слабыхъ"; „поносимъ праотца нашего, что за яблоко душу продалъ, а мы за чарку вина, за ласкательство, за честишку, за малую славицу, въ судѣ за гостинецъ, въ торгу за копѣйку, въ постъ святой за курочку душу нашу промѣниваемъ. Поднеси чарку винца, поласкай, пошепчи въ ухо: я тебя не оставлю; возьми и душу, готовъ и правду потерять, готовъ и вѣры отступить, готовъ и благочестіе отвергнуть" ([1]).

Архіеп. Петербургскій Сильвестръ Кулябка (ум. 1761 г.) въ проповѣди 25 ноября 1750 г., характеризуя правленіе Анны Леопольдовны, говоритъ: „Вмѣсто императорства, правительство государствовало, взошло на россійскій престолъ безгластво, а за нужду тую иновѣрство царствовати стало, хваталось за скипетръ россійской младенчество, еще рукъ своихъ отъ персей отнять не могущее; толико великою, толико славною управлять имперіею рука младенческая покусилась, и къ своему послуженію недовольная; писалъ законы, посылалъ указы, раздавалъ чины возрастъ, самого себе разсудить, самого себе распознать не умѣвшій; въ свѣтлости императорской введенъ тотъ, который самъ едва что вчера солнечную лучу увидѣлъ, а православіе въ Россіи кутовъ искало.... руки крѣпкихъ въ желѣзахъ ломились, препоясуемая бедра сильныхъ въ плинѳахъ томились" ([2]).

Во всѣхъ указанныхъ проповѣдяхъ господствуютъ двѣ темы: жалоба на притѣсненія и угнетенія отъ иностранцевъ и прославленіе импер. Елисаветы, которая спасла Россію отъ этихъ угнетеній. Съ прославленіемъ Елисаветы постоянно соединяется прославленіе Петра В., продолжательницею дѣлъ котораго была Елисавета. Эти же темы, мы видѣли, служили главными темами и торжественныхъ одъ и ораторскихъ похвальныхъ рѣчей Ломоносова. Поэтому, совершенно справедливо церковную проповѣдь Ели-

---

([1]) Тамъ же, стр. 12—14.—([2]) Тамъ же, стр. 26.

саветинской эпохи сближаютъ съ похвальною одой и ораторской рѣчью этой эпохи; различіе между ними заключается только въ томъ, что проповѣдники прославляютъ Елисавету преимущественно за ея благочестіе, за ея покровительство церкви и духовенству, а Ломоносовъ прославляетъ ее за любовь къ наукѣ и просвѣщенію и покровительство русскимъ ученымъ. Въ похвальныхъ водахъ и рѣчахъ Ломоносова замѣчаютъ преувеличенія; нельзя не видѣть также преувеличеній и въ приведенныхъ проповѣдяхъ. Представленныя въ нихъ картины угнетенія русскихъ людей иностранцами нарисованы слишкомъ густыми красками и потому вышли рѣзки и преувеличенны; въ нихъ много выраженій грубыхъ и даже неприличныхъ церковной каѳедрѣ; но эти картины не были вымысломъ фантазіи; въ основѣ ихъ лежали дѣйствительныя притѣсненія, на которыя, кромѣ проповѣдниковъ, жаловались и другіе люди, жившіе во время господства иностранцевъ. Силою этихъ притѣсненій и объясняются указанныя рѣзкость картинъ и грубость выраженій; въ нихъ невольно высказались долго сдерживаемыя и накипѣвшія раздраженіе и негодованіе людей глубоко оскорбленныхъ и долго страдавшихъ.

Изъ политическихъ событій проповѣдники обращали вниманіе въ своихъ проповѣдяхъ на войну и миръ съ Швеціей, на льготы, данныя Малороссіи, переселеніе въ Южную Россію сербовъ и хорватовъ. При Елисаветѣ, мы замѣтили, стали распространяться въ русскомъ обществѣ вольнодумство и распущенность нравовъ. Проповѣдники возставали въ своихъ проповѣдяхъ противъ безбожія атеистовъ, еретиковъ, отступниковъ, раскольниковъ, армянъ, противъ „нрава и ума епикурейскаго и фреймассонскаго". Превосходную картину современной роскоши и распущенности нравовъ мы находимъ въ словѣ Димитрія Сѣченова, сказанномъ 8 іюля 1742 года. „Осмотримся же, говоритъ онъ въ этомъ словѣ, какъ любимъ Христа. Люблю Христа словомъ: у меня въ различныхъ селахъ каменныя палаты, прекрасные покои, бани, поварни изрядно устроены; а церкви Христовы въ тѣхъ же селахъ безъ покрова погнили. Люблю Христа: у меня запонки, пряжки, табакерки золотыя, чайники и рукомойники серебряные; а въ церкви Христовой свинцовые сосуды. Люблю Христа: у меня златотканныя завѣсы, одѣяла; а страшныя Христовы Тайны крашениннымъ покрываются покровомъ. Люблю Христа: самъ шампанскія и венгерскія вина вмѣсто квасу употребляю, а въ церковь никогда и волошскаго галенка не посылалъ [1]. Люблю Христа: чести искать, богатства собирать, пиршествовать, суесловить, хвастать, веселить-

---

[1] Волошское вино. Галенокъ (gallon)—англійская мѣра вина

ся, забавляться день и нощь—легко, не скучно; а Христу въ молитвахъ поблагодарствовать, въ церкви со умиленіемъ и страхомъ Божіимъ постоять—право въ суетахъ и помолиться некогда.... Люблю Христа: свои именины какъ безъ торжества пропустить? три дни и нощи веселюся; а пріидетъ праздникъ Христова Рождества или Воскресенія, главныя спасенія нашего вины,—за уборами, за развозами по разнымъ домамъ ласкательныхъ поклоновъ, поздравленій, и въ церкви не былъ.... А о любви ближняго и спрашивать нечего. Вся наша любовь въ коварной политикѣ, какъ ласково встрѣтить, довольно угостить, учтиво проводить, пріятныя письма, гладкія словца, низкіе поклоны, частые стаканы, непрестанныя репетиціи: здравствуй, здравствуй, а сердцемъ хотя бы и на свѣтѣ не было.... Люблю ближняго: а кому честь или правительство вручится, не разсуждаетъ сего, что власти отъ Бога учинены не на иной конецъ, токмо благотворить ближняго, помощи бѣднымъ, заступити обидимымъ, защитить правду; сего и не мыслитъ и говорити съ бѣднымъ не хощетъ, но аки фараонъ гордится, честію тѣшится, славою веселится, радуется, что всѣ его почитаютъ, кланяются, боятся, крутитъ, вертитъ. Правосудіе ли тамъ присмотрится? въ передней избѣ часовъ пять постой, да заутра приди, больше не жди. Милости ли сыскать? съ ногъ до головы обдерутъ, не срачицу, но и кожу готовы снять, а когда станешь больше правды искать, то и въ сибирскихъ странахъ мѣста не сыщешь" (¹). При чтеніи этой проповѣди живо представляется воображенію бытъ тогдашнихъ богатыхъ и знатныхъ вельможъ, которые въ обстановкѣ своей жизни старались подражать роскоши и блеску жизни придворной, бытъ тогдашнихъ помѣщиковъ, которые въ своихъ селахъ устроивали дома на подобіе дворцовъ съ театрами, хорами пѣвцовъ и музыкантовъ, и изъ своихъ имѣній вообще стремились дѣлать подобіе маленькихъ государствъ, въ которыхъ они жили и вели себя какъ настоящія владѣтельныя, или царственныя особы, окруживъ себя, какъ придворнымъ штатомъ, толпою многочисленныхъ слугъ; поведеніе богатыхъ и властныхъ господъ, которые, добившись высокаго положенія или важной должности, гордо, презрительно и жестоко обходились съ бѣдными, низшими и подчиненными: „аки фараонъ гордится, честію тѣшится, славою веселится, крутитъ, вертитъ"...

Проповѣди Гедеона Криновскаго. Гедеонъ Криновскій родился въ Казани (1726 г., ум. 1763) и воспитывался въ Казанской семинаріи, а потомъ въ Московской академіи. Обративъ на

(¹) Придворныя проповѣди, стр. 29—30.

себя вниманіе своими проповѣдями, онъ былъ опредѣленъ придворнымъ проповѣдникомъ въ Петербургѣ и въ этой должности оставался до 1761 г., когда былъ посвященъ въ епископа Псковскаго. Гедеонъ считался образцовымъ проповѣдникомъ въ Елисаветинскую эпоху и занималъ такое же мѣсто между современными проповѣдниками, какое Ѳеофанъ Прокоповичъ въ Петровскую эпоху. Вотъ какъ отзывается о немъ современникъ его, Сумароковъ: „Гедеонъ есть россійскій Флешіеръ; цвѣтности онъ имѣетъ еще болѣе, нежели Ѳеофанъ (Прокоповичъ); сожалѣтельно то, что мало въ немъ было силы и огня, и что онъ, по недостатку пылкости, часто наполнялъ проповѣди свои исторіями и баснями, симъ бѣднымъ запасомъ истиннаго краснорѣчія. Пріятность, нѣжность, тонкость были ему свойственны, и послѣ Ѳеофана опустошенной россійской парнассъ, или Церковь, лишенная риторскія сладости смертію великаго архіепископа, обрадовала Россію симъ Гедеономъ, мужемъ великаго во краснорѣчіи достоинства“.... „Критики упрекали Гедеона, говоритъ митр. Евгеній, въ томъ, что у него много приводовъ изъ исторіи языческой и языческихъ писателей; но въ семъ прежде надобно винить Илію Минятія, котораго Гедеонъ избралъ себѣ для подражанія почти единственнымъ образцомъ. Впрочемъ, примѣтно, что, подражая образцу своему, онъ въ изобрѣтеніи доводовъ, въ оборотахъ изъясненія и въ изображеніи движеній сердца, вездѣ съ нимъ равнялся своимъ дарованіемъ, такъ что можно справедливо его наименовать россійскимъ Минятіемъ. Проповѣди его имѣютъ то преимущество, что онѣ не затемнены никакими безполезными умозрѣніями и всегда могутъ занимать вмѣстѣ и просвѣщенныхъ слушателей и простой народъ ясными и разительными изображеніями, а въ дарѣ сказывать долго послѣ его никто не могъ съ нимъ сравниться, и онъ доселѣ еще почитается первымъ и превосходнѣйшимъ россійскимъ проповѣдникомъ“. Нѣкоторыя слова Гедеона, какъ извѣстно, вошли въ сборникъ словъ и поученій, составленный по распоряженію Синода, въ царствованіе Екатерины.

Гедеонъ внимательно слѣдилъ за религіознымъ и нравственнымъ состояніемъ тогдашняго образованнаго общества и изображалъ его въ своихъ проповѣдяхъ, указывая въ религіозномъ отношеніи на слѣды невѣрія и вольнодумства, а въ нравственномъ— на распущенность жизни. Такъ, въ словѣ во 2-ю недѣлю великаго поста, упрекая пастырей, не учащихъ народъ, онъ говоритъ: „Столько народа съ нами едва имя Христово знающихъ; столько грѣшниковъ, о спасеніи своемъ ни мало не радящихъ; столько натуралистовъ, фармазоновъ и ожесточенныхъ безбожниковъ со дня на день прозябаетъ, а мы спимъ и не чувствуемъ, какъ сіе

вражіе сѣмя, какъ плевелы сатанинскіе въ земли корени свои распущаютъ, а пшеница, терніемъ толь многоименныхъ ересей подавляема, мало по малу истребляема бываетъ" (1). Все слово въ недѣлю пятидесятницы направлено противъ тѣхъ, которые „не хотятъ ничего допустить, развѣ что бъ разумомъ своимъ постигнуть имъ было можно. Для того подлинно, какъ прежде было, такъ и нынѣ есть еще многобожіе во многихъ мѣстахъ вселенной: для того имя святыя Троицы магометанамъ всѣмъ тяжестно; оттуда и натуралисты, аѳеисты и другія богомерзкія и душамъ благочестивыхъ людей нестерпимыя имена произошли въ свѣтѣ и происходятъ. Оттуду, говорю, то есть, что иной хочетъ, чтобъ показалъ ему кто нибудь Бога очевидно; иной думаетъ, что одному Богу всю вселенную управить нельзя; иной говоритъ, какъ можно не имѣющему жены родить сына; иной иныя, симъ подобныя воображаетъ въ головѣ своей непристойныя мысли". Въ словѣ доказывается необходимость тайнъ въ вѣрѣ: „Ежели бъ вмѣстилъ нашъ умъ Бога, то бы не былъ Онъ и Богъ; понеже имѣлъ бы въ умѣ нашемъ предѣлы, что естеству Божію противно. А понеже, что есть въ Бозѣ, то оно есть самъ Богъ; такъ уже слѣдуетъ, что ни силы, ни премудрости, ни разума его постигнуть никакой твари вовсе невозможно. И сего ради заключить надобно, что разумъ нашъ и вся вѣка сего премудрость въ познаніи таинъ царствія Божія есть ничто" (2). Въ 1-мъ словѣ въ недѣлю 15-ю по пятидесятницѣ, объясняя слова: крѣпка, яко смерть, любы, Гедеонъ говоритъ: „Гдѣ нынѣ такой найти любви, когда уже многіе все натурѣ и случаю нѣкоему начинаютъ приписывать, царствіе Божіе за вымыслъ, геенну за намалеванный огнь почитаютъ, и что всего тяжестнѣе слышать иные самое воплощеніе Сына Божія, вольное его страданіе, лютая оная мученія, крестъ и поносную смерть, ради спасенія человѣческаго воспріятую, за ненужную ставятъ и всеконечно отвергаютъ" (3).—Во 2-мъ словѣ въ недѣлю 22-ю по пятидесятницѣ, по поводу кощунства, которое обнаруживается особенно во время веселыхъ пировъ, онъ говоритъ: „Мы хотя и не касаемся на нашихъ пирахъ сосудовъ Божіихъ (какъ это сдѣлалъ Валтасаръ во время своего пира), однакожъ напротивъ того уже не щадимъ рабовъ Божіихъ. Боже нашъ! сколько мы за однимъ столомъ людей словами нашими перекусаемъ! Да пусть уже то: часто при томъ достается у насъ и самому Богу, наипаче какъ на ту пору прилучится какой разумный человѣкъ, которой хотя нѣсколько можетъ доказывать,

(1) Собраніе разныхъ поучительныхъ словъ.... Москва. 1760. Ч. I, лист. 115.—(2) Тамъ же, лист. 291—294.—(3) Тамъ же, л. 412.

будто Бога нѣтъ, или смотрѣнія его въ мірѣ".—Въ 3-мъ словѣ въ недѣлю 22-ю по пятидесятницѣ, разсуждая о вѣчныхъ мукахъ въ будущей жизни, онъ говоритъ: „Но сумнюсь я при семъ, нѣтъ ли между ними такихъ, которые, хотя Епикуровыми учениками не зовутся, однакожъ съ ними едино мудрствуя, какъ блаженной жизни святымъ, такъ и вѣчной муки грѣшникомъ, по смерти быть не чаютъ. И затѣмъ, любопытствуя, вопрошаютъ, гдѣ имѣется адъ, и какимъ образомъ въ немъ вещественный огнь невещественный духъ палить можетъ, и гдѣ столько дровъ па всегдашнее поджженіе огня того возмется? Чего ради, хотя бъ не были достойны отвѣта такія бездѣльныя въ дѣлахъ куріозности; однакожъ я, слѣдуя увѣщанію премудраго Соломона, чтобъ не похвалились таковые вопросители въ суемысліи своемъ, отвѣщать на всѣ тѣ вопросы хочу теперь порядкомъ" ([1]).—Въ 1755 г. случилось страшное Лиссабонское землетрясеніе, которое поразило всѣхъ ужасомъ и вызвало множество разсужденій въ литературѣ и поученій съ церковной каѳедры. Вольтеръ написалъ дидактическую поэму „Разрушеніе Лиссабона", въ которой представилъ это событіе, какъ сильнѣйшее опроверженіе оптимизма. Французскіе энциклопедисты утверждали, что это событіе, какъ и всѣ явленія въ природѣ и жизни человѣческой, имѣетъ источникомъ причины естественныя, а не что-либо другое. Гедеонъ, по поводу землетрясенія въ Лиссабонѣ и другихъ мѣстахъ, сказалъ слово, въ которомъ доказывалъ, что вмѣстѣ съ естественными причинами такихъ событій необходимо признать волю божественнаго Промысла, допускающаго эти событія. „Пусть такъ будетъ, говорилъ онъ; я сему не противлюсь: не надобно и естественныхъ совсѣмъ опровергать силъ, или ихъ испытателей порочить. Но для чегожъ, вопрошаю, не прежде, но въ сіе самое время, ни въ иныхъ, но въ сихъ самыхъ частяхъ земли произвела такое дѣйствіе натура? Не скажетъ ли кто, что все то сдѣлалось случаемъ? Случаемъ одинъ городъ уцѣлѣлъ, другой развалился; случаемъ тѣ люди спаслись, другіе погибли... Но гдѣ жъ будетъ дѣвать оное слово Христово, что ни власъ главы нашей безъ воли Отца Небеснаго не погибаетъ (Матѳ. 10, 30; Лук. 12, 7), ежели случаемъ столько душъ пропало? Нѣтъ, слышатели, не естество, но естества Творецъ, творяй въ насъ добро и зиждяй зло по писанію (Исаіи 45, 7), главною всѣмъ симъ непріятнымъ событіямъ есть причиною. Онъ естество содержитъ въ своемъ послушаніи и полагаетъ, какіе хочетъ, ему предѣлы; Онъ и сдѣлалъ нынѣ, чтобъ оно, оставя прежній свой порядокъ на сіе время, новый и ужасный

([1]) Тамъ же, лист. 503.

видъ на себя приняло; Онъ, говорю, то есть, Который призираетъ на землю и творитъ ю трястися, по Псаломнику (Псал. 103, 32), и Котораго море и вѣтры послушаютъ, по Евангелію (Матѳ. VIII, 20), привелъ въ такое смущеніе обѣ сіи стихіи". Но Богъ ничего не допускаетъ безъ причины. Гдѣ же причина настоящихъ бѣдствій? „Грѣхи наши, говоритъ Гедеонъ, подали причину, чтобъ такія зла Богъ навелъ на землю", и для доказательства этого указываетъ, что грѣхи людей вызвали всеобщій потопъ при Ноѣ, грѣхи погубили Содомъ и Гоморру, за грѣхи пожрала земля Даѳана и Авирона, за грѣхи іудеевъ разрушенъ былъ Іерусалимъ. Но, наказывая людей за грѣхи, Богъ хочетъ въ то же время подобными бѣдствіями обратить ихъ на путь покаянія и указать въ этихъ бѣдствіяхъ знаменіе или предвѣстіе будущей кончины міра и послѣдняго суда.

Но съ особенною силою Гедеонъ Криновскій нападалъ на современную распущенность нравовъ. Подобно Кантемиру (сатира VII о воспитаніи), корень этой распущенности онъ находилъ въ совершенной небрежности о правильномъ воспитаніи дѣтей. „Многіе нынѣ родители, говоритъ онъ въ словѣ въ 4-ю недѣлю великаго поста, не только дѣтей своихъ отъ праздности, дающей поводъ ко грѣхамъ, также и отъ непотребныхъ забавъ всякихъ не отвращаютъ, но еще и совѣтуютъ имъ то, чтобы цвѣтъ юности ихъ отъ трудовъ не увядалъ. А другіе хотя и въ науки отдаютъ ихъ, да въ какія? въ такія, что стыдно въ семъ святомъ мѣстѣ и поминать о нихъ! А къ познанію Бога истиннаго и къ достойному Того-жъ почтенію надлежащаго искуства завесть въ нихъ отнюдъ не стараются, и не только не стараются, но еще противное сему вкореняютъ, когда не Евангеліе Христово, не законъ Божій, но амурныя нѣкія книжицы въ руки ихъ съ самаго младенчества втираютъ: не правдѣ и благочестію, но ябедамъ и обманамъ учатъ и всякихъ пороковъ въ себѣ самихъ подаютъ образъ! И чего жъ изъ такихъ ожидать дѣтей, кромѣ что волковъ хищныхъ, пардовъ лютыхъ, мсковъ невоздержныхъ, либо другихъ какихъ скотовъ и звѣрей безчеловѣчныхъ? Удивляемся мы, когда того ненасытнаго сребролюбца, того безмѣрнаго тщеславца, того плотиугодника великаго видимъ, а не помышляемъ, что нельзя имъ такими и не быть, понеже родители ихъ таковы были; да какіе сами были, такихъ и дѣтей учить старались" ([1]). Въ словѣ въ недѣлю 21-ю по пятидесятницѣ, Гедеонъ, объяснивъ недѣйствительность слова Божія лѣностію и невнимательностію слушателей, говоритъ: „Какъ сѣмя, на пути поверженное, легко-

---

([1]) Тамъ же, л. 144—165.

ногами мимоходящихъ бываетъ попираемо, такъ и лѣнивый слушатель ничего столько, сколько слово Божіе, не презираетъ. Охотнѣе ему читать Аргениду или Телемака, нежели Христово Евангеліе; пріятнѣе всегда онъ слушаетъ, гдѣ о псовыхъ ловляхъ, о конныхъ заводахъ и подобныхъ вещахъ разговоръ имѣютъ, нежели гдѣ христіанскому житію наставляютъ, по подобію безумныхъ оныхъ Демосѳеновыхъ слушателей". И приведя далѣе анекдотъ о Демосѳенѣ, пристыдившемъ своихъ невнимательныхъ слушателей разсказомъ о тѣни ослиной: „какіе вы люди! о тѣни ослиной слушать желаете, а о спасеніи всея Греціи не слушаете", Гедеонъ прибавляетъ: „такимъ же, говорю я, образомъ, и лѣнивые христіане, когда комедія, хотя чрезъ цѣлую продолжается ночь, ни мало не скучаютъ; а когда проповѣдь, хотя черезъ часъ одинъ, или часа менѣе предлагается, описать нельзя какая имъ скука. Переминаютъ ногами, потираютъ руками, повертываются на всѣ стороны, другъ на друга взглядываютъ и другъ съ другомъ перешептываютъ... Пристали къ симъ лѣнивымъ и празднолюбивымъ слушателямъ и тѣ, которые будто и со вниманіемъ стоятъ во время проповѣди, но ничего болѣе притомъ, развѣ слогъ проповѣдническій примѣчаютъ; наприм. выборны ли его слова, красно ли сочиненіе, не отстаетъ ли отъ матеріи, наблюдаетъ ли риторическія правила и подобная; а не разсуждаютъ того, что пришли они не въ Демосѳенову или Цицеронову школу, но въ Христову, гдѣ не учатъ словамъ, а дѣламъ" ([1]).—Въ словѣ въ недѣлю 3-ю великаго поста, обличая слушателей въ беззаботности о спасеніи души, Гедеонъ говоритъ: „Есть ли у насъ домъ, огораживаемъ, покрываемъ и всевозможными образы отъ воздушныхъ защищаемъ напастей. Суть ли хорошіе сосуды, перемываемъ, перетираемъ и чистимъ ихъ почти ежедневно. Суть ли въ саду красныя и плодовитыя деревья, поливаемъ ихъ, обрѣзываемъ и еще сторожей приставляемъ, чтобъ не поломали птицы вѣтвей ихъ. Что много; мы и о статуяхъ, которыя у насъ при палатахъ, или въ садахъ, не забываемъ, чтобъ ихъ морозъ не повредилъ, сукнами, или чѣмъ инымъ, обертываемъ ихъ, чтобъ вѣтръ не поломалъ, различныя укрѣпленія желѣзныя отвнѣ дѣлаемъ, чтобъ отъ древности вида своего онѣ не могли измѣнить, на всякой годъ ихъ починиваемъ, покрашиваемъ, позлащаемъ, не жалѣя никакова на то иждивенія. А о души ни малѣйшаго попеченія нѣтъ въ насъ: цѣла ли она, или повреждена, одѣта или нага, сыта или голодна, спросить никогда и на умъ не придетъ" ([2]).

([1]) Тамъ же, л. 465—467.
([2]) Тамъ же, л. 134.

Такой нравоописательный характеръ имѣетъ большая часть проповѣдей Гедеона Криновскаго. Въ этомъ отношеніи его проповѣди весьма сходны съ произведеніями тогдашней нравоописательной дидактической литературы. Объясняя заповѣди Божіи, Гедеонъ не столько учитъ тому, какъ ту или другую заповѣдь можно исполнить на дѣлѣ всякому христіанину въ той обстановкѣ жизни, въ какой онъ поставленъ, сколько изображаетъ отступленія отъ этой заповѣди въ современной жизни, рисуетъ картины современныхъ нравовъ, разныхъ недостатковъ и пороковъ. Отсюда его проповѣди, какъ и проповѣди нѣкоторыхъ другихъ современныхъ проповѣдниковъ, часто получаютъ сатирическое направленіе и, изображая типы разныхъ порочныхъ людей, напоминаютъ собою нравоописательныя сатиры Кантемира и Сумарокова. Такъ, въ словѣ въ недѣлю 15-ю по пятидесятницѣ, представляя, какъ въ современномъ обществѣ исполняется заповѣдь о любви къ ближнимъ, онъ рисуетъ типы современныхъ любителей ближнихъ: „Многіе суть, которые на словахъ золотыя своему ближнему обѣщаютъ горы, а на дѣлѣ и глиняныхъ не даютъ. Когда попроситъ ихъ кто о чемъ, тотчасъ отвѣтствуютъ: слуга вамъ, слуга покорный, счисляйте меня за работника вашего; вещію же самою никакой никому милости не дѣлаютъ... Есть еще другой въ мірѣ родъ любителей, называемыхъ лицемѣровъ. У нихъ обычай такой: на всякъ день другъ друга посѣщаютъ, а посѣщая ничего болѣе не дѣлаютъ, только, чтобъ поимать кого въ чемъ, проискиваютъ. Когда съ тобою говорятъ, кажутся всѣ твои, когда отъидутъ отъ тебя, съ минуту спустя, явятся ко всѣмъ враги: устнами чтутъ, сердцами клеп утъ, наявѣ лобызаютъ, а отай продаютъ. Нельзя отнюдь тутъ бѣдному человѣку разсмотрѣть, его ли кто, или отъ супостатъ его? Полипы тутъ да хамелеоны, во всѣ виды премѣняющіися.... Есть еще третій родъ любителей, называемый ласкательный. Они правда, что всякія услуги и вѣрности показываютъ человѣку, но по то только время, покамѣстъ ему счастіе служитъ, и надѣются нѣчто себѣ отъ его исполненія почерпнуть.... Они съ другими поступаютъ, какъ мы съ мѣшками. Покамѣстъ мѣшокъ денегъ полонъ, любимъ и хранимъ мы его; когда же истощаваются деньги, то и мѣшокъ намъ бываетъ непріятенъ“ (1). — Такой нравоописательный характеръ сообщаетъ проповѣдямъ Гедеона особенную простоту, естественность и наглядность, такъ что онѣ, по справедливому замѣчанію митр. Евгенія, „всегда могутъ занимать вмѣстѣ и просвѣщенныхъ слушателей и простой народъ“. Надобно замѣтить, впрочемъ, что, гоняясь за простотою

(1) Тамъ же, л. 417—418.

и наглядностію изображеній, Гедеонъ впадаетъ часто въ вульгарность, рисуетъ такія смѣшныя или тривіальныя картины, которыя неумѣстны на церковной каѳедрѣ и не согласны съ высокимъ ея предметомъ и серьезнымъ тономъ, ей свойственнымъ. Такъ напр., приведя въ словѣ въ недѣлю 2-ю по пятидесятницѣ изреченіе Спасителя: царствіе небесное нудится, и нуждницы восхищаютъ ѐ (Матѳ. II, 12), онъ говоритъ: „Ахъ се уже непріятно намъ; се уже очень не по нраву нашему! Мы думали, что къ такому прекрасному граду пространный лежитъ путь, чтобы и цугомъ проѣхать можно было; анъ, вопреки, тѣсенъ. Мы думали, что цвѣтами и мягкою травою онъ поросъ, чтобъ иногда, караваномъ сѣдше, водочкою или другимъ чѣмъ подвеселиться могли; анъ прискорбенъ есть. Мы думали, что врата у царствія небеснаго широкія и высокія; анъ, столько ко вхожденію недовольныя, что нуждою продираются въ него: нуждницы восхищаютъ его. И затѣмъ самъ паки Христосъ иглинымъ па другомъ мѣстѣ уподобляетъ ушамъ.... Сицевой убо ради трудности пути, слышатели, многіе изъ насъ, уже перемѣнивъ прежнее намѣреніе, мыслятъ прочее оставить Христа и покушаются идти въ слѣдъ діавола, который пространнымъ и всякихъ роскошей исполненнымъ ведетъ всякаго до ада путемъ.... Правда, путь его сей столько широкъ, что берлиномъ, или коляской захочетъ кто поѣхать, удобно по немъ проѣдетъ. Симъ путемъ проѣхалъ Маркъ Аврелій, на слоновой колесницѣ сѣдящъ; симъ путемъ Антоній пролетѣлъ, еленями везомъ, симъ путемъ и Сосестръ египетскій, запрягши четырехъ побѣжденныхъ царей подъ коляску, торжественный свой изволилъ отправлять маршъ“ (¹).— Въ другомъ словѣ (5-мъ въ недѣлю великаго поста), разсуждая о судѣ Пилата, осудившаго Спасителя, Гедеонъ говоритъ: „Но Пилатъ, вижу, и отъ своихъ язычниковъ правдою далеко отсталъ. Однако не тужи, Пилатъ! найдутся тебѣ товарищи, когда не язычники, то христіане, которые, ревнуя твоему суду, почитать станутъ свою пользу паче правды, паче закона Божія и паче самого Христа.... Они, какъ предатели удовъ Христовыхъ, въ твое жъ несумнѣнно притти имѣютъ мѣсто. А тамъ, какъ вамъ уже угодно будетъ, послѣднюю вашу корысть, огнь геенскій, между собою раздѣлять станете“ (²). Въ словѣ въ недѣлю 4-ю по пятидесятницѣ, разсказавъ анекдотъ объ Александрѣ В., который, обходя ряды своего войска и увидѣвъ воина, который назывался его именемъ, но былъ лѣнивъ и небреженъ въ службѣ, сказалъ ему, чтобъ онъ или имя измѣнилъ, или самъ измѣ-

---

(¹) Тамъ же, л. 302; 305.—(²) Тамъ же, л. 159.

пился, говоритъ: „Что, когда бы и Христосъ, небесный нашъ царь, восхотѣлъ насъ, воиновъ своихъ, при крещеніи въ гвардію его записавшихся, чувствительно экзаменовать, и увидѣлъ бы многихъ, которые отъ имени его Христіане зовутся, а путемъ его, показаннымъ въ Евангеліи, отнюдь не ходятъ: не такой ли же бы репремантъ отъ него всякому таковому былъ? По истинѣ бы сказалъ ему Христосъ: или имя, беззаконникъ, отложи, или правы, а не порочь добраго моего имени злымъ житіемъ твоимъ" (1). Другой недостатокъ, въ которомъ, какъ выше замѣчено, упрекали Гедеона критики, составляетъ постоянное употребленіе примѣровъ изъ исторіи, преимущественно греческой и римской, разныхъ историческихъ анекдотовъ, басней, апологовъ и притчей. Они встрѣчаются у него постоянно, въ каждомъ Словѣ, почти на каждой страницѣ. Блага міра, по словамъ Гедеона, діаволъ прикрашиваетъ также искусно и привлекательно, какъ искусно Зевксисъ нарисовалъ виноградную вѣтвь, которую птицы принимали за настоящую, природную вѣтвь. Вредъ, происходящій отъ человѣческаго злословія, онъ сравниваетъ съ пожаромъ Герострата, отъ котораго сгорѣлъ храмъ Діаны въ Ефесѣ. Доказывая, что врага всего легче примирить любовью и милостію, онъ приводитъ древній апологъ о вѣтрѣ и солнцѣ. Обличая тѣхъ, которые, будучи недовольны своимъ состояніемъ, гоняются за большими, иногда мнимыми благами, онъ говоритъ, что такіе люди „не лучше Езопова пса, который, какъ идучи по водѣ, несъ нѣкоторую снѣдную часть и увидавъ тѣнь ея на верху воды, то бросилъ истинную часть и ухватился за мнимую, которую чаялъ большую быть паче тоя". Говоря о томъ, что молитва нечестиваго человѣка можетъ быть оскорбительна и непріятна для Бога, онъ разсказываетъ анекдотъ о греческомъ философѣ Віасѣ, который, когда всѣ находившіеся на кораблѣ, во время бури на морѣ, начали призывать боговъ на помощь, закричалъ: „молчите, молчите, да не како услышатъ боги, что вы беззаконники здѣсь плаваете, и погрузятъ корабль нашъ" (2). Доказывая, что слава и счастіе міра кратковременны, онъ обращается къ слушателямъ съ такими вопросами: „Гдѣ теперь пространнымъ путемъ шествовавшіи: гдѣ Александръ, вселенныя побѣдитель? гдѣ Сципіонъ, страхъ африканскій? гдѣ Навуходоносоръ, древо сѣннолиственное, коренія своя во всю землю распростершее? гдѣ Крезъ, богатствомъ равнаго себѣ во свѣтѣ не чаявый?" (3). Очень часто, рядомъ съ словами Свящ. Писанія, ставится изреченіе греческаго философа или какого-нибудь миѳическаго и леген-

(1) Тамъ же, л. 317.—(2) Тамъ же, л. 166.—(3) Тамъ же, л. 306.

дарнаго героя древности; рядомъ съ библейскимъ событіемъ, какой-нибудь анекдотъ или разсказъ изъ миѳологіи или какой-нибудь басни. „Идти по Христѣ, говоритъ онъ въ одномъ словѣ, есть жить по образу житія его. Ибо какъ нѣкоторый философъ, отходя отъ міра сего, вопрошающимъ другомъ: что имъ въ поминокъ онъ оставляетъ? отвѣчалъ: образъ житія моего; такъ и Христосъ, возносяся отъ насъ на небо, такъ сказалъ: образъ дахъ вамъ, да, яко же азъ сотворихъ, и вы творите (Іоанн., 13, 15)" (1). Въ языкѣ Гедеона точно также часто попадаются выраженія, взятыя изъ области, чуждой духовной жизни, и не совсѣмъ свойственныя церковной каѳедрѣ. Пророка Моисея онъ называетъ „преисполненнымъ вѣры генераломъ", христіанъ „воинами царя небеснаго, при крещеніи записанными въ его гвардію"; день послѣдняго страшнаго суда „генеральнымъ для всѣхъ человѣкъ экзаменомъ"; приговоръ Спасителя осужденнымъ на мученія грѣшникамъ называетъ „сентенціей": „сентенція оная у судіи праведнаго приуготована на тѣхъ, которые алчныхъ не кормятъ, нагихъ не одѣваютъ".... Для изгнанія укоренившагося въ человѣкѣ грѣха нужна „экстраординарная благодать" и т. п. Все это, конечно, сообщало проповѣди больше разнообразія и занимательности, но въ то же время лишало ее свойственной ей важности и серьезности, отвлекало вниманіе слушателей отъ высокихъ предметовъ проповѣди къ мелкимъ анекдотическимъ подробностямъ и вмѣсто назиданія доставляло пріятное, но безплодное для духовной жизни развлеченіе. Такое направленіе въ проповѣди Гедеона митр. Евгеній, какъ замѣчено выше, объяснялъ тѣмъ, что Гедеонъ подражалъ проповѣдямъ греческаго проповѣдника, Иліи Минятія; но это направленіе было общимъ и господствующимъ во всей католической проповѣди на Западѣ, откуда оно перешло чрезъ польскихъ проповѣдниковъ и къ намъ, сначала на юго-западную Русь, а потомъ вмѣстѣ съ юго-западными учеными и проповѣдниками и въ Москву и вообще въ Россію. На Западѣ же это направленіе образовалось подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда классическаго направленія во всей наукѣ и литературѣ и въ частности подъ вліяніемъ классической теоріи литературы, основнымъ положеніемъ которой, какъ мы указали выше, было — „учить или наставлять, забавляя". Omne tulit punctum, говорилъ Горацій, qui miscuit utile dulci, lectorem delectando, pariterque monendo (2).

(1) Тамъ же, л. 302.

(2) Кромѣ указанныхъ проповѣдниковъ въ царствованіе Елисаветы было много другихъ, каковы: Арсеній Могилянскій, архимандритъ Троицкой лавры, бывшій потомъ кіевскимъ митрополитомъ (ум. 1770 г.); Платонъ Ма-

Разныя богословскія сочиненія, оригинальныя и переводныя. Послѣ проповѣдей, между всѣми замѣчательными трудами духовныхъ ученыхъ этого времени прежде всего должно быть упомянуто изданіе такъ называемой Елисаветинской Библіи (1759 г.). Исправленіе этой Библіи было начато еще при Петрѣ В. Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, и потомъ продолжалось разными лицами и между прочимъ Варлаамомъ Лщевскимъ и іером. Іаковомъ Блоницкимъ. Въ исторіи литературы Елисаветинская Библія имѣетъ особенное значеніе потому, что она, какъ замѣчаетъ г. Сухомлиновъ, „представляетъ послѣднюю редакцію славянскаго перевода библейскихъ книгъ, въ которой церковно-славянскій языкъ является въ самомъ позднемъ его періодѣ, когда всего ярче обозначилось вліяніе на него языка русскаго. Взаимнымъ отношеніемъ двухъ началъ—славянскаго и русскаго опредѣляется характеръ книжнаго русскаго языка, и потому внимательное изученіе славянскаго перевода Библіи было бы весьма хорошею школою для знакомства со многими особенностями языка и слога, общепринятаго тогда въ нашей литературѣ“ ([1]). Въ 1744 г. было сдѣлано новое изданіе „Камня вѣры“ Яворскаго; вскорѣ потомъ было издано опроверженіе упомянутаго „Молотка на Камень вѣры“, написаннаго Арсеніемъ Мацѣевичемъ. Въ 1756—57 г. были пересмотрѣны, исправлены и потомъ изданы Четьи-Минеи св. Димитрія Ростовскаго. Въ 1759 г. было сдѣлано исправленное изданіе „Печерскаго Патерика“. Адамъ Селлій написалъ сочиненіе о церковной россійской іерархіи въ 5 книгахъ, которое впослѣдствіи вошло частію въ мѣсяцесловъ Рубана на 1776 г., въ статью о кіевскихъ митрополитахъ, а главнымъ образомъ въ „Исторію россійской іерархіи“ Амвросія. Смоленскій епископъ, Гедеонъ Вишневскій (ум. 1761 г.) сочинилъ „историческое описаніе города Смоленска“. Андрей Богдановъ (ум. 1752 г.) составилъ симфонію на посланія апостоловъ и Апокалипсисъ. Ректоръ Кіевской академіи, Манассія Максимовичъ написалъ трактатъ на латинскомъ языкѣ „О различіи между греческой и латинской церковью“, изданный въ Бреславлѣ въ 1754 г.

линовскій, архіепископъ московскій (ум. 1754 г); Арсеній Мацѣевичъ, митр. ростовскій и ярославскій (ум. 1772 г.); придворный проповѣдникъ, діаконъ Стефанъ Савицкій, о которомъ упоминаетъ Сумароковъ въ своей статьѣ о духовномъ краснорѣчіи; священникъ Евстафій Могилянскій; священникъ Михаилъ Красильниковъ; Симонъ Тодорскій, бывшій потомъ епископомъ псковскимъ (1754 г.); Кириллъ Лящевецкій, впослѣдствіи епископъ воронежскій и черниговскій (ум. 1770 г.).—Проповѣди этихъ проповѣдниковъ указаны въ Обзорѣ русск. дух. лит Филарета, кн. 2, и въ статьѣ Н. А. Попова: Придворные проповѣдники въ царствованіе Елисаветы Петровны.

([1]) Истор. Росс. Академіи. Вып. I, стр. 58.

Путешествіе Василія Григоровича-Барскаго. Въ древнемъ періодѣ, при религіозномъ направленіи русской жизни, очень видное въ литературѣ мѣсто занимали путешествія по святымъ мѣстамъ. Въ новомъ періодѣ, какъ мы видѣли, стали появляться описанія путешествій по Европѣ съ политическими, учеными и промышленными цѣлями. Впрочемъ, въ первой половинѣ XVIII в. мы встрѣчаемъ и два путешествія по святымъ мѣстамъ: „Путешествіе въ Іерусалимъ и Царь-градъ“ московскаго священника Покровской церкви, Іоанна Лукьянова (въ 1711 г.) (1) и „Путешествіе по святымъ мѣстамъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ“ Василія Григоровича-Барскаго-Плаки Альбова (2). Изъ нихъ особенно замѣчательно путешествіе Григоровича-Барскаго. Василій Григоровичъ (род. 1702, ум. 1747 г.) былъ кіевлянинъ; Барскимъ онъ называется потому, что предки его происходили изъ Волынскаго города Бара, Плакою (по гречески) и Альбобымъ (по латынѣ) отъ фамиліи Бѣляевъ. Онъ учился сначала въ Кіевской, а потомъ въ Львовской академіи. Изъ Львова онъ въ 1724 г. отправился въ путешествіе по святымъ мѣстамъ и провелъ въ этомъ путешествіи 24 года. Прежде всего онъ посѣтилъ Италію, былъ въ Римѣ, Неаполѣ, Флоренціи и Венеціи. Отсюда отправился въ Грецію, Палестину, Египетъ. Два раза ходилъ въ Іерусалимъ, на Синай и на Аѳонскую гору. Въ 1734 г. былъ въ Дамаскѣ и здѣсь антіохійскимъ патріархомъ, Сильвестромъ, былъ постриженъ въ монашество. Шесть лѣтъ прожилъ на островѣ Патмосѣ, посѣтилъ знатнѣйшія греческія области - Эпиръ, Критъ и Ливадію; два раза былъ въ Царьградѣ, откуда возвратился въ Кіевъ въ 1747 г. и въ этомъ же году скончался. Записки Григоровича, заключающія подробное описаніе этого путешествія, были изданы въ первый разъ Рубаномъ въ 1778 г. на средства князя Потемкина. „Тридцать лѣтъ уже прошло, сказано въ предисловіи къ этому ихъ изданію, какъ сію книгу, двадцать четыре года пѣше-

---

(1) Напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1763 г. №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6.

(2) Пѣшехода Василія Григоровича-Барскаго-Плаки-Альбова, уроженца кіевскаго «монаха антіохійскаго путешествіе къ святымъ мѣстамъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, предпріятое въ 1723 и оконченное въ 1747 г., имъ самимъ писанное, нынѣ же на иждивеніе его свѣтлости князя Григорія Александровича Потемкина изданное подъ смотрѣніемъ В. Г. Рубана, Спб. 1778 г. Обзоръ жизни и путешествій Барскаго—въ изслѣдованіи Гиляревскаго: Русскій паломникъ Барскій. Русск. Архивъ 1881; кн. 1.—Странствованіе Василія Григоровича Барскаго по святымъ мѣстамъ Востока. Спб. 1884 г. Изданіе Палестинскаго Общества, по подлинной рукописи, подъ редакціей Н. Барсукова.

ходнаго путешествія содержащую, по кончинѣ сочинителя ея, съ превеликою жадностію списываютъ всѣ тѣ, до коихъ о ней хотя малѣйшее дошло свѣдѣніе. Въ Малой Россіи и въ окружающихъ оную губерніяхъ нѣтъ ни одного мѣста и дома. гдѣ бы не было ея списка. Почти во всѣхъ россійскихъ семинаріяхъ, для епархіальныхъ архіереевъ, по нѣскольку разъ ее переписывали, благочестивые же люди изъ духовныхъ и мірскихъ состояній за великія деньги доставали оную". Къ особеннымъ достоинствамъ путешествія Григоровича издатель относитъ то, что оно „написано россіяниномъ, безъ всякаго пристрастія, такъ, что онъ и собственныя свои слабости безъ закрытія вездѣ открываетъ и добродѣтели чужестранцевъ хвалитъ, безъ малѣйшія зависти, и чудесъ не опровергаетъ, и суевѣріемъ не помрачаетъ своей повѣсти, и изъявляетъ образъ гостепріимства, по всѣмъ землямъ, пройденнымъ отъ него въ видѣ убогаго странника, съ подробнымъ собственныхъ приключеній и видѣнныхъ имъ вещей описаніемъ". Дѣйствительно, Записки Григоровича отличаются точностію въ описаніяхъ, безпристрастіемъ въ сужденіяхъ, занимательностію въ изложеніи и повсюду проникнуты искреннимъ благочестивымъ чувствомъ. Григоровичъ былъ глубоко-религіозный и вполнѣ православный человѣкъ и въ то же время великій патріотъ; но ни православіе, ни патріотизмъ не препятствовали ему внимательно и безпристрастно разсматривать и описывать все, что встрѣчалось ему важнаго и интереснаго въ разныхъ странахъ разныхъ вѣроисповѣданій и національностей. Его Записки наполнены самыми разнообразными свѣдѣніями по географіи, исторіи и археологіи. Особенно чрезвычайно подробно и обстоятельно описана въ нихъ Аѳонская гора, гдѣ Григоровичъ былъ два раза, тщательно изучилъ жизнь аѳонскихъ монастырей, осмотрѣлъ ихъ библіотеки, перечиталъ большую часть находящихся въ нихъ книгъ и рукописей. Очень понятно, что въ Запискахъ Григоровича находили интересъ и лица духовныя, для которыхъ было дорого состояніе христіанскаго просвѣщенія и православной вѣры на Востокѣ, и лица государственныя, которыя особенно были заняты восточнымъ вопросомъ, сдѣлавшимся со временъ Петра В. основнымъ въ русской политикѣ. Неудивительно поэтому, что Потемкинъ, увлекавшійся этимъ вопросомъ до страсти, первый обратилъ вниманіе на Записки и побудилъ Рубана издать ихъ. Григоровичъ въ нихъ съ искреннимъ сочувствіемъ относится къ бѣдствіямъ восточныхъ христіанъ и яркими красками изображаетъ ихъ страданія подъ игомъ мусульманъ. Наконецъ, въ нихъ находили и до сихъ поръ находятъ для себя обильную пищу и всѣ любители благочестиваго и назидательнаго чтенія.

Бѣдность оригинальныхъ сочиненій въ духовной литературѣ восполнялась нѣсколько переводами. Амвросій Зертисъ-Каменскій, бывшій архіепископъ московскій (1768—1771), перевелъ: Посланія Игнатія Богоносца. М. 1772; Огласительныя поученія Кирилла Іерусалимскаго. М. 1772; Изложеніе вѣры, или Богословіе Іоанна Дамаскина. М. 1765 г. Іеромонахъ Іаковъ Блонницкій, учитель греческаго языка въ Московской академіи (ум. 1771 г.), перевелъ: сочиненія Діонисія Ареопагита о небесной и церковной іерархіи; книгу Златоуста о священствѣ; Енхиридіонъ Епиктета и составилъ греческую и славянскую грамматику и два лексикона: еллино-славянскій и славяно-еллино-латинскій (они остались неизданными). Симономъ Тодорскимъ, при Аннѣ Іоанновнѣ, была переведена съ нѣмецкаго языка извѣстная книга Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ"; но при Елисаветѣ она подверглась запрещенію. Переводчикъ и оберъ-секретарь Синода, С. И. Писаревъ (ум. 1773 г.) перевелъ: Бесѣды Златоуста на Псалмы. М. 1773 и книгу о священствѣ. Спб. 1775; О воспитаніи дѣтей Плутарха. Спб 1771; Поученія Иліи Минятія въ 3 ч. Спб. 1765, и его же Камень соблазна. М. 1783 г. Впрочемъ, Камень соблазна еще прежде былъ переведенъ Козицкимъ и Мотонисомъ и напечатанъ въ Бреславлѣ въ 1752 г. Это сочиненіе имѣло очень важное значеніе. Въ греческой богословской литературѣ оно было тѣмъ же, чѣмъ въ русской Камень вѣры Яворскаго. Въ Камнѣ соблазна были подробно изложены главныя различія между восточною церковью и западною и выяснены причины ихъ раздѣленія.

Духовныя драматическія піэсы. Выше замѣчено, что въ духовныхъ училищахъ еще продолжался обычай писать силлабическія стихотворенія и представлять разнаго рода духовныя драмы. Особенно это надобно сказать о Кіевской академіи, где подобныя произведенія являлись довольно часто въ формѣ трагедокомедій и интерлюдій, которыя къ нимъ присоединялись (¹). Образцомъ для трагедокомедій служила трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича „Владиміръ", а для интерлюдій—два его діалога: „Разглагольствіе тектона, си есть древодѣла съ купцемъ" и „Разговоръ гражданина съ селяниномъ да съ пѣвцемъ, или дьячкомъ церковнымъ". По времени, въ которое представлялись эти піэсы, онѣ назывались рождественскими, пасхальными и рекреаціонными. Какъ и прежде, при изображеніи духовныхъ предметовъ, вставля-

(¹) Смотр. изслѣдованіе Н. И. Петрова: Кіевская искусственная литература XVIII в., преимущественно драматическая. Труды Кіевской академіи 1879; апрѣль, іюнь, октябрь; 1880 г., іюнь

лись въ нихъ шуточныя сцены изъ современной дѣйствительной жизни, и иногда дѣлались указанія политическаго характера. Написаны всѣ эти піэсы силлабическими стихами. Къ царствованію Петра II и Анны Іоанновны относятся піэсы: „Милость Божія, Украину отъ неудобь восимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана Зиновія Хмельницкаго свободившая... репрезентованная въ школахъ кіевскихъ 1728 лѣта“ (¹); трагедокомедія съ такимъ же названіемъ „Милость Божія“ учителя піитики Кіевской академіи іеромонаха Сильвестра Ляскоронскаго (1729); двѣ піэсы также учителя піитики іером. Митрофана Довгалевскаго: „Комическое дѣйствіе на Рождество Христово“ съ пятью интерлюдіями (1736 г.) и пасхальная піэса: „Властотворный образъ человѣколюбія Божія“ (1737 г.); „Брань честнихъ седми добродѣтелей съ седми грѣхами смертними“ іером. Іоасафа Горленка и „Образъ страстей міра сего“ (1739 г.).

Трагедокомедія Ляскоронскаго „Милость Божія“ (²) состоитъ изъ трехъ дѣйствій: въ первомъ излагается исторія искушенія человѣка въ раю, паденія и изгнанія его оттуда; во второмъ выведены пророки Моисей и Іона, какъ прообразы Спасителя; въ третьемъ представлены страданія, смерть, погребеніе и воскресеніе Спасителя и освобожденіе человѣческаго рода. Можно думать, что піэса была написана въ день тезоименитства Петра II (29 іюня 1729 года) и, какъ показываютъ нѣкоторые стихи въ 8-мъ явленіи 3-го дѣйствія, имѣла въ виду прославить Петра и Верховный Совѣтъ.— „Комическое дѣйствіе на Рождество Христово“ Довгалевскаго (³) состоитъ изъ пролога, въ которомъ выведенъ Валаамъ, предсказывающій о пришествіи Спасителя, и 5-ти явленій, въ которыхъ изображаются: поклоненіе родившемуся Спасителю восточныхъ царей, внуковъ Валаама, гнѣвъ и страхъ Ирода и его повелѣніе избить дѣтей въ Виѳлеемѣ, человѣколюбіе Божіе, возвѣщающее о спасеніи рода человѣческаго. Вся піэса заключается пѣніемъ ангеловъ, поющихъ благодарственный кантъ. Къ пяти явленіямъ присоединены пять интерлюдій, въ которыхъ выведены на сцену поляки, мужики, литвины, цыгане, козаки, москали, жиды и проч. Каждый изъ нихъ говоритъ своимъ нарѣчіемъ и на разные лады коверкаетъ русскія слова, въ чемъ, главнымъ образомъ, и заключается комизмъ этихъ сценъ.—Пасхальная трагедокомедія „Властотворный образъ человѣколюбія Божія“ (⁴) раздѣляется на

(¹) Напечатана въ Чтен. Общ. ист. и древн. 1858 г., кн. 1.
(²) Издана въ Трудахъ Кіевск. академіи 1877 г.; сентябрь.
(³) Смотр. Труды Кіевской академіи 1865 г.; февраль.
(⁴) Тамъ же, 1866 г.; ноябрь.

пять явленій или дѣйствій, къ которымъ присоединено столько же комическихъ интерлюдій. Въ первомъ дѣйствіи Совѣтъ Божій, Правосудіе и Милость Божія намѣреваются сотворить человѣка; во второмъ Милость Божія вводитъ человѣка въ рай и даетъ ему первую заповѣдь, но прелесть склонила его нарушить эту заповѣдь; въ третьемъ—Правосудіе Божіе отдаетъ преступнаго человѣка „въ работу и плѣнъ смерти и діаволу"; въ четвертомъ—торжество діавола и смерти надъ родомъ человѣческимъ; въ пятомъ—Милость Божія выводитъ человѣка изъ ада и возвращаетъ его къ первобытной свободѣ.—Въ аллегорической піэсѣ „Брань честнихъ седми добродѣтелей съ седми грѣхами смертними" представляется, какъ человѣкъ, уязвленный грѣхами, призвалъ на помощь семь добродѣтелей—смиреніе, благоутробіе, цѣломудріе, любовь, постъ, кротость и благочестіе, которыя и вступили въ борьбу съ противуположными грѣхами—гордостью, лакомствомъ, блудомъ, завистью, обжорствомъ, гнѣвомъ и лѣностью.

Къ царствованію импер. Елисаветы относятся: Трагедокомедія учителя піитики Варлаама Лщевскаго „О награжденіи... дѣлъ... въ будущей жизни вѣчной" (1742 г.); „Панегирикъ импер. Елисаветѣ", „Благоутробіе Марка Аврелія" префекта Кіевской академіи Михаила Козачинскаго и „Діалогъ двухъ студентовъ предъ Елисаветою, по случаю посѣщенія ею Кіева въ 1744 г.; трагедокомедія Григорія Савича Сковороды; трагедокомедія „Воскресеніе мертвыхъ" Георгія Конисскаго (1746) и трагедокомедія „Фотій" Георгія Щербацкаго (1749 г.). Въ трагедокомедіи Лщевскаго „О награжденіи дѣлъ въ будущей жизни" [1] съ одной стороны доказывается безсмертіе человѣка и необходимость возмездія за дѣла въ будущей жизни, а съ другой—обличается распущенность современныхъ нравовъ, подобно тому, какъ это мы видѣли въ проповѣдяхъ Димитрія Сѣченова и Гедеона Криновскаго. Въ первомъ явленіи Церковь, жалуясь на испытанныя ею прежде бѣдствія, говоритъ:

«Слава Спасу моему, яко въ щитъ мя нынѣ
Благовѣрной россійской вручи монархинѣ!
И отецъ ея, Петръ, бысть въ щитъ мнѣ непостыдній,
И внукъ его тожъ будетъ по ней Петръ наслѣдній.
Оби за благовѣрной токмо ихъ державы
Въ благочестіи обще всѣ пожили правѣ.
Но то бѣда, что нынѣ множайшіи бывше
Отъ числа христіановъ мене оставивше:

(1) Напечатана въ Лѣтоп. русск. литературы и древн. 1752; том. 1, отд. III, стр. 7—16.

Овъ на куплю, овъ въ село, овъ же за женою—
Вси пошли въ слѣдъ міра, вси за суетою!
Инныхъ въ слѣдъ себѣ злато, инныхъ водятъ сласти,
Инныхъ неутолимо желаніе власти,
Инныхъ ума своего мнѣніе высоко,
Инныхъ гордость и лѣность и лукаво око».

Въ 1744 г. импер. Елисавета была въ Кіевѣ для поклоненія кіевскимъ святынямъ. По этому случаю префектъ Кіевской академіи, іеромонахъ Михаилъ Козачинскій сочинилъ панегирикъ и піэсу „Благоутробіе Марка Аврелія“, а студенты произвели предъ императрицей діалогъ. Въ панегирикѣ силлабическими стихами описывается тяжелое состояніе Россіи послѣ Петра В. и благоденствіе по восшествіи на престолъ Елисаветы. Въ піэсѣ „Благоутробіе Марка Аврелія“ въ прологѣ представленъ споръ Гнѣва съ Благоутробіемъ, гдѣ олицетворяются также прежнія тяжелыя времена Россіи. Благоутробіе одолѣваетъ; являются пять добродѣтелей ея величества: „Милость и Истина срѣтаются“, потомъ „Правда и Миръ облобызаются“, наконецъ Мужество приходитъ и обращается къ нимъ съ слѣдующею рѣчью, которой изображается восшествіе на престолъ Елисаветы и характеръ ея царствованія:

«Почто аки смятени? Что вси суть унылы,
Аки бы потеряли чувства и вся силы?
Милость ускаржается, истина рыдаетъ,
Будьто ихъ съ предѣлъ россихъ неправда згоняетъ.
Правда такожде скорбитъ, а миръ печалуетъ,
Аки бы онъ съ протчими того и не чуетъ,
Что по часѣ толь лютомъ, по часѣ пребѣдномъ,
Россія на престолѣ сидящу наслѣдномъ
Имѣетъ Елисаветъ. О россійска Мати!
Кій языкъ, кое слово сильно показати,
Елисаветъ Петровна, ты въ дѣлѣ и словѣ
И во всемъ подобишся первому Петровѣ.
Онъ бо Кіевъ посѣщалъ, ты тоже твориши.
Нѣсть раба, подданна, въ комъ не благоволиши.
Съ тобою милость, правда, съ тобою миръ златый.
Въ сердцы Богъ почиваетъ въ милости богатый:
Аще убо Богъ съ нами, то кто уже на ни?
Елисаветъ страхъ творитъ и надъ агаряни».

Затѣмъ слѣдуютъ три дѣйствія, представляющія исторію Марка Аврелія, въ примѣненіи ея къ импер. Елисаветѣ.

Во правду Аврелій толь монархъ былъ велій,
Что равна нѣту на цѣломъ свѣту.

Только ему точна едина восточна
Імператріца, росска денница,
Ей неложно.
Елисаветъ мати, свѣтъ Россіи злати
Съ природной доброты,
Ко всѣмъ благосердна, ко всѣмъ милосердна,
Всѣмъ своя щедроты
Обильно являетъ.
Былъ Риму даръжвелій Тітусъ и Аврелій,
Августъ въ покою, Тіверіушъ въ бою
И до днесь славятся; но съ ними сравняться
Можетъ Елисаветъ, златъ Россіи свѣтъ,
Безпримѣрно».

Тѣ же самыя мысли выражены и въ діалогѣ, произнесенномъ студентами предъ императрицей, на торжественномъ актѣ академіи, на которомъ она присутствовала.

Георгій Конисскій въ трагедокомедіи „Воскресеніе мертвыхъ" порицаетъ невѣрующихъ въ воскресеніе мертвыхъ, называя ихъ „стократъ безумными" и обличаетъ безсовѣстныхъ богачей, силой и неправдой отнимающихъ чужія имѣнія и не думающихъ о судѣ Божіемъ. Въ прологѣ къ піэсѣ сказано:

«Многимъ до злыхъ дѣлъ тое подаетъ причину,
Что не хотятъ помишлятъ на свою кончину
Паче же, что по смерти имущи согнити
Сумнятся, какъ то можетъ гной на судъ ожити.
А комѣковъ свойственна должность сицевая,
Еже учить, въ обществѣ нравы представляя.
Тѣмъ въ предлежащемъ дѣлѣ хочемъ изъявити
Воскресеніе мертвыхъ, имѣющее быти
Всѣмъ убо безъизъятно, однакъ не всѣмъ (равно):
Единымъ погибельно, а другимъ преславно».

Самая піэса начинается тѣмъ, что земледѣлецъ, возвращаясь съ поля, куда онъ ходилъ смотрѣть, какъ взошла засѣянная имъ нива, встрѣчается съ священникомъ и, припомнивъ его поученіе въ церкви, говоритъ:

«Слово твое я спомнѣлъ, ходя коло нивы:
Что, якъ зерно согнивши, и ми встанемъ живи.
Но скажи, честній отче, что послѣжди буде,
Чи, якъ единъ человѣкъ, встанутъ такъ вси люде?»

Священникъ ему отвѣчаетъ, что всѣ несомнѣнно воскреснутъ въ будущей жизни, но участь воскресшихъ будетъ н

«Здѣ въ мірѣ всяко живутъ и вмираютъ всяко,
И на судъ убо Божій встанутъ неоднако.
Иній здѣ, какъ Богъ велѣлъ, животъ свой проводитъ.
Другій противно тому въ слѣдъ похотей бродитъ.
. . . .
Людіе, живущіи въ семъ свѣтѣ сугубо,
Сугубо и встать имутъ на судъ тотъ всемірній—
Инъ какъ пшеница, инъ какъ плевелъ бездѣльній.

Потомъ, въ пяти дѣйствіяхъ, изображается участь добрыхъ людей въ будущей жизни въ лицѣ Гипомена, и участь злыхъ притѣснителей—въ лицѣ Діоктита. Въ эпилогѣ піэсы о нихъ сказано:

«Два лица жива по смерти въ дѣйствіи явленны,
По примѣру тому весь міръ будетъ оживленній.
Единъ Діоктитъ злобній принялъ муки люты,
Но, примѣромъ тѣмъ, всѣмъ злимъ мукъ не избѣгнути.
Единъ Гипоменъ дойшолъ блаженнія славы,
Но, примѣромъ тѣмъ, дойдутъ блаженства вси правы».

Къ пяти дѣйствіямъ трагедокомедіи присоединено пять комическихъ интерлюдій, написанныхъ или самимъ Конисскимъ, или извѣстнымъ въ то время стихотворцемъ Танскимъ (¹).

Въ трагедокомедіи Георгія Щербацкаго „Фотій“ изображено отступленіе западной церкви отъ восточной (²). При постоянной борьбѣ православныхъ съ католиками и уніатами, этотъ предметъ па югѣ Россіи былъ самымъ близкимъ и можно сказать національнымъ предметомъ, и потому піэса принята была, конечно, съ полнымъ сочувствіемъ. Особенный интересъ въ зрителяхъ должно было возбуждать пятое ея дѣйствіе, въ которомъ патріархъ Фотій говоритъ, что на мѣсто отпадшихъ отъ церкви римлянъ „Богъ изыщетъ люди“, и указываетъ на первопрестольный городъ русской земли, Кіевъ:

«Повѣствуютъ, что нѣгдѣ есть градъ надъ рѣкою
Бористеномъ, той славенъ вещію такою
Быть чтемъ: Апостолъ святый Андрей возвѣщая
Тамо евангеліе, и духомъ предзная

(¹) Трагедокомедія напечатана въ Лѣтоп. русск. литер. и древн., том. 3, отд. III, стр. 39—58; а интерлюдіи—въ Древней и Новой Россіи 1878 г.; ноябрь.

(²) Напечатана въ Трудахъ Кіевск. академіи 1877; декабрь.

Будущая, верхъ холма коегось большаго
Водрузылъ знаменіе Христа всесвятаго
Крестъ съ пророческими такими словами:
Возсіяетъ благодать надъ сими горами
Божія. Ктоже вѣсть? може, тотъ награду
Вмѣсто рымлянъ готуетъ Богъ своему стаду».

При этихъ словахъ, является „Предувидѣніе Божіе“ и говоритъ:

«Угадалъ ты, Фотіе! тамо Богъ избранны
Готуетъ себѣ люди; тамъ жатвы пространны
Благочестію будутъ; тамъ отъ Михаила
Владиміръ крещается и его всецѣла
Фамилія и Русь вся».

И затѣмъ послѣ Владиміра перечисляются князья, цари и императоры русскіе до импер. Елисаветы и нѣкоторые знаменитые пастыри русской церкви. О Елисаветѣ сказано:

«Таже правительствуетъ тамъ Елисавета,
Елисавета славна, имя чудна свѣта,
Однымъ естествомъ жена, а мужъ въ словѣ, въ дѣлѣ,
Одна что Ромулъ въ брани, Нума въ мирѣ были».

Такимъ образомъ, и въ драматическихъ піэсахъ Елисаветинской эпохи мы встрѣчаемъ такія же постоянныя похвалы Елисаветѣ, какими наполнены торжественныя оды поэтовъ и проповѣди проповѣдниковъ.

Духовныя драмы представлялись не только въ Кіевѣ, но распространены были воспитанниками Кіевской академіи повсюду, гдѣ только имъ приводилось служить въ епархіяхъ и семинаріяхъ, даже въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири. Щукинъ, разсказывая о вертепѣ въ Иркутскѣ въ прошломъ столѣтіи, замѣчаетъ: „Безошибочно можно полагать, что онъ занесенъ изъ Малороссіи. Первые иркутскіе архіереи были малороссіяне. Съ ними пріѣхали пѣвчіе, служители и вѣроятно они первые завезли вертепъ въ Иркутскъ. Наслѣдниками ихъ были семинаристы, а отъ нихъ перешелъ вертепъ и въ народъ. Иногда бывали и постоянные вертепы. Какой-нибудь мѣщанинъ нанималъ въ большомъ домѣ, среди города, квартиру, сооружалъ вертепъ, набиралъ пѣвчихъ и пускалъ зрителей по пяти, по десяти копѣекъ за входъ; надъ воротами дома горѣлъ фонарь. Иногда послѣ вертепа разыгрывалась комедія, сколько могу припомнить, изъ малороссійскаго или поль-

скаго быта“ ([1]). Введеніе театральныхъ школьныхъ представленій въ Тобольскѣ приписывается митр. Филоѳею Лещинскому (1704—1727), воспитаннику Кіевской академіи. Въ рукописной сибирской лѣтописи сохранилось о немъ такое свидѣтельство: „Филоѳей былъ охотникъ до театральныхъ представленій; славныя и богатыя комедіи дѣлалъ, и когда должно на комедію зрителямъ собиратца, тогда онъ. владыка, въ соборные колокола на сборъ благовѣстъ производилъ; а театры были между соборною и сергіевскою церквами къ взвозу, куда народъ собирался“. Приводя это свидѣтельство, Сулоцкій, въ своей статьѣ о старомъ тобольскомъ театрѣ, замѣчаетъ: „Посѣянное митр. Филоѳеемъ не заглохло... При преемникѣ его, воспитанникѣ, какъ и онъ, Кіевской академіи, митр. Антоніи Стаховскомъ, съ его дозволенія, ученики и учители тобольской архіерейской школы въ святки представляли піэсы духовнаго содержанія по домамъ, получали за то вознагражденіе, и собранныя деньги шли частію на содержаніе учившихся, частію на жалованье учившихъ“ ([2]).

ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА ([3]).

Въ московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 1621 г. сохранились такъ называемые „Столбцы“, заключающіе въ себѣ переводы и выписки изъ современныхъ европейскихъ вѣдо-

([1]) Статья объ Иркутскомъ вертепѣ Н. Щукина въ Вѣстн. русск. геогр. общества, ч. 29 (1860), отд. V; стр. 25—35.

([2]) Чтен. общ. ист. и древн. 1870, кн. 2. Семинарскій театръ въ старину въ Тобольскѣ. Та же статья была напечатана въ Тобольскихъ Губ. Вѣд. 1858, № 12, подъ заглавіемъ: «Начало театра въ Сибири».

([3]) Очерки русской журналистики, преимущественно старой В. А. Милютина. Соврем. 1851; том. XXV—XXVI. Сумароковъ и современная ему критика Н. Н. Булича. Спб. 1854. Малоизвѣстные московскіе журналы 1760—1764 г. М. Н. Лонгинова. Москов. Вѣд. 1857; № 36. Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774. А. Н. Аѳанасьева. М. 1859 Введеніе объ ученыхъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ Импер. Академіи Наукъ съ 1726 по 1825 г. А. А. Куника. Учен. Зап. Акад. Наукъ. т. I. Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 г. П. Пекарскаго. Зап. Акад. Наукъ 1868, т. XII. Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г. А. Н. Неустроева. Спб 1874. (Указатель: Спб. 1898). Въ этой книгѣ содержится подробное описаніе всѣхъ повременныхъ изданій XVIII в. При этомъ указаны: полное

мостей „о разныхъ въ Европѣ военныхъ дѣйствіяхъ и мирныхъ постановленіяхъ“. Это самая первая форма русскихъ вѣдомостей, извѣстная подъ именемъ „Курантовъ“. Куранты составлялись въ Посольскомъ приказѣ изъ донесеній русскихъ агентовъ и посланниковъ, жившихъ въ чужихъ краяхъ, и изъ печатныхъ иностранныхъ вѣдомостей, когда онѣ стали появляться въ Россіи; они назначались для чтенія царю и ближайшимъ къ нему лицамъ, но въ публику не пускались. Первыми вѣдомостями, назначавшимися для всей русской публики, были „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ московскомъ государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ“, которыя начали издаваться съ 1703 г. Мысль объ изданіи этихъ первыхъ русскихъ вѣдомостей принадлежитъ самому Петру В.; его даже можно назвать первымъ ихъ редакторомъ. Читая голландскія газеты, онъ самъ отмѣчалъ въ нихъ карандашемъ мѣста для перевода и помѣщенія въ русскихъ вѣдомостяхъ, самъ иногда занимался ихъ корректурой. Въ синодальной библіотекѣ хранится нѣсколько номеровъ русскихъ вѣдомостей съ корректурными замѣтками самого Петра. Какъ русскія вѣдомости возникли изъ иностранныхъ вѣдомостей, такъ и русскіе журналы начали издаваться по образцу иностранныхъ журналовъ.

Всѣ вѣдомости и журналы въ теченіе первой половины XVIII вѣка издавались при разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Петербургскія вѣдомости, которыя въ 1728 г. смѣнили первыя русскія Вѣдомости, издавались при Академіи Наукъ; при Академіи же Наукъ издавались Ученые Комментаріи Академіи и Ежемѣсячныя сочиненія; Московскія Вѣдомости начали издаваться съ 1756 г. при Московскомъ университетѣ, вскорѣ послѣ его открытія; при Московскомъ же университетѣ издавалось въ 1760 г. „Полезное увеселеніе“, при шляхетскомъ корпусѣ въ 1759—1760 г. издавалось „Праздное время, въ пользу употребленное“—первый опытъ чисто литературнаго журнала. Единственное исключеніе изъ этого, какъ журналъ, издававшійся по инціативѣ и на средства частнаго лица, составляетъ „Трудолюбивая Пчела“ Сумарокова (1759 г.).

заглавіе каждаго изданія. подробный перечень всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ каждой книжкѣ журнала, замѣтки о характерѣ и направленіи журнала. По поводу этой книги: Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики Л. Н. Майкова. Спб. 1876. (Дополненіе Н. Петровскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1898, № 1). Общій обзоръ всей русской журналистики отъ Петра В. до 40-хъ годовъ сдѣланъ А. П. Пятковскимъ въ статьяхъ: Очерки изъ исторіи русской журналистики. Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. Том. II. Спб. 1876.

Редакторами газетъ и журналовъ были лица, принадлежавшія къ тѣмъ учрежденіямъ, отъ которыхъ издавались журналы. Петербургскія Вѣдомости съ Примѣчаніями къ нимъ и Ежемѣсячныя сочиненія издавались академикомъ Миллеромъ; первыми редакторами Московскихъ Вѣдомостей были профессора Московскаго университета, Поповскій и Барсовъ; редакторомъ „Полезнаго увеселенія“ былъ профессоръ и потомъ кураторъ Московскаго университета, Херасковъ. Сотрудниками были и посторонніе лица. Платить журнальнымъ сотрудникамъ за статьи не было обыкновенія. Большимъ почетомъ въ тѣ времена писатели считали для себя уже одно то, чтобы видѣть въ печати свои сочиненія. Впрочемъ постороннимъ сотрудникамъ журналовъ выдавалось въ вознагражденіе по нѣскольку экземпляровъ ихъ сочиненій. Такъ Миллеръ 7 марта 1757 г. доносилъ въ академическую канцелярію, что за доставленное для журнала сочиненіе г. Полетика требуетъ.... „обыкновенное вознагражденіе сто экземпляровъ, которые напечатать особливо.... А по моему мнѣнію, прибавляетъ при этомъ Миллеръ, надобно тѣмъ наипольше удовлетворить г. сочинителя, что на то почти больше не потребно, какъ только бумаги, и оное можетъ служить другимъ для возбужденія“ (1). Другаго, денежнаго вознагражденія сотрудникамъ и взять было не откуда: запросъ на газеты и журналы былъ еще не большой; плата за нихъ была незначительная. Первыя Русскія Вѣдомости печатались сначала въ числѣ 1000 экземпляровъ; Примѣчанія къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ выходили въ числѣ 2000 экземпляровъ; Ежемѣсячныя сочиненія расходились въ первый годъ отъ 600 до 700 экз., Московскія Вѣдомости въ числѣ не болѣе 600 экз., Трудолюбивая Пчела въ 1200 экз. За Петербургскія Вѣдомости подписчики платили 2 р. 50 к., а за Примѣчанія по 2 р.; за Московскія Вѣдомости 4 р. въ годъ; за Праздное время на бѣлой бумагѣ 2 р. 50 к., а на сѣрой 2 р.; за Трудолюбивую Пчелу 2 р. 50 к. (2). Отдѣльной цензуры, въ настоящемъ видѣ, сначала не было; наблюденіе надъ изданіемъ журналовъ и разсмотрѣніе сочиненій поручалось тѣмъ учрежденіямъ, при которыхъ они издавались. Въ Предувѣдомленіи къ изданію Ежемѣсячныхъ сочиненій было сказано: „Всѣ сочиненія, сюда вносимыя, должны прежде напечатанія разсматриваны быть особливымъ собраніемъ. Мы справедливо надѣемся, что никто не потребуетъ, чтобъ выключенъ онъ былъ отъ такого разсмотрѣнія. Ибо сіе собраніе

---

(1) Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 г. П. Пекарскаго. Зап. Акад. Наукъ 1868; т. XII, стр. 13—14.

(2) Тамъ же, стр. 6.

разсматривать будетъ не слова и не слогъ, хотя бы и нашлось что требующее поправленія, но только самое дѣло т. е. чтобъ ничего закону, государству и благонравію противнаго.... не входило въ наши сочиненія. Впрочемъ, всякому сочинителю оставляется самому отвѣтствовать въ томъ, что иногда читателямъ сумнительно, или недовольно доказано показаться можетъ" ([1]). Сумароковъ, собираясь издавать „Трудолюбивую Пчелу", обратился съ прошеніемъ въ академическую канцелярію, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „Чтожъ касается до разсмотрѣнія изданій, нѣтъ-ли чего въ оныхъ противнаго, сіе могутъ просматривать, ежели благоволено будетъ, тѣ люди, которые просматриваютъ академическія журнальныя изданія, моихъ изданій слогу не касаяся" ([2]). Высшій надзоръ за академическими изданіями былъ предоставленъ президенту Академіи, который въ важныхъ случаяхъ или случаяхъ „сомнительства" разрѣшалъ самъ возникавшія недоразумѣнія, или поручалъ разсматривать дѣло академической канцеляріи. Такъ въ 1756 г. Синодъ подалъ докладъ и прошеніе импер. Елисаветѣ о томъ, чтобы во-первыхъ запретить во всей Россіи писать и печатать о множествѣ міровъ, а во-вторыхъ конфисковать какъ Ежемѣсячныя сочиненія (гдѣ была издана ода Сумарокова, въ которой говорилось о множествѣ міровъ), такъ и переводъ князя Кантемира сочиненія Фонтенеля „О множествѣ міровъ"; по докладъ этотъ, по представленію и ходатайству президента Академіи, Разумовскаго, былъ оставленъ безъ послѣдствій. Въ другой разъ, по приказанію Разумовскаго, вслѣдствіе жалобы Ломоносова, академическая канцелярія разсматривала статью Григорія Полетики, печатавшуюся въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ: „О началѣ, возобновленіи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи". Статья была признана наполненною „многими непристойностями" и отъ академической канцеляріи было сдѣлано распоряженіе, чтобы Миллеръ представлялъ ей заблаговременно списокъ авторовъ и статей, которыя предназначались для каждой вновь выходившей книжки Ежемѣсячныхъ сочиненій. Но такъ какъ Миллеръ, затрудняясь выполнить это распоряженіе, доставлялъ требуемыя свѣдѣнія уже по выходѣ книжки журнала, то академическая канцелярія сдѣлала ему за это выговоръ въ ордерѣ 2 іюня 1757 г.—Въ февральской книжкѣ Ежемѣсячныхъ сочиненій 1759 г. были напечатаны стихи въ честь актрисы итальянскаго театра, Сакко, которые весьма не понравились при дворѣ. По этому случаю академиче-

---

([1]) Историч. розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ Неустроева, стр. 49.—([2]) Тамъ же, стр. 78.

ская канцелярія составила слѣдующее опредѣленіе: „Понеже въ Академическихъ сочиненіяхъ февраля мѣсяца сего 1759 года внесены нѣкоторые стихи неприличные, почему и листъ тотъ перепечатанъ, того ради приказали: прежде отдачи въ станы, какая бы о чемъ матерія ни была, первые листы, или послѣднія корректуры, для вѣдѣнія гг. присутствующихъ, вносить въ канцелярію“ (1).

Образцомъ при изданіи журналовъ служили иностранные журналы. Господствующимъ направленіемъ въ европейской журналистикѣ XVIII в. было направленіе дидактическое. Возникнувъ въ самомъ началѣ этого вѣка въ Англіи, оно быстро распространилось во всѣхъ литературахъ. Основателями журналовъ съ такимъ направленіемъ были знаменитые англійскіе писатели Ричардъ Стиль (1679—1729) и Джозефъ Адиссонъ (1672—1719), издававшіе такъ называемые нравственные еженедѣльные журналы, подъ названіями: „Болтунъ“ (Tattler, 1709), „Зритель“ (Spectator, 1711) и „Опекунъ“ (Guardian, 1713). Главною цѣлью ихъ было дѣйствовать на улучшеніе нравовъ, осмѣивая пороки и смѣшныя стороны жизни современнаго общества. Картины свѣта и людей, обычаевъ, глупостей и предразсудковъ, добродѣтелей и пороковъ были преимущественными предметами всѣхъ статей, разсказовъ и повѣстей, помѣщавшихся въ этихъ журналахъ. Такимъ образомъ, орудіемъ дидактики, средствомъ къ наученію была сатира, и потому основной тонъ въ журналахъ былъ сатирическій. Благодаря полезному, нравственному направленію, разнообразію и занимательности въ содержаніи, журналы Стиля и Адиссона пріобрѣли такую популярность, что сдѣлались извѣстными во всѣхъ европейскихъ литературахъ и вызвали множество подражаній, особенно въ нѣмецкой и французской литературѣ. По примѣру ихъ явились въ нѣмецкой литературѣ: „Живописецъ нравовъ“ (Der Maler der Sitten), „Патріотъ“, „Разумныя обличительницы“, „Честный человѣкъ“, во французской литературѣ разныя „Обозрѣнія“, „Новый Менторъ“, „Мизантропъ“ и др. Этимъ журналамъ, англійскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ, подражали и всѣ русскіе литературные журналы XVIII в. и во главѣ ихъ Ежемѣсячныя сочиненія Миллера, Трудолюбивая Пчела Сумарокова, Полезное увеселеніе Хераскова; изъ этихъ журналовъ они заимствовали не только направленіе, основные пріемы и формы, но часто и самыя статьи переводили изъ нихъ, или передѣлывали. Ученые журналы составлялись по образцу иностранныхъ ученыхъ журналовъ, ка-

(1) Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ, стр. 44—50.

ковы были Лейпцигскія Ученыя Извѣстія, Гамбургскій Магазинъ, Нѣмецкая Библіотека и др. Для характеристики же вообще тогдашнихъ воззрѣній на значеніе и основные принципы журнальной дѣятельности, весьма важна и интересна статья Ломоносова: „О должности журналистовъ въ изложеніи ими сочиненій, назначенныхъ для поддержанія свободы разсужденія". Статья эта была написана Ломоносовымъ по поводу возраженій противъ его диссертацій о физическихъ предметахъ, сдѣланныхъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ журналахъ (1). Оскорбленный несправедливостью и рѣзкостью этихъ возраженій, Ломоносовъ написалъ на нихъ на латинскомъ языкѣ антикритику, въ которой изложилъ обязанности журналистовъ, и послалъ ее къ Эйлеру, а Эйлеръ передалъ берлинскому академику, Формею, который и напечаталъ ее во французскомъ переводѣ въ „Нѣмецкой Библіотекѣ" (2). „Всякій знаетъ, говоритъ здѣсь Ломоносовъ, какъ стали значительны и быстры успѣхи наукъ съ тѣхъ поръ, какъ было сброшено иго рабства и мѣсто его заступила свобода сужденія. Но нельзя не знать также, что злоупотребленіе этой свободы было причиною весьма ощутительныхъ золъ, число которыхъ однакожъ далеко не было бы такъ велико, если бы большая часть пишущихъ не смотрѣла на свое авторство какъ на ремесло и на средство къ пропитанію, вмѣсто того, чтобы имѣть въ виду точное и основательное изслѣдованіе истины. Отъ того-то происходитъ столько излишне смѣлыхъ выводовъ, столько странныхъ системъ, столько противорѣчивыхъ мнѣній, столько заблужденій и нелѣпостей, что науки были бы давно подавлены грудою хлама, если бы ученыя общества не старались соединенными силами противодѣйствовать такому бѣдствію". Указавъ затѣмъ на значеніе въ этомъ случаѣ ученыхъ обществъ, издающихъ журналы, онъ объясняетъ истинную цѣль ученыхъ журналовъ и обязанности журналистовъ. „Что касается до журналовъ, то они обязаны представлять самыя точныя и вѣрныя сокращенія появляющихся сочиненій съ присоединеніемъ къ нимъ иногда справедливаго сужденія либо о самомъ содержаніи, либо о какихъ-нибудь обстоятельствахъ, относящихся къ выполненію. Цѣль

---

(1) Въ Лейпцигскомъ критическомъ журналѣ естественныхъ наукъ, Медицинской Библіотекѣ Фогеля и Гамбургскомъ Магазинѣ—противъ диссертацій: о причинѣ теплоты и стужи; о упругости воздуха; о химическихъ растворахъ; о движеніи воздуха въ рудокопныхъ ямахъ, напечатанныхъ въ «Новыхъ Комментаріяхъ Академіи Наукъ» 1747—1748.

(2) Русскій текстъ статьи и французскій переводъ Формея напечатаны въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ А. А. Куника. Ч. II, стр 501—530.

и польза такихъ извлеченій состоитъ въ томъ, чтобы быстрѣе распространить въ ученомъ мірѣ знакомство съ новыми книгами... Журналы также могли бы много способствовать къ приращенію человѣческихъ знаній, если бы издатели были въ состояніи точно выполнить задачу, которую на себя приняли, и оставались въ настоящихъ предѣлахъ, предписываемыхъ имъ этой задачей... Дѣло дошло до того, что нѣтъ столь дурнаго сочиненія, котораго бы не расхвалилъ и не превознесъ какой-нибудь журналъ, и наоборотъ, какъ бы превосходенъ ни былъ трудъ, его непремѣнно очернитъ и растерзаетъ какой-нибудь ничего не знающій, или несправедливый критикъ... Журналистъ свѣдущій, проницательный, справедливый и скромный сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ феникса". Выставивъ потомъ несправедливыя сужденія журнальныхъ критиковъ о его сочиненіяхъ, Ломоносовъ говоритъ: „Отдавая такимъ образомъ отчетъ о сочиненіяхъ ученыхъ, критикъ не только вредитъ ихъ репутаціи, на которую онъ не имѣетъ никакого права, но и уничтожаетъ истину, предлагая читателямъ мысли, не имѣющія съ нею ничего общаго: поэтому естественно противодѣйствовать всѣми силами столь несправедливымъ продѣлкамъ. Продолжая такъ поступать съ тѣми, которые стараются быть полезными ученому міру, можно было лишить ихъ всякой охоты къ труду, и успѣхи въ наукахъ потерпѣли бы отъ того значительный ущербъ. Это въ особенности погубило бы свободу разсужденія". Изложивъ назначеніе журналовъ и обязанности журналистовъ вообще, онъ предписываетъ имъ въ частности слѣдующія правила, при разборѣ ученыхъ сочиненій. 1) „Кто берется сообщить публикѣ содержаніе новыхъ сочиненій, долженъ напередъ взвѣсить свои силы, ибо онъ предпринимаетъ трудъ тяжелый и весьма сложный, котораго цѣль не въ томъ, чтобы передавать вещи извѣстныя и истины общія, но чтобы умѣть схватить новое и существенное въ сочиненіяхъ, принадлежащихъ иногда людямъ самымъ геніальнымъ... 2) Чтобы быть въ состояніи произнести приговоръ искренній и справедливый, надобно освободить свой умъ отъ всякаго предразсудка, отъ всякаго предубѣжденія и не требовать, чтобы авторы, которыхъ мы беремся судить, рабски подчинялись идеямъ, господствующимъ надъ нами, считая и безъ того этихъ писателей нашими истинными врагами, съ которыми мы призваны вести открытую войну.... 3) Нѣтъ такого сочиненія, которое бы не требовало соблюденія естественныхъ законовъ справедливости и приличія. Нельзя однакожъ не согласиться, что нужно вдвое больше осторожности, когда дѣло идетъ о сочиненіяхъ, уже носящихъ на себѣ печать уважительнаго одобренія.... 4) Журналистъ не долженъ торопиться порицать ипотезы. Онѣ позволительны въ предметахъ философскихъ, и это даже единственный путь, кото-

рымъ величайшіе люди успѣли открыть истины самыя важныя. Это какъ бы порывы, доставляющіе имъ возможность достигнуть знаній, до которыхъ умы низкіе и пресмыкающіеся въ пыли никогда добраться не могутъ. 5) Особенно же журналистъ пусть запомнитъ, что всего безчестнѣе для него красть у кого-либо изъ своихъ собратій высказываемыя имъ мысли и сужденія и присвоивать ихъ себѣ, какъ будто бы онъ самъ придумалъ ихъ, тогда какъ ему едва извѣстны заглавія книгъ, которыя онъ уничтожаетъ... 6) Журналисту позволяется опровергать то, что, по его мнѣнію, заслуживаетъ того въ новыхъ сочиненіяхъ, хотя это вовсе не настоящее его дѣло и не прямое его призваніе. Но кто уже разъ берется за то, долженъ вполнѣ ознакомиться съ мыслями автора, разобрать всѣ его доказательства и противопоставить имъ дѣйствительныя возраженія и основательные доводы, прежде нежели онъ присвоитъ себѣ право осуждать другаго. Одни сомнѣнія и произвольные вопросы не даютъ этого права, ибо нѣтъ такого невѣжды, который не могъ бы предложить гораздо болѣе вопросовъ, нежели сколько самый свѣдущій человѣкъ въ состояніи разрѣшить. 7) Наконецъ, онъ никогда не долженъ имѣть слишкомъ высокаго мнѣнія о своемъ превосходствѣ, о своемъ авторитетѣ и достоинствѣ своихъ сужденій. Выполняемое имъ дѣло само по себѣ уже непріятно для самолюбія тѣхъ, кого онъ затрогиваетъ: было бы съ его стороны очень неблагоразумно оскорблять ихъ намѣренно и вынуждать къ обнаруженію его безсилія".

Въ теченіе первой и въ началѣ второй половины XVIII в. издавались слѣдующіе газеты и журналы.

Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ (1703—1727). Эти первыя Русскія Вѣдомости начали издаваться въ 1703 г. въ Москвѣ, церковнымъ шрифтомъ, и выходили сначала въ неопредѣленные сроки отъ 2-хъ до 7 листовъ въ числѣ 1000 экземпляровъ. Въ началѣ Вѣдомостей помѣщались свѣдѣнія, касающіяся Россіи, и извѣстія изъ разныхъ русскихъ городовъ, напр.: „На Москвѣ вновь пушекъ мѣдныхъ и гаубицъ и мортировъ вылито 400"; „повелѣніемъ Его Величества московскія школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философію, и уже діалектику окончили"; „въ математической штурманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся и добрѣ науку пріемлютъ"; „изъ Казани пишутъ: на рѣкѣ Соку нашли много нефти и мѣдной руды"; изъ Сибири пишутъ: „въ Китайскомъ государствѣ езуитовъ вельми не стали любить за ихъ лукавство, а иные изъ нихъ и смертію казнены". Послѣ русскихъ

извѣстій слѣдуютъ выписки изъ голландскихъ и другихъ иностранныхъ газетъ ([1]). Въ 1710 г. явился номеръ Вѣдомостей, напечатанный весь гражданскимъ шрифтомъ, потомъ выходили номера то гражданскимъ, то церковнымъ шрифтомъ, а съ 1717 г. уже исключительно однимъ гражданскимъ шрифтомъ. Съ 11 мая 1711 года номера Вѣдомостей стали выходить иногда въ Москвѣ, иногда въ Петербургѣ, но выходившіе въ Петербургѣ перепечатывались въ Москвѣ. Въ 1727 г. изданіе этихъ первоначальныхъ Вѣдомостей прекратилось. Редакція ихъ поступила въ завѣдываніе Академіи Наукъ, которая съ 1728 г. стала издавать Петербургскія Вѣдомости; изданіе же особыхъ Вѣдомостей въ Москвѣ началось только съ 1756 г.

Санктпетербургскія Вѣдомости (съ 1728) **и Примѣчанія къ нимъ** (1728—1742). Петербургскія Вѣдомости издавались при Академіи Наукъ, подъ редакціей академика Миллера. Онѣ выходили два раза въ недѣлю и содержали разныя придворныя извѣстія и выписки изъ иностранныхъ газетъ. Для большаго разнообразія и интереса къ политическимъ извѣстіямъ въ Вѣдомостяхъ Миллеръ вздумалъ присоединять прибавленія учено-литературнаго характера. Сначала въ 1728 г. они выходили однажды въ мѣсяцъ и потому назывались „Мѣсячныя історическія, генеалогическія и географическія примѣчанія въ Вѣдомостяхъ“. Въ слѣдующемъ 1729 г. они стали прилагаться при каждомъ номерѣ Петербургскихъ Вѣдомостей, два раза въ недѣлю, по листу изъ 4-хъ, а иногда и болѣе страницъ, и назывались „Историческія, генеалогическія и географическія Примѣчанія въ Вѣдомостяхъ“. Въ изданіи ихъ, кромѣ Миллера, принимали участіе нѣкоторые другіе академики—Эйлеръ, Гмелинъ, Бекенштейнъ; статьи ихъ на русскій языкъ переводили Адалуровъ и Тредьяковскій. Такъ какъ Примѣчанія составляли прибавленіе къ Вѣдомостямъ, то въ нихъ прежде всего помѣщались такія статьи, которыя могли служить объясненіемъ извѣстій, сообщенныхъ въ Вѣдомостяхъ. Такъ, по случаю извѣстія о найденныхъ въ Сибири мамонтовыхъ костяхъ, была помѣщена статья о происхожденіи такихъ остатковъ естественныхъ древностей, по тогдашнему состоянію науки. По тому случаю, что одинъ купецъ пріобрѣлъ египетскую мумію, была напечатана статья о муміяхъ древняго Египта и египетскихъ іероглифахъ. Подъ 1-мъ января 1730 г. было помѣщено описаніе обычаевъ разныхъ народовъ, какъ и съ котораго числа у оныхъ новый годъ начинался. Подъ 1-мъ апрѣля 1729 г. помѣ-

---

([1]) Историч. розысканіе... стр. 1—3.

щена статья „О карнавальныхъ увеселеніяхъ въ Венеціи или о венеціанскихъ карневалахъ". Всего болѣе статей напечатано по географіи и исторіи разныхъ странъ и народовъ; эти статьи должны были служить для объясненія тѣхъ событій въ разныхъ странахъ, о которыхъ сообщалось въ Вѣдомостяхъ. Наконецъ въ Примѣчаніяхъ помѣщались иногда легкія беллетристическія статьи и стихотворенія (1).

Краткое описаніе Комментаріевъ Академіи Наукъ на 1726 годъ. Въ 1727 г. Академія Наукъ начала издавать на латинскомъ языкѣ свои Мемуары, подъ заглавіемъ: „Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae", состоящіе изъ трудовъ академиковъ: Германа, Бильфингера, братьевъ Бернулли, Мейера, Байера, Делиля и др. Для русской публики въ то же время вздумали сдѣлать сокращеніе или извлеченіе изъ этихъ Комментаріевъ въ русскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ: „Краткое описаніе Комментаріевъ Академіи Наукъ", которое было издано въ 1728 г. въ одной части. Вполнѣ переводились на русскій языкъ только историческія сочиненія Байера: „О начаткѣ и древнихъ пребывалищахъ скиѳовъ"; „О мѣстоположеніи Скиѳіи въ лѣта Геродота"; „О стѣнѣ кавказской"; математическіе же мемуары и по естественнымъ наукамъ сообщались въ извлеченіяхъ, которыя составляли сами академики и снабжали особыми введеніями, или поясненіями. Переводомъ ихъ на русскій языкъ занимались Ададуровъ, Сатаровъ, Горлицкій, Ильинскій и Коровинъ. Въ началѣ „Описанія" было помѣщено предисловіе, объясняющее происхожденіе и цѣль изданія: „Доброхотному россійскому читателю радоватися! Здѣ предлагается тебѣ книга, въ ней же все то содержится,въ чемъ профессоры здѣшнія Академіи Наукъ потрудилися 1726 года". Далѣе говорится, что академики, кромѣ повседневныхъ часовъ, къ наставленію назначенныхъ, два раза въ недѣлю имѣютъ особливое собраніе, въ которомъ предлагаютъ на общее разсужденіе „то, что всякъ въ домѣ испытывалъ". Изъ этихъ разсужденій составилась недавно изданная на латинскомъ языкѣ книга Комментаріевъ, изъ которой и сокращено предлагаемое „Описаніе". Послѣ этого объясненія присоединено обѣщаніе „въ будущій годъ, аще Богъ и всемилостивѣйшій нашъ Імператоръ на сіе благоволитъ, изготовить 2 части Комментаріевъ", но этого не послѣдовало. „Книгу, говоритъ Миллеръ, никто не хотѣлъ похвалить, не умѣли понять, что читали, и свое неумѣнье называли темнотою изложенія и невѣрностью перевода; вслѣдствіе чего изданіе не

(1) Тамъ же, стр. 3—8.

продолжалось“. Нельзя не пожалѣть, что эта холодность, совершенно объясняющаяся неподготовленностію тогдашней русской публики къ чтенію такихъ книгъ, заставила Академію Наукъ тотчасъ же прекратить изданіе; нѣтъ сомнѣнія, что публика скоро оцѣнила бы его, когда бы больше познакомилась съ нимъ (1).

Содержаніе ученыхъ разсужденій импер. Академіи Наукъ (четыре тома 1748—1754 г.). Это изданіе явилось вслѣдствіе новаго регламента, даннаго Академіи въ 1747 г., въ которомъ (параграфъ 32) было сказано: „въ концѣ ноября мѣсяца конференцъ-секретарь долженъ публиковать съ переводомъ русскимъ содержаніе всѣхъ диссертацій, которыя въ цѣлый годъ учинены, и при томъ прикладывать свои ученыя о всемъ помянутомъ разсужденія“. Содержаніе ученыхъ разсужденій служило, такимъ образомъ, продолженіемъ „Краткаго описанія Комментаріевъ“.

Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія. Это былъ первый учено-литературный журналъ въ Россіи, издававшійся въ теченіе десяти лѣтъ, отъ 1755 по 1764 г., академикомъ Миллеромъ. Названіе его, вѣроятно, взято съ тогдашнихъ нѣмецкихъ журналовъ, каковы были: „Бременскія сочиненія, къ увеселенію разума служащія“, „Гамбургскія сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія“ и др. Впрочемъ, подъ указаннымъ заглавіемъ онъ издавался только въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1755 по 1758; съ 1758 по 1763 г. онъ издавался подъ заглавіемъ: „Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія“; въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ—подъ заглавіемъ: „Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ“. Но, не смотря на эти перемѣны названія, программа журнала существенно не измѣнялась. Статьи помѣщались въ журналѣ одна подлѣ другой безъ системы и порядка и не раздѣлялись правильно на отдѣлы, какъ въ настоящихъ журналахъ; но всѣ онѣ, согласно съ названіемъ и назначеніемъ журнала, могутъ быть раздѣлены, главнымъ образомъ, на два разряда: 1) статьи, которыя должны были служить „къ пользѣ“ читателей—ученый отдѣлъ журнала, и 2) статьи, назначавшіяся „къ увеселенію“ читателей—отдѣлъ литературный. Статьи перваго разряда, по намѣренію издателя, должны были составлять существенную часть журнала. Эти статьи Миллеръ старался сдѣлать, по возможности, доступными для всѣхъ читателей, общезанимательными по содержанію, популярными по изложенію

(1) Тамъ же, стр. 8—11.

Особенное вниманіе было обращено на русскую исторію, географію и статистику. Здѣсь помѣщены многія главы изъ Сибирской исторіи и другія историческія сочиненія Миллера; оренбургская исторія и оренбургская топографія Рычкова; описаніе Сибирскаго края (Сибирь—золотое дно) Соймонова. По астрономіи, философіи и естественнымъ наукамъ помѣщались только статьи популярныя, которыя могли быть понятны безъ спеціальныхъ опытовъ и математическихъ выкладокъ. Больше всего въ ученомъ отдѣлѣ встрѣчается разнаго рода разсужденій философскаго, или, лучше сказать, дидактическаго характера, напр. „ученія семи мудрецовъ, до исправленія нравовъ человѣческихъ касающіяся"; разсужденія „о самопознаніи, о благополучіи, о зависти, нравоучительныя разсужденія изъ Гольберга". Къ чисто философскимъ статьямъ изъ этого отдѣла можно отнести немногія, напр. Обстоятельное объясненіе знаній человѣческихъ изъ Даламбера; Письмо о Бытіи Божіемъ (переводъ съ нѣмецкаго); О преимуществѣ христіанскаго нравоученія надъ теоріями древнихъ стоиковъ и епикурейцевъ (изъ французскаго журнала „Зритель"); О пользѣ теоретической философіи въ обществѣ; О важности и пользѣ философіи — рѣчь Поповскаго. Литературный отдѣлъ или разрядъ статей литературнаго характера въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ состоялъ изъ стихотвореній и разнаго рода статей беллетристическаго свойства. „Стихотворческія сочиненія, сказано было въ „Предувѣдомленіи" къ изданію журнала, принимаемъ мы наипаче для того, что въ нихъ многое весьма сильнѣе и пріятнѣе изображается, нежели простымъ слогомъ; къ тому жъ мы за должность свою признаваемъ писать не только для пользы, но и для увеселенія читателей. Такіе стихотворцы, какихъ нынѣ Россія имѣетъ, достойны, чтобъ потомкамъ въ примѣръ представлены были; а особливо не должны мы умалчивать о тѣхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ содержатся достодолжныя похвалы величайшей въ свѣтѣ монархинѣ и всемилостивѣйшей наукъ питательницѣ и покровительницѣ". Подъ этими стихотворцами разумѣлись преимущественно Ломоносовъ, Сумароковъ и Херасковъ; ихъ сочиненія, дѣйствительно, и помѣщались въ первые четыре года изданія Ежемѣсячныхъ сочиненій. Стихотворенія въ то время цѣнились весьма высоко; по новости самаго дѣла и по необработанности языка стихотворнаго, стихотворство дѣйствительно было весьма трудное дѣло, и потому естественно имѣло больше важности и значенія, чѣмъ въ настоящее время. Отдѣлъ такъ называемой изящной прозы составляли повѣсти и разсказы. Чисто литературныхъ повѣстей встрѣчается, впрочемъ, немного и то переводныя, каковы напр. повѣсти Вольтера: Микромегасъ и Задигъ. Преимущественно же этотъ отдѣлъ состоялъ изъ разныхъ нравоучи-

тельныхъ притчей и разсказовъ въ аллегорической формѣ. Аллегорическая форма была самою употребительною формою въ дидактической литературѣ XVIII в. Въ формѣ разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ. между богами и героями древности, въ формѣ сновъ и видѣній излагались нравственно-философскія идеи и размышленія о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ были напечатаны: „Разговоры по подобію Лукіановыхъ" (съ нѣмецкаго): 1) Юпитеръ, Момъ; 2) Меркурій, солдатъ, философъ Клиній, молодой аѳинянинъ; 3) Епафродитъ, Епиктетъ; 4) Тимонъ, Алкивіадъ...... 8) Александръ, Діогенъ.... Нѣкоторые разговоры боговъ изъ сочиненій Раймунда Сенъ-Марда († 1754); разговоръ въ царствѣ мертвыхъ Фонтенеля: Артемизій и Раймундъ Луллій. Всѣ подобныя сочиненія заимствовались изъ иностранныхъ журналовъ: изъ Грейсфвальдскихъ извѣстій, Гамбургскаго Магазина, Гамбургскаго патріота, Англійскаго зрителя, Англійскаго Магазина. Встрѣчаются, впрочемъ, и русскіе разговоры. Такъ, знаменитый Суворовъ помѣстилъ въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ два разговора. Въ первомъ изъ нихъ выведены Кортецъ и Монтезума. Монтезума доказываетъ Кортецу, что „благость и милосердіе потребны героямъ". Второй разговоръ происходитъ между Александромъ В. и Геростратомъ. Авторъ разговора уподобляетъ военные подвиги Александра варварскому поступку Герострата и старается показать, какое великое различіе находится между истинною любовью къ славѣ и простою жаждою извѣстности. Изъ статей въ формѣ „сновъ" помѣщены: сонъ о роскоши (перев. съ франц.), сонъ о порокахъ и жалобахъ человѣческихъ (перев. съ англійскаго), сонъ о правосудіи (съ англійскаго), сонъ — храмъ натуры и счастія, храмъ земнаго увеселенія, во снѣ видѣнный. Нѣкоторыя статьи подобнаго рода прямо называются аллегоріями, какъ напр. Гигія, аллегорическая повѣсть; аллегорія о противорѣчіяхъ любви (Елагина); аллегорія Гордость.

Для характеристики аллегорическихъ сочиненій вообще предлагаемъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, содержаніе аллегоріи „Гордость" (1). „Предъ нѣсколькими днями,—такъ начинается аллегорія, — получена здѣсь вѣдомость, что Гордость нечаянно умерла опухолью. Честнымъ людямъ сіе извѣстіе было пріятно; напротивъ того, другіе пришли въ превеликую печаль, увидѣвъ мнимую свою богиню мертвую. Они тужили, что не велѣли давно написать ея портрета. Побуждаемый ихъ желаніемъ, говоритъ авторъ, я учинилъ описаніе Гордости, при помощи одного изъ

---

(1) Кому принадлежитъ эта аллегорія, неизвѣстно. Вѣроятно, она переведена или передѣлана изъ какого-нибудь иностраннаго журнала.

моихъ пріятелей, которому Гордость съ молодыхъ лѣтъ была знакома".—„Гордость родилась отъ Упрямства и Презорства; отъ такого супружества, конечно, инаго и ожидать не надлежало, кромѣ дѣтей злонравныхъ. Ненависть и Зависть были дѣдъ и бабка съ отцовской, а Безуміе и Самолюбіе съ материной стороны.... Вскорѣ, по рожденіи, Гордость была отдана для воспитанія въ домъ къ бабкѣ ея, Самолюбію... Лишь только она изъ пеленокъ выползла, то нарядили ее въ драгоцѣнное платье... Пока ходить способно еще не умѣла, то приказано было носить ее на рукахъ нянькѣ, Ласкательству... Съ умножающимися лѣтами возрасло желаніе ея къ суетному щегольству, такъ велико, что не возможно было выдумать столько модъ и манеровъ въ убранствѣ, сколько ей имѣть хотѣлось. Надзирательницей къ Гордости было приставлено Тщеславіе. Вмѣсто того, чтобы по полезнымъ книгамъ давать ей наставленія, эта надзирательница всегда приводила молодую Гордость къ зеркаламъ, коихъ въ дому было великое множество. На всякій часъ осматривала Гордость въ нихъ на себѣ уборъ, перелѣпливала на день двадцать разъ на лицѣ своемъ съ мѣста на мѣсто мушки. Выросши, Гордость ничего такъ не желала, какъ того, чтобы имѣть пребываніе при дворѣ, и весьма была рада, какъ отъ родителей своихъ получила позволеніе ѣхать туда. Лишь только пріѣхала она туда въ великолѣпныхъ убранствахъ, съ приставницей своей, Тщеславіемъ, то нашла безчисленное множество себѣ прислужниковъ, но пристала она только къ высокоумнѣйшимъ... Тогда при дворѣ были два брата, Смиреніе и Слава, изъ коихъ первый, будучи еще очень молодъ и ослѣпившись прелестной ея красотой, тщался войти въ любовь у ней своей искренностію; но онъ услышалъ отказъ съ презрѣніемъ; и Гордость еще разсердившись и согласясь съ подругою своей, Клеветою, и съ братомъ ея, Честолюбіемъ, дѣло довели до того, что Смиреніе само съ братомъ своимъ, Славою, принуждены были отъ двора сего удалиться. Но Честолюбіе снискало у Гордости болѣе снисходительства... Гордость склонилась на желаніе честолюбиваго своего любителя, чтобъ выйти за него замужъ. Свадьба ихъ совершилась съ преславнымъ великолѣпіемъ, но радость продолжалась не долго. У Честолюбія по несчастію отецъ былъ Гнѣвъ, а мать Сребролюбіе. Они велѣли сыну своему и съ женою изъ дворца выѣхать и жить въ ихъ деревнѣ. Коль великую печаль нанесъ такой нечаянный отъѣздъ новобрачной Гордости! Коль дико ей казалось уединенное житіе въ деревнѣ, гдѣ не было для ней никакого случая удивлять другихъ убранною своею красотою и тѣмъ смѣшною радостію наслаждаться!... Но неисцѣльная болѣзнь переселила родителей Честолюбія почти въ одно время въ царство мертвыхъ. Какъ рада была сему Гордость! Лишь только отправила она похороны, то поѣхала

опять во дворецъ съ своимъ мужемъ". При дворѣ Гордость жила такъ безумно роскошно, что скоро растратила все свое состоянiе; мужъ ея умеръ. „Итакъ Гордость овдовѣла... Друзья ихъ еще прежде этого, увидѣвъ истощившееся у нихъ имѣнiе, а отъ того и оскудѣнiе богатаго ихъ стола, ходить къ нимъ перестали. Но всего было болѣзненнѣе для Гордости слышать, что называли ее нищею Спесью. Она ходила къ своимъ родителямъ, но напрасно—Своенравiе и Презорство уже позабыли, что она дочь ихъ... Она должна была у Нищеты наняться въ служанки. Въ семъ состоянiи отъ малодушiя она желала себѣ смерти и хотѣла лучше десятью умереть, нежели покориться Смиренiю, которое обѣщало ей сыскать лучшее счастiе... Послѣдующее по семъ рвенiе съ скрежетанiемъ зубовъ причиною было, что жолчъ изъ мѣста своего выступила и въ малое время тѣло ея пожелтѣло съ черныю и надулось такъ, что пригожей Гордости во всемъ уже не стало. Милосердое Смиренiе хотѣло еще и при семъ случаѣ подать ей помощь; но только лишь взглянула Гордость на столь любезное и прiятное лице, то вдругъ ушибъ ее обморокъ, а послѣ сего тотчасъ и смерть послѣдовала".

Ежемѣсячныя сочиненiя совершенно удовлетворяли вкусу и потребностямъ тогдашняго русскаго общества и потому пользовались большою популярностью. „Вся Россiя, говоритъ митр. Евгенiй, съ жадностью и удовольствiемъ читала сей первый русскiй Ежемѣсячникъ, въ которомъ много помѣщено иностранныхъ переводныхъ, а большая половина русскихъ любопытнѣйшихъ статей историческихъ, географическихъ, коммерческихъ, ученыхъ и другихъ" (1). „Успѣхъ Ежемѣсячныхъ сочиненiй, прибавляетъ къ этому Милютинъ, побудилъ и многихъ другихъ писателей приняться также за изданiе журналовъ, число которыхъ съ 1759 г. стало увеличиваться замѣтно и постоянно. Такимъ образомъ Ежемѣсячныя сочиненiя не только прiохотили къ чтенiю русскую публику, не только распространили въ ней множество полезныхъ свѣдѣнiй... но и положили прочное начало русской журналистикѣ" (2).

Московскiя Вѣдомости. Послѣ того, какъ изданiе первыхъ русскихъ Вѣдомостей въ 1728 г. было перенесено въ Петербургъ, Москва оставалась безъ своей газеты до 1756 г. Вскорѣ послѣ открытiя университета, положено было издавать при немъ Московскiя Вѣдомости. Первыми редакторами были профессора университета, Поповскiй и Барсовъ. Сначала Московскiя Вѣдомости

(1) Словарь русск. писателей. Ч. II, стр. 6—7.

(2) Очерки русской журналистики, преимущественно старой. Ежемѣсячныя сочиненiя Миллера. Соврем. 1851. Том. XXV—XXVI.

имѣли чисто оффиціальный характеръ. Въ составъ ихъ входили высочайшіе приказы, придворныя извѣстія и разныя объявленія; литературныхъ статей въ первые годы почти не было. Вѣдомости получили болѣе обширный объемъ и болѣе разнообразный и интересный характеръ по содержанію съ того времени, какъ, по предложенію куратора университета, Хераскова, въ **1779** г. ихъ взялъ въ аренду на 10 лѣтъ, вмѣстѣ съ университетской типографіей, знаменитый Н. И. Новиковъ. Новиковъ сталъ прилагать къ Вѣдомостямъ разныя прибавленія, каковы были: „Экономическій магазинъ" (1780—1789), „Городская и деревенская библіотека" (1782—1786), „Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ", содержащія въ себѣ статьи историческія, физическія и нравоучительныя (1783—1784), „Дѣтское чтеніе" (1785—1789), „Магазинъ натуральной исторіи" (1788—1790).

Праздное время, въ пользу употребленное (1759—1760). Оно издавалось при шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ еженедѣльно по листу изъ 16 страницъ. Журналъ этотъ имѣлъ характеръ чисто литературный и составлялся по образцу литературнаго отдѣла Ежемѣсячныхъ сочиненій Миллера. Въ немъ помѣщались также стихотворенія и разныя статьи или разсужденія въ формѣ посланій, разговоровъ, сновъ и проч. Напр. Разговоры боговъ: 1) какимъ образомъ побѣждать сердца; 2) о премудрости; 3) сравненіе любви со скупостью; 4) о краснорѣчіи. Разговоры Лукіановы (перев. съ нѣмецкаго): 1) Мениппъ, циническій философъ и Меркурій; 2) Плутонъ, подземный богъ, Прозерпина, его супруга, и Протезилай умершій; 3) Миносъ адскій судья и Сострать разбойникъ. Епиктетовы краткія разсужденія о нравахъ. Письма изъ царства мертвыхъ: 1) отца къ безпутному своему сыну; 2) сына къ своей матери; 3) слуги къ своему господину (перев. съ нѣмецкаго). Разсужденія о душевномъ спокойствіи и о безумныхъ людскихъ желаніяхъ; о дѣйствіяхъ добраго и худаго воспитанія; о двухъ путяхъ, по которымъ человѣкъ въ сей временной жизни слѣдуетъ (перев. съ французскаго); о счастіи и несчастіи и т. п. Журналъ издавался только два года.

Трудолюбивая Пчела 1759 г., изд. А. П. Сумарокова. Это былъ первый журналъ, издававшійся по инціативѣ частнаго лица и на собственныя средства. Приступая къ его изданію, Сумароковъ обратился въ канцелярію Академіи Наукъ съ слѣдующимъ прошеніемъ: „Вознамѣрился я издавать помѣсячно журналъ, для услуги народной; того ради покорно прошу, чтобы повелѣно было въ академической типографіи оный мой журналъ безъ остановки на чистой бумагѣ въ осьмуху печатать, по двѣнадцати

сотъ экземпляровъ, а деньги съ меня по прошествіи всякой трети взыскивать... Только нижайше прошу, чтобы канцелярія благоволила меня избавить отъ помѣшательства и затрудненій въ печатаніи". Сотрудниками Сумарокова были: Тредьяковскій, Дмитревскій, Козицкій, Мотонисъ, Полетика, Нартовъ и др., которые помѣщали въ немъ мелкія стихотворенія и беллетристическія статьи дидактическаго характера, заимствованныя изъ указанныхъ выше иностранныхъ журналовъ; но большая часть сочиненій, вошедшихъ въ Трудолюбивую Пчелу, принадлежала самому Сумарокову. Здѣсь печатались его сатиры, эпистолы, элегіи, притчи и басни и нѣкоторыя статьи по языкознанію и исторіи. Вотъ, для примѣра, содержаніе первой генварской книжки: „Государынѣ Вел. княг. Екатеринѣ Алексѣевнѣ (стихи). А. Сумарокова. I) О пользѣ миѳологіи. Козицкаго. II) Разсужденіе о двухъ главныхъ добродѣтеляхъ, которыя писателю исторіи имѣть необходимо должно, т. е. объ искренности и несуевѣрномъ богопочитаніи. Николая Мотониса. III) О первоначаліи и созиданіи Москвы. А. Сумарокова. IV) О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка. А. Сумарокова. V) О стихотворствѣ камчадаловъ. А. Сумарокова. Въ другихъ книжкахъ изъ переводныхъ статей были помѣщены: Десидерія Ерасма Ротердамскаго разговоръ (перев. Мотониса); Лукіана разговоры мертвыхъ (перев. Козицкаго); О разумѣніи человѣческомъ, по мнѣнію Локка; Пришествіе на нашу землю и пребываніе на ней Микромегаса изъ сочиненій г. Вольтера (перев. Сумарокова); О естествѣ, пользѣ и необходимой потребности войны и ссоръ, изъ книги Свифта (перев. Козицкаго). Къ сожалѣнію, Трудолюбивая Пчела издавалась только одинъ годъ. Недостатокъ денежныхъ средствъ у Сумарокова, вслѣдствіе чего у него постоянно происходили неудовольствія съ академической типографіей и частыя столкновенія съ академической канцеляріей, разсматривавшей его статьи, заставили его прекратить изданіе журнала. Прекращая его, онъ выразилъ свою скорбь и негодованіе въ слѣдующемъ стихотвореніи, подъ заглавіемъ: Разставаніе съ Музами:

«Для множества причинъ,
Противно имя мнѣ писателя и чинъ.
Съ Парнаса нисхожу, схожу противу воли,
Во время пущаго я жара моево,
И не взойду, по смерть, я больше на нево:
Судьба моей то доли.
Прощайте, музы, навсегда!
Я болѣе писать не буду никогда».

Трудолюбивая Пчела пользовалась большимъ расположеніемъ читателей, такъ что, по смерти Сумарокова, Академія Наукъ издала ее во второй разъ.

Полезное увеселеніе 1760—1762 г. Подобно Трудолюбивой Пчелѣ, оно имѣло также чисто литературный характеръ и состояло изъ стихотвореній и статей беллетристическихъ. Издателемъ этого журнала былъ М. М. Херасковъ, бывшій въ то время асессоромъ конференціи при Московскомъ университетѣ; участіе въ изданіи принимала и жена его, Елисавета Васильевна; но главными вкладчиками статей въ журналѣ были студенты Московскаго университета; подъ статьями встрѣчаются, между прочимъ, фамиліи Фонъ-Визина, Домашнева, Нартова, Ипполита Богдановича и В. Рубана.

Собраніе лучшихъ сочиненій, къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія, или смѣшанная библіотека о разныхъ физическихъ, экономическихъ, такожъ до мануфактуръ и до коммерціи принадлежащихъ вещахъ, 1762 г. Это былъ сборникъ разныхъ статей изъ иностранныхъ сочиненій; издателемъ его былъ профессоръ Московскаго университета Рейхель, а переводчиками также студенты университета. Издавался сборникъ съ тою цѣлію, чтобы доставить полезное чтеніе тѣмъ людямъ, которые сами не имѣютъ времени ни для чтенія большихъ книгъ, ни для выбора изъ нихъ того, что въ этихъ книгахъ есть лучшаго и полезнаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Начало новаго образованія и новой литературы при Петрѣ В.

Стран.

Характеръ и значеніе реформы Петра В. Связь новаго образованія съ прежнимъ, кіевскимъ и московскимъ. Характеръ новаго образованія. 3.

Путешествія Петра В. по Европѣ и отправленіе туда русскихъ людей для образованія. Сношенія Петра В. съ Лейбницемъ и Вольфомъ. Училища старыя и новыя. Академія Наукъ. . . . . 6.

Переводная литература при Петрѣ В. Общій характеръ и значеніе переводной литературы во время реформы. Переводчики. Личное участіе Петра при переводѣ книгъ. Болѣе замѣчательныя переводныя книги—ученыя, общеобразовательныя и учебныя . . . . 16.

Общій характеръ русской литературы при Петрѣ В. и его преемникахъ до импер. Елисаветы Петровны 24

Духовный Регламентъ. Его содержаніе, характеръ и значеніе въ исторіи литературы . . . . 28.

Литературная дѣятельность Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича. Біографическія свѣдѣнія о Стефанѣ Яворскомъ. Камень вѣры и другія богословскія сочиненія Яворскаго. Проповѣди Яворскаго . . 36.

Сочиненія Ѳеофана Прокоповича. Біографическія свѣдѣнія о Прокоповичѣ. Догматическое Богословіе и другія сочиненія Прокоповича. Проповѣди Прокоповича. Ихъ характеръ и значеніе въ исторіи литературы. 49.

Проповѣди Гавріила Бужинскаго и Симона Кохановскаго . . 62.

Протесты и полемика приверженцевъ старины противъ реформъ и новаго образованія. Полемика по поводу изданія Камня вѣры Яворскаго . . . . 66.

Сочиненія Посошкова. Біографическія свѣдѣнія о Посошковѣ. Завѣщаніе отеческое. Книга о скудости и богатствѣ. Зеркало суемудрія раскольнича . . . . 74.

Стран.

Мемуары, или историческія записки о Петрѣ В. и его царствованіи. Записки о стрѣлецкомъ бунтѣ Матвѣева. Записки Желябужскаго. Записки Крекшина. Записки Неплюева. Историческія сочиненія Шафирова и Манкѣева . . . . 87.

Путешествія русскихъ людей по Европѣ. Журналъ путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи въ 1697—1699 г. Путешествіе стольника П. А. Толстаго. Путешествія Шереметева и Матвѣева . . . . 92.

Сочиненія Татищева. Біографическія свѣдѣнія о Татищевѣ. Труды Татищева по географіи и исторіи. Исторія россійская. Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ. Духовная Татищева . . . . 98.

Стихотворныя и литературныя произведенія въ Петровскую эпоху. Силлабическія стихотворенія, комедіи, трагедокомедіи и интерлюдіи. Повѣсти . . . . 111.

Начало новой поэзіи и художественной литературы. Происхожденіе и характеръ ложно-классическаго направленія въ европейскихъ литературахъ. Внесеніе ложно-классическаго направленія въ русскую литературу. Кантемиръ и Тредьяковскій, какъ первые представители этого направленія . . . . 118.

Сочиненія Кантемира. Воспитаніе и образованіе Кантемира. Служебная дѣятельность Кантемира. Значеніе Кантемира въ исторіи русской литературы. Содержаніе и характеръ сатиръ Кантемира. Характеръ идеала, изображаемаго въ сатирахъ Кантемира. Прозаическія, оригинальныя и переводныя, сочиненія Кантемира . . . . 126.

Сочиненія Тредьяковскаго. Біографическія свѣдѣнія о Тредьяковскомъ. Сочиненія по языку и словесности. Стихотворенія Тредьяковскаго. 145.

Состояніе образованія и литературы въ царствованіе Елисаветы Петровны. . . . . 164.

М. В. Ломоносовъ. Воспитаніе и образованіе Ломоносова въ Россіи и за границей. Профессорская и административная дѣятельность Ломоносова въ Академіи Наукъ . . . . 169.

Значеніе Ломоносова въ русской наукѣ и литературѣ Ученая дѣятельность Ломоносова . . . . 188.

Литературная дѣятельность Ломоносова. Сочиненія по языку и словесности. Поэтическія сочиненія. Труды Ломоносова по русской исторіи. Столкновенія его съ Миллеромъ и Шлецеромъ . . . . . . 198.

А. П. Сумароковъ. Біографическія свѣдѣнія о Сумароковѣ. Начало русскаго театра. Сумароковъ, какъ первый драматическій писатель и первый директоръ русскаго театра . . . . 221.

Стран.

Трагедіи, комедіи, сатиры и другія сочиненія Сумарокова . . 224.

Сумароковъ, какъ издатель литературнаго журнала и какъ первый литературный критикъ. Общій характеръ и значеніе сочиненій Сумарокова . . . . 247.

Заслуги въ области драматическаго и театральнаго искусства Волкова и Дмитревскаго. Хроника русскаго театра Носова . . . . . 259.

Мемуары, или историческія записки, относящіяся къ царствованію Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны Записки княгини Долгорукой, Нащокина, князя Шаховскаго и Данилова . . . . 263.

Ученая литература. Сочиненія по русской географіи и исторіи. Начало въ русской исторической наукѣ двухъ теорій происхожденія Руси. Историческія сочиненія Тредьяковскаго, Ломоносова и Сумарокова. Историческіе труды Байера, Миллера, Шлецера и др. . . . 271.

Сочиненія по философіи и другимъ наукамъ. Ученая и литературная дѣятельность Поповскаго, Аничкова, Брянцева и др. . . . . 286.

Сочиненія по словесности и языкознанію. Ученая и литературная дѣятельность Барсова. Грамматики и словари по разнымъ языкамъ. Первые опыты по исторіи русской литературы . . . . 291.

Переводная литература въ Елисаветинскую эпоху. Общій характеръ переводческой дѣятельности. Главные переводчики и наиболѣе замѣчательныя переводныя сочиненія . . . . 298.

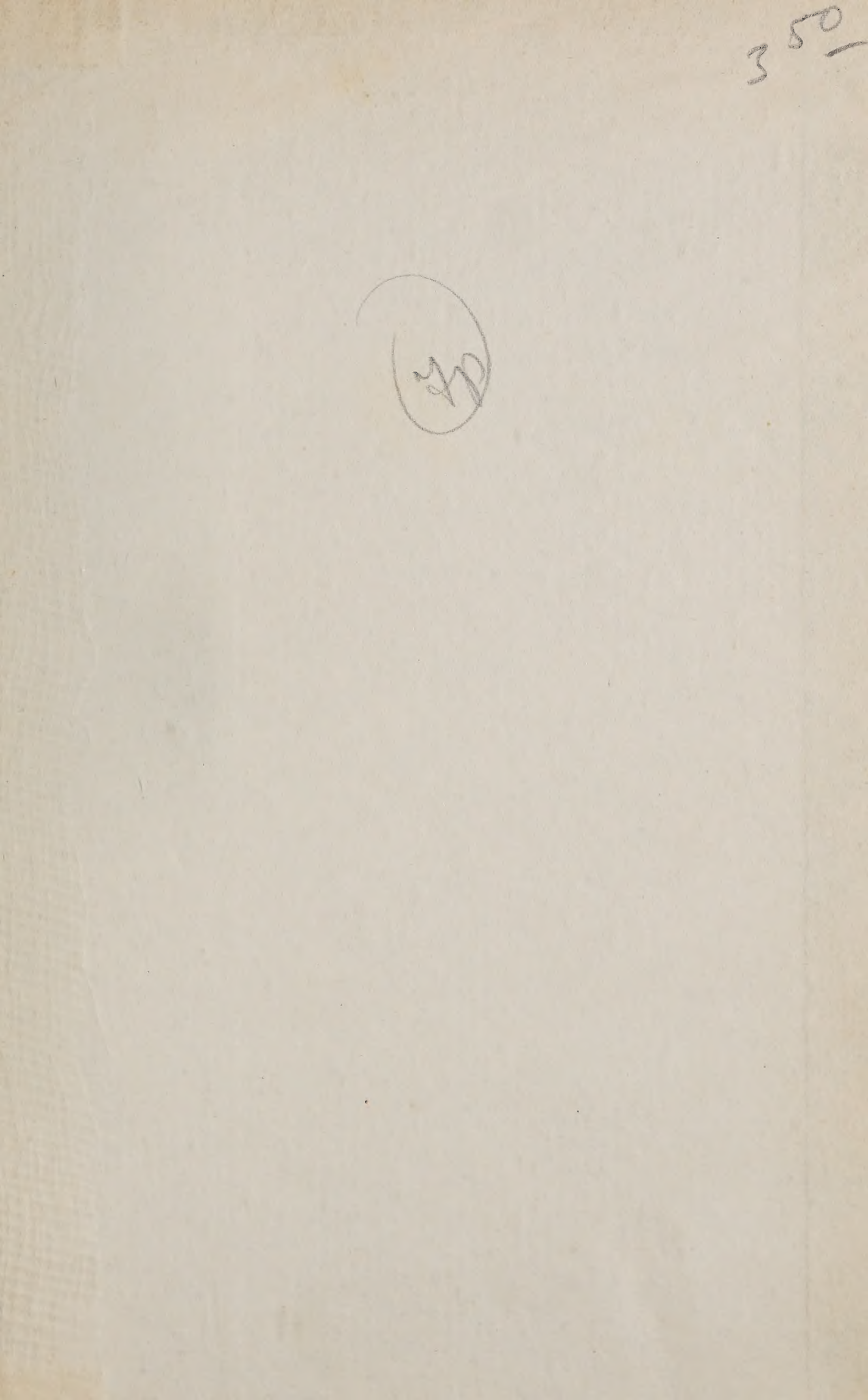
Духовная литература. Состояніе духовнаго образованія въ Елисаветинскую эпоху. Характеръ и значеніе проповѣди въ эту эпоху . . 303.

Проповѣди Амвросія Юшкевича, Кирилла Флоринскаго, Стефана Калиновскаго, Димитрія Сѣченова и Гедеона Криновскаго . . . . 306.

Разныя духовныя, оригинальныя и переводныя, сочиненія . . 323.

Драматическія духовныя піэсы въ Елисаветинскую эпоху . . 326.

Газеты и журналы въ первой и началѣ второй половины XVIII в. 333.



00055172729
UNIVERSITY OF N.C AT CHAPEL HILL